

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева

Моравская Тшебова, 2-го января 1924 г. [1]

С Новым годом, дорогой Андреюшка,

Нашли ли портфель? Какой подарок мне надумали? Желаю Вам в 1924 г. научиться говорить: со мной одной [2]. (С остальными не нужно!) Ходите ли на мою горку? [3] Это моя горка! Пишу про нее стихи [4].

Только что видалась с Вашим братом [5], разглядев его близко убедилась, что он похож на Б. Пастернака [6] (моего любимого поэта!). Рассказывал мне о Праге. Напишите мне два слова, вернусь около 10-го. Мой адрес: Moravska Třebova, Rusky Taboř, гимназия, В.А. Богенгардту [7], для меня.

МЦ.

Впервые – Русская мысль. Париж. 1992. 16 окт., спец. прилож. (публ. Л.А. Мнухина). СС-6. С. 655. Печ. по СС-6.

2–24. А.В. Бахраху
Прага, 10 нового января 1924 г.

Милый друг,

Когда мне было 16 лет, а Вам 6 или вроде, жила на свете женщина, во всем обратная мне: Тарновская [8]. И жил на свете один человек, Прилуков – ее друг, один из несчетных ее любовников.

Когда над Тарновской – в Ницце ли, в Париже, или еще где – собирались грозы – и грозы не шуточные, ибо она не шутила – она неизменно давала телеграмму Прилукову и неизменно получала все один и тот же ответ: J'у pense {1}. (С Прилуковым она давно рассталась. Он жил в Москве, она везде.)

Прилуков для меня наисовершеннейшее воплощение мужской любви, любви вообще. Будь я мужчиной, я бы была Прилуковым. Прилуков мирит меня с землей, это уже небо.

Итак, если Вы, мой друг, имеете в себе возможность дорасти до Прилукова, если на каждый мой вопль – J'у pense (всегда, везде), если поборота земная ревность, если Вы любите меня всю, со всем (всеми!) во мне, если Вы любите меня выше жизни – любите меня!

Обращаюсь к Вашим 20-ти годам, будь Вы старше – я бы от Вас этого не ждала (жду). Я хочу Вам дать возможность стать ЛЮБЯЩИМ, дать Вам стать самой любовью – пусть через меня.

Вы пишете о дружбе. Маленький мой мальчик, это самообман. Какой я друг? Я подруга, а не друг. Как подруга задумана. Вы пишете еще о любви к другой. Я – другого. Вы – другую. Зачем тогда?! Женитесь на другой, «живите» с другими, живите – другими, но любите – меня. Иначе ведь бессмысленно.

Слушайте: я конечно хочу от Вас чуда, но Вам 21 год, а я поэт. Кроме того, это на свете было: не взаимная любовь на двух концах света, а любовь единоличная, одного. Человек всю любовь брал на себя, ничего для себя не хотел кроме как: любить. Он сам был любовь.

Я сама так любила 60-летнего князя Волконского, не выносившего женщин. Всей безответностью, всей беззаветностью любила и, наконец, добыла его – в вечное владение! Одолела упорством любви. (Женщин любить не научился, научился любить любовь.) Я сама так любила (16-ти лет) Герцога Рейхштадтского, умершего в 1832 г., и четырех лет – актрису в зеленом платье из «Виндзорских проказниц» [9], своего первого театра за жизнь. И еще раньше, лет двух, должно быть, куклу в

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
зеленом платье, в окне стеклянного пассажа, куклу, которую все ночи видала во
сне, которой ни разу – двух лет! – вслух не пожелала, куклу, о которой может
быть вспомню в смертный час.

я сама – любящий. Говорю вам с *connaissance de cause* (*de coeur!*) {2}.

Не каждый может. Могут: дети, старики, поэты. И я, как поэт, т.е. конечно дитя и
старик! – придя в мир сразу избрала себе любить другого. Любимой быть – этого я
по сей час не умела. (То, что так прекрасно и поверхностно умеют все!)

Дайте мне на сей раз быть любимым, будьте любящим: УСТУПАЮ ВАМ БЛАГУЮ ДОЛЮ.

Милый друг, я очень несчастна. Я рассталась с тем, любя и любимая, в полный
разгар любви, не рассталась – оторвалась! В полный разгар любви, без надежды на
встречу [10]. Разбив и его и свою жизнь. Любить сама не могу, ибо люблю его, и
не хочу, ибо люблю его. Ничего не хочу, кроме него, а его никогда не будет. Это
такое первое расставание за жизнь, потому что, любя, захотел всего: жизни:
простой совместной жизни, то, о чем никогда не «догадывался» никто из меня
любивших. – Будь моей. – И мое: – увы! –

В любви есть, мой друг, ЛЮБИМЫЕ и ЛЮБЯЩИЕ. И еще третье, редчайшее: ЛЮБОВНИКИ.
Он был любовником любви. Начав любить с тех пор, как глаза открыла, говорю:
Такого не встречала. С ним я была бы счастлива. (Никогда об этом не думала!) От
него бы я хотела сына. (Никогда этого не будет!) Расстались НАВЕК, – не как в
книжках! – потому что: дальше некуда! Есть: комната (любая!) и в ней: он и я,
вместе, не на час, а на жизнь. И – сын.

Этого сына я (боясь!) желала страстно, и, если Бог мне его не послал, то,
очевидно, потому что лучше знает. Я желала этого до последнего часа. И ни одного
ребенка с этого часа не вижу без дикой растрavy. Каждой фабричной из предместья
завидую. И КАК – всем тем, с которыми он, пытаюсь забыть меня, будет коротать и
длить (а может быть уже коротает и длит!) свои земные ночи! Потому что его дело
– жизнь: т.е. забыть меня. Поэтому я и молиться не могу, как в детстве: «дай
Бог, чтобы он меня не забыл», – «забыл!» – должна.

И любить его не могу (хотя бы заочно!) – потому что это и заочно не дает жить,
превращается (любимому) в сны, в тоску.

я ничего для него не могу, я могу только одно для него: не быть.

А жить – нужно. (Сережа, Аля.) А жить – нечем. Вся жизнь на до и после. До {3} –
все мое будущее! Мое будущее – это вчера, ясно? Я – без завтра.

Остается одно: стихи. Но: вне меня (живой!) они ему не нужны (любит Гумилева, я
– не его поэт!) [11] Стало быть: и эта дорога отпадает. Остается одно: стихи:
моря, снега, ветра. Но все это – опять в любовь. А любовь – только в него!

Друг, Вы теперь понимаете, почему мне необходимо, чтобы Вы меня любили.
(Называйте дружбой, все равно.) Ведь меня нет, только через любовь ко мне я
пойму, что существую. Раз Вы все время будете говорить: «ты... твоё... тебя», я
наконец, пойму, что это «ты» – есть. Раньше: «люблю, стало быть существую»,
теперь: «любима, стало быть...»

Ваша любовь ко мне будет добрым делом, почти что воскрешением из мертвых. И от
Вашей любви ко мне я когда-нибудь, в свой час, попрошу еще большего. Но речь об
этом – в свой час.

Есть стихи, – мало. Читали ли мое «Приключение»? (в «Воле России») [12]. Пришлю.
И, кажется, еще из моих «Земных Примет» скоро будет напечатано. Тоже пришлю. В
феврале или марте выйдет моя сказка «Молодец», здесь, в Праге [13]. Одна из
любимых моих вещей.

Получив Ваш ответ, обращусь к Вам с одним предложением (советом, требованием,

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru (просьбой), касающимся в равной мере и Вас и меня. Вещь, которой Вы увлечетесь. Но до оглашения ее мне нужен Ваш ответ.

Rue Bonaparte, 52 bis. Между площадями St. Sulpice и St. Germain des Prés. Часто, в задумчивости, входила в противоположную дверь, и привратница, с усмешкой: «Mademoiselle se trompe souvent de porte» {4}. (Так я, может быть, случайно вместо ада попаду в рай!) Любовь к Наполеону II и одновременно – к некоему Monsieur Maurice, 18-ти лет, кончающему collégien {5}. И еще – к Mademoiselle James, professeur de langue française {6}, 30-летней женщине, с бешеными глазами.

– «Aimez-Vous Edmond Rostand, Madame?» {7}

(Я, из восхищения... и здравого смысла не могла ей говорить Mademoiselle.)

И она, обеспокоенная:

– «Est-ce que j'ai une tête á aimer Rostand?» {8}

Нет, tête {9} у нее была не роستانовская, скорее бестиальная: головка змеи с низким лбом: Кармен!

Когда же я – 16-ти лет, из хорошего дома и в полной невинности – не удержавшись, целовала ей руки:

– «Quelle drôle de chose que ces jeunes filles russes! Etes-vous peut-être poète en votre langue?» {10}

Итак, до письма.

Знаете ли Вы, что последняя строчка моя к Вам (так и осталась без предыдущих!) была:

«ДО СВИДАНИЯ, ТО ЕСТЬ: ДО СТРАДАНИЯ!»

МЦ

Впервые письма М. Цветаевой к А. Бахраху были опубликованы адресатом писем с большими купюрами в журнале «Мосты», Мюнхен, 1960, № 5. С. 304–318 и 1961, № 6, С. 319–341. Полностью – Новый Журнал, 1990, № 180. С. 215–253 и 1991, № 181, С. 98–138. с неточностями и без комментариев (публ. А. Тюрина). Полностью (с исправлением неточностей и научным комментарием) Литературное обозрение, 1991, № 8, С. 99–109; № 9, С. 102–112; № 10, С. 100–112 (публ. Дж. Малмстада). СС-6. С. 557–626 (по предыдущей публикации с небольшими исправлениями). Печ. по СС-6. С. 620–623.

3–24. Б.Л. Пастернаку
январь 1924 г. [14]

Пастернак, полгода прошло, нет, уже 8 месяцев! – я не сдвинулась с места, так пройдут и еще полгода, и еще год если еще помните! [15] Срывалась и отрывалась – только для того, очевидно, чтобы больнее и явное знать, что вне Вас мне ничего не найти и ничего не потерять. Вы, моя безнадежность, являетесь одновременно и всем моим будущим, т.е. надеждой. Наша встреча, как гора, сползает в море, я сначала приняла ее (в себе) за лавину. Нет, это надолго, на годы, увижусь или не увижусь. У меня глубокий покой. В этой встрече весь смысл моей жизни, думаю иногда – и Вашей. Просто: читаю Ваши книги и содрогаюсь от соответствия. По этому ни одна строка, написанная с тех пор, Вас не миновала, я пишу и дышу в Вас (как цель, место куда пишешь). Я знаю, что когда мы встретимся, мы уже не расстанемся. Я vorfühlende {11}. Как это будет в этих мирах, не знаю, – как-нибудь! – это случится той силой горы.

Это не одержимость и не наваждение, я не зачарована, а если зачарована – то навек, так что и на том свете не проснусь, не очнусь. Если сон снится всю жизнь какое нам дело, что это сон, ведь примета сна – преходящность.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Я хочу говорить Вам просто и спокойно, – ведь 8 месяцев, подумайте, день за днем! Всякая лихорадка отпустит. Когда мне плохо, я думаю: Б.П., когда мне хорошо, я думаю Б.П., когда Музыка – Б.П., когда лист слетает на дорогу – Б.П., Вы мой спутник, моя цель и мой оплот, я не выхожу из Вас. Всё, и болевое, и пропуск одного слова, с удесятеренной силой отшвыривает меня к Вам на грудь, в грудь, я не могу выйти из Вас, даже когда оборвано

О внешней жизни. Я так пыталась любить другого [16], всей волей любви, но тщетно, из другого я рвалась, оглядывалась на Вас, заглядывалась на Вас (как на поезд заглядываются, долженствующий появиться из тумана). Я невиновна в том, что я оборвано, я всё делала, чтобы это прошло.

Так было, так есть, так будет.

Я не жду Ваших писем, отпуская Вас тогда, я отпускала Вас на два года, на все эти дни этих двух годов, на все часы. Мне эти годы, часы, дни нужно проспять. Сон работа, сон – пропуск одного слова, любовь к другому. Тревожиться и ждать Вас я начну, хотела сказать 31-го апреля нет, 30-го марта 1925 г. Это – ставка моей жизни, так я это вижу.

Смешно мне, не отвечающей ни за час, загадывать на годы, но вот полугодие уже есть. Так придут и остальные три.

Другими чернилами; вероятно, предварительный конспект этого письма:

Не хочу сказать больше, чем есть, но: некое чувство обреченности друг на друга, просто: иначе не может быть. Вокруг меня огромные любовные вихри, Вы моя единственная неподвижность (во мне, все то – во вне, это во мне). О внешней жизни не рассказываю, т.е. о жизни моей в днях, – много всего! все настоящее, но из каждых рук рвусь в Вас, оглядываюсь на Вас. Встреча с Вами – весь смысл моей жизни здесь на земле (есть и иные смыслы). Знайте, что то, что удерживает, заграждает мне Вас, так же велико, громадно, безнадежно – как Ваше. Мы во всем равны здесь оборвано

Впервые – Души начинают видеть. С. 68–70. Печ. по тексту первой публикации. В НСТ, с. 279 – черновой набросок этого письма (см. письмо За-24).

За-24. Б.Л. Пастернаку
Январь 1924 г.

(Карандашом, очень сокращенно)

Пастернак, полгода прошло, – нет, уже 8 месяцев! – я не сдвинулась с места, так придут и еще полгода, и еще год – если еще помните! Срывалась и отрывалась только для того, очевидно, чтобы больнее и явнее знать, что вне Вас мне ничего не найти и ничего не потерять. Вы, моя безнадежность, являетесь одновременно и всем моим будущим, т.е. надеждой. Наша встреча, как гора, сползает в море, я сначала приняла ее (в себе) за лавину. Нет, это надолго, на годы, увижусь или не увижусь. Во мне глубокий покой. В этой встрече весь смысл моей жизни, думаю иногда и Вашей. Просто: читаю Ваши книги и содрогаюсь от соответствия. Поэтому – ни одна строка, написанная с тех пор, Вас не миновала, я пишу и дышу – в Вас (место – куда дышишь. In Sie). Как это будет в этой жизни не знаю как-нибудь – это случится той силой юры.

Если сон снится всю жизнь – какое нам дело (да и как узнать?) что это – сон? ведь примета сна – преходящность.

Восемь месяцев, подумайте, день за днем! Всякая лихорадка отпустит. Когда мне плохо, я думаю: Б.П., когда мне хорошо, я думаю: Б.П. (Б.П., мне не бывает «хорошо», – либо плохо, либо блаженно!) когда музыка: – Б.П., когда лист слетает на дорогу – это просто Вы, Вы мой спутник, моя цель и мой оплот, мой оборот на. Я не выхожу из Вас, хотя и оборачиваюсь. Всё, и болевое, и блаженное с удесятеренной силой отшвыривает меня к Вам на грудь, в грудь, я не могу выйти из

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Вас даже когда фраза не окончена

О внешней жизни. Я так пыталась любить другого, всей волей любить? но тщетно, из рук другого я рвалась, оглядывалась на Вас, заглядывалась на Вас – как на поезд заглядываешь долженствующий появиться из тумана и который хочешь-не хочешь – увезет. Я не виновата в том, что фраза не окончена. Я всё делала чтобы не фраза не окончена

Так было, так есть, так будет.

Я не жду Ваших писем, отпуская Вас тогда я отпускала Вас на два года, на все дни, на каждый день этих двух годов, на каждый час. Мне эти годы, часы, дни просто нужно проспять. Сон работа, сон – природа, сон – любовь к другому. Тревожиться и ждать Вас я начну – хотела сказать 31-го апреля, нет, честно: 30-го марта 1925 г.

Смешно мне, не отвечающей за час, загадывать на годы, но вот – полугодие уже есть. Так пройдут и остальные три.

Впервые – НСТ, С. 279. Печ. по этому изданию.

4-24. К.Б. Родзевичу
Прага, 15 января 1924 г.

Мои родной.

Слышу, что Вы больны. Если будете лежать – позовите меня непременно. Решение не видеться не распространяется ни на Вашу болезнь, ни на мою. Вы больной и недостижимый для меня, это больше, чем я могу вынести. Не бойтесь моей безмерности: побаюкаю, посижу, погляжу.

Живу снами о Вас и стихами к Вам, другой жизни нет. Снитесь мне каждую ночь, это сладкая пытка. Сон под Новый (24 г.) записан. Снился он мне, очевидно, в тот час, когда Вы еще не уходили с острова.

Но не хочу (не должна!) о себе, хочу о Вас и о Вашем здоровье. На днях направлю Вам немного денег. Эти деньги – мои, о них никто не знает, сознание, что я хоть чуточку облегчаю Вашу внешнюю жизнь (которая мне дороже всех внутренних, моей в том числе!) моя единственная радость. Вы ее у меня не отнимите.

Часто, проходя мимо какой-нибудь витрины – соблазн, который тотчас же перебарываю. В вещах, даже самых новых – всегда что-то личное: личность выбора, направленность вещи на Вас. Это бы Вас растравляло, и этого не надо.

Благодарна Вам каждый миг своей жизни. Вся любовь, вся душа, все мысли с Вами. Когда кто-нибудь передает от Вас привет, сердце останавливается.

М.

– Нашелся чабров! [17] Завтра же пишу ему, чтобы разложил карты: на Вас и на меня (отдельно, не предупреждая). Гадания пришлю.

16-го января.

Друг, простите мне эту слабость, слишком больно.

Ночью внезапно просыпаюсь: луна во всю комнату, в ушах слова: «Еще третьего дня он говорил мне, что я ему ближе отца и матери, ближе всех». И мое: «Ложь! Неправда! Милее, новее, желаннее, пусть! Но ближе – нет!»

(Это Булгакова [18] говорила в моем сне).

Кстати, отсутствие великодушия или чутья? Вчера я, не удержавшись, сдержанно: «Ну, как Радзевич?»

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Большая пауза, и ледяным тоном: «Он болен». Я, выдерживая паузу: – «Чем?» – «Невроз сердца». – «Лежит?» – «Нет, ходит».

И, не пережидая вопроса: «Марина Ивановна, я бы очень хотела прочесть Вашу прозу», и т.д.

Ах, мою прозу хочешь прочесть, а ПОЭМУ моей жизни нет?!

О, Радзевич, клянусь, будь я на ее месте я бы так не поступала! Это то же самое, что запрещать нищему смотреть на дворец, которым он вчера еще владел. Во мне негодование встало. Ведь, если она что-нибудь понимает, она должна понять, что один вид ее для меня нож, что только мое исконное спартанство, а может быть и мысль, что обижая ее, я обижу Вас, заставляет меня не прекращать этого знакомства.

Потом среди совсем уже другого разговора, отчеканивая каждый слог: «Я забыла сказать, что Радзевич просил передать Вам привет».

– Надо вытереть окно, сказала я, – ничего не видно! И, достав платок, долго-долго протирала все четыре стеклянных квадрата. – Слезы залили всё лицо. –

Посмертная ревность? Но тогда не ходи на могилу к мертвецу и не проси у него песен.

«Молодца» я ей все-таки прочла, как всегда буду делать все, что она попросит – во имя и в память Вашу.

Но перебарывая одну за другой все «земные» страсти (точно есть – небесные!) я скоро переборю и самую землю. Это растет во мне с каждым днем. Мне здесь нечего делать без Вас, – Радзевич! Я недавно смотрела «Женщину с моря» [19] – слабая вещь и фальшивая игра – но я смотрела ее в абсолюте, помимо автора и исполнителей. Обычная семейная трагедия: женщина: справа – долг, слева – любовь. Любовь – моряк, а сама она «с моря».

Глядя на нее (я пьесы не знала) я все время, всем гипнозом желания своего, подсказывала: – «Ни с тем, ни с другим, – в море!».

Радзевич, не обвиняйте меня в низости и не судите раньше срока.

Надо кончать. Пишу Вам, как пью. Простите этот срыв. Я точно на час была в раю.

Что не пишете – хорошо. Всё хорошо – что делаете. Теперь, издалека, еще лучше вижу Вас. Вы были правы: всегда: во всем.

Итак, если заболите (будете лежать) позовете? Не болейте, мое солнышко, будьте здоровы, веселы, знайте, что моя любовь всегда с Вами, что все Ваши радости – мои. На расстоянии это возможно.

М.

Просьба: не слушайте ничьих рассказов обо мне. Человек в разлуке мертвец: без ПРАВА ЗАЩИТЫ.

«А на его могилке растут цветы, значит ему хорошо», – вот всё, что в лучшем случае, Вы обо мне услышите. Не давайте встать между нами третьему: жизни. И еще просьба: не рассказывайте обо мне Булгаковой, не хочу быть вашей совместной собственностью.

Посылаю Вам посылочку. Не сердитесь. Больше писать не буду.

На полях:

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Единственное, чем я сейчас (во внешнем мире) дорожу, это мое пальто, которое люблю, как живого.

И еще – тот лев. Другой брошки у меня никогда не будет, надеюсь – что и пальто.

Впервые – Письма к Константину Родзевичу. С. 145–149. Печ. по тексту первой публикации. В НСТ, С. 282–284 – вариант письма (см. 4а-24).

4а-24. К.Б. Родзевичу
15 января 1924 г.

Мой родной.

Слышала от Булгаковой, что Вы больны. Если будете лежать – позовите меня непременно. Решение не виде?ться не распространялось? ни на Вашу болезнь, ни на мою. Вы – больной, и под запретом для меня – это больше чем я могу вынести. Не бойтесь моей безмерности, буду с Вами, какой Вы захотите.

Живу снами о Вас и стихами к Вам, другой жизни нет. Снитесь мне каждую ночь. Сон под Новый (1924 г.) записан. Снился он мне, очевидно, в тот час, когда Вы с кем-то чем-то развлекались на острове (потом это зачеркнуто и взамен:) еще не уходили с острова.

Но не хочу (не должно!) о себе, хочу о Вас и о Вашем здоровье. На днях пришлю Вам немного денег, Вы мне родной, эти деньги – мои, о них никто не знает, мысль о том, что я хоть чем-нибудь могу скрасить Вашу внешнюю жизнь моя единственная радость, Вы у меня ее не отнимайте, за нее Вам Бог – всё простит.

Благодарна Вам каждый миг моей жизни. Вся любовь, вся душа, все мысли – с Вами. Когда кто-нибудь передает от Вас привет закусываю себе губы в кровь. Не переставайте передавать приветов, это фраза не окончена

P.S. Нашелся Чабров! Завтра же пишу ему чтобы разложил карты: на Вас и на меня (отдельно, не предупреждая). Гадание пришлю.

Друг; простите эту слабость, слишком больно.

Ночью внезапно просыпаюсь: луна во всю комнату, в ушах слова: – «Еще третьего дня он говорил мне, что я ему ближе отца и матери, ближе всех». И первое: «Ложь! Неправда! Милее, дороже, желаннее пусть! Но ближе – нет!» (Это Булгакова говорила? в моем сне.)

Кстати, отсутствие великодушия или чутья? Вчера я, не удержавшись, и очень сдержанно: – Ну как Родзевич?

Большая пауза, и ледяным тоном:

– Он болен.

Я, выдерживая? паузу: – Чем?

– Невроз сердца.

– Лежит?

– Нет ходит.

И, не переждав моего следующего вопроса: – «Марина Ивановна, я бы очень хотела прочесть Вашу прозу...» и т.д. Ах, ты мою прозу хочешь прочесть, а ПОЭМУ моей жизни – нет?!

О, Родзевич, клянусь, будь я на ее месте я бы так непоступала?! Это то же самое, что запрещать нищему смотреть на дворец, который у него вчера продали с молотка. Нововладельчество во всей его грубости и мерзости. Право последнего. Право

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru присутствия. Во мне негодование встало. Ведь, если она хоть что-нибудь понимает, она должна понимать, что каждое ее посещение – один вид ее! – для меня нож, что только мое исконное спартанство и – может быть мысль что обижая ее я обижаю Вас – заставляет меня не прекращать этого знакомства.

Потом, среди соевем уже другою разговора, отчеканивая каждый слог:

– Я забыла сказать, что Родзевич просил передать Вам привет.

– Надо вытереть окно, сказала я, ничего не видно.

И достав носовой платок долго-долго протирала все четыре стеклянных квадрата.

Посмертная ревность? Но тогда не ходи к пропуск одного слова на могилу и не проси у него песен.

Молодца я ей все-таки прочла, как всегда буду делать всё, о чем Вы попросите – во имя Ваше и в память Вашу.

Но перебарывая одну за другой все «земные» страсти (точно есть – небесные!) я скоро переборю и самую землю. Это растет во мне с каждым днем. Мне здесь нечего делать без Вас. – Родзевич! – Я недавно смотрела «Женщину с моря» – слабая пьеса и фальшивая игра – но я смотрела ее в абсолюте, помимо автора и исполнителей. Обычная семейная трагедия: справа – долг, слева – любовь. Любовь – моряк, а сама она «с моря». И вот, Родзевич, она остается.

Глядя на нее (я пьесы не знала) я всё время, всем гипнозом своим подсказывала: – Ни с тем, ни с другим, – в море!

Родзевич, не обвиняйте меня в низости и не судите до срока.

Итак, если заболете (будете лежать) позовете? О, я ни в чем не нарушу покоя Вашей души. Кроме того, увидев Вас, просто увидев, услышав – нет, это такое счастье, которого я даже не могу мыслить.

Не болейте, мое солнышко, будьте здоровы, веселы, знайте, что моя любовь всегда с Вами, что все Ваши радости – мои. На расстоянии это возможно.

Целую Вашу руку в ладонь.

М.

Просьба: не слушайте никаких рассказов обо мне. Я сейчас в Вашей жизни – мертвец: без ПРАВА ЗАЩИТЫ.

«А на его могилке растут цветы, значит ему хорошо» – это всё, что, в лучшем случае, Вы обо мне услышите. Не давайте вставать между нами (полнотою фактического незнания и полнотою внутреннего знания) третьему лицу: жизни. И еще просьба: не рассказывайте обо мне Булгаковой: не хочу быть Вашей совместной собственностью.

(«Et dites-vous parfois mon nom dans un baiser...» Mademoiselle de Maupin. {13} [20] Пометка 1933 г.)

Посылаю Вам посылочку. Не сердитесь. Больше писать не буду.

Впервые – НСТ, с. 282 284. Печ. по указанному изданию.

5–24. В Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции [21] Прага, 4-го марта 1924 г.

В Парижский Комитет помощи русским писателям и ученым:

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Ссуду в размере 275 французских франков (400 чешских крон) с благодарностью
получила.

Марина Цветаева

Впервые – СС-6, С. 662. Печ. по тексту первой публикации.

6-24. А.А. Чаброву
Март 1924 г.

(Не Родзевичу)

Вы хотите перейти через жест, я хочу перейти через слово, – не хочу слов
(обычной монеты), не хотите жеста (своей обычной) – из какой-то гордости. Слово
со всеми, жест – со всеми, хотим говорить друг с другом на чужом (его) языке.

Я нашла формулу: меня притягивает к Вам Ewig-Weibliche {12}.

Мы с Вами заблудились в Pays du Tendre {14}, – видите – немалая страна! (Malá
Strana! {15})

et son amitié encore qui était plus grande que son amour {16}.

Впервые – НСТ. С. 291. Печ. по тексту первой публикации.

7-24. К.Б. Родзевичу
Прага, 26-го марта 1924 г.

Дружочек дорогой,

Временный денежный затор, – не объясняйте забвением!

МЦ.

Впервые – Письма к Константину Родзевичу. С. 153. Печ. по тексту первой
публикации.

8-24. Р.Б. Гулю
Прага, 30-го марта, воскресенье 1924 г.

Милый Гуль,

Какой у Вас милый, тихий голос в письме, все интонации слышны, – кроткие. Как я
тронута, что Вы меня вспомнили – с весной, есть особая память: по временам года?

Помню один хороший вечер с Вами – в кафе. Вы всё гладили себя против шерсти, и я
потом украла у Вас этот жест – в стихи [22]. Тому почти два года: из России я
выехала 29-го апреля 1922 г. [23] Скучаю ли по ней? Нет. Совсем не хочу назад.
Но Вас, мой безрадостный и кроткий Гуль, понимаю. Редактируете «Накануне»? [24]
Не понимаю, но принимаю, потому что Вы хороший и дурного сделать не можете.

Вам, конечно, нужно в Россию, – жаль, что когда-то, в свое время, не попали в
Прагу, здесь хорошо, я ее люблю.

У меня, Гуль, эту зиму было мною слез, а стихов – мало (сравнительно). Несколько
раз совсем отчаивалась, стояла на мосту и заклинала реку, чтобы поднялась и
взяла. Это было осенью, в туманные ноябрьские дни. Потом река замерзла, а я
отошла... понемножку. Сейчас радуюсь весне, недавно сторожила ледоход, не
усторожила, – лед тронулся ночью. И – ни одной просини, прозелени: у нас ледоход
синь! [25] Здесь цвета пражского неба. Но все-таки хорошо, когда лед идет.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Странно, что в Россию поедете, Где будете жить? В Москве? Хочу подарить Вам своих друзей – Коганов, целую семью, все хорошие. Там блоковский мальчик растет – Саша, уже большой, три года [26]. Это очень хороший дом. Вам там будет уютно. Повезете мою книгу – поэму «Молодец», через неделю начнет печататься в здешнем издательстве «Пламени». Надеюсь, что выйдет до Вашего отъезда, непременно Вам пришло.

С прозой – ничего: лежит. Лежит и целая большая книга стихов, после России, за два года. Много чего лежит, в Праге одно единственное издательство, и все хотят печататься. Предполагается целый ряд альманахов, в одном из них появится моя злополучная статья «Кедр» {17} [27]. У Волконского новая книга «Быт и бытие», ряд мимолетных вечностей, вечных мимолетностей. Хорошая книга [28].

А помните Сережину – «Записки добровольца»? (Не читали, но я Вам о ней писала.) [29] Огромная книга, сейчас переписывается, оттачивается. Есть издатель, удивитесь, когда узнаете кто, сейчас не скажу, – боюсь сглазить. Вы эту книгу будете любить, очень хотелось бы переслать ее Вам в Россию.

Когда собираетесь? Только что перечла Ваше письмо, думала осенью, оказывается – весной. Когда весной? Передам через Вас письма Пастернаку и Коганам, посмотрите обоих мальчиков, блоковского и пастернаковского, напишете мне. Мне очень важен срок Вашего отъезда, и вот почему: месяца три назад послала Пастернаку стихи: много, большая работа. Не дошли. В почту не верю, ибо за 2 года ни на одно свое письмо в Россию не получила ответа. Сейчас посылаю те же стихи Любовь Михайловне [30], с мольбой об оказии, верной, личной, потому что не только стихи, но письмо, очень важное, первое за год, ответ на его через нее полученное.

Невозможно же переписывать в третий раз!

Хорошо бы, если бы снесли с Любовью Михайловной. Она скоро уезжает из Берлина.

Стихов новых не посылаю, милый Гуль, потому что, очень занята перепиской, но до Вашего отъезда непременно пришлю «Поэму горы», написанную этой зимою. Хорошо бы «Молодец» вышел до Вашего отъезда.

Гуль, дружу с эсерами, – с ними НЕ душно. Не преднамеренно с эсерами, но так почему-то выходит: широк, любит стихи, значит эсер. Есть еще что-то в них от старого (1905 г) героизма. Познакомилась с Керенским, – читал у нас два доклада [31]. Вручила ему стихи свои к нему (1917 г.) и пастернаковские [32]. Взволновался, дошло.

Мне он понравился: несомненность чистоты. Только жаль, жаль, жаль, что политик, а не скрипач. (NB! Играет на скрипке.)

С правыми у меня (как и у Сережи) – холод. Тупость, непростительнейший из грехов! Сережа во главе студенческого демократического союза IV – хороший союз, если, вообще, есть хорошие. Из 1-го безвозвратно ушел. Дружу еще с сыном Шингарева [33] – есть такие святые дети. 29 лет, с виду 18 лет: – мальчик. Уединенный. Весь – в 4-ом измерении. Туберкулез. Сейчас в Давосе.

Да: Как вы думаете, купит ли Госиздат мою последнюю книгу стихов? Именно: купит, а не: возьмет. Меня там, два года назад, очень любили, больше, чем здесь. Но я, очевидно, не возобновив советского паспорта – эмигрантка? Как быть? Посоветуйте. Не хочется переписывать целой большой книги, да еще по-новому, на авось. И, вообще, корректно ли?

– Надоели деления!

В Госиздате (московском) у меня большой друг П.С. Коган, по крайней мере – тогда был (в Госиздате – и другом).

Конечно, эта книга для России, а не для заграницы, в России, объевшись фальшью идей, ловят каждое новое слово (звук), – особенно бессмысленные! Здесь еще роман с содержанием: не отчаялись в логике!

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Стихи, Гуль, третье царство, вне добра и зла, так же далеки от церкви, как от науки. Стихи, Гуль, это последний соблазн земли (вообще – искусства!), ее прелестнейшая плоть. Посему, все мы, поэты, будем осуждены.

Пишите мне. Поэму Пастернака [34] очень хочу, но – откуда? Скоро пришлю свою.

МЦ.

Пражский адрес на обороте. Действенен до конца мая.

Приписки на полях:

– О чем Ваши новые книги? Названия? –

– Эсеры, это – Жиронда [35], Гуль, – а?

Впервые – Новый журнал, 1986, № 165, с. 284–287. СС-6, с. 532–534. Печ. по СС-6.

9–24. Р.Б. Гулю

Прага, 6-го апреля 1924 г.

Дорогой Гуль,

Вот письмо Пастернаку [36]. Просьба о передаче лично, в руки, без свидетелей (женских), проще – без жены.

Иначе у Пастернака жизнь будет испорчена на месяц, – зачем?

Если тот, кто поедет – настоящий человек, он поймет и без особого нажима. Некоторые вещи неприятно произносить.

Письмо – без единой строчки политики, – точно с того света. На Ваше большое милое письмо, только что полученное, отвечу на днях.

МЦ

Адрес Пастернака:

Москва, Волхонка, 14, квартира 9.

Тот знакомый (который поедет) может быть просто назначит ему где-нибудь свидание?

Впервые – Новый журнал, 1959, № 58, с. 183. СС-6, с. 534. Печ. по СС-6.

10–24. К.Б. Родзевичу

Прага, 8-го апреля 1924 г., понедельник

Мой родной,

Встретимся с вами не 29-го, а 15-го, после Вашего экзамена, в Русском доме [37], где я вас буду ждать до 3 часов.

Пойдем в какой-нибудь сад, или за-город, – сейчас уже хорошо. Если бы вы знали, как я вчера близко от вас была!

МЦ.

Итак – до 15-го, – в понедельник, – ровно через неделю.

Если никак не можете (чего не предполагаю) – черкните открыточку.

Впервые – Письма к Константину Родзевичу, с. 155. Печ. по тексту первой публикации.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

11–24. К.Б. Родзевичу
Прага, 9-го апреля 1924 г., среда

Дружочек,

15-го – во вторник, а не в понедельник, как я Вам писала. Никогда не знаю чисел.

Радзевич, будет чудно! Непременно на пароходике. Хотелось бы в новое место куда-нибудь, Вам ваши уже надоели.

Пленительное, с Вами, чувство: тогда как другим всего много (боятся), Вам, мой волчий голод – всего мало! С Вами никогда не «передашь».

Глажу по головочке (бело-волчьей).

Радзевич, а ведь Вы со мной белый волк!

МЦ.

– Во вторник, к 2 часам – да? не позже! А то – сразу домой!

Впервые – Письма к Константину Родзевичу, С. 159. Печ. по тексту первой публикации.

12–24. Р.Б. Гулю
Прага, 10 апреля 1924 г.

Дорогой Гуль, Вы очень добры, спасибо. Письмо отсылайте почтой своему знакомому, если можно – заказным. Знакомому напишите, что нужно. Был у нас здесь Степун, – замечательное выступление [38]. Хочет сделать меня критиком, я артачусь, ибо не критик, а апологист. Деньги за письмо (заказное) перешлю 15-го, тогда же напишу и стихи пришлю. Еще раз спасибо за доброту, Вы хороший друг.

МЦ.

Хороша – набережная? [39]

Впервые – Новый журнал, 1959, № 58, с. 184. СС-6, с. 534–535. Печ. по СС-6.

13–24. Р.Б. Гулю
Прага, 11 апреля 1924 г.

Дорогой Гуль,

Просьба у меня к Вам следующая: переговорите с берлинским председателем Госиздата относительно моей новой книги стихов «Умыслы» [40].

Книга за два года (1922 г.-1924 г.), – все, написанное за границей. Политического стихотворения ни одного.

Пусть он, в возможно скором времени, запросит московский Госиздат (там у меня друг – П.С. Коган и, если не сменен, благожелатель – цензор Мещеряков [41], взявший мою Царь-Деву, не читая, по доверию к имени (коммунист!). По отношению к Госиздату я чиста: продавая им перед отъездом «Царь-Деву» и «Версты» (I), – оговорила, что за границей перепечатаю. (Что и сделала, с «Царь-Девушкой».) [42]

Книга «Умыслы» здесь не только не запродала, но из всех составляющих ее стихов (большая книга!) навряд ли появилось в печати больше десяти [43].

Стало быть, могут рассчитывать и на заграничный рынок.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Одновременно с ответом Госиздата пусть сообщит мне и условия: 1) гонорар 2) количество выпускаемых экземпляров 3) срок, на который покупается книга.

Деньги – мое условие! – при сдаче рукописи, все целиком.

Есть, для Госиздата, еще другая книга: «Версты» (II) – стихи 1917 г. – 1921 г. (Первую они уже напечатали.) [44] Может быть и эту возьмут. Предложите обе.

Теперь трудности: переписывать и ту и другую я могу только наверняка, – большая работа, тем более, что переписывать придется по новой орфографии, что, в случае отказа для заграницы не пригодится, ибо здесь печатаюсь по-старому. Книги им придется взять по доверию. «Умыслы» Вы, по берлинским стихам, немножко знаете, остальные не хуже.

«Версты» (II) вполне безвредны, продолжение первых. «Политические» стихотворения все отмечу крестиками, захотят напечатают, захотят выпустят. Думаю, первое, – есть такое дуновение.

Все дело в сроке. На лето очень нужны деньги. 2 года в Чехии и ничего, кроме окрестностей Праги, не знаю. В Праге я до конца мая, не дольше, и дело нужно закончить в мою бытность здесь. Не настаивайте на двух книгах, можно «Версты» (II), можно «Умыслы» – что захотят.

Желательна, просто скажу: необходима хотя бы одна авторская корректура и, в случае опечаток, лист с опечатками, указанными мною. Эти два условия должно включить в контракт. Пусть, на всякий случай, представитель Госиздата в своем запросе в Москву обмолвится и об этом.

Punktum {18}.

Вы спрашивали о сыне Блока [45]. Есть. Родился в июне 1921 г., за два месяца до смерти Блока. Видела его годовалым ребенком: прекрасным, суровым, с блоковскими тяжелыми глазами (тяжесть в верхнем веке), с его изогнутым ртом. Похож – более нельзя. Читала письмо Блока к его матери, такое слово помню: – «Если это будет сын, пожелаю ему только одного – смелости». Видела подарки Блока этому мальчику: перламутровый фамильный крест, увитый розами (не отсюда ли «Роза и Крест» [46]), макет Арлекина из «Балаганчика» [47], – подношение какой-то поклонницы. (Пьеро остался у жены.) Видела любовь Н.А. Коган к Блоку. Узнав о его смерти, она, кормя сына, вся зажалась внутренне, не дала воли слезам. А десять дней спустя ходила в марлевой маске ужасающая нервная экзема «от задержанного аффекта».

Мальчик растет красивый и счастливый, в П.С. Когане он нашел самого любящего отца. А тот папа так и остался там – «на портрете».

Будут говорить «не блоковский» – не верьте: это негодяи говорят.

Прочтите, Гуль, в новом «Окне» мои стихи «Деревья» и «Листья» [48] (из новой книги «Умыслы»), и в «Современных Записках» – «Комедьянт» [49] (из «Верст» II) – можете и госиздатскому человеку указать. Были у меня и в «Студенческих годах» (пражских) в предпоследнем № – «Песенки» [50] (тоже «Версты» II).

К сожалению, милые редакции книг не присылают, знаю по съеденному гонорару и понаслышке.

Была у меня и проза – в «Воле России» (рождественский №), по-моему, неудачно [51]. (Неуместно – верней.) В мае пойдет пьеса «Феникс». Есть ли у Вас, в Берлине, такая библиотека? (Новых периодических изданий.) Я бы очень хотела, чтобы Вы все это прочли, но прислать не могу, – у самой нет.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Какая нудная и скудная весна! Середина апреля, пишу у (традиционно!) – открытого окна, зажавшись в зимний стариковский халат, – индейский. Гуль: синий, с рыже-огненными разводами. Не хватает только трубки и костра.

Вчера что-то слышала о надвигающемся новом ледниковом периоде, – профессора говорили всерьез. Но не очень-то скоро, – через несколько десятков тысяч лет! Оттого, будто, и весна холодная.

Как с письмом Пастернаку? Вчера отослала Вам открытку с просьбой переслать Вашему знакомому заказным. Деньги за заказ вышлю 15-го, сейчас живу в кредит.

А вот жест – украденный. Только масть другая!

Вкрадчивостию волос:
В гладь и в лоск
Оторопию продольной –
Синь полуночную, масть
Воронову. – В гладь и в сласть
Оторопи вдоль – ладонью.
Неженка! – Не обманись!
Так заглаживают мысль
Злостную: разрыв – разлуку –
Лестницы последней скрип...
Так заглаживают шип
Розовый... – Поранишь руку!
Ведомо мне в жизни рук
Многое. – Из светлых дуг
Присталью неотторжимой
Весь противушерстый твой
Строй выслеживаю: смоль
Стонушую под нажимом.
Жалко мне твоей упор-
ствующей ладони: в лоск
Волосы! вот-вот уж через
Край – глаза! Загнана внутрь
Мысль навязчивая; утр
Наваждение – под череп! [52]
Берлин, 17-го июля 1922 г.

МЦ

Приписка на полях:

Ползими болела, и сейчас еще не в колее. Климат ужасный, второй год Праги дает себя чувствовать. Господи, как хочется жары! – А что Вы делаете летом?

МЦ.

Впервые – Новый журнал, 1959, № 58 (с сокращениями), с. 187–188. Полностью – Новый журнал, 1986, № 165, с. 287–290. СС-6, с. 535–538. Печ. по СС-6.

14–24. К.Б. Родзевичу
Прага, 30-го апреля 1924 г.

Дружочек,

Больна, не выхожу из дома, всё надеялась, что обойдется, не обошлось. Жду Вас у себя, приходите сразу, увидите Алю свободна до 4 часов.

Предупреждаю о своем уродстве: опухоль через все лицо, но мне все-таки хочется Вас видеть – и Вам меня.

Письмо Вам передаст Ольга Елисеевна Чернова [53], будьте с ней милы.

Жду.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
МЦ.

– Так, волей судеб, Вам еще раз доведется побывать у меня на горе.

МЦ.

Впервые – Письма к Константину Родзевичу. С. 161. Печ. по тексту первой публикации.

15–24. Б.Л. Пастернаку

ПРОВОДА

– Борису Пастернаку.

– «И – мимо! Вы поздно поймете...» [54]

Б. П.

1

Вереницею певчих свай.
Подпирающих Эмпиреи,
Посылаю тебе свой пай
Праха дольного.

– По аллее

Вздохов – проволокой к столбу
Телеграфное: «лю-ю-блю..
Умоляю...» (печатный бланк
Не вместит! Проводами проще!)
Это – сваи, на них Атлант
Опустил скаковую площадь
Небожителей...

Вдоль свай

Телеграфное: про-о-щай..
– Слышишь? Это последний срыв
Глотки сорванной: про-о-стите..
Это – снасти над морем нив.
Атлантический путь тихий:
Выше, выше – и сли-лись
В Ариаднино: ве-ер-нись.
Обернись!.. Даровых больниц
Заунывное: не выйду!
Это – проводами стальных
Проводов – голоса Аида
Удаляющиеся... Даль
Заклинающее: жа-аль..
Пожалейте! (в сем хоре – сей
Различаешь?) в предсмертном крике
Упирающихся страстей –
Дуновение Эвридики:
Через насыпи и рвы
Эвридикино: у-у-вы.
Не у –
17 марта 1923 г.

2

Чтоб высказать тебе... да нет, в ряды
И в рифмы сдавленные... Сердце шире!
Боюсь, что мало для такой беды
Всего Расина и всего Шекспира.
«...Все плакали, и если кровь болит..
Все плакали, и если в розах – змеи...»
Но был один – у Федры – Ипполит!
Плач Ариадны – об одном Тезее!
– Терзание! – Ни берегов, ни вех!
Да, ибо утверждаю, в счете сбившись.
Что я в тебе утрачиваю всех
Когда-либо и где-либо небывших.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
и в Леилу твоих уст!
20 марта 1923 г.

Эвридика – Орфею:

Для тех, отженивших последние ключья
Покрова (ни уст, ни ланит!..)
– О, не превышение ли полномочий,
Орфей, твоя оступь в Аид?
Для тех, отрешивших последние звенья
Земною.. На ложе из лож
Сложившим великую ложь лицемерья,
Внутрь зрящим – свидание нож.
Уплочено же всеми розами крови
За этот просторный покров
Бессмертья..

До самых летеиских верховий
Любивший – мне нужен покой
Беспамятности.. Ибо в призрачном доме
Сем – призрак ты, сущий, а явь –
Я, мертвая.. Что же скажу тебе, кроме:
– Ты это забудь и оставь!
Ведь не растревожишь же! Не повлекуся!
Ни рук ведь! Ни уст, чтоб припасть
Устами! – С бессмертья змеиным укусом
Кончается женская страсть.
Уплочено же – вспомяни мои крики! –
За этот последний простор.
Не надо Орфею сходить к Эвридике.
И братьям тревожить сестер.
23 марта 1923 г.

Не черно книжница! В белой книге
Далей денных – наострила взгляд!
Где бы ты ни был – тебя настигну,
Выстрадаю – и верну назад.
Ибо с гордыни своей, как с кедра,
Мир озираю: плывут суда.
Зарева рыщут.. Морские недра
Выворочу – и верну со дна!
Перестрадай же меня! Я всюду:
Зори и руды я, хлеб и вздох.
Есмь я и буду я, и добуду
Губы – как душу добудет Бог:
Через дыхание – в час твой хрипый,
Через архангельского суда
Изгороди! – Все уста о шипья
Выкровяню – и верну с одра!
Сдайся! Ведь это совсем не сказка!
– Сдайся! – Стрела, описавши круг..
– Сдайся! – Еще ни один не спасся
От настигающего без рук:
Через дыхание.. (Перси взмыли,
Веки не видят, вокруг уст – слюда..)
Как прозорливица – Самуила
Выморочу – и вернусь одна:
Ибо другая с тобой, и в судный
День не тягаются..

Вьюсь и длюсь.

Есмь я и буду я, и добуду
Душу – как губы добудет уст –
Упокойница..
25 марта 1923 г.

Час, когда вверху цари

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
И дары друг к другу едут.
(Час, когда иду с горы:)
Горы начинают ведать.
Умыслы сгрудились в круг.
Судьбы сдвинулись: не выдать!
(Час, когда не вижу рук.)
Души начинают видеть.
25 марта 1923 г.

В час, когда мой милый брат
Миновал последний вяз
(Взмахов, выстроенных в ряд)
Были слёзы – больше глаз.
В час, когда мой милый друг
Огибал последний мыс
(Вздохов мысленных: вернись!)
Были взмахи – больше рук.
Точно руки – вслед – от плеч,
Точно губы вслед – заклать.
Звуки растеряла речь,
Пальцы растеряла пясть.
В час, когда мой милый гость...
– Господи, взгляни на нас! –
Были слёзы больше глаз
Человеческих, и звёзд
Атлантических...
26 марта 1923 г.

Терпеливо, как щепень бьют,
Терпеливо, как смерти ждут,
Терпеливо, как вести зреют,
Терпеливо, как месть лелеют –
Буду ждать тебя (пальцы в жгут –
Так Монархини ждёт наложник)
Терпеливо, как рифмы ждут,
Терпеливо, как руки гложут
Буду ждать тебя (в землю – взгляд,
Зубы – в губы! столбняк! бульжник!)
Терпеливо, как негу длят,
Терпеливо, как бисер нижут.
Скрип полозьев, ответный скрип
Двери: рокот ветров таёжных.
Высочайший пришел рескрипт:
– Смена царства и въезд вельможе.
И домой:
В неземной –
Да мой.
27 марта 1923 г.

Весна наводит сон. Уснем.
Хоть врозь, а всё ж сдаётся: все
Разрозненности сводит сон.
Авось увидимся во сне.
Всевидящий, он знает, чью
Ладонь – и в чью, кого – и с кем.
Кому печаль мою вручу,
Кому печаль мою повем
Предвечную (дитя, отца
Не знающее и конца
Не чающее!) О, печаль
Плачущих – без плеча!
О том, что памятью с перста
Спадет, и камешком с моста...
О том, что заняты места,
О том, что наняты сердца

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Служить – безвыездно – навек,
И жить – пожизненно – без нег!
О заживо – чуть встав! чем свет –
В архив, в Элизиум калек!
О том, что тише ты и я
Травы, руды, беды, воды..
О том, что выстрочит швея:
Рабы – рабы – рабы – рабы.
5 апреля 1923 г.

С другими – в розовые груди
Грудей... В гадательные дробы
Недель...

А я тебе пребуду
Сокровищницу подобий.
По случаю – в песках, на щебнях
Подобранных, – в ветрах, на шпалах
Подслушанных... Вдоль всех бесхлебных
Застав, где молодость шаталась.
Шаль, узнаешь ее? Простудой
Запахнутую, жарче ада
Распахнутую...

Знай, что чудо
Недр – под полой, живое чадо:
Песнь! С этим первенцем, что пуще
Всех первенцев и всех Рахилей..
– Недр достовернейшую гущу
Я мнимостями пересилю!
11 апреля 1923 г.

АРИАДНА
1

Оставленной быть – это втравленной быть
В грудь – синяя татуировка матросов!
Оставленной быть – это явленной быть
Семи океанам... Не валом ли быть
Девятым, что с палубы сносит?
Уступленной быть – это купленной быть
Задорого: ночи и ночи и ночи
Умоисступленья! О, в трубы трубить
Уступленной быть! – Это длиться и слыть
Как губы и трубы пророчеств.

2

(Антифон:)

О всеми голосами раковин
Ты пел ей...
– Травкой каждую.
Она томилась лаской Вакховой.
– Летейских маков жаждала..
(Но как бы те моря ни солонь –
Тот мчался.

– Стены падали...)
И кудри вырывала полными
Горстями...
– В пену падали...
21 апреля 1923 г.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ:
1

Ты обо мне не думай никогда!
(На-вязчива!)

Ты обо мне подумай: провода:

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Даль – длящие...
Ты на меня не жалуйся, что жаль...
Всех слаще, мол...
Лишь об одном, пожалуйста: педаль:
Боль – длящая.

2

(Диалог:)

Ла́-донь в ладонь:
– За-чем рожден?
Не жаль: изволь:
Длитель – даль – и боль.

3

Проводами продленная даль...
Даль и боль, это та же ладонь
Открывающаяся – доколь?
Даль и боль, это та же юдоль...
23 апреля 1923 г.

Сестра

Мало ада и мало рая:
За тебя уже умирают.
Вслед за братом, увы, в костер –
Разве принято? – Не сестер
Это место, а страсти рдяной!
Разве принято под курганом –
С братом?..
– «Был мой и есть! Пусть сгнил!»
– Это местничество могил!!!
11 мая 1923 г.

Сивилла – младенцу:

К груди моей,
Младенец, льни:
Рождение – паденье в дни.
С заоблачных, отвесных скал
Младенец мой, –
Как низко пал!
Ты духом был, ты прахом стал.
Плачь, маленький, о них и нас:
Рождение – паденье в час!
Плачь, маленький, и впредь, и вновь:
Рождение – паденье в кровь,
И в прах,
И в час...
Где зарева его чудес?
Плачь, маленький: рождение в вес.
Где залежи его щедрот?
Плачь, маленький: рождение в счет,
И в кровь,
И в пот...
(намеренно обрываю).
17 мая 1923 г.

Диалог Гамлета с совестью

– На дне она, где ил
И водоросли... Спать в них
Ушла, – но сна и там нет!

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
– Но я ее любил
Как сорок тысяч братьев
Любить не могут!

– Гамлет!

На дне она, где ил:
Ил! – И последний венчик
Всплыл на приречных брёвнах..
– Но я ее любил
Как сорок тысяч...

– Меньше,

Всё ж, чем один любовник.
На дне она, где ил.
– Но я ее –

(недоуменно:)
любил??

5 июня 1923 г.

Расщелина

Чем окончился этот случай
Не узнать ни любви, ни дружбе.
С каждым днем отвечаешь глуше,
С каждым днем пропадаешь глубже.
Так, ничем уже не волнуем.
Ни единой струной не зыблясь –
Как в расщелину ледяную
В грудь, что так о тебя расшиблась.
Из сокровищницы подобий
Вот тебе – наугад – гаданье:
Ты во мне как в хрустальном гробе
Спишь, – во мне как в глубокой ране
Спишь, – тесна ледяная прорезь!
Льды к своим мертвецам ревнивы:
Перстень – панцырь – печать – и пояс:
Без возврата и без отзýва..
Зря Елену клянете, вдовы!
Не Елениной красной Трои
Дым! – Расщелины ледниковой
Синь, на дне опочиешь коей..
Сочетавшись с тобой, как Этна
С Эмпедоклом.. Усни, сновидец!
А домашним скажи, что тщетно:
Грудь своих мертвецов не выдаст.
17 июня 1923 г.

Занавес

Водопадами занавеса как пеной
– Хвоей – пламенем прошумя.
Нету тайны у занавеса – от сцены:
(Сцена – ты, занавес – я).
Сновиденными зарослями (в высоком
Зале оторопь разлилась)
Я скрываю героя в борьбе с Роком,
Место действия – и – час.
Водопадными радугами, обвалом
Шелка (вверился же! знал!)
Я тебя загораживаю от зала,
(Завораживаю – зал!)
Тайна занавеса! Сновиденным лесом
Сонных снадобий, трав, зерн..
(За уже содрогающейся завесой
Ход трагедии – как шторм.)
Из последнего шелка тебя, о недра,
Загораживаю. – Взрыв! –
Над ужá–ленною Федрой

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Взвился занавес, как гриф.
Нáте! Рвите! Глядите! Течет, не так ли?
Заготáвливайте чан!
Я державную рану отдам до капли!
(Зритель бел, занавес рдян).
И тогда, благодетельным покрывалом
Долу, знаменем прошумя.
Нету тайны у занавеса – от зала.
(Зала – жизнь, занавес – я).
23 июня 1923 г.

Письмо

Строительница струн – приструню
И эту. Обожди
Отчаиваться! (В сем июне
Ты плачешь, ты – дожди!)
И если гром у нас – на крышах,
Дождь – в доме, ливень – сплошь –
Так это ты письмо мне пишешь,
Которого не шлешь.
Ты дробью голосов ручьёвых
Мозг бороздишь, как стих.
(Вместительнейший из почтовых
Ящиков – не вместит!)
Ты, лбом обозревая дали,
Вдруг по хлебам – как цеп
Серебряный... (Прервать нельзя ли?
Дитя! Загубишь хлеб!)
(Не окончено.)

Сахара

Красавцы, не ездите!
Песками глуша
Пропавшего без вести
Не скажет душа.
Напрасные поиски.
Красавцы, не лгу!
Пропавший покоится
В надёжном гробу.
Стихами, как странами
Чудес и огня,
Стихами – как странами
Он въехал в меня:
Сухую, песчаную,
Без дна и без дня.
Стихами – как странами
Он канул в меня.
Внимайте без зависти
Сей повести душ.
В глазные оазисы –
Песчаная сушь...
Адамова яблока
Взывающий вздрог...
– Взяла его наглухо,
Как страсть и как Бог.
Без имени – канувший!
Не сыщете – взят.
Пустыни беспмятны, –
В них тысячи спят.
Сверканье до кипени
Вскипающих волн...
Песками засыпанный,
Сахара – твой холм!
3 июля 1923 г.

Брат

Раскалена как смоль:
Дважды не вынести!
Брат, но с какой-то столь
Странною примесью
Смуты... (Откуда звук
Ветки откромсанной?)
Брат, заходящий вдруг –
Столькими солнцами!
Брат без других сестер:
На-прочь присвоенный!
По гробовой костер –
Брат, но с условием:
Вместе и в рай и в ад!
Раной – как розаном
Соупиваться! (Брат,
Адом дарованный!)
Брат! Оглянись в века:
Не было крепче той
Спайки! Шумит река...
Снова прошепчется
Где-то, меж звезд и скал,
– Настежь, без третьего! –
Что по ночам шептал
Цезарь – Лукреции.
12bis июля 1923 г.

Клинок

Между нами – клинок двуострый
Присягнувши – и в мыслях класть...
Но бывают – страстные сестры!
Но бывает – братская страсть!
Но бывает такая примесь
Прерий в ветре и бездны в губ
Дуновении... Меч, храни нас
От бессмертных душ наших двух!
Меч, терзай нас и меч, пронзай нас.
Меч, казни нас, но, меч, знай,
Что бывает такая крайность
Правды, крыши такой край...
Двусторонний клинок рознит?
Он же – сводит! Прорвав плащ
Так своди же нас, страж грозный,
Рана в рану и хрящ в хрящ!
(Слушай! если звезда, срываясь...
Не по воле дитя с ладьи
В море падает... Острова есть,
Острова для любой любви...)
Двусторонний клинок, синим
Ливший, красным пойдет... Меч
Двусторонний – в себя вдвинем!
Это будет – лучшее лечь!
Это будет – братская рана!
Так, под звездами, и ни в чем
Не повинные... Точно два мы
Брата, спаянные мечом!
18 августа 1923 г.

Марина Цветаева

Дружочек, устала. Остальные дошлю. Итак, адрес мой (стихов, может быть, не потеряете?) Прага Praha Smichov, Švedska ul., číslo, 1373 (не пугайтесь №, здесь все такие длинные). Из стихов посылала только те, что непосредственно к Вам, в

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
упор. Иначе пришлось бы переписывать всю книгу!

Последние три стиха – для очистки совести – чтобы завтра сызнова начать:

Магдалина

Меж нами – десять заповедей:
Жар десяти костров.
Родная кровь отшатывает:
Ты мне – чужая кровь.
Во времена евангельские
Была б одной из тех...
(Чужая кровь – желаннейшая
И чуждѣйшая из всех!)
К тебе б со всеми немощами
Влеклась, стлалась – светла
Мать! – очесами демонскими
Таясь, лила б масла –
И на ноги бы, и под ноги бы,
И вовсе бы так, в пески...
Страсть, по купцам распроданная.
Расплѣванная, – теки!
Пѣною уст, и накипяи
Очес, и пѣтом – всех
Нег... В волоса заматываю
Ноги твои, как в мех:
Некою тканью под ноги
Стелюсь... Не тот ли (– та! –)
Твари с кудрями огненными
Молвивший: встань, сестра!
26 августа 1923 г.

Побег

Под занавесом дождя
От глаз равнодушных кроюсь,
О завтра мое! – тебя
Выглядываю – как поезд
Выглядывает бомбист
С еще-сотрясеньем взрыва
В ушах... (Не одних убийств
Бежим, зарываясь в гриву
Дождя!)
– Не расправы страх,
Не... – Но облака! но звоны!
То Завтра на всех парах
Проносится вдоль перрона
Пропавшего... Бог! Благой!
Бог! И в дымовую опушь –
Как об стену... (Под ногой
Подножка – или ни ног уж,
Ни рук?) Верстовая снасть
Столба... фонари из бреда...
– О, нет, не любовь, не страсть,
Ты – поезд, которым еду
В Бессмертье...
Прага, 14 октября 1923 г.

Брожу – не дом же плотничать,
Расположась на росстани!
Так, вопреки полотнищам
Пространств, треклятым простыням
Разлук, с минутным баловнем
Крадясь ночными тайнами,
Тебя под всеми ржавыми

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Фонарными кронштейнами –
Краем плаща... За стойками –
Краем стекла... (Хоть краешком
Стекла!) Мертвец настойчивый,
В очах – зачем качаешься?
По набережным клятв озноб,
По загородам – рифм обвал.
Сжимают ли – «я б жарче сгреб»,
Внимают ли – «я б чище внял».
Всё ты один: во всех местах,
Во всех мастях, на всех мостах.
Так неживые дети мстят:
Разбейся, льстят, развейся, льстят.
...Такая власть над сбивчивым
Числом – у лиры любящей,
Что на тебя, небывший мой,
Оглядываюсь – в будущее!
16 октября 1923 г.

Впервые – Души начинают видеть. С. 72–92. Печ. по тексту первой публикации.

Все стихотворения, включенные в этот автограф, вошли впоследствии в сборник «После России»; приводимые редакции имеют ряд разночтений с редакциями стихов в сборнике.

16–24. К.Б. Родзевичу
Май 1924 г.

Вы не хотите переделывать меня, а меня надо переделать, посему в жизни Вы бы только утысячили мою слабость, Вы бы меня не дотворили женщиной. Вы пленились моей душой, и Вам хорошо со мной (с ней) в царстве теней. Вам хорошо со мной такой, а мне плохо с собой такой. Вы влечетесь к чуже-родному, к чужеродному. Меня, как Elementargeist {19}, нужно расчаровать – освободить – воплотить – через любовь. А Вы, наоборот, сам становитесь Elementargeist.

Когда Вы говорите о своей маленькой девочке – у меня слезы навертываются [55].

Врозь идущие руки распятыя

Нежиться как ужи... [56]

Мне с тобою – так спалось,
О тебе – так пелось!

Дочку свою, прошу,
Не называй Мариной! [57]

Пригород: руки твои в рубцах,
Первый листочек клейкий...
Князь, засыпающий на руках
Маленькой белошвейки...

Впервые НСТ. 292–293. Печ. по тексту первой публикации.

17–24. Б.Л. Пастернаку
Май 1924 г.

Когда я думаю во времени, все исчезает, все сразу невозможно, магия срока. А так – где-то (без где), когда-то (без когда) – о, все будет, сбудется!

Терпение. Не томлюсь, не жду.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Впервые – Души начинают видеть. С. 93. Печ. по тексту первой публикации. Вариант – НСТ. С. 293 (см. ниже).

17а–24. Б.Л. Пастернаку
Май 1924 г.

Когда я думаю во времени – все невозможно, всё сразу – безнадежно. А так – где-то (без где), когда-то (без когда) – о, все будет, сбудется!

(Борису)

Впервые НСТ. С. 293. Печ. по тексту первой публикации.

18–24. Б.Л. Пастернаку
16 мая 1924 г.

(К Борису Пастернаку)

Высшая ирреальность.

Вы единственный, за кого бы я умерла без всякого сознания жертвы, чью жизнь предпочла бы своей не как мне ценнейшую, а как – ценнейшую моей.

В уровень моего восторга.

Вы во мне – золото Нибелунгов.

Впервые – НСТ. С. 293. Печ. по тексту первой публикации. Вариант см.: Души начинают видеть. С. 93 (см. ниже).

18а–24. Б.Л. Пастернаку
Май 1924 г.

Высшая ирреальность вариант: ирриальность.

Вы единственный, за кого бы я умерла без великого сознания жертвы, чью жизнь предпочла бы своей не как мне ценнейшую, а ценнейшую моей вариант: своей.

Впервые – Души начинают видеть. С. 93. Печ. по тексту первой публикации.

19–24. А.К. Богенгардт
Прага, 17-го мая 1924 г.

Дорогая Антонина Константиновна,

Простите за молчание. Бесконечно тронута Вашим участием. Планы – на ближайшее время – следующие: на днях еду устраивать, вернее выискивать, наше летнее жильё. Ехать на Юг сейчас все отговаривают [58], решила перенести поездку на осень, когда в Чехии самая сквернота. Пока думаю ехать с Алей на границу Саксонской Швейцарии, 3 часа от Праги [59]. Там Эльба и лесистые горы. Еще поговорю с врачом. Татры (знаменитые чешские горы) слишком далёко, – от 16 часов до 20 часов езды. Нужно беречь деньги на осень. За квартиру внесла до 1-го, к 1-му неминуемо должны уехать.

С настоящей Швейцарией (не саксонской!) сейчас навряд ли выйдет – слишком сложно. С Алей я расставаться не хочу, а жить там, даже в случае Алиной

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
стипендии, не по средствам, – кажется еще дороже Чехии.

Мысль об Италии я не оставила, осенью продам еще книжку стихов, – и двинемся.

Аля поправляется, но т° держится. Гуляем с ней полдня, здесь чудные сады.

Сейчас иду на почту, целую всех, большое спасибо за подарки Але, сейчас у нее всё есть.

МЦ.
Мой адрес до 1-го прежний, по отъезде сообщу.

P.S. Читал ли Всеволод в газетах про своего тезку – комиссара Богенгардта [60].

Впервые – ВРХД. 1992. № 165. С. 174–175. (публ. Е.И. Лубянской и Н.А. Струве). СС-6. С. 648–649. Печ. по СС-6.

На обороте письма Цветаевой сохранилось письмо С.Я. Эфрона к А.К. Богенгардт от 14 мая 1924 г.:

14 мая 1924 – Прага

Дорогая Антонина Константиновна,

Спасибо вам большое за участие, быстрый отклик и хлопоты. Обе посылки получили в полной сохранности.

Аля быстро полнеет, но т° продолжает оставаться повышенной. Надеюсь, что при Алиной способности быстро поправиться – за лето и осень она выправится.

Кажется нам не суждено жить в разных странах. Вы пишете, что ваши планы направлены в сторону Франции, – я тоже туда собираюсь будущей весной. Слыхали ли вы о проектируемой под Ниццей русской гимназии? Туда выезжает, если уже не выехала, Жекулина. В директора намечают Адриана Петровича. Буду сообщать Вам, что узнаю {20}.

Пишу, как всегда, второпях. Простите за телеграфичность стиля.

Сердечный привет всем, всем –

Ваш С. Эфрон
В верхнем углу приписка: В России опять ухудшение. Пишите туда осторожнее.

Печ. впервые по оригиналу, хранящемуся в архиве Дома-музея Марины Цветаевой в Москве.

20–24. М.Л. Слониму
Май 1924

Милый друг [61], может быть в мире внешнем Вы правы – значит мир неправ.

Со дня Вашего приезда Вы видели всех, кроме меня. Как мне после этого верить, что я Вам – нужнее других? Есть вечные вещи: вернувшись рвануться, это так просто.

– «Но условились в четверг». Да, а сегодня, в среду, экспресс: «приходите сегодня», – не потому что соскучился, а потому что в четверг нельзя. Милый друг, у меня руки опускаются, не могу тянуть на канате и ниткой брезгую! – не привыкну, не моя роль.

Всё важнее, всё нужнее, всё непреложнее меня: семья, дела, любовь, я в Вашей

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
жизни – душа [62], с душою Вы не считаетесь. Я только с жизнью своей не
считаюсь.

Поэтому, не будучи в Вашей жизни насущностью, не имею права и не хочу обременять
Вас насущностями – своими (мне стыдно за все мои просьбы назад) оставим все эти
курорты и устройства – обойдусь – дело не в этом, о совсем не в этом.

Если хотите видеть меня еще раз до отъезда – не отказываюсь, но и не рвусь.
Пусть будет всё так, как Вы хотите.

Щенков никогда не надо поить горячим – иначе они сбиваются с чутья. – Сбита с
чутья. –

– Свидимся! – На том свете?

– Да, в царстве моем!

Впервые – НСТ. С. 295. Печ. по тексту первой публикации.

21–24. Р.Б. Гулю
Иловищи, близ Праги, 29-го июня 1924 г.

Мой дорогой Гуль,

Я опять к Вам с письмом Пастернаку. В последний раз, ибо в нем же прошу дать мне
какой-нибудь верный московский адрес. Милый Гуль, мне очень стыдно вновь
утруждать Вас, но у меня никого нет в Москве, ни души, – души, но без адресов,
как им и полагается.

С той же почтой высылаю Вам 20 крон на почтовые расходы, простите, что не
сделала этого раньше.

Письмо, очень прошу, пошлите заказным.

Дошел ли до Вас мой «феникс»? [63] Посылала. (В двойном № «Воли России».)

Вышел сборник «Записки Наблюдателя» (витиеватое название, а? Не старинное, а
старомодное) с моей статьей «Кедр» – о Волконском. О ней уже писал Айхенвальд в
Руле (говорили) [64], – кажется, посрамлял меня. А теперь – профессиональную
тайну, забавную:

«Апология» – полнотой звука – я восприняла, как: хвала. Оказывается (и
Айхенвальд – внешне – прав) я написала не апологию (речь в защиту), а:
панегирик!!!

Панегирик – дурацкое слово, вроде пономаря, или дробного церковного «динь-динь»,
что-то жидкое, бессмысленное и веселенькое. По смыслу: восхваление.

Внешне – Айхенвальд прав, а чуть поглубже копнешь – права я. Речь в защиту
уединенного. (Кедр, как символ уединения, редкостности, отдельности.) И я
все-таки написала апологию!

К сожалению, у меня только один экземпляр на руках, да и тот посылаю
Волконскому. Купить – 35 крон, целое состояние. Думаю, Крачковский
(горе-писатель и издатель [65], воплощение Mania Grandiosa {21}) уже послал в
«Накануне» для отзыва.

Есть там его повесть «Желтые, синие, красные ночи», – белиберда, слабое
подражание Белому, имени которого он так боится, что самовольно вычеркнул его из
«Кедра». (Там было несколько слов о неподведомственности ритмики Волконского –
ритмике Белого, о природности его, Волконского, ритмики. Кончалось так: «Ритмика

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Волконского мне дорога, потому что она природна: в ней, если кто-нибудь и побывал, то не Белый, а – Бог». Крачковский уже в последнюю минуту, после 2-ой корректуры «исправляет»:

...«то, вероятно, только один Бог».

Хотела было поднять бурю, равнодушие читателя остановило. Черт с ним и с издателем!)

Живу далеко от станции, в поле, напоминает Россию. У нас, наконец, жаркое синее лето, весь воздух гудит от пчел. Где Вы и что Вы?

Пишите о своих писаниях, планах, возможностях и невозможностях.

Думаю о Вас всегда с нежностью.

МЦ.

Адрес: Praha II Lazarska,

10 Rusky studentsky Komitet

– мне –

Впервые – Новый Журнал. 1959. № 58. С. 184–185. СС-6. С. 538–539. Печ. по СС-6.

22–24. Б.Л. Пастернаку
Июль 1924 г.

Знаю о нашем равенстве. Но, для того, чтобы я его чувствовала, мне нужно Вас чувствовать – старше вариант: больше себя.

Наше равенство – равенство возможностей, равенство завтра. Вы и я – до сих пор – гладкий лист. Учитываю при сем всё, что дали, и именно поэтому.

Вы всегда со мной. Нет часа за эти 2 года, чтобы я внутренне не окликала Вас. Вами я отыгрываюсь. Моя защита, мое подтверждение, – ясно.

Через Вас в себе я начинаю понимать Бога в другом. Вездесущие и всемогущество.

Пока мальчика нет, думаю о нем [66]. Вспомните старика Гёте в *Wahlverwandschaften* [67]. Гёте знал.

Борис, а будет час, когда я Вам положу руки на плечи? (Большого не вижу.) Я помню Вас стоя и высоким. Я не вижу иного жеста кроме рук на плечи.

«Но если я умру, то кто же – мои стихи напишет?» [68] (Опускаю ненужное Вам, ибо Вы сами – стихи –)

То, от чего так неумело, так по-детски, по-женски страдала Ахматова (опущенное «Вам»), мною перешагнуто.

Мои стихи напишете – Вы.

5-го июля

Борис, Вы никогда не будете лучшим поэтом своей эпохи, по-настоящему лучшим, как например Блок. У Блока была тема – Россия, Петербург, цыгане, Прекрасная дама и т.д. Остальное (т.е. его, Блока, в чистом виде) принимали бесплатно

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru приложением.

Вы, Борис, без темы, весь – чистый вид, с какого краю Вас любить, по какому поводу? Что за Вашими стихами встает? Нечто: Душа: Вы. Тема Ваша – Вы сам, которого Вы еще открываете, как Колумб – Америку, всегда неожиданно и не то, что думал, предполагал. Что здесь любить читателю?

Вас.

Любить Вас читатель не согласится. Будет придираться к ритмике, etc., но за ритмику любить он не сможет. Вы, самый большой поэт Вашего времени, останетесь в стороне того огромного тока любви, идущего от миллионов к единственному.

Вы первый, дерзнувший без тем, осмелившийся на самого себя.

Борис, Вы, конечно, меня поймете и не подставите вместо себя Бальмонта. Бальмонт весь в теме: экзотика, женщины, красивость, красота. Que sais-je! {22} «я» только повод к перечислению целого ряда предметов. (Бальмонт)

«Все предметы только повод к я» – вот Блок.

Повод – без я (имажинисты).

я – без повода (Пастернак).

Желать желать большего себя. Иначе не стоит.

Вне фабулы.

фабула: дети, прислуга, прост?. А дальше? Зрители оборвано

События в долине, на горах нет событий, на горах событие – небо (облака).
Пастернак на горе.

Свою гору (уединенность) Вы тащите с собой повсюду, разговаривая с знакомыми на улице и отшвыривая ногой апельсиновую корку в сквере – всё гора. Из-за этой горы Вас, Пастернак, не будут любить. Как Гёльдерлина и еще некоторых.

Как глубоко, серьезно и неспешно разворачивается моя любовь, как стойко, как – непохоже. Встреча через столько-то лет – как в эпосе.

8-го ночью

Странно сознавать: то, что должно было бы нас разъединить, еще больше скрепило.

Мне было больно от твоего сына (теперь могу это сказать, потому что тебе будет больно от моего!). Теперь мы равны. Со страхом жду твоего ответа, как отзовешься?

Недавно брала твою книгу в лес, лежала с ней.

С гордостью думаю о твоём влиянии на меня, не влиянии, как давлении, о в-лиянии, как река вливается в реку.

И так как до сих пор на меня не влиял ни один поэт, думаю, что ты больше, чем поэт – стихия, Elementargeist {23}, коим я так подвержена.

Впервые – Души начинают видеть. С. 97–99. Печ. по тексту первой публикации.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
23–24. К.Б. Роздевичу
Лето 1924 г. Чехия

Отрывок письма:

(Мелко-мелко, почти стерто, предельно-сокращено, местами – одни буквы, с трудом, с трудом, с трудом разбираю. Разгадываю – но я всё та же, и то же бы написала – и так же бы написала – если бы не седые волосы, которые я нарочно не крашу – чтобы не было таких писем: этой безумной, глубоко-бессмысленной и неизбежной – боли.)

Я сегодня рассталась с Вами, как с родным, хочется верить – навек родным [69]. Когда мы сидели рядом в трамвае, меня прямо залило этим чувством нерушимого родства. «Несмотря ни на – всё». (Помните, Вы всегда смеялись, подсаживали – что, а я – настаивала, отстаивала.)

Дружочек, Вы хотели быть со мной как с другими, а я хотела быть с Вами как с ни-одним – вникните – каждый хотел своего – и дважды сорвалось.

Не будем помнить – Schwamm drüber {24} – не сто́ит помнить.

Наша любовь была задумана дружбой – трудной дружбой мужчины и женщины, невозможной без любовного эпизода. Это миновало – вместе с невозможностью.

Я Вас люблю (четыре слова данные только буквами и даже не буквами, ни разобрать ни разгадать – даже мне) – так же как Вы меня, но между нами – опять простор – тех набережных, по которым мы ходили ровно год назад, простор – неизбежный для виденья и слышанья друг друга.

Сопутствующая рука – тень – ветер... – «Ирреально?» – Верней и вечней всего.

Вместе быть и жить, спать и жить – я этого никогда не умела, отказываюсь.

Не скажу, что во мне не осталось боли – живая боль и соль! – но это уже соль без горечи: отмытая, не морская уж...

Расправясь со мной как с вещью, Вы для меня сами стали вещь, пустое место, а я сама на время – пустующим домом, ибо место, которое Вы занимали в моей душе было не малó [70]. Теперь Ваше место (пусто) опять заполнено человеческой нежностью.

Живите как можете – Вы это тоже плохо умеете – а с моей легкой руки, кажется, еще хуже, чем до меня – Вам как мне нужны концы и начала, и Вы как я прорываетесь в человека, сразу ему в сердцевину, а дальше – некуда.

Для меня земная любовь – тупик. Наши сани никуда не доехали, всё осталось сном.

Хочу Вас видеть – теперь будет легко – перегорело и переболело. Вы можете идти ко мне с доверием.

Я не допускаю мысли, чтобы все вокруг меня любили меня больше, чем Вы. Из всех Вы – мне – неизменно – самый родной.

Что женская гордость перед человеческой правдой.

Впервые – НСТ. С. 420–421. Печ. по тексту первой публикации. Адресат установлен предположительно.

24–24. А.В. Черновой
Дольные Мокропсы, 21-го июля 1924 г.

Милая Адя,

Первая ночь в новом логове. Потолок косой, стены кривые, пол и постели –

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
горбатые. Но вне дома – чудесно: огромный двор, мощный камнем, проросшим
травой, нагромождение нелепых построек, сарай, через который проходишь в сад, –
сад заглохший, весь из дикостей, каменная ограда, под ней – железнодорожное
полотно. Поезда свистят и режут весь день.

Нынче уже были на реке, с этого берегу она лохматая и глубокая: под огромными
акациями, каменная, не-купальная. Крутая тропинка над отвесом (NB! все письмо
из над и под) – совсем по отвесу.

Если не на реку – в поле. Поля в снопах, спят.

Расставались мы с Иловищами трагически: Тарзан рвался, хозяйка (по Алиному
3-летнему выражению) «ревела и рыдала», раскачиваясь наподобие раненой (в
живот!) медведицы, махала нам рукавом и фартуком. Пришедшие «перевозить» Сергей
Яковлевич, монах [71] и жених [72] (Рудин, – но невеста выходит за другого) шли
пустые, вещи ехали на телеге, увенчанные безмолвствующей Алей. (Она ехала
вшенорами, мы спускались нашим отвесом.) И вдруг – уже у кирпичного завода –
оклик: «Марина Ивановна!». Поднимаю глаза: белым морским видением – Слоним!
Взирает с холма. Оказывается, направлялся в Иловищи и выглянул на голоса.

Привез Але: куклу, постель и ванну. Кукла румяная, ванна розовая, постель –
вдвое меньше спящей, т.е. Прокрустово ложе [73]. А мне – талисман: египетское
божество: печать. Играла им вчера в траве. (NB! Для того, чтобы боги нами не
играли, нужно ими играть!) Провели все вместе целый день, вспоминали Вас.

На вокзал не приехала не из равнодушия и не из лени: с тех пор как надорвалась,
сразу растрясаясь, – вроде святого, держащего в руке свои же внутренности [74].

Милая Адя, у меня к Вам просьба: если задержитесь в Париже, возьмите, вернее:
извлеките у Невинного [75] Илиаду в переводе Гнедича и Одиссею (кажется, завез и
ее) и пришлите мне сюда, на время, – особенно Илиаду! Извлечь будет нелегко,
надеюсь на Вашу лесную хитрость.

Адрес: P.P. Černošice, Dolní Mokropsy, číslo 37, u paní Lopařlovoj – Praha.

Вышлите непременно заказным, расход верну Ольге Елисеевне.

Шлю Вам привет. Простите за кляксы. Новые чернила.

ЭНТА НИПРАВДА, ЕНТО ГНУСНЫЙ НАКЛАКСАЛ. ТИЛОУНИСЕК [76].

МЦ.

P.S. Аля действительно написала Вам письмо, которое потеряла. Просит
удостоверить.

Впервые – НП. С. 69–70. СС-6. С. 666–667. Печ. по СС-6.

25–24. P.B. Гулю
Прага, 11-го августа 1924 г.

Милый Гуль,

Месяца два назад я направила Вам письмо для Пастернака (заказным) и 20 крон на
марки, – получили ли? А еще раньше – лично Вам – № «Воли России» с «Фениксом». Но
Вы упорно молчите, – больны, недосуг или рассердились? А может быть –
переехали? Но тогда бы вам переслали. (Как странно: все строчки с заглавных
букв!) Адрес мой на обороте был, и обратно ничего не пришло.

Я очень озабочена, – особенно письмом к Пастернаку, письмо было не житейское,
важное. Известите меня хоть открыткой о судьбе его.

Держу в настоящее время корректуру своего «Молодца» (пражское издательство
«Пламя») – по выходе (недели через три) [77] пришлю. Но раньше хочу знать, где
Вы и что Вы. Молчание ведь – стена, люблю их только развалинами.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

О себе: живу мирно и смиренно, в Дольних Мокропсах (оцените название!) возле Праги. У нас здесь паром и солнечные часы. На наших воротах дата 1837 г.

Пишу большую вещь [78], – те мои поэмы кончены. Есть и новые стихи. Печатаюсь. Хотела бы издать свою новую книгу стихов (за два года за границей) в России [79]. Если в какой-нибудь связи с Госиздатом – предложите.

Политического стиха ни одного.

Что Геликон? (Издательство.) Что другие берлинские? Прозу, кажется, пристроила [80]. (Книги, даже самые мужественные – сплошь дочери. Издатели – женихи. И всегда неравные браки!)

Читали ли «Быт и Бытие» Волконского, посвященную мне? Хорошая книга. Он сейчас пишет роман [81].

Как Ваши писания?

Словом, Гуль, отзовитесь. Мы с Вами, по нынешнему времени – старые знакомые. Шлю привет.

МЦ
Мой надежный адрес:

Praha II. Lazarska ulice, číslo 11

Rusky studentsky komitet

– мне. –

Впервые – Новый Журнал. 1959. № 58. С. 186. СС-6. С. 539–540. Печ. по СС-6.

26–24. М.Л. Слониму
16-го сентября 1924 г.

Я не хотела Вам писать и не думала о Вас, но А. [82] так хорошо рассказывала о Вас, что вспомнила Вас живым, прежним, и мне сделалось жалко Вас – всем жаром жалости, как я одна умею жалеть.

Вы виноваты передо мной – глубоко – минуя всё – пишу Вам – тому – почти год назад оборвано

Время и молчание работают, чувствую Вас враждебным, а не моим уже – ни одной песчинкой Вашей песчаной (не пустынной! песчаной – говорю о составе) души. Я Вас уступила, я (брезгливо) отстранилась. С самого Вашего отъезда по сей (сентября) день – постоянное нарастание обвинительного акта оборвано

– А того зверька помните, шуршавшего в кустах? Это был тритон или саламандра – «гений этих мест» (dieu des lieux) {25} подслушивавший и шумом покрывавший тайну.

..Обозрев всё назад – слишком близки, чтоб рваться, слишком далеки – чтоб слиться. Ни дали, ни близи, на расстоянии руки. Стихам тут нечего делать.

Милый друг, Е.О. [83] уезжая все-таки передала мне Ваше наставление: не быть столь быстрой в своих суждениях о людях и не столь легко- (-мысленной? весной? верной? Половина слова так и осталась в воздухе из-за моей реплики.)

И вот, объявляю Вам, что мне на днях исполняется 30 лет [84] (NB! 26-го сентября по старому) – и что эти слова я слышу уже с трех, и что это совсем безнадежно.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

И относя эти Ваши слова вовсе не к Яковлеву [85] (которого Вы от меня (!!!) защищаете) а к Вам самому, мой друг – говорю Вам, что все-таки ни о чем не жалею: ни о своей быстроте, ни о своем легко-(мыслии? верии? любии?) и никогда бы не променяла этих своих свойств – хоть было бы сотни вас! на их обратное.

Будьте счастливы, дружок, и ищите себе кого-нибудь на 15 лет моложе и на целую меня меньше.

Тогда Ваши добрые советы может быть и принесут – прок и плод.

МЦ

Впервые – НСТ. С. 418–419. Печ. по тексту первой публикации. Адресат установлен предположительно.

27–24. М.Л. Слониму
Сентябрь 1924 г.

Другой отрывок:

– Письму буду рада, но только как необходимости Вашего вздоха (Вам – воздуха).

Дышите в меня! вот моя формула взамен: – Дышите мной! (а я – что́ буду делать?!)

Дышать другим – задышаться.

МЦ

Впервые – НСТ. С 419. Печ. по тексту первой публикации. Адресат установлен предположительно.

28–24. Б.Л. Пастернаку
Осень 1924 г.

Борис, родной. Я не знаю, долетело ли до Вас мое письмо давнишнее, в начале лета [86]. Длительность молчания между нами равна только длительности отзвука, вернее: все перерывы заполнены отзвуком. Каждого Вашего последнего письма (всегда – последнего!) хватает ровно до следующего, при частой переписке получилось бы нечто вроде сплошного сердечного перебоя. Сила удара равна его длительности, есть ли в физике такой закон? Если нет, – есть.

Борис, если не долетело, повторю вкратце: в феврале я жду сына. Со мной из-за этого ребенка уже раздружились два моих друга, из чистой мужской оскорбленности, негодования, точно я их обманула, – хотя ничего не обещала! А я, в полной невинности, с такой радостью сообщала им эту весть (оба меня любили, т.е. так думали) и знаете чего ждала и не дождалась в ответ: «Ваш сын! Это должно быть чудо!» и еще... «но пусть он и внешне будет похож на Вас». Это я бы сказала Вам, Борис, потому что я Вас люблю, и этого ждала от них, потому что они меня любят, а дождалась — ну, оборвано {26}

Теперь я совсем одна, но это не важно, всё, что не насущно – лишне, двоих не теряют, а одного не было, я ничего не потеряла, кроме – времени от времени – своего же волнения (сочувствия) в ответ на чужое.

Борис, мне противно повторять то́ свое письмо, тем более, что писала я в глубокой потрясенности, теперь свыклась – но там была формула, необходимо, чтобы она до Вас дошла: «единственное отчаяние мое, Борис, – Ваше имя». Я его Вам посвящаю, как древние посвящали своих детей божеству, оборвано

Борис, с рождения моей второй дочери (родилась в 1917, умерла в 1920 г.) прошло 7 лет [87], это первый ребенок который после этих семи лет – постучался. Борис, если Вы меня из-за него разлюбите, я не буду жалеть. Я поступила правильно, я не помешала верстаку жизни (совсем гётевское наблюдение и определение и даже форма, – только Гёте бы вместо жизнь сказал природа. О «детстве Люверс» – потом [88]), я не воткнула палки в спицы колеса судьбы. Это единственное, что я что́. Да, Борис, и будь этот ребенок у меня от первого проходимца, он все-таки был бы,

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru потому что он захотел через меня быть. Да, Борис.

Впрочем, Вы мудры и добры, – зачем всё это? Горечи моей Вы не сможете не прочесть уже с первой буквы февраля. Ни о радости, ни о горечи я говорить не буду, – оборвано

А если это будет дочка – значит, сын впереди.

Я назову его Борисом и этим втяну Вас в круг.

Борис, я закончила большую вещь – I часть трилогии «Тезей»: Ариадна. Приступаю ко второй [89]. В «Современных Записках» (XXI кн.) есть моя проза, из советских записей [90], – достаньте и прочтите. Часть сказки «Молодец» уже отпечатана, выйдет к Рождеству, пришлю. (Здесь очень неисправные типографии) оборвано

Впервые – Души начинают видеть. С. 99–100. Печ. по тексту первой публикации. В НСТ. С. 308–309 – вариант письма (с незначительными разночтениями) с включением приписок 1933 г.

29–24. О.Е. Колбасиной–Черновой
Вшеноры, 17–го октября 1924 г.

Дорогая Ольга Елисеевна, Когда отошел Ваш поезд, первое слово, прозвучавшее на перроне, было: «Как мне жаль – себя!» и принадлежало, естественно Невинному [91]. (Прийти на вокзал без подарка, – а? Это уже какая-то злостная невинность!)

Потом мы с ним пошли пешком – по его желанию, но не пройдя и двадцати шагов оказались в кафе, тут же оказавшемся политическим и даже преступным местом сборища здешних чекистов. Невинный рассказывал о Жоресе [92] и чувствовал, что делает историю.

Засим он – в Волю России, мы – почти, т.е. в тот магазин шерсти, покупать Сереже шерсти [93] на кашне. Выбрали, в честь Вашего отъезда, траурную: черную с белым, явно – кукушечью. Да! Вдоль всего Вацлавского [94] глядели вязаные куртки и платья, причем Невинный на самое дорогое изрекал: «Вот это», так весело и деловито, точно я (или он) вправду собираемся купить.

У остановки 5–го номера столкнулись с Виктором Михайловичем [95], и я, радостно: – «А мы только что проводили Ольгу Елисеевну. Сколько народу было!»

И он, улыбаясь: «Значит, с вокзала?»

Ничего не оставалось, как подтвердить: «Да».

Невинный мялся, и мы его отпустили.

У Карбасниковых [96] нас ждало некое охлаждение, выразившееся в форме одной котлеты на брата, без повторения. Съели и котлету и охлаждение.

– «Только ра-а-ади Бога, Марина Ивановна, не беспокойтесь, не приезжайте ни прощаться, ни провожать» [97], – раза три сряду, на разные лады, с все возрастающей настойчивостью.

И тетка, как в тромбон: «И мебель увезут».

Перед уходом она кровно оскорбилась на меня за то, что я не смогла ей во всей точности указать, где и как в данный час переходят границу. – «Я же совершенно вне политики, да ведь это ежедневно меняется, откуда мне здесь, в Праге, знать?!»

И она, оскорбленно и хитро подмигивая:

– «Наоборот, как Вам здесь, в Праге, не знать, когда у Вас все друзья политические, Вы просто не хотите мне сказать!»

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Простились холодно: Анна Самойловна, очевидно, почуяла, что я всем ее сущим и будущим отпрыскам (или это только у мужчин отпрыски? у женщин, кажется, птенцы) – или птенцам – предпочитаю хотя бы худшую строку худшего из поэтов и это вселяло хлад.

Ах, к черту! Надоели чужие гнезда.

А ночью видела во сне Дорогого [98], – мы с ним переносили груды стекла – всё такие изящные «вещички» – он устраивал квартиру – я помогала, и у него, кроме стаканчиков и рюмочек, ничего не было. Но помню, что я плакала, хотя ничего не разбила, даже проснулась в слезах.

Завтра, 18-го, на каком-то вечере чешско-русской «гудьбы» (музыки) встречусь с Завадским [99], передам ему рукописи, в первую голову – Вашу. Сегодня все это приведу в порядок. У меня после двух дней в Праге, а особенно после Невинного, полное чувство высосанности, какие-то сплошные отзвуки Игоревой «ножки» (видите ли – стукнулся!) [100], теткинских политических границ, слонимовского стекла, – хлам! Буду ублаживаться вязаньем.

Рецензию в «Звене» прочла [101]. Писавшего – некоего Адамовича – знаю. Он был учеником Гумилева, писал стихотворные натюрморты, – петербуржанин – презирал Москву. Хочу послать эту рецензию Волконскому, а отзыв на нее Волконского Адамовичу. Пусть потешится один и омрачится другой.

Часть романа Волконского [102] им присланную, почти кончаю: пока – не роман, но блестящая хроника дней и дел. – Царский бал – прием у Витте – убийство Гапона [103] – книга, конечно, пойдет.

Знаете чувство, охватившее всю группу провожающих, после последнего взмаха последнего платка? – «Как Ольга Елисеевна скоро уехала!» – В один голос. – «Не скоро уехала, а отъехала, – сказала я, – ибо для того, чтобы уехать, нужны люди, а для отъезда – паровоз». Не знаю, оценил ли Невинный укор моего разъяснения (– и упор!).

Жду письма: дороги, вокзала, первого Парижа, первого вечера, первой ночевки. Поцелуйте Адю и расскажите ей, в какой суতোлке (не людей, а предметов!) я живу, чтобы не сердилась, что не написала.

– Мне скверно, – может быть отзвук Карбасниковского громкого благополучия, может быть слонимовское стекло, – но: скверно. То, что я больше всего боюсь: глухой стены, – нет! – брандмауэра, воздвигаемого моей гордостью – случилось, а когда стена – что остается? – головой об стену!

И – главное – я ведь знаю, как меня будут любить (читать – чтó!) через сто лет! [104]

МЦ.

Впервые – НП. С. 71–74. СС-6. С. 682–684. Печ. по СС-6.

30–24. А.В. Черновой
1924 [105]

Дорогая Адя, на днях в Праге встретила с Алей Самойловну [106], – кинулась к нам, как к родным. Я спросила, исполнила ли она поручение Вашей мамы, она сказала, что да, но что Виктор Михайлович [107] сейчас сам без денег. Одета была и выглядела как-то по-цирково, – не знаю, в чем дело, – вроде жены содержателя цирка (в штанах), или глотательницы шпаг. Недавно на вечере XVIII в. в «Едноте» [108] видела, из знакомых, еще жену Яковлева [109] (моей *bête noire* {27}, т.е. той белобрысой бестии из Пламени! [110]) – была со мной крайне ласкова и сказала, что перевела один мой стих на французский. Я изъявила удивление.

Невинный зачах, т.е. я его не вижу, потому что в «Воле России» не бываю.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Запугала его вшенорской грязью и необходимостью мужских ботишков («калоши
затонут!»). Адя, не видели ли Бахраха? Пусть Ольга Елисеевна проинтервьюирует
его на мой счет, посмотрим, какую морду сделает. Толстеют ли дети Карбасникова?
[111]

Целую Вас.

МЦ.

Впервые – НП. С. 88. СС–6. С. 668. Печ. по СС–6.

31–24. О.Е. Колбасиной–Черновой
Вшеноры, 2–го ноября 1924 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Так и не дождалась Вашего письма, хоть и не сомневаюсь, что половина (из
скромности!) Ваших помыслов принадлежит мне.

Нынче унылый воскресный день, вчера был день всех святых (всех мертвых) кто-то
рассказывал, что мой – ваш – Uhelný trh {28} [112] являл собой сплошной цветник,
– могла бы и я принести несколько цветочков на свои недостоверные могилы.
(Недалёко ходить!)

Живу домашней жизнью, той, что люблю и ненавижу, – нечто среднее между колыбелью
и гробом, а я никогда не была ни младенцем, ни мертвецом! – Уютно – Связала два
шарфа: один седой, зимний, со снеговой каймой, другой зеленый – 30-х годов –
только недостает? цилиндра и рукописи безнадежной драмы под развевающейся полой
плаща – оба пошли Сереже, и он, в трагическом тупике выбора, не носит ни одного.

Есть у меня новая дружба, если так можно назвать мое уединенное восхищенье
человеком, которому больше 60-ти лет и у которого грудная жаба – и которого,
вдобавок, видела три раза – и у которого крашенная жена и две крашенные падчерицы
– но дружба, в моих устах, только моя добрая воля к человеку. И вот, не будучи в
состоянии угодить ему стихами (пушкинианец), – вяжу ему шарф.

Это – профессор права – Завадский – бывший петербургский прокурор, председатель
нашего союза и мой соредатор по сборнику [113]. Я уверена, что он бы меня очень
любил, если бы я жила в Праге.

Большую вещь свою я окончила: Тезей (Ариадна) – I часть. Драматическая вещь,
может быть и трагедия. (Никогда не решусь на такой подзаголовок, ибо я женщина,
а женщина не может написать трагедии.) Куда отдам не знаю. В «Современные
Записки» недавно отдала «Мои службы» – отрывки [114]. Вы – знаете, – для нашего
же сборника вещь слишком велика. – Пускай отлежится. – Буду теперь писать II
часть. Замысел трилогия. Думаю, справлюсь.

Уехала третьего дня Валентина Чирикова, с которой меня роднила «великая низость
любви» (из одного моего стиха, там так):

Знай, что еще одна... Что – сестры.

В великой низости любви [115]

– у нее в настоящем, у меня в прошлом. Весной она выходит замуж за какого-то
горного инженера (как жутко! точно все время взрывает мосты! – но всякая
профессия жутка), – которого не любит, потому что любит другого, который ее не
любит [116]. А выходит – потому что 29 лет, и нужно же когда-нибудь начать.

Если бы – миллиардер, я бы поняла, – тогда выходишь замуж за все пароходы! Но –
инженер... Хуже этого только присяжный поверенный.

Таскаемся с Алей к Александре Захаровне [117], выходим в сумерки, – у нее тепло,
она – шарф, я – шарф, Аля на полу возится с Леликом [118] – а за окном и в окно
дождь, по которому сейчас придется идти домой. Возвращаемся в непроглядной тьме,
по лужам, с тоскою выстораживая первый огонек Вшенор.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Так проходят дни. С виду все еще незаметно. (Скоро 6 месяцев!) – На легком подозрении, развивающемся при первом моем вскоке на стул или на стол (достать стакан с полки, поправить штору) – а то и на скалу – достать небосвод! – Лазим с Алей – в ясные дни – исступленно: последнее небо! Впереди – сплошная муть. Здесь хорошие прогулки, но деревня – пытка: с тех пор, как я еще тогда, при Вас – вступилась за Лелика, мальчишки нас с Алей ежедневно встречают ругательствами, камнями и грязью. А сколько таких дней еще впереди!

Стараюсь с помощью сравнительной лестницы (другим, мол, еще хуже!) представить себе – один день, что я счастлива, другой, что я этого заслуживаю, но... при первом комке грязи и при первом неуступчивом куске угля (топка пытка!) – срывается: всем существом негодую на людей и на Бога и жалею свою голову, – именно ее, не себя!

Сереза неровен, очень устает от Праги, когда умилителен – умиляюсь, когда взыскателен – гневаюсь. Бедная Аля вертится, как белка в колесе – между французским, метлой, собственным и чужим беспорядком. Твердо надеюсь, что она выйдет замуж «за богатого», после такого детства только это и остается.

Мечтает, впрочем, о елке: уже считает дни!

6-го ноября.

Дорогая Ольга Елисеевна, а сегодня Ваше письмо. Радуюсь и печалюсь. Бедная Адя! Как жаль. Думая об Аде и об Але, я сразу восстанавливаю в памяти морды детей Карбасниковых (и матери и тетки) – слышу их требовательные голоса: «ветчинки! печеньица!» и ответный противно-медовый – матери: «Они у меня, Марина Ивановна, уди-ви-тель-но любят ветчину. А Аля?» и готова мир взорвать.

Да, есть дети еще несчастнее Ади и Али: те, что под заборами, или те – стадами – в Советской России, но РАЗВЕ ЭТО ОПРАВДАНИЕ?

Аде, 15-ти лет, сидеть ночи подряд над чужими куклами, и Але, 11-ти [119], весь день метаться от метлы к сорному ящику, когда сотни тысяч ничтожеств («Ид») [120] того же возраста челюсти себе смещают, вызывая золотой свободный бесконечный богатый день – дуб, кто этого не чувствует, и негодай, кто не вступается!

Как же Вы, после глаз Вашей Оли и синяков под глазами – Ади, не поверили еще, не заставили себя еще поверить в ликующее, торжествующее, мстящее бессмертие души?! Бессмертие, в котором она открывается! Вроде большевицкого кухаркиного: «Теперь мы господа!» Ведь тех англичан с пароходами нет, как же без верховного англичанина?!

А с «дорогим» я помирилась – третьего дня. Пришла, чтобы говорить о сборнике, т.е. просить денег, он заговорил о «Психее» Родэ [121], которую мне проиграл месяца четыре назад, причем «Психеи» этой нигде не мог найти, ибо запомнил и требовал «Элладу» [122], – я рассмеялась, – он рассказал мне китайскую сказку про девять небес – я задумалась – стало жаль, и ему и мне – года назад, набережных. Он был прост, правдив, нежен, человечен, я – проста, правдива, нежна, человечна. В кафе я уже рассказывала о «номере» с Родзевичем, а в трамвае (он провожал меня на вокзал) уже слушала песенку: «Можно быть со всеми и любить одну», которую парировала настоящей на сей раз песенкой – очаровательной – XVIII века:

Bergère légère,
Je crains tes appas, –
Ton âme s'enflamme,
Mais tu n'aimes pas... {29}

Расстались друзьями, – не без легкого скребения в сердце. – Почему все всегда правы передо мной?? –

Приписка на полях:

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Только что был у нас Петр Адамович, – завтра уезжает. Растопил мне на прощание печку. Было трогательно. Ехать ему смертно не хочется [123]. В тоске.

Целую нежно Вас и Адю. Бедная семья Кесселей [124]. «Беда от нежного сердца», – как называли Александра II, предпосылая беде – Августейшая [125].

МЦ.

Непреренно опишите мне встречу с Чабровым и, если доведется, покажите ему «Переулочки» в Ремесле [126]. Он наверное не видел посвящения.

Впервые – НП. С. 74–79. СС-6. С. 684–687. Печ. по СС-6.

32–24. О.Е. Колбасиной-Черновой
Вшеноры, 16-го ноября 1924 г.

Дорогая Ольга Елисеевна. Деньги получены, – девятьсот крон [127]. Посылаю Вам сейчас восемьсот, к 1-му – еще сто. Получила я их подлогом, ибо доверенности на получение у меня не было, и я ее написала сама. Зabloцкий [128] спрашивал о Вашем местопребывании, я ограничилась туманностями. Попытайтесь (терять нечего!) еще раз подать прошение:

В Комитет по улучшению быта русских ученых и журналистов
– такой-то –

Прошение

Покорнейше прошу комитет продлить выдаваемую мне ссуду и на этот месяц, по возможности в том же размере.

Подпись

Семейное положение:

Заработок:

Адрес: Дольние Мокропсы. и т.д.

Число

Сделайте это немедленно и пришлите мне, вместе с доверенностью: «Доверяю такой-то получить причитающуюся мне ссуду за декабрь месяц».

Прошение я передам Ляцкому, доверенность предъявлю 15-го, вместе с уцелевшим бланком (Вы мне прислали два), в котором я ноябрь переправлю (не бойтесь!) на декабрь.

Жаль, что раньше не пришло в голову, но может быть еще не поздно.

На Ваше первое (длинное) письмо я ответила. На второе, т.е. деловую часть его, скажу следующее: пока мне чехи будут давать, я отсюда не двинусь. Жить, как Ремизовы, Зайцевы и другие парижане, я не могу, ибо добывать не умею. Вы меня знаете.

Если бы – чудом, в которое я не верю, – таинственный ловец жемчужин и улыбнулся в мою сторону, я бы эту улыбку просила направить в Прагу, где мне уже улыбаются. Ему бы эта улыбка, во всяком случае, обошлась дешевле, мне же: 1+1=2. Словом, я вроде того гениально-гносного ребенка из французской хрестоматии, который, потеряв одну монету и получив взамен вторую, ревя и топяя ногами, неустанно повторял: «à présent j'en aurais eu deux!» {30}

Милая Адя пишет о вечере. Милая Адя, когда Вы будете в «таком положении» – интересном единственно для того, кто от этого выиграет, а именно: для очевидного, но незримого – милая Адя, когда Вы именно этим образом будете интересоваться – да еще на 7-ом, а то и на 8-ом месяце – Вы, головой клянусь, ни за что не захотите вечера в Париже, – особенно, имея прелестную привычку, как я,

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
ощущать себя стройной – и интересоваться – совсем другим!

Вечер – в мою пользу, да! Но без моего присутствия. И я Вас серьезно буду просить об этом, дорогая Ольга Елисеевна, *post factum*, когда тайное станет явным. Убедена, что не откажутся выступить ни Зайцев Борис (бррр!), ни еще какие-нибудь Борисы – можно даже будет внушить Зайцеву, что мой Борис [129] (*si Boris il y a?!*) {31} в его честь. (NB! Вот удивится!)

Вчера провела прелестный день в Праге. Ездил с Алей и с одним добрым студентом 46 лет – в Москве у него внук в Комсомоле [130] – получали иждивение, сидели у флэка (старинная пивная), а вечер закончили у моего Завадского, за ласковыми и дельными разговорами. Старик чудесный (53 года, но с виду старше), подарил мне свои воспоминания о временном правительстве (в «Русском Архиве») [131], угощал нас чаем и ходит в моем шарфе. (Сама видала!) 21-го у нас писательское собрание, представила сборник, Ваша «Раковина», надеюсь, пройдет [132].

С Дорогим, как я Вам уже писала, помирилась, но с тех пор не виделась, вчера не зашла и, вообще, ни окликать, ни заходить не буду. Остаток горечи? Привычка к власти? Ах, кажется, нашла формулу: я не ревную, я брезгую. А брезгливость, прежде всего – руку назад.

По тому, как мне хорошо, достойно, спокойно и полновластно со стариками, я убеждаюсь, что мне окончательно-восхитительно было бы с ангелами.

Пишу стихи. – Кажется, хорошие. – За II часть Тезея еще не принималась, – печка мешает. Но топить я ее научилась безукоризненно: ни угля, ни рук не щаю. Сергей Яковлевич (второй) [133] наконец догадался – кто я:

«Апачи [134] высказывают особенное отвращение ко всему, что походит на дом. Они только в исключительных случаях строят хижину из легких ветвей и кустарника; когда же становится слишком холодно, то отыскивают углубление в земле или же строят из земли, камней и листьев род котла в один метр в поперечнике и в ½ метра глубины, скорчившись садятся в него совсем голые, большей частью в одиночку, и встают только на другой день, когда солнце согреет их окоченевшие члены. От дождя прячутся под скалами и деревьями, а прочее время проводят в открытом поле». (Учебник археологии).

17-го ноября 1924 г.

Письмо задержалось. Высылаю его завтра, вместе с деньгами. Дорогая Ольга Елисеевна (получила Ваше письмо к Сереже) – зачем Вы уехали?! Ссуду можно было бы отстоять – хотя бы в половинном размере. Был бы прецедент. – Я в ужасе от Вашей жизни и жизни Ади. Адя вырастет озлобленной, помяните мое слово. Если бы я умирала, я, раздаривая свои дары, завещала бы ей – высокомерие к людям, уже готовое, без предыдущего этапа ненависти. Ненавидеть людей она будет не меньше, чем я, помяните мое слово, она уже и сейчас объелась людскими низостями. Жить среди благоденствующих низших – самоотравление. Мне жаль Адю. Это – характер. В ее глазах – суд. В подростке это – жестоко.

Достаньте ей где-нибудь «Le rêve» Золя {32}, она мне чем-то напоминает героиню. Перечтите и Вы – хотя у Вас времени нет – ну, пусть она Вам расскажет. Сновиденная книга.

Когда буду Вам пересылать остающиеся 100 крон, пришлю немного больше – хочу подарить Але на Рождество (а у нас и других разговоров нет, ибо Аля слишком умна, чтобы жить настоящим, т.е. печкой и тряпками!) «Les nouveaux contes de fée» Madame de Ségur (Bibliothèque Rose) {33} – в Праге их нет – чудные сказки, одна из любимых книг моего детства. Адя, кажется, читала. Там все принцы и принцессы, превращенные в зверей. А то мы с Алей ежедневно читаем le chanoine Schmidt {34} [135] – чудовище добродетели – 190 сказок, негодяй, написал. Я заметно глупею.

Сережин журнал вышел, – по-моему, хорошо – «Своими путями» [136]. – Громить будут и правые и левые.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Впервые – НП. С. 82–88. СС-6. С. 687–690. Печ. по СС-6.

33–24. О.Е. Колбасиной–Черновой
Вшеноры, 25–го ноября 1924 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Что же не шлете прошения и доверенности? Чириков обещал похлопотать о декабрьской ссуде, но, если прошения уже будут поданы в министерство, это не поможет [137].

Кстати, адрес Людмилы [138]:

Malakoff (Seine)

Rue Jean-Jacques Rousseau I

Madame Chnitnikova

(Шнитникова, Людмила Евгеньевна)

О моей жизни. Вся она сводится к нескольким (количественно – очень многочисленным) механическим движениям. Мыканье между пятью-шестью неодушевленными, но мстительными предметами – не маята маятника, ибо я не предмет, а нечто резко-одушевленное, именно – мыканье, тыканье чего-то большого и громоздкого (вспомните стихи Бодлера – о пингвине – нелепом на суше), в быту неорганизованного, между острыми, несмотря на их тупость, а может быть именно тупостью своей, острыми, мелочами быта [139].

Жизнь, что я видела от нее, кроме помоев и помоек, и как я, будучи в здравом уме, могу ее любить?! Ведь мое существование ничуть не отличается от существования моей хозяйки, с той только разницей, что у нее твердый кров, твердый хлеб, твердый уголь, а у меня все это – в воздухе.

Мы кругом в долгах (Вам верну), пришлось из текущего иждивения купить теплые башмаки (135 крон) и перчатки (35) и чулки (35) – (отмораживаюсь) – и вот уже 25-го сегодняшнего ноября ничего в наличности, даже эта марка в долг. «Дни» после моей вежливой перепалки с Зензиновым [140] (платил 50 геллеров строка, я добилась 1.50) моих последних стихов не поместили, – сочувствую, – раз другой за 50, зачем же меня за 1 крону 50? Все всегда правы.

Сереза завален делами, явно добрыми, т.е. бессеребреными: кроме редактирования журнала [141] (выслан, – получили ли?) прибавилась еще работа в правлении нашего союза («ученых и журналистов»), куда он подал прошение о зачислении его в члены [142]. Не только зачислили, но тут же выбрали в правление, а сейчас нагружают на него еще и казначейство. Ничуть не дивлюсь, – даровые руки всегда приятны, – и худшие, чем Серезины! А кроме вышеназванного университетская работа, лютая в этом году, необходимость не-сегодня-завтра приступить к докторскому сочинению, все эти концы из Вшенор на Смихов и от станции на станцию, – никогда не возвращается раньше 10 вечера (уезжает он поездом в 8 часов 30), а часто и в 1 час ночи. Следовало бы поделить наши жизни: ему половину моего «дома», мне – его «мира» (в обоих случаях – тройные кавычки!).

Марк Львович о месте замолчал, вообще замолчал, на торжественном собрании нашего союза (выборы председателя и всего состава правления) отсутствовал, кто-то потом рассказывал: «уехал освежиться на 5 дней». Есть разные помойки: предпочитаю свою, внешнюю! На людях я его всегда защищаю и отношусь к нему с добротой, но есть что-то в этой доброте от моей высокой меры, а может быть – просто от презрения. Мое отношение к нему – мое отношение к еврейству вообще: тяготение и презрение. Мне ни один еврей даром не сходил! [143] (NB! А ведь их мно-ого!).

Завадский («мой» Завадский) из председателей ушел, выбрали при моем живейшем соучастии В.Ф. Булгакова [144]. Он сиял красным, как пион. Седые волосы над

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru младенчески-розовым лбом лоснились. Может быть – двинет сборник? Рукописей – чудовищная толща, сколько грядущих мстителей! Были бы здесь, рассказала бы в жестах и в лицах, много смешного, но так, в отдалении, теряет остроту. Дала в сборник «Поэму Конца» – ту, над обрывом, от которой у Вас разболелась голова – сосны и акации, помните? – очень бы хотелось именно здесь, в Праге, но... если дадут меньше кроны строка (*je baisse à vue de l'oeil!*) {35} придется изъять.

Да, на каком-то вечере в Чешско-Русской Едноте (была второй раз за два года) видела Родзевича. Сидели за столиком с Булгаковой. Прислонили для приличия два стула, якобы ожидая еще пару, которая, разумеется, не явилась. В один из перерывов подошел (Булгакова, по обыкновению, «*va faire un petit tour pour me faire plaisir*» {36} – и Родзевич, не рассчитывая на ее быстроту, не боялся). Мы стояли с Александрой Захаровной [145] – она в голубой шали, я – в голубой шали, она – из деревни, я – из деревни... Истоиво поцеловал руку, и я, задерживая его – в своей: «Родзевич! Да у Вас женские часы!» – «Даже девические». – «Ну, девические – это никогда не точно!» Улыбнулся своей негодной улыбкой (с Булгаковой от такой быстроты отвык) – и, естественно, ничего не нашел в ответ. (Булгакова, получив от своего и всех православных, – отца [146] 400 крон на рождение, купила вместо одних, – двое часов, и те и другие – женские: одни себе на правую, другие Родзевичу на правую: того же вида, качества и размера, чтобы если и будут врать, ввали одинаково. А собственного и всех православных, – отца оболгала, сказав, что часы стоят 400 крон. Рассказывала мне это еще летом, заменив часы Родзевичу какой-то другой необходимостью). Постояли – разошлись. Постояли и с возвратившейся из турне Булгаковой. – Как все просто, и если бы заранее знать! – Со мной всегда так расставались, кроме Бориса Пастернака, с которым встреча и, следовательно, расставание – еще впереди.

Дорогая Ольга Елисеевна, найдите мне оказию в Москву, к нему, – верную! Если не скорую, то – верную. Я сегодня видела его во сне: «*Die Nacht ist tiefer, als der Tag gedacht*» (ночь глубже, чем это думал день) [147], он катал в коляске какую-то девочку – хоть десять! – и жену видела, разумную, не- или умно-ревнивую, – словом, мне нужно ему написать. (Не писала с июня, и на последнее письмо – о своем будущем Борисе – ответа не получила, хочу проверить.) Без любви мне все-таки на свете не жить, а вокруг все такие убожества!

Если бы я надеялась, что письмо когда-нибудь дойдет, я бы писала исподволь по нескольку строк, а так – без надежды – рука не поднимается. Самое важное, чтобы письмо было передано лично, где-нибудь не дома, без жены. Я не хочу мутить его жизнь. Мне нужна больше, чем умная – сердечная оказия. Есть ли такие еще?

Прогулки здесь унылые: голое шоссе, чаще грязное, с кладбищенскими елями и смехотворными скалами. Овраг неприятный. В деревню не хожу, потому что мальчишки камнями швыряются. Были морозы – сейчас оттепель. Ах, да! Недавно у Чириковых видела лапшина [148], сравнил блины с какой-то симфонией Скрябина (какова пошлость!) – Самойловна [149] ему очень понравилась, и «молодой человек» (Адя, примите к сведению!) «очевидно подает надежды». Вспоминал Вас с теплотой, просил кланяться. Ваши писания ему очень нравятся.

Мой сын ведет себя в моем чреве исключительно тихо, из чего заключаю, что опять не в меня! – Я серьезно. – Конечно, у Сережи глаза лучше (и характер лучше!) и т.д., но это все-таки на другого работать, а я бы хотела на себя.

Пишу сравнительно много – отдельные стихи. Очень бы хотела издателя на книгу стихов, – у меня с «Ремесла» не было книги, а тому уже 2½ года, и стихов больше, чем достаточно, на том. Но с «Пламенем» я больше не свяжусь: «Молодец» и к Рождеству не выйдет.

Писал ли Вам Петр Адамович? Мы с ним трогательно простились. Он мне даже печку на прощание затопил на добрую память. Писала это письмо урывками – от печки к примусу и т.д.

Целую Вас и Адю. Не видали ли Бахх-рах-ха?!

МЦ.

P.S. Посылаю Вам три захудалых франка, – может быть пригодятся, здесь мельче 5-ти не меняют, вот и застряли. – Ведь не обидитесь?

Попытка ревности
Как живется вам с другою, –
Проще ведь? – Удар весла! –
Линией береговою
Скоро ль память отошла
Обо мне, плавучем острове
(По небу – не по водам)!
Души, души! – быть вам сестрами,
Не любовницами – вам!
Как живется вам с простою
женщиною? Без божеств?
Государыню с престола
Свергши (с оно́го сошед),
Как живется вам – хлопочется –
Ежится? Встается – как?
С пошлюхой бессмертной пошлости
Как справляетесь, бедняк?
«Судорог да перебоев –
Хватит! Дом себе найму».
Как живется вам с любовью –
Избранному моему!
Свойственнее и съедобнее –
Снедь? Приестся – не пеняй...
Как живется вам с подобием
Вам, поправшему Синай!
Как живется вам с чужою,
Здешнею? Ребром – любя?
Стыд Зевесовой вожжою
Не охлестывает лба?
Как живется вам здоровится –
Можется? Поется – как?
С язвою бессмертной совести
Как справляетесь, бедняк?
Как живется вам с товаром
Рыночным? Оброк – крутой?
После мраморов Каррары
Как живется вам с трухой
Гипсовой? (Из глыбы высечен
Бог и начисто разбит!)
Как живется вам с сто-тысячной
Вам, познавшему Лилит!
Рыночною новизною
Сыты ли? К волшбам остыв.
Как живется вам с земною
Женщиною, без шестых
Чувств?..
Ну, за голову: счастливы?
Нет? В провале без глубин –
Как живется, милый? Тяжче ли –
Так же ли – как мне с другим?
19 ноября 1924

Впервые – НП. С. 88–93 (без приложенного стихотворения). СС–6. С. 690–693. Печ.
по СС–6. СС–2. С. 242–243 (стихотворение).

34–24. О.Е. Колбасиной–Черновой
3-го декабря 1924 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Ваше прошение Ляцкому передано – через Белобородову [150], с сопутствующим письмом.

Что выйдет, не знаю, ведь прошения уже поданы и утверждены. Обидно, что не раньше.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Вы давно не пишете. Ваше последнее письмо было к Сереже, он два раза садился отвечать, но жизнь его так разорвана, по приезде еле успевает поесть, – уже спит. А я не писала давно, потому что все ждала Вашего прощения.

Я начинаю серьезно задумываться о своем недалеком будущем. Событие через 2½ месяца, а у меня – ничего, вплоть до наименования лечебницы. Я даже у доктора ни разу не была, словом – все на Божью волю.

Виделись ли Вы с Людмилой Чириковой? У нее наверно есть младенческие вещи, – не все же сувениры! И нельзя ли было бы закинуть удочку – осторожно? Хорошо бы также попытаться почву (дно, боюсь, мелкое, и вместо китов, например – одни пескаррики, т.е. лирика!) – у Карбасниковых (насчет «приданого»). Нужно столько вещей, что я обмираю: кроме всего тряпичного – коляска, корыто, – откуда это возьму?! Мы кругом в долгах, заработка за этот месяц никакого, – дни (т.е. Зензинов) на мое правоутверждение (1.50 вместо 50 геллеров!) [151] обиделись и последних моих стихов не поместили, посылать еще – неловко, я не нищий.

О лечебнице: в бесплатную мне жутко: общая комната, вместо одного младенца – 20, чешские врачи и чешский язык, курить нельзя, а лежать мне, по моей органической негодности к этим делам, наверно придется, как в прошлые разы, не положенных 9, а то и все 29 дней! Во что я обращаюсь? Подумать жутко. (Знаю свои «не могу»!)

Маргариты Николаевны [152] я не вижу, – как-то она была у нас, мы писали, живут они где-то далеко, дни идут за днями (трамваи, очевидно, за трамваями!) – и ни один из них (дней и трамваев) никуда не довозит. Жирный смех Лебедева, чужая жизнь – и мои несвойственные заботы, все это не спевается.

Но, главное, – приданое. Если бы я знала, что у меня что-то есть, я бы отчасти успокоилась, – все-таки некая реальность.

Да! здесь затевается студия, может быть поставят мою «Метель» [153], – не могли бы Вы мне прислать тот экземпляр, который я Вам дала с собой? Здесь его достать невозможно. Очень, очень прошу. А если утерян, всегда можно достать в «Звене» (кажется, февраль 1923 г.).

С платьями у меня тоже трагично, единственное допустимое – Ваше зеленое (Александра Захаровна мне надвязала верх и рукава). В синее я еле влезаю, а вылезти уже почти невозможно, когда-нибудь застряну навеки (как в лифте!) А больше ничего нет. Беда в том, что приходится бывать в Праге, по делам сборника, сидеть с приличными (NB! Завадский) людьми – и в таком виде. У Людмилы Чириковой много платьев, и она (уверена!), если бы знала, с удовольствием дала.

Но... нужно обольстить. Еще беда (все беды зараз!) – бандаж. Корсет уже невозможен, все кости вылезли и весь он лезет куда-то вверх, под шею, а само b'icho {37} на свободе. Какой-то неестественный вид. В этом Вы мне, конечно, помочь не можете, просто лазарюсь – иовлюсь – жалуюсь.

Но погода прелестная – ни льдинки, ни снежинки – осень с теплым ветром – без дождинки! – но... хозяин поставил печь (деньги – наши, печь – его: в рассрочку!), и вчера мы с Алей были в кинематографе на «Нибелунгах». Великолепное зрелище [154].

И еще – стихи, которым – дивлюсь, что не разучилась.

Убивает Алин французский, отнимающий ровно половину утра (другую – плата и еда), убивают чулки, которые с каким-то протестующим ожесточением штопаю (2 пары своих, 5 Алиных, – и все разлагаются!), убивает еще такой год, а может и два – впереди!

Никто не бывает, кроме преданной Кати Рейтлингер. Недавно разлетелась: – «Марина Ивановна! Что для Вас сделать? Я бы полжизни, я бы правый глаз, я бы душу...»

И я, прохладно: «Три пары теплых штанов для Али (девочка без штанов) – покрой вот: Далее приведен рисунок – бумазейных: одни розовые, друг же голубые, третьи (обнаглевая:) – сиреневые. 2½ метра на три пары. 15-го заплачу (NB! и заплачу!)

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
И еще – надвязать чулки. (Оживляясь: – На Смихове, где мы жили, помните? – как спускаться со Шведской, вторая улочка налево? Так вот, такой магазинчик крохотный. Надвязка – 4 кроны пара»).

Катя уехала с отдувающимся портфелем, а я осталась в приятном ожидании штанов всех цветов радуги и 5-ти пар цельных чулок.

Да, чтобы задобрить... и загладить, сказала ей три стишка.

Сереза видится и водится с Исцеленновыми [155]. Квартиры они так и не сняли, живут в гостинице, в которой Сереза и посещает их, съедая один весь их скромный ужин и опивая чаем. Устроил им работу (верную) в какой-то художественной мастерской. Они его любят, а мне сочувствуют.

Сереза трогателен, подарил мне на свой редакторский гонорар чудную неопрокидывающуюся стеклянную чернильницу (Ваша поганая сова загаживала весь стол!), записную книжку, дегтярное мыло, сушеных винных ягод и («мне») – 1 коробку баррана [156]. И вот уже 10 дней как содержит табаком.

Да, инцидент с «Дорогим». Его заглазно выбрали в правление союза писателей, по предложению Калининкова [157]. (Уезжал на 5 дней «освежиться» – вроде как с той русской чешкой – фамилию забыла – с ужасным голосом.) Приезжает, является в Союз – с отказом: «1) Это не союз писателей, ибо здесь их почти что нет 2) за 2 года существования союз ничего не сделал, даже не организовал охраны своих прав перед издательством „Пламя“, зачастую эксплуатирувавшим писателей 3) я – единственный из социалистов, попавших в правление, и без своих не могу». Общее смущение, вот-вот уже начнут уговаривать (улещать–умасливать) – причем большинство его не выносит – и Сереза, подымая руку: «Прошу слова», и, получив: «Я бы предложил, приняв во внимание заявление Марка Львовича, перейти к очередным делам». Общее согласие. Секунда столбняка, вспышка румянца, руки в рукава, торопливое прощание, – исчез.

Сереза кругом прав, и я его всячески одобряю: писателей прежде всего должен был защищать Марк Львович – социалист, член союза и служащий «Пламени». Это заявление – вызов.

Кончаю, уступая место Але. Целую Вас и Адю и жду письма.

МЦ.

P.S. Недели через две Катя Рейтлингер будет проездом в Париже. (Едет в Англию на какой-то православный съезд и в Париже будет дня 4.) Дам ей Ваш адрес. Если бы удалось что-нибудь заполучить от Людмилы Чириковой, Катя бы наверное привезла. О ее поездке напишу подробнее.

Впервые – НП. С. 94–98. СС-6. С. 694–696. Печ. по СС-6.

35–24. П.Б. Струве
Вшеноры, 4-го декабря 1924 г.

Дорогой Петр Бернгардович,

Вчера Сергей Яковлевич передал мне от Вашего имени деньги [158]. Сердечное спасибо за внимание и доброту, – когда люди редко видятся, принято забывать.

Обращаюсь к Вам за советом: у меня до сих пор не издана книга так называемых «контрреволюционных» стихов (1917–1921 г.), – все нашли издателей, кроме этой. Книжка небольшая, – страниц на 60. Некоторые из стихов печатались в «Русской Мысли». Хотелось бы, чтобы она существовала целиком, потому что, с моего ведома, такой книги еще не было.

Левые издательства, естественно, от нее отказываются.

Называется она «Лебединый стан» [159], в России ее – изустно – хорошо знали [160].

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Если есть какая-либо надежда на ее устройство – отзовитесь, тогда перепишу и представлю Вам.

Вопрос оплаты здесь второстепенен, – мне важно, чтобы тогдашний голос мой был услышан.

Привет и благодарность Вам и Нине Александровне [161].

МЦветаева
Všenory, číslo 23 (P.P. Dobřichovice)

Впервые – ВРХД. 1991. № 162/163. С. 265–268 (публ. М. Ракович). СС-6. С. 312.
Печ. по СС-6.

36–24. А.А. Тесковой
Вшеноры, 5-го декабря 1924 г., пятница

Многоуважаемая госпожа Тешкова,

(Простите, не знаю имени-отчества).

Мне очень трудно ответить на Вашу просьбу (о лекции) утвердительно, – и по двум причинам: первая: для того, чтобы читать лекции, нужно быть уверенным, что в какой-нибудь области знаешь больше, чем другие, – я же такой области не знаю. Тон с кафедры, силой вещей, – поучительный, я – же могу гадать, утверждать, но не поучать.

Причина вторая и, объективно, более веская: в феврале я жду сына (неприменно сына!) – и совсем не могу загадывать о мае. Думаю, что я буду так связана, что навряд ли, даже переборов все внутренние препятствия, смогу 21-го мая, в 7 часов вечера, стоять на кафедре.

В Едноте [162] я была несколько раз, но Вас там не видела. Удастся ли 14-го [163] не знаю, поездки по железной дороге мне уже трудны, и нет подходящего платья.

А вас повидаю с удовольствием. Напишите, какой у Вас ближайший свободный день и предупредите открыткой (приходит на второй-третий день) – буду ждать Вас, могу даже встретить.

Если будет хорошая погода – погуляем (здесь чудесные окрестности), дождь и снег посидим дома и побеседуем, почитаю Вам стихи.

Познакомитесь, кстати, с моей дочерью и мужем.

Думаю, что Вам всего удобнее в субботу или в воскресенье?

Буду ждать Вашей открытки.

Привет

М. Цветаева.
Мой адрес: Všenory, číslo 23 (P.P. Dobřichovice)

ехать до станции Вшеноры (вокзалы: Вильсонов, Винограды, Вышеград, Смихов) – наш дом (23) один из последних в деревне, направо от шоссе, на пригорке, с ярко-голубым забором.

Поезда (со Смихова):

1 час 29 минут, 2 часа 15 минут, 2 часа 57 минут, позже уже не стоит, ибо рано темнеет.

От нас очень много поездов.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Итак, не откладывайте! Следующая суббота – 14-ое, Вы заняты в Едноте, – хотите 15-го, в воскресенье?

Впервые – *Československá rusistika, Praha*. 1962. № 1. с. 17–18 (публ. В.В. Морковина) (с купюрами). СС-6. с. 334–335 (с купюрами). Печ. полностью по кн.: Письма к Анне Тесковой, 2008. с. 13–14.

37–24. О.Е. Колбасиной–Черновой
Вшеноры, 11 декабря 1924 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Ваше дело с иждивением плохо: Ляцкий обещал сделать, что может, но заранее предупредил, что ничего не может, – прошения поданы и утверждены, срок пропущен.

15-го вышлю Вам 50 крон, когда смогу – еще 50, я уже давным-давно не получала ниоткуда ничего, иначе бы выслала раньше.

Был у нас в прошлое воскресенье совершенно неожиданно – Невинный, предстал уже в сумерки и уехал в проливной дождь. Приехал, из кокетства, без зонта и без калош, и был очень смущен неожиданным (это в Чехии-то!) явлением природы. Говорил, естественно, о Париже, куда собирается через две недели и на несколько месяцев. Жаловался – довольно кротко, впрочем, – на какое-то Ваше возмущенное письмо к товарищам, ту же нотку я уловила и у Маргариты Николаевны [164] (между нами!), у которой мы недавно были с Алей.

Какая квартира! (Скороговоркой: «не квартира, а конфетка!») – Возглас не осуждения, не зависти, а удивления. Тепло и не где-нибудь, в каком-нибудь углу (NB! печном) – а сразу, равномерно и всюду. Какие-то испанские балконы с зеленью – вроде зимнего сада или тропик – запах эвкалипта и духов, скатерть, приборы, бархат на девочке и на креслах восхитительно. Лебедева не было, что прелести не убавляло.

Обещала разузнать мне про лечебницу, врача, бандаж и пр. Была мила. Накормила чудным обедом. Скоро увижусь с ней еще.

Жду визита одной чешки [165] – пожилой и восторженной, которая пригласила меня читать лекцию о чем хочу в Карловом университете 7-го мая 1925 г. в 7 часов вечера, на что ей было объявлено о моих собственных 7-ми месяцах и гадательных еще часах и датах определенного февраля 1925 г.

Жаль, что она не акушерка! С деловым (у Достоевского умным) человеком и поговорить приятно. Но она, кажется, увы – старая дева! Если она лирически спросит, чего бы я хотела, я отвечу: «Козы для ребенка и няньки для меня». – Это вместо тридцати царств-то! –

Обрываю, ибо Сережа летит на поезд.

Целую Вас и Адю.

МЦ.

Впервые – НП. с. 99–100. СС-6. с. 697. Печ. по СС-6.

38–24. Е.А. Ляцкому
Вшеноры, 18-го декабря 1924 г.

Дорогой Евгений Александрович,

Огромное спасибо за Ольгу Елисеевну [166]. Сегодня Ваше письмо заблоктору [167] будет доставлено, посмотрим, заартачится или нет.

Если деньги все-таки удастся получить, непременно сообщу Черновой, чьему участию

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru она обязана этой удаче.

Сердечный привет и благодарность.

М. Цветаева

Впервые – газета «Моя Москва» (1991. авг.) (публ. Г. Ванечковой). СС-6. С. 782. Печ. по СС-6.

39–24. О.Е. Колбасиной–Черновой
Вшеноры, 26–го декабря 1924 г.

Дорогая Ольга Елисеевна.

Завтра Сережа высылает Вам иждивение – 900 крон наконец полученные у Заблоцкого.

Тотчас же напишите благодарственное письмо Ляцкому (и Белобородовой) – их рук дело, и дважды: 1) выпросить у чехов, 2) уломать Заблоцкого. Мне он 15-го наотрез отказался выдать: госпожа Чернова в Париже, и я запрошу Министерство. В Министерстве (уже забыв о Ляцком) естественно отказали. Тогда я вновь обратилась к Ляцкому (т.е. попросту стравила двух старичков!) – с жалобой на Заблоцкого, – переписка – поиски адреса Заблоцкого (никому не дает, но Сережа достал) – погоня его за Сережей и Сережи за ним, – в итоге 900 крон и все слава Богу.

Адрес Ляцкого:

Praha Smichov

Tř. Svornosti, 37. Panu Professoru E. Laitzky {38}

Мой совет: пользуйтесь случаем, и в наилестнейших выражениях просите работы. Даст.

Дальнейшее деловое: умоляю о скорейшей высылке «Метели». Пламя покупает у меня книгу пьес, кроме того «Метель» хочет ставить здешняя новая студия, – руки себе грызу, что тогда Вам отдала. Если потеряли, достаньте «Звено» (кажется, № 12, февраль 1923 [168]), я знаю, как это трудно и нудно, но в Праге № с «Метелью» нет. Достоверно. (Искал Исцеленов, один из зачинателей студии.)

Завела, наконец, бандаж. Покупали с Маргаритой Николаевной. Сразу воспряла духом, – ненавижу расплывчатость. Но это пока все, что у меня есть «для ребенка». («Это все для ребенка, это все для ребенка, это все для ребенка» – Игорь Северянин.) [169]

Завтра уезжает в Англию Катя Рейтлингер; если через Париж (может быть через Голландию), то будет у вас. Я дала ей адрес Невинного и Ваш старый. В Париже будет неделю и Вас разыщет, т.е. отправит Вам petit bleu {39}, а Вы ей, в свою очередь, назначите свидание. Она бойкая и Ваши бойни [170] разыщет. (Бюю только, что всех быков перепугает.)

Вчера были на елке в «Воле России» – устраивали Лебедевы [171]. Были Яковлевы с детьми, Минахорьян [172], Ольга Ивановна [173] со своей чешской дочкой, сами Лебедевы и мы с Алей. Елка, вне религиозного обряда, – как ни увешана – пуста. Дети представляли из себя Интернационал, – поэтому ничего не пели вокруг елки, кружились в молчании. (Французские Яковлевы, чешская девочка, не-русская Ируся [174] и русская Аля.) Хозяйева были милы и сердечны, посадили нас на трамвай. Аля увезла длинную белую картонку, наполненную елочными украшениями и сладостями. На русское Рождество пригласили их во Вшеноры.

Много пишу. Перешли на керосин, – дешевле и уютнее. Две жестяные лампы. Две жестяные печи. Первые наливаем, вторые топим, и те и другие чистим. На все это уходит много времени. И время уходит – проходит – до моего Бориса уже меньше двух месяцев [175].

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Бывают у нас: Катя Рейтлингер, изредка Исцеленовы. А мы с Алей – нигде: до
Мокропсов в холод и гололедицу далеко, а во Вшенорах у нас никого, кроме
Чириковых, нету, а те слишком умны, чтобы сидеть во Вшенорах: ездят в Прагу.

Сборник («Ковчег» – мое название) разбивается на два. О гонорарах пока не слышно. Будут – Вам в первую голову. Меня мои сотрудники любят.

Какое Рождество празднуете? Два? Была или будет у Ади елка? Кстати, Madame Лебедева усиленно приглашала нас с Алей на свою. Нравлюсь я ей? Сомневаюсь. Нужна я ей? Несомненно – нет [176]. Любопытство? – Да. И поэтому не пойду. Мальчик (Pierrot) {40} [177] милый, девочка кукольная. А с папашей мы ни слова не сказали, он и руку подает как бревно.

Пока кончаю. На молчание не сержусь, никак его – в смысле кривотолков – не толкую. День требует своего, в этом вся разгадка.

Аля целует, Сережа шлет привет. Деньги отправляются по адресу Сталинского.

Всего лучшего Вам всем.

МЦ.

Были ли у Людмилы Чириковой? Напишите о ней. И пойдите еще, – у нее сейчас гостит Валентина. Адрес: Malakoff S. Rue J-J. Rousseau, 1. Умоляю о высылке Але книги: Comtesse de Ségur. Nouveaux contes de fées {41}. Верну с долгом.

27-го декабря 1924 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

А сегодня Ваше письмо!

Утро. Сережа торопится уезжать. Только что был почтальон. 2 часа назад уехала Катя Рейтлингер, если бы письмо пришло вчера, дала бы ей Ваш новый адрес. Впрочем, до сих пор не знаю, через Голландию или через Париж (едет в Лондон).

Бедная Адя! Но непременно нужно будет отпраздновать русское Рождество, к которому она наверное поправится, и очеловечить новую квартиру елкой.

Сегодня же начинаю Вам большое письмо. И Сережа сегодня же, уже не через Сталинского, а по новому адресу высылает Вам деньги.

Напишите Ляцкому и о болезни Али, может быть выхлопочет еще одну стипендию (на январь). И Белобородовой – отдельно – она ревнива. Адрес Ляцкого перепишите на стену, а то потеряете.

Целую Вас и Адю, спешу.

МЦ.

Впервые – НП. С. 100–102. СС-6. С. 698–700. Печ. по СС-6.

40–24. О.Е. Колбасиной–Черновой
Вшеноры, 27 декабря 1924 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Только что отправила Вам письмо с короткой припиской в ответ на Ваше, полученное в последнюю минуту, – Сережа уже шел на вокзал.

Я Вам писала о елке у Лебедевых (в Воле России) и не написала Вам о заминке в комнате каждый раз, как мною произносилось Ваше имя. Когда Лебедев сказал, что в Париже Вас не видел, я «чистосердечно», т.е. очень громко, удивилась. Он поспешил отговориться болезнью. Маргарита Николаевна вторично упоминала о Вашем молчании. Яковлев, с флегматической полуусмешкой, рассказал о каком-то фельетоне Кесселя... «теперь Оля и Наташа знаменитости. Чуть ли не на миллион заказов»... Я:

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru «Заказов – плохо, лучше бы просто миллион». Лебедев: «Ну, таких дураков найдется мало». Я: «То, что вы называете дураками – просто люди с воображением. Нужно не иметь никакого, чтобы после такой каторги предлагать – заработок». Лебедев: «А вы бы что предложили?» – «Отдых, т.е. миллион без заказов: tout rond et tout court {42}». Общий смех и моя высокомерная не-улыбка.

Встреча с Оболенским [178] замечательна – как в романе. И дальнейшее – дружба родителей – тоже. Классический конец: его женитьба на Аде. Адя, хотите? Дети не будут орать и будут кудрявые. И все в доме – крашеное. Помните, в «Аленьком цветочке», кажется невидимые и неслышимые слуги? А может быть он – заколдованная собака и с любовью к нему красавицы примет свой прежний образ? И вы будете княгиней. (И царицей – в собачьем царстве!)

Передайте ему мой сердечный привет. И приучите к дому. Он будет помогать.

Мои дела. Иждивение мне, очевидно, сохраняют – и не мне одной. (Вам бы наверное сохранили.) Думаю оставаться в Чехии, пока будут кормить, т.е. наверное еще целый год. Дальше??? – Дальше может быть Сережа получит место, или я «прославлюсь», сейчас я в ящике без воздуха, не скрываю, это не жизнь, для жизни (без людей) нужна природа, новая природа с голосами, заменяющими людские, – нужна свобода – у меня ни того, ни другого, ни десятого, у меня своя тетрадь. И так еще год. (Я о своей душе говорю, о главной, о требовательной, о негодующей себе!) Я недавно читала в каком-то письме Достоевского о его скуке и перенапряженности без внешних впечатлений: «5 месяцев одно и то же. Еще держусь» [179]. Если он, Крез души и духа [180], томился по внешнему: людям, видам, зданиям, – все равно! – как же не томиться мне!

Кроме того, я знаю, откуда это томление: голова устает думать, душа чувствовать, ведь, при отсутствии внешних впечатлений, и та и другая живут исключительно собой, собой без повода, в упор, целиком собой. При напряжении необходимо разряжение. Его нет. Освежение. Его нет. Рабочий после завода идет в кабак – и прав. Я – рабочий без кабака, вечный завод.

Сережа с Исцеленовым (и Брэй'ем [181], Вы его не знаете – англичанин – режиссер – блестящ) затеяли студию. Ставят «Царя Максимилиана», (народное, по Ремизову. Сережа играет царского сына), «Адольфу» – нечто вроде Святого Георгия [182]. Что выйдет – не знаю. Дело в хороших руках, есть актеры – но будут ли деньги? Пока у них небольшое помещение, репетиции идут. Сережа очень увлечен. Как-то приводил сюда своего Брэй'я: небольшой быстрый рыжий человек, горящий и не гаснущий, острый в реплике, с лучше чем вкусом: нюхом. Страстно любит Пастернака. Сошлись. Сережа с ним будет встречать здешний Новый Год, – в Праге в эту ночь (Сильвестрову) «все позволено» [183]. Будут ходить по улицам и заходить в рестораны. Говорят, пьяные чехи угощают русских. Я сама уговорила Сережу, потому что я на такие дела уже не гожусь.

Вчера была у нас Катя Рейтлингер: рецидив одержимости Сережей, вела себя истерически, клеила Але игрушки на елку, хохотала, вскакивала, намекала, заигрывала, – тяжело было смотреть. Умолила меня не идти провожать ее на станцию: «такой ужасный мороз!» – все это смеясь и плача, я была потрясена такой явностью. Если хотите ее совсем очаровать, говорите с ней побольше про Сережу.

Людские посещения мне мало дают. Первая минута радость (от перемены! нарушения хода) – и сразу примус, печь, посуда, – мыть, варить – ничего не успеваешь, все грязное, все жжется, потом наспех стихи прочесть – и уже темно – и уже люди спрашивают про поезда. Кроме того, не умею на людях, мне нужны не люди, а человек один – упор хотя бы одного вечера.

Получила от «дорогого» «Психею» Родэ [184]. Двухтомный (800 страниц) ученый труд, сухой, sans genie {43}. Мне, в итоге, важно, кто пишет, а не о чем! А здесь – никто, и Психея не встает. Тело, из которого Психея отлетела, – вот его книга. С удовольствием бы продала.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
С «дорогим» после Вашего отъезда виделись два раза: раз когда «мирились», другой недавно, в «Воле России», наспех, на людях, три минуты. Он мне определенно радуется и определенно во мне не нуждается, – Невинный более предан, чем он. Пошлю ему на Новый Год тот стих, что Вам послала («Как живется Вам...»). Пусть резнет по сердцу или хлестнет по самолюбию. В тот вечер, по крайней мере, ему будет отправлена его «гипсовая труха» [185].

Вязать перестала: нет денег на шерсть и дико, дико надоело. А Александра Захаровна продолжает: облако белых шалей для всей деревни: вяжет как тонут. Никуда не хочет ехать. Здешний Художественный [186] звал ее в турне: с ужасом отвергла. Боюсь, что ее через 50 лет (деревенский воздух полезен!) схоронят на мокропсинском кладбище. А Лелик женится на дочке лавочника (Баллона) [187], обаллонится и будет торговать.

Кесселю книжку? А quoi bon? {44} Ну, любезное письмо в ответ. Сделаем: я Вам пришлю, а Вы – от себя – подарите. Мне нужен Пастернак – Борис – на несколько невечерних вечеров – и на всю вечность. Если это меня минует – *vie ét vocation manquees* {45} – Наверное, минует. –

И жить бы я с ним все равно не сумела, – потому что слишком люблю.

Мой сын будет Борис, – я Вам говорила? А если дочь – Ксения. Холодное и княжеское имя, по-французски на самую гадательную букву алфавита: X.

Очень рада оказии Оболенских. Если повезут детские нагрудники, будет совсем усладительно: одна из них в очках и самого стоического вида и нрава (Ася) [188]. «Никаких нагрудников!» И вдруг – повезет. И вдруг – отберут?! и вдруг придется нагрудники – отстаивать.

Дайте мне в следующем письме адрес – Карбасниковых. Хочу поздравить их на русское Рождество и Новый Год. (Вы не читали «Наши за границей» Лейкина?) [189] Не забудьте написать Ляцкому может быть еще одно иждивение выгорит. А Бедобородовым напишите отдельно, иначе погубите все дело.

Целую нежно Вас и Адю.

МЦ.

Впервые – НП. С. 103–107. СС-6. С. 700–703. Печ. по СС-6.

41–24. А.В. Черновой
29 декабря 1924 г. [190]

Катя Рейтлингер поехала через Голландию, но на обратном пути (около 10-го и 12-го) возможно, что будет в Париже. Адрес Ваш у нее есть.

Дорогая Адя, передайте маме, что деньги посланы (вчера, 28-го, через банк). Целую Вас, поправляйтесь.

МЦ.

Впервые – НП. С. 108. СС- 6. С. 668. Печ. по СС-6.

1925
1–25. О.Е. Колбасиной-Черновой
Вшеноры, 2-го нового января 1925 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Вчера я была у Чириковых, они очень озабочены судьбой посылки (материи), – на днях пришло письмо от Людмилы, в котором она спрашивает Ваш адрес. Я дала. Людмила (очевидно, по своему почину – еще лучше!) собирается прислать мне кое-какие вещицы своей девочки и не знает – как. Я думаю, лучше всего по почте, – ведь за старые вещи пошлины не берут? – бережа оказию (Катю Рейтлингер,

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru например) для чего-нибудь более ответственного (если Карбасникова не раздумала). Катя у Вас будет числа 10-го – 12-го, она сейчас в Лондоне на конференции и обещала предупредить Вас. Ваш новый адрес у нее есть.

Готовимся к елке. Аля, считавшая дни уже с октября, вне себя, мечтает елку украсть и пронести перед носом сторожей, одетую в детское платье. На самом деле – полон лес елок, а придется везти из Праги.

Клеим украшения и – Вы удивитесь главным образом я. Золотим баранов, львов, волков, черные адские и голубые райские деревца с золотыми яблоками, – изобретаю, вырезаю и оклеиваю сама. Аля, за медлительностью, только успевает ахать. Сережа, так нагло хваставшийся тем, что «воспитывался в детском саду и поэтому все елочное знает как свои пять пальцев» – эти пять пальцев (и еще пять!) однажды основательно замусолил, клея гигантский фонарь, и на этом остановился. Фонарь же, недоклеенный и похожий на средиземного спрута, пылится на вышке шкафа.

Привыкаю радоваться чужими радостями (своих нет). А сын, скажете? Сын, это радость через ½ года, первое время я его буду бояться. Кроме того, я его уже ревную (ревную исключительно до трех лет, – нет, до семи, но потом слабее) и уже думаю о призыве (честное слово!) 1946 г.

Иногда, ловя себя на мечтах о няньке, думаю: а вдруг он эту няньку будет любить больше, чем меня? – и сразу: не надо няньки! И сразу: видение ужасных утр, без стихов, с пеленками, – и опять *crí du соеиг* {46}: няньку! Няньки, конечно, не будет, а стихи, конечно, будут, – иначе моя жизнь была бы не моя, и я была бы не я.

Аля начинает говорить по-французски: «сила ломит и соломушку», в книгах понимает приблизительно треть, не пропустили с ней и пяти дней с Вашего отъезда. Эти уроки моя кара, поэтому не отступаюсь. Но итоги налицо. Хочу довести ее до свободного, по собственному почину, чтения, – тогда примусь за немецкий.

Вы видите, чем я живу? Нет, я не этим живу.

Конец письма отсутствует

Впервые – НП. С. 108–110. СС-6. С. 704–705. Печ. по СС-6.

2–25. О.Е. Колбасиной-Черновой
4-го января 1925 г.

Милая Ольга Елисеевна, только что получила «Метель» и статью о Ремизове [191], – спасибо. И одновременно письмо от Кати Рейтлингер, она потеряла записную книжку с адресами и просит сообщить Ваш. Пишу ей на всякий случай в Лондон, но для верности – вот что: напишите ей на адрес Оболенских, она в Париже наверное будет жить у них. Сообщите ей свой адрес и приблизительные часы, когда кто-нибудь дома. Сделайте это тотчас же по получении письма, в Париже она будет не позже 8-го и останется дня четыре. Боюсь, что мое письмо в Лондон ее уже не застанет.

А вот если адреса Оболенских не знаете – тогда уже не знаю, что выдумать. Боюсь обременять Вас лишними хлопотами.

Зовут Катю – Катерина Николаевна Рейтлингер.

Получила какое-то безумное письмо из Лондона (вне связи с Катей) от еврея-красноармейца-поэта, прочитавшего мои записи в «Современных Записках» [192] – и негодуяще вопрошающего меня, «почему я ушла от них». Отвечаю ему, что первым моим ответом на октябрьскую революцию был плевок на флаг, задевший меня по лицу. 1917 г. – 1925 г. – 8 лет, флаг выцвел, плевков остался. – В этом роде. – Хорошо отвечаю.

Нужно быть идиотом (этого не пишу), чтобы после «Георгия», стиха к Ахматовой и «Посмертного марша» в Ремесле [193] не увидеть – кто я, мало того: вообразить,

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru что я с «ними». Людям непременно нужна проза: фамилии: точка над і. Думаю, что молодого человека больше всего задело еврейское в «Вольном проезде», – сам он: Leo Gordon, а тут все Левиты да Зальцманы, – не вынесла душа!

Статью Саши Черного еще не читала, тороплюсь с отправкой письма. Целую Вас и Адю. Всего лучшего вам всем в 1925 году!

МЦ.

В «Воле России» (в январском №) будет мой стих – большой «Полотёрская» (уже проеден.) Наверное, понравится Аде.

Деньги (100 крон) Вам верну из гонорара за пьесы, верну непременно, только бы «Пламя» не раздумало купить [194]. Теперь они все в сборе.

В пражском «Рудольфинуме» сейчас выставка Исцеленова и Лагорио [195] я не была, Сережа был, – хвалит.

Впервые – Wiener Slavistisches Jahrbuch. Wien. 1976. Bd. 22. S. 109–111 (публ. Хорста Лампля). СС-6. С. 705–706. Печ. по СС-6.

3–25. А.В. Оболенскому
Вшеноры, 5-го января 1925 г.

Дорогой Андрей Владимирович,

Сообщите, пожалуйста, Кате [196] адрес Черновых:

Paris, 19-e arrondissement

8, Rue Rouvet [197]

Он у нее был, и она его, с записной книжкой, потеряла. Не могу представить себе, чтобы Катя к Вам в Париже не зашла, – думаю, что она даже остановится у Вас [198].

Ольга Елисеевна писала мне о вашей необыкновенной встрече, – как по-писаному! как в романе! Князь-маляр и жена бывшего министра [199].

Слышала о Вашей сравнительной удаче, из других ремесл это пожалуй не худшее, – вспомните Тома Соьера и его стену (если когда-нибудь читали) [200].

Много пишу. В январском № «Воли России» будет мой стих длинный [201] – возьмите у Ольги Елисеевны и прочтите. У нее же можете достать мою прозу «Вольный проезд» («Современные Записки» книга 21) и «Чердачное» в рождественском № «Дней» [202]. В рождественском № чешского «Спроводая» появился мой портрет [203] – между Кондаковым и Струве [204]. На их фоне я решительно выигрываю. Чехи написали, что никто меня из России не высылал, но что я не смогла вынести всех большевицких безобразий и сама уехала. – Забавно. –

Елки у нас еще не было, – справляем, по-старому. И Нового Года еще не встречали.

Изнемогаю от печек, углей, грязи, посуды, всей этой пятилетней невылазной чернейшей работы. Но все-таки служить бы не пошла. Это единственное утешение. Всё в моей жизни: «Tu l'as voulu, Georges Dandin!» {47} [205]

У нас весна, – настоящая. Ходим в платьях. (Чешский климат, под влиянием русских студентов, еще раз сошел с ума!) Еще несколько дней – и распустятся почки. Дивное синее небо, теплый веющий воздух, – сплошной обман! Но – радуешься. Где-то так жарко, что перепало и нам.

А Сережа с Мишей З. [206] сейчас пошел за елкой, – к верхнему леснику, где мы когда-то жили [207]. Аля, несмотря на явную весну, настаивает на Рождестве.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

До свидания, дорогой Андрей Владимирович. (Забыла спросить: как портфель? клад?) Буду рада получить от Вас весточку. Пишите и о Черновых: как Вам понравились старшие? [208] бываете ли? как им живется? Это прелестнейшая и сердечнейшая семья.

Не забудьте тотчас же по получении письма направить к ним Катю. Если она не у вас – известите ее там, где она.

С сердечным приветом

М.Цветаева.

Впервые – Звезда. 1992. № 10. С. 29–30 (публ. Е.Н. Лубянской). СС-6. С. 655–656. Печ. по СС-6.

4–25. О.Е. Колбасиной–Черновой
Вшеноры, 8-е января 1925 г.

Дорогая Ольга Елисеевна.

Большая просьба: возьмите в «Современных Записках» мою рукопись «Мои службы» и переправьте ее Мельгунову [209] для «На Чужой Стороне». «Мои службы» Современные Записки, заказав, отклонили, причина неизвестна, да для меня и безразлична, мне важен итог [210]. А итог: на какое-то основательное количество франков меньше, нужно восполнить, все мне советуют «Чужую Сторону».

Очень прошу, не поручайте «Современным Запискам» пересылать самим, пусть лучше Мельгунов не знает, что рукопись уже гостила, пусть они отдадут Вам, а Вы уже перешлете. (Мельгунов живет где-то под Парижем.) Только, препровождая рукопись, оговоритесь: не подойдет, прошу возврата, вторично ее у меня нет, а переписывать – большой труд.

Да! Прежде чем идти в «Современные Записки», запросите по телефону (Париж ведь – не Прага?), у них ли эта рукопись, не отослана ли к Степу [211] в Германию. (Отказ – через Степу.) Очень прошу Вас сделать это возможно скорей, и Мельгунова поторопите с ответом, «Современные Записки» молчали 2 месяца!

Вчера у меня был наш председатель В.Ф. Булгаков, планировали сборник. Ваша вещь принята, гонорар либо 350, либо 300 крон с листа, получу на Вас в первую голову, опять притянув Ляцкого. (Издаст, очевидно, «Пламя».) Сборник совсем собран, большой, хороший, приблизительное содержание:

Маковский: Венецианские сонеты

Туринцев: стихи

Недзельский: Походы (стихи)

Рафальский – стихи

Я: «Поэма Конца»

Чириков: «Поездка на о. Валаам»

Сергея – «Тиф»

Немирович–Данченко: еще не дал

Калинников – «Земля»

Вы – «Раковина»

Аверченко – рассказ

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Долинский – «Чугунное стадо» (NB! Поездка с англичанином!)
Крачковский – еще не дал
Кожевников – из цикла «Городские люди» (о Чехии)

Нечитайлов «Болгарские и македонские песни»

Булгаков – «Замолчанное о Толстом»

Кизеветтер – «Заметки о Пушкине»

Савинов – «Оттокар Бржезина»

Завадский – «О русском языке»

Булгаков – «Что такое слово»

Может быть что-нибудь в беллетристике забыла. Называться будет (крестила – я)
«Ковчег» [212].

Вся Прага занята юбилеем Немировича [213]. Были бы здесь – много рассказала бы о «дорогом». Он сейчас в полосе ожесточенного самолюбия, ведет себя мелко, не будучи мелким, мне жаль его, но помочь не могу. Отзывы со всех сторон (вне политики!) самые удивленные и нелестные, но как-то зарвался («занесся»), делает бестактность за бестактностью, наживает себе врагов среди самых сердечных и справедливых людей. Жаль. – Но помочь не могу.

Сам предлагал мне (около месяца назад) купить у меня книгу («Романтику») [214] и вот на два письма не отвечает. Я не привыкла к такой невоспитанности, это еще хуже бессердечия, ибо не подлежит никакому сложному толкованию.

Все ходим с Алей по елкам: третьего дня у Лелика, вчера у Чириковых. Дети, я замечаю, меньше всего заняты елкой. Дети любят подарки, взрослые – детьми, а елка как Сивилла, вспоминающая свои скалы [215]. К Але это не относится: она душу отдаст за лишние пять свечей.

Елка будет и у нас, есть уже, украшена и наряжена, в бахромах и в блестках, кроме них – все самодельное, в Сочельник золотили шишки и орехи, доклеивали, докрашивали. Была служба, приезжал Булгаков [216] из города, служил в Мокропсах, в ресторане, говорил проповедь. 12-го иду с Муной [217] к земгорской врачихе, – может быть поможет мне устроиться в лечебнице бесплатно, – «Охрана матерей и младенцев», 30 крон в день, дешевле, чем в «Красном кресте». Новый год встречаем во Вшенорах, с Чириковыми и Александрой Захаровной. Завтра Аля ждет на елку Ирусю, боюсь, что Маргарита Николаевна обидится, что перерешаю с лечебницей, но ее – вдвое дороже (600 крон за 10 дней), и никаких надежд на даровое лежание.

Уже вечер. Пишу при лампе. В комнатах – весь уют неприята. Сережа в городе, Аля рисует в новом альбоме и грызет орехи. Я между плитой (вода для стирки) и письменным столом, как сомнамбула, как мыслящий маятник. Эта зима – наиглушайшая в моей жизни, точно я под снегом. В будущем году – давайте? – приеду в Париж. Посажу вместо себя Катю Рейтлингер или Муну (они меня все так любят!) и приеду. – Ну, на две недели, чтобы опять услышать звук собственного голоса, – своего настоящего – «denn dort bin ich gelogen, wo ich gebogen bin» [218] (ибо где я согнут – я солган!). Вы ничего не пишете мне об оказии к Борису Пастернаку, – мне так нужно ему написать, я даже не знаю, дошло ли мое июньское письмо, – ни звука. Во 2-ой книге «Русского Современника» [219] два моих стиха, он дал, я не видела, мне говорили. Осенью это была святая Елена (с верховыми прогулками и подозрными трубами несдавшегося императора), сейчас это «погребенные под снежной лавиной» или шахта: глухо. А другие живут – тут же рядом в таких же «двух комнатах с плитой и печью», знакомятся, любят, расходятся, вьют и развивают гнезда... Боюсь, что беда (судьба) во мне, я ничего по-настоящему, до конца, т.е.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru без конца, не люблю, не умею любить, кроме своей души, т.е. тоски, расплесканной и расхлестанной по всему миру и за его пределами. Мне во всем – в каждом человеке и чувстве – тесно, как во всякой комнате, будь то нора или дворец. Я не могу жить, т.е. длить, не умею жить во днях, каждый день, – всегда живу вне себя. Эта болезнь неизлечима и зовется: душа.

И всё такие разумные люди вокруг, почтительные. Я для них поэт, т.е. некоторая несомненность, с которой считаются. Никому в голову не приходит – любить! А у меня только это в голове (именно в голове!), вне этого мне люди не нужны, остальное все есть.

Целую Вас нежно. Самая приятная новость в конце Алиного письма [220].

МЦ.

Впервые – НП. С. 110–114. СС-6. С. 706–709. Печ. по СС-6.

5–25. А.А. Тесковой
Вшеноры, 11-го января 1925 г.

С Новым Годом, милая Анна Антоновна.

Давно окликнула бы Вас, если бы не с субботы на субботу поджидание Вашего приезда.

Теперь обращаюсь к Вам с просьбой: не могли ли Вы разузнать среди знакомых, какая лечебница («болезнь» Вы знаете) в Праге считается лучшей, т.е. гигиенически наиболее удовлетворительной, считаясь с моей, сравнительно малой, платежеспособностью. Как отзываются об «Охране материнства»? [221] (сравнительно – дешевая). Срок у меня – месяц с небольшим, а у меня еще ничего не готово, кроме пассивного солдатского терпения, – добродетели иногда вредной.

Простите, что беспокою Вас столь не-светской просьбой, но у меня в Праге ни одной знакомой чешской семьи, – только литераторы, которые этих дел не ведают.

Шлю Вам привет и не теряю надежды в ближайшем будущем увидеть. – У нас прелестная елка, будет стоять до Крещения (6/19-го января), приезжайте, зажжем.

Сердечный привет.

М.Ц.

Впервые – Československá rusistika. Praha. 1962. № 1. С. 48 (публ. В.В. Морковина) (с купюрами). Письма к Анне Тесковой, 1969. С. 27 (полностью). СС-6. С. 335. Печ. по: Письма к Анне Тесковой. 2008. С. 15.

6–25. В.Ф. Булгакову
Вшеноры, 11-го января 1925 г.

Милый Валентин Федорович,

Посылаю Вам Нечитайлова, – сделала, что могла. Одну песню (Московская Царица) я бы, вообще, выпустила, – она неисправима, все вкось и врозь, размера подлинника же я не знаю. (Отметила это на полях) [222].

Стихи Туринцева прочитаны и отмечены. Лучшее, по-моему, «Паровоз». «Разлучная» слабее, особенно конец. Остальных бы я определенно не взяла. Что скажете с Сергеем Владиславовичем? [223]

А у Ляцкого я бы все-таки просила 350 крон за лист, все равно придется уступить. Если же сразу – 300, получится 250, если не 200 крон [224].

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru По-моему, можно сдавать, не дожидаясь Рафальского, – Сергей Яковлевич никак не может его разыскать. Жаль из-за 2–3 стихотворений задерживать. Вставим post factum.

Трепещу за подарок Крачковского. О Калининкове [225] Вам Сергей Яковлевич расскажет. Два листа с лишним (не с третьим ли?!) Немировича [226] – наша роковая дань возрасту и славе.

Пока всего лучшего, желаю Вам (нам!) успеха. Очень тронута печеньем, – спасибо. МЦ.

Впервые – ВРХД. 1991. № 161. С. 189 (публ. Д. Лерина). СС-7. С. 6. Печ, по СС-7. 7–25. О.Е. Колбасиной-Черновой
Вшеноры, 16/19 января 1925 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Ваше иждивение получено и завтра же будет Вам отправлено. Подала прошение и на февраль, – не знаю, добрая воля Ляцкого. В прошении (свободное творчество!) упомянула о катастрофическом стечении обстоятельств – красноречиво. Написала и подписала за Вас три бумаги (расписку, доверенность Сережи и прошение) – Вы бы удивились аккуратности своего почерка. (Единственное в чем Бог меня лишил размаху!) – Словом, все сошло, авось, еще сойдет.

Сказки дошли [227], к великому восторгу Али. Читает и переводит каждый день по две страницы, – хватит до седых волос. Читаю и вспоминаю свое детство, – тот особый мир французского духа в доме. Я не знаю, куда все это уходит. Когда другие рассказывают о своей жизни, я всегда удивляюсь нищете – не событий, а восприятия: два, три этапа, эпизода: школа (до школы, обыкновенно, не числится), «первая любовь», ну, замужество или женитьба, словом то, что можно зарегистрировать в чешской «студенческой легитимации». Ну, а остальное? Остальное либо не числится, либо его не было. Отсюда верность одному (одной) или, наоборот, бездушная погоня за всеми. – Скучно. Скучно. Нудно. – Так я, недавно, встречала Новый (старый) год, – с такими. Множество барышень (дам, *mais plus ça change, plus c'est la même chose*) {48} в разных – одинаковых – платьях, все с пудреницами, с палочками духов и кармина, с кудерьками и сумочками, хихикающие, щебечущие, – рыжие, русые, черные, – все как одна. Я весь вечер просидела мрамором, – не от сознания своей божественности, а от полной невозможности (отсутствия повода) вымолвить слово. И мужчины такие же, – точно их не рождали, а производили – массами. Лучше всех был старик Чириков, ненасытный в своем любовном любопытстве к жизни. Ненасытный и неразборчивый.

О, мне скучно!

Была, наконец, у врачихи (с Муной). Посоветовала мне возможно больше стирать белья для укрепления мускулов живота. (1917 г. – 1925 г. – 8 лет укрепляю!) Советует лечебницу «Государственной Охраны матерей и младенцев» – пахнет Советской Россией единственное утешительное, что на острове [228]. Советует еще переезжать в Прагу (ку-да? к Невинному, за решетку?!) возможно раньше, потому что «постоянно случается на 2–3 недели раньше». Но переезжать мне некуда, посему буду сидеть во Вшенорах до последнего срока. Про близнецов ничего не говорила, – очевидно, Прага не повлияла.

Ни о «Романтике» (пьесе), ни о «Молодце» ни слуху, ни духу. «Дорогой» на письма не отзывается (два деловых). Третьего не дожидается, а я может быть не дождусь ни «Молодца», ни «Романтики», ни геллера. Но не могу же я стучаться в человека, как в брандмауэр! {49}

А у Муны с Родзевичем к концу [229]. Недавно их вместе встретил монах. «Такая неприятная сцена: у нее глаза полные слез, он усмехается, – какие-то намеки... Мне ее жаль, хотя я ее не люблю. Монах сейчас живет в Беранеке [230], занимает ответственный пост (обратный большевицкому), тратит огромные деньги, а костюм (и

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
воротник!) все тот же. Ну, что бы ему подарить мне 10 тысяч?! Просто уронить! –
Роковое отсутствие воображения. –

Сереза много пишет. Очень занят театром. Совмещает пять (бесплатных) должностей.
Невинно и невольно кружит головы куклам. В постель сваливается как жнец на сноп.
(Или на сноп нельзя свалиться?) – Ну, как в пропасть! – Худеет, ест, и еще ест,
и еще худеет. («У Вашего Серези глаза как у Вия» – моя любовь, madame Андреева
[231].) В ужасе от предстоящих Государственных экзаменов. – Все его ублажают, и
никто не платит ни копейки. Скоро выходит 2-ой номер журнала с его статьей
[232]. Вышлем.

Целую крепко Вас и Адю. Еще раз – спасибо за книжку.

МЦ.

P.S. Пишу утром, с отвращением озираясь на невынесенные помои, непринесенные
угли, неподметенную комнат, нетопленую плиту.

19-го января.

Только что пришли Ваши две открытки. Вы спрашиваете: как со стипендией
Розенталя? [233] Все, что я об этом (от Вас) знаю – что не дает стипендий заочно
и что для успеха дела нужно быть в Париже. Это Вы мне писали уже давно, в
последнем Вашем письме (коротенькой карточке) Вы о Розентале не упоминаете. –
Что я могу ответить? Что в Париж сейчас ехать – ясно – не могу и не смогу,
думается, еще долго. Если бы чехи согласились выдавать мне ссуду заочно – тогда
другое дело, но сейчас не время об этом просить, все эти ссуды на волоске, – от
15-го до 15-го, приходится радоваться, что еще месяц прожили. Во всяком случае,
раньше как месяцев через семь никуда не смогу тронуться, да и то при
исключительно благоприятных обстоятельствах. Лето пройдет – посмотрим. Не скрою,
что в ужасе от перспективы еще одной такой зимы, но может быть с ребенком мне
будет столько дела, что вообще отучусь чувствовать. Моя беда – в бодрствовании
сознания, т.е. в вечном негодовании, в непримиренности, в непримиримости. Пока.

Не знаю, стоит ли сейчас тревожить Розенталя? От добра добра не ищут, а в жизни
со всем приходится считаться, кроме души.

Не понимаю отсутствия у Вас Кати Рейтлингер. Адрес Ваш она должна была узнать у
Андрея Оболенского, я ему писала. Может быть злобствует на молчание Серези (на
ее письма отвечать невозможно) и распространяет свой гнев и на Ваш дом, как нам
близкий? Бог ее знает! – В Праге ее еще нет.

Новость: Родзевич уехал в Латвию насовсем [234]. Узнала вчера. Муна, очевидно,
узнала за день раньше, т.е. в день отъезда. – Отсюда слезы. – Много ей придется
их пролить, раз я тогда на горе так плакала! [235]

Целую Вас и жду большого письма.

МЦ.

Приписки на полях:

Передала ли Людмила Чирикова материю? – Умоляю! И еще раз письмо к Ляцкому!

Дошло ли письмо с просьбой о «Службах»? Просила взять их в «Современных
Записках» и переслать Мельгунову («Чужая Сторона»).

P.S. Увы! на февраль денег никак не ждите, Заблоцкий Серезу предупреждал, что в
последний раз.

Впервые – НП. С. 114–119. СС-6. С. 709–712. Печ. по СС-6.

8–25. В.Ф. Булгакову
Вшеноры, 17-го января 1925 г.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Милый Валентин Федорович, Отвечаю по пунктам:

- 1) Юбиляру [236] верю на слово, – это все, что Вам – Сергею Владиславовичу [237] – мне – остается.
- 2) Поэму Бальмонта оставляю на усмотрение, Ваше и Сергея Владиславовича. Если вы, люди правовые, такую исключительность предпочтения допускаете (Бальмонт единственный «иностранец» в сборнике) – то мне, как поэту и сотоварищу его, нечего возразить. Меньше всего бы меня смущало поведение Крачковского [238].
- 3) Калинников. – Гм. – Из всего, мною читанного, по-моему, приемлема только «Земля». Либо те две сказки. Остальное явно не подходит. Будьте упорны, сдастся [239].
- 4) О Туринцевской «Музыке» [240]. Согласна. Но если пойдет поэма Бальмонта с посвящением Крачковскому, не согласна. – Некий параллелизм с Крачковским. – Не хочу. – А снять посвящение – обидеть автора.
- 5) Нечитайлова жалко [241]. Но, пожалуй, правы. Кроме того, он кажется не здешний, будут нарекания.
- 6) «Примечаний» С.Н. Булгакова не брать ни в коем случае. Напишу и напому. Он первый предложил примечания, за тяжестью, опустить. А теперь возгордился. Статьи он обратно не возьмет, ибо ее никто не берет, даже без примечаний.
- 7) Рафальского я бы взяла, – в пару Туринцеву. Сергей Яковлевич Вам стихи достанет. Не подойдут – не возьмем.

Поздравляю Вас с прозой Крачковского [242]. Это Ваше чисто личное приобретение, вроде виллы на Ривьере. С усладой жду того дня, когда Вы, с вставшими дыбом волосами, ворветесь к нам в комнату с возгласом: «Мой Гоголь совсем упал!» (Попросту: свезли) [243]. (В предыдущей фразе три с, – отдаленное действие Крачковского!)

Предупреждаю Вас: это сумасшедший, вскоре убедитесь сами.

Шлю Вам привет. Передайте от меня В.И. Немировичу-Данченко мое искреннее сожаление, что не могу присутствовать на его торжестве.

МЦветаева

Впервые – ВРХД. 1991. № 161. С. 190–191 (публ. Д. Лерина). СС-7. С. 6–7. Печ. по СС-7.

9-25. О.Е. Колбасиной-Черновой
Вшеноры, 22-го января 1925 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Одно Ваше письмо явно пропало. Последовательность: коротенькая carte {50} в конверте с радостью о предстоящем (декабрьском) иждивении и две открытки, Сереже и мне – на днях, моя с запросом о Розентале. А теперь приезжает Катя и передает, через Сережу, о необходимости торопиться с прошением. Не зная ничего, пишу: такой-то – прошение – подпись – дата. Середина Ваша, заполняйте.

Катю еще не видела, но знаю, что есть какие-то дары, которым очень радуюсь. Слышала, вчерне, об инциденте с Карбасниковой, смеялась. В субботу (послезавтра) еду в Прагу, – с Муной на осмотр, в лечебницу, наверное, увижу Катю и все узнаю. Тогда напишу.

Пишу заранее, что сейчас трогаться не могу, мои сроки – от 15–20 февраля, но докторша утешает, что часто случается на три недели раньше. – Vous voyez ça d'ici {51}.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
В следующем письме напишу любопытное о Белобородовой, сейчас некогда, Сережа торопится на станцию. Письмо Ваше она получила. Досылаем остаток иждивения.

Целую нежно Вас и Адю.

МЦ.

Впервые – НП. С. 119–120. СС-6. С. 712. Печ. по СС-6.

10–25. О.Е. Колбасиной–Черновой
Вшеноры, 25-го января 1925 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Ваши чудные подарки дошли, вчера была в городе, видела Катю, она мне все передала. Детские вещи умилительны и очень послужат, у меня, кроме даров Белобородовой, – ничего, пока не покупаю, жду, отовсюду обещано, но осуществляется туго. – Восхитительны одеяльца, Сережа завидует и ревнует, вздыхает о каких-то своих кавказских походных бурках. – С грустью гляжу на перчатки: где и когда?! Руки у меня ужасны, удивляюсь тем, кто их бессознательно, при встрече, целует. (Не отвращается, или – не восхищается!)

Вы помните Катерину Ивановну из Достоевского? [244] – я. – Загнанная, озлобленная, негодующая, в каком-то исступлении самоуничтожения и обратного. Та же ненависть, обрушивающаяся на невинные головы. Весь мир для меня – квартирная хозяйка Амалия Людвиговна, все виноваты. Но яростность чувств не замутняет здравости суждения, и это самое тяжелое. Чувствуя, как Катерина Ивановна, отзываясь на мир как она, сужу его здраво, т.е. – никто не виноват, угли всегда пачкаются, вольно же мне их, минуя (из чистой ярости!) совок, брать руками. – И всегда жгутся. – Посему, чернота и ожоги рук моих – дело их же и нечего роптать.

Все вспоминаю, не сейчас именно, а всю жизнь напролет, слово Марии Башкирцевой, счастливой тем же, что я, и несчастной совсем по-иному:

Pourquoi dans ton oeuvre céleste

Tant d'éléments – si peu d'accord?! {52} [245]

Только я céleste {53} заменяю – terrestre {54}. Все мои беды – извне. «Вне» – само – беда!

Вчера была с Катей в лечебнице, где буду лежать. – На острове, что меня утешает. Прелестный овальный островок, крохотный, там бы не лежать, а жить, не рождать, а любить! Однажды, в ожидании цирка, мы там с Алей и Катей гуляли. Но тогда предстоял цирк, – не ребенок, а львенок! Такого львенка потом по цирку проносили на руках, и мы его гладили: жестко-пуховая шерстка, желтая. (Цирк был заезжий – полотняный шатер на холму. Цирк уехал, а островок остался.)

О лечебнице: противоестественная картина 5–6–ти расprostертых женщин, голые животы, одеты врачи и фельдшера, – равнодушие – спешка раз, два... Я ничего не понимала из того, что меня спрашивали, если бы производить на свет нужно было по-чешски, я, наверное, ничего бы не произвела. На все вопросы коротко отвечала: ruska {55}.

В Прагу перееду 7-го – 8-го, дней за восемь, за десять, буду с Алей жить у Кати, – с Катей и Юлией [246] и всеми православными Праги. Но готовить не буду (есть хозяйка) и топить не буду (она же), за эти несколько дней может быть стану человеком. Катя живет на другом склоне той – нашей – горки (моей «горы») на ремесленной бедной улице, уютной. Я рада перемене.

Да! О Белобородовой: представьте себе, неделю назад привозит Але всю ободранную елку, т.е. все ее убранство: подсвечники, бахрому, звезды и – целую коробку елочного пестрого шоколада: сердца, сапоги, рыбы, младенцы, тигры (может быть овцы) – мне: несколько распашонок, два нагрудника, одну пеленку и детский конверт, но какой странный! Зашитый доверху, ребенок как в мешке, самоедский мешок. 1) Откуда у нее эти вещи? (Говорит: свое). 2) Свое – детское или свое материнское? 3) Уж не лежал ли Ляцкий в этом конверте? Не лежит ли до сих пор?!

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Может быть это детское приданое Ляцкого? По вечерам становится грудным ребенком, укладывается в конверт и сосет соску? А с утра – предисловие к Гончарову, – а?
[247]

Милое об Але: недавно в гостях сперла детскую салфетку, похожую на пеленки, всю в какао (похоже на другое), втиснула в карман пальто и дома торжествующе выложила. Выстирала – не отстиралась: пеленка, как ей и быть должно, классическая. Присоединили к остальным сокровищам, в Ваш серый чемодан.

Катя рассказывает мне о Карбасниковой. Хотите черную неблагодарность на белоснежные кофточки? – «Un si mince effet d'une si grasse cause!» {56} Свинь – я. – Восхищаюсь Вашим натиском, весь эпизод с отказом барышни везти – очарователен. Вспомнить только ее ревнивый возглас тогда, месяцев 5 назад: «Приданое – мое!» Но может быть она придерживается модной теории, согласно которой ребенок должен лежать совсем голый – на животе – в грудях деревянной ваты? (Этой ватой потом топят. – Немецкая послевоенная система. Не вру.) Мои подруги по поселению: Александра Захаровна, жена Альтшуллера [248], разные жены студентов, вернее одинаковые жены одинаковых студентов, задуряют мне голову преждевременными советами: не пеленать – пеленать, кривые ноги – свобода движений, в конверте – без конверта и т.п. У некоторых даже нет детей. Но этот номер с деревянной ватой (ни пеленки, ни одеяла, ни чепца, ни кофточки, – только вата!) – лучший.

Возвращаюсь к Белобородовой и Карбасниковой. Кто из них оказался сердечней? Чужло мое сердце.

А пленивший меня случай с коровьим хвостом (кирпичом на нем!) весь целиком оказался выписанным из детской английской книжки: «Мои друзья – животные» Томаса Этона Томпсона [249].

«Психею» прочла вчера же вечером. Прелестная вещь. Почти слово в слово наш «Аленький цветочек». И книжка прелестная. Теперь у меня две «Психеи» (не считая своей) – 800-страничная слонимовская (Rohde) и крохотная Ваша [250]. А настоящей нет нигде – в воздухе. Да! попутная мысль: душу мою я никогда не ощущала внутри себя, всегда – вне себя, за окнами. Я – дома, а она за окном. И когда я срывалась с места и уходила – это она звала. (Не всегда срывалась, но всегда звала!) Я, это моя душа + осознание ее.

Катя в восторге от Вашего дома и от всех вас в отдельности. Химеры и вы, – вот ее лучшие впечатления Парижа. Третьего дня она потеряла часы и перчатки, вчера со мной, сумку: выронила на площади, тут же спохватилась, но уже унесли какие-то мальчишки к полицейскому, которого на месте не оказалось. Так и сгинула сумка с 5 кронами, ключом и единственной фотографией матери. Самое любопытное, что за 5 минут до этого она все свои деньги, т.е. 45 крон, по моему настоянию истратила на перчатки – кожаные, на подкладке, чудные. Я точно предвосхитила судьбу. Сумасшествие ее с Сереей после путешествия только пуще разгорелось: «Сергей Яковлевич! Сергей Яковлевич!» – «А я-то надеялся, что Вы после Лондона и Парижа, забыв Сергея, ограничитесь одним: я!» Но ничто не помогает, как с цепи сорвалась. Заставлю ее на днях покупать колесо для коляски. Боюсь, что на нем же во Вшеноры и прикатит.

Нынче Татьянин день, Сережа с Алей едут в Прагу, он праздновать Татьяну, она – к Ирусе на день рождения (завтра). От Маргариты Николаевны ни слуху, ни духу, это отношение ни на чем не стоит и – ничего не стоит. – Что Невинный? Не забудьте, что я уже больше месяца не получала от Вас настоящего письма. Одно, очевидно, пропало. Еще раз – спасибо за все. Нежно целую Вас и Адю. Сережа в восторге от своих подарков, вчера, по поводу зеленого гребешка даже вымыл голову (в 1½ часа ночи).

МЦ.

Прошение и остаток иждивения 70 франков посланы с оказией через Катю, наверное уже получили. Что Ремизовы? Андрей Оболенский? Кессели? Неужели ни разу не видели Бахраха? Пишите.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Впервые – НП. С. 120–125. СС-6. С. 712–716. Печ. по СС-6.

11–25. О.Е. Колбасиной–Черновой
26-го января 1925 г.

Сегодня у меня редкий праздник, – одна дома. («Сережа» на Татьянинном дне, Аля у Ируси.) Совершенно изумительное чувство, вроде легкого опьянения. Сразу на десять лет моложе. Вы, конечно, не обвините меня в предательстве: степень, вернее, безмерность моей привязчивости Вы знаете, но это – я с другими, а сейчас – я с собой, просто я, вне. Образцово (я-то!) убрала комнату, втащила и вытащила все, что полагается, на примусе – суп, а внутри тихое ликование. Недавно я говорила Исцеленовым (глубоко-бесполезно, ибо Kulturprodukt'ы! {57}), что неизбежно буду любить каждый город, дыру, нору, где придется жить, но что это любовь – не по адресу, – из прямой невозможности не любить то, в чем живешь. Посему, мне, более чем кому-либо, надо выбирать города. Кстати, резкий спор с ним (она бессловесна) о Папоушке [251] (ней). – «Я ей все прощаю за любовь к театру!» – «Это не театр. Это актеры, какой-нибудь давнишний актер, воспоминания детства». И он, сухо: – «Н-не знаю». Весь спор сводился к тому, что «любовь к искусству» обязывает – к безыскусственности, рожденности, сущности, вернее: только из нее возникает, как само искусство. Рожденное дорожается, – вот искусство. т.е. моя кровь от предков (рожденности) – моя душа. Исцеленнов ничего не понимал, говорил, что Папоушка читала много книг. – «И гоголевский Петрушка тоже» [252]. Если бы можно было с ним поссориться – поссорились бы. Но это Kulturprodukt, вялая никакая кровь.

Получила от С.М. Волконского его новую книгу – роман «Последний день». Огромный том в 600 страниц. Фабулы нет, течение жизни – любовной пары нет – далек и высок – есть мысль, есть формула, есть отточенное наблюдение, есть блистательный анекдот. И фигуры – второстепенные – главное, женские – очень удачные. Большого успеха книге не предрекаю, – плавна, не остра. Если попадетсЯ, – прочтите, очень любопытен Ваш отзыв. Сережа, например, попавший на Советскую Россию (не обошедшуюся без легких нелепостей), прямо ее сравнивает с Красновым [253]. Но всей книги он не читал. С Волконским моя переписка гаснет, на него нужен большой порох, необычайная заостренность внимания, вся ответственность – на мне, он только откликается. А не виделись мы уже два года, и жизни такие разные: он – то в Риме, то на Капри, то в Париже, то еще где, – уединенный, свободный, вне быта, – я...

Думаю о Париже, и вопрос: вправе ли? Ведь я ехала за границу к Сереже. Он без меня зачахнет, просто от неумения жить. Помните, какой он был страшный у монаха? Я знаю, что такая жизнь – гибель для моей души, сплошное отсутствие поводов к ней, пробел, – но вправе ли я на нее (душу)? Мне чужой жизни больше жаль, чем своей души, это как-то сильнее во мне. Есть, конечно, еще вопрос Али, – ей тоже трудно, хотя она не понимает. Сплошные ведра и тряпки, – как тут развиваться? Единственное развлечение – собирание хвороста. Я вовсе не за театр и выставки – успеет! – я за детство, т.е. и за радость: досуг! Так она ничего не успевает: уборка, лавка, угли, ведра, еда, учение, хворост, сон. Мне ее жаль. Потому что она исключительно благородна, никогда не ропщет, всегда старается облегчить и радуется малейшему пустяку. Изумительная легкость отказа. Но то не для одиннадцати лет, ибо к двадцати озлобится люто. Детство (умение радоваться) невозвратно.

Сегодня зарезала Ваш розовый халат, – помните. Вы выбросили, вроде японского, весь из кусков – на наволоку. Целый день шила. Дописываю вечером. При первой возможности вышлю Ваше одеяло, я хотела с Катиной дамой, но не успела. Может быть можно почтой. Меня все время грызет, что мы Вас ободрали.

Целую. Пишите.

Впервые – НП. С. 125–127. СС-6. С. 716–717. Печ. по СС-6.

12–25. В.Ф. Булгакову
Вшеноры, 27-го января, вторник 1925 г.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Милый Валентин Федорович,

Ваше письмо пришло уже после отъезда Сергея Яковлевича, – не знаю, будет ли на Вашем совещании.

О сборнике: с распределением согласна. С распадением на две части – тоже. Это нужно отстоять. Мы – уступку, они – уступку. Три сборника из данного материала – жидко. Убедена, что уломать их можно.

Гонорар, по-моему, великолепен, особенно (эгоистически!) для меня, которую никто переводить не будет [254]. – Да и не всех прозаиков тоже. – Редакторский гонорар – нельзя лучше. Все хорошо.

Бальмонт. Хорошо, что во втором сборнике, не так кинется в глаза. И хорошо, что с Крачковским (tu l'as voulu, Georges Dandin! [255] – Это я Бальмонту).

Бесконечно благодарна Вам и Сергею Владиславовичу за Калининкова [256]. Знаете, чем он меня взял? Настоящей авторской гордостью, столь обратной тщеславию: лучше отказаться, чем дать (с его точки зрения) плохое. Учтите его нищету, учтите и змеиность (баба-змей, так я его зову) [257]. Для такого – отказ подвиг. Если бы он ныл и настаивал, я бы не вступилась.

Евгения Николаевича извещу [258]. Трудно. Особенно – из-за нее: безумная ревность к мужниной славе. Извещу и подслащу: два корифея и т.д.

О туринцевском посвящении: мне это, в виду редакторства, неприятно, но мой девиз по отношению к обществу, вообще: – Ne daigne {58} – т.е. не снисхожу до могущих быть толков [259]. И, в конце концов, обижать поэта хуже, чем раздражать читателя. Итак, если стихи Вам и Сергею Владиславовичу нравятся –

Совсем о другом: прочла на днях книжонку Л.Л. Толстого «Правда об отце» и т.д. Помните эпизод с котлетками? [260] Выходит, что Лев Толстой отпал от православия из-за бараньих котлеток. А в перечне домашних занятий Софьи Андреевны [261] – «...принимала отчеты приказчика, переписывала „Войну и мир“, выкорчевывала дубы, шила Льву Николаевичу рубахи, кормила грудных детей...» И заметьте – в дневном перечне! Выходит, что у нее было нечто вроде детских яслей. – Хорош сынок! –

Да! Забыла про С.Н. Булгакова. – Правильно. – Я, по чести, давно колебалась, но видя Вашу увлеченность статьей, не решалась подымать вопроса. Будь один сборник (как мы тогда думали и распределяли) – русский язык, Пушкин, слово [262] – было бы жаль лишаться. Для распавшегося же на две части он будет громоздок. Предупреждаю, что всех нас троих, как воинствующий христианин – возненавидит. Меня он уже и так аттестует как «fille-garçon» {59} (его выражение) и считает язычницей. Но, еще раз: ne daigne!

Очень радуюсь нашему сожителству в сборнике [263]. Всего хорошего. Шлю привет.

МЦ.

Впервые – ВРХД. 1991. № 161. С. 191–192 (публ. Д. Лерина). СС-7. С. 7–8. Печ. по СС-7.

13–25. И.Ф. Каллиникову
Вшеноры, 27-го января 1925 г.

Милый Иосиф Федорович,

Возвращаю Вам корректуру [264] и очень прошу еще об одной [265]. Ошибок много, иные слова совсем перепутаны, (ан в "хран-тот-сан", вместо: "храп-тот-сап", выхрь вместо вихрь, вела вместо бела [266] и так далее) есть и мои поправки, больше в знаках. Кое-где мною заглавные буквы переменены на обычные (страницы 75, 78, 82). Кое-где, в корректуре, буквы неясны: не то и, не то н, не то ь, при всём желании прочесть невозможно.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

«Пламя» так долго морочило меня с «Молодцем», что не беда, если по моей вине задержится еще на неделю.

Моя просьба: до печати дать мне еще одну корректуру, исправленную. Боюсь, что мои вопросительные знаки над неясными буквами не будут поняты. Книга выходит раз. А опечаточный лист [267] – жалко.

Если вас будут грызть, сошлитесь на меня, я отгрызусь.

Распределение матерьяла в сборнике, увы, не от меня зависит. Вы попадаете во второй (выходящий непосредственно за первым [268]). У вас Кожевников, а у меня, зато, Крачковский, и, уверяю вас, что мое сожителство хуже. Распределяли, исходя из двух соображений: количество и качество. Ваша вещь [269] несомненно пойдет на выручку сборника, для поднятия его.

Мой совет: не поднимайте истории. Вы все-таки дали, что хотели, и, единственный из всех, вещь незаконченную. С этим нужно считаться. И с Крачковским рядом не будете (верьте: в блюде не будете [270]). Это тоже плюс.

Шлю вам сей совет, привет и усиленную просьбу о последней корректуре. Обещаю не задерживать.

М. Цветаева

Впервые – Вшеноры 2000. С. 52–53. Публ. и коммент. Р.М. Лубянниковой. Печ. по указанному тексту.

14–25. А.А. Тесковой
Вшеноры, 2-го февраля 1925 г.

Дорогая Анна Антоновна,

вам первой – письменная весть. Мой сын, опередив и медицину и лирику, оставив позади остров Штванице, решил родиться не 15-го, а 1-го, не на острове, а в ущелье [271].

Очень, очень рада буду, если навестите. Познакомитесь сразу и с дочерью и с сыном.

Спасибо за внимание и ласку.

М. Цветаева.

P.S. Мой сын родился в воскресенье, в полдень.

По-германски это – Sonntagskind {60}, понимает язык зверей и птиц, открывает клады. Февральский камень – аметист. Родился он в снежную бурю.

Впервые – Письма к Анне Тесковой, 1969. С. 28. СС-6. С. 335. Печ. по: Письма к Анне Тесковой, 2008. С. 15–16.

15–25. О.Е. Колбасиной-Черновой
Вшеноры, 2-го февраля 1925 г.

Дорогая Ольга Елисеевна [272],

Вчера, 1 февраля, в воскресенье, в полдень, родился мой сын Борис – нежданно и негаданно во Вшенорах. Ничего не было готово – через полчаса появилось всё. Меня прямо спасли. Мальчик белый, с правильными чертами, крупный.

Нежно целую вас и Адю.

МЦ.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Впервые – СС-6. С.717. Печ. по тексту первой публикации.

16–25. О.Е. Колбасиной–Черновой
Вшеноры, 8–го февраля 1925 г., 1 час ночи
Дорогая Ольга Елисеевна,

Нам с мальчиком пошли восьмые сутки. Лицом он, по общим отзывам, весь в меня: прямой нос, длинный, скорее узкий разрез глаз (ресницы и брови пока белые), явно – мой ротик, вообще – Цветаев. Помните, Вы мне пророчили похожего на меня сына? Вот и сбылось. Дочь несомненно пошла бы в Сережу.

Мальчик мил, общее выражение лица благодушное, напоминает Ф.А. Степуна после удачной лекции. Ест хорошо, меня представьте себе!!! – хватает. Поражаю и себя и других [273].

Мои дела хороши, всё как по книжке, но молодой Альтшулер [274] (брат К.И. Еленевой), спасший и меня и мальчика (он решился в обмороке, и Альтшулер его минут 20 откачивал – искусственное дыхание) Альтшуллер настаивает на долгом лежании. Вчера (7–го) я в первый раз села. Еще ничего не читаю, – берегу глаза. Милее всего – Булгакова и еще одна дама, недавняя. Милы тишиной. А Андреева буря, влюблена в мальчика, как цыганка в белого ребенка. Приходит в 6 часов вечера и уходит в 12 часов ночи. Добра, странна и буйна. Равно притягивает и отталкивает.

Колемлюсь между Борисом (я) и Георгием (Сережа). Назову Борисом – буду угрызаться из–за Сережи, Георгием – не сдержу обещания Б. Пастернаку. Посоветуйте, исходя из двойной меня, какой Вы меня знаете.

А няньки нет, и скоро все посещения кончатся. – Трудно. – Первое время я инвалид, а Али одной не хватит. Сережа же с ног сбился, на следующей неделе три экзамена. Недавно, когда наша временная нянька (угольщица) сбежала, всю ночь не спал с мальчиком. Извелся.

Есть коляска – чудесная раскладная американская, купленная у одних русских за 50 крон. Спит он пока в моисеевой корзине [275], – подарок Андреевой. Лежу под ее одеялом и в ее ночной рубашке. Она мне, как его кормилице, готова отдать все. Эта любовь грозит мне бедами, было уже несколько стычек. Она очень трудна.

Лежу в той второй комнате, из которой вынесено все. В окна весь день – сияющая гора со всеми постепенностями света. Сейчас ночь, Сережа, угольщица и мальчик спят. (Угольщица на Алиных львах и обезьянах, так и оставшихся в простенке.) Аля все эти дни (года!) ночует у Андреевых, с которыми не в «контакте».

Денежные дела сомнительны: в июле у Сережи кончается иждивение, а места нет. А расходы, естественно, очень велики, как себя ни ограничивать. Сережа, например, должен хоть на месяц снять себе отдельную комнату. – 200 крон местной бабке, пришедшей после события и потом еще два раза. Угольщице – 10 дней по 15 крон) – 150. И т.д. Не знаю, как вылезем.

Получили ли остаток иждивения с Катинной оказией? Не забудьте ответить.

В следующий раз напишу подробнее и разборчивее, – пишу ночью, при завешенной лампе, наугад.

А пока целую Вас и Адю и очень жду письма. Аля не написала, потому что весь день в деловых бегах. А у нас весна, серёжки на орешнике.

МЦ.

Впервые – НП. С. 128–130. СС-6. С. 718–719. Печ. по СС-6.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
17–25. А.А. Тесковой
Вшеноры, 10-го февраля 1925 г., вторник

Дорогая Анна Антоновна,

Пишу Вам ночью, при завешенной лампе, почти наугад, – Сергей Яковлевич уезжает с утренним поездом, и в суматохе утра не успею.

Пакет до сих пор не найден, и письмо доктору не написано [276]. Для последнего есть отговорка – лежание, но – как встану – что делать?! Думаю, что с пропажей – безнадежно, уж целая неделя прошла. Беда в том, что в отделении кроме молодого человека были только две барышни, а женщины на всё тряпичное льстятся.

Хуже всего – это письмо! (Сломался карандаш!). Я в глупейшем положении невежи. Видали ли на Петре Чириковых и не говорила ли она Вам чего-нибудь? [277]

Я уже сижу, – вчера первый день. С прислугой пока ничего, местные (поденные) очень дороги, 12–15 крон в сутки, жить не идут. Ищем в Земгоре [278]. Моя угольщица (лесовичка) уходит в пятницу – в леса, очевидно. У Сергея Яковлевича в ближайшие дни 3 экзамена (нидерле, кондаков и еще один) [279], и он весь день в библиотеке. Весь дом остается на Але, ибо я даже если встану, недели две еще инвалид, т.е. долженствую им быть. Я не жалуясь, но повествую. И все это, конечно, минет.

Когда я встану, перепишу Вам кусочек прозы для чешского женского журнала [280]. У меня много прозы, – вроде дневника (Москва, 1917 г. – 1921 г.) [281]. Некоторые отрывки уже шли в «Воле России», «Современных Записках» и «Днях». Дам Вам неизданное. Но хотелось бы наперед знать, примут ли. Для образца прочтите мои «Вольный проезд» в «Современных Записках» (не то XIX, не то XX книга) [282]. Можно выбрать лирическое, есть юмор, есть быт. Напишите мне и приблизительный размер журнала. Есть у меня и маленькая пьеса «Метель» – новогодняя сценка в лесной харчевне 30-х годов – в стихах, ее бы, я думаю, отлично перевел кубка. Но экземпляр у меня один (напечатана в 1922 г., в парижском «Звене»). Хотите ознакомиться – пришлю. Если кубка заинтересуется, было бы очень приятно.

Большая просьба, может быть нескромная: не найдется ли у кого-нибудь в Вашем окружении простого стирающегося платья? Я всю зиму жила в одном, шерстяном, уже расплзшемся по швам. Хорошего мне не нужно, – все равно нигде не придется бывать – что-нибудь простое. Купить и шить сейчас безнадежно: вчера 100 крон акушерке за три посещения, на днях 120–130 крон угольщице за 10 дней, залог за детские весы (100 крон), а лекарства, а санитария! – о платье нечего и думать. А очень хотелось бы что-нибудь чистое к ребенку. Змея иногда должна менять шкуру. Если большое – ничего, можно переделать домашними средствами.

Купила коляску за 50 крон – почти новую, чудесную, одновременно и кровать и креслице. Продавали русские за отъездом. Постепенно мальчик обрастает собственностью, надеюсь, что она не прирастет.

А вчера я совершила подвиг: уступила Сергею Яковлевичу имя Бориса, которого мне так хотелось (в честь моего любимого современника, Бориса Пастернака). Мальчик будет называться Георгий и праздновать свои именины в день георгиевских кавалеров. Георгий – покровитель Москвы и, наравне с Михаилом Архистратигом [283], верховный вождь войск. (Он же, в народе, покровитель волков и стад. Оцените широту русского народа!)

Половина четвертого утра. Кончаю. Все спят, это мой любимый час.

У нас весна, на орешнике серёжки, скоро гулять! Тогда Вы к нам приедете и уже не будете плутать.

Спокойной ночи или веселого утра. Надеюсь, что здоровье Вашей мамы [284] с весной поправится.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Простите за почерк.

М.Ц.

Впервые Письма к Анне Тесковой. 1969, с. 28–29 (с купюрами). СС-6. С. 336–337.
Печ. по: Письма к Анне Тесковой, 2008. С. 16–18.

18–25. Б.Л. Пастернаку
Около 14-го февраля 1925 г.

Дорогой Борис,

1-го февраля, в воскресенье, в полдень родился мой сын Георгий. Борисом он был 9 месяцев во мне и 10 дней на свете, но желание Сережи (не требованье) было назвать его Георгием – и я уступила. И после этого – облегчение. Знаете, какое чувство во мне работало? Смута, некая внутренняя неловкость: Вас, Любовь, вводить в семью: приручать дикого зверя – Любовь, обезвреживать барса (Барсик, так было – было бы! – уменьшительное). Ясно и просто: назови я его Борисом, я бы навеки простилась с Будущим: Вами, Борис, и сыном от Вас. Так, назвав этого Георгий, я сохраняю права на Бориса, то есть на Вас и – Борюшка, это не безумие, я просто чутко слушаю себя, Вас и Будущее.

Георгий – моя дань долгу, преданности, доблести и Добровольчеству, это тоже я, не отрекаюсь. Но не Ваша я. Ваша я – в Борисе.

Борис, все эти годы живу с Вами, с Вашей душой, как Вы – с той карточкой [285], Вы мой воздух и мой вечерний возврат к себе. Иногда Вы во мне стихаете, когда я стихаю в себе. Но чуть стих или дуновение иных земель – Ваше имя, Ваше лицо, Ваш стих. Жила эту зиму «Детством Люверс», изумительной книгой. (Да, книга, несмотря на, кажется, 70 страниц.) Много, по поводу нее, записала, может быть напишу [286].

Если бы я умерла, я бы Ваши письма и книги взяла с собой в огонь (в Праге есть крематорий) – уже было завещано Але – чтобы вместе сгореть – как в скитах! Но – уцелела: чудом, всё произошло неожиданно, в деревне и почти без врачебной помощи. Третий день как встала. Мальчик хороший, с прелестными чертами, по всем отзывам и моему чутью – в меня. Сколько писем за эту зиму! Не отослала ни одного, – все равно Вы их читали! Да все их, как всю себя, могу стиснуть в одно слово оборвано

Продолжение

Борюшка, я еще никогда никому из любимых не говорила ты, – разве в шутку, от неловкости и явности внезапных пустот – я вся на Вы, а вот с Вами, с тобой – это ты неудержимо рвется, мой большой брат!

Борис, я два года, я больше двух лет тебя люблю, – ты ведь не скажешь, что это воображение. Люблю, мне это иногда кажется пустым словом, заменим: хочу, жалею, восхищаюсь и т.д., замени, т.е. не существенно. Мне всегда хочется сказать: я тебя больше, лучше, чем люблю. Ты мне насквозь родной, такой же жутко, страшно родной, как я сама, без всякого уюта, как горы. (Это не объяснение в любви, а объяснение в судьбе.)

Ни одна моя строка, ни одна моя тоска, ни один мой помысел не минут тебя. Читала Детство Люверс, как дневник. Наше царство – где и когда?

Когда я думаю о жизни с Вами, Борис, я всегда спрашиваю себя: как бы это было?

Я приучила свою душу жить за окнами, я на нее в окно всю жизнь глядела, – о только на нее! – не допускала ее в дом, как не пускают, не берут в дом дворовую собаку или восхитительную птицу. Душу свою я сделала своим домом, но никогда дом – душой. Я в жизни своей отсутствую. Душа – в доме, душа – дома – для меня немыслимость, именно НЕ мыслю.

Борис, сделаем чудо.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Да, когда я думаю о своем смертном часе, я думаю: кого? чью руку? И – только твою! Я не хочу ни священника, ни поэтов (не сердись!), я хочу того, кто только для меня одной знает слова, из-за, через меня их узнал, нашел. Я хочу покоя силы в телесном ощущении руки. Я хочу твоего обещания вариант: слова, Борис, на тую жизнь.

Наши жизни похожи, я тоже люблю тех, с кем живу, но это – доля. (Ты оборвано.) А есть: рок (ГОС) – утес. Доля же – дол. Ты мой вершинный брат, все остальное в моей жизни – аршинное.

«Игры слов и смыслов», – какую-нибудь книгу свою я так назову [287].
Восстановление утраченного первичного смысла путем сопоставления якобы случайных созвучий. Восстановленный брак, союз, связь.

Борис, а ты помнишь Лилит? [288] Борис, а не было кого-нибудь до Адама?

Твоя тоска по мне – тоска Адама по Лилит до-первой и нечислящейся. (Отсюда моя ненависть к Еве!)

Жена Эренбурга рассказывала, как вы вместе ехали на вокзал (они уезжали, Вы провожали). «Был замечательный вечер». Борис, это ты со мной ехал на вокзал, меня провожал.

Только не на глазах встречу, только не на глазах!

Все стихи и вся музыка – обещания обетованной земли, которой здесь нет Поэтому – безответственны и беспоследственны. Они сами – то!

Впервые – Души начинают видеть. С. 101–103. Печ. по тексту первой публикации.

18А–25. Б.Л. Пастернаку
14-го февраля 1925 г.

Вверху письма:

Это не сентиментальность [289], а просто Анютин глазок.

Борис!

1-го февраля, в воскресенье, в полдень родился мой сын Георгий. Борисом он был девять месяцев в моем чреве и десять дней на свете, но желание Сережи (не требование) было назвать его Георгием – и я уступила. И после этого – облегчение.

Знаете, какое чувство во мне работало? Смута, некая неловкость: Вас, Борис, вводить в семью, приручать дикого зверя – любовь, обезвреживав барса (Барсик – так было было бы! – уменьшительное). Ясно и просто: назови я его Борис, я бы навсегда простилась с Будущим: вами, Борис, и сыном от Вас. Так, назвав этого Георгием, я сохранила права на Бориса. (Борис остался во мне.) – Вы бы ведь не могли назвать свою дочь Мариной? Чтобы все звали и знали? Сделать общим достоянием? Обезвредить, узаконить?

Борисом он был, пока никто этого не знал. Сказав, приревновала ко звуку.

Георгий – моя дань долгу, доблести и добровольчеству, моя трагическая добрая воля. Это тоже я, не отрекаюсь. Но не Ваша я. Ваша я (я) – в Борисе.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Борис, все эти годы живу с Вами, с Вашей душой, как Вы – с той карточкой. Вы мой воздух и мой вечный возврат к себе (постель). Иногда Вы во мне стихаете: когда я стихаю в себе. Жила эту зиму «Детством Люверс», изумительной, небывалой, еще не бывшей книгой. Много попутно записала, может быть напишу.

Если бы я умерла, я бы Ваши письма и книги взяла с собой в огонь – (в Праге есть крематорий) – уже было завещано Але чтобы вместе сгореть – как в скитах! Я бы очень легко могла умереть, Борис, – всё произошло так неожиданно: в последнем доме деревни, почти без врачебной помощи. Мальчик родился в глубоком обмороке – 20 минут откачивали. Если бы не воскресение, не Сережа дома (все дни в Праге), не знакомый студент-медик [290] – тоже все дни в Праге – мальчик бы наверное погиб, а может быть и я.

В самую секунду его рождения – на полу, возле кровати загорелся спирт, и он предстал во взрыве синего пламени. А на улице бушевала мятель {61}, Борис, снежный вихрь, с ног валило. Единственная мятель за зиму и именно в его час!

Мальчик хороший, с прелестными чертами, длинные узкие глаза, точеный носик, по всем отзывам и по моему чутью – весь в меня. А ресницы – золотые.

Мой сын – Sonntagskind, будет понимать речь зверей и птиц и открывать клады. Я себе его заказала.

Выписки из черновой тетради:

(до Георгия)

Борюшка, я еще никогда никому из любимых не говорила ты – разве в шутку, от неловкости и явности внезапных пустот, – заткнуть дыру. Я вся на Вы, а с Вами, с тобою это ты неудержимо рвется, мой большой брат.

Ты мне насквозь родной, такой же страшно, жутко родной, как я сама, без всякого уюта, как горы. (Это не объяснение в любви, а объяснение в судьбе.)

Когда я думаю о жизни с Вами, Борис, я всегда спрашиваю себя: как бы это было?

Я приучила свою душу жить за окнами, я на нее в окно всю жизнь глядела о, только на нее! – не допускала ее в дом, как не пускают, не берут в дом дворовую собаку или восхитительную птицу. Душу свою я сделала своим домом (maison roulante) {62}, но никогда дом – душой. Я в жизни своей отсутствую, меня нет дома. Душа в доме, душа – дома для меня невысказанность, именно не мыслю. Stranger here {63}.

Борис, сделаем чудо.

Когда я думаю о своем смертном часе, я всегда думаю: кого? Чью руку? И – только твою! Я не хочу ни священников, ни поэтов, я хочу того, кто только для меня одной знает слова, из-за, через меня их узнал, нашел. Я хочу такой силы в телесном ощущении руки. Я хочу твоего слова, Борис, на ту жизнь.

Наши жизни похожи, я тоже люблю тех, с кем живу, но это – доля. Ты же – воля моя, та, пушкинская, взамен счастья (я вовсе не думаю, что была бы с тобой счастлива! Счастье? Pour la galerie и für den Röbel! {64})

Ты – мой вершинный брат, все остальное в моей жизни – аршинное.

«Игры слов и смыслов», – какую-нибудь книгу свою я так назову.

Борис, а ты помнишь Лилит? Борис, а не было ли кого-нибудь до Адама?

Твоя тоска по мне – тоска Адама по Лилит, до-первой и нечислящейся. (Отсюда моя
Страница 69

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
ненависть к Еве!)

Жена Эренбурга рассказывала, как вы вместе ехали на вокзал (они уезжали, Вы провожали). «Был замечательный вечер». Борис, это ты со мной ехал на вокзал, меня провожал.

Только не на глазах встречу, только не на глазах!

Все стихи и вся музыка – обещания обетованной земли, которой нет. Поэтому – безответственно и беспоследственно. Они сами – то!

Борис, а ты – верный. Ты слишком тяжел, чтобы постоянно перемещаться. Демона, любящего (или губящего) десять Тамар, я не мыслю [291]. Думал ли ты когда-нибудь о смехотворной (жалкой) стороне Дон-Жуана? Любуясь им, я бы не могла любить его: мне было бы неловко, что после меня можно любить еще кого-нибудь.

Борис Пастернак, – это так же верно, как Монблан и Эльбрус: ведь они не сдвинутся! А Везувий, Борис, сдвигающий и не сдвигающийся! Всё можно понять через природу, всего человека, – даже тебя, даже меня.

Тогда – парнасцы, сейчас – везувийцы (мое слово) [292]. И первые из них: ты, я.

Это я случайно, Борис, из тетрадки для стихов, остальное развеялось и размылось. Ведь моя жизнь – неустанный разговор с тобой. Пишу тебе на листе из той же тетради, это самое мое собственное, вроде как на куске души. Чтобы ты лучше понял меня: у меня есть чудная бумага, целый блокнот, мужской, вроде пергамента, но писать тебе на бумаге, подаренной другим – двойная измена: обоим (ведь по отношению к нему ты – другой!) Есть вещи щемящие.

Измена – чудесное слово, вроде: разлука. Ножевое, ножевое. И только звук его знаю, смысл – нет. Изменить можно только государю, т.е. высшему, а как я ему изменю, когда оно во мне? В быту это есть – измена, сам быт – измена: души. Изменять с душой быту – ничего, кажется, другого в жизни не делала. Понимаете, иное деление, чем любовник и муж.

Я живу возле Праги, безвыездно и невылазно, никого не вижу, кроме Али и Сережи. Много стихов. Скоро выходит моя книга, может быть получишь одновременно с письмами. Следующий – далекий – этап: Париж. С тобой бы хотела встретиться через год: 1-го мая 1926 г. (а рука по привычке души пишет 1925 г.!). Сейчас я совсем связана: мальчиком и новизной чувства к нему. А тогда ему будет больше года, я уже буду знать, что у меня за сын и наверно – что у меня сын.

Ты ведь можешь любить чужого ребенка, как своего'? У меня всё чувство, что я умру, а вам вместе жить, точно он ровесник тебе, а не твоему сыну.

Борис, думай о мне и о нем, благослови его издалека. И не ревнуй, потому что это не дитя услады.

Посвящаю его тебе как божеству.

М.Ц.

Мой адрес: Všenory, číslo23 (p.p. Dobřichovice) u Prahy – мне – Чехо-Словакия.

Впервые – Русская мысль. 1993. 14–20 окт. (по копии А.Е. Крученых, публ. Л. Мнухина и Л. Саакянц). СС-6. С. 242–245. Печ. по: Души начинают видеть. С. 103–107.

19–25. О.Е. Колбасиной–Черновой
Вшеноры, 14-го февраля 1925 г.

Дорогая Ольга Елисеевна.

Кто Вас смутил приездом: Сережа думает, что Самойловна. (NB! У Вас их две: une a Paris, l'autre a Prague {65} [293]). Если не Белобородова и не кто-нибудь власть имущий или возле власть имущих пребывающий – не слушайте и не приезжайте. Если Ляцкий найдет возможным продлить Вашу ссуду, он это сделает и без Вас, если нет – никакое Ваше временное пребывание не поможет. Ведь через две недели Вы все равно уедете, и опять придется получать за Вас – Прага так мала – все узнается. Приезд сейчас, по-моему, только перевод денег. Ведь чехи иным и заочно выплачивают ссуду. Тэффи, Бальмонт, еще кому-то, стало быть все дело в их доброй воле и в Вашем счастье (!).

Это говорило благоразумие, а теперь –

Вашему приезду была бы страшно рада, – у меня никого нет, как никогда. За городом сейчас чудесно, почти весна. Гуляли бы с коляской и без коляски. (Знаменитое: «Что может быть лучше молодой женщины с ребенком на руках?» – «Та же женщина, но без ребенка»). Кстати: страшнее ребенка – коляска. Помните обезумевшего Скворцова? [294] (По-вашему: Щеглова, Ястребова, Перепелкина и т.д.)

А знаете, откуда ко мне прибудет коляска? Угадайте – Из «Воли России». Редакторы решили поднести своему будущему сотруднику «выездной экипаж». – Мило? – Получила официальное письмо на машинке с подписями всех четырех (а за Невинного – Х.) [295]. Третьего дня у нас была Маргарита Николаевна с Ирусей, навезли множество детских вещей, – прелестных. Ни у Али, ни у Ирины [296] не было такого приданого. – Приданое принца. – Но помню и всегда буду помнить, что первый камень – Ваш, и Ваша кофточка (русая, с голубой продёржкой) из всех – любимая.

Есть у нас и ванна, – одолжили совсем чужие люди на неопределенный срок. Мальчик уже несколько дней купается.

Нянькины дела таковы: угольщица, наконец, дорвалась до своих мирных дней и ночей, т.е. ушла. В Праге найти невозможно – никто не хочет в отъезд. Во Вшенорах и окрестностях тоже никого, старухи у печей, молодежь на фабрике. Предлагает кто-то – из десятых рук – какую-то «мать студента», но где она, какого возраста и нрава, пока неизвестно. Думаю, что подруга младенческих лет Кондакова.

Сегодня первую ночь ночевала с мальчиком – одна! – горжусь. Спала все-таки 6 часов. Остальное время переключивала его, полоскала и развешивала его ризы, курила, ела хлеб и читала «Петра» Мережковского [297].

Кстати, мальчик окончательно, – Георгий. Радость так радость полная. Во-вторых, уступить – легче, чем настоять. В-третьих, – не хочу вводить Бориса Пастернака в семью, делать его общей собственностью. В этом какая-то утрата права на него. Углубив, поймете.

Итак, Ваш крестник – Георгий. А крестного отца еще нету: Волконский стар, Завадский стар, Чириков стар. У меня ведь ни одного молодого мужского друга! А старого крестного – разве что для имени и как символ, – вместе не жить: «Мне тлеть пора, тебе – цвести» [298]. Крестный (или крестная) осмыслен, как некая опора, спутник, – иначе просто: «дунь и плюнь». Волконский же, 65 лет – сплошное дунь, а если молодого взять, выйдет «плюнь» (мое на крестного), я ведь быстро раздружусь:

«Птичка все же рвется в рощу,
Как зерном ни угощаем:
Я взяла тебя из грязи,
В грязь родную возвращаю». [299]
Крестины думаем устроить 23 русского апреля (6-го мая) в Егорьев день и день Георгиевских кавалеров. Он уже будет «большой» (3 месяца).

А знаете ли Вы, что он родился в глубоком обмороке? Минут двадцать откачивали. (В транскрипции Лелика, наслушавшегося чего не следует: «Родился в лассо!») Если бы не воскресенье, не Сережа дома, не Альтшуллер – погиб бы. А может быть и я.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Молодой Альтшуллер по-настоящему нас спас. Без него – никого понимающего, только знакомые (мы, Я).

Приятно обмануть пророчества В. Зайцевой [300] и Ремизовых («Коли сына – так дочь!»). И Вы совершенно правы насчет хотения: этого мальчика я себе выхотела, заказала [301]. И Вы первая подтвердили меня в моем праве на его существование, – не по-женски, – так хорошо по-мужски! – И напророчили мне моего сына, похожего на меня. Тогда в Иловицах. Отлично помню.

Четвертый день как встала. На ногах еще слаба. Понемножку вхожу в жизнь, т.е. в чистку картошки, в выгребание печек и пр. Тяжестей не таскаю, веду себя благоразумно. «Завидую» в окно, на горы, – дивная рыжизна дубов в синеве. Но так как «на воздухе сидеть» не умею – просто не выхожу – от соблазна.

Много любопытного о А.И. Андреевой. Вас она скрыто не выносит (как Вы ее – явно). Своевольна, тяжела, сумасбродна, внезапна, совершенно непонятна. К мужчинам равнодушна, к нарядам (к своей красоте) равнодушна, к книгам равнодушна, покойным писателем и мужем не одержима. Дети? Сплошная команда, пуще меня. Любит, по-моему, только Савву [302]. Беседовать не умеет. Никогда не банальна. Первые 9 дней (классически!) присутствовала непрерывно, – помогала, командовала, досаждала, заполняла собою (буйством и любовью) весь день и весь дом. На 10-ый день пропала, как в воду канула. Аля, ночевавшая у них до вчерашнего дня, говорит – черное платье шьет с пестрой отделкой.

Цыганка, утверждаю. Неучтима и неподсудна.

Поблагодарите милую Адю за письмо. Будет время – напишу. Спасибо за оказию в Москву, письмо для Бориса Пастернака пришло на днях, вслед этому. Как хотелось бы – и «Молодца»! Уже печатается. Когда буду посылать Вам, пришло и для Бориса Пастернака, может быть найдется еще оказия, пусть через месяц, лишь бы дошло. В Праге у меня никого нет, кого просить. – Святая Елена [303], которую минуют все корабли.

Два раза была у меня госпожа Тешкова [304], председательница Едноты. Лет под пятьдесят, седая, полная, голубоокая, вроде Екатерины II. Очарована мальчиком: «Если бы Вы жили в Праге, у Вас бы на ½ дня была няня». Гадает о мирах, откуда он пришел. По теории Штейнера дух – все 9 месяцев, пока ребенок во чреве матери кует себе тело. Выявленность (индивидуальная, а не расовая!) черт – свидетельство о степени развитости духа. – Хорошая теория, мне нравится.

Предложила мне вчера няньку из «Армады спасы» {66}, – ее собственное предложение, может быть таковых и нет. Нянька вроде солдата, лучше бы просто денщик! Воображаю ее негодование на мое курение и, вообще, всю меня!

Думаю, что единственно надежная няня – я. Сегодня (продолжаю 15-го) например спала 2½ часа, – Георгий, очевидно, из любезности к гостям, днем спит, ночью вопит. («Потерял ночь».) Читала Диккенса, полоскала пеленки, курила, ходила. У Сережи завтра экзамен у местного светила – филолога-слависта Нидерле, на этой же неделе Кондаков и еще кто-то. Сам мальчика купает и очень им очарован, но за n'avance pas ses affaires {67}. Как все склудилось!

Париж! – Как далеко! – Другая жизнь. (Нашу Вы знаете.) И сейчас не мыслю себя в ней. А прелестная была та весна на Смихове! Наша гора, прогулки под луной, Пасха (помните мою злость'?!). Эту гору и весну я чувствую, как свою последнюю молодость, последнюю себя: «Denn dort bin ich gelogen, wo ich gebogen bin!» {68}. И – точно десять лет назад. Невозвратно.

Ах, деньги! Были бы, приехали бы, – я не для того, чтобы ухаживать, обойдусь – для того, чтобы напомнить мне о том, кто я, просто посмеяться вместе! Начинаю убеждаться, что подходящая женщина такая же, если не большая, редкость, чем подходящий мужчина. – Сколько их вокруг меня и никого!

Мечтаю о Карловом Тыне [305], но и он недоступен: кормлю через 2 часа (мало

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
молока и дольше мальчик не выдерживает) – не обернешься.

Но, в общем, очевидно, я счастлива. Все это дело дней. И всегда передо мной
Соломонов перстень: «И это пройдет» [306].

Целую нежно Вас и Адю. Сердечный привет Оле и Наташе. Пишите, но не приезжайте в
Прагу ни из-за Самойловны, ни из-за меня.

МЦ.

Впервые – НП. С. 130–136. СС-6. С. 719–723. Печ. по СС-6

20–25. А.А. Тесковой
Вшеноры, 15-го февраля 1925 г., воскресенье

Милая Анна Антоновна,

Посылаю Вам для женского журнала свой «Вольный проезд» [307]. Прочтите и
подумайте, подойдет ли для женского журнала. Если да и найдется переводчик,
очень хотела бы хотя бы письменно с ним сообщить. Пусть бы мне прислал список
не совсем ясных слов и выражений (язык народный) – я бы пояснила.

А не взяли ли Вы сами перевести? С Вами бы наверное столкнулись. Сейчас,
после лежания, очень ослабли глаза, поэтому посылаю уже напечатанное. – Не
играет роли?

Сегодня целый день в Вашем халате. Приятное ощущение простоты, чистоты и
теплоты. Поблагодарите от меня еще раз Вашу милую маму и пожелайте ей здоровья и
хорошего лета.

Детские вещи очаровательны, особенно рубашечки. Теперь нужен рост, чтобы их
заполнить.

А пирожные – напрасное баловство, никогда не привозите, пусть это будет в
последний раз, в честь Георгия.

Целую Вас нежно.

М.Ц.

P.S. Как Вам понравилась статья Сергея Яковлевича «Церковные люди и
современность»? [308]

А чехи тоже забывают! В этом я убедилась тотчас после Вашего ухода: в углу на
ящике серый чемодан. Или только побывавшие в России?

Впервые – *Československá rusistika. Praha. 1962. № 1. С. 49* (публ. В. Морковина)
(с купюрами); Письма к Анне Тесковой, 1969. С. 30 (с купюрами). СС-6. С. 337 (с
купюрами). Печ. полностью по: Письма к Анне Тесковой, 2008. С. 18–19.

21–25. О.Е. Колбасиной–Черновой
Вшеноры, 19-го февраля 1925 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Вот письмо для Бориса Пастернака. Положите его, пожалуйста, в конверт, с
надписью:

Борису Пастернаку, без свидетелей.
Человеку, который повезет, сообщите, на всякий случай, его домашний адрес:

Москва, Волхонка 14

(Тотчас же перепишите его себе на стенку, а то листочек легко затерять.) Лучше
Страница 73

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
всего было бы передать на каком-нибудь литературном вечере, вообще, узнать, где он бывает. Может быть он служит, – тогда на службу. Все это можно узнать в Союзе писателей или поэтов.

17-го ночью, от разрыва сердца, умер Кондаков. А сегодня, 19-го, Сережа должен был держать у него экзамен.

Ближайшие ученики в страшном горе. Вчера Сережа с еще одним через весь город тащили огромный венок. Недавно был его юбилей – настоящее торжество. При жизни его ценили, как – обыкновенно – только после смерти. Черствый, в тысячелетиях живущий старик был растроган. Умер 80-ти лет. Русские могилы в Праге растут. Это славная могила.

Умер почти мгновенно: «Задыхаюсь!» – и прислушавшись: «Нет, – умираю». Последняя точность ученого, не терпевшего лирики в деле.

Узнав, – слезы хлынули градом: не о его душе (была ли?), о его черепной коробке с драгоценным, невозвратимым мозгом. Ибо этого ни в какой религии нет: бессмертия мозга.

Сережа уже видел его: прекрасен. Строгий, чистый лик. Такие мертвые не страшны, страшна только мертвая плоть, а здесь ее совсем не было.

Я рада за него: не Берлин, не Париж – славянская Прага. И сразу: умираю. С этим словом умер и Блок.

Я рада, что вы с Адей его слышали. Он останется в веках. О себе: чувствую себя средне. Мало сплю – ночью не всегда удается, днем не умею, не гуляю – мальчик еще мал, и нет коляски – и, вообще, некоторая разбитость, более душевная, чем внешняя. Прислуги нет: предлагали даму из Константинополя, но я сейчас слишком издергана, чтобы выносить присутствие чужого человека в таких тесных пределах. А приходящей на утренние часы не найти. Вечером же – Сережа, уют, Диккенс, не хочу, чтобы мыли пол. Пока обхожусь. Будет коляска будем уходить гулять, мальчик будет расти, все обойдется.

И – тяжесть так тяжесть! А то: прислуга, относительная свобода, я не вправе буду быть несчастной. Право на негодование не этого ли я в жизни, втайне, добивалась?

Вчера Сережа отослал Вам деньги. Ради Бога, напишите, дошли ли те, через оказию Кати Рейтлингер? Мне это необходимо знать. – И сколько. Если что-нибудь будут предлагать для мальчика, берите только платица (ни одного) и штаны (ни одних). Разумеется – для младенческого возраста. (Есть такие штаны конвертиком, углом.) Кофточек и пеленочек у него достаточно. Есть даже вязаная куртка, прекрасная, года на три, и башмачки.

Мне подарили чешский халат (по чести – капот, расскажите Аде – оценит!) «бумазейковый» – кирпичный, с сиреневыми лилиями. В нем и сплю. И несколько рубашек, – тонких, как вздох, и как он же недолговечных. А Ваша желтая всё служит!

Целую нежно. Не забудьте ответить по поводу тех денег, с оказией. Ведь необходимо выяснить.

Огромное спасибо за Бориса Пастернака.

МЦ.

Впервые – НП. С. 136–139. СС-6. С. 723–724. Печ. по СС-6.

22–25. Е.А. Ляцкому
Вшеноры. 23-го февраля 1925 г.

Дорогой Евгений Александрович,

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

– Выручайте! –

17-го февраля, во вторник, умер Никодим Павлович Кондаков (смерть замечательная, при встрече расскажу) [309], а 18-го в среду Сергей Яковлевич должен был держать у него экзамен [310]. Узнав, я, несмотря на горе по Кондакову, сразу учла трудность положения и посоветовала Сереже обратиться к Вам. Он же, по свойственному ему донкихотству, стал горячо возражать против устройства своих личных дел в такую минуту («что значат мои экзамены рядом со смертью Кондакова» и т.п.).

Поэтому, беря на себя неблагодарную роль Санчо-Пансы [311], действую самостоятельно и сердечно прошу Вас подписать ему экзаменационный лист, который прилагаю. Остальной минимум (греческий, нидерлэ [312]) сдан блестяще.

– Суждено Вам быть благодетелем моего семейства! –

Не удивляйтесь незаполненности экзаменационного листа, – боюсь напутать с точным названием Вашего курса [313] и чешской орфографией.

Сердечный привет и – заранее – благодарность.

МЦ.

Адрес: Všenory, číslo 23 (p.p. Dobřichovice) u Prahi.

Впервые – Моя Москва (1991, авг.). Публ. Е. Ванечковой. СС-6. С. 782–783. Печ. по СС-6.

23–25. А.В. Черновой
Вшеноры, 24-го февраля 1925 г.

Дорогая Адя,

Тщетно стараюсь узнать у Ольги Елисеевны, получили ли вы доплату за январское иждивение. Деньги были посланы через знакомую Кати Рейтлингер, она должна была не то передать, не то переслать их. Цифра, помнится, 70, сейчас не помню, крон или франков. (Можно установить. Думаю – франков.) Пишу об этом Ольге Елисеевне уже третий раз – и безответно. Если деньги не дошли, взыщу с Кати, или с дамы, – пусть Ольга Елисеевна не думает, что пропажа отзовется на мне: из-под земли достану!

Второе: безотлагательно – открыткой – сообщите мне имя-отчество Розенталя [314]. Не могу (неприлично!) просить о помощи, не зная, как зовут. Я бы не дала, к чертям послала.

Прочли ли мою «Полотёрскую» в ВолеРоссии? «Молодец» выходит «на днях». Пришлю Вам Вашего собственного [315]. У Али к нему – чудесные иллюстрации, вообще начинает рисовать хорошо.

«Мальчик Георгий» [316] похож на того, спящего, – помните в Кинской заграде [317] в этнографическом отделении, где набитые лошади? Тоже спит в корзинке. Коляска, обещанная волероссийцами, что-то не едет и «мальчик Георгий» (помните Шебеку? [318] если не читали, Ольга Елисеевна пояснит) похож на Моисея [319].

О смерти Кондакова я уже писала. Совпадение: в вечер дня его смерти (умер ночью) к нему пришли родственники {69} покойного профессора Андрусова [320] с просьбой выбрать для памятника крест. Старик долго выбирал и наконец остановился на восхитительном византийском. – «Вот – крест! Когда я умру, поставьте мне такой же».

Умер через несколько часов.

Теперь дело за деньгами. Ученики (небольшая группа верных, в том числе и Сережа) сами хотят ставить. Несли его гроб на плечах через весь город, Сережа впереди – хоругвь, такую тяжелую, что пришлось нести на плече, как винтовку. Одному, очень

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
сдержанному, на кладбище сделалось дурно. Увезли.

Помните лекцию на французском языке? Медлительность и точность речи? Странное слово «скармангий»? (византийская одежда). Дрожащие руки его ученика Беляева [321], зажигавшего волшебный фонарь? Скачущие картины?

И – потом или до? – еврейское кладбище, на котором мы – были или не были? И весь тот туманный день?

Где сейчас Кондаков? Его мозг. (О бессмертии мозга никто не заботится: мозг – грех, от Дьявола. А может быть мозгом заведует Дог?)

Иногда вижу чертей во сне, и первое ласкательное Георгия – чертенок.

Целую Вас, милая Адя, не забудьте ответить на мои вопросы. Сережа затонул в экзаменах, всплывет – напишет.

МЦ.

Впервые – НП. С. 145–147. СС-6. С. 668–669. Печ. по СС-6.

24–25. А.А. Тесковой
Вшеноры, 26-го февраля 1925 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Пе-лѐнки на-шлись!!! (Извещение из Пильзена). Но я их еще не видела, – потребовали опись, никто не знал, Madame Чирикова нарочно ездила в Прагу к госпоже Курц [322].

Теперь я смогу ответить доктору. Больше всего меня угнетало во всем этом злоключении – что я выгляжу невежей. Но, помимо лирического удовлетворения, очень радуюсь вещам, верней: вещественности.

Спасибо за заботу о моей рукописи, но к этому № женского журнала я уже все равно опоздала [323]. – Вы говорили, к 8-му, нужно выбрать, переписать, перевести. Пришлю, или – надеюсь – передам Вам для следующего №, может быть вместе выберем.

А если устроите «вольный проезд» в Cest'у [324] – большое спасибо, я знаю этот журнал, – производит прекрасное впечатление.

Георгий растет. Ведем с ним длительные беседы, причем говорю и за себя и за него, – и уверяю Вас – не худший метод беседы! (Приучена к нему своими мужскими собеседниками.)

«Воля России» поднесла ему чудесную коляску – царскую! – (в моих устах наибольшая похвала, – не в их!). Если увидите Слонима [325], передайте ему (сторонне, не от меня) мое восхищение: я не умею благодарить в упор, так же, как не умею, чтобы меня благодарили, – боюсь, что они все сочтут меня бесчувственной.

До свидания, надеюсь – до скорого. Приезжайте, – я всегда дома.

М.Ц.

P.S. Главное забыла: есть прислуга – проходящая – родом из Теплитца. Приходит ежедневно на три часа. Говорим с ней про Бетховена (Toerplitz, Beethovenhaus {70}) [326].

Впервые – Československá rusistika. Praha. 1962. № 1. С. 49 (публ. В. Морковина) (с купюрой): СС-6. С. 338 (с купюрой). Печ по: Письма к Анне Тесковой, 2008. С. 19–20.

25–25. О.Е. Колбасиной-Черновой

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Вшеноры, 29-го февраля 1925 г. [327]

Дорогая Ольга Елисеевна.

Мое письмо с письмом Пастернаку Вы уже получили и уже знаете, что мальчик – Георгий. Ваши доводы – мои, и мои Ваши: дословно. Есть у Волконского точная формула (говорит о упраздненном пространстве в музыке и, сам не зная, о несравненно большем): «Победа путем отказа» [328], – Так вот. – Мальчик – Георгий (NB! Это Вам ничего не напоминает? Маль-чик Ге-ор-гий? [329] Шебеку [330], которая водила царских псов гулять, не она водила, автор записок, нянька, а «злая Шебека» была ее врагиней и потому участвовала в 1-ом марте [331]. «Государынина Ральфа и государева Ральфа» – в день убийства – помните?)

Итак, мальчик – Георгий, а не Борис, Борис так и остался во мне, при мне, в нигде, как все мои мечты и страсти. Жаль, если не прочли моего письма к Борису Пастернаку (забыла напомнить) – вроде кристаллизованного дневника – одни острия – о Лилит [332] (до – первой и нечислящейся, пра-первой: мне!) и Еве (его жене и всех женах тех, кого я «люблю», – NB! никого не любила кроме Бориса Пастернака и того дога) – и моей ненависти и, чаще, снисходительной жалости к Еве, – еще о Борисе и Георгии, что Борис: разглашение тайны, приручать дикого зверя – Любовь (Барсик, так было, было бы уменьшительное), вводить Любовь в семью, – о ревности к звуку, который будут произносить равнодушные... И еще – главное – что, называя этого Георгием, я тем самым сохраняю право на его Бориса, него Бориса, от него – Бориса – безумие? – нет, мечты на Будущее.

И еще просила любить этого, как своего (больше, если можно!), потому что я не виновата, что это не его сын. И не ревность, ибо это не дитя услады.

И, в конце, жестом двух вздетых рук:

«Посвящаю его Вам, как божеству».

С Борисом Пастернаком мне вместе не жить. Знаю. По той же причине, по тем же обоим причинам (Сережа и я), почему Борис не Борис, а Георгий: трагическая невозможность оставить Сережу и вторая, не менее трагическая, из любви устроить жизнь, из вечности – дробление суток. С Борисом Пастернаком мне не жить, но сына от него я хочу, чтобы он в нем через меня жил. Если это не сбудется, не сбылась моя жизнь, замысел ее. С Борисом Пастернаком я говорила раза три (жуткое слово, сейчас, Али: «Ешьте сердце!» Дает шоколадку, уцелевшую еще с Рождества) – помню наклон головы, некую мулатскую лошадиность – конскость лица, глухость голоса. – Георгий проснулся и пока прерываю. –

Мальчику три недели. Хорошо прибавляет, тих, очень милое личико, с правильными чертами, только подбородок в Катю Рейтлингер – вострый. Пока не прикармливаю. Окружена хором женщин, неустанно вопящих: «Кормите! кормите! кормите!» Будь я на 10, а может быть и на 5 лет моложе, я бы послала их всех к чертям (моими усилиями уже заселена немалая часть ада!) и назло прекратила бы кормежку. Но мальчик не виноват – и так хорошо ведет себя. Впечатление, что старается сделать мне честь.

Дорогая Ольга Елисеевна, умоляю, ничего ему не покупайте, его младенчество всецело обеспечено, никогда ни у Али, ни у Ирины не было такого приданого. Подождите год, – платьиц. И еще года два – штанов. А то все эти мелочи так преходящи, все равно придется передаривать, – жаль.

О своей жизни: мало сплю – когда-нибудь напишу об этом стихи – не умею ни ложиться рано, ни спать днем, а мальчик нет-нет да проснется, пропоется, – заснет – я разгулялась, читаю, курю. От этого днем повышенная чувствительность, от всего – и слезы, сразу переходящие в тигровую ярость. Мальчик очень благоден, что с такого молока прибавляет. Чистейшая добрая воля.

Но еще зимы во Вшенорах не хочу, не могу, при одной мысли – холодная ярость в хребте. Не могу этого ущелья, этой сдавленности, закупоренности, собачьего одиночества (в будке!). Все тех же (равнодушных) лиц, все тех же (осторожных)

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru тем. Летом – ничего, будем уезжать с Георгием в лес, Аля будет стеречь коляску, а я буду лезть. А на зиму – решительно – вон: слишком трудна, нудна и черна здесь жизнь. Либо в Прагу, либо в Париж. Но в Прагу, по чести, не хотелось бы: хозяйки, копать – и дорогой [333], который несомненно займется на третий день после переезда и которому я, по малодушию, «прощу». И французского хотелось бы – для Али. А главное, в Париже мы жили бы, если не вместе, то близко. Вы так хорошо на меня действуете: подымающе, я окружена жерновами и якорями.

«J'etais faite pour être très heureuse, – mais
Pourquoi dans ton oeuvre terrestre
Tant d'éléments – si peu d'accord?..» {71}
(У Ламартина – céleste {72}, а весь вопль – башкирцевский) [334].

Почему никогда не упоминаете о Невинном? Неужели не видите? (Удивляюсь ему, а не Вам.) Знает ли, что у меня сын и как встретил? Наверное: «А у меня тоже сын, даже – два, – и знаете – (с гордостью) – не в пеленках, а в университете». (Расскажите Аде.)

Из волероесийцев никого, кроме Маргариты Николаевны, не видела. Лебедев в Париже. «Дорогой», поздравив заочно элегантной коробкой конфет (Але везет!), немотствует. Да, все мужчины (если они не герои, не поэты, не духи – и не друзья!) вокруг колыбели новорожденного в роли Иосифа [335]. Прекрасная роль, не хуже архангельской, но люди низки и боятся смешного. Роль, с которой так благородно справился Блок.

Прошение Розенталю. Приложу. Может быть прошение, может быть просто письмо. Не зная человека, трудно. (Убеждена, что знаю все слова, на всякого – слово!) Не хотелось бы петь Лазаря, он ведь все знает наперед, хорошая у него, должно быть, коллекция автографов! Если бы Розенталь дал, переехала бы в Париж к 1-ому октября, – Георгию было бы 8 месяцев, не так трудно. Постаралась бы (между нами) сохранить и чешскую стипендию.

Думаю о Вашем хроническом безденежье и терзаюсь теми несчастными ста кронами. Столько раз обещала и все еще не шлю. Совсем было уже отложила, но мне за время моего лежания надавали множество простынь, встала – ни следу, должно быть угольщица унесла в леса, теперь нужно возмещать. Больше о них (ста) писать не буду, – стыдно, вспомните мальчика и волка:

Wer einmal lügt, dem giauot man nicht
End wenn er auch die Wahrheit spricht. {73} [336]
Писать не буду, но знайте, что помню и что с первой возможностью вышлю.

Бальмонт. – Бедный Бальмонт! Как Вы его прекрасно поняли! Самоупивающаяся, самоопьяняющая птица. Нищая птица, невинная птица и – бессмысленная птица. Стихи точно обязывают его к бессмыслию, в стихах он продыхивается. От безмыслия к бессмыслию, вот поэтический путь Бальмонта и прекрасное название для статьи, которой я, увы, не смогу написать, ибо связана с ним почти родственными узами.

Итак – новое увлечение? Рада, что еврейка. Не из московской ли Габимы? [337] и, попутная мысль: будь Дон-Жуан глубок, мог ли бы он любить всех? Не сеть ли это «всех» неизменное следствие поверхностности? Короче: можно ли любить всех трагически? (Ведь Дон-Жуан смешон! писала об этом Борису Пастернаку [338], говоря об его вечности.) Казанова? Задумываюсь. Но тут три четверти чувственности, не любопытно, не в счет – я о душевной ненасытности говорю.

Или это трагическое всех, трагедия вселюбия исключительное преимущество женщин? (Знаю по себе.)

Хороший возглас, недавно, Али: «Он мужчина, и потому неправ». (Переключка с брюсовским: «Ты женщина – и этим ты права» [339], – которого она не знает.)

Деловое: сообщите мне тот час же открыткой имя-отчество Розенталю. Просить, не зная, как зовут – на это я неспособна. Напишу и письмо и прошение, прочтете – выберете. Только, ради Бога, ответьте тот час же, сегодня запрашиваю об этом же

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Слонима.

МЦ.

Приписка на полях:

Получили ли деньги через Катину оказию? Доплату за январское иждивение? Что-то вроде 70-ти.

Впервые – НП. С. 139–144. СС-6. С. 724–728. Печ. по СС-6.

26–25. Л.М. Розенталю
До 7-го марта 1925 г.

Попытка письма к Розенталю (по совету О.Е.Черновой) [340]

Многоуважаемый Леонид Михайлович,
Я ничего не знаю о Вас, кроме Вашего имени и Вашей доброты. Вы же обо мне еще меньше: только имя.

Если бы я по крайней мере знала, что Вы любите стихи – моя просьба о помощи была бы более оправдана: так трудна жизнь, что не могу писать, помогите. Но если Вы стихов – не любите?

Тем не менее, вот моя просьба: нуждаюсь более чем кто-либо, двое детей (11 лет и 6 недель), писать в настоящих условиях совершенно не могу, не писать – не жить.

Если можно, назначьте мне ежемесячную ссуду, ссуду – если когда-нибудь вернется в России прежнее, и субсидию – если не вернется.

(Про себя: знаю, что не вернется!)

Деньги эти мне нужны не на комфорт, а на собственную душу: возможность писать, то есть – быть.

Могла бы ограничиться официальным прошением, но Вы не государство, а человек фразы не окончена

Руки – чтоб гривну взывать с гроша.. [341]

(Очевидно, ассоциация с Розенталем – кстати, ловцом жемчуга (NB! чужими руками) и, кстати, естественно мне никогда ничего не ответившим.)

Впервые – НСТ. С. 345. Печ. по тексту первой публикации.

27–25. О.Е. Колбасиной–Черновой
Вшеноры, 7-го марта 1925 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Вот письмо к Розенталю. Прочтите и дайте прочесть Карбасниковой (второй Самойловне). И решите вместе. Могу, конечно, написать и прошение (Вы же знаете, как я их мастерски пишу!), но очень противно, – не настолько, однако, чтобы из-за благородства провалить все дело. Если письмо сомнительно, не давайте. (Жив и свеж еще в моей памяти пример князя Волконского! [342])

Если Розенталь человек – он поймет, если он государство (т.е. машина) – нужно прошение. Пусть Адя тотчас же черкнет открыточку.

Если (сплошное сослагательное!) письмо будет передавать Карбасникова, попросите ее, пусть красноречиво расскажет о моем земном быту: грязи, невылазности, скверном климате, Алиной недавней болезни, – о всех чернотах. Это не будет стоить ей ни копейки, а мне может принести многое. Пусть она поет Лазаря, – я не хочу.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru (Ах, если бы Розенталь в меня влюбился! – Он, наверное, страшно толстый. – После всех танцовщиц – платонической любовью – в меня! Я бы написала чудесный роман: о любви богатого и бедной (обратное не страшно: богатая ради или из-за бедного сама станет бедной, мужчины легко идут на содержание!) – о любви богатого к бедной, еврея к русской, банкира – к поэту, сплошь на антитезах. Чудесный роман, на котором дико бы нажилась, а Розенталь к этому времени бы обанкротился, и я бы его пригрела. – А? –)

Одновременно с запросом Аде запросила Марка Львовича и вот ответ: «Розенталь зовут Леонард. Это все, что я знаю» и мой ответ: «Спасибо за имя Розенталья, но без отчества оно мне не годится.» («Милый Леонард? Леонард Богданович?» NB! Все дети без отчества в Рязанской губернии – Богдановичи!) Кроме того, так зовут Дьявола. (Мастер Леонард.) – Знает ли он, что так зовут Дьявола? На шабашах. Если не знает – когда подружусь – расскажу. Я непременно хочу с ним подружиться, особенно если ничего не даст.

Адина кукла волшебна: олицетворение Роскоши, гостя из того мира, куда нам входу нет – даже если бы были миллионы! Это – роскошь безмыслия (бессмыслия). Нужда (думаю об Аде и кукле, о себе и кукле, о мысли и кукле) должна воспитывать не социалистов, так сильно желающих, а – но такого названия нет – ничего здесь не желающих: отступников от мира сего. Розовая кукла – и не розовая Адя, в мягких тонах – диккенсовская тема, в резких – тема Достоевского. И, внезапный отскок: а ведь из-за таких кукол стреляются! И, Розенталь никогда не влюбится в меня.

Сильнее души мужчины любят тело, но еще сильнее тела – шелка на нем: самую поверхность человека! (А воздух над шелком – поэты!)

И платочек прелестный – павлиний. Георгий уже в присланном чепце, рубашечка еще велика, подождет.

Еще ни разу не гулял, – проклятый климат! Мы потонули в грязи. На час, полтора ежедневно уходим с Алей за шишками или хворостом, – унылые прогулки. Небо неподвижное, ручьи явно-холодные. Сырость, промозглость. Ни просвета.

Эту зиму я провела в тюрьме, – пусть, по отношению к Чека – привилегированной, – все равно тюрьма. Или трюм. Бог все меня испытывает – и не высокие мои качества: терпение мое. Чего он от меня хочет?

Целую Вас и Адю. Не теряйте письма, которое (по словам Ади) мне пишете.

МЦ.

P.S. Очень прошу Адю написать мне тотчас же, подошло ли письмо Розенталю? Относительно халата Невинный бредит, вразумите его, что ОН (и Редакция) мне подарили коляску.

Впервые НП. С. 147–149. СС-6. С. 728–730. Печ. по СС-6.

28–25. В.Ф. Булгакову
Вшеноры, 11-го марта 1925 г.

Дорогой Валентин Федорович.

Дай Бог всем «коллегиям» спеваться как наша! С выбором второго стиха Рафальского («устали – стали») вполне согласна, это лучший из остающихся, хотя где-то там в серединке – не помню где – что-то и наворочено. Стихи Бржезины [343] берите какие хотите, – вполне доверяю выбору Вашему и Сергея Владиславовича. – И затяжной же, однако, у нас сборник! Не успеет ли до окончательного прекращения принятия рукописей подрасти новый сотрудник – мой сын?

Очень рада буду, если когда-нибудь заглянете в мое «тверское уединение» (стих Ахматовой) [344], – мне из него долго не выбраться, ибо без няни. Серьезно, приезжайте как-нибудь, послушаете «на лужайке детский крик» [345], погуляем, поболтаем. Только предупредите.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Шлю Вам сердечный привет.

МЦ.

Впервые – ВРХД. 1991. № 161. С. 193 (публ. Д. Лерина). СС-7. С. 8. Печ. по СС-7.

29–25. И.Ф. Каллиникову
Вшеноры, 11-го, марта 1925 г.

Дорогой Иосиф Федорович,

Спасибо за привет. «Молодца», конечно, получите, – дай только Бог вытянуть у «Пламени» побольше авторских! Но почему до сих пор не вышел, и в чем последний камень преткновения? [346]

Когда думаю о настоящем призвании и настоящем вдохновении, всегда вспоминаю Вас и Ваш труд, хотя темы Ваши мне зачастую чужды [347].

Посади Вас на остров [348] – Вы тоже писали бы: пальцем по песку [349] или просто вслух, на ветер [350].

Это – высшая марка, и только это и есть – призвание. Остальное – баловство.

Сердечный привет.

М.Цветаева.

Впервые – Вшеноры, 2000. С. 54 (публ. и коммент.е. Лубянской). Печ. по указанному тексту.

30–25. Ф. Кубке
Вшеноры, 14-го марта 1925 г.

Многоуважаемый Доктор,

У меня из своих вещей – далеко не всё. Посылаю Вам, что имею: «Метель», «Фортуна» (пьеса), «Психею», «Царь-Деву», «Ремесло», отдельные стихи, напечатанные в газетах, и два прозаических отрывка из неизданных московских записей: «Вольный проезд» и «Чердачное» [351]. Если Вам любопытна последовательность вещей – вот [352]:

В МОСКВЕ:

«Вечерний альбом» (1911 г.)

«Волшебный фонарь» (1912 г.)

«Юношеские стихи» (неизданные) 1912–1916 г.

«Версты» книга I (Госиздат) 1916–1921 г.

«Версты» книга II (неиздана) 1916–1921 г.

«Царь-Деву» (Берлин, Эпоха) время написания 1920 г.

«Ремесло» (Берлин, – Геликон) время написания 1921 г.–1922 г.

«Психея» (Берлин, Гржебин) сборник

«Романтика» (выйдет в «Пламени». Пьесы: «Метель», «Приключение», «Фортуна», «Феникс») {74}

В ЧЕХИИ:

«Молодец» – поэма (на днях выходит в «Пламени»)

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
«Тезей» – пьеса – (ненапечатана)
«Умыслы» – следующая книга стихов после «Ремесла» – 1922 г. – 1925 г. (неиздана)

Проза:

«Земные приметы» (книга московских записей, 1917 г. – 1921 г.) – неиздана, отдельные отрывки печатались в «Днях» («Чердачное»), в «Воле России» (рождественский № 1924 г.) и «Вольный проезд» («Современные Записки»)

«Световой ливень» (статья о Борисе Пастернаке – Берлин, Эпопея)

«Кедр» (о книге Волконского «Родина», сборник «Записки наблюдателя» – Прага. 1924 г.)

Всё, что я Вам посылаю – единственные экземпляры. «Метели» у меня нет даже в черновике, – приехав из России восстановила по памяти [353].

«Молодца», который выйдет на днях, Вам с удовольствием подарю.

Шлю привет Вам, Вашей милой жене и сыну. Как назвали? Мой – Георгий.

Марина Цветаева.

Впервые *Československá rusistika*. Прага. 1962. № 1. С. 50–51 (с купюрами). Публ. В.В. Морковина. СС-7. С. 24. Печ. впервые полностью по копии с оригинала, хранящегося в РГАЛИ (Ф. 1190. он. 3, ед. хр. 134).

31–25. Б.Л. Пастернаку
20–22 марта 1925 г.

Борис Пастернак, когда мы встретимся? Встретимся ли? Дай мне руку на весь тот свет, здесь мои обе – заняты! [354]

Борис Пастернак, Вы посвящаете свои вещи чужим – Кузмину и другим, наверное [355]. А мне, Борис, ни строки. Впрочем, это моя судьба: я всегда получала меньше, чем давала: от Блока – ни строки, от Ахматовой – телефонный звонок, который не дошел, и стороннюю весть, что всегда носит мои стихи при себе [356], в сумочке, – от Манделштама – несколько холодных великолепий о Москве [357], от Чурилина – просто плохие стихи [358], от С.Я. Парнок – много и хорошие [359], но она сама – плохой поэт, а от Вас, Борис Пастернак, – ничего. Но душу Вашу я взяла, и Вы это знаете.

Впервые – НСТ. С. 345. Печ. по: Души начинают видеть. С. 107–108.

32–25. А.В. Черновой
Вшеноры, 1-го апреля 1925 г.

Дорогая Адя,

Из всех девочек-подростков, которых я когда-либо встречала, Вы – самая даровитая и самая умная. Мне очень любопытно, что из Вас выйдет. Дарование и ум – плохие дары в колыбель, особенно женскую, – Адя, хотите формулу? Все, что не продажно-платно, т.е. за все, что не продаешь, платишь (платишься!), а не продажно в нас лишь то, чего мы никак – ну, никак! – как портрет царя на советском смоленском рынке – несмотря на все наши желания и усилия – не можем продать: 1) никто не берет, 2) продажная вещь, как собака с обрывком веревки, возвращается. Непродажных же вещей только одна: душа.

Так вот, я думаю о Вас – и вывод: Вы, конечно, будете человеком искусства – потому что других путей нет. Всякая жизнь в пространстве – самом просторном! – и

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru во времени – самом свободном! – тесна. Вы не можете, будь у Вас в руках хоть все билеты на все экспрессы мира – быть зараз и в Конго (куда так и не уехал монах) и на Урале и в Порт-Саиде. Вы должны жить одну жизнь, скорей всего – Вами не выбранную, случайную. И любить сразу, имея на это все права и все внутренние возможности, Лорда Байрона, Генриха Гейне и Лермонтова, встреченных в жизни (предположим такое чудо!), Вы не можете. В жизни, Аденька, ни-че-го нельзя, – nichts {75} – rien {76}. Поэтому – искусство («во сне все возможно»). Из этого – искусство, моя жизнь, как я ее хочу, не незаконная, но подчиненная высшим законам, жизнь на земле, как ее мыслят верующие – на небе. Других путей нет.

Знаю по себе, что как только пытаюсь жить – срываюсь (всегда пытаюсь и всегда срываюсь!). Это ведь большой соблазн – «наяву»! И никакой опыт – меньше всего собственный! – не поможет. Поэтому, когда Аля, спохватившись, что ей уже 11 ½ лет, просит меня самой выбрать ей жениха, отвечаю: «L'unique consolation (contentement) d'avoir fait une bêtise est de l'avoir faite soi-même» {77} (слишком громоздко по-русски, иные вещи на ином языке не мыслятся) – поэтому пусть жениха выбирает сама. Аля, впрочем, объявила, что кроме как за Зигфрида (Нибелунги) ни за кого не выйдет замуж, а так как Зигфрида не встретит... (Пауза:) – «Но старой девой тоже нельзя...»

Вше-норы. Крохотный загон садика с беседкой, стоящей прямо в навозе (хозяин помешался на удобрениях). В беседке, на скамье, отстоящей от стола на три метра – писать невозможно – я. Рядом коляска, в которой под зелеными занавесками – Барсик. (Уцелело от Бориса [360].) Комната, где он провел два первых месяца своей жизни, так темна, что доктор запретил под каким бы то ни было видом выносить его на волю с открытым лицом: немедленное воспаление глаз. Но он так умен, что на воле их и не раскрывает. В этом загоне коротаем дни. Прогулки с коляской трудны, никуда нельзя, – «comme un forçat, attaché à sa brouette» {78}, предпочитаю на руках. (Уже излазили с ним – моим темпом! – немалое количество холмов.) Нигде не бываю. Заходят – Александра Захаровна с Леликом [361] (Аля, при виде его, шалает: безумные глаза и двухчасовой галоп по нашему загону), Анна Ильинична Андреева – и всё, кажется. Последняя необычайна, таких не встречала. Каждый раз новая, не узнаю и не пойму, в чем дело. Дружим – с оттенком известной грубости: взаимные толчки. Но явное внутреннее правление, с ее стороны необъяснимое. Скажите Ольге Елисеевне, что я, в своем любовании ею, была права, что нюх не обманул. Самое чудесное в ней – природа, полное отсутствие мещанства – qu'en dira-t-on {79} – и позы (того же самого). Существо, каким его создал Бог. Одаренное существо.

От Ольги Елисеевны уже месяц – ни строчки. И не напишу, пока не напишет, так и скажите. А может быть – больше месяца, совсем забыла вид ее почерка на конверте. Передайте ей, что и моей вере в любовь на расстоянии есть предел (я, вообще, не из верующих, – изверилась!) – что я не сержусь, но настороже и что меньше как на 12-ти страницах (добросовестного: мелкого почерка: петита) не помирюсь.

«Молодец» уже 1½ месяца как отпечатан, – но – нет обложки. Ясно, что пролежит еще 1½ года и что обложка будет чудовищная [362]. Поставила крест, не спрашиваю и не угрожаю. «Дорогой» (Марк Львович [363]) – как помер (по-чешски: «хцып»), не мне – воскрешать, но и не мне оплакивать. Случайно узнала от Лебедевых (Аля ездила к Ирусе), что был в Париже. Навестил ли вас? И на кого был похож?

Маргарита Николаевна [364] бесконечно-мила, подарила мне зеленое платье, мальчику – чудесное одеяльце, вязаный костюм (NB! первые штаны! так же знаменательно как первая любовь) и множество «белизн». Але сняла мерку и обещала ей к Пасхе розовое платье, из той же материи и того же покроя, что Ирусе. Влюбленность последней в Алю продолжается: всю зиму переписка и, изредка, свидания. Ждем их (все семейство) в следующий понедельник. Аля предлагает всем женщинам: Маргарите Николаевне, Ирусе, себе и мне – уйти гулять, а Владимира Ивановича [365] оставить с коляской, благо еще Барсик так мал, что не понимает (бороды и голоса).

Адя, непременно познакомьтесь с Бальмонтами, Мирра [366] была очень мила 13 лет, а сейчас она немножко старше вас. Через 2 недели выйдет – а, впрочем – тайна: когда выйдет, пришлю. – Посмеетесь. –

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Очень прошу Вас, познакомьтесь! Если Бальмонт захочет целоваться (с ним бывает!), скажите, что у Вас есть жених – в Марокко, на кофейных плантациях. Он это ценит и отстанет. Напишите про Елену [367], какое впечатление. В первый раз пойдите с Лисевой [368], сидите и наблюдайте. Чудная семья, непременно подружитесь. – Не откладывайте. –

Пишу Вам в 5 часов утра. Оба Сергея Яковлевича [369], Аля и Барсик спят. Птицы свилят. В комнате, кроме деревянного корыта (бассейна Барсика), еще три таза – и все с пеленками, Барсик вроде Версаля в *le jour des Grandes eaux* {80} (одна из причин любви к нему и неустанного повода к восхищению им – А.И. Андреевой).

Сию в чешкином халате – с сиреневыми лилиями, сильно похорошевшем, ибо обкурен, как пенковый мунштук.

До свидания, милая Адя, пишите мне. Спасибо за сведения о Розентале (по-еврейски: «Аймек-гуарузим»):

Аймек-гуарузим – долина роз.

Еврейка. Испанский гранд...

Это у меня стих такой есть (1916 г.) [370] – пророчество, нет – предчувствие Розенталя. (Знает ли он, что он Аймек гуарузим?)

Целую Вас.

МЦ.

Аденька! пошло ли мое письмо к Борису Пастернаку? Не забудьте ответить. Про наш гейзер Вам пишет Аля, – кипяточный поток!

Впервые – НП. С. 150–154. СС-6. С. 670–672. Печ. по СС-6.

33-25. О.Е. Колбасиной-Черновой

Париж – Господи! – Вшеноры, 4-го апреля 1925 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Последнее, что я от Вас получила, было укрепление меня в Георгии месяца полтора назад, – я тогда только что встала. С тех пор – тишина, глухота, немота. Сережа удивлялся, (я – нет), потом беспокоился (я – нет), наконец написал, – я – нет, ибо наконец разозлилась. Недавно отправила письмо Аде (неприменно Адя, а не Ади: «Ади» мне напоминает Колю Савинкова [371] и его о-мер-зи-тель-ную мать!) [372] – письмо Аде с твердым обещанием не писать Вам до письма – из чистой злости, потому что писать Вам мне часто хотелось. В письме же к Аде спрашивала о судьбе пастернаковского, в нем же – о «дорогом», слышала слухом, что был в Париже. Как видите – полный и явный перерыв. Даже Сережа, со всей его кротостью, упрекал (такие тихие укоризны – «пени»...) – «Забвение? Занятость? Легкомыслие?», и я, злостно: «Ни то, ни другое, ни третье: четвертое». – Так и оказалось. И, знаете, не удивляюсь – как никогда ничему минусному – это в моей жизни закон. Скорей удивляюсь, когда письма (особенно заказные) доходят. Остаток Советской России и итог всей моей предыдущей жизни. Я сама – письмо, которое не дошло.

Итак, ничего, до Адинога недавнего письма, ни о Розентале, ни о Пастернаке, ни о «дорогом» (он один – с маленькой буквы!) не знала. А обо всем этом – очень хочу. «Дорогого» не видала полгода, за все время – короткая записочка: «весь год не радовался, жил один, нечем жить». Мне жаль его (под влиянием национальности начала было жалеть ему) – мне жаль его, но ничем на расстоянии помочь не могу, да и тогда – не на расстоянии – не помогла. Но о судьбе его, вплоть до подробностей, очень хочу знать: может быть нечего жалеть, может быть – «один, нечем жить» – только для партера (меня).

А чем – я живу? Во-первых – глубоко, до дна – одна. Целый год на необитаемом острове. Без единого, хотя бы приблизительного, собеседника. Без никого. Все эти месяцы – в комнате, погребенная заживо, замурованная, теперь, с весной – в клетке (в беседке), среди кур (курей) и в непосредственном соседстве целого ряда

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
навозных куч (хозяин помешался на удобрениях). Пишу урывками – полчаса в день,
почти не сплю: встаю в 6 часов, ложусь в 1 час, в 2 часа, – читаю Диккенса. Это
о себе самой, теперь о себе с Георгием.

Он – чудесен. 2 месяца. Не красив (как Аля в детстве), а – особенен. Очень похож
на меня, следовательно – на любителя. Ест все (кроме естественного младенческого
корма): манную кашу, лимон (против рахита), чернослив (и то и другое, конечно, в
жидком виде и в умеренном количестве), пьет разбавленное молоко и другое, по
системе Черни [373]. Meh!-milch-Buttersystem {81}. Это и будет его главной
пищей, постепенно переходит. Ведет его Альтшулер, каждое воскресенье навещает.

Морда прелестная: толстая, довольная (Степун, когда наконец окончит Переслегина)
[374], нрав тихий, скромный, сон крепкий, – иногда по ночам приходится будить.
При мне неотлучно. Гуляем без коляски – не осиливаю! – на руках. Когда
подрстет, буду носить на горбу, как цыгане.

Бровей пока нет, т.е. ни приметы! ресницы выросли: редкие и длинные, русые.
Глаза слегка монгольские, еще детские: сине-стальные. Будут зеленые:

...Привычные к степям – глаза,
Привычные к слезам – глаза,
Зеленые – соленые –
Крестьянские глаза...
(Стихи 18-го года) [375].

Спит, как сторожит: руки в белых нарукавниках по обеим сторонам, как стороны
подсвечника: бра. (Алино сравнение.) Не пишу, что улыбается, ибо, улыбаясь, не
сознает. Меня не знает, но, по-моему, знает салфетку, которую ему подвязываю в
сладкие мгновения каши.

Очень большой, громадный. Чистый вес (родился 3-ех кило без чего-то) 4 кило 65
дек {82}.

Будет музыкантом.

У нас приходящая прислуга – на два, три часа. Чешка, но германского толку
(родилась в бетховенском Теплице) – говорит по-немецки – тихая, работающая, очень
милая. Дарю ей что могу, и она к нам очень привязана. Делает основную черную
работу, до Барсика не касается, я ревнива. (Барсик: хвостик Бориса – тайный.)

Дружба с А.И. Андреевой. Какая-то грубая, толчками (дружба). Чем-то я ей
нравлюсь, не всем, силой – должно быть. Вся из неожиданностей. Какие-то набеги и
наскоки – друг другу в душу. Такой непосредственности: природности я в жизни не
встречала. Я перед ней – произведение искусства. Внезапно, ночью: «Марина
Ивановна! Я ведь живу с курами». Я: «В одной комнате?! Ненавижу кур, наплевать
на яйца». Она: «Какие яйца? Я о Наташе говорю и о детях». (Наташа – жена брата
Андреева, нечто вроде экономки [376].) Детей, кроме Саввы, не видела никого,
знаю только, что свободные часы проводят на деревьях и что мать, чтобы их найти,
должна глядеть вверх. И это мне нравится. Впрочем, еще Нину [377] знаю –
старшую, ничем не похожую на мать, куколку.

Я понимаю Андреева, что влюбился. Пуще всех цыганок. Жаль и странно, что не
поет.

Барсика о-бо-жает. Пробным камнем нашей дикой (не силой, а качеством) дружбы
будет известие о Вас – крестной. Пока не говорю.

Крестного, Вы совершенно правы, нет. Ведь у меня нет друзей, я могу «гулять» с
кем угодно, но крестить Барсика я любому не дам. Волконский стар и католик. И
очень уж отрешен. Сегодня же поговорю с Сережей относительно Бальмонта. Я б
рада, я Бальмонта люблю. (На днях в этом убедитесь, но только помните, что
доказательство это – до Адиного письма о его помощи – чистая лирика!) Не знаю,
подружится ли Адя с Миррой [378], Мирра, при всей прелести, очень поверхностна.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Адя, ведь, под знаком: «Tout ce qui n'est pas triste est bête, et tout ce qui n'est pas bête – est triste» {83} (Башкирцева), в Мирре этот Tristia {84} – ни тени: как лицо на солнце.

Деловое, чтобы не забыть: никакой доверенности (или расписки) на (или в) получение(нии) аванса от «Ковчега» ни Сережа, ни я не получали. Когда Сережа увидит Мансветова [379] – скажет, напомнит.

Серезу мы видим только вечером. Большая роль в «Грозе» – партнер Коваленской [380] (Александровский театр) на 2-ой день Пасхи премьера – en grand {85} – снят какой-то чешский театр, на несколько тысяч зрителей. Ролью (Вы может быть помните Бориса – любовника в «Грозе»?) – не увлечен, и прав: все на личном обаянии, т.е. на его bon pouvoir {86} и vouloir {87}, сам герой – ничтожество, неприятно играть. «Свои Пути» процветают, выходят каждый месяц без задержки. Но летом кончается у Серезы иждивение (проклятое слово, единственное в российском словаре мне не дающееся!) – что тогда?

14-го читает в «Едноте» рассказ. Множество бесплатных обязанностей. Худее и зеленее чем когда-либо. Вас и Адю вспоминает с нежностью.

Стихи есть, довольно много. Пишу вторую главу «Крысолова». Первая пойдет в Воле России. Лирическая сатира – на быт. Место действия в Германии. Старинная немецкая легенда такая – «Крысолов».

Из сплетен:

Сереза Катю Рейтлингер прогнал окончательно. С горя зарылась в чертежи. Была последнее время в своей любви – отталкивающая: просто на шею вешалась. И Сереза – КРОТКИЙ Сереза! – прогнал.

В. Чирикова выходит замуж – за приземистого квадратного будущего инженера. А.И. Андреева говорит, что хорошо. («Поуспокоится, пополнеет...» Кстати, никогда не замечала, чтобы после замужества полнели. Что это – детская мука Нестлэ [381], что ль?)

Чирикова-мать играет в пьесе мужа 17-летнюю колдунью-молодку [382]. Вся семья переехала в Прагу, в Профессорский дом. Некоторые профессора, не получившие квартир, скрежещут.

Монах взял у Серезы пальто и поехал представляться К [383]. Ни монаха, ни пальто. (Сереза ходит в костюме вот уже полтора месяца.)

Другой собутыльник (помните, аккуратный немчик с тургеневской фамилией? – летний) [384] истратил крупную сумму из журнальных (Своими Путиами) денег и безвозвратно уехал в Ригу. Сереза и двое других выплачивают.

В.Н. Савинкова вышла замуж за чеха ученика и живет в Добриховицах.

Лелик учится на скрипке и по воскресеньям играет с Алей в «Машину времени».

Александра Захаровна, связав всем соседкам чешкам белые шерстяные шали, вяжет А.И. Андреевой черную шелковую шаль.

Несколько стихов – наугад: (видали ли мою «Полотерскую» в № 1 «Воли России»? В следующих двух – юношеские стихи, пристрастие дорожного) [385].

Пела как стрелы и как моррэны,
Мчашие из-под ног
С звуком рвущегося атласа.
– Пела! – и целый стеной матрасной
Остановить не мог

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Мир меня.
Ибо единый вырвала
Дар у богов: бег!
Пела как стрелы.
Тело?
Мне нету дела!
Ноябрь 1924 г.

ПРИМЕТЫ

Точно гору несла в подоле
Всего тела боль!
Я любовь узнаю по боли
Всего тела вдоль.
Точно поле во мне разъяли
Для любой грозы.
Я любовь узнаю по дали
Всех и вся вблизи.
Точно нору во мне прорыли
До основ, где смоль.
Я любовь узнаю по жиле,
Всего тела вдоль
Стонущей. Своньяком как гривой
Овеаясь гунн:
Я любовь узнаю по срыву
Самых верных струн
Горловых, – горловых ущелий
Ржавь, живая соль.
Я любовь узнаю по щели,
Нет! – по трели
Всего тела вдоль!
Ноябрь 1924 г.

ЖИЗНИ

Не возьмешь моего румянца –
Сильного – как разливы рек!
Ты охотник, но я не дамся,
Ты погоня, но я есмь бег.
Не возьмешь мою душу живу!
Так, на полном скаку погонь –
Пригибающийся – и жилу
Перекусывающий конь
Аравийский.
Декабрь 1924 г.

NB! (Этот стих – к жизни.)

Русской ржи от меня поклон,
Ниве, где баба застится.
Друг! Дожди за моим окном,
Беды и блажи на сердце...
Ты, в погудке дождей и бед
То ж, что Гомер в гексаметре,
Дай мне руку – на весь тот свет!
Здесь – мои обе заняты.
Март 1925 г. [386]

Выбирала самые короткие, – так, обзор, как это письмо. Пишу в беседке, на сильном ветру, ветер рвет бумагу, путает мысли и волосы. Сегодня ждем Маргариту Николаевну с Ирусей, а может быть и – с Лебедевым! Аля в безумном волнении, штопает единственные приличные чулки.

Писала, не отрываясь, пользуясь Барсикиным сном. Спит тут же в коляске, под Вашим белым одеялом.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Может быть уже не придется писать, итак: 1) присылайте расписку на «Ковчег» 2) что с письмом Пастернаку? 3) что «дорогой»? (однако с порядочным обходом – вести! Из Праги бы ближе!) До Пасхи еще напишу. Да! умоляю: не опускайте сами письмо, давайте Аде. (Знаю, что опускаете их в ящик, а не мимо, дело не в этом.)

Целую нежно Вас и Адю. Она удивительная девочка. Непременно будет писать. Пусть часть текста отрезана взята в «Свои Пути». Если не очень длинное. Пусть напишет и пришлет. Подписаться можно буквами.

Адя – пророчу! – к 20-ти годам будет, как я, лирическим циником.

МЦ

Впервые НП. С. 154–159. СС-6. С. 730–735. Печ. по СС-6.

34–25. О.Е. Колбасиной–Черновой
Вшеноры, 12-го апреля 1925 г. Страстной понедельник

Дорогая Ольга Елисеевна,

Был у меня вчера Невинный с визитом. Выдал аттестацию в молодости и неизменности. Хвалил Георгия, сам обнаружил сходство. (Теперь его вся Воля России перевидала – кроме Дорогого! И Росселя [387].) Сидели в навозной беседке, Невинный не замечал (навоза), наслаждался природой. А рядом козий загон, и козы все время делали. Рассказывал о Париже – как всегда, сплошное общее место: автомобили, конные, десять правил езды. И нарядность («У всех башмаки чищенные, – высшая ступень культуры»). И я, мысленно: «А Бетховен?») О вас (вкупе) – следующее: живут средне, нерасчетливы, в общем тысячи? полторы в месяц – главное – есть база (квартира). Захвачены общим парижским веянием (православием) – я, мысленно: «эку штуку выдумал Париж, – православие!» – впрочем не Ольга Елисеевна, – дочери. Гинденбург [388] и Эррио [389]. Сыновья, – один на лоне природы с утятами и поросятами, другой – на голову выше отца, «старший брат». Речь лилась, лилась, а я все бегала, бегала: с Барсиком – вверх и вниз (сад со ступеньками) – то молоко греть, то бутылочки полоскать, то сцены с переодеванием. Думаю, у Невинного в глазах рябило, как у меня – в ушах.

Потом ушел к Пешехоновым [390] (здесь живут), с обещанием, если найдет номер в гостинице, придти, если же не найдет, вновь приехать завтра. А завтра – сегодня, и я в задумчивости: гулять ведь нельзя, значит – сидеть: сидеть и слушать.

Да! для справедливости: умиленно и даже умно вспоминал ту весну: гору, Пасху, приходы и проводы, сумасшедшие рукописи и сумасшедших кукол (Кочаровского) [391], – все на фоне Вас, конечно. Единственный час в беседе, когда был человечен. «Любовь – слепа». Нет, – зряча и заставляет видеть. Он никогда не любил Вас, конечно, – не любовь, – фоксов обрубленный хвостик ее! – и уже общее место точнее, общее становится местным, «ins blaue hinein» {88} – точным, и уже мне, всю жизнь скучающей с людьми, с этим, скучнейшим из них – не скучно.

Бедный Невинный! Жалуется на свою волероссийскую клетку: «с весной – еще темней». И нет Ваших лисьих волос и львиных (определение Сережино: гениальное) глаз, чтоб осветить. У него отношение к Вам явно двоится: напетое в уши «товарищами» (непрактичность, неумение жить, неправильное воспитание Ади и т.п.) – в ушах – с той весны – оставшееся. И он путается, с одних рельс на другие. – Толчки –

Это меня возвращает к Андреевой. Вы, пожалуй, во всем правы. Оценка, для нелюбови (ибо Вы ее не любите), даже великодушная. Она мне чужда, чувствую это всем существом: чуждостью женщины – мужчине. Притягательной чуждостью. Влюбиться я бы в нее могла, любить – нет [392]. С ней не взлетаешь, с ней – срываешься. (Помните у Гумилева):

И уста мои рады
Целовать лишь одну –
Ту, с которой не надо
Улетать в вышину!

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru (курсив мой – и в нем все дело) [393].

А о дарении ненужного – до смешного правы. Принесла нам с Алей целый узел нелюбимых вещей (как цыганка – краденое, к которому остыла) – нам очень, ей явно не нужных. Красная куртка для Али. Верина юбка (для меня), что-то Нинино, в которое даже я не влезаю. Конечно, могла бы продать, и – конечно – благодарна, нно...

Я ей нужна, потому что ей скучно, и потому что в меня, как в прорву – все прегрешения, особенно вольные. Я ей нужна такого-то числа, такого-то месяца, такого-то года, во Вшенорах, в таком-то часу. Я ей нужна временно, местно и срочно. Я ей нужна для себя. Иначе бы она меня в бытовой жизни вызволяла. (То, что всегда так героически делали Вы. Вообще, руку на сердце положа, так, как Вы – по силе и по умению – меня никто не любил, – только, шести лет, Аля.)

Для меня (советую и Вам, и Аде, и Оле, и Наташе) мерило в любви – помощь, и именно в быту: в деле швейном, квартирном, устройственным и пр. Ведь только (хорошо «только»!) с бытом мы не умеем справиться, он – Ахиллесова пята. Так займитесь им, а не моей душой, все эти «души» – лизание сливок или, хуже, упырство. Высосут, налакаются – и «домой», к женам, к детям, в свой (упорядоченный) быт. Черт с такими друзьями!

К чести женщин скажу, что такими друзьями бывают, обыкновенно, мужчины.

Так Оля – Байрона? Нет, Шелли, утонувшего 23 лет в голубейшем из озер? [394] или – еще лучше – Орфея? Что ж, рукоплещу. А Аля – Зигфрида. А Адя – кого?

Да и я не лучше – после всех живых евреев – Генриха Гейне – нежно люблю – насмешливо люблю – мой союзник во всех высотах и низинах, если таковые есть. Ему посвящаю то, что сейчас пишу (первая глава в следующем № «Воли России») – с прелестной надписью, которую в «Воле России» опускаю [395].

Продолжаю 14-го. Вчера в 5 часов вечера, явление Невинного. Ночевал на диванчике у Пешехоновых. Пришел, несколько жеманный и жантильный {89}, – пили кофе – (он у меня ничего не ест, но не знает, что пьем из медного, годы не луженного – кофейника!) – так и просидели, за кофе, дотемна. (Барсик на этот раз спал.) Уехал с головной болью, думал – от вольного воздуха, думаю – от быстроты моей мысли и речи. Обещал навещать все лето, – может быть исправляет грехи дорогого? Тот – как помер. До странности. (Ах, пора на другие рельсы! Знаю ведь – сразу – как рукой снимет!)

На днях Сережа вышлет Вам новый № «Своих Путей» (выходит в пятницу). В следующей книге «На Чужой Стороне» – его «Октябрь» [396]. Мякотин пригласил, до-олго глядел (Сережа истолковал: «врет или не врет?») и попросил продолжения. Я очень рада, – оправдательный документ добровольчества.

Сейчас в Праге генерал Брусиллов [397] – говеет. Глубокий старик. Едет, а может быть уже проехал, в Карлсбад. Единственный сын расстрелян добровольцами. Закатывал панихиду. Сережа видел его в церкви, чудно рассказывал, пусть сам напишет.

На 2-ой день русской Пасхи – Сережина «Гроза» в «Мещанской Беседе». Играет Бориса (любовника). Может быть Адя помнит «Грозу»? (Вы, наверное, нет.) Катерина – Коваленская (из Александрийского театра). В первый раз за три месяца увижу Вшенорский вокзал – и деревья в окне поезда – и людей.

Нежное спасибо за бумагу, – очарована. Але о ждущем ее подарке ничего не сказала, но предупредила, что в письме – тайна, и нарочно кладу его на виду – для соблазна. (Адя! вроде «Rosalie et la souris grese» {90}.)

Просьбу с тетрадкой, по возможности, исполню, хотя времени нет совсем. (Как понравились стихи в последнем письме? Ответ, по-моему, на мое письмо к Аде. NB!

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
(Не забудьте про дорогого, всё, что знаете.)

Сереза сейчас едет. Письмо Вы получите накануне Пасхи. И так – Христос Воскресе!
МЦ.

Впервые – НП. С. 160–164. СС-6. С. 735–738. Печ. по СС-6.

35–25. А.В. Оболенскому
Вшеноры 16-го апреля 1925 г., Страстной четверг

Христос Воскресе, дорогой Андреюшка!

Ваше письмецо получила – хорошо живете и хорошо пишете [398]. А на Пасху собака придет? И, придя, поймет – что Пасха? Непременно побывайте у Черновых и потом напишите, как было. Это как праздник – вечного возрождения.

Георгий растет, хорош, похож на меня. Катаем его с Алей по трем вшенорским шоссе, предпочитала бы – по Версалью.

Так как Пасха, Андреюшка, давай похристосуемся. Если бы Вы были здесь, я бы сделала Вам отдельный кулич... [399]

МЦ

Впервые – Русская мысль. 1992, 16 окт., спец. прилож. Публ. л. А. Мнухина. СС-6. С. 656. Печ. по СС-6.

36–25. А.А. Тесковой
Вшеноры, 20-го апреля 1925 г.,

Второй День Пасхи

Воистину Воскресе, дорогая Анна Антоновна!

Мое Христос Воскресе до Вас не дошло, – думая, что Вы будете в Едноте, передала через Сергея Яковлевича, а Вас не было.

Писала Вам о нынешней (в 7 часов вечера, в Мещанской беседе) «Грозе», где Сергей Яковлевич играет Бориса и куда я Вас приглашала [400].

– Жаль. – Впрочем, за смертью родственницы [401], Вы навряд ли бы пошли.

Сергей Яковлевич сейчас в городе, поэтому не могу сказать точно, в какой из дней он будет у Вас. Только прошу – письма через него не передавайте, боюсь повторения чириковского случая с пеленками, тем более, что он окончательно замотан «Прозой» и Пасхой и еле волочит ноги.

Приедете – привезете. Лучше так.

Очень жду Вас, у нас весна, гуляем с коляской.

Нынче мой первый выезд в Прагу за 3 месяца, – жаль, что не увидимся.

Целую Вас.

М.Ц.

В том письме была первая фиалка – от Али. Сейчас их – россыпи!

Впервые – Письма к Анне Тесковой, 2008. С. 20. Печ. по указанному изданию с уточнением по: Письма к Анне Тесковой, 2009. С. 31.

37–25. А.В. Черновой
Вшеноры, 25-го апреля 1925 г.

Дорогая Адя,

Ваши оба письма дошли. Теперь давайте о главном: «Записки девочки», так надо назвать [402]. Предисловие, если хотите, напишу я – несколько слов в связи с другой книгой – «Une enfant sous la Terreur» {91} – кажется, так называется [403]. Тоже аресты, мытарства, издевки – только героиня была старше Вас – тогда, и писала уже взрослой. Отмечу и это.

Писать я бы Вам советовала, не называя родителей, и подписываться буквами – *secret de Polichinelle* {92} [404], но так, по-моему, для первого раза в печати – скромнее. (Ничего не потеряете, только выиграете.) Отрывка будет два: Арест (и все, что с ним связано) и – Колония [405]. Пока пишете первый. Начните с чего хотите, но только не слишком задерживайтесь на предыдущем, – важно выяснить общее положение: слежку, скрывание и т.д. Арест, Чека, Стекловых [406], Кремль – возможно точнее и подробнее, с фамилиями, не упуская внешностей, повадок, голосов, по возможности восстанавливая свое тогдашнее впечатление. Вид комнаты – меню обеда (NB! особенно в Чека!), не упуская ничего. Ваша запись будет единственной. Может быть и много было детей арестованных, но таких как Вы – «дитяти» – ни одного. Помните, что у Вас в руках – клад. Не испортите поспешностью – ленью – небрежностью, не бойтесь длиннот, не смешивайте их с длиной вещи: в содержательной вещи, растекись она хоть на 100 печатных верст, их не бывает. (Лучший пример – Достоевский.)

Адя, и – не мудрствуя: просто, как рассказ и как письмо. Напрягите внимание и память (внимание памяти!), о «стиле» не думайте, «*faites de la prose sans le savoir*» {93}. Здесь в Праге Мякотин («На Чужой Стороне») [407], если решите писать, прельщу его заранее. Возьмите со стороны: девочка 9-ти (?) лет в такой передрыге и 15-ти (на год «омолодим») ее записывающая. Не только документ истории, еще и *document humain* {94}. В «Колонии» не забудьте историю с собакой, но пока о «Колонии» не думайте, сосредоточьтесь вся – на Чека. Делайте так: заведите блокнот, чуть что – где бы то ни было (хоть в «Заход'е» {95}). вспомните – заносите. Так несколько дней, пока не вспомните всего. Но ужас первого дня опишите. Потом будут вставки. И пишете каждый день, с утра, пока голова свежа. Вечернее писание – на нервах, т.е. не надежное, не привыкайте. Когда кончите (не позже, как через месяц, – я говорю о 1-ой части за глаза хватит!), присылайте. Если хотите, где нужно будет – выправлю, чуть-чуть, какое-нибудь слово, знак, т.п. Иногда обидно: на букву меньше или больше – и вся фраза иная.

Итак, я жду от Вас «Чека» (или иначе, не знаю, где центр тяжести: Чека? Кремль?) через месяц, к концу мая. Ручаюсь, что поместят. Не в «Чужой Стороне» – так в «Современных Записках», только – умоляю – никому, кроме своих, ни слова (верю в сглаз). Глубоко верю, что каждое настоящее писание – из опыта, *vie vécue* {96}, *Gelegenheitsgedicht* {97}. Поэтому никогда не приветствую, особенно в ранних писаниях, чистого вымысла, который отождествляю с Крачковским [408]. Если бы Вы сейчас взялись писать роман – он вышел бы определенно плох. Рассказы же – полуправда, полувывысел – это Зайцев. Я за жизнь, за то, что было. Чтó было – жизнь, как было – автор. Я за этот союз.

Напрасно посрамляли Сергея Яковлевича, он уже давно отправил Вам поздравление и, недавно, роясь в сорном ящике, я нашла длиннейшее, мельчайшим почерком его письмо к Ольге Елисеевне, «отправленное» им – свято был уверен! месяца два назад. Честное слово.

Вчера доели, остаток пасхи, кулич (вроде плюшкинского сухаря) еще жив. Гостей, кроме местных вшенорских, было мало. На следующей неделе будут Лебедевы, мать и дочь (он, кажется, уезжает в Париж), делящие «вылет» между Пешехоновыми [409] (бе-зумная скука!) и нами. Ируся пишет Але раза два в неделю, Аля сообщит Вам ее сегодняшнее приветствие.

Да! самое главное: 20-го, на 2-ой день Пасхи, было Сережино выступление в «Грозе» [410]. Играл очень хорошо: благородно, мягко, – себя. Роль безнадежная (герой – слюня и макарона!), а он сделал ее обаятельной.

За одно место я трепетала: «...загнан, забит, да еще сдуру влюбиться вздумал»... и

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru вот, каждый раз, без промаху: «загнан, забит, да еще в дуру влюбиться вздумал!» [411] Это в Катерину–то! в Коваленскую–то! [412] (prima Александрийского театра, очень даровитая.) И вот – подходит место. Трепещу. Наконец, роковое: «загнан, забит, да еще...» (пауза)... Пауза, ясно, для того, чтобы проглотить дуру. Зал не знал, знали Аля и я. И Коваленская (!)

Был он в иждивенческом костюме [413], в русской рубашке и сапогах, т.е. крагах поверх (иждивенческих же) башмаков. фуражку все время держал в руке, – вроде как от почтительности, на самом деле – оттого, что не налезала. (Гардероб и декорации из чешского театра.) Да! Волга, над, которой я так умилялась, оказалась – нилом. (Пальмы – вербы и т.д.) Жаль, что не было пирамид, я бы приняла их за style russe {98} – хаты.

Адя, непременно перечтите «Грозу».

Георгию скоро три месяца. Востро- и сине-глазый, горбоносый, ресницы выросли, но белые, от бровей – одни дуги. Тих, мил и необыкновенно прожорлив. Пьет сразу по стакану черной смеси, спасшей в Германии во время войны десятки, а может быть сотни тысяч детей: пережаренная мука на масле, разведенная водой и молоком. Я вся в бутылочках, пробках, спиртовках, воронках и пеленках. Гуляем, когда солнце, целый день. Почти не пишу. (Вечером себе не верю.) Когда Вы его увидите, он будет уже «большим».

Целую Вас и Ольгу Елиссевну – Куда Вы так таинственно ездили? Как в романах!

МЦ

Башкирцева – прекрасная книга, одна из моих любимейших [414]. я в 1912 г. долго переписывалась с ее матерью [415] и у меня в России несколько ее детских карточек, в Полтаве: с собакой, с братом. Теперь мать ее, наверное, умерла (в Ницце).

P.S. И – раздумье: а может быть, Вы и вовсе не были в чека? Только сестры? Но в Кремле были – ясно помню. Как жена Ленина хотела Вас посмотреть, а ее не пустили [416].

II P.S. Мне очень нравится – что Вы говели. Вам (дочери революционера) говеть то же самое, что мне (внучке священника) 16-ти лет заставлять Николая Чудотворца на иконе – Бонапартом [417]. Честное слово. Так было.

Впервые – НП. С. 165–169. СС-6. С. 673–675. Печ. по СС-6.

38–25. О.Е. Колбасиной–Черновой
Вшеноры, 27-го апреля 1925 г.

Дорогая Ольга Елиссевна,

Нынче утром – мы гуляли, и почтальон приходил без нас – три письма: элегантно почерком Волконского, скромным – Оболенского (оцените этот «цветник князей») и – что-то совсем безграмотное, ибо я там даже не Марина, а Мария. (Штемпеля: Прага, Рим, Париж.) Начинаю, конечно, с последнего. Штамп Пламени – на машинке:

«Редакция журнала „Воля России“ настоящим просит Вас пожаловать на чашку чая, устраиваемую ею в помещении Редакции для друзей и сотрудников во вторник, 28-го сего месяца, в 7 часов вечера.

С совершенным почтением»

и – от руки – подпись дорогого. Сверху, не его рукой (на) – мое имя.

Первое движение: не ехать! Мне – не своей рукой! – меня на чашку чая! мне – с совершенным уважением! Как Папоушке или еще кому-(какой-нибудь!..)

И эта свалка, жара, все эти чужие, – Мансветовы, Яковлевы, все эти чужие. Не лучше ли домой, с Барсом? (Пре-лестен!) Но – любопытство побеждает. Не любопытство, страсть к растрове, – tant pis tant mieux {99} – Поеду! Помучусь.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Посмеюсь. Зная его слабое сердце, знаю, что упадет – (NB! не он, а сердце!) при
виде меня. И, зная свое сильное, знаю, что мое от этого – не разорвется!

Не виделись с ним полгода, последний раз мельком, три минуты в «Воле России» – и
вот, через полгода, «на чашке чая», – элегантно, если бы не – не очень многое!

Самое забавное, что он может быть вовсе и не ждет моего приезда, подписал 50
бланков сразу, потом кто-то надписал имена.

– что леонард? [418] Ибо близится лето, следовательно и осень, следовательно –
опять Вшеноры. Боюсь для Барсика Чехии: слякоти наружи, сырости в комнатах, то
раскаляющихся, то леденеющих печей. Не уберечь. С ним мне будет везде хорошо
(абсолютно люблю), в нем моя жизнь, но важно возможно лучше обставить – его
жизнь. В Праге копать, дороговизна, хозяйки, здесь – сырость, неустройство, тоже
хозяйки. И не хочу на его устах чешского, пусть будет русским – вполне. Чтобы
доказать всем этим хныкальщикам, что дело не где родиться, а кем.

Не встречаетесь ли с Ариадной Скрябиной [419] (в замужестве Lazarus). Недавно
получила от нее faire part {100} о рождении дочери (3-го февраля, двумя днями
моложе Георгия) и розовую для него кофточку – (шепотом: «шерсть!») Вот мы и
сравнились – она, в 1922 г. девочка (16 лет, и я, такая же, как сейчас. У меня
сын, у нее дочь. Возрасты стерты.

28-го апреля, вторник.

Нынче – нежная открытка от Невинного: зовет, ждет.

Скоро еду. Целую Вас.

МЦ

P.S. Тетрадок Невинный не передал – или не с ним посылали?

Получаю прелестные письма от Оболенского. О всех вас пишет с нежностью, особенно
об Аде. (Лучше Вади [420], Адя, а? И недурно: дочь эсера, – княгиня Ариадна
Оболенская.) Адя, Вы будете замужем за собакой. Вроде Beau Mirou {101} [421].
Только – обратное превращение.

Впервые – НП. С. 169–171. СС-6. С.738–740. Печ. по СС-6.

39–25. А.А. Тесковой
Вшеноры, 3-го мая 1925 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Давайте – отложим чтение до июня, очень прошу! [422] Как раз около 12-го будет в
Праге Степун, мне очень хочется его послушать [423], а выехать два раза на одной
неделе мне не удастся. (Можно ли не предпочесть другого – себе?!). К тому же я
сейчас как-то очень устала, а такой вечер требует полного сосредоточения, ведь
дело в выборе стихов, – я живу по стольким руслам! Кто мои слушатели? Не для
себя же читаешь! (Для себя – пишешь.)

Словом, моя большая просьба: перенесем на июнь.

Я еще не поблагодарила Вас как следует за Вашу память, доброту, заботу –
благодарить легко равнодушных – и, когда сам равнодушен. Некоторые слова,
произнесенные, звучат холодно и грубо, совсем иначе, чем внутри. Вот эти
внутренние слова мои к Вам – как бы я хотела, чтобы я бы их не произносила, а Вы
бы их все-таки услышали!

Умилена Вашим вопросом о простуде: конечно нет: я болею только в хорошей жизни,
а, может быть – от нее {102}. Есть у меня, в одной неоконченной вещи – житии

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Егория Храброго – такое обращение к Егору – волка:

«Ухитримся-ка, Егор, жить поплоче:
Удавиться нам от жизни хорошей!» [424]
(Это я – тот волк!)

С большой радостью думаю о Вашем приезде как-нибудь на целый день, с Вами мне легко, – Вы не замечаете быта, поэтому мне не приходится ничего нарушать. Будем ходить и сидеть, а может быть – лежать даже! на траве, на горе – и говорить, и молчать.

А я Вас в прошлый раз даже не напоила чаем! Но это, отчасти Вы виноваты: когда мне с человеком интересно, я забываю еду: свою и его. Но, по-настоящему, госпожа Андреева [425] виновата: в таком хорошем доме должен быть чай. (Иначе, для чего они – «хорошие дома»?!)

Аля в восхищении от Ваших тетрадей. Спасибо. Целуем Вас обе, Сергей Яковлевич шлет привет.

М.Ц.
P.S. Госпоже Юрчиновой [426] я уже написала.

Впервые – *Československá rusistika. Praha. 1962. № 1. С. 17–18* (публ. В.В. Морковина) (с купюрами). СС-6. С. 338–339 (с купюрами). Печ. полностью по кн.: Письма к Анне Тесковой, 2008. С. 21–22.

40–25. О.Е. Колбасиной–Черновой
Вшеноры, 10-го мая 1925 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Во-первых – сплюньте три раза, потому что все – хорошо. (Знаю, что сплунете, уже плюете: раз, два, три.)

Крестин еще не было, так что Вы с крестиком и образом не опоздали. Я Алю тоже медлила крестить, может быть – то, что называют моим язычеством («даром учили, даром крестили» – Эренбург), моя свобода, мое вне-все-верие, может быть, страх перед обрядом вообще и Булгаковым в частности [427]. (Недавно была Муна, сам вызывается приехать.) Может быть – неуверенность в крестном: у меня никого нет, кого бы я Муру в крестные отцы хотела: нет спокойного мужского друга. Волконский стар, я должна думать не о себе, а о мальчике, мне нужен кто-нибудь, помимо очарования, Муру на выручку. (А есть ли, вообще, такие?) И такой, каким бы я хотела, чтобы Мур – был. Написала и рассмеялась: быть тем, кто уже был?! Non, pas de ça! {103} Словом, крестного пока нет. (Мур у меня на вес платины, боюсь продешевить!)

О Муре: во-первых – Мур, бесповоротно. Борис – Георгий – Барсик – Мур. Все вело к Муру. Во-вторых, в родстве с моим именем, во-вторых – Kater Murr {104} [428] – Германия, в-третьих – само, вне символики, как утро в комнату. Словом – Мур. 3 месяца 10 дней, вес – 7 кило, т.е. на русские деньги 1714 фунтов (вес годовалой Ирины, но она была скелетом: 1918 г.!), характер – ангельский, улыбается, узнает салфетку, бутылку (меня – нет!) и... А.И. Андрееву, – так она утверждает. Дни проводит на шоссе, в *maison roulante* {105} (коляске) или в *maison croulante* {106} (в состоянии постоянного крушения) т.е. у меня на руках. Ходим с ним вдоль ручьев, под елками и безымянными кустами, лазим по скалам, когда я сажусь – он рычит. Иногда, если в коляске засыпает, тогда пишу или слушаю Алино чтение бесконечного «Ourson», («Blondine» {107}, слава Богу, одолели). Сплошное молоко и слезы! И, определение: *le lait Carmoyant du repentir* {108}.)

Хотите напугать, уступите веру зайцеву [429] и к°! Мур перед каждой едой получает по чайной ложке лимона, живого, без сахара, а ест пережаренную дочерна муку на масле, разведенную в 200 граммах воды и молока (125 воды, 75 молока – разовая порция). Это – система германского профессора Черни (я до с их пор знала только этюды Czerny [430], играла в детстве), спасшая в Германии во время войны сотни тысяч детей. Ведет Мура Альтшулер, с гордостью и любовью. Навещает каждое

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru воскресенья, выстукивает, выслушивает, производит какие-то арифметические выкладки – расписание еды на неделю (мука и масло постепенно повышаются), помнит каждый предыдущий вес. У меня временами безумное желание просто взять и поцеловать ему руку – что я еще могу?! Денег он не берет, – но – 1) за ним по пятам, как луна за солнцем (или землею? забыла) ходит А.И. Андреева, влюбленная в Мура, а всякий поцелуй, на глазах, теряет, 2) боюсь смутить: он руки никому не целует. Но есть у него две девочки Катя (4 года и Наташа (1 с ½ года, тоже Черни) – если кто-нибудь из знакомых случайно что-нибудь для этого пола и возраста предложит, нет: если у кого-нибудь из знакомых неслучайно можно что-нибудь вытянуть – тяните. Семья нищая, от такого бескорыстия тяжело.

Если фланелевые кофточки, о которых Вы писали, не очень малы, очень прошу: присылайте. Еще очень нужны чепчики: из всех вырос, до полголовы. (Подумайте, у Вашего крестника уже есть наследники! Я горжусь.)

Это я все о черновиках, а вот – беловик: Алей я в детстве гордилась, даже – чванилась, этого – страстно – люблю. Аля была несравненно красивее, сразу – красавицей (помните годовалую карточку в медальоне?), прохожие заглядывались, на Мурку тоже заглядываются – из-за загара: Mohrenkind {109}. Но у этого свое (а может быть – мое? или это то же самое?) лицо, вне красоты и некрасоты, вне породы и непороды: уже сейчас – горбатый нос, с настоящим хребтом, сильноочерченный подбородок, сторожкие уши, синие глаза чуть вкось, – Сережа зовет его Евразией. Кроме того – отсутствие няни, стены; я у него одна – понимаете это чувство? Если я не сделаю – никто не сделает (Сережа рад бы, да его никогда нет, задушен делами. Аля все-таки мала). Сейчас Аля на радиоконцерте (во Вшенорах!!!), Сережа – в городе, на Степуне [431], я одна с Муром, – выкупала, накормила, уложила, пишу. Такие часы мои любимые. И еще – самые утренние, начало пятого, пять. Мурка, проснувшись, добр, повторяет: «heugeux, heugeux» {110}, я разогреваю молоко, утро входит в комнату. Вообще, у меня чувство с Муром – как на острове, и сегодня я поймала себя на том, что я уже мечтаю об острове с ним, настоящим, чтобы ему некого (оцените малодушие!) было, кроме меня, любить. А он, конечно, будет любить всех актрис («позтесс» – нет, ручаюсь, и не потому, что объестся мной, в ином смысле – вкус отобью: испорчу), всех актрис подряд и когда-нибудь пойдет в солдаты. А может быть – займется революцией – или контрреволюцией (что при моем темпераменте – то же) – и будет сидеть в тюрьме, а я буду носить передачу. Словом – terra incognita {111}. И эту terr'у incognit'у держать на руках! Когда мы одни, я ему насказываю:

– «Мур, ты дурак, ты ничего не понимаешь, Мур, – только еду. И еще: ты эмигрант, Мур, сын эмигранта, так будет в паспорте. А паспорт у тебя будет волчий. Но волк – хорошо, лучше, чем овца, у твоего святого тоже был волк [432] – любимый, этот волк теперь в раю. Потому что есть и волчий рай – Мур, для паршивых овец, для таких, как я. Как я, когда-то, одному гордецу писала:

Суда поспешно не чини:

Непрочен суд земной!

И голубиной не черни

Галчонка – белизной.

Всяк целовал, кому не лень!

Но всех перелюбя! –

Быть может, в тот чернейший день

Очнусь – белей тебя! [433]

Это я не тебе, Мур, ты мой защитник, это я одному ханже, который меня

(понимаешь? ме-ня!!!) хотел спасти от моих дурных страстей, то есть чтобы мне никто, кроме него одного, впредь не нравился. Ты понимаешь, Мур?!»

– и т.д. –

И еще о России, о том, что Россия – в нас, а не там-то или там-то на карте, в нас и в песнях, и в нашей русской раскраске, в раскосости глаз и во всепрощении сердца, что он – через меня и мое песенное начало – такой русский Мур, каким никогда не быть X или Y, рожденному в «Белокаменной» – Да.

Устали?

Спасибо за письмо к Борису Пастернаку. Скоро, через мать А.И. Андреевой [434] (проведет здесь неделю и – в Россию) отправлю ему «Молодца», а Вам для верности – другой экземпляр, умоляю – с первой оказией! Подарить кому – найдется, там у

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
меня много друзей. Книгу можно вне тайны, т.е. при жене. Адрес Бориса: Волхонка,
14.

Посылаю Вам: «Молодца» (пока – одного с Адей) [435], чешскую «ванночку» и Аля –
Аде татарские чувяки, у Ади узкая нога, надеюсь – подойдут. Скажите Аде, что
попирали черноморские берега.

Тетрадей еще не получила, но знаю, у кого. Пишу мало, нет времени, целиком его с
Муром прогуливаем. Но «Крысолов» подвигается.

И еще «Молодца» для Ремизова. И для Ариадны Скрябиной в благодарность за вязаную
кофточку для Мурки. (Адрес узнаете у Веры Зайцевой.)

Кажется, всё – о делах.

О Леонарде боюсь спросить: жив ли?

Это письмо Вам передаст Марк Львович. Мы с ним «помирились». Из многих людей –
за многие годы – он мне самый близкий: по не-мужскому своему, не-женскому, –
третьего царства – облику, затемняемому иногда – чужими глазами навязанным. А
что больно мне от него было (и, наверное, будет!) – Господи! – от кого и от чего
в жизни мне не было больно, было – не больно? Это моя линия – с детства. Любить:
болеть. «Люблю-болит». Береги он мою душу как зеницу ока – все равно бы было
больно: всегда – от всего. И это моя главная примета.

И если бы не захватанность и не страшность этого слова (не чувства!) я бы просто
сказала, что я его – люблю.

Сейчас Аля придет с радио. Сережа приедет из города. Мур проснется. (Всех
кормить!)

Бахраха на Пасху не было. Был режиссер Брэй с женой, и я злилась. А ту Пасху
плакала – помните? – потому что Сережа заявил, что меня похоронит, а я
требовала, чтобы меня сожгли. Помните эти злостные слезы? И испуг в комнате?

«Тело свое завещаю сжечь» –
это будет моим единственным завещанием.

Об А.И. Андреевой в другой раз. Есть что рассказать. Искушение послать «Молодца»
Вадиму [436]. И моему Кесселю. А Бахраху – rien {112}. Кажется, так и сделаю.

Целую Вас нежно. Замещать Вас на крестинах будет кроткая Муна. (Родзевич в Риге
– или в Ревеле – ворочает большим пароходом. Не знаю адреса, а то бы я ему
послала «Молодца», – уязвить его грошовую мужскую гордость.)

МЦ

P.S. Не ищите Мура в календаре и не пытайтесь достать ему иконки. (Кстати, что
должно быть на такой иконке? Очевидно – кот? Или, старший в роде – тигр?)

Обещаю, что это – последнее имя! (А все оттого, что не Борис).

Адрес Бориса: Волхонка, 14.

Борису Леонидовичу Пастернаку

Можно и на Союз Писателей, только не знаю адреса – как угодно – лишь бы только
дошла (книга).

Приписка на полях:

Посылаю Вам шелковую курточку. Сама вязала. (Подочтите пропущенные петли: что
мысль – или сердце – делала скачок.)

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Впервые – НП. С. 172–178. СС-6. С. 740–744. Печ. по СС-6.

41–25. А.А. Тесковой
14-го мая 1925 г. [437]

Дорогая Анна Антоновна,

Бесконечное спасибо за посылку! Простите за позднюю благодарность, каждый день, каждый час хотела писать – и все некогда, некогда, некогда!

Пальму с бананами? Я удовлетворилась бы Иерусалимской стеной на солнце. (Можно ведь и не плакать?) [438]

Приходите завтра, в пятницу, на диспут о современной литературе, – буду. В 7 часов, в Земгоре [439].

Целую Вас, – увидимся?

М.Ц.
Вшеноры, четверг.

Впервые – Письма к Анне Тесковой, 2008, С, 22. Печ. по указанному тексту.

42–25. А.К., В.А. и О.Н. Богенгардт
20 мая 1925 г. [440]

Господа! А я вам сердечно – от всего сердца – завидую. А когда узнаю что вы, действительно, сели на пароход, кажется – взвою [441]. Вшеноры (каково названьице?) дико надоели: мелкая природа, засилье и безлюдье.

Всеволод, непременно читайте Купера, – Вы читали, но забыли – мы с Алей сейчас зачитываемся. Там все ваши будущие благо- и зло-ключения. И все всегда хорошо кончается, за исключением нескольких скальпов.

Георгий (в честь Добровольческой Армии и Москвы, – ее герб) еще некрещен, жду, чтобы вцепился в бороду священника. Очень большой и веский. Улыбается. Пока больше нечего о нем рассказать.

Целую нежно всех вас.

МЦ
Печ. впервые по копии с оригинала, хранящегося в архиве Дома-музея Марины Цветаевой в Москве.

43–25. О.Е. Колбасиной–Черновой
Вшеноры, 25 мая 1925 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Только что получила от Вас письмо, которым мое, подписанное и запечатанное, упраздняется.

Не писала так долго, потому что рассчитывала на скорое прибытие Марка Львовича, но он, увы, в последнюю минуту поехал через Женеву (задержка 8 дней) – увы, потому что не взял с собой чудесного чешского хлеба-монстра, приготовленного и привезенного (на диспут) для Вас. Так и пришлось везти обратно во Вшеноры. – Съели, но без удовольствия. – А что не взял – прав: довез бы плюшкинский сухарь.

Поздравляю с издателем и журналом. Название «Огонек» [442] – приветствую: читатель любит уменьшительные (спокойнее). И гонорар (1 франк строка)

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru приветствую. И стих посылаю.

Мое письмо с Марком Львовичем теперь, думаю, получили. И нищенские подарки (куртку – Вам, туфли – Аде. Куртку вязала сама).

Скоро в Париже будет Анна Ильинична [443] – и Исцеленовы – и Александра Владимировна [444] (все врозь, конечно). Целая вереница пражских гостей и вестей.

Во Вшенорах сейчас нечто вроде волероссийского центра: Пешехоновы, Мякотины, Гуревичи [445], скоро перебираются Яковлевы. Я не знаю их партийной принадлежности, но в одном я точна: возле эсеров (может быть от их стола кормятся?) Бывает – из возле-эсеров, а вернее из Доброховиц на собственном велосипеде прибывает и Коля Савинков – веселый, элегантный, нахально-цветущий. А 22-го, в соборе святого Николая, была отслужена панихида по тому Савинкову. Террорист – коммунист – самоубийца [446] – и православная панихида – как по-русски! Любопытно, кто пришел? Будь я в Праге, я бы пошла. Есть чувство – над всеми: взаимочувствие личностей, тайный уговор единиц против масс: каковы бы эти единицы, каковы бы эти массы ни были. И в каком-то смысле Борис Савинков мне – брат.

Каждый день видимся с Анной Ильиничной. Многое и главное – молча. Бродим по спящей деревне (полуспящий Сережа стережет спящего Мурку), рассказываем друг другу мерзостные истории про котов и мертвецов. Она абсолютно зара- и заряжаема, т.е. утысячеряет каждый звук.

Недавно была Нинина [447] свадьба: вышла замуж за здешнего студента-виолончелиста. Было большое пирование, а на другой день она уже, на собственном примусе, варила суп (первый в жизни).

Как кто встретил «Молодца»? Обрадовался ли Кессель? Вадим? Пусть Вадим мне устроит где-нибудь книгу стихов «Умыслы» (1922 г. – 1925 г., последняя), мне это важнее всего [448]. Согласна на новую орфографию, ибо читатель ее – в России. Попросите Вадима! Может быть Гржебину предложить?

А насчет Розенталя и трилогии – дело гиблое, ибо написана всего 1-ая часть [449]. Передано ли прошение?

Целую Вас.

МЦ.

Приписка на полях:

Сережа Вам писал последний – большое письмо. Деньги за Раковину [450] получит и вышлет на днях.

P.S. Аля, растрогавшись Нининой молодостью, поднесла ей того «мопса».

Впервые – НП. С. 179–181. СС-6. С. 744–746. Печ. по СС-6.

44–25. Б.П. Пастернаку
26 мая 1925 г.

Борис! Каждое свое письмо к Вам я чувствую предсмертным, а каждое Ваше ко мне последним. О, как я это знала, когда Вы уезжали.

Это письмо к Вам второе после рождения сына. Повторю вкратце: сын мой Георгий родился 1-го февраля, в воскресенье, в полдень. В секунду его рождения взорвался стоявший рядом с постелью спирт, и он предстал во взрыве. (Достоин был бы быть Вашим сыном, Борис!) Георгий, а не Борис потому что Борис – тайное, ставшее явным. Я это поняла в те первые 10 дней, когда он был Борисом. – Почему Борис? –

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru «Потому что Пастернак». – И так всем и каждому. И Вы выходили нечто вроде заочного крестного отца (православного!). Вы, которому я сына своего посвящаю как древние – божеству! «В честь», когда я бы за Вас – жизнь отдала! (Ваша сто́ит моей, а может быть и больше!) Обо всем этом я Вам уже писала, если дошло, простите за повторение.

Георгий же в честь Москвы [451] и несбывшейся победы. Вы меня поймете. Но Георгием все-таки не зову, а зову Мур [452] – нечто от кота, Борис, и от Германии и немножко от Марины. На днях ему 4 месяца, говорит (совершенно явственно, с французским r: «heureux» {113}), улыбается и смеется. Белые ресницы и брови, синие чуть раскосые глаза, горбонос. Навостренные сторожкие ушки (слух!). Весь в меня. Вы его будете любить, и Вы должны о нем думать.

Вспоминаю Ваши слова об отцовстве в изумительных Ваших «Воздушных путях» [453]. Я бы предложила такую формулу. Вокруг света и вокруг колыбели. Или же: вокруг света (тот моряк) и вокруг мира. Ибо человек – единственная достоверная вселенная – бесконечность. Единственное мое представление о бесконечности: звездное небо (на веру?) и Вы, Борис (явь).

– Вот Вам мой «Молодец» [454], то, что я последнее писала перед Вашим отъездом. После него, из больших вещей: «Поэма горы», «Поэма конца», «Тезей» и, теперь, «Крысолов» (печатается в «Воле России» с чудовищными опечатками). Поэму горы посылаю, почитайте ее когда-нибудь, где-нибудь, чтобы меня не совсем забыли. Мой читатель, несомненно, в России, и, без самохвальства, задумчиво, мысль вслух: – «Россия». Но дуализм, властвующий над моей жизнью вернее моя жизнь, не сливающаяся с моей душой, занес – занесла – занесли меня сюда, где стихов не читают. Но тут другое, – то, из чего возникают стихи, то, о чем поют.

Еще о мальчике: живу им. Чувствую, что им – отыграюсь. В первый раз присутствующему говорю: мой.

Через год встретимся. Знаю это. Вообще, живу встречей с Вами.

А ты знаешь, Борис, откуда посвящение к Молодцу? Из русской былины – Морской царь и Садко [455]. Когда я прочла, я сразу почувствовала тебя и себя, а сами строки – настолько своими, что не сомневалась в их авторстве лет триста-пятьсот назад. Только ты никому не говори – про Садко, пускай ищут, свищут, я нарочно не поставила, пусть это будет наша тайна – твоя и моя.

А ты меня будешь любить больше моих стихов. (– Возможно? – Да.) Народ больше, чем Кольцов? [456] Так вот: мои стихи – это Кольцов, а я народ. Народ, который никогда себя до конца не скажет, потому что конца нет, неиссякаем. Ведь только за это ты меня любишь – за Завтра, за за-пределом строк. Ох, Борис! Когда мы встретимся, это, правда, гора сойдется с горой: Синай вариант: Моисеева с Зевесовой – (и взрыв будет –). О, я не даром (ведь не придумывала же!) не взяла Везувия и Этны, там взрывы земного огня, здесь – свыше: всё небо в двух, в одной молнии. Саваоф [457] и Зевес. – Едино. – Ах!

Борис, а нам с тобой не жить. Не потому что ты – не потому что я – (любим, жалеем, связаны), а потому что ни ты, ни я и не хотим жить, потому что и ты и я: из жизни (как из жил!). Мы только встретимся. – Та самая секунда взрыва, когда еще горит фитиль и еще можно остановить и не останавливаешь. О, ты так дьявольски, так небесно-умен, что ведь не подставишь – просто напросто – поцелуя. Я даже не знаю, буду ли я тебя целовать.

Есть сухой огонь (весь «Молодец») – вообще, вчитайся, я тебя очень прошу. Сказку эту («Упырь») можешь найти в 5-томном издании Афанасьева (кажется III том) – сделай мне радость, прочти.

Никогда не пишу тебе о быте, но чтобы ты все-таки знал, что я «живу»: живу в чешской деревеньке Вшеноры под Прагой, почти безвыездно вот уже второй год (всего в Чехии под Прагой – четвертый). Жизнь неприглядная, природа мелкая, людей почти никаких. Живу из себя и в себе. После советской каторги – поселение.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Думаю, что следующий этап – Париж. В Париже же встретимся. Не в самом – съедемся так, чтобы полдороги ты, полдороги я. (Ты ведь из Берлина поедешь?) – лучше в Германии. – И, конечно, в Веймаре [458]. Не хочется никаких людей, никакого сообщничества, чтобы всё естественно, самó, – как во сне. Этой встречей живу. Ты моя даль – обожаемая.

Впервые – Души начинаю видеть. С. 108–110. Печ. по тексту первой публикации.

44а–25. Б.Л. Пастернаку
Прага, 26 мая 1925 г.

Борис!

Каждое свое письмо к Вам я чувствую предсмертным, а каждое Ваше ко мне – последним. О, как я это знала, когда Вы уезжали.

Это письмо к Вам второе после рождения сына. Повторю вкратце: сын мой Георгий родился 1-го февраля, в воскресенье, в полдень. В секунду его рождения взорвался разлитой возле постели спирт, и он был явлен во взрыве. (Достоин был бы быть Вашим сыном, Борис!) Георгий, а не Борис, потому что Борис – тайное, ставшее явным. Я это поняла в те первые 10 дней, когда он был Борисом. – Почему Борис? – Потому что Пастернак. – И так всем и каждому. И Вы выходили чем-то вроде заочного крестного отца (православного!), Вы, которому я сына своего посвящаю, как древние – божеству! «В честь» – когда я бы за Вас – жизнь отдала! (Ваша стоит моей. В первый раз.) Обо всем этом я Вам уже писала, если дошло, простите за повторение.

Георгий же в честь Москвы и несбывшейся Победы. Но Георгием все-таки не зову, зову Мур – от kota, Борис, и от Германии, и немножко от Марины. На днях ему 4 месяца, очень большой и крупный, говорит (совершенно явственно, с французским г: «heureux»), улыбается и смеется. Еще – воет, как филин. Белые ресницы и брови, синие, чуть раскосые (будут зеленые) глаза, горбонос. Навостренные сторожкие ушки демоненка или фавна (слух!). Весь в меня. Вы его будете любить и Вы должны о нем думать. Ваш старше всего на два, нет, на 1½ года. Будут друзья. (Ваше имя он будет знать раньше, чем ваш – мое!)

Вспоминаю Ваши слова об отцовстве в изумительных Ваших «Воздушных путях». Я бы предложила такую формулу: Вокруг света (моряк) и вокруг вселенной (отец). Ибо колыбель – единственная достоверная вселенная: несбывшийся, т.е. беспредельный человек. И единственное мое представление о бесконечности – Вы, Борис. Не из-за любви моей к Вам, любовь – из-за этого.

– Вот Вам мой «Молодец», то, что я кончала, когда Вы уезжали. После него, из больших вещей: «Поэма Горы», «Поэма конца», «Тезей»... Ты всё это получишь.

А ты знаешь, откуда посвящение к «Молодцу»? Из русской былины «Морской царь и Садко». Когда я прочла, я сразу почувствовала тебя и себя, а сами строки – настолько своими, что не сомневалась в их авторстве лет триста-пятьсот назад. Только ты никому не говори – про Садко, пускай ищут, свищут, я нарочно не поставила, пусть это будет наша тайна – твоя и моя.

А ты меня будешь любить больше моих стихов (возможно? – да). Народ больше, чем Кольцова? Так вот: мои стихи – это Кольцов, а я народ. Народ, который никогда себя до конца не скажет, потому что конца нет, неиссякаем. Ведь только за это ты меня любишь – за завтра, за за пределом стран. Ох, Борис! Когда мы встретимся, это, правда, гора сойдется с горой: Моисеева – с Зевесовой. Не Везувий и Этна, там взрывы земного огня, здесь – свыше: всё небо в двух, в одной молнии. Саваоф и Зевес. – Едино. – Ах!

Борис, а нам с тобой не жить. Не потому, что ты – не потому, что я (любим, жалею, связаны), а потому что и ты и я из жизни как из жил! Мы только (!) встретимся. Та самая секунда взрыва, когда еще горит фитиль и еще можно остановить и не останавливаешь

Есть сухой огонь (весь «Молодец») вообще, вчитайся, я тебя очень прошу. Сказку эту («Упырь») можешь найти в 5-томном издании Афанасьева (кажется, III том),

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
сделай мне радость, прочти.

А взрыв не значит поцелуй, взрыв – взгляд, то, что не длится. Я даже не знаю, буду ли я тебя целовать.

Напиши мне. До сентября я достоверно в Чехии. Потом, быть может, Париж. В Париже же встретимся. Не в самом – съедемся так, чтобы полдороги ты, полдороги я (Гора с горой). И, конечно, в Веймаре. Только напиши, когда.

Пишу в 6 часов утра, под птичий свист.

Марина

Адрес: Чехословакия: Všenory, číslo 23 (p.p. Dobřichovice) u Prahy – мне –

Впервые – Русская мысль. 1993. 14 20 окт. (по копии А.П. Крученых, публ. Л. Мнухина и А. Саакянц). СС-6. С. 245–247. Печ. по: Души начинании видеть. С. 110–112.

45–25. А.В. Черновой
Конец мая – июнь 1925 г.

Дорогая Адя,

Молодец – что пишете! Не смущайтесь длиной и не смешивайте ее с длиннотами. Их у Вас быть не должно и, думаю, не может. – Лишь бы было насыщено. – Пусть не отрывок, а целая книга, – вещь сенсационная – издателя найдем. Могу написать предисловие, могу – отзыв, могу и то и другое – пишу редко, но печать и рекламу Вам создам, как никто.

Пишите чека. Пишите колонию. Поставив последнюю точку – забудьте. Буду действовать я. Постучусь и в «Современные Записки» (к зажившему Переслегину [459] и к не менее, хотя по-другому, жирному – Мякотину («На чужой стороне») и к Liatzk'ому [114] [460]).

Книга будет. И замечательно, что 16-ти лет! Я за ранние дарования, как за ранние любви (Лорда Байрона: 4 года) [461].

Один совет, если не обидитесь: давайте себя через других; не в упор о себе, не вообще о себе, а себя – в ответ на: события, разговоры, встречи. Так, а не иначе встает личность.

Не отставайте от работы, пусть это временно – будет Ваша жизнь, поселитесь в ней. Так, а не иначе пишутся книги.

А знаете, Адя, что Вы на этом деле сможете крупно заработать. Хорошо бы: сначала через какой-то журнал (хотя бы отрывки), потом – отдельной книгой. Получите двойной гонорар. А еще переводы! И в Россию книга, бесспорно, попадет.

Всю силу своего желания в данный час направляю на Вас. – Самый действенный гипноз: хочу, чтобы Вы захотели.

МЦ.

P.S. Очень прошу, поддержите корректуру моего стиха в «Огоньке» [462]. Опасные места упомянуты на отдельном листке.

Впервые – СС-6. С. 675–676 (по копии, предоставленной В.Б. Сосинским). Печ. по указанному тексту.

46–25. О.Е. Колбасиной-Черновой
Вшеноры, 9-го июня 1925 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Вчера, в Духов день, в день рождения Пушкина [463] и день семилетия с рукоположения о. Сергия – стало быть, в тройной, в сплошной Духов день – было крещение Георгия. Дня я не выбирала, как не выбирала дня его рождения (1-го – воскресенье – полдень) – вышло само. Булгаков должен был приехать в Псы служить на реке молебен, и вот заодно: окрестил Мура. Молебен на реке отменили (чехи в купальных костюмах и, вообще, пляж [нарочно пишу через я]) – а Мур окрещен был. Замещали Вас и Ремизова – Александра Захаровна и актер Брэй, рыжий [464]. Был чудесный парадный стол, в пирогах и рюмках и цветах (сейчас жасмин). Чин крещения долгий, весь из заклинания бесов, чувствуется их страшный напор, борьба за власть. И вот, церковь, упираясь обеими руками в толщу, в гущу, в живую стену бесовства и колдовства: «Запрещаю – отойди – изыди». – Ратоборство. – Замечательно. – В одном месте, когда особенно изгоняли, навек запрещали (вроде: «отрекаюсь от ветхия его прелести...»), у меня выкатились две огромные слезы, – не сахарных! – точно это мне вход заступали – в Мура. Одно Алино замечательное слово накануне крестин: «Мама, а вдруг, когда он скажет „дунь и плюнь“, Вы... исчезнете?» Робко, точно прося не исчезать. Я потом рассказывала о. Сергию, слушал взволнованно, может быть того же боялся? (На то же, втайне, надеялся?)

Мур, во время обряда, был прелестен. Я не видела, рассказывали. Улыбался свечам, слизнул с носа миро и втянул сразу: крестильную рубашку, ленту и крест. Одну ножку так помазать и не дал (не Ахиллеса ли пята [465] – для христианина – вселенскость? Моя сплошная пята!)

Иногда, когда очень долго (был голоден) – подхныкивал деликатно, начиная с комара, кончая филином. Был очень хорош собой, величина и вид семимесячного. С головой окунут не был, – ни один из огромных чешских бельевых чанов по всему соседству не подошел. Этого мальчика с головой окунуть можно было только в море. Крестильную рубашечку – из парижского шитья, с голубыми лентами в виде платица – принесла Александра Захаровна, а я ей взамен для Лелика подарила Алины чулки и носки. Ваши, пришедшиеся ей ровно на полноги (уже 38! недавно покупала сандалии – так что рубашечка вроде как Ваша. Крестик и иконку мы получили как раз накануне, за день, ровно и крайне в срок, от Марка Львовича, приехавшего, наконец, к нам с другими волероссийцами – в последний день Муринога язычества – познакомиться с моим наследником и своим сотрудником. Было, случайно, много гостей, сидели в курино-козьей беседке: вся «Воля России» (за исключением В.И. Лебедева), актриса Коваленская с сыном [466], пара Брэй'ев (англичане), семейство (с детьми) Яковлевых, Александра Захаровна с Леликом и доктор Альтшулер, мой и Муркин добрый гений. Марк Львович был мил, все были милы, я бы на его (и на их – всех – вообще всех – всего мира!) – месте меня бы больше любила. И вот, передал крестик. И чудесное Адино-Алино платице, и бумагу, и всю любовь. Я всюду очень громко хвалю Адю – как я умею, когда люблю: упорно, тоном обвинительного акта. И все смущены. И я люблю это смущение. Марк Львович – «Но ведь Адя... молчит»... И я: «Но ведь я говорю!» Говорила об Аде и Булгакову, он умница, ему все редкое нравится, о любви ее... (гм! гм! – в детстве...) к чертям. Он улыбался улыбкой знающего. Едет со всей семьей 1-го июля в Париж насовсем. И так неожиданно вдруг, об Аде просто: «Я ее увижу в церкви» вне символики, а вышло больше. Мне жутко понравилось, как штейнеровское тогда мне: «Auf wiedersehen!» [115] [467]

На крестинах были: о. Сергий, Муна, Катя Рейтлингер, Новелла Чирикова, Александра Захаровна с Леликом, пара Брэй'ев – и мы трое. Моя цыганская страсть уехала [468] – и лучше – она бы не стерпела своего заместительства, а другому (другой) бы заместить не дала. Сейчас она в Париже, можег быть будет у Вас, я не просила, только дала адрес. Это, в здешней скудости, моя живая вода – огневая вода!

А в Париже нам, конечно, не жить. Я так и знала.

Это у нас, в день русской культуры, старушка песенку пела, с припевом:

Не живи как хочется.
А как БОГ велит.
– Утешение.

Но, может быть, погостить – выберусь. Погостить и почитать. Только не раньше ноября-декабря, Муркиного десятилетия. И, увы, без Али, потому что Алин билет

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru уже взрослый и всё вдвое. – И всё – планы. – Денег в обрез, я сейчас лечу зубы, ставлю коронки, и в лавки долг около тысячи.

Но мечтой себя этой – тешу. Вами. Алей, Вадимом, собой, свободой. И Муркиным парижским туалетом! И подарками, которые привезу домой. И почему-то мне кажется, что всюду, где меня нет – Пастернак.

О Вадиме. Грусть о единоличном «Молодце» пусть бросит. Или всю мечту обо мне. Их союз – их дело, как брак, т.е. «ваша великая тайна и ваше частное дело» (моя формула) [469]. Дружить, если буду, буду врозь, – может быть и с обоими, но четко и точно – врозь. И Вадим, конечно, предпочтет мне – друга, как Андреева мне – сына, как все мои мужские друзья – мне – своих жен, потому что «это не для жизни»: ненадежно, – правы. Я абсолютно бывала любима в жизни только издалека, вне сравнений, потому что в воздухе, а в воздухе не живут, стоило мне только ступить на землю, как мне неизбежно предпочитали – да эту же самую землю, по которой я ступаю.

А мне земля необходима, как Антею [470]: оттолкнуться. И потому – правы.

Впервые – НП. С. 181–185. СС-6. С. 746–748. Печ. по СС-6.

47–25. Б.л. Пастернаку
25 июня 1925 г.

Сейчас словила себя на том, что вслух, одна в комнате, сказала – «Все мои – там», как когда-то в Советской России о загранице. О, Борис, я всегда за границей, и там и здесь, мое здесь всегда изничтожается там (тем – Там!), но возвращаясь к возгласу, тому и этому: да, мои – подвига вариант: солдата во мне – мои! – были здесь, где я сейчас, а мои – поэта-меня – мои (а поэт – тоже солдат!) действительно там, где Вы сейчас. И проще: Россия, вся, с ее печенегамы, самозванцами, гипсовыми памятниками вождям [471] вчерашнего дня и какими – из радия? – памятниками Будущего – Вы, Борис. Кроме Вас у меня в России нет дома: maison roulante – croulante {116} – Вы.

Я Вас чувствую главой поколения (на весь Вавилон выше!). Вы последний камень рушащегося Вавилона, и Ваше имя, Борис, в моем сознании звучит, как угроза грома – рокотом – очень издалека. И не то креститься, не то ставни закрывать. А я на этот гром – двери настезь – авось!.. (И мысль: неужели у него есть руки (не руками перо держит или руками, чтобы его не выхватили) – чтобы держать перо и губы – чтобы сказать: Марина!

О как я слышу это свое имя из Ваших уст! Как глухо, как на пороге губ и как потом (рот – как Красные ворота, это Аля сказала) рот как Красные ворота и мое имя, как торжественная колесница, (р – гром).

А еще – люблю нрзб., вжавшись лбом в плечо и в ладонь, помнишь, как в первом моем стихе к тебе [472], в котором я сознательно говорила на твоём языке (тайном!).

Для меня дело в любви не в силе, а в умении. Сила, это пустынный и медведь [473]. Может быть – умение в силе?

Впервые – Души начинают видеть. С. 112–113. Печ. по тексту первой публикации.

48–25. А.А. Тесковой
Вшеноры, 26 июня 1925 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Очень рада, что окликнули, – я уже боялась, что Вы на меня в обиде за ту коротенькую записочку в ответ на чудесную объемистую посылку. И сто раз хотела Вам еще написать, – но роковое «некогда», ничего не успеваю.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Очень жду Вас во вторник с госпожой Юрчиновой, очень хочу, чтобы она мне понравилась (я – ей – на втором месте!)

О Rep Club'e [474] расскажу – непосредственно, как всегда. Очень жалела, что Вас там не было, сидели бы вместе.

А у нас грозы, – каждый день по две. И множество роз в саду, – грозы розам в пользу!

Жаль, что не знаю Вашего поезда, а то бы Аля встретила.

Итак, до скорого свидания!

М.Ц.

Впервые – Письма к Анне Тесковой, 2008, с. 22–23. Печ. по укачанному тексту.

49–25. О.Е. Колбасиной–Черновой и А.В. Черновой
Вшеноры, 30-го июня 1925 г.

Дорогие Ольга Елисеевна и Адя,

На этот раз Аде кофту (Адя. Вы не сразу поймете, в чем дело: скрещивается и завязывается сзади). Цвет, по-моему. Ваш.

Пишу второпях, утром под шум примуса и Муркин тончайший, нежнейший, протяжнейший визг (деликатное упоминание о том, что мокр).

Ваши последние письма получила (Ольги Елисеевны с письмом Вадима и вчера Адино – Аля). Отвечу как следует, но сейчас спешная оказия, не хочется пропускать, едут Булгаковы [475] и Исцеленновы (оказывается, два н) [476].

Мур цветет: громко смеется, хорошеет, тяжелеет, очаровывает всех. Катя Рейтлингер неожиданно вышла замуж [477]. У Веры Андреевой [478] скарлатина, увезена на 1 ½ месяца в барак, в Прагу, с Анной Ильиничной беседуем через забор. Скоро пришлю карточки Катиной свадьбы, мы с Алей были и снимали. Еще из новостей: монах: задолжав всем (в частности, Беранеку тысяч десять) и пропавший без вести который месяц, оказался «сидящим на земле» (т.е. вспахивающим ее) в Словакии. Увез безвозвратно Сережино непромокаемое пальто. Честнейший Рудин до сих пор не выслал ни кроны долга, и Сережа, покрывая, до сих пор без редакторского жалования. В следующем письме напишу о «дорогом» (кажется все-таки в кавычках!). Сталинский живет рядом, в Ржевницах, и навещает исключительно Пешехоновых (нашел!).

Починила себе все зубы (три золотых коронки) и задолжала врачу 800 крон. (В лавки долг – больше тысячи.)

На этом кончаю и целую.

МЦ.

Приписка на полях:

У Сережи флегмона: вся рука изрезана. На перевязи. Не сможет писать еще больше месяца.

Впервые – НП. 185–186. СС-6. С. 779–780. Печ. по СС-6.

50–25. В.Ф. Ходасевичу
Июнь–июль 1925 г. [479]

Дорогой Владислав Фелицианович!

Когда мне, после стихов, говорят «какая музыка» [480], я сразу заподозреваю либо

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru себя – в скверных стихах, либо других в скверном слухе. Музыка не похвала, музыка (в стихотворении) это звуковое вне смысла, (осмысленное звуковое – просто музыка), музыка в стихах, это перелив – любой – «Музыка», это и неудачный Бальмонт [481], и Ратгауз [482] и утреннее чириканье, чье угодно – только не стихи. «Музыка» в стихах – провал, а не похвала.

Поэтому я так пропущено слово была пропущено слово, когда прочла ваш отзыв о «Молодце». Вот уж действительно в точку! То есть – на защиту смысла, фабулы [483], то, что я всегда так страстно преследую и что мне – Вы совершенно правы – хуже всего дается [484]: не дать себя захлестнуть, нестись, но не быть несомой!

Голубчик, не окончено

Печ. впервые. набросок письма в черновой тетради, хранящейся в РГАЛИ (ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 12, л. 321).

51–25. О.Е. Колбасиной-Черновой
10 июля 1925 г.

Предгрозовой вихрь. Подвязываю в саду розовый куст. Почтальон. В неурочный час. «Pani Cvetajeva» {117}. Протягиваю руку: бандероль. И – почерк Пастернака: пространный и просторный – версты. Книга рассказов [485], которую я тщетно (40 крон!) мечтала купить на советской книжной выставке.

А до этого сон – буйный и короткий, просто свалилась, сонная одурь, столбняк. Проснулась в грозу, потянуло к розе и получила в раскрытую руку – Пастернака.

Адрес здешний, значит, то письмо дошло. Ах, еще бы «Молодца»! И шарф. Но денег Ховин (?) [486] наверное не платит? Тогда стихов не давайте. Зеленый шарф [487] – от всей Романтики и последнего (в этой стране всё – последнее!) глашатая, нет, солдата ее – меня.

Книгу отложила. С радостями, как знаете, не тороплюсь. Радость – иной вид горестей, может быть – острейший.

Но из колеи выбита – надолго. Мало мне нужно.

Любит ли Вадим произведения своего отца? Вообще – от Андреева? И похож ли на Савву? Савва сласть, сласти. Хотелось бы, чтобы Вадим был горечью. Огорчайте и горчите его мной, – большим на пользу.

Целую Вас и Адю.

Да! перед сном (столбняком) вздрогнула, т.е. уже заснув, проснулась от ощущения себя на эстраде Политехнического Музея – и всех этих глаз на себе. – Слава?

МЦ.

Приписка сверху:

Тетради дошли давно, я уже дважды писала. Но времени на переписку стихов нет. В красной Аля пишет свои воспоминания о раннем детстве, – вымолила! Все три обольстительны. Спасибо. (Тут Аля усмехается.)

Как Адино писание? Пусть не остывает!

Впервые – НП. С. 186–188. СС-6. С. 748–749. Печ. по СС-6.

52–25. Б.Л. Пастернаку
10–14 июля 1925 г.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru Борис. Первое человеческое письмо от тебя [488] (остальные – Geisterbriefe {118}) и я польщена, одарена, возвеличена, покорена, перевернута. Это письмо – перелом гордости (гордость – хребет), ты в нем (жест крайнего доверия), ты поверил в меня, что я – человек, приблизился ко мне на все те версты, удостоил меня своего черновика. Борис, на веру, я такой же и столько же (ни на миллиметр больше, ни на миллиметр меньше) человек, как ты. Мне вот уже (17 г. – 25 г.) 8 лет суждено кипеть в быту, я тот козел, которого хотят зарезать, которого непрестанно заре- и недорезывают, я то варево, которое (8 лет) кипит у меня на примусе, моя жизнь – черновик, перед которым – посмотрел бы! – мои подчеркнута трижды. – Ред. черновики белейшая скатерть. Я растерзана жалостью и гневом, жалостью – к своим, гневом – на себя: за то, что терплю. Презираю себя за то, что по первому зову (1001 в день) быта срываюсь с тетрадки, и НИКОГДА – обратно. Во мне протестантский долг, перед которым даже моя католическая любовь (к тебе) – шутки, пустяк.

Внешне: я живу не «за границей», а на поселении, сама готовлю, качаю воду, стираю, нянчу Георгия, занимаюсь с Алей по-французски (вспомни К.И. Мармеладову – это я) [489]. Я неистово озлоблена, и меня не любят, восхищаются, боятся. Целый день киплю в котле. Поэма «Крысолов» пишется уже четвертый месяц, не имею времени думать, думает перо. Утром 5 минут (время присесть), среди дня 10, вечером вся ночь, но ночью не могу, другая я оживаю (слушающая, а некого, даже шумов садика – ибо хозяйева запирают выходную дверь с 8 часов вечера, а у меня нет ключа). Борис, я живу фактически взаперти. У тебя хоть между редакцией и редакцией, редакцией и домом, есть куски, отрывки тротуара, пространства, я живу в котловине, задушенная холмами: крыша, холм, на холме – лежа – туча: туша. Друзей у меня нет, – здесь не любят стихов, не нужны, а вне – не стихов, а того, что их создает вариант: из чего они – что я? Негостеприимная хозяйка, молодая женщина в старых платьях. Да еще с мужской иронией!

Где я живу – деревня, с гусями, с водокачками. В Праге бываю раз в месяц, за иждивением [490], и вся вариант: только и радость – что не опоздала на поезд (роковое созвучие! вариант: предначертанность созвучия). Если бы восстановить мой день, шаг за шагом, жест за жестом – а попытаюсь! – получилось бы что белка в колесе и что рабочий у станка (и спасает равномерность! вариант: однообразие порядок муки, пытки), не белка и не рабочий – просто кельнерша в оборвано

не 8-часовой, а 24-часовой рабочий день.

Ты не думай: деревня: идиллия. Деревня: свои две руки и ни секунды своего времени. Деревьев не вижу, дерево ждет любви (внимания), а дождь мне важен поскольку просохло или не просохло белье.

Вот я тебя не понимаю: бросить стихи. А тогда что? С моста в Москву-реку? Да, милый друг, со стихами как с любовью: она тебя бросает, а не ты ее вариант: важно, чтобы она тебя бросила, не ты ее. Ты же у лиры – крепостной.

Две комнаты – крохотные, исчерченные трубами, железная печка, как в России. Все вещи наруже, не ходишь – спотыкаешься, не двигаешься – ударяешься. Посуда, табуретки, тазы, ящики, сплошные острия и углы, вся нечисть быта, яростная. Тетрадам одним нет места. На том же столе едят и пишут (муж – докторскую работу «Иконография Рождества» [491], Аля – французские переводы, я – налетом – Крысолова).

Не писала Вам домой – инстинкт. Оказия – в никуда («во сне всё возможно» вариант: почти что на тот свет), адрес – обязывает. В Вашем пожелании я вижу призыв к порядку. Подчиняюсь.

Впервые – Души начинают видеть. С. 117–119. Печ. по тексту первой публикации.

52а–25. Б.Л. Пастернаку
Вшеноры, близь Праги, 14 июля 1925 г.

Борис,

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Первое человеческое письмо от тебя (остальные Geisterbriefe), и я польщена, одарена, возвеличена. Ты просто удостоил меня своего черновика.

А вот мой черновик – вкратце: 8 лет (1917 г. – 1925 г.) киплю в быту, я тот козел, которого непрерывно заре- и недорезывают, я сама то варево, которое непрерывно (8 лет) кипит у меня на примусе. Моя жизнь – черновик, перед которым – посмотрел бы! – мои подчеркнута трижды черновики – белейшая скатерть. Презираю себя за то, что по первому зову (1001 в день!) быта (NB! быт – твоя задолженность другим) – срываюсь с тетрадки, и НИКОГДА – обратно. Во мне протестантский долг, перед которым моя католическая – нет! моя хлыстовская любовь (к тебе) – пустяк.

Ты не думай, что я живу «за границей», я живу в деревне, с гусями, с водокачками. И не думай: деревня: идилия. Деревня: свои две руки и ни одного своего жеста. Деревьев не вижу, дерево ждет любви (внимания), а дождь мне важен поскольку просохло или не просохло белье. День: готовлю, стираю, таскаю воду, нянчу Георгия (5 ½ месяцев, ЧУДЕСЕН), занимаюсь с Алей по-французски, перечти Катерину Ивановну из «Преступления и наказания», это я. Я неистово озлоблена. Целый день киплю в котле. Поэма «Крысолов» пишется уже четвертый месяц, не имею времени подумать, думает перо. Утром 5 минут (время присесть), среди дня – 10 минут, ночь моя, но ночью не могу, не умею, другое внимание, жизнь не в себя, а из себя, а слушать некого, даже шумов ночи, ибо хозяева запирают выходную дверь (ах, все мои двери входные, тоска по выходной – понимаешь?!) с 8 часов вечера, а у меня нет ключа. Борис, я вот уже ГОД живу фактически взаперти. У тебя хоть между домом и редакцией, редакцией и редакцией отрывки тротуара, простора, я живу в котловине, задушенная холмами: крыша, холм, на холме – туча: туша.

Друзей у меня нет, – здесь не любят стихов, а вне – не стихов, а того, из чего они – что я? Негостеприимная хозяйка, молодая женщина в старых платьях.

Вот я тебя не понимаю: бросить стихи. А потом что? С моста в Москва-реку? Да со стихами, милый друг, как с любовью: пока она тебя не бросит... Ты же у лиры – крепостной.

Сопоставление с Есениным, – смеюсь. Не верю в него, не боюсь им, всегда чувство: как легко быть Есениным! Я тебя ни с кем не сопоставляю. Ты никогда не будешь ПЕРВЫМ, ведь первый – великая тайна и великий шантаж, Борис! – только какая-то степень последнего, тот же «последний», только принаряженный, приукрашенный, обезвреженный. У первого есть второй {119}. Единственный не бывает первым (Анненский, Брюсов) [492].

И Прозу и поэму получила [493]. Название «Проза» настолько органично, а «Рассказы» настолько нарочито, что я ни разу, понимаешь, ни разу, с тех пор, как взяла книгу в руки, не говорила о ней иначе, как «Проза» Пастернака. Никогда – «Рассказы». Разве ты можешь писать рассказы? Смеюсь. Рассказы, это Зайцев пишет. Проза, это страна, в ней живут, или море – черпают ладонью, это ЦЕЛЬНОЕ. А рассказы – унижительная дребедень. Дурак издатель. Ах, Борис, сколько дураков и наглецов.

О Георгии узнал от Аси? Передай ей, что я ей писала бесчисленное число раз по самым фантастическим адресам, посылала книги, деньги и вещи. Передай ей, что я ее люблю и что я все та же. И что от нее за 3 ½ года не получила ни строки, только раз – устную весть через какого-то чужого, с какой-то службы. И еще – давно от Павлика [494].

Конец первого листа письма. Остальная часть письма не сохранилась.

На полях:

Адрес: Чехо-Словакия, Všenory, číslo 23 (p.p. Dobřichovice) u Prahy

Дошел ли «Молодец»? Послан с оказией.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Впервые – НП. С. 291–293 (с неточной датой и без окончания). СС-6. С. 247–248.
Печ. по: Души начинают видеть. С. 119–121.

53–25. А.А. Тесковой
Вшеноры, 12-го августа 1925 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Не люблю открыток, да и Вы не любите, но письмо написать не соберешься, а открытка – все-таки – что-то [495].

Где Вы и что Вы? Всё ждала от Вас весточки. Как здоровье Вашей мамы и Ваше? Что делаете, что читаете?

О нас, вкратце: Сергей Яковлевич вот уже месяц, как в санатории (Земгорской Здравнице) [496], за эту зиму потерял 18 килограммов, сейчас весит 62 килограмма, вес костей. Аля и Георгий растут и цветут. Живем без прислуги (разбалованная мною, ушла со скандалом), с трудом, но пишу. Заканчиваю воспоминания о Брюсове [497]. Вот бы хорошо – отрывки в Pragerpresse [498]. Не знаете ли адреса Кубки? [499] Если бы написали ему (о Брюсове для Prager Presse) была бы Вам очень благодарна.

Когда возвращаетесь? Как погода? У нас круглые грозы.

Целую нежно, привет Вашей матушке и сестре [500]. От Али также поцелуй.

М.Ц.

Пишу в 5 часов утра, в неизменном спутнике – Вашем халате. Из коричневого костюма вышло мне отличное платье, все хвалят.

Впервые – Письма к Анне Тесковой, 1969. С. 31 (с большими купюрами). Печ. по Письма к Анне Тесковой, 2008. С. 23, с уточнением по: Письма к Анне Тесковой, 2009. С. 36.

54–25. В.Ф. Булгакову
Вшеноры, 12-го августа 1925 г.

Дорогой Валентин Федорович,

Спасибо за сведение, – об отзыве, естественно, ничего не знала. Фамилия Адамович не предвещает ничего доброго [501], – из неудавшихся поэтов, потому злостен. Издал в начале революции в Петербурге «Сборник тринадцати» [502], там были его контрреволюционные стихи. И, неожиданная формула: обо мне хорошо говорили имена и плохо – фамилии.

Но отзыв разыщу и прочту.

Заканчиваю воспоминания о Брюсове [503]. Зная, что буду писать, ни Ходасевича, ни Гиппиус, ни Святополка-Мирского не читала [504]. По возвращении Сергея Яковлевича устрою чтение, – может быть приедете? Сергей Яковлевич возвращается недели через две, несколько поправился.

Да! в «Поэме Конца» у меня два пробела, нужно заполнить – как сделать? [505]
Привет.

МЦ.

Впервые – ВРХД. 1991. № 161. С. 193–194 (публ. Д. Лерина). СС-7. С. 9. Печ. по СС-7.

55–25. О.Е. Колбасиной-Черновой
Вшеноры, 14 августа 1925 г.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Дорогая Ольга Елисеевна,

Обратное Вам, а не обратное мне, – я ведь тоже себялюбец, хотя и в другом. Но и мне обратно достаточно, – этим и прельщена. Кроме того, единственный человек (из чужих), кто сам тянется ко мне, без меня скучает и – что главное – меня не судит [506]. Она меня определенно любит, по-своему, рывком, когда с натиском, но – любит, зверь чужой породы – зверя всем чужой породы – меня. И лицо прелестное. И голос. (С таким должны петь, чист только в пенье.) И не навязывает мне своей семьи, дает себя мне – вне, только по ночам, в свои часы. Все это ценно. И я не умею (еще как!) без чужой любви (чужого). А «Мариночка» тот же захват, что и во всем, что и вся. Ее, как меня, нельзя судить, – ничего не останется.

Живу трудно, удушенная черной и мелкой работой, разбито внимание, нет времени ни думать, ни писать. Кончаю воспоминания о Брюсове. «Крысолова» забросила (мой монархизм). Сережа скоро возвращается. Ему необходимо не жить в Чехии, уже возобновился процесс, здесь – сгорит. О зиме здесь не хочу думать: гибельна, всячески, для всех. Аля тупеет (черная работа, гуси), я озлеваю (тоже), Сережа вылезает из последних жил, а бедный Мур – и подумать не могу о нем в копоты, грязи, сырости, мерзости. Растить ребенка в подвале – растить большевика, в лучшем случае вообще – бомбиста. И будет прав.

Да! Вы спрашиваете о том, достоверна ли я с Анной Ильиничной. – Пожалуй, нет. – О моем отношении к Пастернаку она знает, потому что отправляла, через мать, письмо и книгу. Об остальном, по-моему, ничего.

В дружбе ли с «дорогим»? Не знаю. Может быть в очень далекой. Он все пытается устроить свою жизнь, точно это так важно устройство его жизни, жизни вообще. От Сталинского и Лебедева вижу, во всяком случае, больше внимания и человечности. Он занят только собой, данным собой, мне в данном тесно.

Живу без людей, очень сурово, очень черно, как никогда. Не изменяет, пожалуй, только голова. Знаю, что последнее, когда буду умирать, будет – мысль. Потому что она от всего независима. Для чувств же нужны поводы, хотя бы мельчайшие. Так я, без намека на розу, не могу ощутить ее запах. А «роз» здесь нет. (Полные кусты, не те.)

Мур чудный. 6 ½ месяцев. Начинает садиться (с ленцой). Говорят (ваш сон в руку), похож на Алю. Раскраска, пожалуй, та – светлота масти – черты острей. Маргарита Николаевна, уезжая (едет в Париж насовсем), оставила ему целое приданое.

Кесселю очень хочу написать, и – пожалуй еще больше – о нем. Есть места гениальные. (Юсупов – Распутин [507].) Но боюсь ввязываться – мало писать не умею, в «Воле России» с «Крысоловом» по пятам. Если ему пишете, передайте мое восхищение и причину (невозможность мало сказать!) молчания. Ибо что о статье то же о письме.

Только что большое письмо Ади с описанием велосипедов, – Оли на жердочке – кабинки – одеяла – дождя. Да ведь это моя жизнь – с кем-то – куда-то – ни за чем. У нас с Вами и Адей, кроме всего остального, чудесно совпадает темп жизни. О, как давно, как давно, мне кажется – годы! я не была, в жизни, собой.

Вадиму не ответила не из невнимания, ненаписанное письмо не на совести, а в сердце (пишется!). И Вадима и Володю [508] считаю своими, одной породы, мне с ними, им со мной будет легко. Лиц их не вижу, голоса слышу.

Ольга Елисеевна, это будет чудесная жизнь, когда я приеду! Вдруг поняла, потому что сказала: голоса.

К литераторам ходить не будем, не люблю (отталкиваюсь!) кроме Ремизова никого из парижских. И, может быть, еще Шмелева [509]. К литераторам ходить не будем, будем возить Мура в коляске, а по вечерам, когда он спит, читать стихи. (Хорош Париж? Но ведь живешь не в городе!)

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Пусть Адя не обижается, что не пишу ей сегодня отдельно, сейчас купать Мура, готовиться к завтрашнему иждивению, мыть голову, писать Сереже письмо – так, до глубокой ночи. Сплю не больше пяти часов вот уже полгода.

Стихи пришлю, как только доперепишу Брюсова [510]. Не сердитесь, что не поздравила с именинами, это ведь только день рождения Вашей святой, – не Ваш. И, ради Бога, ради Бо-га никаких подарков к минувшим моим! Не надо растравы, все вещественное от близких растравляет, я еще не совсем закаменела.

Аля огромная (стерьва Мякотина [511] – может быть от стервозности – ей дала 16 лет), с отросшими косами, умная, ребячливая, великодушная, изводящая (ленью и природной медлительностью). Ей очень тяжело живется, но она благородна, не корит меня за то, что через меня в этот мир пришла. С 4-ех лет, – помойные ведра и метлы – будет чем помянуть планету!

Целую всех: Вас, Адю, Наташу (разъединяю, потому что близнецы), Вадима (разъединяю, потому что братья), Олю и Володю. (А Володя – в хвосте.)

МЦ.

Приписки на полях:

Скоро пришлю снимки – Алины, Муркины и свои, завтра куплю пластинки, снимает Александра Захаровна.

Одновременно пересылаю «В огонь-синь» [512]. Пометки чернилами – слонимовские, карандашные – мои. Подробности – Аде на отдельном листочке.

Был бы жив Гуковский [513] – взяли бы в «Современные Записки».

Рецензии в «Звене» не читала, но знаю от вегетарианца-председателя Союза Писателей Булгакова, что есть таковая. Но так как в «Звене» меня всегда ругают – не тороплюсь [514]. («Я люблю, чтобы меня до-о-лго хвалили!») [515]

Впервые – НП. С. 188–192. СС-6. С. 749–752. Печ. по СС-6.

56–25. В.Ф. Булгакову
Вшеноры, 23-го августа 1925 г.

Дорогой Валентин Федорович,

Чтение Брюсова будет во вторник, 25-го, в 9 часов на вилле «Боженка» у Чириковых (Вшеноры) [516].

Не известила раньше, потому что все никак не могли сговориться слушатели.

Очень жду Вас. Приехал Сергей Яковлевич и также будет рад Вас видеть.

Итак, ждем Вас у Чириковых. Всего лучшего.

МЦветаева

P.S. Переночевать Вам устроим, – потому что чтение в 9 часов вечера, а последний поезд (в Прагу) 9 часов 45 минут.

Впервые – Письма Валентину Булгакову. С. 26. СС-7. С. 9. Печ. по СС-7.

57–25. Ф. Кубке
Вшеноры, 26-го августа 1925 г., среда

Дорогой Франц Францевич,

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Самое позднее – послезавтра, в пятницу, отправлю Вам I часть [517] «Героя труда» (записи о Валерии Брюсове), неделю спустя – II часть. Так что, не позже как дней через десять, у Вас будет вся вещь (около двух листов), из которых и выберете, по своему усмотрению, для «Prager Presse» [518]. Я лично посоветовала бы взять «Вечер поэтесс», дающий не только Брюсова, но картину времени (1921 г.). Прочтете увидите.

Очень, очень благодарна Вам за Вашу заботу, при Вашей занятости это – героизм.

фотографию {120} пришлю, как только разыщу, – думаю, тоже в пятницу. И скоро – Вам лично – фотографию своего Георгия, в обмен на Вашего.

Сердечный привет Вам и Вашей супруге от Сергея Яковлевича и меня.

МЦветаева

P.S. Знакомы ли Вы с книгой прозы Бориса Пастернака? [519] (Борис Пастернак – Рассказы, есть на советской книжной выставке). Самое замечательное достижение современной русской прозы. Буду писать о ней. Лелею мечту устроить ее на чешский, хотя бы частично (в книге четыре рассказа). Язык, при всей своеобразности, вполне переводим. Один из рассказов «Воздушные пути», перепечатанный в журнале «Своими путями» [520], будет Вам передан Сергеем Яковлевичем. Прочтите – перечтите – а, главное, вчитайтесь. И скажите, есть ли надежда с переводом? Человек в отчаянном положении (в Москве), занят составлением детских хрестоматий (Бедные дети!!) и помирает с голоду. В моей статье о Брюсове найдете один его вопль (имя не названо).

А отчество мое – самое простое – Марина Ивановна.

Еще раз спасибо за участие. Очень радуюсь Вашей статье. Мой второй родной язык – немецкий (между нами!)

Отчего никогда не выберетесь к нам, во Вшеноры? Собрались бы как-нибудь, с Анной Антоновной. Бывают чудесные дни, и еще будут. Познакомитесь с моими детьми.

Впервые – Československa rusistiká. Прага. 1962. № 1. С. 50–51 (публ. В.В. Морковина, с купюрами). СС-7. С. 24. Печ. впервые полностью по копии с оригинала, хранящегося в РГАЛИ (ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 134).

58-25. ф. Кубке
Вшеноры, 29-го августа 1925 г., суббота

Дорогой Франц Францевич,

Отправляю Вам «первый транспорт» Брюсова, глава «Вечер поэтесс», как сами увидите, не закончена. Остальное – через неделю. А с фотографией – не знаю как и быть: не оказалось ни одной. Может быть в понедельник выберусь в Прагу и снимусь (для паспорта готовы в тот же день). Тогда в редакции получат во вторник.

Если не лень, напишите мне впечатление о Брюсове, не знаю, не слишком ли местно для чешско-немецкого читателя. Последующее – окончание «Вечера поэтесс», глава «Бальмонт и Брюсов» (сопоставительная оценка личности и творчества) и последние слова, заключение.

Шлю привет Вам и Вашей супруге. С радостью повидала бы обоих.

МЦветаева

Приписка на полях: Может быть в понедельник же зайду в редакцию «Prager Presse».

Впервые – Československa rusistiká. Praha. 1962. № 1. С. 51 (публ. В.В. Морковина) (с купюрами). Печ. по копии с оригинала, хранящегося в РГАЛИ (ф. 1190,

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
оп. 3, ед. хр. 134.)

59–25. Г.И. Альтшуллеру
Август 1925 г.

Дорогой Григорий Исаакович,

– Вы самый шумный невероятный герой мира – скучаю по Вас. Я с Вами не простилась, – не умею прощаться. С Вами было совсем не скучно. Проститься с Вами – бывшее для меня несравненно больше, чем Вы могли представить – было бы: закинутые руки за шею. А этого – среди беда дня, на станции Вшеноры, на глазах у всех спутников и нрзб., пассажиров? сделать было нельзя. Поэтому не простилась.

Голубчик! Есть иные миры: перестать нрзб.. Так я живу – я никогда так Вас не любила, как в тот вечер, когда Вы мне говорили о них. В тот вечер я праздновала победу: весь мой мир – над Вашим: переставляя нрзб., проходящего? над просто стоящим. В тот вечер мы с Вами были одного мира. О, не смейтесь. Читать меня не как женщину, а как поэта, допустить первую ошибку (как в Grün Gesicht {121}) [521]. Я хочу Вам так сказать, что Вы мне весь этот год были дороже всех. Я все время хотела, чтобы Вы это знали, но у меня не было слов, был жест – поцеловать Вам руку [522] не окончено

Печ. впервые. Набросок письма в черновой тетради, хранящейся в РГАЛИ (Ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 12. л. 367).

60–25. О.Е. Колбасиной–Черновой
Вшеноры, 1–го сентября 1925 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Поздравляю Вас и Адю с Вадимом, вернее – Вадима с Вами и Адей, – со всеми вами [523]. Вы – семья, на которой можно жениться целиком.

Адя решительно подражает мне: 16–ти лет пишет блестящие статьи и 16–ти лет выходит замуж. Адечка, лучше рано, чем поздно: матери Гёте не было 17–ти лет [524], когда он родился, и она, позднее, говорила ему: «Ты хитрец, ты мою молодость взял в придачу». Но раньше 16–ти нельзя – тогда уже Комсомол.

Аля очень озабочена Вашим свадебным нарядом, будущими детьми, переправкой коляски, всем бытом брака, который, по моему опыту – знает, труден. Новость узнали от Анны Ильиничны, начавшую со словами: «Мы с Вами будем родственниками». И, знаете, я только потом усомнилась, вернее задумалась, – каким это образом? – так сильна, должно быть, убежденность внутреннего родства.

Наседает осень. С угольщицей в ссоре, – дважды взяла за метраж углей – не знаю, чем будем топиться. Париж туманен. Надо решать: либо муравьиные запасы здесь, на зиму, либо стрекозиный танец по визам. Предлагают здесь, во Вшенорах, целый ряд квартир, – духу не хватает! Единственное поме- и перемещение, которое я хочу – поезд! Но бесконечно жаль Сережу, который три–четыре месяца должен быть здесь, срок подачи докторской работы – ноябрь, после чего еще три месяца иждивения.

У него, кстати, объявилась астма. Что с ним дальше будет – не знаю. Но томить Мура в сырости и копоти тоже духу нет. Не знаю, что делать.

Сейчас ему 7 месяцев с неделей, если ехать в середине октября – будет 8 ½ месяцев. Доехать можно, он веселый и тихий.

Встает также вопрос детской кровати. Мур уже сидит, через месяц будет вылезать, везти отсюда нет смысла, здесь очень средняя – 375 крон, а я хочу хорошую, надолго. (Аля в своей спала до 6–ти лет.) Может быть узнаете, на всякий случай, дорогая Ольга Елисеевна, цену хорошей и средней кровати – там? (Для меня «там», для Вас – здесь.)

Ехать Мурке, если в октябре, есть в чем: чудесное голубое вязаное пальцецо,

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru связанное Александрой Захаровной, позже – не в чем, а покупать здесь дорого и жалко.

Простите за скучные мелочи, всё это не я, но мое.

Самый мой большой ущерб – отсутствие одиночества. Я ведь всегда на людях, и днем, и ночью, никогда, ни на час – одна. Никогда так не томилась по другому, как по себе, своей тишине, своему одинокому шагу. Одиночество и простор, – этого до смешного нет. На таком коротком поводе еще не жил никто. Я не жалею, а удивляюсь, с удивлением смотрю на странную – хотела сказать: картину, – какое! – на мельчайшую миниатюру своей жизни, осмысленную только в микроскоп.

Видела Катю Рейтлингер. Кокетливо-омерзительна в замужестве, о муже [525] говорит, как о трехлетнем, сюсюкает, и, между прочим, – «На которой из Черновых женится Оболенский?» Я – задумчиво: «На мне».

Когда Адина свадьба? Будет ли венчаться в церкви? (По-моему – да.) Что от меня хочет в подарок? (Кроме детской коляски, – это уже от Али.) Дошло ли Алино наглешее письмо к своему дню рождения? От Вас очень давно нет писем, даже не знаю, по какому адресу писать.

Хорош Мур? Только очень бело отпечатано, совсем белые глаза. Фотографию очень прошу сохранить.

Целую всех, пишете.

МЦ.

Впервые – НП. С. 192–196. СС-6. С. 752–754. Печ. по СС-6.

61–25. А.А. Тесковой
Вшеноры, 9-го сентября 1925 г., среда

Дорогая Анна Антоновна.

Простите за поздний отклик, сердцем я откликнулась раньше.

Бесконечное спасибо Вам за заботу, рукопись Кубке отправлена, сказал, что раздает ее частично [526]. Вышло, как всегда, впятеро длинней, чем думала, вместо анекдотических записей о Брюсове-человеке – оценка его поэтической и человеческой фигуры с множеством сопутствующих мыслей. Любопытно, как Вам понравится. Задача была трудная: вопреки отталкиванию, которое он мне (не одной мне) внушал, дать, идею его своеобразного величия. Судить, не осудив, хотя приговор – казалось – готов. Писала, увы, без источников, цитаты из памяти. Но, может быть лучше, – мог бы выйти целый том.

Живем все – Сергей Яковлевич, Аля, Георгий, я – хорошо. Сергей Яковлевич полтора месяца пробыл в Земгорской санатории, поправился, но, увы, объявилась нервная астма, недуг неопасный, но трудно-переносимый. Аля вся в грибах и ежевике, – приедете, угостим вареньем и маринованными белыми, есть даже отдельная баночка для Вашей мамы, памятуя ее страсть к грибам.

А у меня план: проведем с Вами как-нибудь целый день – волшебный. В Праге, я приеду. Пойдем в старую часть города, в какие-нибудь места, где никто не бывает, потом в кафе, потом домой, к Вам, – музыка и стихи. Ваша мама любит Шопена? Если да, буду просить ее, – мой любимый.

Осуществим непременно. Попрошу Сергея Яковлевича посидеть, вырвусь и дорвусь до настоящей себя.

Целую Вас. Сердечный привет маме и сестре. Не забывайте.

М.Ц.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Коричневый костюм переделала – отличное платье.

Фазанье перо – от Али. Весь лес усеян!

Впервые – Československá rusistiká, Praha. 1962. № 1. С. 51 (публ. В.В. Морковина) (с купюрами); Письма к Анне Тесковой, 1969. С. 31–32 (с купюрами). СС–6. С. 339–340 (с купюрами). Печ. полностью по: Письма к Анне Тесковой, 2008. С. 24.

62–25. О.Е. Колбасиной–Черновой
Середина сентября 1925 г. [527]

1-я страница письма отсутствует

... Встает в 6½–7, молчать не заставишь. Ложится – окончательно – между 7-ью и 8-ью, если здоров – спит крепко до утра. Но сейчас, с зубами, беспокоится. Если комната проходная – просто нельзя ехать, это не каприз, он изведется. Вы же знаете мое спартанство, приучала – не приучила. Необычайная отзывчивость на звук, с первых недель. К голосу Анны Ильиничны никак не может привыкнуть, – руки за голову – рев.

Да! Пришлось нам с Алей ей покаяться в злоупотреблении ее добрым именем – ведь мы на нее сослались, поздравляя Адю. Она не обрадовалась, но не рассердилась. В задумчивости говорила нам вслух возмущенную открытку Вадима: «Ты все перепутала!» С этого началось, – пришлось признаваться.

Теперь о Сереже. Необходимо его вытащить. Он и так еле тянет, – все санаторское спустил, худ, желт, мало спит, ест много, но не впрок, недавно на пирушке у редактора «Своих Путей» (получили ли??) ел привезенные из Парижа сардинки – и обмирал [528]. И тихо, кротко, безропотно – завидовал. Его кроткие глаза мне всегда нож в сердце. Хотя б ради сардинок – необходимо.

В «Чужой Стороне» напечатан его «Октябрь» [529]. В «Своих Путиях» несколько статей – тесных, сжатых, хороших. Но времени писать, естественно, нет. Начата большая повесть [530].

Ольга Елисеевна, как Вы думаете, нельзя ли было бы получить на поездку что-нибудь из парижского фонда литераторов? За все годы здесь я однажды получила от них 250 франков. По-моему – могут еще. И не 250 франков, а 500 франков, – так давали Чирикову, я не хуже. Может быть – через Карбасниковых? А то ведь я не знаю, на что поеду. Иждивение не в счет: долги, жизнь, нужно оставить Сереже. По-моему – парижский фонд литераторов. Добиться можно. За три года – первая просьба. (Те 250 в 1923 г. прислали без моей просьбы.) По-моему идея – а? Только не приbedняйте меня слишком, а то дадут 50 франков [531].

Алины именины давайте праздновать вместе с Адиными, когда приедем? 18 сентября – 1-го октября – давайте передвинем на 1-ое ноября. А потом Рождество – елка – Муркина первая – хорошо? Ему уже будет 10 месяцев.

Опишите жилище: расположение комнат, этаж, соседство. Тиха ли улица? Близка ли даль (застава)? Когда Олина свадьба? Неужели без нас? Мур был бы мальчиком с иконой.

От Володи чудесная тетрадь, которой мы все чураемся, потому что слишком хороша. Але, ради Бога, ничего не присылайте, что есть – есть, чего нет – заведем. Может быть купим у той же Анны Ильиничны, у которой грандиозная распродажа. Она скоро едет, раньше нас, с заездом в Берлин.

Не забудьте прицениться к кроваткам и складным (раздвижным) стульчикам. Это будет первая покупка.

Целую нежно, привет всем.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
МЦ

P.S. Будете писать – перечтите все мои вопросы.

Рукой С.Я. Эфрона:

Дорогая Ольга Елисеевна,

Исхожу доброй завистью (не злостной) к Марине и Але. Париж представляется мне источником всех чудодейственных бальзамов, которые должны залечить все Маринины ... обретенные в Чехии от верблюжьего быта и пр., и пр., и пр. Хотелось бы и самому очень. Но раньше весны вряд ли удастся.

О Вашей семье, даже о незнакомых членах ее, думаю, как о совсем родной. Кумовство наше прочное и нерушимое.

У Мура, кажется, прорезаются зубы, и он кричит так зычно, что заглушил бы и Шаляпина. Марина не спускает его с рук.

Сергей Яковлевич (тот) [532] изъявляет свое согласие на бракосочетание Ольги Викторовны с Вадимом Леонидовичем и посылает благословение благодетеля.

Целую Вас и Аденьку. Остальным сердечный привет.

Ваш С.Я.

Получили ли последний № журнала? [533] Послал из санатории.

Впервые – НП. С. 197–198 (без окончания). Печ. по СС–6. С. 754–755.

63–25. О.Е. Колбасиной–Черновой
Вшеноры, 21–го сентября 1925 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Наш отъезд начинает осуществляться – о, чуть-чуть! В виде просьбы Марк Львович немедленно представит ему [534] прўказ {122} (еще помните?) и с дюжину фотографий. Мы с Алей снялись, посылаю. У Али губы негра, не собственные. Думаю, через месяц паспорт и виза будут. Теперь думайте Вы – тверд ли в Вас – наш приезд? Ведь Мур нет-нет – да попоет, иногда и басом. Кроме того – «зубки». Сейчас он, например, на полном зубном подозрении: хныкает, ночью просыпается и пр. Все это в тесном соседстве – мало увеселительно, иные совсем не выносят крика – как Вы? И в доме ведь не только Вы, – что, если Мур надоеет? Труднейшая вещь – в гостях. (Пока пишу, Мур, гремя погремушкой, воет – долго – по нрзб. – настойчиво. Сквозь вой – всхныки) У него моя манера – сдвигать брови, и морщина будет та же. Сидит. Ругается: скороговоркой, островитянки, интонациями. И почти всегда – мужчин. Будет – «феминист», ... светлое, но ресницы темные, очень длинные. Сейчас он старше и четче карточки. В Париже снимем.

У нас осень, хорошие ветра, сбивающие сливы, темнеет рано (мы за горой), гора в полосах паршивого медведя, расчесанного и изгрызанного. Пора помидор – дикого винограда – первых печек – последних жар.

Кончила Брюсова, принялась за «Крысолова», иные дни удаётся только присесть, весь день в колесе, вечерами голова пуста (от переполненности мелочами), сижу, грызу перо. Мои утра, мои утра! То, чего я так – никогда – никому – не уступала! Первая свежесть мозга, омытость мысли. Ночью может случиться лавина вдохновения, но для труда – утро. Ночи – прополохнут! – впустую.

Но есть в злой жизни уют – сиротства. Сироты – все, и Сережа, и Аля, и я, и Мур. Сиротство от внешней скудости, загнанности в нору, в норе – сбитости. Уют простых вещей при восхитительном неуют непростых существей. Уеду – полюблю. Знаю. Уже сейчас люблю – из окна поезда. Самое сильное чувство во мне – тоска. Может быть иных у меня и нет.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Теперь – что́ братъ? Хлам братъ? Множество. Ехать навек или на́ три месяца? Есть, например, огромный серый клетчатый шерстяной распорок с Веры Андреевой, – Аля в нем тонет. Может выйти хорошее платье. Связываться? А летнее – подозрительного свойства – бросать? Всякие ситцевые линялости. Ход чувствований таков: как платье – зазорно, но могут выйти Але штаны. И не одни, а трое. И вечные. Но шить я не умею, следовательно будут лежать. А за это лежание – в багаже – платить. И везти в Париж – дрянь. В Париж, в котором... И неужели же ни я ни Аля не заслужили – раз в 100 лет! – новых – за́свежо – штанов?!

Пишу нарочно, чтобы Вы меня презирали, как презираю себя – я.

А коляску братъ? У нас две: одна лежалая, волероссийская, рессорная, громоздкая, красивая, в которой пока еще спит, но из которой, явно, вырос. Другая – деревянная, сидячая, складная, тарахтящая, собственная, облезлая, но верная, – преданный урод – без рессор. Или бросить (передарить) обе? Не представляю себя переходящей с коляской хотя бы коровий брод в Париже? Верю в свои руки и ноги, коляска уже стороннее. И, вообще, подробно: каков квартал? Есть ли невдалеке (и в каком невдалеке?) сад – или пустырь – лысое место без людей, где гулять. Какой этаж? Рядом с «нашей» (наглость!) комнатой – кто будет жить? Через нас – будет ходить? Тогда не поедем, потому что у Мура (будущий музыкант, всерьез) трагически-чуткий слух и сон. От всего просыпается и всего пугается.

Большое поздравительное (и нравоучительное) послание того Сергея Яковлевича к Дооде [535] в последнюю минуту затерялось. Отыщется – дошлем. Для доброго дела никогда не поздно.

Никогда не поздно.

М.Ц.

Впервые – Wiener Slavistisches Jahrbuch, wien. 1976. Bd. 22, С. 111–112 (публ. Хорста Лампля). СС-6. С. 756–767. Печ. по СС-6.

64–25. Б.Л. Пастернаку
Вторая половина сентября 1925 г.

Что у Вас сегодня ночью не звонил телефон? (которого нету) Так это я к Вам во сне звонила. 50–91. В доме где вариант: откуда я звонила, мне сказали, что 50–91 – мастерская и что там по ночам спят. Никто не подошел, но я услышала вариант: я стояла и слушала тишину Вашего дома, и, быть может, Вашего сна.

Отчего все мои сны о Вас [536] – без исключения! такие короткие и всегда в невозможности. Который раз телефон, который я от всей души презираю и ненавижу, как сместивший переписку, и которым пользуюсь, вкладываю всю брезгливость, внушаемую этим глаголом. А иные разы – не помню, писала ли, улица, снег, переулки. То Вас дома нет, то мы на улице и вообще дома нет, ни Вам, ни мне вариант: нам вместе.

На Ваше письмо (как я ему обрадовалась!) так долго не отвечала, потому что кончала большую статью о Брюсове листа 4 конечно, не статью: записи встреч и домыслы. Не человека, не поэта, – фигуру Брюсова. Называется «Герой труда». Последние слова, дающие всё написанное: И не успокоится мое — [537]

Задача была невозможная, т.е. достойная: дать, вопреки отврату очевидности, крупную фигуру, почти что памятник, которым он, несомненно, был. Есть и о Вас – немного, предмете его жесточайшей – и последней ревности (больше, чем зависть!), о Вас, примере поэта. Вы же не минуете ни одной моей мысли! Правильнее бы, Вас не минует ни одна и т.д., но, очевидно, Вы настолько в движении, что все-таки Вы не минуете.

Хороший памятник Брюсову. Несомненно лучший. Я довольна.

О Рильке. То же, что я. Я ему тоже все вверяла: всю заботу, всё неразрешимое. Он был моим живым там. О влиянии непосредственном не знаю, я его впервые прочла в

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru Берлине, в 1922 г. [538], уже после Ремесла. Не влияние, а до знания – слияние. О, Борис! Хотите одну правду? Тогда, в Берлине, две книги вместе – Сестра моя жизнь и книга (одна ведь) – Рильке. И я, тогда, чтобы освободиться от Вас, потому что Вы еще живы и следовательно трагически, растравительно (как Рильке – Вам) доступны, отыгрывалась Рильке: вот еще бóльший, чем Пастернак. Это в самый разгар моей любви к Вам. Я очень счастлива, что есть высшее Вас, и Вы должны быть счастливы, иначе – бог и тупик.

Да, умер. А Вы думаете – я не собиралась? Я ведь знала, как войду, как и что не уйду. Сяду у ног, руки переплету на коленях, гляжу снизу, все равно – какое лицо. А потом вжать в руку лоб, так я, не раскрывая губ, моих богов – ем. (Только из себя понимаю причастие, извне – чудовищно.)

Ты думаешь – к Рильке можно вдвоем? И, вообще, можно втроем? Нет, нет. Вдвоем можно к спящим. На кладбище. В уже безличное. Там, где еще лицо... Борис, ты бы разорвался от ревности, я бы разорвалась от ревности, а может быть от непомерности такого втроем. Что же дальше? Умереть? И потом, Рильке не из благословляющих любовь, это не старец. (Не «к Толстому», не Рабиндранату [539] и пр.) К Рильке за любовь вариант: с любовью любить, тебе как мне.

– К Рильке мы бы, конечно, поехали.

Вообще, [мы бы] с тобой бы непрерывно ездили, не жили бы. (Ироническая заведомость, предрешенная сослагательным!)

Да! о другом! Скоро все мои связи возвращаются с дач. Если получишь посылку (когда не знаю, но говорю заранее), вязаный костюм и верблюжью куртку Асе. Шарф тебе. Розовая куртка мальчику. Прости, глупо, что розовая, не я выбирала, мне подарили для Мура, а ему велика. В Париже, где я надеюсь быть к 1-у ноября, достану ему целый костюм – голубой. Оттуда okazji будут. И лучше не говори, от кого, просто – прислали. Ты ведь можешь и не знать. Я тебя очень люблю.

Хотела и твоей жене, но лучше не надо, она меня не любит и вряд ли будет любить, не нужно щемящести мелочей.

Мой сын очень хорош. 7 ½ месяцев. Классическое: сидит, смеется. И не классическое, собственное – ругается скороговоркой, как индюк, выразительно, властно, всегда по адресу и всегда по мужскому. Вырастет феминистом. (Хорошее определение мужской ветрености?)

Ты моей жизни не знаешь, знаешь ее отрывками, точно я уже умерла. Так вот еще отрывок: к 1-му ноября, кажется, еду в Париж – месяца на три, потому что вряд ли устроюсь твердо. Мой первый выезд из – даже не Чехии, а окрестностей Праги, попросту – из деревни за 3 с лишком года. Еду с детьми, Сергей Яковлевич пока остается в Праге, кончат докторскую работу [540]. Радуюсь? Не знаю. Если будут какие-нибудь большие дружбы в Париже, если заработаю себе человеческую душу (на все века) – за иным не сто́ит. – А еще, и гораздо сильнее, радуюсь вагону.

Да, главное: твоя проза, по всей вероятности, к весне будет издана отдельной книгой [541]. Гонорар переведу. Раньше весны – невозможно, всякие — опередили, чешский рынок завален (дрянью).

Впервые – Души начинают видеть. С. 126–128. Печ. по тексту первой публикации.

65–25. О.Е. Колбасиной-Черновой
Вшеноры, 30-го сентября 1925 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Паспорт на днях будет. Дело за визой. Визу обещал достать Марк Львович. Виделась с ним 15-го, с тех пор ни слуху, ни духу. На какие деньги поеду – не знаю.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Отъезд, ведь, не только билет, но уплата долгов, покупка и починка дорожных вещей, переноска, перевозка и пр. Сделайте все, чтобы фонд литераторов – дал. Председатель – Ходасевич [542]. Где он сейчас – не знаю. Но Вам адрес достать, думаю, будет нетрудно.

Отъезд решен. Вся совокупность явлений выживает. Повысили квартирную плату, на стенах проступила прошлогодняя сырость, рано темнеет, угля нет, потому что в ссоре с единственным его источником, – много чего!

Да (между нами!) содержание мне на три месяца сохраняют, но жить на него не придется, так как Сережа не может жить на 400 студенческих крон в месяц. Ему нужна отдельная комната (докторская работа), нужно хорошо есть – разваливается – нет пальто. Много чего нужно и много чего нет. Я не могу, чтобы наш отъезд был для него ущербом, лучше совсем не ехать.

Вся надежда на вечер [543] и на текущий приработок, – сейчас зарабатываю мало, нет времени даже на переписку стихов. В свободные минуты – «Крысолов» Пишу предпоследнюю главу. Бедная «Воля России». Героизм поневоле или: «bonne mine au mauvais jeu» {123} (что – то же). Убедена, что никто из редакторов его не читает, – «очередной Крысолов? В типографии!»

Да! Первая размолвка с Анной Ильиничной, кстати очень и очень ко мне остывшей. Недавно, по настойчивой просьбе Сережи, прошу ее извлечь мой паспорт из какого-то проваленного места в министерстве. (Ей легко, потому что ни с кем и ни с чем не считается, и для себя такие вещи делает постоянно.)

И ответ: «Нет, не могу. Придется ждать в двух канцеляриях. Невозможно». Через 10 минут Сережа, просивший совсем другим тоном (улыбаясь, как умеет тот Сергей Яковлевич), добился. А мой тон – Вы знаете: в делах – деловой, вне лирики. Лирика – как предпосылка. (Молча:) «Зная, как Вы ко мне относитесь, зная, что я – вообще и что – для Вас, прошу Вас...» (Вслух:) «Анна Ильинична, у меня к Вам большая просьба: не могли бы Вы» и т.д. Впрочем, на этот раз, такой предпосылки не было; слишком знаю, что я для нее: если не раз-влечение, то от-влечение, может быть просто –влечение. И только. Ради этого времени не теряют. – Хотите конец? Она просьбу («Сергея Яковлевича») исполнила, а я ее не поблагодарила. Не смогла. Но не улыбайтесь, торжествуя: все это я знала с первой минуты, теперь – узнала. Нелюбимую Нину [544] она всегда – житейски – предпочтет любимой (?) мне. Словом, я для нее – тот, кого в случае бури первым выкидывают из лодочки. Семья – одно, я – другое: второе, десятое, нечислящееся. – По-мужски. –

К Муру тоже остыла. (Была – страсть!) Боязнь привязанности? Чувство моего – здесь? – единовластия? Огорчение (смягчаю), что не позвали в крестные? Видимся редко, – раз в неделю, не чаще. Раньше, при встрече, она – сияла, сейчас на лице оживление – и только. (NB! Оживляю – даже мертвецов!) Мне не грустно, потому что я ее не любила, и не досадно, потому что не самолюбива. Нечто вроде удовлетворения большой кости в собачьей глотке: «Ага! подавился мною!» Иногда я думаю, что я бессердечна, до такой степени все мои любви и нелюбови вне всякого добра (мне) и зла. «Тянет», «не тянет» – всё. Обоснование животного – или чистого духа, могущего, за отсутствием платы, разрешить себе эту роскошь тяготения. Вообще, у меня душа играет роль тела: диктатор.

Читайте или не читайте Вадиму, Вам виднее. Только – остерегаю – чтобы никогда – ей – ни звука. Все равно дойдет (до меня). Думаю, учитывая все сказанное, – она меня больше любит.

Приписка на обороте:

Везти ли примус? Есть ли в Париже керосин? По утрам разогреваю Мурке еду – лучше всякой спиртовки. (А газ взрывается.) Не смейтесь и ответьте.

Целую Вас, Адю, Ооолу [545] и Наташу, Вадиме (е) и Володе привет.

P.S. Будут ли они учить Алю? Необходимо, чтобы она сдала экзамены в IV класс.

МЦ.

Того же 1-го октября 1925 г., четверг

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Письмо второе

Только то вложила письмо в конверт – как Ваше (Ваши). Самое сомнительное – коляска. Очень велика и тяжела: дормёз {124}. Но Мур сам очень велик и тяжел, носить на руках – руки отвалятся. Не справитесь ли Вы, дорогая Ольга Елисеевна, и о цене сидячей коляски, легонькой, для гулянья, – но с пологом, т.е. верхом, от дождя? Может быть – не так дорого, – вместо кресла. Минус кресло и минус провоз – вот и коляска. С нашей трудно управляться: на Александра III в детстве. А спать он в ней все равно на днях перестанет: уже упирается ногами. Купим все на следующий же день по приезду. Кроватку хочу хорошую, надолго. А с нашим дормёзом – не то, что в 15 минут до парка – и в час не доползешь.

Умилена двойным распоряжением касательно тряпок. Одарю кого-нибудь. Градации нищеты ведь неисчислимы! Кому-нибудь (хотела бы посмотреть!) наши отребья будут пурпуром и горностаем. (Мур проснулся и скромно, но громко стучит копытами об коляску – знак, чтоб брали!)

Да! Забыла рассказать. В квартире, покидаемой Анной Ильиничной – чудесной, на вилле, в каштановом саду, над ручьем может быть будет жить Виктор Михайлович [546]. Сообщила с неопределенным смехом. В иные минуты передо мной вскрыты все черепные крышки и грудные клетки, обнажая мозги и сердца. Анна Ильинична: большая тропическая кошка. Сережа с ней управляется отлично. Я (остывает) – разучиваюсь.

Только что получила письмо от Марка Львовича, советует в фонд литераторов обращаться через Зензинова [547]. Пишу ему нынче же. С нескольких сторон – хорошо. Действуйте – через кого Вам легче. На днях увижусь с Марком Львовичем и после разговора напишу. У нас, увы, 600 крон долгов. (У Маковского, кажется, было около 60.000 крон!) Просить нужно не меньше 500 франков.

Читаю сейчас Башкирцевой – Cahier intime {125}. Суета и тщета. Жаль ее чудесной головы. Ничтожные молодые люди и замечательные чувства по поводу них. Неправы – издавшие и неправы – так назвавшие. «Intimite» {126} Башкирцевой – ее голова, а не маскарадные авантюры. Хотелось бы написать о ней. Прозаик ревнует меня к поэту и обратно. Раздвоиться.

Кончаю. Мои письма сухи, не мои. Торопясь, нельзя чувствовать, хотя чувствование – молниеносно. Иная быстрота.

От чтения Башкирцевой – две досады: за нее, знавшую только эту жизнь – и за себя, никогда ее не знавшую. (Сужение круга выбора.)

Целую всех. Спасибо Вадиму за клочки письма. Буду постепенно сообщать Вам все новости. Аде спасибо за план.

МЦ.

P.S. Как понравилась моя фотография?

Клетчатое платье – подарок Сережи на редакционные деньги.

Об «Октябре» благожелательный отзыв Айхенвальда [548] в «Руле».

Впервые – нп. С. 203–205. Печ. по СС-6. С. 757 760.

66–25. А.А. Тесковой
Вшеноры, 1-го октября 1925 г.

Дорогая Анна Антоновна.

Вопрос и просьба: не могли бы Вы похранить у себя некоторое время нашу корзинку с вещами? Некоторое время, потому что: либо через три месяца – вернусь, либо, если устроюсь в Париже (в чем очень сомневаюсь) – Сергей Яковлевич ее мне вышлет «petite vitesse» {127}.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Корзина большая, предупреждаю, – но, может быть, нашлось бы место в передней? Невозможно везти с собой всё, не зная, останешься ли. Очень попросила бы Вас поскорей сообщить мне ответ. Заграничный паспорт на днях будет, визу Марк Львович [549] обещал достать, денег пока нет. Еду с Алей и Муром (самовольное уменьшение от Георгия) два взрослых билета – и виза – и перевозка – и предотъездная уплата долгов... Но, раз нужно, думаю, – уеду.

Неприменно хочу перед отъездом провести с Вами вечерок. Я у Вас ни разу не была, знаю, что буду жалеть об этом – не хочу жалеть небывшего, а радостно вспоминать бывшее. – Видите, как я сама к Вам в гости напрашиваюсь? –

Отъезд – предполагаемый – после двадцатого этого месяца. Как поеду – не знаю: ужасающе-неприспособлена. Не едет ли, случайно, кто-нибудь из Ваших знакомых? Не знаю например, как устроить с питанием Георгия? Ест он 4 раза в сутки, и ему все нужно греть. Как это делается? Спиртовку ведь жечь нельзя. Впервые я была в Париже шестнадцати лет – одна, – влюбленная в Наполеона – и не нуждавшаяся ни в теплой, ни в холодной пище. – Сто лет назад [550]. –

Приезжайте к нам на прощание. Я Вас нежно люблю. Вы из того мира, где только душа весит, – мира сна или сказки. Я бы очень хотела побродить с Вами по Праге, потому что Прага, по существу, тоже такой город – где только душа весит. Я Прагу люблю первой после Москвы и не из-за «родного славянства», из-за собственного родства с нею: за ее смешанность и многодушие. Из Парижа, думаю, напишу о Праге, – не в благодарность, а по влечению. Издалека все лучше вижу. И, может быть, Вы мне сообщите несколько реальных данных, чтобы все окончательно не уплыло в туман. Итак, мне очень хочется побродить с Вами по Праге, пока еще листья есть. Во мне говорит не любитель старины – это тесно и местно, просто – влекусь в тишину. Очень хотелось бы узнать происхождение: приблизительное время и символ – того пражского рыцаря на – вернее – под Карловым мостом – мальчика, сторожащего реку [551]. Для меня он – символ верности (себе! не другим). И до страсти хотелось бы изображение его – (где достать? нигде нет) – гравюру на память. Расскажите мне о нем все, что знаете. Это не женщина, и спросить можно: «сколько тебе лет?» Ах, какую чудную повесть можно было бы написать – на фоне Праги! Без фабулы и без тел: роман Душ.

Никому не рассказывайте. Ведь не знаю, напишу ли, а будут знать другие – наверно не напишу.

Никому не рассказывайте также о моем отъезде, т.е. о возможности моего невозвращения. И, если вернусь, помогите мне устроиться в Праге, где-нибудь на окраине, хорошо бы – неподалеку от Вас. Мы бы вместе ходили и бродили. Жизнь за-городом не в меру тяжела – даже мне. Столько лишней работы и такая дороговизна на всё, кроме жилища. Помните нашу квартиру? Сырость (уже течет!) тьма – и вот, хозяйева, удостоверившись, что можно жить, раз мы прожили целый год, повышают плату на 100 крон. Итак, уже не 200 крон, а 300 крон.

– Сама жизнь выживает. –

А.И. Андреева тоже уезжает, сначала в Берлин, потом в Париж. Ей тоже сложно: берет с собой пока только старшего [552]. Но с деньгами – легче.

Думаю, уедет раньше меня.

Дорогая Анна Антоновна, сообщите, пожалуйста, адрес госпожи Юрчиновой, она мне два раза писала открытки, но все без адреса. Кроме того, у нее или у ее знакомой переводчицы – все мои книги и вырезки из газет, хочу знать, что с ними случилось.

Целую Вас нежно и жду письма.

МЦ.

Впервые – Письма к Анне Тесковой. 1969. С. 32–33 (с купюрой). Печ. полностью по: Письма к Анне Тесковой, 2008. С. 25–27.

67–25. Д.А. Шаховскому

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Vsenory, 6-го октября 1925 г.

Милостивый Государь,
Господин Шаховской,
(К сожалению, не знаю Вашего отчества.)
Настойчивость Вашего желания меня трогает, но, увы, у меня ничего нет, в данный час, для Вашего журнала, кроме стихов. Прозу пишу редко, скорей в порядке события, а не состояния, – так, только что сдала в «Волю России» большую статью о Брюсове – «Герой труда», вещь, над которой работала месяц и которая бы Вам не подошла по размерам (больше трех листов). В настоящее время кончаю поэму «Крысолов» и, живя сверхъестественно трудной бытовой жизнью, уже ничем не отвлекаюсь.

Если стихи Вам нужны, уведомьте экспрессом, экспрессом же вышлю. Есть поэма в 70 строк о Марине Мнишек (былинная) [553], есть «Поэма горы», но обе вещи отнюдь не «благонамеренные», даже – наоборот. (Вне политики.) – Предупреждаю. – Впрочем, если Вы знаете мои стихи, и предупреждать нечего. И не лучшим ли образцом благородной иронии будет явление моих стихов на страницах журнала с таким названием?

То есть: не подумает ли читатель, что над ним смеются? То же, впрочем, испытывает и читатель революционной «Воли России», читая моего «Крысолова».

Итак, стихи есть. Выслать могу. Для следующего же № «Благонамеренного» смогу дать Вам один или два психологически-критических очерка о двух совершенно необычайных книгах, которые не называю, чтобы не сглазить.

К 1-му ноября думаю быть в Париже, где мне устраивают выступление [554].

Всего лучшего Привет.

Марина Цветаева

P.S. Извините за промедление, только сегодня удалось отыскать Ваше первое письмо с адресом. В последнем Вашем и в письме господина Цебрикова [555] он отсутствовал.

Впервые – НП. С. 342 343. Печ. по СС-7. С. 25 26.

68–25. А.А. Тесковой
Дорогая Анна Антоновна,

Радуюсь Вашему отклику

Насчет Парижа: еду не в Париж (не люблю zalюбленных мест, как zalюбленных людей: всегда подозрительно!) а, вообще, еду, – надо же куда-нибудь! А в Париж – потому что там мне обещают устроить выступление (заработок) и – потому что там друзья [556]. У меня их мало.

Здесь прожила не год, а целых полтора – безвыездно. Не забывайте, что это не Прага – и даже не деревня, а крохотное провинциальное местечко, душное, как долина, где расположено. И слишком много черной работы, – мысль не тупеет, но чувства – спят.

Завтра Муру прививают оспу, во Вшенорах, за исключением поездки к французскому консулу (виза), буду безвыездно. Очень жду Вас, напишите – когда...

Сердечный привет Вам и Вашим.

МЦ.

6-го октября 1925 г.

Две строки зачеркнуты.

Простите за грязный лист, – не в моих привычках – но осознанная вина – пол-вины!

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Ехать думаю по окончании Муркиной оспы, – в последних числах этого месяца.
Спасибо за усыновленную корзину.

Впервые – Письма к Анне Тесковой, 2008. С. 27. Печ. по тексту первой публикации.
69–25. Д.А. Шаховскому
Вшеноры, близ Праги, 10-го октября 1925 г.

Многоуважаемый Дмитрий Алексеевич,

Вы не в обиде, что я к Вам не пишу – князь? Князь я говорю только тогда, когда могу дать этот титул – вторично. Это со мною было – за жизнь – раз – с Князем С.М. Волконским, которого – до того человеческий нимб затмевал княжеский – попросту звала Сергеем Михайловичем.

Хотите в каком-нибудь № Вашего журнала напишу о княжестве? О титуле вообще. Есть хорошие мысли.

А имя у Вас восхитительное – мое любимое и парное – и было бы именем моего сына, если бы в честь Добровольческой Армии не обещала (еще в 1918 г.) назвать его Георгием.

«Благонамеренный» – шутка, проба читателя [557]. Как мое «Ремесло», в котором ничего от ремесла. И только один (совсем молодой) критик задумался, остальные приняли [558]. «Благонамеренный» похож на название миноноски: «Отчаянный», «Неустрашимый». По-моему – мистификация, потому что не сознательно так назвать нельзя. – «Pour épater le bourgeois» {128}.

Скажите Цебрикову, чтобы не подписывался «заместитель Князя Шаховского» – замещать можно редактора, не князя. «Князь» незаместимо, потому что не занятие. («Что делаешь?» «Княжу». Это кончилось с Ростиславами и Мстиславами.) И поскольку великолепно – наместник, постольку жалко – заместитель. Тень такой подписи падает на Вас.

Если когда-нибудь встретимся, расскажу Вам, что я бы делала со своим княжеством, если бы оно у меня было. (Было у моей польской бабушки.) [559] Что я бы с ним делала, не оно – со мной!

Титул – глубокая вещь, удивляюсь поверхностному, чисто-словесному – вне смыслового – отношению к нему его носителей. Говорю не о Вас, потому что Вас не знаю.

Княжество прежде всего – нимб. Под нимбом нужен – лик.

Посылаю Марину стихи написаны давно, но читателю это безразлично [560].

Если можете, перешлите мне гонорар еще по чешскому адресу. До 30-го я в Чехии. Потом мой адрес:

PARIS, XIX

8, rue Rouvet

chez Madame Tchernowa

До свидания.

Марина Цветаева

Очень прошу, по возможности, корректуру. (Из Брюсселя в Париж – пустяк.) Если же очень срочно, – попрошу править самолично. Как поэт, Вы знаете нестерпимость опечаток. Прошу ударений на:

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
У родного у царевича
и

Солнце среди звезд.

(рифма).

означают пробелы между строчками.

Впервые – НП. С. 343–345. Печ. по СС-7. С. 26–27.

70–25. О.Е. Колбасиной–Черновой

Вшеноры, 18-го Октября 1925 г., чешский праздник посвящения гуся

Дорогая Ольга Елисеевна,

Поздравьте крестника с двумя зубами сразу (в один день) и стребуйте с крестного на зубок. Быть Ремизовым (и Серафимой Павловной!) [561] обязывает. Шутка – шуткой, а по-моему, требовать надо. Что – Вам видней. (Обезьянья грамота [562] – само собой, ею не отыграется!)

Муру привили оспу, длится 12 дней, сегодня, слава Богу, восьмой. Думаем выехать 27-го – 28-го, главное – деньги. Зензинов очень милым письмом обнадеживает. Квартиры у нас до 1-го. О дне выезда известю sic! телеграммой, а Вы, тотчас же по получении письма, ответьте: на каком вокзале слезать, т.е. – будете встречать. Поезд из Праги отходит в 10 с чем-то утра. Как поедем – один Бог знает.

Тотчас же после «Крысолова» (осталась одна глава) принимаюсь за статью о Кесселе [563]. До того мой мир, что буду писать о нем, как о себе: с той же непреложностью и убедительностью. Не читая ни одного отзыва – совершенно свободна. Да – почти всё – мой упор все равно другой. Убеждена, что напишу о нем абсолютно. Только вчера поставила вместе с ним последнюю точку «Les Rois aveugles» {129}. Знаю, что ему нужно писать дальше. Передайте, если встретится, мой привет и радость встречи с ним. Думаю, он вне нищеты мужского и авторского тщеславия.

Паспорт и виза есть. Как в Париже с молоком? Муру ежедневно необходим литр. Вернувшиеся из экскурсии говорят, что с молоком сложно, – только сливки. Очень попрошу Вас, дорогая Ольга Елисеевна, ко дню нашего приезда (будете знать) по возможности молочное дело наладить. Ничего, кроме молочного, есть не хочет, – сопротивляется.

Все новости – при встрече. Теперь уже мало осталось – хотя и самой не верится. Шлю привет всем.

МЦ.

– Мур приедет девятимесечным. – (1-го ноября.)

Впервые – НП. С. 198–203. СС-6. С. 671. Печ. по СС-6.

71–25. А.А. Тесковой

26-го Октября 1925 г., понедельник

Дорогая Анна Антоновна.

Ради Бога – сегодня же передайте это письмо госпоже Юрчиновой. Денег из Парижа до сих пор нет, ехать мне 31-го, в субботу, необходимо. Иначе я остаюсь без квартиры (1-го уже въезжают) и без провожатых (31-го уезжают в Париж госпожа Андреева с сыном). Положение трагическое.

Я прошу госпожу Юрчинову одолжить мне эту тысячу крон. 15-го ноября, на Сокольской улице, в Земгоре, у господина Заблоцкого [564] она их получит. Если парижские деньги придут – получит раньше. Объясните ей, что эти деньги – верные,

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
мое ежемесячное чешское иждивение [565].

Просить мне не у кого, может быть она соберет среди знакомых. За день за два (в крайнем случае в пятницу) необходимо взять билеты. Поезд уходит в субботу, 31-го, в 10 часов 45 минут с Вильсонова [566].

Если ничего не изменилось, завтра у Вас будет Аля. Может быть через нее уже можно будет узнать ответ.

Спасибо Вам, и Вашей матушке, и сестре за чудесный день. Я Вашу матушку не поблагодарила тогда за игру, – это не значит, что я ее не почувствовала. Ей ведь тогда не хотелось играть Шопена, а она играла, – это меня вдвойне тронуло. Пристрастие мое к Шопену объясняется моей польской кровью, воспоминаниями детства и любовью к нему Жорж Санд [567].

Целую Вас нежно. Убедите г-на Юрчинову, что я не аферист и к деньгам, а главное – к просьбам о них – отношусь с отвращением. (Потому их у меня никогда нет.)

До свидания – через Алю – до завтра.

Любящая Вас

М.Ц.

Впервые – Письма к Анне Тесковой, 1969. С. 34–35 (с купюрами). СС-6. С. 341–342 (с купюрами). Печ. полностью по: Письма к Анне Тесковой, 2008. С. 28.
Приложение: письмо Али. Большинство писем А.С. Эфрон см. в кн.: Письма к Анне Тесковой, 2009.

72–25. О.Е. Колбасиной–Черновой
26-го Октября 1925 г, понедельник

Дорогая Ольга Елисеевна,

Может быть займу деньги под иждивение. На высылке парижских настаивайте, иначе, узнав, что без них обошлась, совсем не дадут. Пусть высылают (если уже не выслали на мое) на Сережино имя: – иначе он умрет с голоду. (Уезжая, забираем все – вплоть до ноябрьского иждивения.) Зензинову же объясните, что я ввиду отъезда часто бываю в городе, и почтальон может не застать. О сроке моего выезда лучше не говорите, иначе скажут: поздно – и вовсе не пришлют.

Выезжаем, с Божьей помощью, 31-го, в субботу, в 10 часов 45 минут утра.

У Мура очередные зубы и оспа, – может быть за эти дни обойдется. Жар. Очень похудел. Ждать с отъездом нельзя, – 1-го уже въезжают в нашу квартиру, и Анна Ильинична с Саввой уезжают 31-го. С ними – как в раю (условном).

Муру, очень прошу, приготовьте: литр молока, сливочного масла и обыкновенной муки белой. Как приеду – так жарить.

Колясочку Людмилы [568] непременно берите, пригодится. А спать одну ночь он может в нашей маленькой. Большую не берем – провоз – цена кровати.

Итак – дай Бог – увидимся в воскресенье. (О приходе поезда, пожалуйста, узнайте.)

Целую всех.

МЦ.

Впервые – НП. С. 205–206. Печ. по СС-6. С. 762.

73–25. А.А. Тесковой
Вшеноры, 28-го Октября 1925 г.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Дорогая Анна Антоновна,

Аля от Вас вернулась – как из сказки. Конечно, Ваш дом – зачарованный, жилище не трех душ [569], а – Души. И душам в нем – «дóма». Остальные же пусть не ходят.

И – очаровательное внимание души к телу – спасибо за чудесный чай с таким чудесным названием и в такой чудесной обертке, за шоколад из времен Гомера [570], за напоминающие детство – сухари. Спасибо за всё.

Деньги беру и ими спасаюсь. Сегодня телеграмма из Парижа – раньше 12-го не могут. А ехать нужно – не все налажено, а все разлажено – разложено – жить в состоянии отъезда невыносимо.

Мур вчера сильно испугал: сильный жар, сонливость. Сегодня был доктор, предписал дизу, по сегодня ему (тьфу, тьфу не сглазить!) уже лучше – еще два дня на поправку – и авось –

Андрееву ждут, но ее все нет. Боюсь, что не дождемся.

Если в субботу не удастся – известим. Но пожелайте (верю в добрую волю) чтобы удалось. И приходите на вокзал – непременно. Если будут другие – все равно. Знайте, что Вы и Ваша семья – те полдня у Вас – лучшее, что я оставляю в Праге.

Целую нежно. Благодарность, привет и любовь всем.

М.Ц.

Впервые – Письма к Анне Тесковой, 1969. С. 35 (с купюрами). СС-6. С. 342 (с купюрами). Печ. полностью но: Письма к Анне Тесковой, 2008. С. 29.

74–25. А.В. Бахраху
Париж, 6-го ноября 1925 г., пятница

Милый Александр Васильевич,

Если свободны завтра в субботу вечером, очень рада буду Вас повидать.

Познакомьтесь с моей дочерью Алей и может быть увидите моего сына Георгия.

Марина Цветаева

Впервые – Мосты. Мюнхен. 1961, № 6. С. 340–341. С исправлением неточностей – Литературное обозрение. 1991. № 10. С. 111 (публ. Дж. Малмстада). СС-6. С. 624. Печ. по СС-6.

75–25. Андрею Седых [571]
В Редакцию «Последних Новостей»
Париж, 12 ноября 1925 г.

Милостивый Государь, господин Редактор,

Не откажите в любезности поместить в Вашей газете нижеследующее.

В № 1704 «Последних Новостей» (четверг, 12 ноября) в отделе «Календарь писателя» значится, что я приехала в Париж на постоянное жительство, редактирую журнал «Щипцы» и что в № 1 этого журнала начнет печататься афористическая повесть Степуна «Утопленник» [572].

1) В Париж я приехала не жить, а гостить. 2) мало того, что я журнала «Щипцы» не редактирую – такого журнала вовсе не существует 3) так же как афористической повести Степуна «Утопленник». Всю заметку, имеющую целью одурачить газету, читателя, Степуна и меня, прошу считать измышлением одного из местных остроумцев. Которого бы просила подобных шуток не повторять [573].

Можно шутить с человеком, нельзя шутить его именем.

Марина Цветаева

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Впервые – Московские новости, 1994. № 8. 20–27 февр. (публ. Г.М. Бонгард-Левина). Печ. по СС-7. С. 45, с исправлением неточностей по копии с оригинала, хранящегося в архиве А. Седых (США).

76–25. Д.А. Шаховскому
Париж, 15-го ноября 1925 г., воскресенье

Многоуважаемый Дмитрий Алексеевич,

Не бойтесь: статьи никакой нет и не будет, – ограничусь краткой записью в тетрадь [574]. Мне, лично, такие, на лету брошенные, мысли больше дают, чем статьи: статья в потенции.

Относительно нимба и лика – острó и умно́, относительно барона и князя – остроумно. Нимба нет не только у барона (где уж тут! «Zigeunerbaron!») {130} – но и у герцога нет. А знаете почему? князь – очень древний, древнейший, дочеловеческий титул – первый из всех – князь Тьмы [575]. Отсюда, может быть, его осиянность, убедительность и прекрасность.

Вот и вся моя статья.

О «Щипцах» [576]. – Неужели Вы поверили?! – Я – редактором журнала с таким неблагозвучным названием? (Зубоврачебные, волосяные, пр.) По-французски les tenailles – еще дает: écartelé, tenaillé {131} и т.д. Инквизиция, чуть ли не Иоанна д'Арк, – но по-русски – либо зубоврачебный кабинет, либо дамская парикмахерская.

От своей резкой отповеди Ремизову, по просьбе «Последних Новостей», пришлось отказать. Опровержение же они поместили.

Ненавижу такие шутки, шуток (с собой) вообще не понимаю, в детстве кидалась предметами, ныне, увы, ограничиваюсь словесным рипостом, но всегда вредоносным и всегда мгновенным.

Шутить со мной отсутствие чутья и дурной вкус. Жаль, что их проявил именно Ремизов, весь на чутье.

В Париже – его же «информация» навряд ли останусь, мне, чтобы перейти Place de la Bastille {132}, нужно напрячь всю свою волю, ввиду нелегкости моей жизни излишняя «проба сил». Но месяца два еще выживу, – вечер в конце декабря, потом приедет муж (основатель журнала «Своими Путиями» [577] – прекрасный журнал – абсолютно-благородный) – посмотрю вместе с ним Париж – настоящих, т.е. незаменимых, спутников пока нет, – а дальше? Не знаю. Если бы ему удалось достать здесь какую-нибудь работу (не шоферскую), остались бы, – после докторской работы (о византийском искусстве), которую он на днях подает, делать ему в Праге нечего. Русским, особенно филологам, в Чехии по окончании нет ходу. Если бы прослышали про какое-нибудь место (так называемый «интеллигентный труд»), была бы вам очень благодарна за оповещение. С журнальным и газетным делом он знаком отлично.

Пишу без всякой надежды, на всякий случай, ибо отродясь знаю, что все места (в жизни сей) уже заняты. Свободно только Царство Небесное, и там я несомненно буду первой.

Мысль о творчестве и детях – прекрасна. Напишите! Только – острó заостряя, уточняя до крайности. И пошлите в «Своими Путиями», – или мне, – я перешлю. Я в Париже их представитель.

И не только заострите – углубите. О сущности женской и мужской. Об исконной разнице. О сознательной любви (отцовстве) и инстинкте (материнстве). Об источнике творчества (подсознательном).

Напишите. Может хорошо выйти.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

До свидания. Вещь, по своему усмотрению, назовите «Димитрий» или «Марина». При такой связанности судеб это – одно.

МЦ.

Р.С. Не знаете ли Вы кого-нибудь из сильных мира сего, в Париже, кто бы мне для вечера предоставил бесплатный зал? Есть таковой у Юсупова [578] и есть таковой у Малявина [579] (студия). Цейтлины [580] (т.е. Мария Самойловна) уже отказали. – «К нам она – и нам ее поэзия – не подходит». Снять зал – 600 франков. Для меня вечер – вопрос не славы, а хлеба.

Самое трудное – просить за себя. За другого бы я сумела.

Титула я не преувеличиваю, я только не хочу, чтобы его приуменьшали его носители.

Впервые – НП. С. 345–347. СС-7. С. 27–29. Печ. по СС-7.

77–25. Г.П. Струве
29-го ноября 1925 г.

Милый Глеб,

Посылаю сборник [581]. К сожалению. «Поэмы Конца» прочесть не успела, – может быть есть опечатки.

Когда едет Петр Бернгардович? [582] и не взял ли бы он ма-аленькой посылочки для Сережи? Все сторожю оказию [583].

Привет Вам, Юлии, сонной девочке и бессонному мальчику [584]. Будет время, напишите и приходите.

МЦ.

Рильке необычаен [585]. Уже нездешние слова!

Впервые – Мосты. Мюнхен. 1968. № 13/14. С. 396–397. СС-6. С. 639. Печ. по СС-6.

78–25. Д.А. Шаховскому
Париж, 2-го декабря 1925 г.

Дорогой Димитрий Алексеевич,

Не вините в неблагодарности – только что отправила в «Волю России» последние главы поэмы [586].

Теперь я – временно и очень относительно – свободна. Если хотите и не поздно, могу дать в «Благонамеренный» что-нибудь из прозы – небольшое. – Каковы сроки?

Письмо к Малявину получила. Меня трогает Ваше заочное участие. Это редко.

С вечером пока ничего не выяснено, виною отчасти я сама, – мое оттолкновение от всех житейских низостей, от унизительности всего житейского. Пережить стихи – да, написать стихи – да, прочесть стихи да, навязывать билеты на стихи – нет. И не только лично, – и заочно противно.

Пока до свидания. Рада буду, если напишете. Письмо Малявина очень послужит. – Спасибо. –

МЦветаева

Впервые – НП. С. 348–349. СС-7. С. 29. Печ. по СС-7.

79–25. А.А. Тесковой
Париж, 7-го декабря 1925 г.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Дорогая Анна Антоновна,

Узнаю из письма Сергея Яковлевича, что Вы до сих пор от нас ничего не получали. Мы написали Вам с Алей тотчас же по приезде, т.е. на второй день, с подробным описанием дороги, видов, чувств, спутников, разговоров [587]. О последней Чехии – мимолетной Германии – первой Франции. Обо всем.

Потом ждали ответа, потом устраивались, потом я, не отрываясь, дописывала к сроку две последние главы своей поэмы «Крысолов» («Воля России») [588]. Вторично написать не собралась не по отсутствию желания, но по абсолютной занятости: я в Париже месяц с неделей и еще не видела Notre-Dame! [589]

До 4-го декабря (нынче 7-ое) писала и переписывала поэму. Остальное – как во Вшенорах: варка Мурке каши, одеванье и раздеванье, гулянье, купанье – люди, большей частью не нужные – бесплодные хлопоты по устройству вечера [590] (снять зал – 600 франков и треть дохода, есть даровые, частные, но никто не дает. Так, уже три отказа.) Дни летят.

Квартал, где мы живем, ужасен, – точно из бульварного романа «Лондонские трущобы» [591]. Гнилой канал, неба не видать из-за труб, сплошная копоть и сплошной грохот (грузовые автомобили). Гулять негде – ни кустика. Есть парк, но 40 минут ходьбы, в холод нельзя. Так и гуляем – вдоль гниющего канала.

Отопление газовое (печка), т.е. 200 франков в месяц.

Как видите – мало радости.

Муру достали коляску (своей не взяли – и зря). Но он из нее уже вырос. Необходима кровать, а кроваток с сеткой, как в России и Чехии, здесь нет, – сплошь металлические. Обходили весь Париж – таких не делают. Мур о металлические брусья разобьет себе голову, не куплю ни за что. А коляска мала, мелка, он все время из нее вываливается.

Стоит только раз расстегнуться поясу (кожанный, как у кубковского мальчика [592], здесь нет, – наш матерчатый, от платья) – и он кувыркнется.

И вот, просьба, дорогая Анна Антоновна, не могли бы Вы совместно с Сережей, купить где-нибудь подержанную детскую кроватку от здорового ребенка. (Новую вести нельзя и, боюсь дорого). Или, без матраса – новую, с сеткой, крепкую и не слишком маленькую. Матрас выдаст себя новизной и придется платить пошлину. Сергей Яковлевич 15-го получает иждивение, если у него сейчас нет денег – одолжите ему. Думаю, не так дорого. Кроватку хотела бы не шаткую, не поломанную.

Сергей Яковлевич в 20-х числах едет к нам, взял бы с собой в багаж. А то – прямо не знаю, как быть.

Еще: может быть можно было бы достать у госпожи Юрчиной какое-нибудь темное платье мне, для вечера. Никуда не хожу, потому что нечего надеть, а купить не на что. Может быть у нее, как у богатой женщины, есть лишнее, которого она уже не носит. Мне бы здесь переделали. Если найдете возможным попросить – сделайте это. Меня приглашают в целый ряд мест, а показаться нельзя, потому что ни шелкового платья, ни чулок, ни лаковых туфель (здешний – «uniforme»). Так и сижу дома, обвиняемая со всех сторон в «гордости». Сергею Яковлевичу об этой просьбе не говорите, – пишу ему, что у меня всё есть. А платье, если достанете, передайте – «посылает такая-то».

Мур большой, – шесть зубов, веселый, тихий. Говорит «мама» (осмысленно) – и очень явственно: «дда!» Ко мне очень привязан.

Целую нежно Вас, Вашу чудную маму и Августу Антоновну. Как Вы могли подумать, что мы Вам ни разу не написали?!

М.Ц.

Впервые – Письма к Анне Тесковой, 1969. С. 35–36 (с купюрами). СС-6. С. 342–343 (с купюрами). Печ. полностью по: Письма к Анне Тесковой, 2008. С. 30–31.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

80–25. Д.А. Шаховскому
Дорогой Димитрий Алексеевич.

Посылаю Вам свое «О благодарности» и статью молодой начинающей поэтессы – Ариадны Черновой – о моем «Молодце» [593]. Не удивляйтесь: статьи о себе могут предлагать только писатели бесстыдные – или совсем уже отрешенные (я). Дело не в «Молодце», а в пишущей.

Я и реклама еще дальше, чем я и политическая экономия, совсем далеко, не на одной земле. Просто – хорошо написано.

Просьба: тотчас же известите о судьбе и той и другой вещи. Подготавливаются рождественские №№, и всюду просят прозы.

Пока до свидания, скоро увидите Алексея Михайловича [594], радуется поездке, как ребенок.

МЦ.

За «Благодарность» [595] хотела бы 100 франков – не много ведь? Я знаю, что у вас (собираательно) мало денег.

За другое – что положите.

Париж, 1-го декабря 1925 г.

– Рецензий, увы, нету, да я и не умею их писать, никогда не писала. – Малявин в студии отказал.

Впервые – НП. С. 349–350. СС-7. С. 29. Печ. по СС-7.

81–25. Л.Е. Чириковой
Между 24 ноября и 24 декабря 1925 г. [596]

Дорогая Людмила Евгеньевна!

Спасибо за привет и память. И за те давние дары. Мур до сих пор ходит (NB! иносказательно) в Аленушкиной [597] голубой рубашечке.

Париж мне, пока, не нравится, – вспоминаю свой первый приезд, головокружительную свободу. (16 лет – любовь к Бонапарту – много денег – мало автомобилей.) Теперь денег нет, автомобили есть, – и есть литераторы, мерзейшая раса, – и есть богатые – может быть еще более мерзейшая. У меня все растет ирония, и все холодеет сердце. Реально – здесь – для устройства вечера стихов. К Рождеству ждем Сережу, может быть удастся достать место, – иждивение его кончается.

Аля огромная, с двумя косами, веселая, очень гармоничная, – ни в Сережу, ни в меня. Мур чудный: 30 фунтов, с ярко-голубыми главами, длиннейшими ресницами, отсутствующими бровями и проблематическими волосами. Красивые руки – пальцы сходят на нет. Будет скрипачом.

А я? Жизнь все больше и больше (глубже и глубже) загоняет внутрь, Иногда мне кажется, что это не жизнь и не земля – а чьи-то рассказы о них. Слушаю, как о чужой стране, о чужом путешествии в чужие страны. Мне жить не нравится и по этому определенному оттолкновению заключаю, что есть в мире еще другое что-то. (Очевидно – бессмертие.) Вне мистики. Трезво. Да! Жаль, что Вас нет. С Вами бы я охотно ходила вечером, вдоль фонарей, этой уходящей и уводящей линией, которая тоже говорит о бессмертии.

МЦ.

Наташе нужно в Америку. Одна сестра – замуж, другая – за океан [598]. А новый материк ведь не меньше человека?

Впервые – Новый журнал, 1976. № 124. С. 150–131 (с ошибочной датировкой). СС-6.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru С. 308–309 (с ошибочной датировкой). Печ. с исправлением по кн.: Письма к Л.Е. Чириковой–Шитниковой. С. 21.

82–25. В Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции четыреста (400) франков от «Общества помощи писателям и журналистам» [599] с благодарностью получила [600].

Марина Цветаева
11 декабря 1925 г.

Печ. впервые по копии с оригинала, хранящегося в архиве ВДИС.

83–25. А.А. Тесковой
Париж, 19-го декабря 1925 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Поздравляю Вас с наступающим Рождеством. Волшебный город – Прага: там все подарочно, все елочно. Здесь (нынче 19-ое) елкой и не пахнет, в самом настоящем смысле слова. Елка считается германским обычаем, большинство ограничивается сжиганием в (дымящем!) камине – «bûche de Noël» {133}.

Подарки к Новому Году, в туфлю. – И всё.

Выставки великолепны и – потому – холодны. Жалею детей, соблазняемых всеми окнами. Не отсюда ли – раннее разочарование?

С моим вечером дело, пока, не двинулось. Живу на окраине, ни с кем не вижусь, у наших хозяев у самих забот по горло. Не Париж, а Смихов, только гораздо хуже: ни пригорка, ни деревца, сплошные трубы.

Есть мечта переехать в Версаль, но от меня ничего не зависит. Кроме того, одна из дочек моей приятельницы, у которой гошу, очень озлобленна и завистлива [601]. Покупаю Але фартук, а она, под видом шутки: «Какие все счастливые! У всех все новое, только у меня одной...» и т.д. А у нее самой полный шкаф платьев. Просто завистливые глаза. (Завидовать – мне!)

Это, конечно, мелочь, но в такой стесненной, скученной жизни каждое лыко в строку. Ненавижу гостить.

Другое горе: нет своей комнаты [602]. Человек приходит ко мне – должен сидеть со всеми. Так было недавно с одной моей знакомой, приехавшей из России [603]. А на людях – я не я, то есть тоже я, но не основная. Врожденная воспитанность заставляет направлять разговор на общие темы, – не интересные никому. И человек меня не видит. Как я – его.

Но все это частность. Самое неудобное – жизнь вообще. Не продается. То есть то, как, пока жила. Может – быть – на Востоке, но на Востоке мне не бывать.

Ах, как надоело каждое утро вставать – и еще так рано!

Муру – 10½ месяцев. Шесть зубов, волосы подросли. Немножко стоит, но не твердо, он вообще не торопится. (Аля говорит: «медленно, но верно!»). Ходит в чудном белом вязаном платье и коричневых башмачках – подарки г-жи Кратохвильевой [604]. – Вы ее не знаете? – Получила вещи с оказией, страшно трогательно.

Очень много работаю. Только что сдала в «Дни» и «Последние новости» рождественскую прозу [605]. Просмотрите рождественские номера.

24-го ждем Сергея Яковлевича. Хочу, чтобы по крайней мере ему Париж пошел в прок. Ведь есть, что поглядеть!

Не была даже в Notre-dame – не с кем (одна путаюсь) и нет времени. Вот с Вами бы

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru пошла! А с какими-то барышнями – не хочется.

Читали ли отзыв в «Днях» о «Ковчеге»? [606] И как встречен «Ковчег» чехами? Напишите. Интересно.

Вспоминаю Вас и Вашу милую семью с неизменной нежностью и любовью. Посылаю госпоже Юрчиновой поздравительную открытку по Вашему адресу.

Целую нежно. Не забывайте.

М.Ц.

Впервые – Письма к Анне Тесковой, 1969. С. 36–37 (с купюрами). СС-6. С. 343–344 (с купюрами). Печ. полностью по: Письма к Анне Тесковой, 2008. С. 32–33.

Приложение: письмо Али.

84–25. Д.А. Шаховскому
Париж, Сочельник 24-го декабря 1925 г.

Дорогой Димитрий Алексеевич,

«Венеция» в «Современные Записки» передана и, думается, принята [607]. Руднев был один и окончательно сказать не мог [608]. В «Современных Записках» никто не понимает стихов, кроме Степуна, а Степуна нет. Был еще Гуковский, но Гуковский умер. Я с ними en froid {134}: читают мне опасливые нотации о форме (что они под ней подразумевают?) и, явно робея, просят рукописей – которых я не даю.

Да! Голубчик! Ужасный случай с Ремизовым. Всё готово, чемоданы уложены, завтра ехать, в 11 часов уходят все гости, а в 12 часов сильно и сразу заболевает Серафима Павловна [609]. Припадок печени. 40 температуры. Была на краю смерти. Врач испугался и созвал консилиум. Вчера (23-го) у них была моя приятельница, госпожа Чернова [610]. Говорить с больной нельзя, полный покой, лежит в темноте, t° – 39. Телеграмма, посланная через знакомую старушку (невесту Владимира Соловьева) [611] не дошла, потому что старушка, с перепугу и сослепу, перепутала фамилию. Телеграмма, к ужасу Алексея Михайловича, вернулась. Расскажите все это устроителям банкета. – Fatalité {135}.

Да! Читали ли в «Последних Новостях» мою «Попытку ревности»? Вчера получила на нее ответ, – по пунктам – и столько же строк. Передала в «Последние Новости», – пусть напечатают [612]. Грубовато – забавно – чуть трогательно – очень по-мужски. То, чего не скажет (даже себе!) ни один «порядочный» мужчина. Мужское-собирательное – на единоличное женское.

Голубчик, как только сможете – гонорар за «Благодарность». Не обижайтесь, что напоминаю. Праздники – и много чаевых.

Нынче приезжает мой муж. Чудный день, розовый и голубой. Идем за елкой.

МЦ.

P.S. Прочтите в «Новостях» и «Днях» (рождественские №№) мою прозу [613]. Послала стихи на конкурс «Звена» из чистого задору [614].

Будет ли отзыв о «Ковчеге»? [615] Чириков не «нечист», ибо прошел. Вредно лишь действующее, например Крачковский. Что скажете о «Поэме конца»? Айхенвальд в «Руле» опять «ничего не понял» [616].

Впервые – НП. С. 351–352. СС-7. С. 30. Печ. по СС-7.

85–25. А.А. Тесковой
Париж, 30-го декабря 1925 г.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
С Новым Годом, дорогая Анна Антоновна!

Мне живется очень плохо, нас в одну комнату набито четыре человека, и я совсем не могу писать. С горечью думаю о том, что у самого посредственного фельетониста, даже не перечитывающего – что писал, есть письменный стол и два часа тишины. У меня этого нет – ни минуты: вечно на людях, среди разговоров, неустанно отрываемая от тетради. Почти с радостью вспоминаю свою службу в советской Москве [617], – на ней написаны три моих пьесы: «Приключение», «Фортуна», «Феникс» – тысячи две стихотворных строк.

Я не люблю жизни как таковой, для меня она начинает значить, т.е. обретать смысл и вес – только преображенная, т.е. – в искусстве. Если бы меня взяли за океан – в рай – и запретили писать, я бы отказалась от океана ирая. Мне вещь сама по себе не нужна.

Спасибо за привет и ласку. И чудное платье – чье? Читали ли в «Днях» мое «О Германии»? [618] и узнали ли меня в такой любви?

Здесь много людей, лиц, встреч, но все на поверхности, не затрагивая. Сергей Яковлевич очарован Парижем, – я его еще не видела. И, пока, предпочитаю Прагу, ее – несмотря на шум, а может быть – сквозь шум – тишину.

Целую нежно Вас и Ваших. Страшно не нравится жить.

М.Ц.

– Пояс чудный, – настоящий спасательный круг! Муру – 1-го 11 месяцев. Покупаю платья на 2 года – такой большой.

Впервые – Письма к Анне Тесковой, 1969. С. 37–38 (с купюрой). Печ. полностью по: Письма к Анне Тесковой, 2008. С. 34.

На обороте приписки Али и С.Я. Эфрона.

86–25. Д.А. Шаховскому
Париж, 30-го декабря 1925 г.

Многоуважаемый Димитрий Алексеевич,

Пока только два слова,

Если бы я еще обладала способностью воспринимать обиды, я бы на Ваше «гутированье» обиделась, им бы оскорбилась [619]. Но по давно утрачено, обижаюсь только на толчки на улицах, – привычка с детства.

«Гутировать», «Feinschmecker» {136} – до чего не я и не мое! Вообще, из всех пресловутых пяти чувств, знаю только одно: слух. Остальных – как не бывало и – хоть бы не было!

«Гутированье», кроме того – нечто от влаги. Я суха, как огонь и как пепел.

«Благодарность». «О любви», «Из дневника» [620] и всё, что еще появится на столбцах газет – тождественны, т.е. разнятся только страницами дневника, на которых написаны. День на день, час на час, миг на миг – не приходятся. А в итоге – всё я. «A prendre ou a laisser» {137} и «plutôt àlaisser qu'a prendre» {138}.

Беседа с Антокольским [621] – просто игра фантазии. Как таковую и даю. Я не философ. Я поэт, умеющий и думать (писать и прозу).

Единственный мой грех в том, что я даю эти отрывки врозь. Будь в России царь, или будь я в России – дневник этот был бы напечатан сразу и полностью. Встала бы живая жизнь, верней – целая единая неделимая душа. А так – дробь, отрывки...
Misère de nous! {139}

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Все, что я хочу от «славы» – возможно высокого гонорара, чтобы писать дальше. И – тишины [622].

(В просторечии: пустой комнаты с трехаршинным письменным столом, – хотя бы кухонным!)

Ваши стихи в «Современные Записки» передам. Привет.

МЦветаева

Впервые – НП. С. 350–351. СС-6. С. 3 1. Печ. по СС-7.

1926

1–26. В.Ф. Булгакову
Париж, 2-го января 1926 г.

С Новым годом, дорогой Валентин Федорович!

Сергей Яковлевич желает Вам возвращения в Россию [623], а я – того же, что себе – тишины, т.е. возможности работать. Это мой давнишний вопль, вопль вопиющего, не в пустыне, а на базаре. Все базар – Париж, как Вшеноры, и Вшеноры, как Париж, весь быт – базар. Но не всякий базар – быт: ширазский [624] – например! Быт, это непреображенная вещественность. До этой формулы, наконец, добралась, ненависть довела.

Но как же поэт, преображающий все?.. Нет, не все, – только то, что любит. А любит – не все. Так, дневная суета, например, которую ненавижу, для меня – быт. Для другого – поэзия. И ходьба куда-нибудь на край света (который обожаю!), под дождем (который обожаю!) для меня поэзия. Для другого – быт. Быта самого по себе нет. Он возникает только с нашей ненавистью. Итак, вещественность, которую ненавидишь, – быт. Быт: ненавидимая видимость.

Париж? Не знаю. Кто я, чтобы говорить о таком городе? О Париже мог бы сказать Наполеон (Господин!) или Виктор Гюго (не меньший) или – последний нищий, которому, хотя и по-другому, тоже открыто все.

Я живу не в Париже, а в таком-то квартале. Знаю метро, с которым справляюсь плохо, знаю автомобили, с которыми не справляюсь совсем (от каждого переехавшего – чувство взятого барьера, а вы знаете – чего это стоит! – всего человека в один-единственный миг), знаю магазины, в которых теряюсь. И еще, отчасти, русскую колонию. И – тот Париж, когда мне было шестнадцать лет: свободный, уединенный, весь в книжных лотках вдоль Сены. То есть: свою сияющую свободу – тогда. Я пять месяцев прожила в Париже, совсем одна, ни с кем не познакомившись. Знала я его тогда? (Исходив вдоль и поперек!) Нет – свою душу знала, как теперь. Городов мне знать не дано.

«В Париже человек чувствует себя песчинкой». Весь? Нет. Тело его? Да. Тело в океане тел. Но не душа в океане душ, – уже просто потому, что такого океана – нет. А если есть – бесшумный, надавящий.

Работать очень трудно: живем вчетвером. Почти никуда не хожу, но приходят. Квартал бедный, дымный, шумный. Если бы осталась, переехала бы за город. Не могу жить без деревьев, а здесь ни кустика. Страдаю за детей.

Уже просила Слонима похлопотать о продлении мне «отпуска» (с сохранением содержания) до осени [625]. Страстно хочу на океан. Отсюда близко. Боюсь, потом никогда не увижу. Может быть в Россию придется вернуться (именно придется – совсем не хочу!) {140} или еще что-нибудь... Хочется большой природы. Отсюда близко. На лето в Чехию – грустно звучит. Ведь опять под Прагу, на холмики. Глубже, с детьми, трудно, – быт и так тяжел.

Если можете, дорогой Валентин Федорович, похлопочите. Мне стыдно Вас просить, знаю, как Вы заняты, знаю и ужасающую скуку «чужих дел». Но Слонима я уже просила, а больше некого. У меня от нашей встречи осталось сильное и глубокое человеческое впечатление, иначе бы никогда не решилась.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Новый год походил на нестрашный Бедлам. Сергей Яковлевич Вам писал уже [626].
Русский Новый год буду встречать дома.

Сердечный привет Вам и – заочно – Вашей супруге и дочке [627].

Марина Цветаева
Пишу большую статью о критике и критиках [628].

Впервые – Встречи с прошлым. Вып. 2. М: Сов. Россия, 1976. С. 191–192 (с купюрами) (публ. М.А. Рашковской). ВРХД. 1991. № 161 С. 194–195 (полностью) (публ. Д. Лерина). СС-7. С. 9–10. Печ. по СС-7.

2–26. В.Ф. Булгакову
Париж, 9-го января 1926 г.

Дорогой Валентин Федорович [629].

Письмо чудесное и деяние чудесное. Старого монстра [630] знаю, уверял меня, что в 1905 г. печаталась (его милостями) в «Журнале для всех» (мне было 11 лет [631], и в «Журнале для всех» не печаталась никогда). Когда опровергла, спорил.

Посылаю расписку, заявление и доверенность. Получили ли мое письмо с трудной просьбой? Наши скрестились.

Всего лучшего. Сердечный привет Вам и Вашим. Пишите.

МЦ.

Впервые – ВРХД. 1991. № 161 (публ. Д. Лерина). С. 196. СС-7. С. 10–11. Печ. по СС-7.

3–26. В.Ф. Булгакову
Париж, 18-го января 1926 г.

Дорогой Валентин Федорович!

Как благодарить?!

Мы так мало с Вами знакомы, а кто из моих друзей сделал бы для меня то, что сделали Вы. Я ведь знаю трудность таких дел и просьб. Удача – всецело Ваша, личная: влияние человека на человека [632].

В Чехию осенью вернусь непременно, – хочу утянуть это лето у судьбы: в последний раз (так мне кажется) увидеть море.

В Париже мне не жить – слишком много зависти. Мой несчастный вечер, еще не бывший, с каждым днем создает мне новых врагов.

Вечер, назначенный, было, на 23 января, переносится на 6 февраля [633] – мало друзей и слишком много непроданных билетов. Если бы Вы только знали, как все это унизительно.

– Купите, Христа ради! – Пойдите, Христа ради!

Прибедняться и ласкаться я не умею, – напротив, сейчас во мне, пышнее, чем когда-либо, цветет ирония. И «благодетели» закрывают уже готовую, было, раскрыться руку (точней – бумажник!).

Познакомилась с Л. Шестовым, И. Буниним и... Тэффи. Первый – само благородство, второй – само чванство, третья – сама пошлость.

Первый меня любит, второй терпит, третья... с третьей мы не кланяемся.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Насколько чище и человечнее литературная Прага!

Кончила большую статью о критике и критиках (здешние – хамы. Почитайте Яблоновского («Возрождение») и Адамовича («Звено») о Есенине!) [634].

Живем скученно, четверо в одной комнате, почти невозможно писать. Страшно устаю и, пока, мало радуюсь.

Привет вшенорцам, особенно – если встречаетесь – Григорию Исааковичу Альтшулеру. Его письмо получила, немножко освобожусь – напишу.

Тороплюсь. Еще раз – благодарность за доброе дело и, главное, – волю. Всего лучшего от Сергея Яковлевича) и меня Вам и Вашим.

МЦ.

Впервые – Встречи с прошлым. Вып. 2. М.: Сов. Россия. С. 192–193 (публ. М.А. Рашковской). СС-7. С. 11. Печ. по СС-7.

4-26. В Комитет помощи русским писателям и ученым [635]
ВВИДУ КРАЙНЕЙ СТЕСНЕННОСТИ В СРЕДСТВАХ ПРОШУ КОМИТЕТ НЕ ОТКАЗАТЬ МНЕ В ПОСОБИИ [636].

МАРИНА ЦВЕТАЕВА
Париж, 19-го января 1926 г.

Адрес:

8, Rue Rouvet

(19-me)

Marina Tsvetaeva-Efron

Печ. впервые по копии с оригинала, хранящегося в архиве ВДИС.

5-26. Е.М. Куприной
Париж, 21-го января 1926 г.

Многоуважаемая Елизавета Маврикиевна [637],

Сердечное спасибо за добрую волю к земным делам человека, которого Вы совсем не знаете, а именно – за неблагодарное дело продажи билетов на вечер стихов [638].

Я знаю, что ни до стихов, ни до поэтов никому нет дела, – даже не роскошь – скучное развлечение.

– Тем ценнее участие и сочувствие. –

Прилагаю приглашение на вечер Вам и супругу.

С сердечной благодарностью

Марина Цветаева

Впервые – в кн: Куприна К.А. Куприн – мой отец. М.: Россия, 1971. С. 161. СС-7. С. 46. Печ. по СС-7.

6-26. Д.А. Шаховскому
Париж: 23-го января 1926 г.

Милый Димитрий Алексеевич,

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Пока только два слова: и «Благонамеренный» [639] и гонорар получила – сердечное спасибо.

6-го мой вечер, все время пожрано рассылкой билетов, «благодарностями» и просьбами. После 6-го напишу – и о «Благонамеренном» и о Вас, лично.

Сердечный привет.

Марина Цветаева

Впервые – НП. С. 353. СС-7. С. 31. Печ. по СС-7.

7-26. П.П. Сувчинскому
Париж; 25-го января 1926 г.

Милый Петр Петрович,

Позвольте порадовать Вас еще десятком двадцатипятифранковых (хорошо словцо?) билетов, отравой – если не отрадой – на ровно десять дней и ссорой со столькими же буржуями [640].

С искренним соболезнованием

Марина Цветаева
Приписка рукой С.Я. Эфрона:

Жду Вас, как было условлено, в пятницу.

Привет, С. Эфрон

Впервые – Revue des Études slaves. С. 186. СС-6. С. 314. Печ. по СС-6.

8-26. Л.И. Шестову
Париж, 25-го января 1926 г.

Дорогой Лев Исаакович,

Не вините ни в забывчивости, ни в небрежности, – вчера неожиданно приехал из Праги один из редакторов «Воли России», завтра уезжающий в Америку [641]. Необходимо было с ним повидаться.

Если не раздумали видеть, с удовольствием придем в другой раз. Почему не были 23-го (в субботу) у Ремизова? Мы все Вас ждали и до половины 12-го часа берегли для Вас бутылку шампанского.

Прилагаю приглашение на вечер.

С сердечным приветом от нас обоих.

Марина Цветаева

Впервые – ВРХД. 1929. № 129. С. 124. СС-7. С. 46. Печ. по СС-7.

9-26. П.И. Шумову
Конец января – начало февраля 1926 г. [642]

Дорогой Петр Иванович.

Карточки восхитительны [643]. Сделайте мне, пожалуйста, для начала по две. До свидания на вечере 6-го. Приглашение прилагаю [644].

С сердечным приветом

Марина Цветаева

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Впервые – Русский парижанин. Фотографии Петра Шумова. М: Русский путь, 1998. С.
6–7. Печ. по тексту первой публикации.

10–26. л.и. Шестову
Париж, 8–го февраля 1926 г., понедельник

Дорогой Лев Исаакович,

Когда – в котором часу завтра – быть у Вас? Забыла тогда спросить. Вы дружите с
Буниним? [645] Мне почему-то грустно. Может быть, от тайного и сильного
сознания, что с ним, Буниним, ни Вам, который его знает десять лет (?), ни мне,
которая его видела раз, никому – никогда – до последней правды не подружить.
Человек в сквозной броне, для виду, – может быть худшая броня [646].

До свидания до завтра. Жду ответа. Спасибо, что пришли на вечер. Вам я больше
радовалась, чем доброй половине зала [647].

Преданная Вам

Марина Цветаева

Впервые – ВРХД, 1979. № 129. С. 124–125. СС–7. С. 47. Печ. по СС–7.

11–26. д.а. Шаховскому
Париж, 14–го февраля 1926 г.

Дорогой Димитрий Алексеевич.

Ура! – Ваша взяла! Отдаю Вам статью без всяких оглядок [648]. Тогда, в последний
вечер, Вы меня растрогали – Африкой, Гиппиус («красивая?» – «Не знаю, я к ней не
подходил...»), стариком, в которого швыряли камни, – настойчивостью, грустью – не
знаю: в_с_е_м с_о_б_о_й.

Поэтому – не жду 20–го (приезд Святополка–Мирского) и отдаю статью. Только
берегитесь: большая!

У меня работы еще на неделю, самое большее – на 10 дней. Получите не позже
25–го. Мое слово верное. Будьте совершенно спокойны.

– Очень жаль, что уехали. Мы с Вами хорошо встретились [649]. Посылаю Вам стих
для «Благонамеренного». Посвящение – если не нравится, или по иным каким
причинам – можете снять, сноску оставьте непременно, без нее не помещайте [650].
Иначе – рассоримся.

Посвящаю этот стих (который очень люблю) Вам, потому что Вы на него похожи.

До свидания. Пишите.

МЦ.

Приписка карандашом:

АВТОРСКАЯ КОРРЕКТУРА ПРОЗЫ НЕОБХОДИМА.

К письму приложен текст стихотворения «Старинное благоговенье»

СТАРИННОЕ БЛАГОГОВЕНЬЕ
Двух нежных рук оттолкновение –
В ответ на ангельские плутни.
У нежных ног отдохновение,
Перебирая струны лютни.
Где звонкий говорок бассейна,
В цветочной чаше откровенье,
Где перед робостью весенней
Старинное благоговенье?

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Окно, светящееся долго,
И гаснущий фонарь дорожный..
Вздых торжествующего долга
Где непреложное: «не можно»..
В последний раз – из мглы осенней –
Любезной ручки мановенье..
Где перед крепостью кисейной
Старинное благоговенье?
Он пишет кратко – и не часто..
Она, Психей бестелесней,
Читает стих Экклезиаста
И не читает Песни Песней.
А песнь все та же, без сомненья,
Но, – в Боге все мое имяне –
Где перед Библией семейной
Старинное благоговенье?
Между 19 марта и 2 апреля 1920

Впервые – НП. С. 353–354. СС-7. С. 31–32. Печ. по СС-7.

12–26. п.п. Сувчинскому
Февраль 1926 [651]

ШАТЕР (просто – костер – царственность – сирость).

В ШАТРЕ – и ОРДА [652], только за шатром. И мужское. Лучше Орды! Шатер –
укрывающее, но не удушающее. Дом (или дворец) со сквозняком.

А что у Гумилева – Шатер [653] – тем лучше! Гумилев – большой поэт, и такое
воссоединение приятно. Кроме того, ШАТЕР – как простор – как костер – ДЛЯ ВСЕХ.

– вот вам Петр [654]. – мц.

ПЕТРУ

Вся жизнь твоя – в едином крике:
– На дедов – за сынов!
Нет, Государь Распровеликий,
Распорядитель снов,
Не на своих сынов работал, –
Бесам на торжество! –
Царь-Плотник, не стирая пота
С обличья своего.
Не ты б – всё по сугробам санки
Тащил бы мужичок.
Не гнил бы там на полустанке
Последний твой внучок.
Не ладил бы, лба не подъявля,
Ребятчих кораблём –
Вся Русь твоя святая в землю
Не шла бы без гробов.
Ты под котел кипящий этот –
Сам подложил углей!
Родоначальник – ты – Советов,
Ревнитель Ассамблей!
Родоначальник – ты – развалин,
Тобой – скиты горят!
Твоею же рукой провален
Твой баснословный град..
Соль высолил, измылил мыльце –
Ты, Государь-кустарь!
Державного однофамильца
Кровь на тебе, бунтарь!
Но нет! Конеч твоим затеям!
У брата есть – сестра..
– На Интернационал – за терем!

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
За Софью – на Петра!
Август 1920

Впервые – Revue des Études slaves. С. 187. СС-6. С. 314–315. Печ. по СС-6.
Стихотворение «Петру» – по СС-1. С. 564–565.

13–26. Д.А. Шаховскому
Париж, 25-го февраля 1926 г.

Дорогой Димитрий Алексеевич,

Со статьей беда: очень большая. 30 страниц моего текста и около 15-ти –
Адамовича, не выкину ни строки, предупреждаю, но Адамовича можно петитом [655].
(Тогда около 40 страниц.)

Три пункта:

Первый: 1) идет или нет «Старинное благоговенье» (только со сноской!)

Второй: 2) беретесь ли печатать всю статью зараз (иначе не даю!)

Третий: 3) если все-таки (последний срок!) настаиваете [656], пришлите
экспрессом расписку, что обещаете авторскую корректуру [657].

Сердечный привет. Пришлась ли парча?

МЦ.

P.S. Статья готова.

Впервые – НП. С. 354–356. СС-7. С. 32. Печ. по СС-7.

14–26. В комитет помощи русским писателям и ученым [658]
Февраль–март 1926 г. [659]

Прошу не отказать мне в пособии, – необходимого для меня и для моих двоих детей.

Марина Цветаева
Paris, 19-me

8, Rue Rouvet

chez madame Tchernoff [660]

Печ. впервые по копии с оригинала, хранящегося в архиве ВДИС.

15–26. Д.А. Шаховскому
Париж, 3-го марта 1926 г., среда

Милый Димитрий Алексеевич,

Вот – рукопись. Теперь – внимание:

В этой вещи не должно быть ни одной опечатки. Отвечаю за каждое слово. У меня
слишком свой язык (соседство слов), чтобы я кому бы то ни было, кроме себя,
могла доверить слезку. Поэтому – личная корректура необходима. Кроме того, я
отвечаю не только за себя, но за Адамовича. Достаточно с него своих грехов.

10-го я на 2 недели уезжаю в Лондон [661], и корректура должна быть пересылаема
туда. О поездке никому не говорила и никому не говорите. Адрес сообщу еще до
отъезда. Летучей почтой – так летучей почтой. Возвращать буду исправно.

БОЛЬШАЯ ПРОСЬБА: у меня на 20 странице, во второй половине: «не забыть Репина –
Страница 139

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
волочащуюся по снегу полу шинели»... Узнайте, точно ли это репинская картина.
(«Дуэль Пушкина» – Дантес с опущенной головой и пистолетом, и приподнимаемый со
снегу Пушкин. – Известнейшая картина, висевшая везде и всюду. Справьтесь. Мне
некогда и не у кого. – Опрашивала всех) [662].

Если успеете (?), пришлите часть корректуры еще сюда, не успеете – по адресу,
который сообщу. Знайте, что без корректуры вещь не даю и буду от нее повсеместно
(в печати!) отрезаться. Прошу внимания 1) к сноскам 2) подчеркнутым словам
(косой шрифт, курсив, не разрядка) 3) к кавычкам 4) к красной строке.

Я так над этой статьей работала, что испортить в печати – грех. До свидания. Жду
ответа. О моей поездке – НИКОМУ. (Ехать морем, боюсь сглазу.)

МЦ.

«Цветник» – Адамовича – можно петитом, в виду экономии места, но возражения –
тем же шрифтом, что текст. Чтобы оттенить. Обиды никакой, потому что – цитаты.

Да! Щадя Вас, по личной склонности, вместо: «ПОЗОРНАЯ СТАТЬЯ АКАДЕМИКА БУНИНА»
проставила: «ПРИСКОРБНАЯ»... [663]

– Напишите впечатление от статьи.

Посылаем новый № «Своими Путиами». Резников уже написал отзыв, который будет Вам
переслан завтра [664]. Полюбуйтесь на идиотизм Воеводина («О Художественном
Театре») [665]. Статью просунул тайком от Сергея Яковлевича, пользуясь его
отсутствием. То же самое как если бы, пользуясь отсутствием – Вашим, за писание
принялся бы... «руководитель» [666]. (NB! Последнему не показывайте!)

«Тыл» Сергея Яковлевича Вы уже конечно получили [667]. «Шинель» так разрослась –
что до другого раза [668].

Все эпиграфы – петитом. Везде, где курсив – подчеркнуто. (Ничего не
подчеркнутого не выделять.) Эпиграф после Монтеня – мой – курсивом!
(подчеркнуто) [669].

Впервые – НП. С. 356–358. СС-7. С. 32–33. Печ. по СС-7.

16–26. Д.А. Шаховскому
Париж, 8-го марта 1926 г.

Дорогой Димитрий Алексеевич,

Вы большой умник и большое Вам спасибо. Невязка – явная. Необходима следующая
вставка:

«Не доверяю также критикам – бывшим поэтам, НЕ ИМЕВШИМ МУЖЕСТВА ОТСТАТЬ» [670].

Это и объясняет, и затемняет, словом, то, что нужно. Не совсем критики, не
совсем поэты, – отставшие–не приставшие, и т.д. Об этом я и думала. А о книге
мне Святополк–Мирский говорил. Это – трогательно. Доказательство, что тяготение
к столу – врожденное.

Вы внимательный читатель, во внимании перещеголяли писавшего. (А я ли уж не
внимательна!) – Спасибо.

Насчет Талмуда – не знаю. У меня нет стариков, которым я могла бы верить. Нет
универсального старика! (Есть – Вячеслав Иванов – но он далёко.) Если Талмуд –
быт, законничество, сутяжничество, прикладное еврейства (полагаюсь на Вас!),
смело перечеркивайте и ставьте ПРОРОКАМИ. Я Талмуда не читала (поступила как
Адамович).

Третье: непогрешимость русского царя и римского папы. Это скорей для красного
словца. Для меня каждая сила непогрешима. (Непогрешимость природы!) А цари и
папы не всегда бывали сильны. Поэтому – перечеркивайте всю фразу, ни к чему.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Видите, во всем сошлись, и это не уступка. Я просто доступна воспитанию. Все Ваши отметки – правильны. Спорить нечего. Мне дорога вообще правда: чистота вывода.

«Конец Казановы» (III часть «Феникса») – гнуснейшая книжонка, с картинкой, да еще без моей корректуры. Если Вы меня любите, сожгите ее немедленно [671]. Посвящение? Не понимаю.

«Дочери моей Ариадне – венецианским ее глазам». Это? – Чего же тут вырывать? Ответьте. Не люблю загадок. Впрочем (книга издана обманом, и я за нее не получила ни копейки) те мои «издатели» отлично могли сочинить посвящение. – Какое?

Еду послезавтра утром, на две недели:

Адрес:

Prince D. Swiatopolk-Mirsky

(для МЦ.)

15, Torrington Sq.

London W.C. 1. [672]

Потому что я еще не знаю своей квартиры. Корректуры это не задержит, с Мирским будем соседями.

До свидания. Из Лондона напишу.

МЦ.

Мирский мне говорил – не в порядке жалобы, а удивления, что до сих пор не получил гонорара за статью в I Благонамеренном. Я сказала, что это, очевидно, оплошность. – Так ведь?

Впервые – НП. С. 358–360. СС-7. С. 33–34. Печ. по СС-7.

17–26. В.Ф. Булгакову
Дорогой Валентин Федорович,

Сердечный привет и благодарность за все. Завтра на 10 дней еду в Лондон [673], где у меня впервые за 8 лет (4 советских, 4 эмигрантских) будет ВРЕМЯ. (Еду одна.)

Оттуда напишу.

Нет отношения, которое бы больше трогало и убеждало меня, чем забота издали.

Расскажу Вам много забавных гнусностей о здешнем литературном котле. Чтó – Прага!

Если выдаете Чириковых, скажите, что люблю, помню и напишу. С Людмилой и Валентиной в переписке [674].

МЦ.

Париж. 9-го марта 1926 г. (по числу – весна!)

Впервые – ВРХД. 1991. № 161. С. 196 (публ. д. Лерина). СС-7. С. 12. Печ. по СС-7.

18–26. П.П. Сувчинскому
Лондон, 11-го марта 1926 г. [675]

Дорогой Петр Петрович,

Как мне в жизни не хватает старшего и как мне сейчас, в Лондоне, не хватает Вас! Мне очень трудно. Мой собеседник [676] молчит, поэтому говорю – я. И совсем не знаю, доходит ли и как доходит. Я ведь совсем не вожу людей, особенно вблизи, мне в отношении нужна твердая рука, меня ведущая, чтобы лейтмотив принадлежал не мне. И никто не хочет (может быть не может!) этого взять на себя, предоставляют вести мне, мне, которая отродясь – ВЕДОМЫЙ!

Мы с Вами как-то не так встретились, не довстретились на этот раз, и вместе с тем Вы мне близки и дороги, ближе, дороже. У Вас есть слух на меня, на мое. Мне кажется, Вы бы сумели обращаться со мною (ох, как трудно! и как я сама себе – с людьми – трудна!) Мне нужен покой другого и собственный покой за него. Что мне делать с человеческим молчанием? Оно меня гнетет, сбивает, сшибает, я его наполняю содержанием, может быть вовсе и не соответствующим. Молчит – значит плохо. Что сделать, чтобы было хорошо? Я становлюсь неестественной, напряженно-веселой, совсем пустой, целиком заостренной в одну заботу: не дать воздуху в комнате молчать.

Вчера, в один вечер, я издержала столько, что чувствую себя – и ночь не помогла! – совсем нищей. Молчание другого – неизбежность моей растраты, впустую, зря. Человек не говорит. Не говорит и смотрит. И вот я под гипнозом молчания, глядения, – враждебных сил!

– «Я очень трудна. Вынесете ли Вы меня две недели?» Большая пауза. – «А Вы меня?»

Мне хотелось бы простоты, покоя, уверенности. А другой не помогает, недвижностью своей вызывая меня на сложность, смуту, сомнение, нечто явно-не мое, от чего унижена и страдаю. Знаете, – когда неверный воздух между людьми? ненадежный, быстро рвущийся.

Ах, кажется знаю! Не выношу, когда человек наполнен мною. Не выношу ответственности. Хочу – моим, своим, а не мною. Ведь я себя (лично) не люблю, люблю с_в_о_е. Совпадение в с_в_о_е_м – вот. А ведь иначе – одиночество, не-встреча, разминовение. Двое сходятся в третьем – да. Но двоим никогда не встретиться в одном из двух или друг в друге. X любит Y, а Y любит X = одиночество. X любит Y, а Y тоже Y = одиночество. X любит Z и Y любит Z – встреча. Z = с_в_о_е (для X и для Y) совпадение в том, что выше и X и Y

Напишите, права ли я и права ли моя тоска?

Переправа была ужасная [677]. Никогда не поеду в Америку. Лондон нравится [678]. У меня классическая мансарда поэта. Так устала (меньше от моря, чем от молчания) что спала одетая и всю ночь ворочала какие-то глыбы.

Хочу в зверинец, смотреть британского льва, окунуться в чистоту и покой зверя.

Завтра вечер, билеты идут хорошо [679]. Сегодня же перепишу и отошлю «Поэму Горы» [680]. А Святополк-Мирскому Ремизов нравится, он очень огорчен разминовением с Вами. (Я не читала.) [681]

Милый друг, переборите лень и напишите мне хорошее большое письмо. Издалека видней.

Это письмо – только Вам, домой не пишу, потому что не хочу лишних тяжестей.

МЦ.
Адрес: London WCI

9, Torrington Square [682]

– мне –

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
О высылке статьи и денег Мирскому говорила.

Если бы Вы знали, как мне тяжело!

Впервые – *Revue des Études slaves*. С. 188–189. СС-6. С. 315–316. Печ. по СС-6.
19–26. А.С. Эфрон
Лондон, 15-го марта, 1926 г. [683]

Дорогая Аля, три льва и три львицы. Отдельный дом для гадов: от глист до удава. Слоны, усаженные маленькими детьми, и верблюды – взрослыми оболтусами. Когда слону даешь кусочек хлеба, он выхватывает весь мешок и ест с бумагой. Отдельный обезьяний дом и отдельный павианий ров. Последнее – дочеловеческий табор. Бегают, ссорятся, чешутся, делают (все скалы в ручейках!) – омерзительно! Павианы громадные, с тебя, в чудной серой седой шерсти, но о подхвостных местах лучше не говорить: красно-голубое ободранное мясо. Штук 50 в одном загоне. Царство Тарзана. А львы грустные. Оживляются только перед пищей, которой еще не видят, но которой жаждут. Один – самый старый – даже бегал, припрыжку, – недостойно! Бегал и ревел. А сегодня (была уже два раза!) лапами отгонял львицу, которая ласкалась. Морщил нос и давал по морде. Потом повернул ей спину и заснул. (Не МЕШАЙ!) Как только приедем, пойдём с тобой в Зоологический сад, а то у меня угрызения совести. С Ольгой Елисеевной [684] до поры до времени не грызись. Бог с кофейником! А если попрекает жертвами – ты ведь меня знаешь! – только смеюсь. Я ничего для благодарности не делаю и не допускаю, чтобы другие делали. А кофейник заведу другой – сгоревший мне не нужен. А что не дала – ПРАВА! Я сама бы не дала. Теперь – раз сгорел – давай.

Целую тебя и Мура. Завтра иду смотреть подарки.

МЦ.
Львов в Зоологическом не было. Завтра поищу в городе.

Впервые – НИСП. С. 322. Печ. по тексту первой публикации. Надпись на обороте фотографической открытки с изображением собаки породы колли и надписью: «Faithful and True» («Преданный и верный» – англ.).

20–26. П.П. Сувчинскому
Лондон, 15-го марта 1926 г.

Дорогой Петр Петрович, Вы просто не поняли моего почерка. Какая же у Вас лень, когда Вы начинены динамитом? Вы, за быстротой, просто неучтены. *Où êtes-Vous allé la pêcher?* {141} (Лень.)

А о себе и своем – раздвоении – Вы правы. Но у меня пуще чем разминовение – равнодушие. Мне нет дела до себя. Меня – если уж по чести – просто нет. Вся я – в своем, свое пожрало. Поэтому ташу человека в свое, никогда в себя, – от себя оттаскиваю: дом, где меня никогда не бывает. С собой я тороплюсь – как с умываньем, одеваньем, обедом, может быть вся я – только это: несколько жестов, либо навязанных (быт), либо случайных (прихоть часа). Когда я говорю, я решаю, я действую – всегда плохо. Я – это когда мне скучно (страшно редко). Я – это то, что я с наслаждением брошу, сброшу, когда умру. Я – это когда меня бросает МОЕ. Я – это то, что меня всегда бросает. «Я» – всё, что не я во мне, всё, чем меня заставляют быть. И диалог МОЕГО со мной всегда открывается словами:

«Вот видишь. Какая ты дура!» (Мое – мне.)

И – догадалась: «Я» ЭТО ПРОСТО ТЕЛО.. *et tout ce qui s'en suit* {142}: голод, холод, усталость, скука, пустота, зевки, насморк, хозяйство, случайные поцелуи, прочее.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Всё НЕПРЕОБРАЖЕННОЕ.

Не хочу, чтобы это любили. Я его сама еле терплю. В любом ко мне я одинока, не понимаю, томлюсь.

«Я» – не пишу стихов.

Мандельштам «ШУМ ВРЕМЕНИ» [685]. Книга баснословной подлости. Пишу – вот уже второй день – яростную отповедь [686]. Мирский огорчен – его любезная проза [687]. А для меня ни прозы, ни стихов – ЖИЗНЬ, здесь отсутствующая. Правильность фактов – и подтасовка чувств. Хотелось бы поспеть к этому № журнала [688] – хоть петитом – не терпится.

Я по Вас соскучилась, я когда-нибудь еще буду очень Вас любить.

Если заняты, не отвечайте, это не переписка, я просто подаю голос. Вечер прошел удачно. Лекцию Дмитрий Петрович начал с посрамления Чехова [689], который ему более далек, чем нечитанный китайский поэт (хорошо ведь?) Стихи доходили [690]. Хочу на часть денег издать Лебединый Стан [691], он многим нужен, убедилась.

Была у Голицыных [692] – чудный и странный дом. Но хозяйка не любит собак.

До свидания, извлекайте Сергея Яковлевича, Вы единственный, с кем ему хорошо.

– Как я рада, что я Вас встретила!

МЦ.

Ремизовым не восхищена [693] – не люблю единоличного Ремизова, люблю Ремизова по поводу, с чужим костяком. Но поместить надо.

Приписка па полях:

Мирский написал небольшую статью (страниц 7 печатных) о Современных Записках и Воле России [694]. Остро и мужественно.

Впервые – Revue des Études slaves. С. 191–192. СС-6. С. 316 318. Печ. по СС-6.

21–26. Д.А. Шаховскому
Дорогой Димитрий Алексеевич,

Сначала деловое.

1) Если до отсылки сами будете сличать мой текст с корректурным и уверитесь, что пропусков нет, можете рукописи не отсылать. Она мне нужна только в смысле пропусков.

2) В следующий же раз пришлите мне корректурные знаки, точные, с толкованием. А то, боюсь, мои поправки не будут поняты. Вами – да, рабочими – нет. Во всяком случае, эту корректуру просмотрите. Мирский знает только английскую систему, так как русские ему, естественно, корректуры не присылают.

Детектива не нанимайте: погубите его для Англии. Следя за мной, разжиреет от моей неподвижности, а детективу – как жокею – как актеру – жир – смерть.

Сию и рву в клоки подлую книгу Мандельштама «Шум Времени» [695]. Вот все мои тайны в Англии (лондонские трущобы).

До свидания. Когда будете в Париже? Возвращаюсь 25-го, до 24-го – шлите сюда.

МЦ.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
18-го марта 1926 г. 1917 г. [696]

Впервые – НП. С. 360–361. СС-7. С. 34–35. Печ. по СС-7.

22–26. Д.А. Шаховскому
Лондон, 20-го марта 1926 г.

Дорогой Димитрий Алексеевич,

1) Я вас еще не поблагодарила за Чэстертона [697]. Очень мне близкая и замечательная книга.

2) Что с Сережиной рукописью? (Тыл.) Она была отослана до моего отъезда, с адресом отправителя, и если затерялась, то только у вас. Кроме того, ей предшествовала телеграмма, где Сергей Яковлевич оповещал Вас, что высылает. Времени прошло больше двух недель. Вы видите, что вещи нет, и упоминаете об этом, между прочим, в письме – мне, не запрашивая Сергея Яковлевича). В чем дело? Ответьте.

3) В отсылаемой корректуре маленький пропуск. Стр. 106, строка 3 сверху,
– именно современников. И из современников – именно соотечественников.

Подчеркнутое красным пропущено, необходимо вставить. Последите [698].

4) Пойдет ли «Старинное благоговенье»?

5) – просьба о сообщении корректурных знаков.

Жду ответа на все эти вопросы. Пока, всего лучшего.

МЦ.

Впервые – НП. С. 361–362. СС-7. С. 35. Печ. по СС-7.

23–26. Н.Л. Лапиной
Лондон, 20-го марта 1926 г.

Дорогая Нина! Ваше письмо дошло, спасибо за доверие, при встрече все скажу, что знаю [699]. Завалена работой (переписка большой статьи) [700]. Днем работаю, вечером люди. Лондоном обворожена [701], от полицейского на площади до чайки на Темзе. 25-го – 26 – вернусь. Простите, что не письмо [702], не могу, еле справляюсь. Зайдите к Мурзику, поцелуйте в головку [703]. Сердечный привет папе и маме.

Вас – целую.

Любящая Вас

МЦ.

Текст письма и коммент. к нему были впервые обнародованы Е.И. Лубянской на Вторых Цветаевских чтениях в Москве («Библиотека на Таганке», 8 октября 1984 г.). Публ. впервые по ксерокопии с оригинала, хранящейся в архиве составителя.

24–26. Д.А. Шаховскому
Лондон, 24-го марта 1926 г.

Дорогой Димитрий Алексеевич,

С корректурой беда, поправляйте пока не поздно. Пропущен (не послан) целый большой кусок рукописи, а именно: с половины 12 страницы рукописи по 24а. т.е.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru последнее, что я получила до нынешнего – ½ 12 страницы моей рукописи (разрезана у Вас) и соответствующая корректура. Последнее слово в тексте:

для СИМВО – тут отрезано.

Посылаю Вам самую страницу для наглядности. Пропущено, т.е. не послано Вам и не правлено мною, целых 12 ½ страниц (от второй половины 12 страницы по нынешнюю полученную 24а).

Послезавтра буду дома, высылайте домой. Ради Бога, не подведите!

Пропать здесь не могла, здесь образцовая почта. И в доме завалиться негде.

Рукопись отошлю всю целиком, по окончании вещи. На корректуре «Цветника» настаиваю СТРАСТНО. Дело чести.

А с «Тылом» – слава Богу [704]. Это Вы меня спутали, упомянув о «Шинели». Сергей Яковлевич верно уже знает.

Читатель ограничен писателем? О да. Пример безграничного читателя – тонкая, умная, даровитая женщина, любящая Вербицкую [705], т.е. не могущая (силой даровитости своей!) оставаться в пределах пошлости, ставимых автором, разбивающая круг.

Читатель должен быть ограничиваем писателем! Иначе все авторы Шекспиры!

Просмотрите еще раз мою корректуру. Есть пропущенное слово. Последите, чтобы вставили. Вообще, приложите руку.

Итак 1) жду пропущенных 12 ½ страниц

2) ЦВЕТНИКА

Мирскому просьбу заехать в Бельгию передала. Он Вам вчера писал. Всего лучшего. МЦ.

Впервые – НП. С. 362–363. СС–7. С 35–36. Печ. по СС–7.

25–26. А.А. Тесковой
Лондон, 24-го марта 1926 г.

Дорогая Анна Антоновна! Привет Вам и Вашим из Лондона, где вот уже две недели [706]. Это первые мои две свободные недели за 8 лет (4 советских, 4 эмигрантских) – упиваюсь. Завтра еду обратно. Рада, но жаль. Лондон чудный. Чудная река, чудные деревья, чудные дети, чудные собаки, чудные кошки, чудные каминны и чудный Британский Музей. Не чудный только холод, наносимый океаном. И ужасный переезд. (Лежала, не поднимая головы.) Написала здесь большую статью [707]. Писала неделю, дома бы писала 1 ½ месяца. Сердечный привет Вам и Вашим. Люблю и помню..

М.Ц.

Впервые – Письма к Анне Тесковой, 1969. С. 38. СС–6. С. 343. Печ. по: Письма к Анне Тесковой, 2008. С. 35.

Письмо написано на открытке с изображением старинной миниатюры.

26–26. П.И. Шумову
Лондон, 24-го марта 1926 г.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Дорогой Александр Иванович! [708]

Весь Лондон полон Вашей славой. Трубю ее повсеместно, – не словом, а делом, то есть показывая Ваши (свои) карточки, которые здесь со мной. Лондонцы (особенно дамы!) наперебой берут Ваш адрес. – «Когда поеду через пролив...» [709]

Лучшее, что есть в Лондоне: Темза, деревья, собаки, достоинство. И еще смена караула. И еще Британский Музей. Худшее – холод, наносимый морем. По приезде загляну и расскажу.

Сердечно преданная Вам

Марина Цветаева

Впервые – Русский парижанин. Фотографии Петра Шумова. М.: Русский путь, 1998. С. 7. Печ. по тексту первой публикации.

27–26. Б.Л. Пастернаку
Около 27 марта 1926 г.

Борис. А пока вы с Ахматовой говорили обо мне в Москве, я в Лондоне говорила с эстрады тебя и Ахматову. Последовательность: Ахматова, Гумилев, Блок – Мандельштам, Есенин, Пастернак, я. Маяковского за недочетом глотки не говорила, сказала стихи к нему. Слушали меня – но этих имен писать не должно [710]. Достаточно будет сказать тебе, что моим лучшим слушателям запрещено было прийти. Борюшка, сообрази. Из того, что прочла стих к Маяковскому, выведи, кто были слушатели.

Больше всего – странно – дошел Есенин. (Ореол ли скандала – Айседоры [711] – смерти?) Слушали изумленно и – благоговейно. В воздухе: что же нам говорили??? Вроде откровения. Невинно. Трогательно.

В Лондоне увидела приблизительно всех уцелевших, близких родственников. Необычайный зал. В воздухе была доброта, оттяжка вариант: отпуск струны, доверие. Я знала оборвано

Лондон. Посылаю тебе – бандеролью – старинный Лондон до пожара [712]. Этот не тот. Не твой. Первое мое впечатление – никто не понимает! – изумление, что дома из кирпичей, улицы из домов. Лондон из улиц. Город распадался на моих глазах. Я ничего не узнавала. Мой Лондон был загиб улицы и фонарь. И весь кругом – сизый как слива. (Может быть созвучие с голубь?) Кстати, голуби есть, – много, у Вестминстерского аббатства.

То же самое, как стих, который знаешь с голосу (поворот голоса тут правее, тут левее), вдруг увидеть напечатанным. Буквы – строчки – строфы – Где же стих? (Оно.)

Потом опять восстановился. У меня благородная (неблагодарная) память. Я, пожалуй, и смотрю-то, чтобы забыть (выделить).

Голуби. – Лебяжий. – Тот нрзб. конечно. А твоя канареечная клетка в Лебяьем [713], конечно, лондонская моя (9, Tower Square!) Теперь я уехала оборвано

Кстати, нас с тобой на громком диспуте вместе ругали. Белиберда, вроде Пастернака и Цветаевой. Мы за границей до смешного ходим в паре. У всех на устах.

Борис, только твою современность мне я признаю.

Я бы с тобой совсем не умела жить. Я бы тебя жалела на жизнь – даже с собой! А может быть – именно с собой, потому что я дома не живу. Что бы мы делали?! Я бы не хотела обедать с тобой. (Ужинать да.) Я бы не хотела, сидя с тобой, есть

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru сладкое. Я бы не хотела, ничего не хотела от тебя, что не последний – ты. Я бы не хотела, чтобы ты входил в комнату, потому что ты в ней живешь. Потому что я в ней живу. Но одного бы я от тебя хотела – до такой оборвано

Страсть, что и сейчас, даже по старому следу мысли (мечты) у меня оборвано

В Россию никогда не вернусь. Просто потому что такой страны нет. Мне некуда возвращаться. Не могу возвращаться в букву, смысла которой не понимаю [714] (объясняют и забываю).

Впервые – Души начинают видеть. С. 158–159. Печ. по тексту первой публикации.

28–26. Д.А. Шаховскому
Дорогой Дмитрий Алексеевич,

я, конечно, на Вас не сержусь, но давайте поправлять, пока не поздно.

Немедленно высылайте мне всю напечатанную статью. Просмотрю и отмечу главнейшие опечатки, те, что искажают смысл (есть явные, невинные), а Вы в конце книги их поместите.

Ведь опечатки могут быть (могут и не быть, – тем лучше!) и в том, что я правила, поэтому прошу Вас выслать всю статью, «Цветник» включая. Словом, от А до Z.

ВСЮ СТАТЬЮ, ОТ А ДО Z, ЦВЕТНИК ВКЛЮЧАЯ.

Помеченные опечатки книги не портят, это знак внимания к читателю. Кроме того, ведь все равно не успокоюсь и, так или иначе, обелюсь.

Руководителя [715], если заупрямится, к чертям, – сам виноват.

Итак, жду. Не нужно ссориться!

Сердечный привет от Сергея Яковлевича и меня.

МЦ.

Париж, 27-го марта 1926 г.

Впервые – НП. С. 363 364. СС–7. С. 36. Печ. по СС–7.

29–26. П.П. Сувчинскому
Париж, 29-го марта 1926 г.

Дорогой Петр Петрович,

Если бы Вы сказали: «Не беру, потому что плохо», Вы бы (плохо или нет) были правы. Если бы Вы сказали: «не беру, потому что, взяв, лишусь российского рынка», Вы бы были правы. Но вы осудили вещь [716] по существу и этим оказались глубоко-неправы. Задета не кожа, а самое мясо вещи: душа.

Единоличная ответственность автора за вещь – вот девиз журнала, ближайшим участником [717] которого я бы смогла быть. Не в I, а во II, да еще подумайте, да еще подумаем, допустимы ли вообще обличения и т.д. (А Петр – сплошное обличение – допустим? Потому ли, что сообличаете? [718] Потому ли, что «стихи» – не в счет!)

Какое же «ближайшее участие». Поэму горы у меня и Воля России (никогда не вернувшая мне ни одной строки!), и «Благонамеренный» и может быть даже «Дни» (Алданов [719] великодушен!) возьмут. Аллегорические горы – ça ne tire pas á conséquence {143}. А вот проза, да еще всеми и каждым оплеванное Добровольчество, звук один этого слова... Может быть и Воля России бы (и с бóльшим правом!) запнулась. Добровольчество – вот Ваш камень преткновения. Обличительную статью Мирского (на чисто-литературную тему) Вы конечно бы взяли [720]. Как обличительную мою. – Хочу, чтобы Вы знали, что – знаю.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Вчитайтесь и вдумайтесь и поймите, что «ближайшее участие» так и останется на обложке, следовательно – на обложке оставаться не должно [721].

Вот как бы я поступила, если бы не сознание, что сняв себя с обложки, несколько расстраиваю общий замысел (Ремизов – прозаик. Шестов – философ, я – поэт). В России бы Вы меня заменили. Здесь не Россия.

Посему, ограничиваюсь чувством, а поступок – опускаю.

МЦ.

Впервые – Revue des Études slaves. С. 194. СС-6. С. 318 319. Печ. по СС-6.

30–26. В Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции
Март 1926 г. [722]

Триста (300) франков пособия с благодарностью получила.

Марина Цветаева

Печ. впервые по копии с оригинала, хранящегося в архиве ВДИС.

31–26. Д.А. Шаховскому
Париж, 5-го апреля 1926 г.

Дорогой Димитрий Алексеевич,

Только что вернулась с моей родины Вандеи, куда уезжаю с Алей и Муром в 20-х числах [723]. Спасибо за исполненную просьбу и вот Вам, в ответ, исполненная, даже преисполненная Ваша: обойдемся вовсе без опечаточного листа. Опечатка (смысловая) только одна: стр. 108, первая строка:

Напечатано: Да, нужно это

Должно читать: Да, но нужно это

Несколько меняет смысл, но не так уже существенно. Есть совсем глупые: ПУНК (вместо пункт и дважды!), ландшафт, вообще выходит, что я в иностранных словах безграмотна. Но настоящий не подумает, а до не-настоящего – мало дела.

Теперь просьба: дайте мне 10 оттисков статьи Мирского [724] и моей, есть okazia в Россию, хочу послать. Очень прошу. Не пять и пять, а по 10-ти каждой – смежные ведь, не деля. Мирского, кстати, прочла только хвост, то, что было при моей статье.

И если решите дать, поторопитесь, – okazia моя дней через 10 уезжает. Очень верная. Жаль потерять случай.

Привет и спасибо. Будьте здоровы и неутомимы.

МЦ.

Нынче доклад Мирского на тему:

культура смерти в предреволюционной литературе [725].

Жаль, что вас не будет.

Впервые – НП. С. 364–365. СС-7. С. 37. Печ. по СС-7.

32–26. Б.Л. Пастернаку
Около 6 апреля 1926 г.

Борис. Я только что вернулась из Вандеи над строкой: с моей родины, где была 3
Страница 149

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
дня и куда 15-го еду на полгода [726]. Поэтому, читая твое вниз головой [727],
вернулась домой, – нет, просто оказалось, что я домой (в Париж) еще не
приезжала, не выезжала, что всё еще перед неуловимой линией прилива (океан).
Борис, я люблю горы, преодоление, фабулу в природе, становление, а не состояние.
Океан я – ты будешь смеяться оборвано. Становление одновременно себя и горы.
Гора растет под ногой, из-под ноги. Ясно?

Океан на полгода – для сына, для Али, для Сергея Яковлевича – мой подарок, а еще
Борис, ты не будешь смеяться, из-за твоих строк:

Придается всё – [728]

Если ты сказал, – ты знаешь, и это действительно так. Я буду учиться морю.
Ссылаю себя, Борис, в учение. Дюны, огромный (à perte de vue над строкой:
l'infini {144}, так в поэме) пляж – и ОНО. (Не море, а вообще оно, неведомое.)
Ни деревца. Две пустыни. Домик у рыбаков: 67-летняя старуха и рыбак старик – 74
лет. Никого знакомых. Тетради, рыба.

Я, Борис, с Лондона – нет, раньше! – отодвинь до какого хочешь дня – с тобой не
расстанусь, пишу и дышу в тебя. У меня в Вандее была огромная постель – я такой
не видывала и я – ложась, подумала: С Борисом это была бы не 2-спальная кровать,
а душа. Я бы просто спала в душе.

Вандея (проехала ее всю) зеленая, луговые квадраты, луговые и нрзб.. Где
пресловутые talus? {145} Ни следа. Или Наполеон в 1815 г. велел сбрить?
Сиротская страна где только капканы для кроликов. Я почти что плакала.

Мое местечко рыбацкий поселок St. Gilles sur Vie (это река – Vie). В колокольне
был убит наполеоновский генерал Grosbois, наблюдавший движение войск. А в 7
километрах на ферме Матье крест – памятник Ларош-Жакелену [729], убитому в 1815
г. Женщины в белых башенках и деревянных, без задков. башмачках. Народ
изысканно-вежливый. Старинные обороты: «Couvrez-Vous done, Monsieur» {146} (как
когда-то королю – принцесса крови).

Это не география, но ландшафт моей души на полгода вперед.

Борюшка, на днях в Москву едет И.Г. Эренбург. Передаю ему / с ним: Поэму горы
над строкой: конца (со знаками препинания) [730], Поэму конца (рукопись),
Крысолова, статью о Брюсове [731], статью о критике и всё, что еще успею. И,
если Эренбург согласится повезти, подарки тебе и сыну. Не сердись! В злом нет
грубости, одна нежность, беспомощная и хватающаяся за шерсть фуфайки. Она у тебя
будет почти животное, всё равно как если бы я тебе послала собаку.

Ах да, и еще фотографии, настоящие, давно хочу, – одну тебе (надпишу), одну Асе.
Только не держи на виду, такие вещи не лгут только в первый раз.

Приписка сбоку: NB! Знаки препинания.

Ты мне сделал больно своими письмами. Безнаказанно такое не читают. Отвечу тебе
одним. У меня есть пропуск одного слова – одна за жизнь, ее сожгут вместе со
мною (потому что меня сожгут, зарывать себя не дам!). Когда я тебя увижу, я
отдам ее тебе. Больше у меня ничего нет.

«Поэма конца», которая вся на паузе, без знаков препинания! Ирония или
Kraftsprobe? {147} И то, что ты полюбил ее такой, с опечатками (важен каждый
слог!) без единого знака (только они и важны!) – зачем, Борис, говорить мне о
писавшем, я читавшего слышу в каждой строке твоего письма. То, что ты прочел ее
– вот ЧУДО. Написал во второй раз по (все-таки – чужому) и какому сбиту! –
следу. Ты как собака почуял мой след среди путаницы. (Словари разные. Да. И в
этом неистовая прелесть встречи.)

Пленительно то, что дошла она до тебя сама, опередив мое (ныне сбывающееся)
желание. Вещи не ждут, этим они чудесны, чудеснее нас. Помнишь у тебя?

Но вещи рвут с себя личину... [732]

О, подожди, Борис, в свой час напишу о тебе как никто. Прочти

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru Святополка-Мирского [733] (посылаю) – прав он? Не знаю. Я не знаю Канта. Я только страдаю от Бергсона (тоже не знаю) у меня и Канта у тебя. Вообще, это запомни: ты моя единственная проверка: слуха, старшего моего. (Я громче слышу, ты пропуск одного слова.) Не потому что я тебя люблю, я в тебя верю, а кажется наоборот. Люблю (ужасающее) потрясающее пустотой и ужасающее вместимостью, растяжимостью слово, я все слова люблю, кроме него. У него только одна сила – молниеносная (несущая молнию и молнию длящаяся) убедительность, бесспорность, кратчайший путь в другого (в любого). «Люблю» просто условный знак, за которым НИЧЕГО. Ты меня понимаешь? И я вовсе не говорю его тебе, то, что у меня к тебе, очень точно, сплошь доказуемо и только тем страшно, что впереди не замкнуто. Отвечаю за каждую сухую секунду, воспринимаю ее топографически ясно над строкой: и дальше не знаю. Дорога в горах, без перспективы, и дорога, ведущая выше горы. Ясно? Твое – море, мое – горы. Давай поделим и отсюда будем смотреть. Я буду учиться морю со всей честностью и точностью, потому что это – учиться тебе. И в тебя я еду на поиски, а не в Вандею.

Приписка сбоку: ясновиденье каждой отдельной секунды.

Единственное, что бы мне мешало, если бы / — / —, это то, что он – мой. (И мой.)

Ты пишешь, что я что-то читала. То же, что в Советской России, давнее [734], здесь об этом не написала ни одного стиха. А читала, потому что нужно было ради одного какого-нибудь оборвано

Продолжение

Если бы я умерла, я бы доверила тебе написать то, чего я не успела, просто дала бы точные слуховые указания и словарь. Ты бы написал свое, но ты бы написал меня. У нас разный словарь – как это восхитительно.

Ты, как я, родился – завтра.

(Точно вчера родился – ложь. Точно завтра родился.)

У меня есть слезы, и Поэма конца только потому что мне их моих было мало, выкричатся и выплакаться. А еще – чтобы не захлебнуться в них, не кинуться с моста.

Ты знаешь, Лондон – наш город, беспризорных бродяг. Видела их ночные места.

Дай мои стихи без имени, – я хочу, чтобы их знали – кто знает, догадается. Ведь это, по существу, безымянно.

«Меня любили только частично» – Борис, когда меня в жизни любили, я мучалась, меня точно зарывали в землю, сначала по щиколотку, потом по колено, потом по грудь (начинала задыхаться). Меня изымали из всего мира и загоняли в ямку, жаркую как баня. Я с острой подозрительностью выслеживала этот момент изъятия. Человек переставал говорить, только глядел, переставал глядеть, только дышал, переставал дышать, только целовал. И целовал не меня, потому что меня уже забыл, а губы, вовлекаясь в процесс (поганое слово!). Вовлекалась иногда и я. Словом, губы целовали губы и хотели целовать день и ночь. Я быстро уставала, убитая однообразием. Еще о любви оборвано

Впервые – Души начинают видеть. С. 164–168. Печ. по тексту первой публикации.

33–26. В.Ф. Булгакову
Париж, 8-го апреля 1926 г.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Дорогой Валентин Федорович,

Только что вернулась из Вандеи, куда ездила искать жилище на лето. Нашла. На океане. Маленький домик у рыбаков. Пески. Море. Никакой зелени. Увы, самое дешевое место оказалось еще слишком дорогим: 400 франков в месяц, без электричества и газа.

Вандея сиротская, одна капуста для кроликов. Жители изысканно вежливы, старухи в чепцах-башенках и деревянных, без задка, туфельках. Молодые – стриженные.

– Кончается старый мир! –

Еду на полгода – писать и дышать.

У нас был очень любопытный доклад князя Святополк-Мирского: «Культура смерти в предреволюционной литературе» [735] – Были Бунин, Алданов, С. Яблоновский, много – кто [736] (говорю о старых или правых), но никто не принял вызова, после 1 часа просто покинули зал. Походило на бегство.

Сердечный привет Вам и семье. Сергей Яковлевич все хворает, хочу поскорее увозить его отсюда.

Привет Чириковым и Альтшулерам, если видаетесь. Передайте Григорию Исааковичу, что у моего сына 14 зубов [737].

МЦ.

Впервые – ВРХД, 1991, № 161. С. 197 (публ. Д. Лерина). СС-7, с 12. Печ. по СС-7.

34–26. Б.Л. Пастернаку
Около 9 апреля 1926 г.

Борюшка! Вот тебе примета. Письма к тебе (вот и это письмо) я всегда пишу в тетрадь, налету, как черновик стихов. Только беловик никогда не удаётся, два черновика, один тебе, другой мне. Ты и стихи (работа) у меня нераздельны. Мне не нужно выходить из стихов, чтобы писать тебе, я в тебе пишу. Это я в ответ на твою оглядку, от которой мне человечески-больно. (От тех двух божественно-больно!) Борюшка, у нас с тобой ничего нет (не буду перечислять, раз ничего!) – кроме наверняка. Я наверняка была в тебя все эти годы, – видишь возникновение правды под пером! – не билась, была. Как в заочную птицу налету – в твою душу. И попадала, потому что эта птица – всюду, нет места, где ее нет.

Отвечать на письмо. Я не знаю что это значит. Я знаю отзываться, отзвучивать, возвращать тебе – утысячеренно – твое же вариант: тебя же. Кому ты пишешь? Вспомни. Тому, кто с первой строки «Сестры моей жизни» (всё чудо, что она ко мне попала, только в этом! остальное все было готово) не отрываясь – через всех и вся – (ибо были и все и вся!) безнадежно, потому что безукоризненно-вежлив и верит на слово – глагола не проставляю, потому что самый пустой из всех. Не выходя из себя любить другого, не выходя из стихов любить человека. (Тут невязка, потому что вся я – выхождение из себя.)

О безукоризненной вежливости же – вспомни Блока и Маяковского, обоих, кого бы я могла любить (теперь – нет). От Блока я стояла меньше чем в 2 вершках, толпа теснила, – рядом. 1921 г., а в 16-м я написала: И по имени не окликну, и руками не потянусь [738]. И не потянулась. А он умер. А с Маяковским – раннее утро на Б. Лубянке над строкой: Кузнецком, громовой оклик: Цветаева! Я уезжала за границу – ты думаешь, мне не захотелось сейчас в 6 часов утра, на улице, без свидетелей, кинуться этому огромному человеку на грудь и проститься с Россией? Не кинулась, потому что знала, что Лиля Брик [739] и не знаю что еще.. (Вломиться головой в грудь.)

Борис, раз ты не звал, я тоже не звала эти годы. Раз ты не называл, я тоже не называла. Я все-таки женщина, и трагически хорошо воспитана. (Только в 1926 г., после лондонской знати поняла: я получила не интеллигентское, а аристократическое воспитание – дуновение рано умершей матери. Отсюда, от нее, ненависть к буржуазии и полупрезрение – не без добродушия – к интеллигенции, к которой никогда себя не причисляла! Как один в Москве мне сказал: феодальный

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru строй. Ворот уж нет, герб держится.) Так вот – для чего я все это пишу: чтобы ты знал, что пиша мне, ты пишешь в себя, просто дыша – дышишь в меня. И раз навсегда, хоть бы я завтра умерла, хоть бы жила сто лет. Не понижая, не повышая, вне становления или в становлении, ставшем состоянием, так же, как душа растет. Вот я – к тебе оборвано

Еще – трудная просьба, но пойми – не выводи меня из Аси. Я была задумана с братом, но без сестры. Не пойми неправильно, но не отождествляй. И не говори с ней обо мне, не вводи, не выводи. Москва, нет – Россия для меня только – ты. Двух «там» быть не может. Я целиком в тебе. Моя Россия. Когда я говорю Москва, я молниеносно говорю: Пастернак. До всего, что не ты (вне поля твоего зрения и предвидения), мне в России дела нет. Ты мой слух и мое зрение в России. Поскольку будет расширяться их поле – будет расширяться и мое. Это не слепость любви говорит, доверяю тебе мой слух и мое зрение. Увидь и услышь за меня.

Можно о достоверностях?

Из Парижа после Лондона третье письмо. Дошли ли виды старинного Лондона? 20-го или возле уезжает Илья Григорьевич. Посылаю с ним Крысолова, Поэму горы, Поэму конца (без опечаток), Брюсова, Поэта о критике и вещи тебе и сыну. О последнем я думала, – может быть твоей жене будет противно видеть на нем нечто причастное моим рукам? Но соблазн сильнее – прости меня! – посылаю. Просто мальчику, за жизнью которого слежу. Можно ведь? И похож ведь – чем-нибудь – на тебя?

Достоверность важнейшая: если ты по-настоящему хочешь будущим (1927 г.) летом сюда, я тебе помогу, с помощью человека, обожающего твои стихи. Устроим вечера – в Париже и в Лондоне. У меня друзья музыканты (именные), их пригласим. Не фантазия. Напиши – ну расщедришься на цифру! – сколько нужно на выезд (паспорт, билет, дорогу). Жить устроим, все будет устроено. Поедем вместе в Лондон. Одному трудно продержаться вечер, возьми меня на выручку, меня любят. Стихи буду читать новые, в паре вариант: в масть. А что обо мне в Москве говорят – не верь. Читала старый (1917 г. – 1922 г.) Лебединый Стан, который читала и в России. Никаких выступлений, политикой не занимаюсь, правыми брезгую и у них не печатаюсь. Я тебя не скомпрометирую, будь спокоен, знаю, что делаю.

Борис, ты ответь. Не к спеху – но ответь. Дай мне радость на целый год вперед. Я эти полгода буду жить в Вандее. Время скоро пройдет. Ответь.

Повидаешь Ремизова, Шестова [740] – кто у тебя еще друзья? У меня никого.

Объявление вечера дадим за три месяца. У меня зал разрывался. У тебя разорвется. Кроме того – чего у меня не было – придут все евреи. Борис, ты заработаешь 10 тысяч франков, клянусь. А в Лондон для души (моей и твоей), но и там тысячи три франков наберем.

Самое трудное будет мне не разорваться. Зал, может быть, и выдержит.

Беру твою меховую голову. У тебя голова как шапка.

Самое замечательное – из тебя во мне ничто не пройдет даром. Во мне ты обретешь всю чистоту внимания (твое – об Ахматовой). Как ни один твой типографский знак для меня не пропадает даром – так ни один голосовой или иной уклон. Источник богатства не только предмет, но и наше внимание к нему. Мое внимание неисчерпаемо и неутомимо. Мое внимание – то же терпение, терпеливая направленность на один предмет. Дорого бы я дала, чтобы знать, что из этого бы вышло в жизни. (Она у меня весьма на подозрении.) Если будет чудо, то через тебя.

Борис, моей любви к тебе хватит на гораздо больше, чем жизнь. Вывод – бессмертие.

У меня чувство, что это в мире единственный раз, когда совпадают двое. Ты минус я, я минус ты – мир обокраден – не мы, которые его, так или иначе, восстановим. Не будем ворами.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

А о жалости мне не говори – всё знаю, до таких дон, днищ, днь (потому что – тройное дно!). Самая бездонная из бездн. Тебя в лицемерии, а меня в нещадности [741]. Как ни утишай голоса, он у меня все-таки слишком громок. (Не вещественный, голос как сущность силы.)

Словом, полное соответствие. Будь спокоен, цельный и в это борвано

Что с этим делать? (С тобой и мной вариант: с соответствием?!) Я бы хотела умереть, чтобы заново начать жить – с тобой. Если бы ты мог быть моим настоящим братом – или сыном – все равно чем! Я бы и в равнодушии кровного братства, и в запретности сыновства, я бы и годовалого тебя узнала. Ты не знаешь, какая для меня рана – твой сын!

Одно мое письмо к тебе пропало – давнишнее, кажется в июле 1924 г. – когда я только что узнала о своем сыне [742]. Не восстановить! Все письмо – один вопль, невозстановимо – потому что теперь ему 1 год 2 месяца и я знаю его лицо.

Прости меня за этот выпад из достоверной колеи разъединенности тебя и меня. Я знаю, что на расстоянии так не должно. (Безопасно! безответственно!) У меня – в жизни так не должно и не будет. Я совсем не застенчива, но очень воспитана, ты никогда не услышишь большего, чем решил услышать. Но дай мне вопить так – через пространства – как поезд – как волк –

Ведь я не больше говорю тебе, чем волчье или паровозное у – у – у –

Борис! Ты наверное куда-нибудь поедешь летом, так все звуки в ночи, на воле – я. Когда дерево шатается под ветром. Когда поезд гудит. Это я тебя зову – неодолимо.

Анкету вышлю завтра [743].

Запись после письма:

Написать Б. о чарах. Презренность чар. (Низость, низкий сорт.)

Впервые – Души начинают видеть. С. 168–172. Печ. по тексту первой публикации.

Приложение к письму Пастернака к Цветаевой от 3 апреля и ответ на анкету: Государственная Академия Художественных Наук.

В январе-феврале 1925 года Отделом Изучения Революционного Искусства при Государственной Академии Художественных Наук была проведена выставка революционной литературы России за 1905–1925 гг. Весь материал с выставки поступил для проработки в организованный при отделе кабинет революционной литературы. Одной из первоочередных работ своих кабинет наметил составление био-библиографического словаря писателей 20-го века и приступил в настоящее время к собиранию материала для этой работы. Желая иметь данные наиболее точные и полные, которые можно получить лишь из первоисточников, кабинет обращается ко всем писателям с просьбой присылать свои автобиографии; не связывая никого ни формой изложения, ни размерами, кабинет просит дать исчерпывающие ответы на следующие вопросы:

1. Фамилия (псевдоним), имя, отчество.
2. Адрес.
3. Место и точная дата рождения.
4. Социальное происхождение.
5. Краткие биографические данные, а) среда, б) влияние детских лет, в) материальные условия работы, г) путешествия, д) эволюция творчества.
6. Общее и специальное образование.
7. Основная специальность.
8. Литературная, научная, общественная деятельность.
9. Первое выступление в печати.
10. Первый отзыв.
11. Литературные влияния.
12. Любимые писатели.
13. В каких периодических изданиях и сборниках участвовали.
14. Принадлежность к литературной организации.
15. Хронологический перечень работы.
16. Библиография о творчестве.

Москва, ул. Кропоткина, 32, Государственная Академия Художественных Наук,

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Кабинет революционной литературы.

Цветаева подробно на нее ответила (СС-4. с. 621–624):

Марина Ивановна ЦВЕТАЕВА.

Родилась 26 сентября 1892 г. в Москве.

Дворянка.

Отец – сын священника Владимирской губернии, европейский филолог (его исследование «Осские надписи» и ряд других), доктор honoris causa Болонского университета, профессор истории искусств сначала в Киевском, затем в Московском университетах, директор Румянцевского музея, основатель, вдохновитель и единоличный собиратель первого в России музея изящных искусств (Москва, Знаменка). Герой труда. Умер в Москве в 1913 г., вскоре после открытия Музея. Личное состояние (скромное, потому что помогал) оставил на школу в Талицах (Владимирская губерния, деревня, где родился). Библиотеку, огромную, трудо- и трудноприобретенную, не изъяв ни одного тома, отдал в Румянцевский музей.

Мать – польской княжеской крови, ученица Рубинштейна, редкостно одаренная в музыке. Умерла рано. Стихи от нее.

Библиотеку (свою и дедовскую) тоже отдала в музей. Так, от нас, Цветаевых, Москве три библиотеки. Отдала бы и я свою, если бы за годы Революции не пришлось продать.

Раннее детство – Москва и Таруса (хлыстовское гнездо на Оке), с 10 лет по 13 лет (смерть матери) – заграница, по 17 лет вновь Москва. В русской деревне не жила никогда.

Главенствующее влияние – матери (музыка, природа, стихи, Германия. Страсть к еврейству. Один против всех. Negroica). Более скрытое, но не менее сильное влияние отца. (Страсть к труду, отсутствие карьеризма, простота, отрешенность). Слитое влияние отца и матери – спартанство. Два лейтмотива в одном доме: Музыка и Музей. Воздух дома не буржуазный, не интеллигентский – рыцарский. Жизнь на высокий лад.

Постепенность душевных событий: все раннее детство – музыка, 10 лет революция и море (Нерви, близ Генуи, эмигрантское гнездо). 11 лет – католичество, 12 лет – первое родино-чувствие («Варяг» [744], Порт-Артур), с 12 лет и поныне – Наполеониада, перебитая в 1905 г. Спиридоновой [745] и Шмидтом [746]. 13, 14, 15 лет – народовольчество, сборники «Знания», Донская речь. Политическая экономия Железнова [747], стихи Тарасова [748], 16 лет – разрыв с идейностью, любовь к Сарре Бернар («Орленок»), взрыв бонапартизма, с 16 лет по 18 лет – Наполеон (Виктор Гюго, Беранже, Фредерик Массон, Тьер [749], мемуары. Культ). Французские и германские поэты.

Первая встреча с Революцией – в 1902–03 г. (эмигранты), вторая в 1905–1906 г. (Ялта, эсеры). Третьей не было.

Последовательность любимых книг (каждая дает эпоху): Ундина (раннее детство), Гауф-Лихтенштейн (отрочество). Айглон Ростана (ранняя юность). Позже и поныне: Гейне – Гёте – Гельдерлин. Русские прозаики – говорю от своего нынешнего лица – Лесков и Аксаков. Русские поэты – Державин и Некрасов. Из современников – Пастернак.

Наилюбимейшие стихи в детстве – пушкинское «К морю» и лермонтовский «Жаркий ключ». Дважды – «Лесной царь» и «Erkönig» [750]. Пушкинских «Цыган» с 7 лет по нынешний день – до страсти. «Евгения Онегина» не любила никогда.

Любимые книги в мире, те, с которыми сожгут: «Нибелунги», «Илиада», «Слово о полку Игореве».

Любимые страны – древняя Греция и Германия.

Образование: 6-ти лет – музыкальная школа Зограф–Плаксиной, 9 лет – IV женская гимназия, 10 лет – ничего, 11 лет – католический пансион в Лозанне, 12 лет – католический пансион во Фрейбурге (Шварцвальд), 13 лет – ялтинская гимназия, 14 лет – московский пансион Алферовой, 16 лет – гимназия Брюханенко. Кончила VII классов, из VIII вышла.

Слушала 16-ти лет летний курс старинной французской литературы в Сорбонне.

Подпись под первым французским сочинением (11 лет): Trop d'imagination, trop peu de logique {148}.

Стихи пишу с 6 лет. Печатаю с 16-ти. Писала и французские и немецкие.

Первая книга – «Вечерний альбом». Издала сама, еще будучи в гимназии. Первый отзыв – большая приветственная статья Макса Волошина. Литературных влияний не знаю, знаю человеческие.

Любимые писатели (из современников) – Рильке, Р. Роллан, Пастернак. Печаталась, из журналов, в «Северных Записках» (1915 г.), ныне, за границей, главным образом в «Воле России», в «Своими путями» и в «Благонамеренном» (левый литературный фланг), отчасти в «Современных Записках» (правее). У правых, по их глубокой некультурности, не печатаюсь совсем.

Ни к какому поэтическому и политическому направлению не принадлежала и не принадлежу. В Москве, по чисто бытовым причинам, состояла членом Союза Писателей и, кажется, Поэтов.

1910 г. – вечерний Альбом (стихи 15, 16 и 17 лет).

1912 г. – волшебный фонарь.

Перерыв в печати на 10 лет.

Написано с 1912 по 1922 г. (отъезд за границу):

Книги стихов:

Юношеские стихи (1912–1916, не изданы).

Версты I (1916 г., изданы в 1922 г. Госиздатом).

Версты II (1916–1921, не изданы, часть стихов появилась в «Психее»).

«Лебединый стан» (1917–1922, не изданы)

Ремесло (1921–1922, издано в 1923 г. в Берлине Геликоном).

ПОЭМЫ:

Метель (1918 г., напечатана в парижском «Звене»);

Приключение (1919 г., напечатана в «Воле России»);

Фортуна (1919 г., напечатана в «Современных Записках»);

Феникс (Конец Казановы) – 1919 г., напечатано в «Воле России». От книжки под тем же именем, обманом вырванной и безграмотно напечатанной в 1922 г. в Москве какими-то жуликами, во всеулышанье отрекаюсь.

Царь–девица (1920 г., издана в России Госиздатом, за границей «Эпохой»);

На красном коне (1921 г., напечатана в сборниках Психея и Разлука);

Переулочки (1921 г., напечатана в Ремесле).

ЗАГРАНИЦА:

ПОЭМЫ:

Молодец (1922 г., издано в 1924 г. пражским «Пламенем»);

Поэма Горы (1924 г., появляется ныне в № 1 парижского журнала «Версты»);

Поэма Конца (1924 г. напечатана в пражском альманахе «Ковчег»);

Тезей (1924 г., не напечатано);

Крысолов (1925 г., напечатано в «Воле России»);

Подруга семиструнная (стихи 1922 г. – по 1926 г., не изданы).

ПРОЗА:

Световой ливень (о Б. Пастернаке, 1922 г., «Эпопея»);

Кедр (о «Родине» Волконского, 1922 г., напечатан в пражском альманахе «Записки наблюдателя»).

Вольный проезд (1923 г., напечатан в «Современных Записках»).

Мои службы (1924 г., напечатаны в «Современных Записках»),

Поэт о критике (1926 г., напечатано в № II «Благонамеренного»).

Проза поэта (мой ответ О. Мандельштаму, 1926 г., имеет появиться в «Современных Записках»).

Любимые вещи в мире: музыка, природа, стихи, одиночество. Полное равнодушие к общественности, театру, пластическим искусствам, зрительности. Чувство собственности ограничивается детьми и тетрадами.

Был бы щит, начертала бы: «Ne daigne» {149}.

Жизнь – вокзал, скоро уеду, куда не скажу.

Марина Цветаева

В своем ответе Цветаева не соблюдает все пункты анкеты, а в ответах не всегда точна. Так, например, мать не была ученицей А.Г. Рубинштейна, а, по свидетельству Анастасии Цветаевой, ученицей ученика музыканта; есть и другие мелкие неточности: книга «Версты II» была издана в Москве дважды: в 1921 и 1922 гг.; перерыв в печати был у Цветаевой не на 10, а на 5 лет, так как в 1913 г. она издала сборник «Из двух книг», который не упомянула в «Ответе на анкету»; «Царь-девица» вышла в 1922 г., а не в 1920 г.; поэма «Переулочки» написана не в 1921 г., а в 1922 г., проза поэта («Мой ответ О. Мандельштаму», 1926 г.) в «Современных записках» не появилась и т.д. Однако «Ответ на анкету» можно считать истинной автобиографией поэта.

35–26. К.Б. Родзевичу
Дорогой Радзевич,

завтра после-завтра (нынче пятница) у меня заняты, могу в понедельник или во вторник. Вечером, конечно, – все утра мои и дни заняты сыном (как Ваши – съездом) [751].

Много работаю, но обо всём – при встрече.

Итак, в понедельник или во вторник, в 7 часов вечера, чтобы застать сына (ложится в 8 часов.)

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Будьте милы, ответьте рпс {150} – в понедельник или во вторник?

Сердечный привет

М. Цветаева

Приезжайте ко мне, потом пойдём ходить.

8, rue Rouvet. Метро La Villette (желтый огонь), остановка Pont de Flandre.

Париж, 9 апреля, пятница, 6 часов вечера. 1926 г.

Впервые – Письма к Константину Родзевичу. С. 165. Печ. по тексту первой публикации..

36–26. К.Б. Родзевичу
Дорогой Радзевич,

У меня освободилось завтра – воскресенье. Самое лучшее, если бы пришли завтра в 7 часов. Или в половину восьмого. Маршрут Вам известен.

Не можете в воскресенье – в понедельник. Вторник у меня уже занят.

Я бы на Вашем месте пришла в воскресенье.

МЦ.

Париж, 10-го апреля, 1926 г., суббота.

Впервые – Письма к Константину Родзевичу. С. 167. Печ. по тексту первой публикации.

37–26. М.В. Вишняку
Многоуважаемый

Марк Вениаминович,

Посылаю Вам по просьбе Федора Августовича [752] статью «Проза поэта» [753]. В случае могущих быть несогласий помечайте, пожалуйста, карандашом на полях. Если таких пометок окажется много – дружелюбно разоидемся. Если пустяки – тем лучше.

Рукопись мне, так или иначе, верните – в случае принятия для переписки по старой орфографии [754].

Очень просила бы не задержать с ответом, – судьбу рукописи мне нужно выяснить еще до отъезда [755] (крайний срок – 22-го). Если можно, верните экспрессом.

Сердечный привет

Марина Цветаева
8, Rue Rouvet

(19-me)

Париж, 15-го апреля 1926 г.

Авторская корректура обязательна.

Впервые – Поэт и время. С. 124. СС-7. С. 54. Печ. по СС-7.

38–26. Б.Л. Пастернаку
Около 18 апреля 1926 г.

Любопытно, что те твои письма я прочла раз – и потом не перечитывала, может быть бессознательно превращая их в живую речь, которую нельзя слышать вторично. А это (о Ходасевиче и Брюсове) много раз, в полном покое и вооруженности [756].

Борис, не взрывавайся по пустякам. Он (Ходасевич) тебя не любил и не любит и главное – любить не может, любил бы – не тебя или – не он. «Пастернак сильно-раздутое явление», вот что он говорит о тебе направо и налево, а мне в спину – я только что вышла из комнаты – Сереже: «Между прочим Марина Ивановна сильно преувеличивает Пастернака. Как всё, впрочем».

Не огорчайся, что тебе делать с любовью Ходасевича? Зачем она тебе? Ты большой и можешь любить (включительно) и Ходасевича. Он – тобой – разорвется, взорвется, на тебе сорвется. Его нелюбовь к тебе – самозащита. Цену тебе (как мне) он знает.

И не утешай меня, пожалуйста, я против всякого равно- без- тще-душия забронирована. Полу-друзей мне не нужно.

Второе. То, что ты написал о Брюсове – провидческое. Я как раз думала, посылать тебе или нет с Эренбургом, свою большую (прошлым летом) статью о нем. – Ну вот, прочтешь. – Не хочу ничего говорить заранее.

Да, ремарка: Адалис [757] как живую, несчастную и ничтожную, я намеренно, сознательно обострила вариант: заострила. Могла бы дать ее карикатурно (т.е. натуралистически), дала ее – ну словом, как я даю, когда даю. Не обманывайся и не считай меня душой.

«Как звук рифмует наши имена» [758]. Ну что ж. Ваши как звук, а наши – как смысл. И своего имени я бы не променяла даже ради рифмы с твоим / тобой.

Первая и может быть единственная женщина революции? Ну а я – достоверно – первая и единственная обратного. И этой единственности я бы не променяла даже на твой Requiem мне над строкой: подписанный твоим именем.

Обо мне, Борис, когда помру, напиши не Реквием, а гимн вариант: оду на рождение.

Младенца милого небесное явление
Приветствует мой запоздалый стих... [759]
Requiem – покойся. Я от покоя устала, от насильного сна.

Очень хорошо – с грудными городами на груди [760].

Стихов мне не пиши. То что можно бы – не посмеешь (мою единственность!), личное – у нас с тобой захват больше. Пиши большие вещи, Шмидта, Реквием, пиши себя, так ты больше со мной над строкой: все равно говоришь – мне.

За стих спасибо. Если расшифровать – хорош особенно конец.

Наша основная разница. Ты очень добр. Я – нет. – Я пламень и камень. Сушь – вот моя основа, всегда, в любви и вражде.

Ты хочешь ввести в последнем письме элемент благоразумия (большие паузы между словами, чтобы утишить дыхание). Ты в нем как главный уговаривающий.

Отметить:

Еще одна разница между нами: у тебя есть объективный (для всех) словарь, у меня его нет.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Третья строка предпоследнего 4-стишия [761] – зря. Мишурный интеллигентское слово, ставшее ирреальностью вариант: только переносным. Кроме того, гуща и мишурный – вразрез. Не надо. Заменяю.

Да! Еще. Стихи мне оставь для разлуки. Сейчас встреча. (Все стихи о разлуке!) Встреча в здесь разлука, потому что здесь мы разъединены, не сегодня, а всегда, «навсегда». Сейчас – полно и цельно, встреча на всех парах и на всех парусах.

И все-таки – зову тебя, хотя с падающим сердцем. И через это перейдем.

После этого мне нечего уже будет ждать выше. Бóльшего не бывает. (Эти слова я через всю жизнь слышу к себе. Говорю их впервые.)

Впервые – Души начинают видеть. С. 182–184. Печ. по тексту первой публикации.

39–26. О.Е. Колбасиной-Черновой, Н.В. и А.В. Черновым
Париж, 18-го апреля 1926 г., воскресенье

Дорогая Ольга Елисеевна, Наташа, Адя,

Не примите за злую волю, – у меня просто нет времени, нет времени, нет времени. Никогда ни на что.

Скоро отъезд [762]. Завалена и удушена неубранными вещами – чемодан без ключей – тащиться к слесарю? а где он? – хочется курить – гильзы вышли – пропали Муркины штаны – и пр. и пр. А посуда! А обед! А рукописи!

Сергей Яковлевич всецело поглощен типографией, у Мирского [763] заболела мать, кроме того – живет за городом. Неорганизованный быт – вот моя единственная трагедия. Не помогли бы и деньги. Или уж – без счета!

Точного дня отъезда не знаю, не позже 22-го, а то придется пережить Пасху, а Мур и так зелен, как все дети Парижа. («C'est l'air de Paris qui fait ça» {151}.)

Едем мы в St. Gilles-sur Vie. 2 комнаты с кухней – 400 франков в месяц. Газ. (Везде керосин и топка углем.) Место ровное и безлесое – не мое. Но лучшее для детей. Пляж и море – больше ничего. В глубь страны – огороды и лужайки, но какие-то неопределенные (пересеченная местность, выгодная для войны, но – когда войны нет?).

Сняла на полгода и уже внесла ½ суммы. Вторую – при выезде. Те же комнаты в сезон ходят по 700–800 франков. В общем, не дешево, но дешевле, чем все по соседству (была везде). Хозяевам вместе 150 лет – рыбак и рыбацка. Крохотный, но отдельный садик для Мура. Это даст мне возможность утром, готовя, писать. Дети будут пастись в саду. После обеда – на море.

Новости: М.С. Булгакова выходит замуж за моего знакомого Радзевича. Видела и того и другую. С обоими встретила очень хорошо. Хочу помочь, пока здесь, чем могу. С свадьбой торопятся, оба из желания закрепить: она – его желание, он – свое. Ни у того ни у другого, конечно, ни carte d'identité {152}, ни метрики. Необходимо добыть.

У нас ярмарка, – последний привет La Villette [764]. Сегодня Аля идет с Володей [765].

– Спасибо за чудное мыло, фартучек, яичко, веточку. (Два листика последней, увы, ушли в суп!) Давно поблагодарила бы, если бы не заколдованный круг суток.

Мур вырос и похудел, явно малокровен, скорее нужно увозить.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Недавно заходил Невинный – проездом из Цюриха в Париж. Просил кланяться всем.

Пока до свидания. Напишите – как ваши планы? Очень хочу осенью жить в Нуèges [766], если не уеду в Чехию. В Париж не хочу или – возможно меньше.

Впервые – Wiener Slavistisches Jahrbuch. wien. 1976. Bd. 22. С. 113–114 (публ. Хорста Лампля). СС-6. С. 780–781. Печ. по СС-6.

40–26. л.и. Шестову

Париж, 23-го апреля 1926 г., пятница

Дорогой Лев Исаакович,

Не пришла вчера, потому что завтра еду [767]. Мне очень грустно уезжать не простившись. – Вы моя самая большая человеческая ценность в Париже – даже если бы Вы не писали книг!

Но Вы бы не могли их не писать, Вы бы их все равно – думали.

Никогда не забуду Вашей (плотиновской) утренней звезды, затемняющей добродетель [768].

До свидания – осенью.

Из Вандеи напишу, и буду счастлива увидеть на конверте Ваш особенный, отдельный, безошибочный – нет! – непогрешимый почерк (графический оттиск Вашего гения).

Целую Вас и люблю.

МЦ.

Впервые – ВРХД. 1979. № 129. С. 125. СС-7. С. 47. Печ. по СС-7.

41–26. Д.А. Шаховскому
Париж, 24-го апреля 1926 г.

Дорогой Димитрий Алексеевич,

У Мирского умерла мать – после короткой болезни [769]. Он чувствует, действует и держится молодцом. Только в больших случаях узнаешь человека.

После Лондона (к 1-му июля) собирается к Вам, хочет с Вами попутешествовать. Я бы тоже хотела.

Нынче вечером уезжаю с детьми в Вандею и увожу «Благонамеренного» [770]. Оттуда напишу – о нем, о Вас и о себе.

До свидания – жаль, что только осенью. Сердечный привет от нас всех

МЦ

Люблю Вас как родного.

Гонорар, когда сможете, направьте по Серезиному адресу и на его имя – там, где я буду жить, банков нет. Только песок. Серезин адрес до 15-го/18-го прежний. Приедет позже, после выхода «Верст» [771]. – Подвигаются.

Мой адрес:

St. Gilles-sur-Vie (Vendée)

Avenue de la Plage

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Ker-Edouard

(Vie – река. Ker – по-бретонски – дом).

Впервые – НП. С. 365–366. СС-7. с. 37–38. Печ. по СС-7.

42–26. Б.Л. Пастернаку
Около 28 апреля 1926 г. [772]

Через год [773]. Ты громадное счастье, которое надвигается медленно. У кого ты спрашиваешь? У той, которая с тех пор как себя помнит вариант: уже с 7-ми лет, три дня носила с собой письмо – только чтобы не прочесть! – а когда мальчик или девочка, которые должны были прийти через неделю, приходили сегодня – плакала. Письма, мальчики, девочки – всё ты. И мой ответ – все тот же.

(Ты гроза, которая только еще собирается.)

Не сейчас!

И это я говорю, которая всегда первая входит, первая окликает, первая тянется, первая гнется, первая выпрямляется. С другими – да. Первая и тотчас же, потому что как во сне – сейчас пройдет. Недоувиху. (В переводе, не долюблю!) Разгляжу и недоувиху. И вот обеими руками – к себе, глаза зажав – к себе! Чтобы самой любить. Вот тебе и Ланн и X-овое количество Ланнов [774]. Я никогда в жизни не встречала силы. Поэма конца – простая (прости за грубость) мужская сила, сила страсти, сила любви, слепая сила, вдруг оказавшаяся и душой. Были души, но в зачатке, держались в воздухе, пока я дула.

В одном ты прав – Сергей Яковлевич единственное, что числится. С первой встречи (1905 г., коктебель). – «За такого бы я вышла замуж!» (17 лет) [775].

Я бы сейчас, Борис, ни за кого не вышла замуж. Знаешь мою детскую мечту – (мечта многих, мечта мною десятки раз воушию слышанная, – и от девочек и от старух, мечта времени) – Ребенок – и одна. Жизнь с ним, в нем, без того. Вариант: Ребенок, но без того Или, это я уже сейчас, смерть с тем, в том. Косвенность, но важная: я вообще не понимаю появления 2-го ребенка. Будь я мужчиной, я бы боялась, у меня бы душа разрывалась. Ребенок смывает всё. И после такого смывания – опять сначала?! Но это скобки. Спешу.

Борюшка, мне еще не мыслится тот город (как страшно, что у него есть имя!). Час мыслится – не ночь, не ночь! – рассвет. Сновиденная безгрешная (ГЕНИАЛЬНО, хотя тоже ненавижу это слово) гостиница, где как в замке Психеи и Belle et la Bête и Аленького цветочка (одно) [776] прислуживают руки. А может быть голоса. Условность комнаты. Потолок – чтобы раздвинуться. Пол – чтобы провалиться.

Не Романтика! (Втайне: ce n'est que ça?! {153} Ведь Романтика это мой штамп, чтобы сразу знали, с кем водятся, с кем не водиться!) Точное видение двух глаз.

Живи. Работай. 1905 год – твой подвиг. Доверши. Строка за строкой, – не строки, а кирпичи – кирпич за кирпичом – возводи здание. Я тебя люблю. Я не умру. Ты не умрешь. Всё будет.

Чей сон сбудется – твой или мой – не знаю. А может быть мой – только начало твоего. Мои поиски. Твоя встреча.

Живи совсем спокойно. Счастье не должно падать на голову. Я как ты – молния de longue haleine {154}. Живи свой день, пиши, не считай дней, считай написанные строки. Я тебя спокойно люблю – полновластно. Я ведь тебе даже сейчас стихов не пишу – не сводить себя с ума, не вызывать пропуск одного слова, не смывать расстояний, не ставить тебя посреди комнаты, не вызывать твоей души.

Я ведь знаю что – стихи. (То же, что ты сказал той об истоках прозы.) Стихи – вызывание пропуск одного слова. Meisterlehrling {155} (опять Гёте!) – помнишь? [777] Стихи это все сонмы, коими насыщен воздух. Все бывшие и вновь желающие быть, все небывшие, но уже быть желающие. Стихи – заклятье. Стихи – в каком-то

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
пределе – полновластие. Но я не Meister, Борис, а Lehrling {156}.

Ахматова в 1914, кажется, году написала и напечатала

Отними и ребенка и друга
И таинственный песенный дар [778].
Я всегда (и тогда и сейчас) читала эти строки с содроганием. На что решилась!
Что на себя взяла! (Гумилев – следствие.)

Я бы не только не написала этих строк, я бы их не подумала, а если бы нечаянно
подумала, то с содроганием открестилась бы и отплюнулась.

Потому, Борис, переполненная и захлестнутая тобой (что – море!), не пишу тебе
стихов, тех же писем, но совершенных.

Я знаю, что больше не должна тебе писать. Ведь ты об этом просил. И ты прав.
Иначе – счет дням и жизнь не в жизнь. Давай уговор: я буду тебе писать – пореже
– совсем тихо, о здесь, о детях, о стихах, о мыслях. Этой связи порывать не
надо. Ведь оборвано

Я буду молчать в тебя, расти в тебя, писать в тебя. У меня несколько больших
замыслов, надо исполнить хоть один. И я весь день занята – сыном, обиходом, рук
не хватает.

Борис, на карточке ты чудный [779]. Поскольку Маяковский воля, постольку ты –
душа. Лицо души. Я тебя прекрасно помню – у нас в темноте с письмом Эренбурга.
Когда я говорила с тобой, я подымала голову, а ты опускал. Этот встречный жест
помню.

Следующее письмо будет о вандее, о том, как живу.

Итак, через год, сама помогу выехать трезво, весело, в сознании правоты,
заработанного права. Я в восторге от твоего решения (вопроса). Мне чтобы любить
нужно, чтобы другой был кругом прав. Непогрешим в чутье. – Вот.

Но одна просьба: робкая: хоть пустой конверт, но хоть адрес твоей рукой. Не
вычеркивай меня окончательно на целый год. Этого не должно. Будь моей редкой
радостью, моим скупым божеством (о, это слово я люблю и за него стою, это не
«гениальность»), но – будь. Не бросай совсем, не проваливай безвозвратно в
рассвет.

Не знаю, когда выедет Эренбург. Вещи сданы. Прошу его еще о синей лампе – для
невралгии, – у тебя ведь есть боковое электричество (в стене, для стоячей
лампы?).

Кончаю. Иду в сад к сыну.

А Е.Ю. [780] – улыбаюсь. Ты просто не так прочел. Я написала: ты может быть ее
любишь (т.е. допускаешь, принимаешь, переносишь, расположен) – ты прочел: ты
может быть ее любил. (Расположение ведь не проходит.) т.е. расположение в
прошлом, т.е. не расположение в прошлом, а любовь (употребляемый в прошлом,
глагол весом / грозен). Милый Борис, ты не мог любить такую (расположенным можно
быть к кому угодно, просто поворот тела в сторону, как за ужином), ты мог
(можешь) любить себе обратное, но равно-сильное. Она недостаточно улица, чтобы
ты ее любил, недостаточно площадь, не блоковская Катька [781] ведь, просто дама.
И дама – недостаточно.

И – улыбка ширится – Ланн. Стало быть, орудует вещественными доказательствами.
(Книжки, надписи, письма – что еще?) Да, оборвано.

Где будешь летом? Где твои будут летом? Как здоровье мальчика? Твой первый
оттиск.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Впервые – Души начинают видеть. С. 189–193. Печ. по тексту первой публикации.

43–26. Б.Л. Пастернаку
1 мая 1926 г.

Борис! Что ты со мной делаешь? Сам просишь не писать, а сам шлешь мне книгу с надписью [782], от которых (книги и надписи) пропуск одного-двух слов. Но я буду тверда, не буду писать о тебе и себе, не буду писать сейчас, поступлю как друг.

Какие замечательные стихи из Поверх барьеров! [783] Борис, эта книга у меня должна быть. Если нет, достань, выкради у знакомых. Первое – Метель. Я в такой метели (городе, возникавшем только в метель, или метели, возникавшей только в таком пригороде) была однажды с Т.Ф. Скрябиной за постным маслом, которого (только повод! Не может же метель приглашать – так, да еще в такое утилитарное время!) конечно не оказалось. Нас сшибало с ног, захлестывало, зацеловывало. Дощатые заборчики и испуганно-счастливые глаза Скрябиной, узнававшей и мужа и сына / дуновение / родное.

Впервые – Души начинают видеть. С. 193. Печ. по тексту первой публикации.

44–26. Д.А. Шаховскому
3-го мая 1926 г.

Воистину Воскресе, дорогой Дмитрий Алексеевич! Это наши с Вами слезы по поводу статьи Осоргина [784]. Кстати – озарение! – ведь «Последние Новости» родня «Звену», так что Осоргин (дядя) заступился за племянника (Адамовича). Осоргин – золотое сердце, много раз выручал меня в Революцию, очень рада, что – посылно – вернула. Но в «Последние Новости» отныне ни ногой [785].

Как, однако, отозвался читатель-чернь! Двумя строками большого фельетона!

О своей жизни в другой раз. У меня даже мечта, что летом приедете погостить.

Очень люблю Вас. До свидания.

МЦ.

Впервые – НП. С. 366–367. СС-7. С. 38. Печ. по СС-7.

45–26. К.Б. Радзевичу
5 мая 1926 г.

Христос Воскресе, дорогой Радзевич!

Вот где я живу: каждый день хожу по этому каменному краю (где рыбак идет) – опускать письма, покупать спички (которых никогда нет!) – жить. Это я называю: жить, остальное – быть.

Но я о другом хотела. Я говорила о Вашей визе (carte d'identité) {157} своей приятельнице – Саломее Николаевне Гальперн [786], умной, милой и очаровательной (хорошей – тоже: когда надо). Ваше дело устроено, Вам нужно к ней заявиться – сначала письменно. Ее адрес:

44, rue du Colisée (VIII)

Madame Salome Halpern

Ей нужно знать, как сейчас Ваши дела, нужно Ваше отчество и Ваш адрес. Она хлопочет только в крайних случаях, оцените и поблагодарите. И отчество и адрес сообщить могу, но дел Ваших не знаю. Поторопитесь.

Милый Радзевич, я совсем не радуюсь Вашей женитьбе [787], но – раз Вы решили, мне нужно Вам помочь. Не радуюсь потому что это – житейский шаг, а дело – жизни,

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
двух жизней, (ребенок) – трех.

Будьте счастливы – не женой, так Парижем, летом и – от сердца говорю – моей
дружбой, которая стоит моей любви.

МЦ

Впервые – Письма к Константину Родзевичу. С. 169. Печ. по тексту первой
публикации. Написано на открытке с видом Сен-Жиль-сюр-Ви.

46–26. А.А. Тесковой
St. Gilles-sur-Vie, 9-го мая 1926 г.

Запоздалое Христос Воскресе, дорогая Анна Антоновна! (Сейчас последний день
нашей русской Пасхи.)

Я уже две недели как в Вандее, одна с детьми, Сергей Яковлевич очень занят новым
журналом «Вёрсты» [788].

Прочтите, пожалуйста, мою статью «Поэт о критике» во 2-ой книге
«Благонамеренного» (только что вышла), за которую меня дружно травят: Адамович,
Осоргин, А. Яблоновский и даже Петр Струве, которого, впрочем, еще не читала
[789].

«Laisser dire» {158} – вот что написано над дверью одного из здешних рыбацких
домиков. То же говорю и я.

Дорогая Анна Антоновна, мне очень нужен весь мой матерьял (книга и вырезки),
взятый у Кубки госпожой Юрчиновой. Как ее адрес?

Мой: St. Gilles-sur-Vie (Vendée)

Avenue de la Plage

Ker-Edouard.

Приписки на полях:

Спасибо за рыцаря [790].

Такая радость.

Целую Вас и Ваших.

Всего доброго. Где будете летом?

М.Ц.

Впервые – Письма к Анне Тесковой, 1969. С. 38 (с купюрами). СС-6. С. 343–344 (с
купюрами). Печ. полностью по: Письма к Анне Тесковой. 2008. С. 35–36.

Письмо написано на открытке с видом St. Gilles-sur-Vie.

К письму приложено письмо Али.

47–26. В.Ф. Булгакову
St. Gilles-sur-Vie (Vendée)

Avenue de la Plage

Ker-Edouard

Запоздалое Христос Воскресе, дорогой Валентин Федорович!

Как проводите Пасху? Хорошо ли во Вшенорах?

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Я с детьми в Вандее – вот уже две недели. Погода разная, бывает такой ветер (ледяной, с океана), что Георгий не выходит. Бывает тепло, жарко еще не было. Живем в рыбацком домике, хозяева рыбак и рыбацкая. Вместе полтора года. В sorciers {159} не верят, но верят в mauvaises gens, qui jettent un sort {160} (NB! Sorcier именно тот, кто бросает sort. По-нашему – дурной глаз.) Меня – не то, что чехи! – любят [791]. Часто сижу в хижине со старухой, раздуваю огонь мехами, слушаю, говорю.

Заботы по дому – как во Вшенорах – т.е. весь день занят. Иногда подумываю о няньке, хотя бы на три утренних часа, но... ревность или ее исток: ревностность. Не могу допустить, что Мура будет касаться чужие руки. Пока не могу.

Гулянье пожирает $\frac{3}{4}$ дня, остальная четверть все, что Вы знаете. На себя только поздний вечер, но – силы не те, порох не тот, голова не та, и – письма (нет-нет да надо ответить, кроме того, каждый день пишу Сергею Яковлевичу).

Природа здесь однообразная: море, песок. Есть дюны, но не разлазаешься: мягкие, осыпаются под ногой. Но – лучший климат для детей во всей приморской Франции. Кроме того – ВАНДЕЯ [792].

Вот и все пока, дорогой Валентин Федорович. Очень рада буду получить от Вас весточку. Вспоминаю Вас с неизменной нежностью.

МЦ

Сергей Яковлевич приезжает дней через десять – занят журналом [793] и получением carte d'identité {161}. Читали, как меня честят господа критики за статью (о них) в «Благонамеренном»? Осоргин, Адамович, Яблоновский (последних двух не читала, обещали прислать) [794].

St. Gilles, 9-го мая 1926 г.

Впервые – Встречи с прошлым. Вып. 2. М.: Советская Россия. 1976. С. 193–194 (публ. М.Д. Рашковской). СС-7. С. 12–13. Печ. по СС-7.

48-26. Р.М. Рильке
St. Gilles-sur-Vie

9-го мая 1926 г.

Райнер Мария Рильке! [795]

Смею ли я так назвать Вас? Ведь вы – воплощенная поэзия, должны знать, что уже само Ваше имя – стихотворение. Райнер Мария это звучит по-церковному – по-детски – по-рыцарски. Ваше имя не рифмуется с современностью, – оно – из прошлого или будущего – издали. Ваше имя хотело, чтоб Вы его выбрали. (Мы сами выбираем наши имена, случившееся – всегда лишь следствие.)

Ваше крещение было прологом к Вам всему, и священник, крестивший Вас, воистину не ведал, что творил.

Вы не самый мой любимый поэт («самый любимый» – степень). Вы – явление природы, которое не может быть моим и которое не любишь, а ощущаешь всем существом, или (еще не все!) Вы – воплощенная пятая стихия: сама поэзия, или (еще не все) Вы – то, из чего рождается поэзия и что больше ее самой – Вас.

Речь идет не о человеке-Рильке (человек – то, на что мы осуждены!), – а о духе-Рильке, который еще больше поэта и который, собственно, и называется для меня Рильке – Рильке из послезавтра.

Вы должны взглянуть на себя моими глазами: охватить себя их охватом, когда я смотрю на Вас, охватить себя – во всю даль и ширь.

Что после Вас остается делать поэту? Можно преодолеть мастера (например, Гёте), но преодолеть Вас – означает (означало бы) преодолеть поэзию. Поэт – тот, кто

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru преодолевает (должен преодолеть) жизнь.

Вы – неодолимая задача для будущих поэтов. Поэт, что придет после Вас, должен быть Вами, т.е. Вы должны еще раз родиться.

Вы возвращаете словам их изначальный смысл, вещам же – их изначальные слова (ценности) {162}. Если, например, Вы говорите «великолепно», Вы говорите о «великой лепоте» {163}, о значении слова при его возникновении. (Теперь же «великолепно» – всего лишь стершийся восклицательный знак.)

По-русски я все это сказала бы Вам яснее, но не хочу утруждать Вас чтением по-русски, буду лучше утруждать себя писанием по-немецки [796].

Первое в Вашем письме, что бросило меня на вершину радости (не – вознесло, не – привело), было слово «май», которое Вы пишете через «у», возвращая ему тем самым старинное благородство. «Май» через «i» – в этом что-то от первого мая, не праздника рабочих, который (возможно) когда-нибудь еще будет прекрасен, – а от безобидного буржуазного мая обрученных и (не слишком сильно) влюбленных.

Несколько кратких (самых необходимых) биографических сведений: из русской революции (не революционной России, революция – это страна со своими собственными – и вечными – законами!) уехала я – через Берлин – в Прагу, взяв Ваши книги с собой. В Праге я впервые читала «Ранние стихотворения» [797]. И я полюбила Прагу – с первого дня – потому что Вы там учились.

В Праге я жила с 1922 по 1925, три года, а в ноябре 1925 уехала в Париж. Вы еще были там? [798]

На случай, если Вы там были:

Почему я к Вам не пришла? Потому что люблю Вас – больше всего на свете. Совсем просто. И – потому, что Вы меня не знаете. От страждущей гордости, трепета перед случайностью (или судьбой, как хотите). А может быть, – от страха, что придется встретить Ваш холодный, взгляд – на пороге Вашей комнаты. (Ведь Вы не могли взглянуть на меня иначе! А если бы и могли – это был бы взгляд, предназначенный для постороннего – ведь Вы не знали меня! – то есть: все равно холодный.)

И еще: Вы всегда будете воспринимать меня как русскую, я же Вас – как чисто-человеческое (божественное) явление. В этом сложность нашей слишком своеобразной нации: все что в нас – наше Я, европейцы считают «русским».

(То же самое происходит у нас с китайцами, японцами, неграми, – очень далекими или очень дикими.)

Райнер Мария, ничто не потеряно: в следующем (1927) году приедет Борис [799] и мы навестим Вас, где бы Вы ни находились. Бориса я знаю очень мало, но люблю его, как любят лишь никогда не виденных (давно ушедших или тех, кто еще впереди: идущих за нами {164}), никогда не виденных или никогда не бывших. Он не так молод – 33 года, по-моему, но похож на мальчика. Он нисколько не в своего отца (лучшее, что может сделать сын). Я верю лишь в материнских сыновей. Вы тоже – материнский сын. Мужчина по материнской линии – потому так богат (двойное наследство).

Он – первый поэт России. Об этом знаю я, и еще несколько человек, остальным придется ждать его смерти.

Я жду Ваших книг, как грозы, которая – хочу или нет разразится. Совсем как операция сердца (не метафора! каждое стихотворение (твое) врезается в сердце и режет его по-своему – хочу или нет). Не хотеть! Ничего!

Знаешь ли, почему я говорю тебе Ты и люблю тебя и – и – и – Потому что ты – сила. Самое редкое.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Ты можешь не отвечать мне, я знаю, что такое время и знаю, что такое стихотворение. Знаю также, что такое письмо. Вот.

В кантоне Во, в Лозанне, я была десятилетней девочкой (1903) [800] и многое помню из того времени. Помню взрослую негритянку в пансионе, которая должна была учиться французскому. Она ничему не училась и ела фиалки. Это – самое яркое воспоминание. Голубые губы – у негров они не красные – и голубые фиалки. Голубое Женевское озеро – уже потом.

Чего я от тебя хочу, Райнер? Ничего. Всего. Чтобы ты позволил мне каждый миг моей жизни подымать на тебя взгляд – как на гору, которая меня охраняет (словно каменный ангел-хранитель!).

Пока я тебя не знала, я могла и так, теперь, когда я знаю тебя, – мне нужно позволение.

Ибо душа моя хорошо воспитана.

Но писать тебе я буду – хочешь ты этого или нет. О твоей России (цикл «Цари» [801] и прочее). О многом.

Твои русские буквы. Умиление. Я, которая как индеец (или индус?) никогда не плачу, я чуть было не ---

Я читала твое письмо на берегу океана, океан читал со мной, мы вместе читали. Тебя не смущает, что он читал тоже? Других не будет, я слишком ревнива (к тебе – ревностна).

Вот мои книги [802] – можешь не читать – положи их на свой письменный стол и поверь мне на слово – до меня их не было. (На свете – не на столе!)

10 мая 1926

Знаете, как сегодня (10-го) я получила Ваши книги [803]. Дети еще спали (7 утра), я внезапно вскочила и побежала к двери. И в тот же миг – рука моя уже была на дверной ручке – постучал почтальон – прямо мне в руку.

Мне оставалось лишь завершить движение и, открыв дверь все той же, еще хранившей стук рукой, – принять Ваши книги.

Я их еще не открывала, иначе это письмо не уйдет сегодня – а оно должно лететь.

Когда дочь моя (Ариадна) была еще совсем маленькая – два-три года – она часто спрашивала меня перед сном: «А т_ы б_у_д_е_ш_ь ч_и_т_а_т_ь Р_е_й_н_е_к_е?» [804]

В Рейнеке превратил ее быстрый детский слух – Райнера Мария Рильке. Дети не чувствуют пауз.

Я хочу написать тебе о вандее, моей героической французской родине. (В каждой стране и каждом столетии есть хоть одна родина – не так ли?) Я здесь ради имени. Когда человек, как я, не имеет ни денег, ни времени, он выбирает самое необходимое: насущное.

Швейцария не впускает русских. Но горы должны расступиться (или расколоться!) – чтобы мы с Борисом приехали к тебе! Я верю в горы. (Измененная мною строка – но в сущности, прежняя – ибо горы рифмуются с ночами – ты ведь узнаешь ее?) [805]

Марина Цветаева

Ваше письмо к Борису уйдет сегодня же – заказным и – отданное на волю всех богов
Страница 168

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru [806]. Россия для меня все еще – какой-то потусторонний мир.

Впервые – Вопросы литературы. С. 243–247 (с купюрами). СС-7. С. 55–58. Печ. по кн.: Небесная арка. С. 52–57.

49–26. В.Ф. Булгакову
St. Gilles. 11-го мая 1926 г.

Дорогой Валентин Федорович,

Иждивенские деньги перешлите, пожалуйста, Сереже, по старому адресу, иначе ему не на что будет выехать к нам. Расписки посланы вчера.

Тороплюсь на почту. Сердечный привет Вам и Вашим.

МЦ.

Читали ли Вы, как меня чествуют в газетах? Я – только Яблоновского и Осоргина. А есть еще Адамович и... Петр Струве! [807]

Впервые – ВРХД. 1991. № 161. С. 197 (публ. Д. Лерина). СС-7. С. 13. Печ. по СС-7.

50–26. В.В. Сосинскому
St. Gilles. 11-го мая 1926 г.

Здравствуйтесь, милый Володя!

Пишу Вам перед сном, т.е. в половине десятого, – таковы вандейские нравы и холода. Перед сном – читайте: перед отходом ко сну, под три одеяла, в соседство Алиного тепла (кровать четырехместная, спим вместе).

Море рассматриваю как даром пропадающее место для ходьбы. С ним мне нечего делать. Море может любить только матрос или рыбак. Остальное – человеческая тень, любящая собственную лежку на песке. В песок играть – стара, лежать – молода.

Но в общем – хорошо. Здесь чудесные камешки. И у нас чудесные хозяева – из сказки. Их собственный крохотный садик, вот-вот имеющий расцвести розами.

Свирип ли на меня Здравствуй До-ода? [808] или уже забыл – за что?

Сердечный привет Вам и ему. Буду рада, если напишете.

МЦ

Ремизов с несколько двусмысленной дружественностью (ему не передавайте!!!) прислал мне статейку А. Яблоновского.

– На-ка, почитай-ка... [809]

Впервые – ВРХД. 1974. № 114. С. 207 (публ. В.Б. Сосинского). СС-7. С. 79. Печ. по СС-7.

51–26. Р.М. Рильке
St. Gilles-sur-Vie

12-го мая 1926 г.

Тот свет (не церковно, скорее географически) ты знаешь лучше, чем этот, ты знаешь его топографически, со всеми горами, островами и замками.

Топография души – вот, что ты такое. И твоей книгой (ах, это была не книга – это стало книгой!) о бедности, паломничестве и смерти ты сделал для Бога больше, чем

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
все философы и проповедники вместе.

Священник – преграда между мной и Богом (богами) [810]. Ты же – друг, углубляющий и усугубляющий радость (радость ли?) великого часа между двумя (вечными двумя!), тот, без кого уже не чувствуешь другого и кого единственного в конце концов только и любишь.

Бог. Ты один сказал Богу нечто новое. Ты высказал отношения Иоанна и Иисуса (невывказанные обоими). Но – разница – ты любимец отца, не сына, ты – Бога-отца (у которого никого не было!) Иоанн. Ты (избранничество – выбор!) выбрал отца, потому что он был более одинок и – немислим для любви!

Не Давид, нет. Давид – вся застенчивость своей силы. Ты же – вся отвага и дерзость твоей силы.

Мир был еще слишком юн. Всё должно было произойти – чтобы пришел ты.

Ты посмел так любить (высказать!) нечеловеческого (всебожественного) Бога-отца, как Иоанн никогда не смел любить все-человеческого сына! Иоанн любил Иисуса (вечно прячась от своей любви на его груди), прикосновением, взглядом, поступками. Слово – героика любви, всегда желающей быть немой (чисто деятельной).

Хорошо ли ты понимаешь мой плохой немецкий? По-французски я пишу свободно, потому я не хочу писать тебе по-французски. От меня к тебе ничто не должно течь. Лететь – да! А раз нет, – лучше запинаться и спотыкаться.

Знаешь, что творится со мной, когда я читаю твои стихи? На первый мимолетный взгляд (молниеносный, звучит лучше, будь я немцем, я передала бы: молния ведь быстрее взгляда! А молниеносный взгляд быстрее просто молнии. Две быстроты в одной. Не правда ли?) Итак, на первый взгляд (раз я – не немец), мне все понятно – затем – ночь: пустота – затем: Боже, как ясно! – и как только я что-то схвачу (не аллегорически, а почти рукой) – все стирается вновь: лишь печатные строчки. Молния за молнией (молния – ночь – молния) – вот что со мной творится, когда я читаю тебя. Так должно быть с тобою, когда ты пишешь – себя.

«Рильке легко понять» – с гордостью говорят посвященные: антропософы и другие мистические сектанты (я, собственно, не против, лучше, чем социализм, но...). «Легко понять». По частям, в раздробленном виде: Рильке-романтик, Рильке-мистик, Рильке-мифотворец и т.д. и т.п. Но попытайтесь охватить всего Рильке. Здесь бессильно все ваше ясновиденье. Для чуда не нужно ясновиденья. Оно налицо. Любой крестьянин – свидетель: глазами видел. Чудо: неприкосновенно, непостижимо.

Вторую ночь вчитываюсь в твоего «Орфея». (Твой «Орфей» – страна, потому: в). И, кстати, только что получила из Парижа русскую, чисто литературную газету (нашу единственную за границей) со следующими строками:

«Из этого („Поэт о критике“ – заметки, проза) мы узнаем, что госпожа Цветаева до сих пор безутешна из-за смерти Орфея и тому подобные нелепости...» [811].

Один критик сказал о Блоке: «четыре года, отделяющие нас от его смерти, примирили нас с нею, почти приучили нас к ней» [812].

Я парировала: «Если достаточно четырех лет, чтобы примириться со смертью такого поэта как Блок, то как обстоит дело с Пушкиным († 1836) {165}. И как с Орфеем (†)? Смерть любого поэта, пусть самая естественная, противоестественна, т.е. убийство, поэтому нескончаема, непрерывна, вечно – ежемгновенно – длящаяся. Пушкин, Блок и – чтобы назвать всех разом – ОРФЕЙ – никогда не может умереть, поскольку он умирает именно теперь (вечно!). В к а ж д о м л ю б я щ е м з а н о в о, и в к а ж д о м л ю б я щ е м – в е ч н о». Поэтому – никакого примирения, пока мы сами не станем «мертвыми» [813]. (Приблизительно, по-русски было лучше.)

Это, конечно, не имеет отношения к «литературе» (belles lettres {166}), поэтому меня высмеяли. Будь это стихи (поэт (глупец!), который осмеливается писать прозой!), будь это стихи, они бы промолчали, а может, и – вздохнули. Не древняя ли притча об Орфее и зверях, к которым принадлежали и – овцы?

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Ты понимаешь, я неуязвима, ибо я не госпожа Цветаева, и т.д. и т.п., как они все же считают. Но мне грустно: вечно-правдивая и вновь повторяющаяся история о поэте и толпе, – как бы хотелось, все-таки избавиться от этого!

Твой «Орфей». Первая строчка:

И дерево себя перерастало... [814]

Вот она, великая лепота (великолепие). И как я это знаю! Дерево выше самого себя, дерево перерастает себя, – потому такое высокое. Из тех, о которых Бог – к счастью – не заботится (сами о себе заботятся!) и которые растут прямо в небо, в семидесятое (у нас, русских, их – семь) [815]. (Б_ы_т_ь_н_а_с_е_д_ь_м_о_м_н_е_б_е_о_т_р_а_д_о_с_т_и. В_и_д_е_т_ь_с_е_д_ь_м_о_й_с_о_н. Неделя – по-древнерусски – с_е_д_ь_м_и_ц_а. С_е_м_е_р_о_о_д_н_о_г_о_н_е_ж_д_у_т. С_е_м_ь_С_и_м_е_о_н_о_в (сказка). 7 – русское число! О, ещё много: С_е_м_ь_б_е_д_ – о_д_и_н_о_т_в_е_т, много) [816]

Песня – это бытие [817] (кто не поет, еще не есть, еще будет!).

Но тяжелы и моря, и горы... [818]

словно ты утешаешь ребенка, хочешь придать ему бодрости... и – почти улыбаясь его неразумию:

...Но эти веянья... но эти дали...

Эта строчка – чистая интонация (интенция), и, значит, чистая ангельская речь.

(Интонация: интенция, ставшая звуком. Воплощенная интенция.)

...Нам незачем искать

других имен. Когда раздастся пенье,
раз навсегда мы будем знать – Орфей [819].

(именно это – Орфея поющего и умирающего в каждом поэте – я имела в виду на предыдущей странице).

Откуда он? Из нашего ли мира? [820]

И уже чувствуешь подступающее (близкое) Нет. О, Райнер, я не хочу выбирать (выбирать значит рыться и быть привередливой) {167}, я не могу выбирать, я беру первые случайные строки, которые еще хранит мой слух. Ты пишешь мне в уши, тебя читаешь ухом.

Эта гордость из земли [821]

(конь, выросший из земли). Райнер! Следом досылаю книгу «Ремесло», там найдешь ты святого Георгия [822], который почти конь, и коня, который почти всадник, я не разделяю их и не называю. Твой всадник! Ибо всадник не тот, кто сидит на лошади, всадник – оба вместе, новый образ, нечто не бывшее раньше, не всадник и конь: всадник-конь и конь-всадник: ВСАДНИК.

Твоя карандашная запись (так ли это называется? нет лучше помета!) – легкое ласковое слово: к собаке [823]. Милый, это переносит меня в мое детство, в мои одиннадцать лет, то есть в Шварцвальд, в саму его глубь. И воспитательница (ее звали фройляйн Бринк [824], и она была омерзительна) говорит: «Этой дьявольской девчонке Марине можно все простить, когда она произносит: „собака!“» (Собака – от восторга и нежности и нетерпения – завывая – с тремя-а-а-а. То были не породистые собаки, – уличные! {168})

Райнер, величайшее счастье, блаженство прижаться своим лбом к собачьему, глаза в глаза, а собака, удивленная, оторопевшая и польщенная (не каждый же день случается!), начинает ворчать. И тогда зажимаешь ей обеими руками пасть ведь может и укусить, от одного умиления! – и целуешь. Много раз подряд.

Есть ли у тебя там, где ты сейчас, собака? А где ты сейчас? Вальмон – так звали героя жестокой, холодной и умной книги: Лакло [825] «Liaisons dangereuses» {169}. которая у нас в России – не могу понять почему, нравственнейшая книга! – была запрещена наравне с мемуарами Казановы (которого страстно люблю!). Я написала в Прагу, мне должны прислать мои две драматические поэмы (все же не драмы, по-моему): «Приключение» (Генриетта, помнишь? самое прекрасное из его

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru приключений, которое вовсе не приключение, – единственное, которое не приключение) и «Феникс» – конец Казановы [826]. Герцог, 75 лет, одинокий, бедный, старомодный, осмеянный. Его последняя любовь. 75 лет – 13 лет. Это ты должен прочесть, это легко понять (я имею в виду язык). И – не удивляйся – это написано моей германской, не французской душой.

Касаемся друг друга. Чем? Крылами... [827]

Райнер, Райнер, ты сказал мне это, не зная меня, как слепой (зрячий!) – наугад. (Лучшие стрелки – слепые!)

Завтра – Вознесение Христово. В_о_з_н_е_с_е_н_и_е. Как хорошо! Небо при этом выглядит совсем как мой океан – с волнами. И Христос – возносится.

Только что пришло твое письмо. Моему пора отправляться.

Марина

Впервые – Вопросы литературы. С. 249–251 (с купюрой). СС-7. С. 58–61. Печ. по кн.: Небесная арка. С. 61–66.

52–26. Р.М. Рильке
...перед ним

не кичиться тебе проникновенностью чувства... [828]

St. Gilles-sur-Vie

Вознесение Христово, 13-го мая 1926 г.

Поэтому: чисто-человечески и очень скромно: Рильке-человек. Написав, запнулась. Люблю поэта, не человека. (Теперь ты, прочитав, запнулся.) Это звучит эстетски, т.е. бездушно, неодоухотворенно (эстеты – те, у кого нет души, а только пять (часто меньше) острых чувств). Смее ли я выбирать? Когда я люблю, я не могу и не хочу выбирать (пошное и ограниченное право!). Ты – уже абсолют. Пока же я не полюблю (не узнаю) тебя, я не смею выбирать, ибо не имею к тебе никакого отношения (не знаю твоего товара!).

Нет, Райнер, я не коллекционер, и человека Рильке, который еще больше поэта (как ни поверни – итог один: больше!), – ибо он несет поэта (рыцарь и конь: ВСАДНИК!), я люблю неотделимо от поэта.

Написав: Рильке-человек, я имела в виду того, кто живет, издает свои книги, кого любят, кто уже многим принадлежит и, наверное, устал от любви многих. – Я имела в виду лишь множество человеческих связей! Написав: Рильке-человек, я имела в виду то, где для меня нет места. Поэтому вся фраза о человеке и поэте – чистый отказ, отречение, чтоб ты не подумал, будто я хочу вторгнуться в твою жизнь, в твое время, в твой день (день трудов и общения), который раз навсегда расписан и распределен. Отказ – чтобы затем не стало больно: первое имя, первое число, с которыми сталкиваешься и которые отталкивают тебя. (Берегись – отказа!) {170} [829].

Милый, я очень послушна. Если ты мне скажешь: не пиши, это меня волнует, я нужен себе для самого себя, – я все пойму и стерплю.

Пишу тебе в дюнах, в тонкой траве дюн. Мой сын (год и три месяца, Георгий – в честь нашей белой армии. А Борис считает себя социалистом! Неужели ты тоже?) – итак мой сын сел на меня верхом (почти на голову!) и отнимает у меня карандаш (пишу прямо в тетради). Он так красив, что все старые женщины (какие наряды! жаль, что тебя здесь нет!) восклицают в один голос: «Mais c'est un petit Roi de Rome!» {171} [830]. Бонопартистская вандея – не странно ли? О короле они уже забыли, но слово «император» еще можно услышать. Наши хозяйка (рыбак и его жена, сказочная пара, вместе им – 150 лет!) еще хорошо помнят последнюю империю.

Дети во множественном числе? Милый, не могла сдержать улыбки. Дети – понятие растяжимое (двое или семь?). Двое, милый, двенадцатилетняя девочка и годовалый

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru сын [831]. Два маленьких великана из детской Валгаллы [832]. Дети великолепные, редкостные. Высокая ли Ариадна? О, даже выше меня (я не маленькая) и вдвое толще (я ничего не вешу) Вот моя фотография – из паспорта – я светлей и моложе. Потом пришлю лучшую и сделанную совсем недавно, в Париже, фотографировал меня Ш_у_м_о_в, который снимал и работы твоего великого друга [833]. – Он мне много рассказывал о нем. – Я не решилась спросить, нет ли у него твоей фотографии. – Заказать ее для себя не посмела бы. (Ты уже понял, что я прошу тебя – напрямую и совсем без всякой робости – о твоей фотографии.)

...Лазурь и робость детских лет... [834]

Это я еще помню. Кто ты, Райнер? Германец? Австриец? (Ведь прежде разницы не было? Я не слишком образована – обрывочно.) Где ты родился? Как попал в Прагу? Откуда – «Цари»? Ведь это чудо: ты – Россия – я.

– Сколько вопросов!

Твоя земная участь волнует меня еще глубже, чем иные твои пути. Потому что я знаю, как это тяжело – все.

Давно ли ты болен? Как живешь в Мюзо? Красота! Высоко и достойно и серьезно. Есть ли у тебя семья? Дети! (Думаю, нет.) Долго ли еще пробудешь в санатории? Есть ли у тебя там друзья?

Бульвар де Гранси, 3 (кажется, недалеко от Уш?) – там ты найдешь меня [835]. У меня короткие волосы (как сейчас, в жизни никогда не носила длинных), и я похожа на мальчика, с четками на шее.

Сегодня ночью читала твои Дуинезские элегии. Днем мне не удастся ни читать, ни писать, я занята хозяйством до поздней ночи, ведь у меня всего две руки. Мой муж – всю молодость был добровольцем, ему скоро 31 (мне будет 31 в сентябре) [836], очень болезненный, а кроме того мужчина не может делать женскую работу, это ужасно выглядит (на женский взгляд) – сейчас он еще в Париже, скоро приедет. В ю_н_к_е_р_с_к_о_м_у_ч_и_л_и_щ_е его в шутку называли «а_с_т_р_а_л_ь_н_ы_й_ю_н_к_е_р». Он красив: страдальческой красотой. Дочь похожа на него, но счастливая, а сын скорее на меня, оба – светлые, светлоглазые, м_о_я_р_а_с_к_р_а_с_к_а.

Что тебе сказать о твоей книге? Высшая степень. Моя постель стала облаком.

Милый, я уже всё знаю – от меня к тебе – но для многого еще слишком рано. Еще в тебе что-то должно привыкнуть ко мне.

Марина.

Впервые – Дружба народов. 1987. № 7. С. 253–254. СС-7. С. 61–63. Печ. по кн. Небесная арка. С. 67–69.

53–26. Д.А. Шаховскому
St. Gilles, 18-го мая 1926 г.

Милый Димитрий Алексеевич,

Вот стихи, мой любимый цикл «Проводá», который жалела и не давала. Не весь, всех стихов 13 (даю 7), а строк 256 (даю 158) [837]. Делаю это сознательно: читатель быстро сыт, не хочу кормить через силу, не так его люблю (читателя). Но – оговорка: конец, т.е. 2-ая часть «Проводóв» должна пойти в следующей книге «Благонамеренного» под цифрами: 7–8 и т.д. Если не согласны, могу сейчас дослать остальное, если не согласны и так – верните.

Стихи трудные, с ударениями, курсивом, переносами (разбивкой) строк. корректура необходима. Только так и даю. Пояснила (синим) как могла, но – КОРРЕКТУРА НЕОБХОДИМА (с этим родилась, с этим и умру!).

У нас Норд, об океане и думать нечего, мерзнем, кутаемся. Сергей Яковлевич на

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
днях приезжает в трогательном самообмане ждущих его Тигра и Эвфрата (я о климате!).

Моя Вандея – суровая, как ей и быть должно.

Очень прошу, милый Димитрий Алексеевич, если уже не выслали наших гонораров Сергею Яковлевичу, выслать их мне. Деньги очень нужны. За дачу пришлось заплатить сразу за все полгода – больше 2-х тысяч.

Где будете летом? Что делаете? Пишете ли свое?

Из всех «отзывов» единственный, меня огорчивший, и, вообще, единственный – отзыв Струве [838]. СОВСЕМ НЕ ПОНИМАЕТ СТИХОВ, ни моих, никаких. Френолог бы у него двух шишек не обнаружил: воображения и слуха. (Слух, впрочем, в ушной раковине, а то глубже, – стало быть выемка.)

До свидания. Сердечный привет.

МЦ.

Жду скорейшего ответа насчет «Проводов», Воля России тоже просит.

Впервые – НП. С. 367–368. СС–7. С. 39–40. Печ. по СС–7.

54–26. Б.Л. Пастернаку
Около 22 мая 1926 г.

Мой отрыв от жизни становится все непоправимее. Я переселяюсь, переселилась, унося с собой всю страсть, всю нерастрату, не тенью, обессиленной жизнью, а живой из живых.

Подтверждение – моя исполнительность в жизни. Я исполнительна как раб. Только унеся вещь из дому, я могу ее понять, изымаясь, отвлекаясь.

Ты не знаешь моей жизни, именно этой частности слова: жизнь. И никогда не узнаешь из писем, я слишком суеверна, боюсь вслух, боюсь сглазить [то, что все-таки, очевидно, является – счастьем] – не объяснить. Боюсь оказаться неблагодарной. Но, очевидно, мне так трудно, так несвойственна мне эта дорогая несвобода, что из самосохранения переселяюсь в свободу – полную. В тебя.

Борис, ни один мой час не принадлежит мне. Никуда не могу уйти, все заранее распределено. Я бы и умереть не могла – потому что распределено. Кем? Мною. Моей заботой. Я не могу чтобы Аля не мылась: Аля, мойся! по 10 раз. Я не могу чтобы газ горел даром, я не могу, чтобы Мур ходил в грязной куртке, я не могу. – У меня гордость нищего – не по карману, не по собственным силам. И вот, как заведенная: оборвано. Борис, я тебя хочу – без завода, в каком-то жизненном промежутке, в состоянии паузы. Такая пауза – мост, поезд, всё, что движется: переносной пол, maison roulante {172} – моего (и может быть твоего) детства.

Я ненавижу предметы – я загромождена ими. Точно мужчина, давший честное слово уехавшей жене, что все будет в порядке. Поэтому – не упорядоченная жизнь, а безумие, вдруг среди разговора – срывается, забыла вывешено ли полотенце: солнце, нужно воспользоваться.

Словно вытверженный урок – как Отче Наш, с которого не съешь потому что не понимаешь ни слова.

Нынче письмо от Аси. Есть о Млодце. «Борис, по своей доброте увидел в конце простое, освобождение и порадовался за тебя». Ты опять прав. Конечно, и постое освобождение: от чего? от насилия жизни, от непереносности жить. [Она честно как нужно оберегалась от счастья. Оно пришло. Разве важно – что именно во время Херувимской? [839] я сама вздохнула, когда кончила, ошарашенная за нее – за себя. Что они будут делать в «огнь-синь»? [840] Лететь в него вечно. Так я вижу счастье. Никакого сатанизма. Просто сказка, как упырь – силой любви – превращается в человека (его нарастающие, крепчающие предостережения, его

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru мольбы!) А человек – Маруся – силой той же любви в упыря вариант: нечеловека (перешагнула же через мать! – через себя! – в конце: через ребенка и барина). Как в Греции: любовь делает богов людьми и людей – богами.

Херувимская? Так народ захотел. И, нужно сказать, хорошо выбрал час для встречи. Борис, я не знаю, что такое кощунство. Любовь. Может быть – степень огня? Красный – синий – белый. Белый (Бог) может быть силой бел, чистотой сгорания? Чистота. Мое обожаемое слово.

То, что сгорает без пепла – Бог. Так?

А, от этих – моих – в пространстве огромные лоскутья пепла.

Продолжение

То, что ты пишешь о себе, я могу тебе написать о себе: со всех сторон любовь, любовь, любовь. И – не радуется. Имя (без отчества) на которое я прежде так была щедра, тоже затрепывается. Люди, которые прежде не замечали, вдруг – увидели, воззрились, обмерли: А я та же. Что мне эта прихоть их часа? Я прежде тоже была.

Когда я прихожу в комнату, мне поскорее хочется из нее уйти.

Я совсем не умею жить в доме и жить с другими.

Оставлена пустая строка

– ты мне ответил «поехали бы к Рильке» [841]. А я тебе скажу, что Рильке перегружен, что ему ничего, никого не нужно. Гёте в старости. В молодости нужно было – всё, а в старости – Эккерман [842] (воля последнего к II Фаусту, уши и записная книга). Рильке перерос Эккермана, он больше знает о бессмертии, чем Гёте. На меня от него веет последним холодом имущего, который и меня включил в свое имя. Да, да, несмотря на жар писем, на бесконечность вслушивания и внимания, на безукоризненность слуха, – я ему не нужна, и ты не нужен. Эта встреча для меня – большая растрата, удар в сердце, да. Тем более, что он – прав, что я в свои лучшие, высшие – часы высшей силы во мне – такая же. И, может быть, от этого спасаясь, четыре года подряд, за неимением Гёте, была Эккерманом – Волконского?! [843] И так всегда хотела во всяком, в любом – не быть!?

О, Борис, Борис, был бы ты здесь, я бы врылась в твою грудь вариант: тебе в грудь, закрыв глаза от? этого ледникового периода в груди.

Впервые – Души начинают видеть. С. 203–205. Печ. по тексту первой публикации.

54а–26. Б.Л. Пастернаку
22 мая 1926 г., суббота

Борис!

Мой отрыв от жизни становится всё непоправимей. Я переселяюсь, переселилась, унося с собой всю страсть, всю нерастрату, не тенью обескровленной, а столько ее унося, что напоила б и опоила бы весь Аид. О, у меня бы он заговорил, Аид!

Свидетельство – моя исполнительность в жизни. Так роль играют, заученное. Ты не знаешь моей жизни, именно этой частности слова: жизнь. И никогда не узнаешь из писем. Боюсь вслух, боюсь сглазить, боюсь навлечь, неблагодарности боюсь – не объяснить. Но, очевидно, так несвойственна мне эта дорогая несвобода, что из самосохранения переселяюсь в свободу – полную. (Конец «Молодца».)

Да, о Молодце, если помнишь, – прав ты, а не Ася. «Б. по своей неслыханной доброте увидел в конце простое освобождение и порадовался за тебя».

Борис, мне все равно куда лететь. И, может быть, в этом моя глубокая безнравственность (небожественность). Ведь я сама – Маруся: честно, как нужно (тесно, как не можно), держа слово, обороняясь, заслоняясь от счастья, полуживая (для других более, чем – но я-то знаю), сама хорошенько не зная для чего так, послушная в насилии над собой, и даже на ту Херувимскую идя – по голосу, по

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
чужой воле, не своей.

Я сама вздохнула, когда кончила, осчастливленная за нее – за себя. Что они будут делать в огонь-синь? Лететь в него вечно. Никакого сатанизма. Херувимская? Так народ захотел. (Прочти у Афанасьева сказку «Упырь». – Пожалуйста!) И, нужно сказать, хорошо выбрал час. Борис, я не знаю, что такое кощунство. Грех против grandeur {173} – какой бы то ни было, потому что многих нет, есть одна. Всё остальное – степени силы. Любовь! Может быть – степени огня? Огнь-ал (та, с розами, постельная), огнь-синь, огнь-бел. Белый (Бог) может быть силой бел, чистотой сгорания? (Чистота. Которую я неизменно вижу черной линией. Просто – линией.)

То, что сгорает без пепла – Бог. Тает?

А от этих – моих – в пространствах огромные лоскутья пепла. Это-то и есть Мóлодец.

Я недаром отдала эту поэму тебе. Переулочки и Мóлодец – вот, досель, мое из меня любимое.

Еще о жизни. Я ненавижу предметы и загромождения ими. Точно мужчина, давший слово жене, что всё будет в порядке. (А она умерла или вроде.) Поэтому – не упорядоченность жизни, построенная на разуме, а мания. Вдруг, среди беседы с другом, которого не видела 10 лет, срывается: «забыла, вывешено ли полотенце. Солнце. Надо воспользоваться». И совершенно стеклянные глаза.

Словно вытверженный урок – как Отче наш, с которого не собьешь, потому что не понимаешь ни слова. Ни слога. (Есть деления мельчайшие слов. Ими, кажется, написан «Мóлодец».)

То, что ты пишешь о себе, я могу написать о себе: со всех сторон – любовь, любовь, любовь. И – не радуется. Имя (без отчества), на которое я прежде так была щедра, – имя ведь тоже затрепывается. Не воспрещаю. Не отвечаю. (Имя требует имени.) Вдруг открыли Америку: меня. Нет, ты мне открой Америку!

«Что бы мы стали делать с тобой – в жизни?» (точно необитаемый остров! на острове – знаю). – «Поехали бы к Рильке». А я тебе скажу, что Рильке перегружен, что ему ничего, никого не нужно, особенно силы, всегда влекущей, отвлекающей. Рильке – отшельник. Гёте в старости понадобился только Эккерман (воля последнего к второму Фаусту и записывающие уши). Рильке перерос Эккермана, ему – между Богом и «вторым Фаустом» не нужно посредника. Он старше Гёте и ближе к делу. На меня от него веет последним холодом имущего, в имуществе которого я заведомо и заранее включена, Мне ему нечего дать: всё взято. Да, да, несмотря на жар писем, на безукоризненность слуха и чистоту вслушивания – я ему не нужна, и ты не нужен. Он старше друзей. Эта встреча для меня – большая растрата, удар в сердце, да. Тем более, что он прав (не его холод! оборонительного божества в нем!), что я в свои лучшие высшие сильнее, отрешеннейшие часы – сама такая же. И может быть от этого спасаясь (оборонительного божества в себе!), три года идя рядом, за неимением Гёте, была Эккерманом, и бóльшим – С. Волконского! И так всегда хотела во всяком, в любом – не быть.

Всю жизнь хотел я быть как все.

Но мир, в своей красе.

Не слушал моего нытья
и быть хотел – как я [844].

Даже без кавычек. Этот стих я так запомнила со слов Л.М. Эренбург еще в 1925 г. весной. И так он мне ближе. Век ведь – поправка на мир. Да! Доехал ли Эренбург? Довез ли? Посылала тебе еще тетрадку, для стихов. Сегодня у нас первый тихоокеанский день: ни ветринки. – Такие письма можно писать? – Недавно у меня был чудный день, весь во имя твое. Не расставалась до позднего часа. Не верь «холодкам». Между тобой и мною такой сквозняк.

Присылай Шмидта. У меня в Праге был его сын [845] и для него была трагедия и добавка «Очаковский» [846]. Чудный мальчик, похожий на отца. Я помню его в 1905 г. в Ялте па пристани [847]. Будь здоров. Обнимаю, родной.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru М.

Как я тебя понимаю в страхе слов, уже искажаемых жизнью, уже двусмысленных. Твоё сторожкое ухо – как я его люблю, Борис!

Впервые – Вопросы литературы. С. 256–257 (с купюрами). СС-6. С 249–251. Печ. по кн.: Письма 1926 года. С. 107–109.

55–26. Б.Л. Пастернаку
St. Gilles. 23 мая 1926 г., воскресенье

Аля ушла на ярмарку, Мурсик спит, кто не спит – тот на ярмарке, кто не на ярмарке – тот спит. Я одна не на ярмарке и не сплю. (Одиночество, усугубленное одиночностью. Для того, чтобы ощутить себя не-спящим, нужно, чтобы все спали.)

Борис, я не те письма пишу. Настоящие и не касаются бумаги. Сегодня, например, два часа идя за Муркиной коляской по незнакомой дороге – дорогам – сворачивая наугад, все узнавая, блаженствуя, что наконец на суше (песок – море), глядя – походя – какие-то колючие цветущие кусты – как гладишь чужую собаку, не задерживаясь – Борис, я говорила с тобой непрерывно, в тебя говорила – радовалась – дышала. Минутами, когда ты слишком долго задумывался, я брала обеими руками твою голову и поворачивала: ВОТ! Не думай, что красота: Вандея бедная, вне всякой внешней heroïc'и: кусты, пески, кресты. Таратайки с осликами. Чахлые виноградники. И день был серый (окраска сна), и ветру не было. Но – ощущение чужого Троицына дня, умиление над детьми в ослиных таратайках: девочки в длинных платьях, важные, в шляпках (именно – ках!) времени моего детства – нелепых – квадратное дно и боковые банты, – девочки, так похожие на бабушек, и бабушки, так похожие на девочек.. Но не об этом – о другом – и об этом – о всем – о нас сегодня, из Москвы или St. Gill'a – не знаю, глядевших на нищую праздничную Вандею. (Как в детстве, смежив головы, висок в висок, в дождь, на прохожих.)

Борис, я не живу назад, я никому не навязываю ни своих шести, ни своих шестнадцати лет, – почему меня тянет в твоё детство, почему меня тянет – тянуть тебя в свое? (Детство: место, где все осталось так и там.) Я с тобой сейчас, в Вандее мая 1926 года непрерывно играю в какую-то игру, что в игру – в игры! – разбираю с тобой ракушки, шелкаю с кустов зеленый (как мои глаза, сравнение не мое) крыжовник, выбегаю смотреть (потому что когда Аля бежит – это я бегу!) опала ли Vie или взошла (прилив или отлив).

Борис, но одно: я НЕ ЛЮБЛЮ МОРЯ. Не могу. Столько места, а ходить нельзя. Раз. Оно двигается, а я гляжу. Два. Борис, да ведь это та же сцена, т.е. моя вынужденная заведомая неподвижность. Моя косность. Моя – хочу или нет – терпимость. А ночью! Холодное, шарахающееся, невидимое, нелюбящее, исполненное себя – как Рильке! (Себя или божества – равно.) Землю я жалею: ей холодно. Морю не холодно, это и есть оно, все, что в нем ужасающего – оно. Суть его. Огромный холодильник. (Ночь.) Или огромный котел. (День.) И совершенно круглое. Чудовищное блюдо. Плоское, Борис! Огромная плоскодонная люлька, ежеминутно вываливающая ребенка (корабли). Его нельзя погладить (мокрое). На него нельзя молиться (страшное. Так, Иегову например бы ненавидела. Как всякую власть). Море – диктатура, Борис! Гора – божество. Гора разная. Гора умалывается до Мура (умиляясь им!). Гора дорастает до гётевского лба и, чтобы не смущать, превышает его. Гора с ручьями, с норами, с играми. Гора – это прежде всего мои ноги, Борис. Моя точная стоимость. Гора – и большое тире, Борис, которое наполни глубоким вздохом.

И все-таки – не раскаиваюсь. «Придается все – лишь тебе не дано...» [848]. С этим, за этим ехала. И что же? То, с чем ехала и за чем: ТВОЙ СТИХ, т.е. преобразование вещи. Дура я, что я надеялась увидеть воочию твоё море – заочное, над'очное, вне-очное. «Прощай, свободная стихия» [849] (мои 10 лет) и «Придается все» (мои тридцать) – вот мое море.

Борис, я не слепой: вижу, слышу, чую, вдыхаю всё, что полагается, но – мне этого мало. Главного не сказала: море смеет любить только рыбак или моряк. Только моряк и рыбак знают, что это. Моя любовь была бы превышением прав («поэт» здесь ничего не значит, самая жалкая из отговорок. Здесь – чистоганом.)

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Ущемленная гордость, Борис. На горе я не хуже горца, на море я – даже не пассажир! ДАЧНИК. Дачник, любящий океан... Плюнуть!

Рильке не пишу. Слишком большое терзание. Бесплодное. Меня сбивает с толку, выбивает из стихов, – вставший Nibelungenhort {174} – легко справиться?! Ему – не нужно. Мне – больно. Я не меньше его (в будущем), но – я моложе его. На много жизней. Глубина наклона – мерило высоты. Он глубокó наклонился ко мне – может быть глубже, чем... (неважно!) – что я почувствовала? ЕГО РОСТ. Я его и раньше знала, теперь знаю его на себе. Я ему писала: я не буду себя уменьшать, это Вас не сделает выше (меня не сделает ниже!), это Вас сделает только еще одиноче, ибо на острове, где мы родились – ВСЕ – КАК МЫ.

{175}

Само пришло, двустушием, как приходит все. Итог какого-то вздоха, к которому никогда не прирастет предпосылка.

Для моей Германии нужен был весь Рильке. Как обычно, начинаю с отказа.

О Борис, Борис, залечи, залижи рану. Расскажи, почему. Докажи, что всё так. Не залижи, – ВЫЖГИ рану! «Вкусих мало меду» [850] – помнишь? Что – мед!

Люблю тебя. Ярмарка, ослиные таратайки, Рильке, – все, все в тебя, в твою огромную реку (не хочу – море!). Я так скучаю по тебе, точно видела тебя только вчера.

М.

St. Gilles, 25 мая 1926 г., вторник

Борис, ты меня не понял. Я так люблю твое имя, что для меня не написать его лишний раз, сопровождая письмо Рильке, было настоящим лишением, отказом [851]. То же, что не окликнуть еще раз из окна, когда уходит (и с уходящим, на последующие десять минут, всё. Комната, где даже тебя нет. Одна тоска расселась).

Борис, я сделала это сознательно. Не ослабить удара радости от Рильке. Не раздробить его на два. Не смешать двух вод. Не превратить ТВОЕГО СОБЫТИЯ в собственный случай {176}. Не быть ниже себя. Суметь не быть.

(Я бы Орфею сумела внушить: не оглядывайся! Оборот Орфея – дело рук Эвридики. («Рук» – через весь корридор Аида!) Оборот Орфея – либо слепость ее любви, невладение ею (Скорей! скорей!) – либо – о, Борис, это страшно – помнишь 1923 год, март, гору, строки:

Не надо Орфею сходить к Эвридике
И братьям тревожить сестер – [852]
Либо приказ обернуться – и потерять. Все, что в ней еще любило – последняя память, тень тела, какой-то мысок сердца, еще не тронутый ядом бессмертья, помнишь'?

--- ...С бессмертья змеиным укусом
Кончается женская страсть!

все, что еще отзывалось в ней на ее женское имя – шло за ним, она не могла не идти, хотя, может быть, уже не хотела идти. (Так, преображенно и возвышенно, мне видится расставание Аси с Белым [853] – не смейся – не бойся.)

В Эвридике и Орфее перекличка Маруси с Мóлодцем – не смейся опять! – сейчас времени нет додумать, но раз сразу пришло – верно. Ах может быть просто продленное «не бойся» – мой ответ на Эвридику и Орфея. Ах, ясно: Орфей за ней пришел – ЖИТЬ, тот за моей – не жить. Оттого она (я) так рванулась. Будь я Эвридикой, мне было бы... стыдно – назад!

О Рильке. Я тебе о нем уже писала. (Ему не пишу.) У меня сейчас покой полной утраты – божественного ее лика – ОТКАЗА. Пришло само. Я вдруг поняла. А чтобы

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru закончить с моим отсутствием в письме (я так и хотела: явно, действительно отсутствовать) – Борис, простая вежливость не совсем или совсем не простых вещей. – Вот. –

Твой чудесный олень с лейтмотивом «естественный» [854]. Я слышу это слово курсивом, живой укоризной всем, кто не. Когда олень рвет листья рогами – это естественно (ветвь – рог – сочтутся). А когда вы с электрическими пилами – нет. Лес – мой. Лист – мой. (Так я читала?) И зеленый лиственный костер над всем. Так? –

Борис, когда мне было шесть лет, я читала книжку (старинную, переводную) «Царевна в зелени» [855]. Не я – мать читала вслух. Там два мальчика убежали из дому (один: Клод Бижар – Claude Bigard – Бижар – сбежал – странно?), один отстал, другой остался. Оба искали царевну в зелени. Никто не нашел. Только последнему вдруг неожиданно хорошо стало. И какой-то фермер. Вот все, что я помню. Когда мать поставила голосом последнюю точку – и – паузой – конечное тирэ, она спросила: «Ну, дети, кто же была эта царевна в зелени?» Брат (Андрей) сразу ответил: «Почем я знаю», Ася, заминая, начала ластиться, а я только покраснела. И мать, зная меня и эти вспышки: – «Ну, а ты как думаешь?» – «Это была... это была... НАТУРА!» – «Натура? Ах ты! – Умница». (Правда, ответ запоздал на век? 1800 г. – Руссо.) Мать меня поцеловала и обещала мне, вне всякой педагогики, в награду (спохватившись, скороговоркой) «за то, что хорошо слушала»... книжку. И подарила. Но гнуснейшую: Mariens Tagebuch [856] и, что еще хуже: Машин дневник, противоестественный, потому что Маша – и тетя Гильдебурта, и праздник «Трех Королей» (Dreikönigsfest) и пр. Противоестественный потому еще, что мир непреложно делился на богатых девочек и бедных мальчиков, и богатые девочки этих бедных мальчиков, сняв с себя (!), одевали (в юбки, что ли?). Аля эту книгу читала и утверждает, что там тоже был мальчик, который сбежал в лес (потому что его бил сапожник), но вернулся. Словом: НАТУРА (как – часто) повлекла за собой противоестественность. Эту ли горькую расплату за свою природу имела в виду мать, даря? Не знаю.

Борис, я только что с моря и поняла одно. Я постоянно, с тех пор как впервые не полюбила {177}, порываюсь любить его, в надежде, что может быть выросла, изменилась, ну просто: а вдруг понравится? Точь-в-точь как с любовью. Тождественно. И каждый раз: нет, не мое, не могу. То же страстное выгрывание (о не заигрыванье! никогда), гибкость до предела, попытка проникнуть через слово (слово ведь больше вещь, чем вещь: оно само – вещь, которая есть только – знак. Назвать – овестить, а не развоплотить) – и – отпор.

И то же неожиданное блаженство, которое забываешь, как только вышел (из воды, из любви) – невозстановимое, нечислящееся. На берегу я записала в книжку, чтобы тебе сказать: Есть вещи, от которых я в постоянном состоянии отречения: МОРЕ, ЛЮБОВЬ. А знаешь, Борис, когда я сейчас ходила по пляжу, волна явно подлизывалась. Океан, как монарх, как алмаз: слышит только того, кто его НЕ поет. А горы – благодарны (божественны).

Дошла ли наконец моя? (Поэма Горы.) Крысолова, по возможности, читай вслух, полувслух, движением губ. Особенно «Увод». Нет, всё, всё. Он как «Молодец» писан с голоса.

Мои письма не намеренны, но и тебе и мне нужно жить и писать. Просто – перевожу стрелку. Ту вещь о тебе и мне почти кончила [857]. (Видишь, не расстанусь с тобой!) Впечатление: от чего-то драгоценного, но – осколки. До чего слово открывает вещь! Думаю о некоторых строках. – До страсти хотела бы написать Эвридику: ждущую, идущую, удаляющуюся. Через глаза или дыхание? Не знаю. Если бы ты знал, как я вижу Аид! Я, очевидно, на еще очень низкой ступени бессмертия.

На полях:

Борис, я знаю, почему ты не идешь за моими вещами к Надежде Александровне [858]. От какой-то тоски, от самообороны, как бежишь письма, которое требует всего тебя. Кончится тем, что все пропадет, все мои Гёт'ы. Не перепоручить (не перепоручишь) ли Асе? Жду Шмидта.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
М.Ц.

Я не слишком часто пишу? Мне постоянно хочется говорить с тобой.

26 мая 1926 г., среда

Здравствуй, Борис! Шесть утра, все веет и дует. Я только что бежала по аллейке к колодцу (две разные радости: пустое ведро, полное ведро) и всем телом, встречающим ветер, здоровалась с тобой. У крыльца (уже с полным) вторые скобки: все еще спали – я остановилась, подняв голову навстречу тебе. Так я живу с тобой, утра и ночи, вставая в тебе, ложась в тебе.

Да, ты не знаешь, у меня есть стихи к тебе, в самый разгар Горы (Поэма конца – одно. Только Гора раньше и – мужской лик, с первого горяча, сразу высшую ноту, а Поэма конца уже разразившееся женское горе, грянувшие слезы, я, когда ложусь, – не я, когда встаю! Поэма горы – гора с другой горы увиденная, Поэма конца – гора на мне, я под ней). Да, и клином врезавшиеся стихи к тебе, недоконченные, несколько, зывание к тебе во мне, к мне во мне. Отрывок:

..В перестрелку – скиф,
В христопляску – хлыст,
– Море! – небом в тебя отваживаюсь.
Как на каждый стих –
Что на тайный свист
Останавливаюсь,
Настораживаюсь.
В каждой строчке: стой!
В каждой точке – клад.
– Око! – светом в тебе расслаиваюсь.

Расхожусь. Тоской

На гитарный лад

Перестраиваюсь,

Перекраиваюсь... [859]

Отрывок. Всего стиха не присылаю из-за двух незаткнутых дыр. Захоти – и стих будет кончен, и этот, и другие. Да, есть ли у тебя три стиха: ДВОЕ, посланные мною тебе летом 1924 г., два года назад, из Чехии? (Елена: Ахиллес / – Разрозненная пара, – Так разминовываемся – мы, Знаю – один / Ты – равносущ / Мне.) [860] Не забудь ответить. Тогда пришлю.

Борис, у Рильке взрослая дочь [861], замужем где-то в Саксонии, и внучка Христина, двух лет. Был женат, почти мальчиком, два года – в Чехии – расплелось. Борис, последующее – гнусность (моя): мои стихи читает с трудом, хотя еще десять лет назад читал без словаря ГОНЧАРОВА. (И, Аля, которой я это сказала, тотчас же: «я знаю, знаю, утро Обломова, там еще сломанная галерея».) Гончаров – таинственно, а? Тут-то я и почувствовала. Когда Tzarenkreis [862] – из тьмы времен – прекрасно, когда Обломов – уже гораздо хуже. Преображенный – Рильке (родительный падеж, если хочешь? Рильке'м) [863] Обломов. Какая растрата! В этом я на секунду увидела его иностранцем, т.е. себя русской, а его немцем. Унизительно. Есть мир каких-то твердых (и низких, твердых в своей низости) ценностей, о котором ему, Рильке, не должно знать ни на каком языке. Гончаров (против которого, житейски, в смысле истории русской литературы такой-то четверти века ничего не имею) на устах Рильке слишком теряет. Нужно быть милосерднее.

(Ни о дочери, ни о внучке, ни о Гончарове – никому. Двойная ревность. Достаточно одной.)

Что еще, Борис? Листок кончается, день начался. Я только что с рынка. Сегодня в поселке праздник – первые сардины! Не сардины, потому что не в коробках, а в сетках.

А знаешь, Борис, к морю меня уже начинает тянуть, из какого-то дурного любопытства – убедиться в собственной несостоятельности.

Обнимаю твою голову – мне кажется, что она такая большая – по тому, что в ней – что я обнимаю целую гору, – Урал. «Уральские камни» – опять звук из детства.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru (Мать с отцом уехали на Урал за мрамором для Музея [864]. Гувернантка говорит, что ночью крысы ей отъели ноги. Таруса. Хлысты [865]. Пять лет.) Уральские камни (ДЕБРИ) и Хрусталь графа Гарраха [866] (Кузнецкий) – вот все мое детство. На его – в тяжеловесах и в хрусталях.

Где будешь летом? Поправился ли Асеев? Не болей.

Ну, что еще?

– ВСЁ! –

М.

На полях:

Замечаешь, что я тебе дарю себя ВРАЗДРОБЬ?

Впервые – НП. С. 293–304 (как три отдельных письма, причем вместо 23 мая ошибочно дана дата 29 мая). СС-6. С. 251–258. Печ. по Души начинают видеть. С. 212–220.

56–26. Д.Г. Резникову
St. Gilles sur Vie, 25-го мая 1926 г.

Милый Дода,

я не так самонадеянна, и, если бы Вы даже сказали всё (место), первая протянула бы: – ли? (все ли?) Нет, столько не надо, когда все – это беда. Подумайте, Ваше место – занято, Вы без местопребывания. Вы вытеснены, Вас нет – что Вам, что мне от Вас остается? (Что мне – знаю: ответственность!)

Любить другую и дружить со мной, – это я сама выбрала (La part du lion.) {178}
любовь – la part du tigre {179}.

Очень рада была бы, если бы Вы летом приехали. (Кстати, где будете?) У нас целая бочка вина – поила бы Вас – вино молодое, не тяжёле дружбы со мной. Сардинки в сетях, а не в коробках. Позже будет виноград. Чем еще Вас завлечь? Читала бы Вам стихи.

Что пишу? Две вещи сразу [867]. Вторую почти кончила, впечатление: чего-то драгоценного – но осколки. (Дода, это чудно! Вы пишете «Поэма Молчанья», а я прочла «Мычанья» [868]. Помните, как он мычит? Мычал, потому что – увы – уже в прошлом: написала одно письмо и, пиша, чувствовала: из последних жил!) Нет, Дода, не он герой! (Вы не верите в поэмы без героев? Впрочем, сама не верю... Впрочем, сама виновата...)

Рада, что хорошо встретились с моей поэмой Горы. (Герой поэмы [869], утверждаю, гора.) Кстати знаете ли Вы, что мой герой Поэмы Конца женится, наверное уже женился. Подарила невесте свадебное платье (сама передала его ей тогда с рук на руки, – не платье! – героя), достала ему carte d'identité {180} или вроде, – без иронии, нежно, издалекá. – «Любите ее?» – «Нет, я Вас люблю». – «Но на мне нельзя жениться». – «Нельзя». – «А жениться непременно нужно». – «Да, пустая комната... И я так легко опускаюсь». – «Тянетесь к ней?» – «Нет! Наоборот: даже отталкиваюсь». – «Вы с ума сошли!»

Ужинали вместе в трактирчике «Les deux frères» {181}. Напускная решительность скоро слетела. Неожиданно (для себя) взял за руку, потянул к губам. Я: «не здесь!» Он: «где – тогда? Ведь я женюсь». Я: «Там, где рук не будет». Потом бродили по нашему каналу, я завела его на горбатый мост, стояли, плечо в плечо – вода текла – медленнее чем жизнь.

Дода, ведь это стоит любви? И почему это «дружба», а не любовь? Потому что женится? Дружба, я просто больше люблю это слово. Оттого – «дружу».

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Здесь два мира: море и суша, именно суша: ни деревца. Море я и не пытаюсь любить, чтобы любить море, чтобы быть вправе его любить, нужно быть или рыбаком или моряком. Поэт – здесь – несостоятельность.

Море, эту отдаленность чувствуя, подлизывается ко мне всеми своими волнами.

До свидания, Дода. Пишите мне хотя бы изредка. – Жаль, что не Вы о «Поэме Горы» [870]. Но друзей рознить – не должно. В четверг будем встречать Сергея Яковлевича, которого вы все что-то уж слишком долго провожаете. (Один праздничный обед уже пропал, пришлось, с болью сердца, съесть.)

Наши места – места Жилия де Ретца [871].

МЦ.

Впервые – ВРХД. 1983. № 138. С. 191–192 (публ. В. Лосской). СС-7. С. 96–97. Печ. по СС-7.

57-26. В.Б. Сосинскому
St. Gilles, 26-го мая 1926 г., среда

Дорогой Володя,

Второй месяц нашего пребывания здесь. Хотите самое удивительное приобретение? Я любима, обожаема хозяевами, им и ею, т.е. полтора года летами. Лестно? (Мой идеальный «старик».) Они и их любовь и есть самое главное событие этого месяца, меня в этом месяце. В их лице меня любит вся старая Вандея, – больше! – весь старый мир, к которому я – чем-то – корнями принадлежу (может быть простой воспитанностью сердца, которой – утверждаю – в новом нет, и, пока не сделается старым, не будет). Это скрашивает жизнь, стирает ее углы, – о да, водит и гладит по сердцу. Но не только воспитанность: весь уклад. Здесь я, впервые после детства (Шварцвальд) [872], очарована бытом. Одно еще поняла: НЕНАВИЖУ город, люблю в нем только природу, там, где город сходит на нет. Здесь, пока, всё – природа. Живут приливом и отливом. По нему ставят часы!

Не пропускаю ни одного рынка (четыре в неделю), чтобы не пропустить еще какого-нибудь словца, еще жеста, еще одной разновидности чепца.

Словом, – роман с бытом, который даже не нужно преобразовать: уже преобразен: поэма.

Мой быт очарователен менее: я не жена рыбака, я не ложусь в ½ 9-го (сейчас ½ 9-го и хозяева уже спят), я не пойду на рынок продавать клубнику – сама съем, или так отдам, и, главное, я все еще пишу стихи, точнее: постоянно рвусь их писать, а это мешает и готовить, и мести и просто стоять на крыльце, без дела. – И все эти письма.

Очень загорела, хожу в Адином берлинском синем платье, которое Аля извлекла из пасти крокодила [873], – оно мне по колено, но море мне тоже по колено – вне дурного каламбура – по крайней мере сухой выхожу из воды (опять каламбур!). Я просто хочу сказать, что платье ровно в уровень прилива. Передайте Аде мою благодарность.

Еще не купаемся. Здесь все-таки не Юг, и жара другая, у моря никогда не жарко, жарко на суше – не степь, не огороды, не луга, не пашни – именно суша, ни деревца. Люблю эту землю, потому что сама ее выбрала, а выбрала, должно быть, потому что знала, что полюблю. Просто – ИМЯ, все предопределяющее.

Спасибо за письмо. Милый Володя, Вы очень хорошо ко мне подошли, просто – у меня никогда не было времени и у Вас не было. Чувство требует времени, не мысль. Мысль – вывод. Чувство всегда начинается с начала, оно прежде всего – работа. (И забота!) Есть лучший мир, где все наши умыслы зачтутся, а поступки – отпадут. Тогда Вы, и Адя, и Ольга Елисеевна, и Наташа увидите, что я лучше, чем вы все видели, чем мне здесь дано было быть. Там у меня будет время быть собой, чувствовать. И излучать.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Тетрадь прожорлива, особенно, когда ее не кормишь. Там не будет тетрадей.

Мур еще не ходит, но коляску свою возит и, когда ведешь на поводе (в поводу, по-моему, только лошадей!), тянет не хуже доброго дога. Порядочно своеволен, плачусь спичками, которые он постоянно выхватывает и рассеивает. Когда ходит (на поясе), неотторжим от дверных задвижек, шкафных защелок, вообще всего, что торчит и вертится. Песок ест, но тотчас же выплевывает. Больше всего любит крик осла. К морю вполне равнодушен, не смотрит. Алю зовет Ама, причем первое А тянет с минуту, застывая с открытым ртом.

Аля в восторге от Олиных красок, читает Ваши журналы и выпрашивает у меня какого-то Циркового Орфелина {182} (!!!) [874]. Поражает всех своим ростом и весом. Моется только раз в день перед сном, очень наспех. Утром – ПЕРЕСТАЛА.

Гоните, выпроваживайте, снаряжайте и провожайте Сережу. К чертям Сувчинского! Хорошо ему, пяти или сколько-пудовому! Серьезно, Володя, очень прошу! Сувчинский в Бельгии может просидеть две недели. Сережа должен быть здесь не позже субботы, иначе – пригрозите! – буду слать две телеграммы в день и в лоск проживусь. У Сережи уже не совесть, а мания.

Поцелуйте Адю, если меня еще не забыла. Я ее очень люблю, как редко кого. Поправились ли она? Загорела ли? Очень хочу осенью в Nuèges [875] – на настоящий юг, к Средиземному морю моего детства. В Париже не хочу жить ни за что [876].

Сердечный привет. Буду рада, если напишете. Огромное спасибо за бумагу и конверты.

МЦ.

P.S. Передайте Сереже – сегодня забыла написать – что здесь свежий ТОНН (рыба) – 5 франков кило. Сегодня ели. Съели целое кило. И Мур ел.

Если Наташа тоже в Париже, сердечный привет.

Приписка на полях:

очень рада, что будете писать о Поэме горы [877].

Впервые – ВРХД. 1974. № 114. С. 208–210 (публ. В.Б. Сосинского). СС-7. С. 80–81. Печ. по СС-7.

58–26. З.Н. Гиппиус
Май 1926 г. [878]

Многоуважаемая Зинаида Николаевна,

[Неприменно послала бы Вам это письмо рпеи {183}, если бы не какая-то вульгарность дешевого жеста и имени, легковесности жеста и имени. (Не люблю упрощенных (техникой) вещей, – устраненных ею трудностей .) «Рпеи» в важных случаях не посылают, только в спешных. Телеграф – да, рпеи – нет. Не люблю спешного, спелого? превозможения естественных трудностей, – времени и пространства. А спешка моя – оттого, что Ваше письмо целых две недели пролежало в редакции.]

Во-первых и в срочных: Ваше письмо, отосланное 20-го, я получила только сегодня, 2-го – 2 недели пролежало в редакции. Непременно ответила бы Вам рпеи. Не ответила рпеи из-за вульгарности наименования и дешевого жеста. Есть вещи – которые нельзя совершать по телефону. Рпеи – это тот же письменный телефон, бытовое подспорье, не более. Не люблю, вообще, превозможения [над этим словом: устранения] естественных трудностей техническим (противоестественным) путем, – ни подъемника, ни лежащей лестницы, ни нрзб. в этом смысле я не цивилизована и косна.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Так, сбросив с себя основную тяжесть – подозрение в невоспитанности (я – глубоко воспитана), приступаю к ответу.

В Вашем письме (статья – повод, и – прекрасный повод) я вычитала две вещи, ради которых оно и написано: суд [над моей душой] и [Вашу] нелюбовь [ко мне]. В Вашем письме я вычитала два вопроса: (Умный судья начинает с вопросом, а нелюбящий тоже вопросом: почему не люблю?) Ответом своим я вскрою не свое, а Ваше сердце. Отвечаю на полную чистоту.

[Вы меня жалеете] Жалость. Это мне редко приходилось слышать. [Меня ни в Советской России] Для того, чтобы тебя жалели, нужно себя жалеть самому. – Аксиома. – А если я чего-нибудь жалела в себе, то – своей головы, вот уже 8 лет задуренной бытом: мытьем посуды, стиркой, людьми, всей бытовой нищетой – вовсе не переносимой, просто: отсутствие письменного стола, хоть часа подаренного. Ни рук для черновой работы, ни ног на чужие этажи, ни – самое главное! Живой души своей я никогда не жалела, и не берегла. Предоставляла (из высокомерия) это – другим, и почти всегда срывалось.

Это – о жалости к себе. Вывод: никто меня не жалел. Вы – честное слово – первая, и первым же словом [879]. И первое мое чувство в ответ смесь удивления и благодарности, явное – да. Рассмотрим Вашу жалость: это, явно, жалость, высшего – к низшему, высокомерие жалости, вроде (pauvre bête {184} – ослу, но без нежности, ослам выдаваемой), [не священника] жалости, которую я иногда читаю в глазах и слышу в интонации – антропософское настроение: мы знаем, у нас «то, чего тебе не дано». Жалости – читательского внимания – человека, стоящего на высшей ступени, жалости (что выше поэта?) человека религиозного, с остовом не внутри его, а во вне, человека, за спиной которого твердо стоит даже не гора – Бог. От этой, тайной или явной, жалости высшего к низшему не свободен никто, – кроме Бога, за которым никакой стены. Эту жалость я однажды ощутила в обращении ко мне, 11 лет, католического священника в исповеди: «Petite slave... {185} [880] (NB! Не католик, а православная, не взрослая, а маленькая – и уже столько грехов, и какие не католические грехи...)

Ваша жалость надличная, внеличная, располагающая – к расположению. Задумчивая. Вы, если у Вас есть Бог: счастливее меня. У меня Бога (одного) не было и вряд ли будет, я живу в нрзб., высочайшем и последнем соблазне мира – не люблю эти слова, но приходится – искусстве. Я знаю, что Ваше – выше, но у меня его нет.

В этом смысле – Ваша жалость права и нрзб..

О нелюбви.

«Я Вас не люблю» [881] – какое люблю сравнится с этим. Как для меня, в этих словах, упоительны упор и отбор. «Я Вас не люблю» – почти всегда по адресу, тогда как «люблю» так часто – мимо! (Любят мечту, ненавидят – достоверность). Вы (предположим) именно меня не любите, не воображаемую меня, как в любви, а достоверную. А что важнее от человека к человеку, как [сверху: чем] – достоверность?

В своей нелюбви Вы правы [882]. [Сколько раз – всем и каждому – я говорила: «Ахматову я буду любить, Гиппиус – нет.»] Ваше письмо 1926 г. было подготовлено всей мной – с рождения, всей моей сущностью и – неведомой Вам, но может быть – как-то – сделанной вами – моей нелюбовью к Вам. Я Вас никогда не была готова любить (всё в этом!) Я Вами любовалась, многое Ваше любила, но любить – Вас – никогда.

Вы – судья. Зинаида Николаевна, я, в жизни сей – подсудимый. (Третьего – нет). [Так вот, нелюбовь подсудимого к судье – земному, т.е. неправедному]. Идею суда я в Вас ненавижу, не Вас – как Вы во мне – не меня, а большее: [идею / чувства] сияющее сознание непогрешимости, всю безответственность природы. [Со дня своего рождения я уже та, что сейчас]. Природа, даже когда губит – не судит. Я самое обратное что есть – судье. (Палач – ближе!) Я из всех душевных пород самое обратное, что есть – Вам. Наша нелюбовь единственно правильна и взаимна.

Знаю, что если бы встретила, навертите бы обольстилась (хотя бы, как сейчас тонкостью подкупленной Германией [883]. О, как я ее читала!), но знайте, что это было бы (будет!) именно обольщение (дурная, а не праведная любовь).

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Смейтесь или не смейтесь – вчера, вечером, в метро я полчаса глядела на даму – в сером, изящную, надменную, недобрую, которая могла бы быть Вами. Смотрела на нее всей зрячестью враждебности и всей слепостью оболъщения. Сочиняла всю жизнь назад, шла по ее обратному следу. И, вернувшись домой: я сегодня видела Гиппиус (какое прекрасное имя – конечное! Есть разные Германии, это я о Вашей германской крови) [884].

И сегодня утром – Ваше письмо.

Впервые – сб.: Powrócié do Rosji wierszami i prozą. Literatura roszyjskiej emigracji (Вернуться в Россию стихами и прозой. Литература русского зарубежья). Под ред Г. Нефагиной, Akademia Pomorska w Słupsku, Słupsk (изд. Поморской академии в Слупске, Слупск, Польша), 2012. С. 94–95 (публ. Л.А. Мнухина). Печ. по тексту первой публикации с уточнениями, выполненными при участии К. Беранже.

59–26. М.Л. Слониму
Май 1926 г. [885]

Дорогой [886],

Поздравляю Вас с Димитрием [887]. Почему скрыли? Первенец – такая радость! (Сын). Сколько ему сейчас, – 6 или 7 месяцев? Знали, конечно, все, кроме меня. Но – земля слухами полнится! (А я-то с Вами – три года напролет строила на своем – «абсолютном». Миную слухи (факты) – не слухи! Хорош слух! Хороша я!)

Поздравляю Вас с Димитрием, но его с Вами – нет. Такого отца, как такого друга – лучше ничего. (Пустота только тогда страшна, когда называется человеком. Иной, кажется, и не знаю.)

Две вещи меня глубоко – до дна – до полного отвращения – не к Вам, а от Вас – поразили: Ваше молчание – СО МНОЙ и Ваши слова о Вашем сыне: «люблю только Леночку» [888].

Вы любите бывшее, вы любите сущее, Вы не любите будущего. Вы ничего не пели над этой колыбелью. (Сухой песок – вот мой осадок от Вас.) Вы не поняли святости этого слова: СЫН. Единственную незыблемость в стране измен и предательств – встреч, дружб, разлук. Вы не поняли одуряющего богатства этого слова. Вы не поняли исхода этого слова: Скупец, – нет, слепец над сокровищем! «Вот – я и, может быть, нечто большее меня. Вот я – завтра! Вот я – когда я умру». Вы и здесь оказались маленьким, мелким, крохотным себялюбцем. Если бы Вы любили бога, божественность в себе – Вы бы сумели любить своего сына. Но Вы любите идольчика в себе, – единоличного, хоть и повторимого, Казанова? О, нет. Тот любил.

О молчании со мной. О Бальмонтовой калясочке, [889] не бревенчатой, сумели рассказать, а о своей [890], в свой час, нет? «Пустячки?» Презираю. Сын, – не пустяк, если чтить бога в себе. (Вы в себе любите идола!) Бога, завтра, небывшего будущее. От этого места в тексте прочерчена линия вниз к словам «до меня...»

Из всех инстинктов – озарение – в Вас живы только два: любострастие и самосохранение. Они пожрали все.

«До меня не касается?» До меня все большое касается. Первый сын в жизни в мужчины – самое большое, больше всех книг.

Страх? Боязнь огорчить «романом» [891]. Но мое ясновидение разве не все предвосхитило: «Как живется Вам с другой?» [892] (Это был мой слух!) И разве я, расставшись с Вами, как расставшаяся, уже могла чувствовать от Вас какую-нибудь боль? Мне для боли достоверности не надо.

Приди Вы ко мне, как настоящий человек, как друг, Вы бы сохранили во мне друга на всю жизнь, неповторимого. И может быть я – издалека – сказала бы Вашему сыну те молчаливые слова любви и радости, которые не сказал ему – его отец – Вы.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
и колыбель эта не была бы такой нищей.

(Нелюбимая мать. Нелюбящий отец. Разве для злого рождаются?) Кому же любить тогда? Встречным?

Знаю о его матери, что она быстро плачет и быстро смеется [893]. Дай Бог ее слезам быстро пересохнуть, а смеху перейти в улыбку – в ту улыбку – в мою улыбку: моей любовью, дружбой, славой, всем, всем, кроме моей души и моего сына.

А молодому Димитрию Вашему – (мои пожелания – заклятия) – не походить на отца.

МЦ.

Печ. впервые. Письмо (черновик) хранится в архиве М.И. Цветаевой в РГАЛИ (ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 13, л. 127–128).

60–26. Б.Л. Пастернаку
Май 1926 г.

Борис.

Море я люблю, когда начну его писать, займусь им, вникну в него.

Ты в слово современный вкладываешь всё, что я во вне-временный.

Ты более чем кто-либо оговорочен.

У меня мое море, наше с тобой,

Впервые – Души начинают видеть. С. 220. Печ. по тексту первой публикации.

61–26. П.П. Сувчинскому
St. Gilles, 2-го июня 1926 г.

Дорогой Петр Петрович,

Вот что пишет Пастернак об отзыве Мирского (в «Современных Записках», о нем и мне). «Чудесная статья, глубокая, замечательная, и верно, очень верно {186}. Но я не уверен, справедливо ли он определяет меня. Я не про оценку, а про определение именно [894]. Ведь это же выходит вроде „Шума Времени“ [895] – натюрмортизм. Не так ли? А мне казалось, что я вглухую, обходами, туго, из-под земли начинаю, в реалистическом обличий спасать и отстаивать идеализм, который тут только под полой и пронести, не иначе. И не в одном запрете дело, а в перерождении всего строя, читательского, ландкартного (во временах и пространствах) и своего собственного, невольного» [896].

Когда я это прочла, я ощутила правоту Пастернака, как тогда, читая, неправоту Мирского. И вспомнила – очень неполно, отдельностями – поездку за фартуками, слоготворчество, жгут фуги, измененный угол зрения. Всё, что вспомнила, написала Пастернаку [897], а Вам пишу следующее:

Вспомните полностью, т.е. создавайте заново и напишите: (Жгут фуги это была я, измененный угол зрения – Пастернак). Напишите о нем и мне – от лица Музыка, как никто еще не писал. Угол зрения – угол слуха, со зрительного на слуховое.

Просьба не странная, мне до страсти хочется, чтобы лучшее, сказанное о Пастернаке, шло отсюда. СНЯТЫЙ РУБЕЖ. А почему о нем и мне? Потому что все это делают, и письменно и устно, и делают не так. Родство и рознь. Берут какое-то соседство, не оправдывая, не подтверждая. Устанавливают факт. Любопытны – истоки.

Этой статьи я хочу и для Пастернака, и для себя, и для Вас. Я хочу, чтобы лучшее сказанное о Пастернаке и мне было сказано вами, МУЗЫКАНТОМ: МУЗЫКОЙ [898]. Вы

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru замечательно пишете, ненавидя статьи полюбила Вас за статью о Блоке [899].

И еще: мне важно снять с Пастернака тяжесть, наваленную на него Мирским. Его там – за бессмертие души – едят, а здесь в нем это первенство души оспаривают. Делают из него мастера слов, когда он – ШАХТЕР души.

«С заскорузлой от музыки коркой
На поденной душе.....».

(Из его отроческой книги) [900].

(Статьи Святополк-Мирского сейчас подробно не помню. Загвоздка в противопоставлении моего платонизма его – не знаю чему.)

Кончаю небольшую поэму, разномастную и разношерстную [901]. Приедете – прочту. (Приедете ведь?)

Откармливаю Сергея Яковлевича, которого Вы обратили в скелета. Заездили коня – версты! [902] Прочла «Вольницу» Артема веселого [903]. – жизнь во всей ее силе. – Прочла письмо Ремизова к Розанову, которое, не сомневаюсь, прочел и Розанов [904]. Порукой – конец.

Две недели сряду читала Письма Императрицы [905], и две недели сряду, под их влиянием (в ушах навязало!) писала ужасающие.

Пейзаж напоминает Мирского – ровно. Я больше люблю горы.

Устрашающие ветра. Сегодня на рынок шла вавилонками как пьяный. Море грязно-бурое, ни одного паруса.

Едим крабов и паучих (спрутов). Пьем вино из собственной бочки, которая стоит в жерле камина. Хозяину и хозяйке двести лет, вину – три месяца.

До свидания, если серьезно хотите приехать, все удостоверю и напишу. Мне только нужно, когда и на какой срок. Привет Вам и Вере Александровне [906].

МЦ.

Впервые – Revue des Études slaves. С. 197–198. СС-6. С. 319–320. Печ. по СС-6.

62-26. Р.М. Рильке
St. Cilles-sur-Vie 3-го июня 1926 г.

Многое, почти все, остается в тетради. Тебе – лишь слова из моего письма к Борису Пастернаку:

«Когда я неоднократно тебя спрашивала, что мы будем с тобой делать в жизни, ты однажды ответил: „Мы поедем к Рильке“. А я тебе скажу, что Рильке перегружен, что ему ничего, никого не нужно. От него веет холодом имущего, в имущество которого я уже включена. Мне ему нечего дать, все взято. Я ему не нужна и ты не нужен. Сила, всегда влекущая, – отвлекает. Нечто в нем (как это зовется, ты знаешь) не желает отвлекаться. Не имеет права.

Эта встреча для меня – удар в сердце (сердце не только бьется, но и получает удары, когда устремляется ввысь!), тем более, что он совершенно прав, что я (ты) в свои лучшие часы сами такие же» [907].

фраза из твоего письма: «...если вдруг я перестану сообщать тебе, что со мной происходит, ты все равно должна писать мне всякий раз, когда...» [908]

Прочла и сразу: эта фраза просьба о покое. Покой наступил. (Теперь ты немного успокоился?)

Знаешь ли ты, что все это значит: покой, беспокойство, просьба, исполнение и

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru т.д. Слушай же – мне кажется, что я знаю точно.

До жизни человек – всё и всегда, живя жизнь, он – кое-что и теперь. (Есть, имеет – безразлично!)

Моя любовь к тебе раздробилась на дни и письма, часы и строки. Отсюда – беспокойство. (Потому ты и просил о покое!) Письмо сегодня, письмо завтра. Ты живешь, я хочу тебя видеть. Перевод из Всегда в Теперь. Отсюда – терзание, счет дней, обесцененность каждого часа, час – лишь ступень – к письму. Быть в другом или иметь другого (или хотеть иметь, вообще – хотеть, едино!) Я это заметила и смолкла.

Теперь это прошло. С желаниями я справляюсь быстро. Чего я от тебя хотела? Ничего. Скорей уж возле тебя. Быть может, просто – к тебе. Без письма уже стало – без тебя. Дальше – пуще. Без письма – без тебя, с письмом – без тебя, с тобой – без тебя. В тебя! Не быть. – Умереть!

Такова я. Такова любовь – во времени. Неблагодарная, сама себя уничтожающая. Любви я не люблю и не чту.

В великой низости любви – у меня есть такая строчка [909]. (La grande bassesse de l'amour или – еще лучше – la bassesse suprême de l'amour {187}.)

Итак, Райнер, это прошло. я не хочу к тебе. Не хочу хотеть.

Может быть – когда-нибудь – с Борисом (издалека, без единой строки от меня, он все «почуял»! Слух поэта!) – но когда – как... Не будем спешить!

И – чтобы ты не счел меня низкой – не из-за терзания я молчала – из-за уродливости этого терзания!

Теперь – прошло. Теперь я пишу тебе.

Марина.

Впервые – Вопросы литературы. С. 265–267. СС-7. С. 63–64. Печ. по кн.: Небесная арка. С. 76–77.

63–26. Б.Л. Пастернаку
6 июня 1926 г.

О поэме «Попытка комнаты»:

Я хотела дать любовь в пустоте: всё в ничто. Чувствую, что любовь не получилась, потому что есть вещи больше. Они – получились. Кроме того, у меня к тебе (с тобой) странная робость, скудость. Не затрагиваю. Точнее: не дотрагиваюсь. Ты ТО, что я люблю, не ТОТ, кого люблю.

Впервые – Души начинают видеть. С. 224. Печ. по тексту первой публикации.

64–26. В.Ф. Булгакову
St. Gilles, 8-го июня 1926 г.

Дорогой Валентин Федорович,

Очень рада была Вашему большому письму, той волне тепла из Вшенор, особенно ощутимой в нашей просквоженной Вандее. Ветра здесь лютые. Если видаетесь с Бемом [910], передайте ему, пожалуйста, что климат здесь, пока, меньше всего теплый и ровный, и вообще вовсе не приспособлен для слабогрудых. Три разных ветра в день (все холодные). Мы живем, потому что живем, но везти сюда слабых детей на поправку не стоит. Нужно южнее.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Блудный сын наконец прибыл, – заездили коня Версты! [911] – первые четыре дня ел, не смыкая челюстей, и спал, не размыкая глаз. Поправляется. Если бы не погода – все хорошо. Но погода плачевная. За сутки час – два тепла, да и то! Либо дождь, либо ветер!

Пишу – людей никого – все свободное время идет на тетрадь.

Сердечный привет Вам и Вашим.

Где звездочка – наш дом [912].

МЦ

Впервые – Письма Валентину Булгакову. С. 50. СС-7. С. 13–14. Печ. по СС-7.

65-26. А.А. Тесковой
St. Gilles-sur-Vie, 8-го июня 1926 г.

Дорогая Анна Антоновна!

Ваше письмо было для меня большой радостью и поддержкой. Самая большая редкость – чистый подход к вещи, вещь и ты, – так Вы подошли к моему «Поэт о критике».

Статья написана просто (это не значит, что я над ней не работала, – простота дается не сразу, сложность (нагроможденность!) легче!), читалась она предвзято. Один из критиков отметил, что я свою внешность считаю прекрасной (помните о красоте и прекрасности?) – я, которая вообще лишена подхода к какой-либо внешности, для которой просто-внешности (поверхности, самого понятия ее!) нет [913].

Грызли меня: А. Яблоновский, Осоргин, Адамович (впрочем, умеренно, втайне сознавая мою правоту) и... Петр Струве [914], забыв на секунду и Кирилла Владимировича и Николая Николаевича [915]. Ни одного голоса в защиту. [916] я вполне удовлетворена.

Но все это уже прошлое. Настоящее вещи – когда она пишется. Дописано – прошло. Самостоятельное существование вещи вне меня – вот цель и итог.

О нашей жизни. Приехал после парижских мытарств Сергей Яковлевич, скелетоподобный, вечно голодный и сонный. Первые дни ел и спал попеременно, сейчас отошел, ходит, пишет.

Погода ужасная, смена дождя и ветра, ходим в зимнем. На этом побережье tous les vents se donnent rendez-vous {188}. Какие-то Норды, Осты, Весты, – и хоть бы одни теплый!

Океан. Сознаю величие, но не люблю (никогда не любила моря, только раз, в первый раз – в детстве, под знаком пушкинского: «Прощай, свободная стихия!» [917]).

Она свободная, а я на ней – связанная. Свобода моря равна только моей несвободе на нем. Что мне с морем делать? Глядеть. Мне этого мало. Плавать? Не люблю горизонтального положения. Плавать, ведь это лежать, ехать. Я люблю вертикаль: ходьбу: гору. Равнодействующую сил: высоты и моей. На Океане я зритель: в театре: полулежит в ложе. Пляж – партер. Люблю в театре только раёк (верх), т.е. горы, которых здесь нет.

Кроме того, море либо устрашает, либо разнеживает. Море слишком похоже на любовь. Не люблю любви. (Сидеть и ждать, что она со мной сделает.) Люблю дружбу: гору.

Мур почти ходит. Сергей Яковлевич привез ему загон (Baby-Park), ставим в сад, где и пасется. Очень большой и толстый, красивый, волосы начинают виться. Больше всею любит животных. Много понимает; но говорит мало.

Аля знакомится с морем (Мур на него и не смотрит), но, думаю, тоже предпочитает

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
земные волны: горы и листву. Здесь совсем нет деревьев и очень мало травы.
Песок.

Но все-таки радуюсь, что в Вандее, давшей когда-то столь великолепную вспышку воли. В семи километрах от нас, возле фермы Mathieu, крест с надписью: здесь такого-то числа 1815 г. убит Henri de la Rochejaquelein [918]. – Вождь Вандеи. –

Народ очаровательный: вежливый, веселый, легко жить. Одежда и головные уборы как века назад. В нашем St. Gilles церковь XIII в.

Дорогая Анна Антоновна, у меня к Вам большая просьба, трудная, не знаю как приступить.

У Новеллы Чириковой [919] на вилле Божанка во Вшенорах (где жила Андреева) осталась наша большая корзина. Если бы Вы забрали ее к себе, Вы бы нас спасли. Вещи там очень хорошие (всё Муркино приданое), много моих, письма, тетради, всё, что я не забрала с собой, уезжая. За лето моль поест шерсть, и вообще, дольше держать корзинку у Чириковых невозможно. Боюсь, что вещи уже сейчас заплесневели. А там например чудесное Мурино пальто на четыре года, множество штанов и шерстяных чулок. Жаль.

Нынче же пишу В.Ф. Булгакову и его жене [920], живущим во Вшенорах. Они Вам во всем помогут, только нужно списаться или сговориться. Všenory, číslo 33 (Булгаков).

Не знаю, где удобней перетрясти и переложить вещи, – у Чириковых или у Вас. Необходимо пересыпать нафталином.

Вторая просьба: мне очень нужны два летних платья: одно – переделка платья из подаренного Вами: кремовое с красными горошинками и другое: голубое в клетку (голубое, черное, белое – клетчатое, тонкое, сразу узнаете). Думаю, их можно, как старые вещи переслать по почте. Мне совсем нечего носить, уехала в апреле, когда еще о летнем не думалось.

Не выписываю всей корзинки сюда, потому что совсем не знаю, где будем осенью.

Булгаков найдет и лошадь (может быть тачку) до вокзала, и сдаст в багаж, – во всем поможет. Он необыкновенно сердечный и деятельный в дружбе человек.

Внезапная мысль: земными тяжестями умеют (т.е. соглашаются) ворочать только души. Тела косны, – себя еле носят, – где уж – корзину!

Целую Вас нежно и бесконечно смущаюсь за просьбу. Сердечный привет Вашим.

М.Ц.

Деньги на расходы вышлю тотчас же как получу Ваше согласие.

Да! Последняя просьба! На дне корзины должна находиться толстая коричневая немецкая мифология, в переплете, с картинками.

Gustav Schwab – Die schönsten Sagen des klassischen Altertums {189}.

Эту книгу нужно отправить отдельно, почтой, заказной бандеролью, не багажом. Она мне крайне нужна в возможно скором времени для II части Тезея [921], которую пишу сейчас. Толстый, коричневатый, несколько разъехавшийся том. Там же имя с припиской:

книга на всю жизнь.

Как Вам понравились версты? [922]

Жду письма. Сердечный привет от нас всех Вам и Вашим.

М.Ц.

Впервые – Письма к Анне Тесковой, 1969. с. 39–40 (с купюрами). СС-6. с. 345–347.
Страница 190

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Печ. полностью по кн.: Письма к Анне Тесковой, 2008. С. 36–39.

66–26. Б.Л. Пастернаку
Начало июня 1926 г.

Среди поправок к поэме «Попытка комнаты»:

Борис, как я бы хотела тебе показать свои черновики. Тебе – тебе – тебе одному, никому больше. Тебе, не соглядатаю, а содеятелю, сопреступнику. Для одного 4–стишия столько столбцов и смыслов. Над строкой: для одной рифмы сколько. Это крайняя заумная изощряемость мысли, изощряемость, доводящая нас до тупика и бросающая на постель. Ум за разум!

Впервые – Души, начинают видеть. С. 224. Печ. по тексту первой публикации.

67–26. В.Ф. Булгакову
St. Gilles, 9–го июня 1926 г.

Дорогой Валентин Федорович.

Сердечная просьба:

помогите Анне Антоновне Тесковой (Gregrova, číslo 1190) перевезти к ней нашу большую корзину (громадную!), которая стоит у Чириковых. Эта корзина тяжелой глыбой на моей совести. Там Муркино приданое на два года вперед, мои тетради, письма, всяческое. И все это пожирается молью.

Еще: у наших бывших хозяев (číslo 23, Ванчуровых) Серезина шинель, френч и ранец с тетрадями. Все это нужно переложить в корзину перед отправкой ее к Тесковой. А то пропадет. (В корзине места много.)

Тескова, очевидно, за корзиной приедет сама, нужно только помочь ей доставить ее на вокзал (лошадь? тачку?). Было бы хорошо списаться о дне и часе.

Не знаю, где будем осенью, поэтому выписывать нет смысла. А вещи (особенно Муркины) хорошие, во второй раз не будет.

Очень смущена такой тяжеловесной просьбой. Уступаю место еще более смущенному просителю [923]. Сердечный привет Вам и Вашим.

МЦ.
Погода у нас гнуснейшая.

Впервые – Письма Валентину Булгакову. С. 52. СС–7. С. 14. Печ. по СС–7.

68–26. А.В. Черновой
Милая Адя!

13–го (в воскресенье) в Подворье (63, rue de Crimée) венчание М.С. Булгаковой [924]. Хорошо бы узнать накануне – когда, и пойти! Венчается целая поэма! (Пауза.) Целых две.

Подговорите Володю [925] и Доду [926] и пойдите. и напишите.

Хороший день выбрали – а? (13–е!)

Целую.

МЦ.
St. Gilles, 9–го июня 1926 г.

Впервые – Лосская В. Марина Цветаева в жизни, Тенаfly. N.–Y.: Эрмитаж, 1989. С. 97. СС–6. С. 676, Печ. по СС–6.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

69–26. О.Е. Колбасиной–Черновой
St. Gilles, 9–го июня 1926 г.

Дорогая Ольга Елисеевна,

Сердечное спасибо за чудные подарки. С рыбкой Мур купается, с зайцем гуляет, а костюмчик, увы, лежит, – ветра и дожди. Длина и ширина как раз. Морды котов грозны и сини, как туча.

Приехал Сергей Яковлевич, живет вторую неделю, немножко отошел, – в первые дни непрерывно ел и спал. Подарили ему с Алей chaise longue {190}, лежит в саду. Жизнь простая и без событий, так лучше. Да на иную я и неспособна. Действующие лица: колодец, молочница, ветер. Главное – ветер.

Понемножку съезжаются дачники, иные уже купаются, – глядеть холодно. Кабинка стоит 300 франков, обойдемся без. Сюда собираются Бальмонты. Русских здесь, оказывается, бывает много.

О людях:

13–го М.С. Булгакова выходит замуж.

26–го у Кати Рейтлингер родилась дочь.

Нужно бы третью новость – нету!

У Мура загон. Только вчера прибыл. Поправился. Стоит не держась и явно ожидает похвалы. Ходит, но не твердо, – шагов двадцать (очень спешных!) и садится. Много понимает, но говорит мало, – занят ходьбой. Я не спешу, и он не спешит.

Аля завалена кинематографическими журналами, другое читает менее охотно. Жизнь лучше, чем во Вшенорах, если не легче, то как-то краше. Если бы не погода!!!

Оканчиваю две небольших поэмы [927], времени писать мало, день летит. Читаю по ночам Гёте, моего вечного спутника.

Сейчас иду к Сереже, он будет читать вслух, а мы с Алей шить. – Где Вы? Пишу в пространство, т.е. на Rue Rouvet. Что Пиренеи? [928] Каковы планы и сроки?

Целую нежно.

МЦ.

Впервые – Wiener Slavistisches Jahrbuch. Wien. 1976. Bd. 22. С. 109–115 (публ. Хорста Лампля). СС-6. С. 762–763. Печ. по СС-6.

70–26. Б.Л. Пастернаку
12 июня 1926 г. [929]

Борис, я боюсь твоего следующего письма. Мне нужно с Вами поговорить – я этого боюсь пуще пропуск одного слова. Раз ты недоволен, я виновата – в чем? И подтасовка вин. Не внушай мне виновность, слишком легко, не становись в нескончаемый ряд моих обвинителей, когда все и вся обвиняют, только один ответ: Не виновата. Никогда. Ни в чем. Если я виновата – виноват Бог. Не внушай мне – моей еще раз виновностью – правоты. Не забрасывай мою голову назад, не ставь меня одну против всех и тебя. Я не виновата, что я такая родилась. Моя жизнь – по нотам. Ноты – на белом небесном листе.

Знаю, о чем еще, кроме вины: о вине будущей. Оставь это. Рассчитывай только на непредвиденность, никаких замыслов и путей к осуществлению тебя в моей жизни, себя в твоей у меня нет. Год бы думала – не придумала. Не предрешай. Я не хочу тебя бояться. Судьба не предупреждает. Не предупреждай и ты.

Приписка между абзацами: Увидим в какую сторону.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Если ты решил все миром и ладом – тоска. Если ты решил – огнем и мечом – тоска. Не решай за жизнь, вспомни свои слова о деревьях. Не вмешивайся. Есть тысячу так! непредвиденностей, которые ты (я) опускаем. Вспомни свою волну (на бок) [930]. Не я волна. Не ты.

Не иди ко мне с готовым оборвано

Ненавижу жизнь оборвано

я боюсь тебе писать – а много нужно скатать – и о Рильке, и еще. Вот его новый адрес: не вписан. Ты просишь забыть на месяц, а сам забудешь через час вариант: два (уже забыл вариант: что просил). Забыть в дне, не ждать писем, не писать, не мешать. Помни, что ты сам меня просил об этом.

«Боюсь свободы, боюсь влюбиться». Это мне напомнило один долгий, до-весенний, совместный островитянский день на траве, на груди. И, на обратном пути, спутник, задумчиво. – «Как мне бы хотелось – вокруг света! Но конечно не одному. Как бы мне хотелось – влюбиться!» – И я, матерински: «Влюбитесь! Сбудется!» Борис, только что – ближе нельзя, глубже нельзя, рот и сердце, полные мной и – «влюбиться!».

Вы не похожи с тем человеком, но сказали мне одинаково, т.е. ясно и явно: ты не в счет.

От этого твоего возгласа мне стало... старше и спокойнее. И еще – глаза раскрылись! У тебя была волна ко мне, меня, препятствия, – не было, разобьешься о любое (влюбленность). И еще: мы не хотим любить новое (и старого достаточно), мы хотим целовать новое. —

Картина простая: дом, родство, вечная ценность – я (где-то – когда-то), милая сердцу прохлада – и: новый рот над строкой: текущий счет творчества?. Ты непосредственнее меня, у меня бы такая вещь не сорвалась, уже потому, что в другого – вонзается.

Одному рада: тяжесть заминки с Рильке этой твоей «влюбленностью» снята. Совсем.

Мне не больно. Мне взросло и ясно.

Мне очень жаль тебя за твою трудную жизнь. Это у нас с тобой [всегда] останется: союзничество сочувствия оборвано

Вот тебе письмо Мирского [931], в котором, надеюсь, растворится мое. (Не я в Мирском – [то, о чем я] – в том, о чем он.)

На полях:

Дошли ли письма Рильке? Остальные дошлю, когда у тебя будет время.

Впервые – Души начинают видеть. С. 227–229. Печ. по тексту первой публикации.

71–26. Р.М. Рильке
St. Gilles-sur-Vie, 14-го июня 1926 г.

Слушай, Райнер, ты должен знать это с самого начала. Я – плохая. Борис – хороший. И потому что плохая, я молчала – лишь несколько фраз про твое российство, мое германство и т.д. И вдруг жалоба: «Почему ты меня отстраняешь? Ведь я люблю его не меньше твоего» [932].

Что я почувствовала? Раскаянье? Нет. Никогда. Ни в чем. Ничего не почувствовала, но стала действовать. Переписала два твоих первых письма и послала ему. Что я могла еще? О, я плохая, Райнер, не хочу сообщника, даже если бы это был сам Бог.

Я – многие, понимаешь? Быть может, неисчислимо многие! (Ненасытное множество!) и

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru один ничего не должен знать о другом, это мешает. Когда я с сыном, тот (та?), нет – то, что пишет тебе и любит тебя, не должно быть рядом. Когда я с тобой – т.д. Обособленность и отстраненность. Я даже в себе (не только – вблизи себя) не желаю иметь сообщника. Поэтому в жизни я – лжива (то есть замкнута, и лжива – когда вынуждают говорить), хотя в другой жизни я слышу правдивой – такая и есть. Не могу делиться.

А пришлось (это было за два-три дня до твоего письма). Нет, Райнер, я не лжива, я слишком правдива. Если бы я умела бросаться простыми, дозволенными словами: переписка, дружба – все было бы хорошо! Но я-то знаю, что ты не переписка и не дружба. В жизни людей я хочу быть тем, что не причиняет боли, потому и лгу – всем, кроме себя самой.

Всю жизнь в ложном положении. «Ибо где я согнут, – я солган» [933]. Солгана, Райнер, не лжива!

Когда я обнимаю незнакомца, обвинив его шею руками, это естественно, когда я рассказываю об этом, это неестественно (для меня самой!).

А когда я пишу об этом стихи, это опять-таки естественно. Значит, поступок и стихи меня оправдывают. То, что между, обвиняет меня. Ложь – то, что между, – не я. Когда я говорю правду (руки вокруг шеи) – это ложь. Когда я об этом молчу, это правда.

Внутреннее право на сохранение тайны. Это никого не касается, даже шеи, вокруг которой обвились мои руки. Мое дело. Не забудь еще, что я замужем, у меня дети и т.д.

Отказаться? Ах, не так уж все это серьезно, чтоб того стоило. Отказываюсь я слишком легко. И наоборот, совершая жест, я радуюсь, что еще могу его совершить. Так редко чего-то хотят мои руки.

Глубоко погрузить в себя и через много дней или лет – однажды – внезапно – возратить фонтаном, перестрадав, просветлев: глубь, ставшая высью. Но не рассказывать: тому писала, этого целовала.

«Радуйся же, скоро всему конец!» – говорит моя душа моим губам. И обнять дерево или человека для меня одно и то же. Быть.

Это одна сторона. Теперь – другая. Борис подарил тебя мне. И, едва получив, хочу быть единственным владельцем. Довольно бесчестно. И довольно мучительно – для него. Потому я и послала письма.

Твои милые фотографии. Знаешь, как ты выглядишь на той, что больше? Словно ты поджидал кого-то – и вдруг тебя окликнули. А другая, поменьше, – прощанье. Отъезжающий, который еще раз, должно быть наспех – лошади уже ждут – оглядывает свой сад, как исписанный лист, прежде чем расстаться. Не отрываясь – освобождаясь. Тот, кто бережно выпускает из рук – целый пейзаж. (Райнер, возьми меня с собой!)

У тебя прозрачные глаза, лазурно-прозрачные – как у Ариадны, а морщинка (вертикальная!) меж бровей – у тебя от меня. Она была у меня уже в детстве – я всегда хмурила брови, раздумывая или злясь.

(Райнер, я люблю тебя и хочу к тебе.)

Твоя Элегия [934], Райнер, всю жизнь я раздаривала себя в стихах – всем. В том числе и поэтам. Но я всегда давала слишком много, я заглушала возможный ответ, отпугивала его. Весь отзвук был уже предвосхищен мной. Вот почему поэты никогда не писали мне стихов – никаких (плохие и есть никакие, еще хуже, чем никакие!) – и я всегда посмеивалась: они предоставляют это тому, кто будет через сто лет.

И вот, твои стихи, Райнер, стихи Рильке, поэта, стихи – поэзии. И моя, Райнер, – немота. Все наоборот. Все правильно.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
О, я люблю тебя, иначе я не могу этого назвать – первое попавшееся и все же самое первое и самое лучшее слово.

Райнер, вчера вечером я вышла из дома, чтобы снять белье, ибо надвигался дождь. И приняла в свои объятия весь ветер, – нет! весь Север. И это был ты. (Завтра это будет Юг!) Я не взяла его домой, он остался на пороге. Он не вошел в дом, но едва я заснула, он умчал меня с собой на море.

Подаем только знаки друг другу – [935]
И о любящих, о их включенности и исключенности («Из сердцевины Вечного...»).

И долгий неслышимый путь под луной.
И все ж это называется только так: я люблю тебя.

Марина.
Любимый! Я хочу подарить тебе слово, может быть, ты его не знаешь.

«Боль – истинное слово, боль – доброе слово, боль – милосердное слово».

(Святая Кунигунда. XIII век) [936].

фотографии у меня еще нет, как только получу, пришлю, пришлю тебе. Напиши мне о Мюзо – ушли ли камешки? И пришло ли солнце? У нас – ни одного солнечного часа. Я хотела бы послать тебе все солнце, прибить его к небу, которое над тобой.

Да, Райнер! Если бы написала о тебе что-нибудь, это называлось бы: Поверх горы.

Первая собака, которую ты погладишь, прочитав это письмо, буду я. Обрати внимание на ее взгляд.

Впервые – Вопросы литературы. С. 270–272 (с купюрой). СС-7. С. 64–66. Печ. по кн.: Небесная арка. С. 88–91.

72–26. Б.Л. Пастернаку
Середина июня 1926 г.

Ты не думаешь о том, что мы с тобой клеймленные какие-то? И – перескоком – сколько сглазу! Нас с тобой обглядят (как обгложут). О, как я ненавижу глаза, регистрацию их. Я почему-то сейчас увидела нас с тобой – в июле – вниз по Пречистенскому бульвару. Ты с тем раскланиваешься, я с тем, и еще, и еще... Борис, никогда я еще ни одной встрече так не ужасалась как нашей: я не вижу места свершения ее. Твоя мысль была гениальна: Рильке [937]. У меня есть виды его жилища: Muzot, замок XIII века, одинокое зданье, в горах [938].

Сначала я безумно любила твои стихи, потом – свои стихи к тебе – потом свои возвраты к тебе (ты близко), а сейчас, кажется, просто тебя.

Впервые – Души начинают видеть. С. 229. Печ. по тексту первой публикации.

73–26. Б.Л. Пастернаку
St. Gilles, 21 июня 1926 г.

Мой дорогой Борис,

Только что – Шмидт, Барьеры [939] и журналы. Пишу только, чтобы известить, что дошло. Ничего еще не смотрела, потому что утро в разгаре. Одновременно письмо из Чехии с требованием либо возвращаться сейчас, либо отказаться от чешской стипендии [940]. («Отказаться» – ход неудачно построенной фразы, просто в случае невозврата – отказывают.)

Возвращаться сейчас невозможно – домик снят и уплочено до половины октября, кроме того – нынче первый солнечный день, первое море, Борис. Возвращаться ни

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru сейчас, ни потом мне невозможно: Чехию я изжила, вся она в Поэмах Конца и Горы (Герой их 13-го обвенчан [941]). Чехии просто нет. Вернусь в погребенный черновик.

Следовательно, – (невозвращение) – я на улице. Думаю (непонятный отказ чехов, обещавших стипендию по крайней мере до октября) – эхо парижской травли («Поэт о критике» – травля) [942], а может быть и донос кого-нибудь из пражских русских: везде печатается, муж – редактор и т.д. Сергей Яковлевич получает с № (Версты), причем I еще не вышел, а II намечается только к октябрю.

Пишу в Чехию с просьбой выхлопотать мне заочную стипендию, как Бальмонту и Тэффи, которых чехи содержат, никогда в глаза не видав (меня видели, всегда с ведром или с мешком, три с половиной года, – не нагляделись, должно быть!)

Пишу в сознании полной бессмысленности. Явный подвох какого-нибудь завистника. (Завидовать – мне! И, после краткого вдумывания: да, можно, но тогда нужно просить Господа Бога, чтобы снял меня с иждивения, а не чехов.)

Кроме того (возврат в Чехию), в Чехии Сергею Яковлевичу делать нечего. Ни заработков, ни надежд. Даже на фабрику не берут, ибо русских затирают.

Таков мой жизненный поворот. Не принимай к сердцу, огляди издали – как я. Почему сообщаю? Чтобы объяснить некоторую заминку с Шмидтом, – дня три уйдут на письма, т.е. те полтора-два часа в день, которые у меня есть на графику, ту или иную.

Борис, где встретимся? У меня сейчас чувство, что я уже нигде не живу. Вандея – пока, а дальше? У меня вообще атрофия настоящего, не только не живу, никогда в нем и не бываю.

Громовая статья П. Струве (никогда не пишущего о литературе), статьи Яблоновского, Осоргина, многих, – всех задетых (прочти «Поэт о критике», поймешь) – чья-то зависть – чья-то обойденность – и я на улице, я – что! – дети.

Мур ходит, но оцени! только по плажу, кругами, как светило. В комнате и в саду не хочет, ставишь – не идет. На море рвется с рук и неустанно кружит (и падает).

Да, Борис, о другом. В Днях перепечатка статьи Маяковского о недостаточной действенности книжных приказчиков [943]. Привожу дословно: «Книжный продавец должен еще больше гнуть читателя. Вошла комсомолка с почти твердым намерением взять, например, Цветаеву. Ей, комсомолке, сказать, сдувая пыль со старой обложки, – Товарищ, если вы интересуетесь цыганским лиризмом, осмелюсь предложить Сельвинского. Та же тема, но как обработана! Мужчина! Но это всё временное. Поэтому напрасно в вас остыл интерес к Красной Армии; попробуйте почитать эту книгу Асеева» и т.д.

Передай Маяковскому, что у меня есть и новые обложки, которых он просто не знает.

Между нами – такой выпад Маяковского огорчает меня больше, чем чешская стипендия: не за себя, за него.

«Но всё это – временное», а –

«Время – горе небольшое:
я живу с твоей душой...» [944]
Скоро напишу, Борюшка, это письмо не в счет.

М.
На полях:

Шмидт получен, скоро получишь о тебе и мое [945]. И еще элегию (мне) Рильке [946]. Люблю тебя.

Впервые – НП. С. 304–306. СС-6. С. 258–260. Печ. по: Души начинают видеть. С. 235–237.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
74–26. Б.Л. Пастернаку
Вторая половина июня 1926 г.

Можно ли, любя Рильке, не любить его больше всего на свете, можно ли, любя Пастернака, не любить его больше всего на свете, можно ли, любя своего сына, не любить его больше всего на свете. Можно ли, любя Гёте – оборвано. Можно ли, осмеливаясь произнести или даже не осмеливаясь произнести люблю, не давать всего себя целиком, назад, вперед, навсегда, во веки веков, аминь.

Борис, я люблю его больше всего на свете, больше тебя. Этого ты хотел? Если да, ты совершенно божественное чудовище, как я, но это скобка.

Линия я → Рильке, я – ты, я – сын и т.д. существуют только по прямому проводу. Обращаясь с этими словами ему – к тебе, я лгу.

Правда существует – будь внимателен – в секунду от меня к нему и вторично, через стих. Мой рассказ тебе о нем, о себе к нему будет ложь, потому что рассказ, а совершалось это не рассказом. Всякий рассказ ложь, потому что направлен [к тебе], а совершался вне направления. Выведение из одного состояния (времени глагола) в другое.

Рильке я написала о себе: *ich bin viele, Unzählige vielleicht. Eine unersättliche Unzahl und Keiner will vom andern wissen, soll nicht. Sie kennen sich gar nicht, sie treffen sich manchmal nur im Traum* {191} [947]. Тюрьма с одиночными камерами, без перестукивания. Или перестукивающаяся только моим единым безличным сердцем, бьющимся в каждом.

Борис, когда я говорю с тобой, я говорю в тебя, т.е. всё есть ты. Ты вызываешь слова, не я их говорю. Ты берешь, не я даю. Я под твоим давлением, и я твоя.

Чтобы все мои любви (Гёте + Гёльдерлин + маленькая девочка на пляже + + +) растворились в одной, шли вечером домой, как блудное (ибо врозь пасутся) стадо – это, да?

Запись после письма:

Каждый есть абсолют и требует абсолюта.

Борис, ты заметил, что несколько человек переписываются?

Впервые – Души начинают видеть. С. 237–238. Печ. по тексту первой публикации.

75–26. В.Ф. Булгакову
Июнь 1926 г. [948]

Дорогой Валентин Федорович,

Прошение, увы, без полей обнаружила, когда кончила. Мне стыдно за такое настойчивое напоминание о себе. О нас бы должны заботиться боги, а не мы сами.

Напишу Вам как-нибудь по-настоящему, а пока угнетенное спасибо.

МЦ.

Впервые – СС–7. С. 14. Печ. по тексту первой публикации.

76–26. А.В. Черновой
S. Gilles, 1-го июня 1926 г.

Дорогая Адя,

Спасибо за письмо. Оно мне сегодня снилось, и проснулась в тоске, хотя в жизни

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru уже ничем не отзывалось. Засесть гвоздем, это ведь лучше, чем висеть жерновом! Жалею Марию Сергеевну [949], потому что знаю, как женился! Последующие карты можно скрыть, она слишком дорожит им, чтобы домогаться правды, но текущей скуки, явного ремиза не скроешь. Он ее не любит. – «Ну, хоть тянетесь к ней?» – «Нет, отталкиваюсь».

Стереть платком причастие – жуткий жест.

Она вышла за него почти против его воли («Так торопит! Так торопит!») – дай ей Бог ребенка, иначе крах.

Спасибо, что пошли. Поблагодарите, когда приедут, ваших. Теперь Дода знает, как венчаются герои поэм и кончаются поэмы.

Написала здесь две небольших вещи, пишу третью, очень трудную [950].

Писать приходится мало, полдня пожирает море.

Мур ходит вот уже месяц, хорошо и твердо, первый свой шаг ступил по безукоризненной земле отлива. Пляж у нас изумительный, но это все. Пляж для Мура и сознание Вандеи для меня. Жизнь тише тихого, все располагает к лени, но это для меня самое трудное, – лень и неженство на берегу. Купаюсь, вернее, захожу по пояс (по пояс – условности: по живот! пляж у нас так мелок, что для по пояс нужно было бы пройти полверсты), захожу по живот и в судорожном страхе плыву обратно. А Аля – того хуже: зайдет по щиколотку и стоит как теленок, глядя себе под ноги. Может так простоять час.

Вы, наверное, уже знаете, что меня скоростижно сняли с иждивения. Полетели письма по всем пригородам Праги. Не будь этого, приехала бы к вам осенью, когда часть разъедется. Дода тоже с Вами?

Мы все загорели. Рядом с нами фотография, сниму Мура и пришлю. Ольга Елисеевна спрашивает, что ему прислать. Из носильного ничего, спасибо, все есть. Может быть – у вас раньше будут – апельсины. Здесь все очень поздно, оказывается Вандея совсем не лес и совсем не юг.

До свидания, целую Вас и Ольгу Елисеевну, ей напишу отдельно. Пишите. Аля ждет от Вас письма.

МЦ.

Да! Не знаете ли (Вы видели невинного), где Дорогой? [951] Он мог бы мне помочь с чехами.

Впервые – Лосская В. Марина Цветаева в жизни. Тенaflу. N.-Y.: Эрмитаж, 1989. С. 97–98, 292. СС-6. С. 677. Печ. по СС-6.

77–26. Б.Л. Пастернаку
1 июля 1926 г., четверг

Мой родной Борис,

Первый день месяца и новое перо.

Беда в том, что ты взял Шмидта, а не Каляева [952] (слова Сережи, не мои), героя времени (безвременья!), а не героя древности, нет, еще точнее – на этот раз заимствую у Степуна: жертву мечтательности, а не героя мечты [953]. Что такое Шмидт – по твоей документальной поэме? Русский интеллигент 1905 г. Не моряк совсем, до того интеллигент (вспомни Чехова и море!) [954], что столько-то лет плаванья не отучили его от интеллигентского жаргона. Твой Шмидт студент, а не моряк. Вдохновенный студент конца девяностых годов.

Борис, не люблю интеллигенции, не причисляю себя к ней, сплошь пенснейной. Люблю дворянство и народ, цветение и недра, Блока шинели и Блока просторов. Твой Шмидт похож на Блока-интеллигента. Та же неловкость шутки, та же невеселость ее.

В этой вещи меньше тебя, чем в других, ты, огромный, в тени этой маленькой

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
фигуры, заслонен ею {192}. Убедена, что письма почти дословны, – до того не
твои. Ты дал человеческого Шмидта, в слабости естества, трогательного, но такого
безнадежного!

Прекрасна Стихия. И естественно, почему. Здесь действуют большие вещи, а не
маленький человек. Прекрасна Марсельеза [955]. Прекрасно всё, где его нет. Поэма
несется мимо Шмидта, он – тормоз. Письма – сплошная жалость [956]. Зачем они
тебе понадобились? Пиши я, я бы провалила их на самое дно памяти, завалила,
застроила бы. Почему ты не дал зрительного Шмидта – одни жесты – почему ты не
дал Шмидта «сто слепящих фотографий» [957], не дающих разглядеть – что? – да
уныние этого лица! Зачем тебе понадобился подстрочник? Дай ты Шмидта в действии
– просто ряд сцен – ты бы поднял его над действительностью, гнездящейся в его
словесности.

Шмидт не герой, но ты герой. Ты, описавший эти письма!

(Теперь мне совсем ясно: ополчаюсь именно на письма, только на письма. Остальное
– ты.)

Да, очень важное: чем же кончилась потеря денег? [958] Остается в туман. И зачем
этот эпизод? Тоже не внушает доверия. Хорош офицер! А форма негодования! У
офицера вытащили полковые деньги, и он: «Какое свинство!» Так неправдоподобен
бывает только документ.

Милый Борис, смеюсь. Сейчас, перечитывая, наткнулась на строки «Странно,
скажете, к чему такой отчет? [959] Эти мелочи относятся ли к теме?» Последующим
двустихием ты мне уже ответил. Но я не убеждена.

Борис, теперь мне окончательно ясно: я бы хотела немного Шмидта. Немного Шмидта и
говорящего тебя.

Знаешь, я долго не понимала твоего письма о «крысолове» [960], – день-два. Читаю
– расплывается. (У нас разный словарь.) Когда перестала его читать, оно
выяснилось, проступило, встало. Самое меткое, мне кажется, о разнообразии
поэтической ткани, отвлекающей от фабулы. Очень верно о лейтмотиве. О
вагнерианстве мне уже говорили музыканты. Да, всё верно, ни с чем я не спорю. И
о том, что я как-то докрикиваюсь, доскакиваюсь, докатываюсь до смысла, который
затем овладевает мной на целый ряд строк. Прыжок с разбегом. Об этом ты говорил?

Борис, ты не думай, что это я о твоём (поэта) Шмидте, я о теме, твоей
трагической верности подлиннику. Я, любя, слабостей не вижу, все сила. У меня
Шмидт бы вышел не Шмидтом, или я бы его совсем не взяла, как не смогла (пока)
взять Есенина [961]. Ты дал живого Шмидта чеховски-блоковски-интеллигентского.
(Чехова с его шуточками-прибауточками усмешечками ненавижу с детства.)

Борис, родной, поменьше писем во второй части или побольше, в них, себя. Пусть
он у тебя перед смертью вырастет.

Судьба моя неопределенна. Написала кому могла в Чехии. «Благонамеренный» [962]
кончился. Совсем негде печататься (с двумя газетами и двумя журналами
разругалась). Будет часок, пришлю тебе нашу встречу [963]. (Переписанную
потеряла.) Пишу большую вещь, очень трудную [964]. Полдня уходит на море –
гулянье, верней, сиденье и хождение с Муром. Вечером никогда не пишу, не умею.

Может быть осенью уеду в Татры (горы в Чехии), куда-нибудь в самую глушь. Или в
Карпатскую Русь. В Прагу не хочу – слишком ее люблю, стыдно перед собой – той.
Пиши мне! Впрочем раз я написала сегодня, наверное получу от тебя письмо завтра.
Уехали ли твои? Легче или труднее одному?

На полях:

Довез ли Эренбург мою прозу: Поэт о критике и Герой труда? Не пиши мне о них
отдельно, только если что-нибудь резнуло. Журналов пока не читала, только твое.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
я бы хотела, чтобы кто-нибудь подарил мне цельный мой день. Тогда бы я
переписала тебе Элегию Рильке и свое.

Напиши мне о летней Москве. Моей до страсти – из всех – любимой.

Впервые – НП. С. 307–310. СС-6, С. 260–262. Печ. по: Души начинают видеть. С.
239–241.

78–26. Д.А. Шаховскому
St. Gilles, 1-го июля 1926 г.

Дорогой Димитрий Алексеевич,

Спасибо сердечное за книжку и письмо [965]. Но и от книжки и от письма – грусть.
Помните наше совместное посещение Сергиевского подворья? [966] Ветер – оттуда.
Вижу Вас на сиротливых дорожках – с книжкой – не стихов уже. Над Сергиевским
подворьем – вечный дождь. Так я его вижу. Вы – не так. Но сказав: больно, я
должна объяснить – почему.

Конец «Благонамеренного», конец города (Подворье), конечный стих Вашей книги
[967], старые концы каких-то начал (письма), – все это вне жизни, над жизнью.
Мне жаль Вас терять – не из жизни, я сама – вне, из третьего царства – не земли,
не неба, – из моей тридевятой страны, откуда все стихи.

О деньгах не тревожьтесь. Захочет, сможет – отдаст [968]. Я напишу ему, и Сергей
Яковлевич напишет. Что выйдет – видно будет.

А Вы, до Подворья, можно и из Подворья, не приехали бы к нам? В 20-х числах
здесь будет Мирский, приезжайте. Дорога не так дорогá – 75 франков. Об остальном
не беспокойтесь. Жить будете у нас, в комнате Сергея Яковлевича вторая кровать.
Побродите по Сен-Жильским пескам, покупаетесь, поедите крабов и рыб, и
прослушаете две моих новых вещи [969] – проститесь с чем-то, чего в Подворье с
собой не возьмете.

Письма Ваши (те) поберегу, пока не востребуют. Как все то (душевное), чего в
Сергиевское с собой не берут. Вы оставите мне себя из тридевятого царства, себя
– стихов (грехов у Вас нет!).

До свидания. Как растравительно-тщателен тип заставки к письмам. А почерк! Самая
прелесть в том, что он был таким же и на счетах – и в смертный час! Форма,
ставшая сущностью.

Жду ответа о приезде. Можно и позже, в августе.

Сердечный привет

МЦ.

Впервые – в кн.: Архиепископ Иоанн Шаховской. Биография юности. (Установление
единства). Париж: YMCA-Press, 1977. С. 417–418. СС-7. С. 39. Печ. по СС-7.

79–26. П.П. Сувчинскому
Начало июля 1926 г. [970]

А подарок из немецкого магазина, – а? Версты чудесны [971]. Вы не ответили мне
на письмо, поэтому неприлично писать Вам дольше, хотя и есть что!

Напишите, когда приезжаете – встретим.

До свидания, мой миленькой (влияние Аввакума [972]). Привет Вере Александровне,
пусть везет пестрый купальный костюм, здесь все мужские и траурные.

МЦ.

Ждем 10 экземпляров «Верст», которые нам необходимы.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Впервые – Revue des Études slaves. С. 200. СС-6. С. 320. Веч. по СС-6.

80–26. В редакцию «Верст»
Да! Гонорар за «Поэму горы» [973], если только предвидится, передайте немедленно Сергею Яковлевичу, Он без копейки денег, мы все забрали, а формы доверенности на банк я не знаю. Кроме того, не хотела бы трогать этих денег до последней крайности, а пробавляться пока гонорарами.

Приписка карандашом:

Лето в С.-Жиле.

1926 г.

Печ. впервые. Письмо (черновик) хранится в архиве М.И. Цветаевой в РГАЛИ (Ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 183).

81–26. Р.М. Рильке
St. Gilles-sur-Vie

6-го июля 1926 г.

Дорогой Райнер,

у Гёте где-то сказано, что на чужом языке нельзя создать ничего значительного, – я же всегда считала, что это неверно. (Гёте никогда не ошибается в целом, он прав в итоговом смысле, поэтому сейчас я несправедлива к нему.)

Поэзия – уже перевод, с родного языка на чужой – будь то французский или немецкий – неважно. Для поэта нет родного языка. Писать стихи и значит перелагать. Поэтому я не понимаю, когда говорят о французских, русских или прочих поэтах. Поэт может писать по-французски, но не быть французским поэтом. Смешно.

Я не русский поэт и всегда недоумеваю, когда меня им считают и называют. Для того и становишься поэтом (если им вообще можно стать, если им не являешься отродясь!), чтобы не быть французом, русским и т.д., чтобы быть – всем. Иными словами: ты – поэт, ибо не француз. Национальность – это от- и заключенность. Орфей взрывает национальность или настолько широко раздвигает ее пределы, что все (и бывшие, и сущие) заключаются в нее. И хороший немец – там! И – хороший русский!

Но в каждом языке есть нечто лишь ему свойственное, что и есть сам язык. Поэтому по-французски ты звучишь иначе, чем по-немецки, – оттого и стал писать по-французски! Немецкий глубже французского, полнее, растяжимее, темнее. Французский: часы без отзвука, немецкий – более отзвук, чем часы (бой). Немецкий продолжает создаваться читателем – вновь и вновь, бесконечно. Французский – уже создан. Немецкий – возникает, французский – существует. Язык неблагодарный для поэтов – потому ты и стал писать на нем. Почти невозможный язык.

Немецкий – бесконечное обещание (тоже – дар!), но французский – дар окончательный. Платен [974] пишет по-французски. Ты («Verger») пишешь по-немецки, то есть – себя, поэта. Ибо немецкий ближе всех к родному. Ближе русского, по-моему. Еще ближе.

Райнер, узнаю тебя в каждой строчке, но звучишь ты короче, каждая строка – усеченный Рильке, почта как конспект. Каждое слово. Каждый слог.

Grand-Maître des absences {193} [975]
это ты прекрасно сделал. Grossmeister {194} звучало бы не так! И – partance (entre ton trop d'arrivée et ton trop de partance {195} [976], – это идет издалека потому и заходит так далеко!) из стихов Марии Стюарт:

Combien j'ai douce souvenance
De ce beau pays de France... {196} [977]

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Знаешь ли ты эти ее строки:

Car mon pis et mon mieux
Sont les plus déserts lieux? {197} [978]
(Райнер, что великолепно прозвучало бы по-французски, так это «Песнь о корнете»!
[979])

Стихотворение Verger {198} [980] я переписала для Бориса.

Soyons plus vite
Que le rapide départ {199} [981] –
это рифмуется с моим:

Тот поезд, на который все –
Опаздывают...

(О поэте) [982].

А «pourquoi tant appuyer» {200} [983] – со словами мадемуазель Леспинас:
«Glissez, mortels, n'appuyez pas!» {201} [984]

Знаешь, что нового в этой книге? Твоя улыбка. («Les Anges sont-ils
devenus discrets» [985] – «Mais l'excellente place – est un peu trop en face»...)
{202} [986]

Ах, Райнер, первую страницу этого письма я могла бы совсем опустить. Сегодня ты:

..Et pourtant quel fier moment
lorsqu'un instant le vent se déclare
pour tel paus: consent à la France {203} [987]
Будь я французом и пиши я о твоей книге, я поставила бы эпиграфом: «consent à la
France» {204}.

А теперь – от тебя ко мне:

Parfois elle paraît attendrie
Qu'on l'écoule si bien, –
alors elle montre sa vie
et ne dit plus rien {205} [988]
(Ты, природа!)

Но ты еще и поэт, Райнер, а от поэтов ждут de l'inédit {206}. Потому скорее –
большое письмо, для меня одной, иначе я притворюсь глупей, чем на самом деле,
«обижусь», «буду обманута в лучших чувствах» и т.д., но ведь ты напишешь мне
(для своего успокоения! и потому что ты добрый!).

Можно мне поцеловать тебя? Ведь это не более, чем обнять, а обнимать, не целуя,
– почти невозможно!

Марина
На обороте твоего конверта:

Отправитель: Muzot sur Sierre (Valais), Suisse {207}.

Мюзо – автор стихов твоей книги. Поэтому он посылает ее, не упоминая о тебе/тебя
[989].

Впервые – Дружба народов. 1987. № 9. С. 219–221. СС-7. С. 66–68. Печ. по:
Небесная арка. С. 92–95.

82–26. Б.Л. Пастернаку
Около 10 июля 1926 г.

Я бы не могла с тобой жить не из-за непонимания, а из-за понимания. Страдать от
чужой правоты, которая одновременно и своя, страдать от своей правоты – только
оттого, что она и правота другого – а страдать пришлось бы непрерывно – этого
унижения я бы не вынесла. Пока я была одна права, если и встречались схожие
слова и даже жесты (второе, естественно, чаще), то двигатель всегда был иной,

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru особенно же рознился уровень. Кроме того, твое не на твоём уровне – не твоё совсем, меньше твое, чем обратное. Я бы с тобой не могла жить, Борис, в июле месяце в Москве, потому что ты бы на мне срывал – . Я много об этом думала – и до тебя – всю жизнь. Верность как самоборение мне не нужна (я как повод к прекрасному поступку). Верность как постоянство страсти мне непонятна, чужда. Верность и первая и вторая меня с человеком разводит. Оглядываюсь. Одна за всю жизнь мне подходила (может быть её и не было, не знаю, я не наблюдательна, но чутка). Верность от восхищения. Восхищение заливало в человеке все остальное, он с трудом любил даже меня, до того я его от любви отводила. Это мне подошло [990].

Что бы я делала с тобой, Борис, в Москве? Да разве я одна могу тебе дать сумму. (Хотя я сама сумма, не только себя, но и всех моих прабабок и т.д.). Я была бы в непрестанной тоске, которая меня бы глубоко унижала. Жизнь другого нельзя выносить рядом.

Оговорюсь о понимании. Я тебя понимаю издали, но если я увижу то, чем ты прельщаешься, я зальюсь презрением – как соловей песней. Я взликую от него. Я излечусь от тебя мгновенно. Как отрешилась бы от Гёте и Гейне, взглянув на их Kätchen – Gretchen. Пойми меня: ненасытная исконная ненависть Психеи к Еве, от которой во мне нет ничего, Борис, вопреки всем моим стараниям. А от Психеи – всё. Променять меня на хотя бы первую красавицу мира – променять Психею на Еву (Психею на Психею не меняют), понимаешь водопадную высоту моего презрения. Душу – на тело. Отпадает и мою и её. Ты сразу осужден, я не понимаю, я отступаю.

Ревность. Я никогда не понимала, почему Таня [991], заслуженно скромного о себе мнения, вдруг решает, что она для X – единственная. Почему? Она же видит, что есть красивее и умнее и т.д., и она же ценит красоту, ум и т.д. Мой случай усложнен тем, что не частен, что та cause {208}, сразу переставая быть моей, делается cause ровно половины мира: ДУШИ. Что измена мне ещё до боли возбуждает во мне негодование. Что измена мне – ПОКАЗАТЕЛЬНА.

Ревность? Я просто уступаю, как душа всегда уступает телу, особенно чужому, – от чистого презрения, от неслыханной несоизмеримости. Уступаю – X всем, а сама – отступаю. Оттого – ни взгляда назад.

Не было ещё умника, который сказал бы мне: «Я тебя меняю на стихию: множество: безликое, отдохновение от тебя. – Разрядку» – Или ещё лучше: мне захотелось улицы.

Я бы обмерла от откровенности и – может быть поняла бы. (Мужской улицы нет, есть только женская. Ни одна женщина не пойдёт с рабочим, все мужчины идут с девками, ВСЕ ПОЭТЫ.)

У меня другая улица, Борис, лирическая, без людей, с концами концов, с детством, со всем, кроме мужчин. Я на них никогда не смотрю, я их просто не вижу. Я им и не нравлюсь, у них нюх. Я нравлюсь старикам и женщинам и собакам. Я не нравлюсь голому инстинкту, я не нравлюсь полу, пусть я в твоих глазах теряю, мною завораживались, в меня почти не влюблялись. Ни одного выстрела в лоб – оцени.

Стреляться из-за Психеи! Да ведь она бессмертна, ведь её (даже) никогда не было. Стреляются из-за хозяйки дома, не из-за гостя. Не сомневаюсь в том, что в старческих воспоминаниях я буду – остальное сглаживается – одной из первых вариант: первой. Что до мужских действительностей – никогда в них не числилась. «Если бы я Вас любил» – этим ограничивается.

Взрыв ревности к московской улице, – так ты истолкуй письмо.

Лейтмотив вселенной [992]. Да, мужской лейтмотив её, которого я никогда – клянусь тебе! – не слышала, без которого я так восхитительно обхожусь. Мужской лейтмотив её.

Проглотить вселенную – всю – и т.д. и т.д. О, нет! Ничего не хочу внутрь, оборвано. Пропать втягивающая и вулкан извергающий. Избыть себя, не вобрать в себя оборвано

Моя жалоба о невозможности стать оборвано

Впервые – Души начинают видеть. С. 250–252. Печ. по тексту первой публикации.

82а–26. Б.Л. Пастернаку
St. Gilles, 10 июля 1926 г., суббота

Я бы не могла с тобой жить не из-за непонимания, а из-за понимания. Страдать от чужой правоты, которая одновременно и своя, страдать от своей правоты – только оттого что она и правота другого, страдать от правоты – этого унижения я бы не вынесла.

По сей день я страдала только от неправоты, была одна права, если и встречались схожие слова (редко) и жесты (чаще), то двигатель всегда был иной. Кроме того, твое не на твоём уровне – не твое совсем, меньше твое, чем обратное. Встречаясь с тобой, я встречаюсь с собой, всеми остриями повернутой против меня же.

Я бы с тобой не могла жить, Борис, в июле месяце в Москве, потому что ты бы на мне срывал –

Я много об этом думала – и до тебя – всю жизнь. Верность как самоборение мне не нужна (я – как трамплин, унижительно). Верность как постоянство страсти мне непонятна, чужда. (Верность, как неверность, – всё разводит!) Одна за всю жизнь мне подошла (может быть ее и не было, не знаю, я не наблюдательна, тогда подошла неверность, форма ее.) Верность от восхищения. Восхищение заливало в человеке всё остальное, он с трудом любил даже меня, до того я его от любви отводила. Не восхищённость – восхищенность. Это мне подошло.

Что бы я делала с тобой, Борис, в Москве (езде, в жизни). Да разве единица (какая угодно) может дать сумму? Качество другое. Иное деление атомов. Сущее не может распасться на быть имеющее. Герой не дает площади. Тебе нужна площадь, чтобы еще раз и по-новому дать героя (себя).

Оговорюсь о понимании. Я тебя понимаю издалека, но если я увижу то, чем ты прельщаешься, я зальюсь презрением, как соловей песней. Я взликую от него. Я излечусь от тебя мгновенно. Как излечилась бы от Гёте и Гейне, взглянув на их Kätchen – Gretchen. Улица как множественность, да, но улица, воплощенная в одной, множественность, возмнившая (и ты ее сам уверишь!) себя единицей, улица с двумя руками и двумя ногами –

Пойми меня: ненасытная исконная ненависть Психеи к Еве, от которой во мне нет ничего. А от Психеи – всё. Психею – на Еву! Пойми водопадную высоту моего презрения. (Психею на Психею не меняют.) Душу – на тело. Отпадает и мою и ее. Ты сразу осужден, я не понимаю, я отступаю.

Ревность. Я никогда не понимала, почему Таня, заслуженно-скромного о себе мнения, негодует на X за то, что он любит еще других. Почему? Она же видит, что есть красивее и умнее, то, чего она лишена, у нее в цене. Мой случай усложнен тем, что не частен, что моя cause {209}, сразу перестав быть моей, оказывается cause ровно половины мира: ДУШИ. Что измена мне – ПОКАЗАТЕЛЬНА.

Ревность? Я просто уступаю, как душа всегда уступает телу, особенно чужому, – от честнейшего презрения, от неслыханной несоизмеримости. В презрении и негодовании растворяется могшая быть боль.

Не было еще умника, который сказал бы мне: «Я тебя меняю на стихию: множество: безликое. Я тебя меняю на собственную кровь». Или еще лучше: мне захотелось улицы. (Мне никто не говорил ты.)

Я бы обмерла от откровенности, восхитилась точностью и – может быть поняла бы. (Мужской улицы нет, есть только женская. – Говорю о составе. – Мужчина, жадной своей, ее создает. Она есть и в открытом поле. – Ни одна женщина (исключения противоестественны) не пойдет с рабочим, все мужчины идут с девками, ВСЕ ПОЭТЫ.)

У меня другая улица, Борис, льющаяся, почти что река, Борис, без людей, с концами концов, с детством, со всем, кроме мужчин. Я на них никогда не смотрю, я их просто не вижу. Я им и не нравлюсь, у них нюх. Я не нравлюсь полу. Пусть я в

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru твоих глазах теряю, мною завораживались, в меня почти не влюблялись. Ни одного выстрела в лоб – оцени.

Стреляться из-за Психеи! Да ведь ее никогда не было (особая форма бессмертья). Стреляются из-за хозяйки дома, не из-за гостя. Не сомневаюсь, что в старческих воспоминаниях моих молодых друзей я буду – первая. Что до мужского настоящего – я в нем никогда не числилась.

Лейтмотив вселенной? Да, лейтмотив, верю и вижу, но лейтмотив – клянусь тебе! – которого никогда в себе не слышала. Думается – мужской лейтмотив.

Моя жалоба – о невозможности стать телом. О невозможности потонуть. («Если бы я когда-нибудь пошел ко дну»...)

Борис, всё это так холодно и рассудочно, но за каждым слогом – живой случай, учивший и, повторностью своей, научивший. Может быть, если бы ты видел с кем и как, ты бы объявил мой инстинкт (или отсутствие его) правым. «Не мудрено...»

Теперь, вывод.

Открывалось письмо: «не из-за непонимания, а из-за понимания». Закрывается оно: «не понимаю, отступаю». Как связать?

Разные двигатели при равном уровне – вот твоя множественность и моя. Ты не понимаешь Адама, который любил одну Еву. Я не понимаю Еву, которую любят все. Я не понимаю плоти как таковой, не признаю за ней никаких прав – особенно голоса, которого никогда не слышала. Я с ней – очевидно хозяйкой дома – незнакома. (Кровь мне уже ближе, как текучее.) «Воздерживающейся крови...» Ах, если бы моей было от чего воздерживаться! Знаешь, чего я хочу

Конец первого листа письма. Остальная часть оригинала не сохранилась. Ниже следует продолжение по копии

Продолжение

когда хочу. Потемнения, посветления, преображения. Крайнего мыса чужой души – и своей. Слов, которых никогда не услышишь, не скажешь. Небывающего. Чудовищного. Чуда.

Ты получишь в руки, Борис, – потому что, конечно, получишь? – странное, грустное, дремучее, певучее чудовище, бьющееся из рук. То место в «Молодце» с цветком, помнишь? [993] (весь «Молодец» – до чего о себе!)

Борис, Борис, как бы мы с тобой были счастливы – и в Москве, и в Веймаре, и в Праге, и на этом свете и особенно на том, который уже весь в нас. Твои вечные отъезды (так я это вижу) и – твоими глазами глядящее с полу. Твоя жизнь – заочная, со всеми улицами мира, и – ко мне домой. Я не могу [994] присутствия и ты не можешь. Мы бы спелись.

Родной, срывай сердце, наполненное мною. Не мучься. Живи. Не смущайся женой и сыном. Даю тебе полное отпущение от всех и вся. Бери всё, что можешь – пока еще хочется брать!

Вспомни о том, что кровь старше нас, особенно у тебя, семита. Не приручай ее. Бери всё это с лирической – нет, с эпической высоты!

Пиши или не пиши мне обо всем, как хочешь. Я, кроме всего, – нет, раньше и позже всего (до первого рассвета!) – твой друг.

М.

Версты вышли. Потемкин четверостишиями [995]. В конце примечания. Наши портреты на одной странице.

Версты великолепны: большой благородный том, строжайший. Книга, а не журнал. Критика их исключит и ключьями будет питаться год. В следующем письме вышлю

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru содержание.

На днях сюда приезжает Святополк-Мирский, прочту ему твоего Шмидта, которого читаю в четвертый раз и о котором накапливает большое письмо. Напишу и отзыв Мирского [996]. (Его сейчас пресса дружно дерет на части, особенно за тебя и за меня [997].)

С Чехией выяснится на днях. Так или иначе – увидимся, может быть из Чехии мне еще легче будет (– к тебе, куда-нибудь). Может быть – всё к лучшему.

Иду на почту. До свидания, родной.

Второе письмо о Крысолове поняла сразу и сплошь: ты читал так, как я писала, и тебя читала так, как писал ты и писала я.

За мной еще то о тебе и мне [998] и элегия Рильке. Помню.

Получил ли ты «Поэт о критике» и «Герой труда»? (Дано было Эренбургу.)

Впервые – НП. С. 310–315. СС-6. С. 262–265. Печ. по: Души начинают видеть. С. 252–256.

83–26. В.В. Сосинскому
St-Gilles, 14-го июля 1926 г.

Дорогой Володя,

Просьба: доставьте это письмо через Гржебина [999] В.А. Шингареву [1000]. Только чтобы непременно дошло. Очень важное.

В.А Шингарёв живет, по крайней мере жил, у Гржебина. Если уехал, попросите Гржебина, чтобы переслал. Если Гржебин не знает адреса, пошлите – лучше заказным – на имя Милюкова [1001] в Последние Новости:

– Милюкову

для Владимира Андреевича Шингарева (Тире перед Милюковым – имя-отчество, а не ругательство.)

Сердечный привет от нас всех

МЦ.

Если не трудно, известите открыткой о судьбе письма.

Впервые – НП. С. 230. СС-7. С. 81–82. Печ. по СС-7.

84–26. С.Н. Андрониковой-Гальперн

St. Gilles, 15-го июля 1926 г., четверг

Дорогая Саломея,

Вчера на берегу я писала Вам мысленное письмо, стройное, складное, как всё, непрерыванное пером. Вот отрывки:

Умиляюсь и удивляюсь Вашему нетерпению [1002]. Мне, с моей установкой на Царство Небесное (там – потом когда-нибудь –) оно дико и мило. Торопить венец (здесь) – торопить конец. (Что любовь – что елка!) Я, когда люблю человека, беру его с собой всюду, не расстаюсь с ним в себе, усваиваю, постепенно превращаю его в воздух, которым дышу и в котором дышу, – в всюду и в нигде. Я совсем не умею вместе, ни разу не удавалось. Умела бы – если бы можно было нигде не жить, все время ехать, просто – не жить. Мне, Саломея, мешают люди, № домов, часы, показывающие 10 или 12 (иногда они сходят с ума – тогда хорошо), мешает

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
собственная дикая ограниченность, с которой сталкиваюсь – нет, наново знакомлюсь – когда начинаю (пытаться) жить. Когда я без человека, он во мне целей – и цельней. Жизненные и житейские подробности, вся жизненная дробь (жить – дробить) мне в любви непереносна, мне стыдно за нее, точно я позвала человека в необузданную комнату, которую он считает моей. Знаете где и как хорошо? В новых местах, на мосту, на мосту, ближе к нигде, в часы, граничащие с никоторым. (Есть такие.)

Я не выношу любовного напряжения, у меня – чудовищного, этого чистейшего превращения в собственное ухо, наставленное на другого: хорошо ли ему со мной? Со мной уже перестает звучать и значить, одно – ли ему?

Бывают взрывы и срывы. Тогда я очень несчастна, не знаю чего могу, всякого «вместе» мало: умереть! Поймите меня: вся моя жизнь – отрицание ее, собственная из нее изъятость. Я в ней отсутствую. Любить – усиленно присутствовать, до крайности воплощаться здесь. Каково мне, с этим неверием, с этим презрением к здесь? Поэтому одно желание: довести войну до позорного конца – и возможно скорее. Сплошной Брестский мир.

(Имейте в виду, что все это я говорю сейчас, никого не любя, давно ни кого не любив, не ждав, в полном холоде силы и воли. Знаю и другую песенку, ВСЮ другую!)

Почему я не в Лондоне? [1003] Вам было бы много легче, а мне с Вами по-новому хорошо. Мы бы ходили с Вами по каким-нибудь нищим местам – моим любимым: чем хуже, тем лучше, стояли бы на мостах... (Места – мосты –) И почему не Вы на днях здесь будете, а Мирский. Приезжайте ко мне из Парижа! Ведь это недолго! Приезжайте хотя бы на день, на долгую ночную прогулку – у океана, которого не любите ни Вы, ни я или можно на дюнах, если не боитесь колючек. Привлечь, кроме себя, мне Вас здесь нечем.

О Вас. Думаю – не срывайтесь с места. Достоянее. Только с очень большим человеком можно быть самим собой, целым собой, всем собой. Не забывайте, что другому нужно меньше, потому что он слаб. Люди боятся разбега: не устоять. Самое большое (мое) горе в любви – не мочь дать столько, сколько хочу. Не обороняется только сила. Слабость отлично вооружена и, заставляя силу умеряться, быть не собой, блестяще побеждает.

А еще, Саломея, – и может быть самое грустное:

«Es ist mir schon einmal geschehn!»
– oft geschehn! {210}

Из Чехии пока ни звука. Сегодня, 15-го, день полочки. За меня хлопочет целый ряд людей [1004]. Написала и эсерам [1005] (выходит, что не люди!) Словом, сделала все, что могла. Если бы вы знали, какие литераторы в Праге получают и будут получать стипендию! Мне пишут, чехи обиделись, что я прославляла Германию [1006], а не Чехию. Теперь уж никогда не «прославлю» Чехию – из неловкости. Неловко воспевать того, кто тебя содержит. Легче – того, кто тебя обокрал.

Пустилась как в плаванье в большую поэму [1007]. Неожиданность островов и подводных течений. Есть и рифы. Но есть и маяки. (Все это не метафора, а точная передача.) Кроме поэмы – жизнь дня, с главным событием – купаньем, почти насильственным, потому что от разыгрывающегося воображения сразу задыхаюсь. О будущем ничего не знаю, три возможности: либо чехи ничего больше не дадут – никогда, тогда в Чехию не поеду, и куда поеду – не знаю, либо чехи велят сразу возвращаться – тогда сразу поеду, либо согласятся содержать заочно до Октября – поеду в Октябре. О заочном бессрочном мечтать нечего. Как надоели деньги! Кто у меня из предков так разорялся, чтобы мне так считать?!

Версты вышли, по-моему – чудесная книга [1008]. У нас очень жарко, все жалуются, а я радуюсь. Целую Вас. Вам уже не три недели, а две.

Ц.
Приписки на полях:

Читайте стихи.

– Все же промчится скорей песней обманутый день...

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru (Овидий) [1009].
Сергей Яковлевич успокоился: получил повестку из префектуры; по ней пошли, и пока все благополучно [1010].

Впервые – ВРХД. 1983. № 138. С. 167–168 (публ. Г.П. Струве). СС-7. С. 99–100. Печ. по СС-7.

85-26. В.Б. Сосинскому
St. Gilles. 18-го июля 1926 г. [1011]

Дорогой Володя, спасибо за передачу письма Шингареву [1012]. Нынче отослала Вам 50 франков на табак, сколько бы ни стоила коробка – все дешевле папирос.

Сердечный привет. Очень огорчена Вашими гржебинскими делами.

МЦ.

Печ. впервые по оригиналу, хранящемуся в частном собрании.

86-26. Б.Л. Пастернаку
Около 20 июля 1926 г. [1013]

Отрывок из письма к Борису (на песке st. gill'ского plage à l'infini {211} – карандашом.)

Этот уезд из Чехии, эти экскурсии (воображаемые, его, – 1939 г.) в Париж и в Лондон – точно нарочно, чтобы ты тогда мог полюбить меня, теперь я еду в Чехию, а ты больше всего на свете любишь свою жену, и всё в порядке вещей.

Борис, одна здесь, другая там – можно, обе там, два там – невозможно и не бывает.

Я ни с кем не делю пропуск одного слова, это моя страна и моя роль, поэтому не думай обо мне вовсе.

Двум поездкам вслед не глядят. (В два глаза – одному.)

Тоскуй, люби, угрызайся, живи с ней на расстоянии, как какой-то час жил со мной, но не втягивай меня.

Человеческого сердца хватает только на одно отсутствие, оттого оно (отсутствие) так полно.

...Не бойся, что я чем-нибудь преуменьшаю твою любовь к жене, но «я люблю ее больше всего на свете» – зачем ты мне это твердишь, это ей надо знать, не мне.

(NB! Твердил – себе. Потом с ней разошелся.)

Я привыкла к жизни – в мире совершенном: в душе. Оттого мне здесь не хочется, не может, не стóится.

Впервые – Души начинают видеть. С. 259–260. Печ. по тексту первой публикации

87-26. А.А. Тесковой
St. Gilles-sur-Vie, 20-го июля 1926 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Потеряла Вашу открытку с адресом, всё надеялась найти при тщательной уборке, она не осуществилась, пишу по старому в надежде, что дошлют.

К 15-му сентября возвращаюсь в Прагу [1014], на оставшиеся здесь два месяца буду получать половинную стипендию, т.е. по 500 крон вместо 1000 крон. Бóльшего в мою

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru пользу ни Булгаков, ни Завадский [1015], ни другие хлопотавшие добиться не могли. Надеюсь, что прежнюю стипендию возобновят при моем приезде, на 500 крон я с детьми никак не проживу. Выясню это к 15-му августа.

Теперь в случае прежней тысячи в месяц – можно ли мне надеяться, дорогая Анна Антоновна, устроиться на эти деньги в Праге? Как бы хотелось возле Вас! Район (– думаю о детях, я фабрики и вокзалы, как самое печальное – люблю) должен быть непременно хороший, с близким садом для прогулки. Мне хочется в Прагу, а не за город, чтобы немножко побыть человеком, – не только душой и чернорабочим. Но я связана детьми и деньгами. О квартире думать нечего? Квартира – свобода, но – дорого? недоступно? Нельзя ли было бы найти две комнаты у чехов, любящих русских и не слишком строгих к порядку? Самое лучшее было бы – с уборкой (платила бы прислуге), может быть с обедом? (только не за общим столом!). В той же Чехии можно жить по-человечески, я жила не по-человечески и устала так жить, заранее устала. Прагу я люблю самым нежным образом, но, по чести, так мало от нее взяла – и не по своей вине. В Праге везде – музыка! Ни разу не была в концерте. Хотелось бы познакомиться с чехами, особенно с женщинами, все это было бы возможно в Праге, невозможно за городом. Я буду жить одна с детьми, как я могу на целый день уехать в Прагу, оставляя Мура одного с Алей. Аля – большая, но девочка, большая девочка. Мур промочит ноги, Мур упадет со стула и т.д. Заместительницы у меня нет, я ни разу не выеду в Прагу. Я знаю себя. В Праге я могу уйти на час – это другое дело, или вечером, уложив Мура, все это другое. Мне хочется влюбиться в этот город, для этого нужен досуг.

Одну комнату – трудно, мне дети не дадут писать, я курю. (Муру вредно) – много вещей и т.д.

Так вот, дорогая Анна Антоновна, обдумайте и ответьте, возможно ли? Если нет – что ж, буду искать за городом, жить где-нибудь же нужно.

Иногда по вечерам я буду приходить к Вам, читать вам стихи, беседовать, слушать музыку Вашей мамы [1016]. Не часто. Не бойтесь. Может быть – когда-нибудь – пойдем с Вами побродить по старым местам. Я люблю Прагу совсем особой любовью, вижу ее городом *âmes en reine* {212}, – может быть от тумана?

Я уже здесь не живу, оставшиеся полтора месяца пролетят, я не могу жить тем, что заведомо кончится. Моя Вандея уже кончилась. Вижу уже вечер укладки, утро отъезда. Передышка в Париже – рачьте дале! {213} (Безумно люблю этот крик кондукторов, жестокий и творческий, как сама жизнь. Это она кричит – кондукторами!)

Рачьте дале – но куда? У меня сейчас в Чехии ничего твердого нет, в устройстве я совершенно беспомощна. Вильсонов вокзал [1017] – куда? Боюсь, что просто сяду с Алей и Муром под фонарь – ждать судьбы (дождусь полицейского).

О здешней жизни уже не пишется, я уже еду, Вы это чувствуете. Больно (не очень, но все-таки) что эсеры, которых я считала друзьями: Сталинский [1018], Лебедев [1019], Слоним – ничего для меня не сделали, даже не попытались. Реально: вступись они – меня бы не сократили на половину, душевно – не понимаю такого платонизма в любви. Их поведение для меня слишком лирично.

Спасибо от всего сердца за участие, действуют в жизни сей только лирики. Проверьте: не парадокс.

– Знаете ли Вы, что редактор Благонамеренного, Шаховской (22 года) [1020] на днях принимает послух на Афоне. (Пслух – послушник – идет в монастырь.) Чистое сердце. Это лучше, чем редакторство.

Целую нежно Вас и Ваших. Сердечный привет от Сергея Яковлевича и Али.

М.Ц.

Мур ходит, очень много понимает, но говорит очень мало.

Впервые – Письмо к Анне Тесковой, 1969. С. 40–42 (с купюрами). СС-6. С. 347–349. Печ. полностью по кн.: Письма к Анне Тесковой, 2008. С. 39–32.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
88–26. В.Ф. Булгакову
St. Gilles, 20-го июля 1926 г.

Дорогой Валентин Федорович,

Итак, к 15-му сентября возвращаюсь в Чехию. Украли у меня чехи месяц океана [1021] (и 370 франков уплоченных денег!), что же, когда-нибудь представлю счет. (Как Вам нравится на наглость?!)

Теперь вот о чем: как Вы полагаете, восстановима ли моя прежняя расценка? проще – с моим приездом, явлением перед Заблоцким [1022] во плоти (вживе и вьяве!) протянет ли мне Заблоцкий сухой, но не дрожащей (скорей держащей!) рукой – прежнюю тысячу?

На 500 крон ехать нет смысла, одна дорога чего стоит. 500 крон на меня с детьми – это сплошная задолженность, т.е. сплошное унижение. За 500 крон в месяц я чехов буду ненавидеть, за тысячу – любить.

Пишу о всем этом – в совершенно ином тоне, ибо не знаю, как у него с юмором и цинизмом нищеты – почтительно и корректно Сергею Владиславовичу [1023]. От его ответа зависит мое решение.

Английская стипендия? Смеюсь [1024]. И не знала, что есть таковая. Студентам, кажется какая-то малость. А вот что «Благонамеренный» задолжал нам с Сергеем Яковлевичем (его рассказ, моя статья) тысячу франков – знаю твердо. «Руководитель» (т.е. меценат) Соколов даже не отвечает, а чудесный невинный 22-летний редактор Шаховской на днях принимает по́слух на Афон [1025]. Прислал нам собственных, кровных, от полной нищеты полтора ста франков, пятьдесят из которых истратили, а сто возвращаем. Ничего не знаю трогательнее этой присылки, – последний жест редактора и первый – монаха.

Уже написала Тесковой с просьбой попытаться устроить нас в Праге. Помните мою жизнь во Вшенорах? Заранее устала. Не хочу. Хочу – хоть изредка – музыки, прогулки по новым местам, чуть-чуть красоты и беззаботности. За́городом я душа и рабочий скот, хочу немножко побыть человеком.

Моя Вандея кончилась вчера, в день получения 500 крон. Я сейчас уже еду, все полтора месяца. Жду ехать. Странно, ведь я и раньше знала, что уеду, но 15-ое октября равно бессрочности, а 15-ое сентября – причем непременно – уже завтра, нет, сегодня, чуть ли не – вчера. Я не еду, я уже уехала. Погода испортилась? Все равно. Купаться нельзя? Не я купаюсь. Клянусь, что не преувеличиваю.

Огорчена? Нет. Если бы сама жизнь не вмешивалась я, за физическим (хроническим!) невмешательством в свою жизнь, до сих, пор сидела бы в Трехпрудном переулке, в доме № 8 с двумя огромными тополями, которого уже нету (в 1919 г. снесен) и где родилась. Поэтому – приветствую бессердечие Завазала, Гирсы [1026] и пр.

Знаете ли, дорогой Валентин Федорович, что мне стыдно Вас благодарить? Вы ходили, ездили, изводились – а я «благодарю». Вы делали – а я – говорю! Не гадость? Благодарность точно сводить счеты – несводимые, ибо дело и слово – несоизмеримы.

Благодарить я буду эсеров, которые для меня ничего не сделали, даже на письмо не ответили (писала и Лебедеву, и Слониму) [1027]. Эсеры доказали, что им на меня наплевать. Что мне остается? Благодарить за искренность. И поблагодарю – плевком же.

Вот Вам пример (из моей бывшей вандейской жизни): рыбак вытаскивает утопленника: откачивает, отмачивает (для рифмы! скорей: просушивает!) отпаивает – отстаивает. И утопленник, ртом, прожженным солью и ромом: «Большое, большое спасибо!» Что с рыбаком? Рыбака пошнит {214}.

Людвик Баварский [1028] – страстная любовь моей 16-летней матери. Проезжая место, где утонул, бросила кольцо – обручилась. Так что (wah]verwandschaften {215}) некоторым образом – мой отец. А вот стих о нем – не мой, чей не помню:

В горах – как здесь, в покое царском –

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Торжественная тишина,
И о Людовике Баварском
Грустила верная луна... [1029]
И еще стих Верлена:

Roi! o seul prince de ce siècle, – sire! {216} [1030]
Сама бы с наслаждением поехала на его озеро, где может быть еще бродит тень моей
16-летней матери и достоверно лежит ее кольцо.

Сердечный привет от всех нас.

Пишите!

МЦ.

Впервые – Письма Валентину Булгакову. С. 54, 56, 58. СС-7. С. 14–16. Печ. по
тексту первой публикации.

89–26. А.К., В.А. и О.Н. Богенгардт
28-го июля 1926 г. [1031]

Дорогие Богенгардты, сердечное умиленное спасибо. Чехи требуют меня обратно к
15-му сентября, ничего не знаю что будет [1032]. Сережа во всяком случае
остается в Париже. Целую всех. С коляской, если еще нет, поторопитесь [1033]
(большая, черная: РЫДВАН или ДОРМЁЗ) [1034].

Приписка на полях:

Во всяком случае перед отъездом увидимся, напишу заранее.

МЦ.

Печ. впервые по копии с оригинала, хранящегося в частном собрании.

90–26. П.П. Сувчинскому
Сен-Жиль, лето 1926 г. [1035]

Единолично
Всего несколько слов. Спешу.

Жестокость, беспощадность, отнетание, отрясение, – все это ведущий. Я не ведóмый
[1036]. Оттого не сошлось. (Не ведóмый, т.е. безвопросный, неспрашивающий.)
Единственный вопрос, лбом в ствол (или в грудь): Плохо? – Да. – Есть лучше? –
Есть. – Давай расскажу. И рассказываю – дереву – Волконскому – школьнику – Тезею
[1037] – его же. Обмен сиротств. Вот моя дружба с природой.

Мне плохо жить, несвойственно, непривычно, от главных человеческих радостей –
тоска. Как не люблю моря – не люблю любви, хотя всегда пытаюсь полюбить,
поверить (поэтам!) нá слово. Ничего победоносного во мне. Полная беззащитность.
Открытость раны.

Никакого мировоззрения – созерцания. Миро-слушанье, слышанье, ряд отдельных
звуков. Может быть свяжутся! Не здесь.

О Вас. Вы старше меня, богаче меня, счастливее. Вообще, у Вас почти что нет
ровни. Умственно – может быть, душевно – может быть, вместе: голова к груди –
нет. С знающими Вам скучно, с чужими – глупо. Вам со мной глупо.

Часто во время прогулки мне хотелось идти с Вами. Вообще: то, что Вы здесь
видели и вообще будете видеть – не я.

Denn dort bin ich gelogen – wo ich gebogen bin {217} [1038].

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
я буду по Вас скучать.

МЦ.

Глядя Вам вслед – как с корабля, где не наша воля:

– Вот остров, который я миновала. Может быть – тот, где...

Встретиться мы раньше или позже – во всяком случае иначе – но эту песенку Вы знаете.

Листка не храните.

Впервые – *Revue des Études slaves*. С. 201. СС-6. С. 321. Печ. по СС-6.

91-26. А.А. Тесковой
St. Gilles-sur-Vie, (Vendée)

Avenue de la Plage, Ker-Edouard

около 1 августа 1926 г. [1039]

Дорогая Анна Антоновна,

Дошло ли до Вас мое первое письмо по старому адресу, с подробными вопросами и просьбами о зимнем устройстве.

Наши дела таковы: мне разрешено оставаться здесь до 15-го сентября. т.е. 15-го сентября я уже должна быть в Чехии. До этого срока я буду получать 500 крон вместо тысячи (уже получила за июль) как все писатели, живущие за границей (Бальмонт, Тэффи, Зайцев и еще кто-то [1040]). Буду ли я получать прежнюю тысячу в Чехии – не выяснено, выясняю. Ехать на 500 крон невозможно, мне и так придется брать в долг на дорогу, далёкую и дорогую. Если 500 крон – вещь решенная, буду хлопотать о предоставлении их мне во Франции. Не знаю чего желать. Очень жаль расставаться с Сергеем Яковлевичем, оставлять его одного в Париже – не устроенного и не умеющего жить – с другой стороны страшно за детей. Париж без денег – очень мрачная вещь. Вопрос разрешится сам собой: дадут тысячу, еду, дадут 500 крон – буду просить о высылке их мне во Францию. Во Франции я, будучи на глазах, нет, нет, да приработаю, в Чехии заработка, кроме «Воли России», нет.

Написала Завадскому с просьбой узнать. Времени у меня месяц с небольшим. Неизвестность – хуже всего.

Сердечное и растроганное спасибо за высланные сто крон, никогда перевод (бланк) не вызывал во мне такого умиления. Я только боюсь, что вы себя чего-нибудь насущного лишили. Этого {218} меня растревляет.

Ваша открытка. Взглянув, я почувствовала странное волнение. В чем дело? Деревья. Деревья, которые я не видела в Париже (фабричный район), которых не вижу здесь (один песок). Деревья, которые люблю больше всего на свете. У моря я у моря, в лесу я – в лесу: mitten drinnen {219}. У моря я в гостях (ненавижу гостить, такой расход любезности!), в лесу я дома, одна, сама своя. Я, по чести, не люблю моря и не думаю, чтобы его можно было любить. Оно несоизмеримо больше меня, я им подавлена. И величие его – не родственное (оттого подавлена!). Всякое величие родственное, но иное величие исключает понятие родства. Таково море. Я охотно отказываюсь (может быть неохотно, но... приходится!) от родственности в жизни, но с вещью (Ding) я роднюсь. Пусть меня не любят люди, но деревья пусть меня любят. Море меня не любит.

– Вот. –

На Вашей открытке деревья явственно протягивают мне руки, и открытка больше взволновала меня, чем море (даже Океан!), в котором я в тот день купалась. В

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
море я купаюсь, в листве я тону.

Всякое не люблю сложно – как и люблю! – поэтому так пространно.

Как Вам живется, дорогая Анна Антоновна, Вам и Вашим? Какова погода – это
главное действующее лицо в нашей жизни? Есть ли знакомые?

Нас собирается навестить А.И. Андреева, стосковавшаяся среди своих
великовозрастных – и именно потому скучных – детей. Помните как мы вместе у нее
были в гостях? Люблю ее всей нашей рознью.

Целую Вас нежно. Сердечный привет матушке и сестре. Я иногда вспоминаю Вашу
бабушку, вязавшую при луне, и думаю, что она была счастливее меня.

Аля целует, Сергей Яковлевич всячески приветствует.

М.Ц.

1-го Муру полтора года, пришлю фотографию.

Если бы Вы, дорогая Анна Антоновна, со своей стороны навели справки о (500 или
1000?) в Чехии, было бы очень хорошо.

Впервые – Письма к Анне Тесковой, 1969. С. 42–43 (фрагмент). СС-6. С. 349. Печ.
полностью по кн.: Письма к Анне Тесковой, 2008. С. 42–44.

92-26. Р.М. Рильке
St. Gilles-sur-Vie

2-го августа 1926 г.

Райнер, твое письмо [1041] я получила в день своих именин – 17/30 июля, у меня
ведь тоже есть святая, хотя я ощущаю себя первенцем своего имени, как тебя –
первенцем твоего. Святой, которого звали Райнер, звался, верно, иначе. Ты –
Райнер.

Итак, в день моих именин я получила лучший подарок – твое письмо. Как всегда,
совсем неожиданно. Я никогда к тебе не привыкну (как к себе самой!), и к этому
изумлению тоже, и к собственным мыслям о тебе. Ты – то, что приснится мне этой
ночью, чему я этой ночью буду сниться. (Видеть сон или во сне быть увиденной?)
Незнакомкою в чужом сне. Я никогда не жду, я всегда узнаю тебя.

Если мы кому-нибудь приснимся вместе – значит, мы встретимся. Райнер, я хочу к
тебе, ради себя, той новой, которая может возникнуть лишь с тобой, в тебе. И
еще, Райнер («Райнер» – лейтмотив письма) – не сердись, это ж я, я хочу спать с
тобою – засыпать и спать. Чудное народное слово, как глубоко, как верно, как
недвусмысленно, как точно то, что оно говорит. Просто – спать. И ничего больше.
Нет, еще: зарыться головой в твое левое плечо, а руку – на твое правое – и
ничего больше. Нет еще: даже в глубочайшем сне знать, что это ты. И еще:
слушать, как звучит твое сердце. И – его целовать.

Иногда я думаю: я должна воспользоваться той случайностью, что я пока еще (все
же!) живое тело. Скоро у меня не будет рук. И еще – это звучит как исповедь (что
такое исповедь? хвалиться своими пороками! Кто мог бы говорить о своих муках без
упоения, то есть счастья?!) – итак, пусть это не звучит как исповедь: телам со
мной скучно. Они что-то подозревают и мне (моему) не доверяют, хотя я делаю всё,
как все. Слишком, пожалуй... незаинтересованно, слишком... благосклонно. И – слишком
доверчиво! Доверчивы – чужие (дикари), не ведающие никаких законов и обычаев. Но
местные доверять не могут. К любви все это не относится, любовь слышит и
чувствует только себя, она привязана к месту и часу, этого я подделать не могу.
И – великое сострадание, неведомо откуда, безмерная доброта и – ложь.

Я чувствую себя все старше. Слишком серьезна – детская игра, я – недостаточно
серьезна.

Рот я всегда ощущала как мир: небесный свод, пещера, ущелье, бездна. Я всегда

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru переводила тело в душу (развоплощала его!), а «физическую» любовь – чтоб ее полюбить – возвеличила так, что вдруг от нее ничего не осталось. Погружаясь в нее, ее опустошила. Проникая в нее, ее вытеснила. Ничего от нее не осталось, кроме меня самой: души (так я зовусь, оттого – изумление: именины!).

Любовь ненавидит поэта. Она не желает, чтоб ее возвеличивали (дескать, сама величава!), она считает себя абсолют, единственным абсолют. Нам она не доверяет. В глубине своей она знает, что не величава (потому-то так властна! {220}), она знает, что величие – это душа, а где начинается душа, кончается плоть. Чистейшая ревность, Райнер. Та же, что у души к плоти. И я всегда ревновала к плоти: как воспета! История Паоло и Франчески – маленький эпизод. Бедный Данте! – Кто еще помнит о Данте и Беатриче? Я ревную к человеческой комедии [1042]. Душу никогда не будут любить так, как плоть, в лучшем случае – будут восхвалять. Тысячами душ всегда любима плоть. Кто хоть раз обрек себя на вечную муку во имя одной души? Да если б кто и захотел – невозможно: идти на вечную муку из любви к душе – уже значит быть ангелом. Нас обманно лишили целого ада! (...trop pure provoquer un vent de dédain {221}) [1043].

Почему я говорю тебе все это? Наверное, из страха, что ты увидишь во мне обыкновенную чувственную страсть (страсть – рабство плоти {222}). «Я люблю тебя и хочу спать с тобой» – так кратко дружбе говорить не дано. Но я говорю это иным голосом, почти во сне, глубоко во сне {223}. Я звук иной, чем страсть. Если бы ты взял меня к себе, ты взял бы les plus déserts lieux {224}. Всё то, что никогда не спит, желало бы выспаться в твоих объятьях. До самой души (глубины) {225} был бы тот поцелуй. (Не пожар: бездна.)

Je ne plaide pas ma cause, je plaide la cause du plus absolu des baisers {226}.

Ты все время в разъездах, ты не живешь нигде и встречаешься с русскими, которые – не я. Слушай и запомни: в твоей стране, Райнер, я одна представляю Россию.

Кто ж ты все-таки, Райнер? Не немец, хотя целая Германия! Не чех, хотя родился в Чехии (NB! в стране, которой еще не было, – это подходит!), не австриец, потому что Австрия была, а ты – будешь! Ну не чудесно ли? У тебя – нет родины! Le grand royaume tchécoslovaque {227} – так писали парижские журналы. Значит, Райнер, в конце концов, ты – словак? Смеюсь!

Райнер, вечереет, я люблю тебя. Воет поезд. Поезда это волки, а волки – Россия. Не поезд – вся Россия воет по тебе, Райнер. Райнер, не сердись на меня или сердись сколько хочешь – этой ночью я буду спать с тобой. В темноте – разрыв; оттого что звезды, я убеждаюсь: окно. (Об окне я думаю, когда думаю о тебе и себе, – не о постели.) Глаза мои широко раскрыты, ибо снаружи еще черней, чем внутри. Постель – корабль, мы отправляемся в путешествие.

...mais un jour on le vit plus.
Le petit navire sans voiles.
Lassé des océans maudits,
Voyant au pays des étoiles –
Avait gagné le paradis {228}.
(детская песенка из Лозанны) [1044].
Можешь не отвечать мне – целуй еще.

М.
О праве и правоте [1045]. «Природа тоже неестественна» (Гёте), видимо, это ты и имел в виду! [1046] (Природа: право.)

Les déserts lieux {229} я получила в подарок от Бориса и дарю их тебе [1047].

Впервые – Дружба народов, 1987. № 9. С. 229–230. СС–7. С. 68–71. Печ. по: Небесная арка. С. 99–102.

93–26. Б.Л. Пастернаку
4 августа 1926 г., St. Gilles-sur-Vie (Vendée)

Дорогой Борис. Твое письмо звучит как тяжелый вздох облегчения – отсеки руку и
Страница 214

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
слава Богу: больше не будет болеть. Я у тебя наболела, наболевание шло
возрастая, наконец – конец. Борюшка, как ты целен, как похож на себя в жизни,
как точно переведен со вариант: из стихов! Значимость исключительно внутреннего,
отсечение внешнего даже как повода. Полнейшая внешняя бессобытийность. Наша
встреча – что это? Любое твоё четверостишие, где, что и как произошло
неизвестно, только ясно что всё и именно так, как полное всё (неделимое!)
происходит.

Нынче, идя на рынок (всё думала о тебе), точное определение лирики и эпоса:
лирика внешнее переводит на внутреннее (в себя! погружение), эпос – внутреннее
на внешнее (из себя, чтоб жило вне). Ты лирик, Борис, каких свет не видывал и
Бог не создавал. Ты сведение всех слоев внутреннего – на нижний, нижайший,
начальный – бездны. (Не сочти за письмо, – итог.)

Святополк-Мирский сам тебе напишет, он медленный, бессловесный, безотзывный,
глухой. Пока – одну его фразу: «У меня впечатление, что это насилие. Как и
Спекторский впрочем» [(которого очень любит). «Родился человек лириком, а эпос
не дает спать». (От ПИСЕМ в ужасе, как я.)] Это насилие есть уже в Высокой
болезни.

Борис, брось фабулу (кончай 1905 г.!), фабула ниже тебя, не только несвободой,
но сама по себе несравненно нижайшее – фабула – швы («как связать?»). Ты не
развязан, разверзт. Это усилие (насилие) никогда не вознаградит тебя. Где вещи –
(Dinge) – великолепно, где люди – слабо. Твоя единица деления мира не человек.
Вещи тебя слушаются, люди говорят сами. Ты настолько не человек (божественен,
божественен с первого дня по седьмой – какое снижение), настолько третий (с
первого по четвертый) день, что каждый сценарист заткнет тебя за пояс. Фабула
презренна, фабула для меня средство, проба сил, только моя сила ею соблазняется.
Вариант: фабула – после седьмого дня (грехопадения) трудолюбие. Для меня – почти
насилие, для тебя – сверхнасилие, грубость да будет искуплена точностью –
изнасилование твоей сущности. Не надо событий. Бытие бессобытийно, события –
дробь, бытие – то и там, где все события уже (сразу) произошли. История Франции
до конца мира в четверостишиях Нострадамуса [1048]. Ты, когда пишешь, сразу,
одним жестом без первой и последней строки кладешь стихотворение на бумагу. Ты
весь таков. Ты целен как взрыв.

Борис, alles rächt sich {230}: тебе нет дела до людей. До товарной станции – да.
Через тебя говорят вещи, ты одержим Ding. (Как Рильке, никогда не написавший ни
одной поэмы. Еще соответственной его странная, родственно-странная проза.) Ты
думаешь, Рильке бы не мог? Думаю (он внутренне старше тебя), он сразу, не
убедившись что не может, не захотел. Что не мочь! Воля хочет, а вся сущность не
хочет.

Ты пишешь о воле, каком-то волевом шаге, добровольном и чистосердечном. Так
пишут приговоренные, не желающие умирать от руки (палача), сам захотел. Кто тебя
приговорил, Борис? Думаю – этим волевым шагом (кажется знаю его, вне лично) ты
проводишь между нами единственную черту, которой мне здесь – к тебе – не
перешагнуть.

Если это то, что я думаю, буду ждать Царства Небесного.

Ты знаешь, я всегда бледная, у меня вчера весь день лицо горело – от какого-то
отчаянного подъема, как от решения под строкой: от не проливающих слез даже
сквозь загар, от сознания непоправимой конечности твоего письма. Ты со мной
исстрадался. Я – твоя и ты меня не видишь, я с тобой – и за тридевять земель. Ты
хочешь за руку, надо братья за ручку.

Прости и ты меня, – за недостаток доброты, терпения, может быть веры, за
недостаток (мне стыдно, но это так) человечности.

[Борис, никогда ничто меня не утешит в этой утрате тебя.]

То об Асееве и Маяковском и Главлите читала уже затуманенными от (так и не
пролившихся) слез глазами, страшно преувеличенно (физически) и до того отрешенно
– как с того света [1049]. Мне ничего не нужно, ни признания, ни славы, ничего
кроме твоей головы у себя в руках, какого-то часа ПОКОЯ за всю жизнь, назад и
вперед.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Я ничего не знаю что произошло, ты не только непредугадываем, ты непроницаем.
Опять та же стена молчания, как тогда в 1924 г. и [опять – через какой-то срок –
твоей почерк] три года назад. Я опять одна, и ты опять один. Расстроилась –
служба связей.

Провалю тебя глубоко, ты моя ручная рана (ручная как зверь), о как она уже
начинает жечь вариант: грызть.

Вот элегия Рильке [1050]. Спасибо и за него, но – на том свете к тебе после, не
к нему. Что еще сказать? Вот мой сын: Наполеон на Св. Елене, которая за столетие
обстроилась «кабинками». Борис, у меня никогда не будет «кабинки» – будь хоть
миля. – Стыдиться моего благополучия и вообще меня ты никогда не будешь. Письмо
уже плывет. Целую твою руку – за все.

Одно позволь в случае крайней необходимости – деловое – не хочу, чтобы другие
писали, позволь мне. Еще о себе: кончила поэму: Как живет и работает черная
лестница, принимаюсь сейчас за гору: чистку Тезея (50 сомнительных мест). Потом,
надеюсь, за Тезея и Федру. Вещь задумана трилогией [1051]. Сейчас, когда у меня
такое горе (ты), хорошо напишу. Ипполит будет не только люблен, залюблен.

Одного письма я тебе так и не написала («о первом прикосновении к тебе» – из
твоего) [1052]. Я всё отдаляла, теперь оно (прикосновение) дальше самого
перистого (самые далекие) облачка. Борис, какая боль.

II

Борис, по тому как я сейчас плачу, я поняла – ты уходишь. Так я не так давно
плакала над редактором Благонамеренного Шаховским, уходящим на Афон. Перед таким
уходом я нрзб. жизнь: из меня уходишь. Дорога тебе одна, знаю, и вчера знала,
либо пролившиеся. залившие меня слезы только подтолкнули меня. Ты уходишь из
России в буквы [1053], в которые никогда не вернусь. И сторону, которую я могла
не дооценивать – знаю.

Всё – сразу – поняла. Прощаясь со мной, ты прощаешься со всем тем: (тупое слово
враг. Гошу – гостит во всех мирах) [1054]. Ты прощаешься с гостьбой.
Полунаторвав страницу, где я вместе с Ходасевичем, ты отрываешь, вырываешь
[1055]. Ты всё становишься кто-то (не аноним) Точно анонимность партийного
номера СПАСЕТ? О этого места в тексте прочерчена линия вниз к началу абзаца,
идущего после отбивки.

Не вхожу в оценку, чту волю оборвано

Твое второе письмо было немедленным ответом на это. Едва проставила последнюю
точку (клянусь!), Аля – с улыбкой, означающей письмо от тебя.

Борис, Борис, ты мне уже ответил.

Борис, я с ума сошла. Теперь, когда больше не верю, скажу: из обоих писем по
слезам вариант: безумию [своим] – я поняла: ты берешь партийный билет. Понимаешь
мой ужас? Единственная вещь, которая бы нас развела навсегда (короткое жизненное
всегда). Теперь я знаю, хочешь скажу? Ты не можешь жить в состоянии постоянной
продленной измены, на два фронта, в тех письмах я ведь была права? Борис, если
мое горе называется твоя семья – благословляю его (ее). После того ледяного
ужаса – всё легко, всё снесу. Я лежала на песке, на дюне, куда зарылась от людей
вариант: и зарывала свои слезы в песок, в дюну, и вдруг – никто как Бог:
«Глупость! Бред! Билет не при чем. Проще, проще второе слово подчеркнуто
дважды!» О, я не плачу, больше не буду плакать. Развести нас может только идея:
неодушевленный предмет вариант: в жизни осуществляемая.

Борис, мой абсолютный слух! Но в одном ты ошибся: Маяковский и Асеев меня уже
резнули. Раньше мы шли одни по рассвету, в этом письме рассвет шагал несколькими
нами. Я не хочу других братьев, кроме тебя. Моя Россия, моя Москва, как мой тот
свет, мои оба Там – называются ты. Знаешь, что ты делаешь. Ты тихонечко – чтобы
не так больно – передариваешь, сдаешь меня на руки – кому? – Асееву? Неважно.
Чтобы держать связь, о не тебе со мной, мне с Москвой. Побратать меня с этими,

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru чтобы я не так окончательно была одна. Ты не предвосхитил моей ревности – она уже горит. Ревность к себе в других руках. Уподобление. Святополк-Мирский попросил твой адрес, чтобы самому написать. И уже слышу свой голос: Он сейчас уезжает – пришлите на мое имя. Я не хочу, чтобы кто-нибудь знал твой адрес, я не хочу чтобы кто-нибудь мысленно ходил со мной по Волхонке. Моя Волхонка!

Всё, что бы я хотела своего в России, должно было идти через тебя. Я не хочу другого приемника (от приятие). Мне вообще ничего не нужно, кроме тебя.

Борис, тебе не будет ново во мне в глубине. Помнишь те годы? Ты просто возвращаешься на дно меня, жить молча. Эта весна была взрывом. (Из предполагаемой статьи о твоей прозе: Борис Пастернак взрывается сокровищами [1056].) Твоя весна 1926 г. взорвалась мной.

Борис, я опять буду называть твоим именем: колодец, фонарь, самое бедное, одинокое. Car mon pis et mon mieux – sont les plus déserts lieux {231} [1057]. Борис, это я написала.

Это первые мои слезы, первые вообще слезы, которые видит мой сын. У тебя еще будут дети.

Буду присылать тебе, по возможности, всё написанное, без одной строки, пока не позовешь. Теперь я без фабулы, надо приниматься за Федру.

Запись после письма:

Буду одурять себя ходьбой. Я кажется ловлю себя на полном покое, точно все слезы пролила сразу. Поняв, что не... кровь между (ибо для меня это – кровь), я поняла, что между нет ничего, т.е. то, что всегда было, привычная гора, беда, стена, не новая. С эхо (эха'ми!), не матрасная.

Впервые – Души начинают видеть. С. 264–268. Печ. по тексту первой публикации.

94–26. С.Н. Андрониковой-Гальперн
St. Gilles, 12-го августа 1926 г.

Дорогая Саломея!

Где Вы и что Вы?

У нас съезд: был Святополк-Мирский, сейчас Сувчинские и еще две дамы, одна, променявшая на Сен-Жиль – Ниццу, другая, бросившая ради нас (песок включая) четверых детей. Все это с трудом спевается. Часов в сутках все столько же, а каждому нужен свой.

Я последний раз на океане, всю душу вымотала, лежа, ежедневное обязательное поглупение на четыре часа. Сувчинский сочувствует, хотя здесь всего третий день.

Получила Jeune femme {232} [1058], спасибо, хорошая книга, книга равная доброму делу. Многим бы следовало ее прочесть. Разоблачение обольщения.

Кончила последнюю поэму за это лето (Лестницу). Сейчас дорабатываю большую драматическую вещь – Тезея – написанного два года назад, хочу сдать в Современные Записки, чтобы не совсем разгрызться. Сдала в Волю России конец цикла Деревья (начало в последнем №) [1059]. С грустью вижу, что у меня пропадает очередная книга стихов (так уже пропали две до Ремесла). Все стихи с 1922 г. по сей, т.е. все стихи, написанные за границей. Многие из них печатались по журналам, но это не то. Книга – этап.

С радостью услышу о Вас, думаю, что Вы уже уехали. Когда будете в Париже? я – не знаю. С Чехией пока ничего не выяснено. Последнее письмо печальное: Вас чехи считают отрезанным ломтем. Достоверно отрезанным, раз сами отхватили!

До свидания, пишите, целую Вас.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

МЦ.

Когда Сувчинская зашла в фотографию за карточками, барышня, радостно:

– Ah je sais ce que vous voulez dire: avec le Charlot! {233}

(NB! Мирский никогда не видал Чаплина! [1060])

Впервые – ВРХД. 1983. № 138. С. 169–170 (публ. Г.П. Струве). СС-7. С. 101. Печ. по СС-7.

95–26. Р.М. Рильке

St. Gilles-sur-Vie 14-го августа 1926 г.

Дорогой друг,

получил ли ты мое последнее письмо? Спрашиваю, потому что бросила его в отходящий поезд. Почтовый ящик выглядел весьма зловеще: пыль в три пальца и огромный тюремный замок. Я это заметила уже бросив письмо, рука слишком поторопилась – письмо, наверное, там и останется – до Второго пришествия.

Примерно дней десять назад. Содержание? Письмо и есть – содержание, стало быть, его не имеет, и все же, не вдаваясь в подробности: нечто о том, чтобы спать вместе, тебе и мне (et le lit – table évanouie {234} [1061]).

спина; стол: локоть. Человек сам есть постель и стол и, значит, иметь их не должен.

(То письмо звучало совсем иначе, и поезд, который его... несет и хоронит – свистел и выл иначе, чем пассажирский. Если я его услышу, я сразу пойму, там ли еще мое письмо.)

Дорогой Райнер, Борис мне больше не пишет [1062]. В последнем письме он писал: все во мне, кроме воли, называется Ты и принадлежит Тебе. Волей он называет свою жену и сына, которые сейчас за границей [1063]. Когда я узнала об этой его второй за границей, я написала: два письма из-за границы – хватит! Двух за границ не бывает. Есть то, что в границах, и то, что за границей. Я – за границей! Есмь и не делюсь.

Пусть жена ему пишет, а он – ей. Спать с ней и писать мне – да, писать ей и писать мне, два конверта, два адреса (одна Франция!) – почерком породненные, словно сестры... Ему братом – да, ей сестрой – нет.

Такова я, Райнер, любое сношение с человеком – остров, и всегда затонувший-целиком, без остатка {235}.

В другом человеке мне принадлежит лоб и немного груди. От сердца отступаюсь легко, от груди – не отступлюсь. Мне нужен звучащий свод. Сердце звучит глухо.

Райнер, напиши мне открытку, всего два слова: письмо, что было в поезде, получил или – не получил. Тогда я напишу тебе большое письмо.

Райнер, этой зимой мы должны встретиться. Где-нибудь во французской Савойе, совсем близко к Швейцарии, там, где ты никогда еще не был (найдется ль такое никогда! Сомневаюсь). В маленьком городке, Райнер. Захочешь – надолго. Захочешь – недолго. Пишу тебе об этом просто, потому что знаю, что ты не только очень полюбишь меня, но и будешь мне очень рад. (В радости – ты тоже нуждаешься.)

Или осенью, Райнер. Или весной. Скажи: да, чтоб с этого дня была и у меня радость – я могла бы куда-то всматриваться (оглядываться?).

Уже очень поздно и я устала, поэтому обнимаю тебя.

Марина

Прошлое еще впереди [1064].

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Впервые – Дружба народов. 1987. № 9. С. 230–231. СС-7. С. 71–72. Печ. по: Небесная арка. С. 103–104.

96–26. Р.М. Рильке
St. Gilles-sur-Vie 22-го августа 1926 г.

Райнер, отвечай только «да» на все, что я хочу – поверь, ничего страшного не будет. Когда я говорю тебе, Райнер, что я – твоя Россия, я говорю тебе лишь (еще раз), что люблю тебя. Любовь живет исключениями, обособлениями, отстранениями. Она живет в словах и умирает в поступках. Стремиться быть твоей Россией в действительности – для этого я слишком умна!оборот речи.оборот любви {236}.

Райнер, я называюсь иначе: я – все, что ты есть, все твое бытие (быть означает: тобой живут. Etre vécu. Chose vécue {237}). Страдательный залог).

Веришь ли, что я верю в Савойю? Верю, как и ты, словно в царство небесное. Когда-нибудь... (Как? Когда?) Что я видела в жизни? Вся моя молодость (с 1917-го года) – черная работа. Москва? Прага? Париж? Сен-Жиль? Везде – одно. Плита, метла, деньги (их отсутствие). Вечная нехватка времени. Ни одна женщина из твоих подруг и знакомых не живет так, не могла бы так жить. Не мести, не чистить – вот мое царство небесное. Слишком скромно? Да. Ибо слишком скверно мое царство земное. Райнер, я написала по-немецки: чистить – чистилище (прекрасное слово), чистить здесь, чистилище {238} там, чистить, пока не сметут в чистилище и т.д. Так я пишу, Райнер, – от слова к вещи, слово создавая за словом. Так, думаю, пишешь и ты.

Итак, любимый, не бойся и всегда только «да» на каждое мое так утешают нищих, невинно и без последствий. Чаше всего моя протянутая рука падает в пустоту, а подающие – в песок. Чего я от тебя хочу? Того же, чего от всей поэзии и от каждой стихотворной строчки: истины мгновения. Выше этого истины нет. Никогда не деревенея – всегда обращаясь в золу. Хочу лишь слова – оно для меня – уже вещь. Поступков? Последствий?

Я знаю тебя, Райнер, как себя самое. Чем дальше от меня – тем глубже в меня. Я живу не в себе самой – вне самой себя. Я не живу на своих устах, и тот, кто меня целует, минует меня.

Савойя. (Размышление): Поезд. Билет. Гостиница. (Слава Богу, визы не надо!) И... легкая брезгливость. Нечто уготованное, завоеванное... вымоленное. Ты должен упасть с неба.

Райнер, вполне серьезно: если ты в самом деле, глазами, хочешь меня видеть, ты должен действовать, т.е. – «Через две недели я буду там-то и там-то. Приедешь?» Это должно исходить от тебя. Как и число, и город. Взгляни на карту. Не лучше ли, если это будет большой город? Подумай. Маленькие города иногда обманчивы. Да, еще одно: денег у меня нет совсем, гроши, что я зарабатываю, тут же улечучиваются (из-за моей «новизны» меня печатают только в «новейших» журналах, а их – в эмиграции – всего два). Хватит ли у тебя денег для нас обоих? Райнер, я пишу и невольно улыбаюсь: вот так гость!

Итак, любимый, если когда-нибудь ты вправду захочешь, напиши мне (заранее, ведь мне нужно найти кого-то, кто побудет с детьми) – и тогда я приеду. В Сен-Жиле я пробуду до 1–15 октября, затем – Париж, где всё сначала: ни денег, ни квартиры, ничего. В Прагу я не вернусь, чехи сердятся на меня за то, что я так много и горячо писала о Германии [1065] и так упорно молчала о Чехии. А ведь три с половиной года я жила на чешскую «субсидию» (900 крон ежемесячно). Итак, между 1 и 15 октября – Париж. Ранее ноября нам не увидаться. Кстати – можно ведь и где-нибудь на Юге? (Франции, разумеется.) Где, как и когда ты хочешь (начиная с ноября). Теперь это в твоих руках. Можешь, если хочешь... разъять их. Я все равно буду любить тебя – ни больше, ни меньше.

Я радуюсь тебе так, словно ты – целая и всецело новая страна.

О Борисе. Нет, права была я. Его ответ – ответ освобожденного Атласа [1066].

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru (ведь он держал на себе небо с небожителями! И, избавившись от своей ноши, он, думаю, еще и вздохнул!) Теперь он свободен от меня. Он слишком добр, слишком жалостлив, слишком терпелив. Удар должна была нанести я. (Рвать, т.е. убивать никто не хочет!) Он знал уже о двух границах. Я только высказала, назвала, расколдовала. Теперь все хорошо, государства разделены: я – в потаеннейшей глубине, за пределами всех границ – вне досягания.

Nest – по-русски – гнездо (в единственном числе – рифм не имеет) [1067]. Множественное число: гнёзда (с мягким е, ё, почти о – в произношении), рифма: звезды.

Как долго ты пробудешь в Рагаце и как себя чувствуешь? Что ты написал в последнее время?

Да, огромная просьба. Подари мне греческую (по-немецки) мифологию – без философии: простую и подробную: мифы. В детстве, кажется, у меня была книга Штолля. Скоро выйдет мой Тезей (1-я часть: Тезей и Ариадна, драматическая поэма). Сейчас начинаю Федру (все задумано как трилогия: Ариадна – Федра – Елена), и мне нужна мифология. Лейтмотив – гнев Афродиты. – Как жаль, что ты не можешь меня читать! Я перед тобою – глухонемая (собственно, не глухая – немая!)

Подари мне рифмы Штолля, только с надписью, чтоб я никогда не расставалась с ними [1068]. Подаришь?

Обнимаю Тебя.

М
Сен-Галь [1069] – Сен-Жиль...

Впервые – Дружба народов. 1987. № 9. С. 232–233. СС-7. С. 72–73. Печ. по: Небесная арка. С. 107–110.

97–26. П.П. Сувчинскому
Лето 1926 г.

Отрывок письма (очень сокращено, еле разбираю)

Милый друг,

Скучаю по Вас. Мне даже жаль, что под самый конец так повернуло. Не чувствовать – вот мое страстное желание. Не болеть (?) – вот решение. «С Вас содрана кожа» – вот слово одного еврея обо мне.

Мне столько нужно Вам сказать – разрываюсь. (NB! Никто никогда не хотел слушать. 1933 г.)

Хочу ходить с Вами по какой-нибудь заставе, мосту, в темноте, на полной воле, долго. Этого никогда не будет.

Вы, как имеющий Бога (NB! кому – пишу? Никого что-то не помню «имеющего Бога» которому я бы – такое писала. 1933 г.) неизбежно должны ощущать меня, как низшее, бессловесное, и если когда-нибудь будете любить меня, то как дерево – с безнадежной жалостью. Я – то, с чем Вы уже справились. Не совсем справились, от первой листвы еще немножко больно, но – и это пройдет.

Что еще? Всё. (Noch alles.) {239}

Это письмо сочтите полученным, но не написанным. Да и не письмо [1070].

Впервые – НСТ. С. 313. Печ. по тексту первой публикации. Адресат установлен Е.Б. Коркиной.

98–26. П.П. Сувчинскому
Сен-Жиль, 3 сентября 1926 г. [1071]

Дорогой Петр Петрович, от Серезиноного отъезда [1072] отчасти завишу и я, – поэтому очень прошу Вас, устройте то, о чем он Вас просил (Префектура – чиновник зачисление в международный союз журналистов через Познера [1073]). В три дня ему одному этого ни за что не одолеть и пражская встреча провалится. Пишу en connaissance de cause {240}. Нынче 3-ье, время: Вас еще есть. Устрашена, в Вашей закртыке, вопросом: «А как же Вы?»

– Договорились ли с Мирским насчет Тезея? Сережа привезет в Париж [1074]. Переписала больше половины, когда кончу – напишу Вам. Дайте свой венский адрес.

Сердечный привет Вам и Вере Александровне.

МЦ.

Ваше письмо дошло всячески.

Впервые – Revue des Études slaves. С. 203. СС-6. С. 322. Печ. по СС-6.

99-26. п.п. Сувчинскому
St. Gilles, 4-го сентября 1926 г.

Дорогой Петр Петрович,

Письмо дошло, по этому руслу ответу позже.

Сейчас целиком (не я, время мое) поглощена перепиской Тезея, особенно трудностями начертания некоторых мест (ударения, паузы). Будь Вы здесь, Вы бы мне всё объяснили. Не зная теории, иду по слуху, не зная чужого – иду по собственному, не знаю, куда иду (веду) [1075].

Смотрите:

1) Спит, скрытую истину
Познавшая душ [1076]

2) Спит скрытую истину
Пóзнáвшая душ

– разное ведь? –

Мне нужно второе, вторым написано. т.е. ударяются равно первый и второй слоги, от равной ударяемости, в промежутке, естественно, пауза. Другой пример:

Ветвь, влагой несомая,
Страсть, чтí ее – спит
И

Вéтвь, влáгой несомая NB! То, что мне нужно
Стрáсть, чтí ее – спит

Мне нужен звук молота в первом слоге, тяжелое падение слога. Но печатать всё с ударениями – невозможно. Ограничиваюсь пометкой: «ударяются первый и второй слоги» и в словах многосложных – тире. Пример:

Те – ла насыщаемы.

Бес – смертна алчба...

Пока добралась в чем дело, переписывала (переначертывала, ибо ПЕЧАТНЫЕ, ВОТ ТАКИЕ, БУКВЫ) страницу по три раза. Весь Тезей – 64 страницы (писчей бумаги, большого формата). – Задача! –

Много поправок (смысловых и словесных) возникают прямо под рукой. Никакая машинка не заменит! Я – рука – бумага. Я – рука – машинка – бумага. Насколько утяжелена инстанция передачи.

Тезей мне, в конечном счете, нравится. Нравится, что справилась. Есть вещи – услада сердцу (Поэмы горы, конца), есть – задача... голове в первую голову. Трудней всего фабула, т.е. постепенность событий. На нее и льщусь.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Вы большой умник. Помните, весной кажется. Вы мне сказали: «Теперь Вам уже не захочется... не сможет писать отдельных стихов, а?» Тогда удивилась, сейчас – сбилось. Лирическое стихотворение: построенный и тут же разрушенный мир. Сколько стихов в книге – столько взрывов, пожаров, обвалов: ПУСТЫРЕЙ. Лирическое стихотворение – катастрофа. Не началось и уже сбилось (кончилось). Жесточайшая саморастрава. Лирикой – утешаться! Отравляться лирикой – как водой (чистейшей), которой не напился, хлебом – не наелся, ртом – не нацеловался и т.д.

В большую вещь вживаешься, вторая жизнь, длительная, постепенная, от дня ко дню крепчающая и весчающая. Одна – здесь – жизнь, другая – там (в тетради). И посмотрим еще какая сильнее!

Из лирического стихотворения я выхожу разбитой.

Да! Еще! Лирика (отдельные стихи) вздох, мечта о том, как бы (жил), большая вещь – та жизнь, осуществленная, или – в начале осуществления.

– Согласны ли Вы со мной? (Наспорившись, хочу общности.)

О нашей жизни здесь. Все были больны, кроме меня. Сергей Яковлевич, Аля, Мур (животная грызть). Шло непрерывное варение каш: всем разных. Теперь Сережа и Аля обошлись. Мур еще на диете, отошал и погрустнел.

Приехали дети Анны Ильиничны – трое с еще ее родственницей [1077]. Живут все у Александры Захаровны [1078]. Купаемся. У осла не были. Ежевику ели – ртом с кустов – раз. Варим варенье и жалею, что не догадались раньше, в ваше пребывание. Это бы уладило память.

Много раз мысленно начинала Вам письмо, удерживала от написания – воспитанность: кодекс расставаний, требующий первенства от отъезжающего. Это письмо – не в счет, по другому руслу. Настоящее напишу позже, если дадите свой венский адрес [1079]. Хочу – в нем – рассказать Вам, как я с Вами познакомилась. Вы об этом не знали, я об этом – до кануна Вашего отъезда – начисто забыла. Теперь – вспомнила. Мне только нужна уверенность в одиночности. – Вот. –

Знайте, что Вы мне сейчас – родной.

МЦ.

Да! Найдите мне в Вене Sto11 – мифы (Mythen {241} или Griechische Mythologie {242}, очень известная книга) [1080] и подарите, непременно с надписью. Хочу, пока еще здесь, начать II часть Тезея – Федру [1081]. Вышлите в St. Gilles из Вены. Эта книга была у меня в России, только, если можно не избранные мифы, а полностью. Хотите, в благодарность перепишу «С моря»? [1082]

Книга, может быть, для юношества – ничего. Возьмите самую полную.

Приписка на полях:

О письме не упоминайте [1083].

Впервые – Revue des Études slaves. С. 204. СС-6. С. 322–324. Печ. по СС-6.

100–26. В.А. Сувчинской
St. Gilles-sur-Vie, 6-го сентября 1926 г.

Добрый вечер, дорогая Вера Александровна!

Пишу Вам после ужина, в тот час, когда Вы с Петром Петровичем приходили, посему – обычное приветствие. (Только сейчас поняла, что Вы, непривычная к моей руке, еще ни одной буквы не поняли, и первую – р, например, или поймете только в конце.)

Сначала о Муре, верней о Мурах – Вашем и моем. Ваш чудесен, лучше, т.е. четче, нельзя. Вышла даже дырка на штанишках. Лучшее Мурино или как говорит Сережа –

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru муриное-изображение. Нежное спасибо Вам: океанский, вернее сахáрский Мур увековечен [1084].

Теперь о моем: мой, в данный час, неудачней вашего. Вот уже две недели на диете, желудок не налаживается, похудел. Чудный живот спал, становится, к моему огорчению (о Муре говорю), просто хорошо-глядящим ребенком. Мне этого мало. Говорит: лель (Лелик) [1085], Аля и дядя, совсем отчетливо. Громко и многоречиво ругается (в маленьком садике) на прохожих. В 5 часов (после моря) перестал спать, два дня сряду дико баловался, пришлось прекратить. Мой «писательский» час еще урезался. Либо мою посуду – Аля с Муром, либо Аля – посуду, я с Муром.

Сереза и Аля (животы) наладились, Сереза очень похудел. В данный час терзается угрозой хозяйки потянуть нас к мировому за стирку (фактически: ополаскивание двух детских штанов) в комнате... Когда я ей кротко возразила, что ополоснуть не есть стирать, она послала меня: «dans le derrière du chien voir si j'y suis» {243}, на что получила созерцательное: «Vous y êtes sûrement» {244}. Грозится жандармами и выселением... Целые дни шепчется с разными дамами и куаффами, носится по городу, шепча и клевета. Ваша хозяйка, очевидно, будет лжесвидетельницей.

Боюсь себя на суде: 1) юмора 2) откровенности и чтобы не насчитывать – общего ПОДЪЕМА... далеко заводящего!

Как пример: Лелика, спокойно сидевшего с Алей на пристуленьке за книжкой, выгнала из сада с воплями: «Assez d'étrangers dans mon jardin!» {245}, на что Аля потом, целый день пела (напев «Il était une bergère») – «И était une Madame – ron, ron, ron, petit patapon – il était une Madame – qui gardait son jardin comme un chien, qui gardait son jardin comme un chien» {246}.

Погода разная. Еще купаемся. Андреевские дети на суше великаны, в воде тритоны [1086]. Я в жизни не видела такого купанья. Вода для них воздух, – проще воздуха. Выйдя на берег, перешвыриваются – как фокусники шарами – целыми глыбами. Все трое черные, все трое огромные (крохотный – куда меньше Али – 14-летний младший внезапно, в 4 месяца, вырос с Серезу), все трое ловкие. Таких здесь нет, да и нигде нет.

5-го (вчера) был день Алиного тринадцатилетия (праздновали по-новому, по-настоящему 5/18-го), жалела – да все жалели – что вас обоих нет: были чудные пироги: капустный и яблочный, непомерная дыня и глентвейн. Аля получила ко дню рождения: зубную щетку и пасту (ее личное желание), красную вязаную куртку – очаровательную, – тетради для рисования, синие ленты в косы и две книги сказок: Гримма (уввы, по-французски!) и – полные – Перро, с пресловутыми *moralités* {247}. Лелик поднес ей огромный букет (шел озабоченный и сияющий, как жених) и – оцените! – склянку кюрасо [1087], которого Аля не стала пить, потому что «крепко и жжется». Была у нас и бедная (т.е. мне ее жалко) родственница Анны Ильиничны [1088] – немножко отойти от своих великанят – пасет их целые сутки.

Сейчас иду к Александре Захаровне [1089] – уезжает послезавтра в Париж. И Сереза наверно скоро. С ужасом думаю о предстоящем мне единоличном сожительстве с бесовкой (хозяйкой) – и о всех мебелих, которые придется покупать. Не весь ли дом перестраивать? Скажет – отсырили (Муркиными штанами) стену. Может быть окажусь в тюрьме. На этом прискорбном предположении кончаю.

Целую Вас, дорогая Вера Александровна, сердечный привет Петру Петровичу. Переписку Тезея кончила.

МЦ.

Это письмо написано, как Вы любите: не упоминаясь.

Напомните Петру Петровичу вена Stoll. Griechische Mythologie он знает [1090] (из области розовых фартуков: Vortuch).

Впервые – Revue des études slaves. с. 207–208. сс-7. с. 179–180. печ. по сс-7.

101–26. В.Б. Сосинскому
St-Gilles, 16-го сентября 1926 г.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Дорогой Володя,

Большая и сердечная просьба.

Возьмите у Лапина [1091] ключ или ключи от нашего сундука (нового, – коричневатого-розоватого, один такой), предварительно справившись, где стоит (может быть в подвале, может быть у Вас в квартире), осторожно выньте содержимое, не слишком разбрасывая нафталин, и достаньте мне толстый коричневый переплетенный – несколько растрепанный – НЕМЕЦКИЙ ТОМ: ГРЕЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ, сразу узнаете, один такой. Название не то Griechische Mythologie {248}, не то Sagen des Klassischen Altertums {249}, неважно, – такая книга в сундуке одна, очень веская, с картинками. Примета: мое имя – Прага – пометка: книга на всю жизнь. Достаньте и вышлите мне ее imprimé recommandé {250}. Нужна до зарезу. Кончила и сдала I часть «Тезея», сроку у нас здесь еще около месяца, хочу начать II часть, нет материалов.

До разрытия сундука, посмотрите в квартире, нет ли где-нибудь связки наших книг или какой-нибудь корзины с ними. Помнится, уложила (как сокровище) именно в сундук, но память податлива, у меня тождественна воображению, поэтому раньше посмотрите в книгах. Помнится (поверь мне после предыдущего заявления!), Сережа говорил мне, что все книги собрал и связал. Больше верю в сундук.

Пишу об этом же Сереже, но боюсь, что уже уехал в Прагу или, перед отъездом, не успеет.

Если можно, вещи уложите в той же последовательности потяжелей внизу, полегче – сверху. Можно даже, сняв верхний слой, просто нащупать том, очень большой, квадратноватый, в переплете, один такой.

Деньги на пересылку прилагаю.

Сердечный привет вам и вашему брату [1092]. Возвращаемся в середине октября.

МЦ.

Да! Если книг в квартире нет, может быть они тоже в подвале?

18-го – Алин день рождения (5/18-го), поздравьте, хотя с опозданием, будет рада.

Приписка на полях:

Автор мифологии, помнится, ШВАБ (Schwab) [1093].

Впервые – НП. С. 230–232. СС-7. С. 82–83. Печ. по СС-7.

102–26. Б.Л. Пастернаку
Сентябрь 1926 г.

Дорогой Борис. Не могу удержаться от желания написать тебе о Шмидте. Я недаром его переписывала [1094] – не без корысти и не без выгоды. Усвоить другого через свою руку (почерк), стать им другим путем своей правой – это уже у меня было однажды – с тобой. В 1922 г., когда получила первое твое письмо.

Борис, я все эти годы с 17-го так спешу, мне всю жизнь так некогда, что – наконец в 1926 г. чувствовать разучилась. Чувствовать, – вчувствовываться так!. Просто чувствовать – вздор. Посему не истолкуй досугом, ни той тогдашней переписки, ни нынешней – Шмидта. Чтобы понять над строкой: слова другого (мало понять), мне нужно произнести вслух его слова вариант: услышать их из собственных уст или же – прочесть его (другого) своей рукой, удвоить.

Шмидт мне сейчас совершенно ясен, т.е. чувства мои в ответ на него настолько сильны, что теперь – или никогда – узнаешь меня стороне.

Два следующих абзаца зачеркнуты одной вертикальной линией

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
[Лейтенант Шмидт, по твоей поэме, мне глубоко отвратителен. Хвастун, болтун, неврастеник и нытик (качка) оборвано]

Вот Шмидт, встающий из твоей поэмы. Человек без чувства долга, малодушный. Бросает флот и едет «распутывать интригу» оборвано]

Какой Шмидт встает из твоей поэмы? Во-первых не моряк, без тени (просвета) морской чести. Чуть дома грызня – бросает флот и едет «распутывать интригу» [1095]. Где долг? Увозит с собой казенные деньги и... дает себя укачать вагону и обокрасть – неизвестному. Проснувшись, вспоминает, что он нелегал, ничего не делает и спасается в волне спячки. Речь в Севастополе не дана. Крупный пробел. Почему ты не дал Шмидта в деле. Шмидта в силе, дословного Шмидта? Речь же существует? (Хорошая, очевидно!) Дальше: его арестовывают. Что первое? Нытье и самолюбование. В мичманской в рабочей блузе да влюблен. Гениально передана морская болезнь, но... стыдно за лейтенанта. «Ne daigne» {251} – вот ответ в таких случаях моряка, да и каждого порядочного человека – морю.

Мужское письмо [1096] – верх грубейшей, отвратнейшей самовлюбленности. Если ты хотел дать иронию – не вышла. (Верь моему слуху!) «А предмет статей и споров – и поборник правды – Шмидт». КАКАЯ МИЗЕРИЯ.

Борис, любишь ли ты своего героя? Мне кажется – пытаешься. Он весь обратен тебе. На копейку дела – на — слова, и в общем нуль.

О Шмидте (вещи) я бы сказала так. Всё, что Пастернак – прекрасно, всё, что не Пастернак – посмешище. Прекрасны главы: Стихия, Марсельеза, и, частично, Ноябрьский митинг и восстание [1097] (в последней жест матроса). Удручающе-явно четверостишие [1098] – А разве слова на казенном карнизе и т.д. Борис, я левой рукой изо всех сил держу правую, чтобы тут же (сошло бы за опечатку) не подписать

– Свои?!)

Свои.

Потому что свои, и Мукден, и Цусима, и слои, и казармы, давно-свои, кровно-свои. 4-стишие для цензора.

я тебе предложу другое, Борис, дай измам перемолотся, – тоже (частью) свои будут.

Знаю, знаю, знаю, ты настолько не похож (ни на кого), что в желании дать настоящего человека, дал посмешище. Я бы сказал (поступил, почувствовал) так, следовательно Шмидт – «простой, настоящий» говорит, чувствует, делает именно обратное. Твой Шмидт – самохвал. Тот, кого любила Россия, и – это уже в самом звуке фамилии – был застенчив.

Дело, Борис, еще и в языке. Письма Шмидта написаны на жаргоне. Если у 1905 г. не было своего языка, ты не должен был заставлять Шмидта писать письма, ты должен был дать его исключительно через жест. Ведь не то отвратительно, что он теряет деньги (хотя и это, – хорош моряк! хорош офицер! хорош вождь!) а то, что он, проснувшись, произносит. – Так и есть. Какое свинство. Нет пакета. Ведь он в эту секунду тошнотворен.

Власти, не долженствующие любить 1905 г., должны быть в восторге, как и многие, тоже его не любящие, по сю сторону.

Не знаю, написал ли тебе Слоним [1099]. Он нрзб. вдохновлен. Слушай: есть у тебя одно совершенно античное место (мир, в котором сейчас живу) – клятва.

Клянись

Как тени велят вам [1100].

Клятва Стиксом. Ты об этом не думал, рада. Только 1905 г. было бы – как трупы велят вам (виселицы, общие могилы, пр.).

Ах, Борис, почему на тебя этот груз?

Соскучилась – стосковалась – по твоей новой прозе, по большой вещи без темы, где

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru ты свободно плаваешь и беспрепятственно тонешь. Соскучилась по тайному, донному, спящему, бестемному, тёмному тебе. Когда? год кончаешь. Хотела спросить – какие еще будут главы, вспомнила – не переписываемся. Разрешите – mentalement {252} – писать тебе изредка, когда очень будет нужно. Только к мысли твоей обращаюсь.

Впервые – Души начинают видеть. С. 269–271. Печ. по тексту первой публикации.

103–26. Б.Л. Пастернаку
Сентябрь 1926 г.

О лейтенанте Шмидте Бориса Пастернака. – Победа человека, который не есть ты, которого в тебе нет. Победа всех против одного. Шмидт ноет. Шмидт слюнит. Шмидт нытик. Слёзь и слизь.

Письма Шмидта – срифмованный жаргон 1905 г. [1101]

Дети, вы меня сбросите!

Дети, вы меня вспомните!

Впервые – Души начинают видеть. С. 271–272. Печ. по тексту первой публикации.

104–26. В.Б. Сосинскому
St. Gilles, 20-го сентября 1926 г.

Дорогой Володя,

Спасибо за (прискорбное) оповещение [1102] и за милое поздравление Али. Посылаю Вам – наугад – ключ, ни к одной нашей здешней вещи не подходит, может быть и есть тот. (У меня таких два.)

Если подойдет – все прежние просьбы и пояснения в силе, у меня здесь еще 3 недели срока, стоит и на одну неделю.

Не подойдет – сберегите.

Что Черновы? Когда возвращаются? Где селятся? [1103]

Как Ваши дела (служебные)? Пишете ли, и что?

У нас чудесно, райский сентябрь, но хозяева адовы, возненавидели нас, получив всю плату наперед одновременно, и сулят нам отъезд с мировым судьей и жандармами – неизвестно за что.

Живем мы на земле для того, чтобы не захотеть жить на ней еще раз.

Сердечный привет вам и брату. Видитесь ли с Сережей? Как вам нравится номер с Сувчинским? [1104]

Жив ли Дода, где, и что делает?

Везу три новых поэмы: С моря, Попытка комнаты, Лестница.

До свидания в половине Октября!

МЦ.
St. Gilles-sur-Vie (Vendée).

Avenue de la Plage

Ker-Edouard

Впервые – ВРХД. 1974. № 114. С. 210. СС-7. С. 83. Печ. по СС-7.

105-26. А.А. Тесковой
St. Gilles, 24-го сентября 1926 г.

для вас одной.
Дорогая Анна Антоновна!

Какая трудная задача! Письмо, долженствующее убедить человека, меня не знающего [1105], что мне – внешне – плохо. Мне внешне всегда плохо, потому что я не люблю его (внешнего), не считаюсь с ним, не отдаю ему должной важности и с него ничего не требую. Все, что я люблю, из внешнего становится внутренним, с секунды моей любви перестает быть внешним, и этим опять-таки, хотя бы в обратную сторону, теряет свою «объективную» ценность. Так, например, у меня есть с моря, принесенный приливом или оставленный отливом, окаменелый каштан – талисман. Это не вещь. Это – знак. Чего? Да хотя бы приливов и отливов. Потеряв такой каштан, я буду горевать. Потеряв 100 царских тысяч рублей, в Государственном Банке (революция) [1106], я не горевала ни минуты, ибо, не будучи с ними связана, не считала их своими, они в моей душе не числились, только в ухе (звук!) или в руке (чек), – на поверхности слуха и руки. Не имел, их не теряла.

Чешское иждивение. Я всегда удивлялась, за что мне дают. Если бы кто-нибудь из них любил мои стихи – да, или меня лично – да, но так, вообще, на веру... Таинственно. Я знаю себе цену: она высока у знатока и любящего, нуль у других, ибо (высшая гордость) не «держу марки», предоставляю держать – мою – другим.

Для настойчивости в просьбах нужны – наивность, цинизм, бесстыдство: нужно поверить в то, что ты – для Чехии например – фигура, поэт, для общественных деятелей – ценность, поверить в целый ряд несообразностей и внушить их другим. Или же: прикинуться дурачком, убогоньким, нищенским: «по-о-дайте, Христа ради!»

Для первого я слишком скромна, для второго – слишком я, в обоих случаях – ТРЕЗВА.

Поэтому, и днесь и впредь, мои просьбы неубедительны: застенчивы, юмористичны (чего не прощают!), иногда – прямолинейны (что отталкивает), всегда своеобразны, т.е. с печатью моего образа, который сильным мира сего не нравится. Начинаю прошение – просыпается мысль, юмор, «игра ума». Если два раза «что» или два раза «бы» – беру другой лист, не нравится, хочется безукоризненной формы, привычка слуха и руки.

Мне бы нужно списывать свои прошения, тогда бы они удовлетворяли и – удовлетворялись.

«Умираю с голоду» – «голодная смерть» – «страдаю общим малокровием» – не могу. Безвкусно, преувеличенно, грубо, неправдоподобно, не я. Я: «Несколько стеснена»... «жизненные условия тяжелы – как и полагается, впрочем» – и дело уже провалено: обобщение, убивающее частный (мой) случай. – Voilà {253} –

Если бы господин Гирса был одной с Вами и со мной породы, это письмо было бы лучшим, ибо – вопль сердца! Но... это неправдоподобно, посему прилагаю другое письмо... которое буду сочинять час.

О нас всех: Поездка Сергея Яковлевича – сейчас – расстроилась. Поиски квартиры, устройство на зиму, II № Вёрст. Поедет, думаю, в начале декабря и к Вам не только «зайдет», но встречи с Вами и Вашими ждет и ей горячо радуется.

Квартира снята, – в 15 минутах поездом от Парижа. Meudon. Лес. Отдельно садик для Мура. Жить мы будем с одной швенорской семьей [1107], дом пополам. Так легче. Адрес пришлю на днях. Нынче 24-ое, выезжаем, должно быть, 1-го – 2-го. Тотчас же по получении от Сергея Яковлевича точного адреса, пришлю Вам – еще отсюда.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru французские хозяйки не лучше чешских, гораздо хуже: уезжая надо лакировать шкафы и кровати, этого со мной в Чехии – да и нигде – не было. Грозят агентами и жандармами. Неизвестно за что. Очевидно, простое желание выжать из последних иностранцев (мы здесь последние, как были – первые) последнюю копейку.

Мур хорошо ходит и бегают, живой, ловкий, бесстрашный, лезет в море, как в ведро, и в ведро, как в море. Говорит мало, но понимает всё. Аля выросла, похудела, похорошела. В Париже будет учиться в школе рисования Добужинского и Билибина [1108]. Лучше чем гимназия, – и призвание и будущий заработок.

В письме с адресом будет – милая Анна Антоновна, приходите в ужас! – просьба о корзине, которая нам очень нужна. Мур из всего вырос, а там и чулки, и штаны, и пальто, – все чешские подношения.

Теперь, дорогая Анна Антоновна, давайте помечтаем. Вы непременно должны к нам приехать в Мёдон, погостить, посмотреть Париж. Хорошо бы на Рождество. Я знаю, что поездка дорога, но... раз в жизни! Вся устрашающая? Парижа отпадает – Вы будете за-городом, Париж только по желанию, но – совсем близко, рядом, поезда ходят через каждые полчаса.

Давайте осуществим. Побываем с Вами в Версале, и в Фонтенбло, и в Музеях, и на набережных Сены, – Чудно? – Могли бы приехать с Сергеем Яковлевичем (думаю – в Прагу поедет в начале декабря), а обратно, в Прагу, – вторая мечта! – со мной.

Страшно хочу в Прагу. Устроили бы мой вечер в Едноте, Вы бы меня познакомили с чехами, которых я совсем не знаю, побродили бы по Праге, словом – было бы чудно. Погостила бы у Вас неделю – 10 дней. Наговорились бы.

Кроме того, я человек трудовой, мне – лишь бы стол. Вашей жизни бы я не мешала, меня «развлекать» не нужно.

Ах, как было бы чудно!

На поездку я бы наработала и, может быть немножко заработала бы – вечером – в Праге. Притянуть чехов, а? Женские круги всегда отзывчивые?

Так оправдан был бы обратный билет. Все русские бы на меня пошли, а их у Вас ведь еще немало?

Ответьте – что думаете.

Прага – в письме для Гирсы этого не напишу – мой любимый город. Недавно видела открытку с еврейской синагогой – сердце забилось. А мосты! А деревья? Вспоминаю как сон.

Денежные дела плохи. За лето ничего не печатала (написала три небольших поэмы: С МОРЯ, ПОПЫТКА КОМНАТЫ, ЛЕСТНИЦА, – последняя пойдет в Воле России [1109]), с Современными Записками разошлась совсем, – просят стихов ПРЕЖНЕЙ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ, т.е. 1916 года. Недавно письмо от одного из редакторов: «Вы, поэт Божьей милостью, либо сознательно себя уродуете, либо морочите публику». Письмо это храню. Верх распушенности. Автор – Руднев [1110], бывший московский городской голова. Вы наверно его знаете, бывает в Праге, правый эсер.

Кончаю, чтобы приняться за то письмо. Буду писать крупно и ясно, такого (т.е. моего) почерка Гирса не поймет.

Целую Вас нежно и бесконечно благодарю за любовь и память.

М.Ц.
Посылаю Вам одну книгу Вёрст. Нынче же.

Только-что закончила второе письмо. Не перепутайте, давая!

Прочтите оба Вашим и напишите впечатление.

P.S. В письме для Гирса ничего не врала.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Впервые – Письма к Анне Тесковой, 1969. С. 43–45 (с купюрами). СС-6. С. 349–352. Печ. полностью по кн.: Письма к Анне Тесковой, 2008. С. 44–48, с уточнением по кн.: Письма к Анне Тесковой, 2009. С. 67–69.

К письму приложена открытка с видом медонского леса. Текст на открытке:

– Вот куда я Вас зову (в пяти минутах от нас.)

Весь парк расположен террасами. Есть плюшевые стены, похожие издали, вернее, свысока – на черные пруды. Есть, замурованные наглухо, бывшие увеселительные павильоны. Есть тишина. На нее Вас зову!

Счастливых праздников!

Был ли снег в Сочельник?

МЦ
(Письма к Анне Тесковой, 2009. С. 69–70).

106–26. А.А. Тесковой
St. Gilles, 24-го сентября 1926 г.

Дорогая Анна Антоновна [1111],

Простите, что так долго Вам не писала. Виной – переписка большой драматической поэмы Тезей, 1-ой части трилогии, написанной в Чехии. в1924 г. [1112]

Переписываю на всякий случай, потому что еще не знаю, где пойдет. А поместить надо – с прекращением чешской стипендии совсем обнищали. Летом ничего не печатала, – все журналы отдыхали. На обратный путь придется занимать по 20 франков у знакомых. Дадут, как всегда, самые бедные. Так, в августе, когда нам было так плохо (прекращение стипендии), нам сразу прислали по 100 франков двое сережиных приятелей, бывших чешских студентов, один – маляр, другой – шофер на грузовике. От богатых ждать нечего, им самим нужно.

В нынешней нищете своей я неповинна, – работала как никогда. Три поэмы за лето и переписанный, т.е. подготовленный и местами заново написанный, Тезей. Кроме того – вся работа по дому на мне: кухня, стирка, починка, заботы о Георгии, который не только ходит, но бегаёт – и бегаёт всюду, нужно непрестанно следить. В меня, очень живой.

С ужасом думаю о долгах лавочникам. Здесь манера – приходить на дом за заказом и предлагать, даже навязывать. Сколько раз просила: «нет денег, не приходите!» – «Vous payerez après»! {254} (Чем?!). Впрочем, кредит нас в свое время спас, был месяц полного нищенства, все наличное уходило на молоко и хлеб.

Последние известия из Чехии печальные. Сергей Иванович Варшавский [1113] сообщил мне, что, по словам Михаила Лазаревича Заблоцкого [1114], мне и в половинной (500 крон) стипендии отказано. Во многих письмах из Чехии намеки, что вернись я, мне бы возобновили ссуду полностью, но как я могу вернуться, когда Сергей Яковлевич связан редактированием «Вёрст» (высылаю № 1): к стати, дающих ему 1.000 франков с номера, а № выходит раз в 4–5 месяцев. Издание идейное, деньги случайные, больше платить не могут.

Я уже столько просила в Чехии похлопотать за меня – что отчаялась. Я убеждена, что увидь господин Гирса мой рабочий день, – хотя бы стол! – он первый постоял бы за меня, т.е. за 500 крон ссуды. Кроме труда у меня в жизни нет ничего, да, в конце концов, – и не нужно ничего: возможности работать. Трех спокойных часов в день.

Отнимите у меня писанье – просто не буду жить, не захочу, не смогу. Только писаньем уцелела в Советской России. Только тетрадью живу все эти годы за границей. Это – моя судьба. Труда для себя и здоровья для своих – больше мне, в

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
чистоте сердца, не нужно ничего.

Самое растроганное и умиленное спасибо за Ваши 100 крон, они нас спасли. Верну при первой возможности, этот долг свят.

Страшно хотелось бы, хоть бы на месяц, в Прагу, но – не говоря уже о проезде! – не могу оставить детей и Сергея Яковлевича, который постоянно хворает. Легкие и общий упадок сил.

Нежно целую Вас и Ваших. Скоро пришлю фотографии Георгия. Что скажете о «Верстах»?

М.Ц.

P.S. Посоветуйте, к кому мне еще обратиться с просьбой о ПОЛОВИННОЙ ССУДЕ? Своих знакомых просила всех.

Впервые – Письма к Анне Тесковой, 2008. С. 48–50. Печ. по тексту первой публикации.

107–26. В.Б. Сосинскому
St-Gilles, 27-го сентября 1926 г.

Дорогой Володя,

Простите за всю эту тревогу. Если бы знала, что Вы так каторжно работаете, ни за что не затевала бы. Два слова о ключе и мифологии: если же мифологии на Rue Rouvet нет – она в Праге, больше быть ей негде. Второго ключа не досылаю, потому что 2-го, в субботу, с Божьей помощью, выезжаю сама – я и дети

Итак, скоро увидимся. Рада буду повидать и угостить Вас в нашем новом (лесном) жилище [1115]. Устроим новоселье, на котором будем пить здоровье других планет. То, что человек, хотящий писать свое, должен 13 часов в день выбрасывать написанное другими, – и для чего? чтобы есть, а есть? чтобы жить, то есть 13 часов в день швыряться газетным барахлом – навсегда отвращает меня от нашей.

Негодование – вот что во мне растет с каждым годом – днем – часом. Негодование. Презрение. Ком обиды, растущий с детства. Несправедливо. Неразумно. Не по-божески. Есть у Блока эта интонация в строчке:

Разве так суждено меж людьми? [1116]

Не это (13 часов в день) нам обещали, когда мы рождались. Кто-то не сдержал слова.

Радуюсь – из Сен-Жиля! Последние недели нестерпимо. Нас возненавидели хозяева, и, по их живописаниям, все: мальчишки, девчонки, «барышни», старухи, – только лавочки любят: кормим. Отъезд хозяйка сулит с квартирными агентами, жандармами и мировым (сдача «инвентаря», полученного весьма несовершенным и требуемого с нас безупречным). Боюсь, придется покупать шкафы и, кровати: там лак сошел, тут фанера... Был бы Сережа – все бы сошло, но женщина одна – еще две сотни лет пройдут, прежде чем власть имущие перестанут злоупотреблять этим единоличием. (Подсознательно: я ударю, ты сдачи не дашь, итак...)

Очень подружилась здесь с детьми Андреевыми: Верой и Валентином, особенно – Верой [1117]. Добрая, красивая, естественная великанша-девочка, великаненок, простодушная амазонка. Такой полной природы, такого существования вне умственного, при уме, я никогда не встречала и не встречу. От Психеи – ничего, Ева до Адама – чудесная.

Не знаю, никогда не знаю, что чувствует другой, но от нее на меня – мне казалось шли большие теплые волны дружественности, неизвестно почему и за что. Жара, песок, волна, Вера – так и останется.

Вера ПОЛНОЕ ОБРАТНОЕ Вадиму [1118] и такое же полное, хотя в другую сторону – Савве. (Его не полюбила.)

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

В Вадиме ничего от природы: одна голова, в Вере ничего от головы: одно (блаженное) дыхание.

Странно, что у мозгового сплошь – Л. Андреева – такие дети (Валентин и Вера). Любовь к природе отца и сына (Вадим) – страх перед собственным мозгом, бегство его. Бессознательное свето-, водо- и т.д. лечение. Этим детям лечиться не от чего. Любопытная семья.

Уже уложила огромный сундук с книгами и камнями (тихая скорость). Вчера было последнее купанье. А нынче – покупанье ведра, мисок, тарелок, чашек, полоскательниц, ложек, всего битого и якобы битого. Остается после нас целый склад дерева: бочек, досок, палок, коры, принесенных с моря. Есть даже одно (огромное) сабо. Все это, чтобы не оставлять хозяевам, дарим одной 28-летней – веселейшей! – матери ПЯТИ детей. Муж (англичанин, посему ненавидимый) зарабатывает 14 франков в день.

Планета, планета.

Итак, до скорой встречи, милый Володя. Пожелайте нам мысленно удачной дороги, а главное – благополучного выхода из калитки нашего Ker-Edouard'a [1119]. Доде сердечный привет.

МЦ.

Приписка на полях:

Везем полсундука Алиных (Ваших!) кинематографических журналов. Тихой скоростью.

Молодец, что достали и осилили Урлевана! {255} [1120] (так у нас зовется). Везем с собой роман второй сестры, которым зачитывались наши бабушки и матери: Jane Eugé (Джен Эйр). Книга когда-то гремевшая. Прочтете – сравните. Герои почти те же. Есть еще третий роман (третьей). Достанем и его!

Узнаете бумагу? Пишу Вашим пером. Клею я все полгода спасалась.

Впервые – НП. С. 232–235. СС-7. С. 83–85. Печ. по СС-7.

108–26. С.Н. Андрониковой-Гальперн
Дорогая Саломея,

Недавно приехала и очень хочу Вас повидать. В город (неустройство – или устройство – кухня – Мур и т.д.) мне выбраться трудно, потому жду Вас к себе.

Наш адрес:

Bellevue

31, Boulevard Verd (большой дом, даже несколько, в саду. Железная решетка. Башенка).

Маршрут: Монпарнасский вокзал, станция Bellevue. До нас три минуты (Вашего) хода. Естественного – пять.

К нам лучше к 6-ти, когда время (вспомните Мандельштама и Мирского!) частью отшумело [1121].

До свидания. Целую Вас. Сердечный привет от Сергея Яковлевича.

МЦ.

Bellevue. 7-го Октября 1926 г.

Впервые – СС-7. С. 102. Печ. по тексту первой публикации.

109–26. В.А. Сувчинской

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Дорогая Вера Александровна.

Недавно приехала [1122] и очень рада буду Вас повидать. Лучше – в 6 часов вечера, когда дневные заботы, частью, сброшены.

Из Кламара доезжаете до Bellevue, 31, Boulevard Verd. От вокзала три минуты ходу.

Увидите и услышите (крик ослика и т.д.) Мура. Итак, жду.

МЦ
Bellevue. 7-го октября 1926 г.

– Дом большой, с башенкой, в саду. Старая железная решетка, в ней калитка [1123].

Впервые – Revue des Études slaves. С. 210. СС-7. С. 180. Печ. по СС-7.

110–26. Л.И. Шестову
Париж, 9 октября 1926 г. [1124]

Дорогой Лев Исаакович,

Мы живем в чудном месте, – парк и лес. Хочу, пока листья, с Вами гулять. Назначьте день и час – заранее.

Маршрут: по метро до Javel и там пересечь на электрическую дорогу Pont Mirabeau – направление Versailles. Сойти: Meudon, Val-Fleuri, перейти железную дорогу и спросить Boulevard Verd.

Наш дом с башенкой, в саду (несколько корпусов) за серой решеткой. Только непременно предупредите.

Целую Вас и люблю.

МЦ.
Почтовый адрес:

Bellevue (S. et O.)
31, Boulevard Verd.

Впервые – ВРХД. 1929. № 129. С. 125–126 (с ошибкой в дате). СС-7. С. 47. Печ. по СС-7.

111–26. А.А. Тесковой
Париж, 12-го Октября 1926 г.

Bellevue (S. et O.)
31, Boulevard Verd
(près Paris)

Дорогая Анна Антоновна!

Простите, что только сейчас собралась написать и поблагодарить, – первая неделя устройства. Устроились мы чудесно, под Парижем, в лесу – и каком! Огромном, старом, на много верст. Живем с одной русской (вшенорской) дамой и ее сыном [1125]. Ее нижний этаж, наш – верхний. Чешское иждивение как раз покрывает квартиру. При доме садик в 3 минутах ходьбы – большой пустынный парк с обсерваторией (соседство звезд). Город-сад, городок-садище, с редкими автомобилями. Холмы. Мы, по Алиному выражению, на берегу Парижа.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Расходы большие, нужно везде ставить печи (камины не греют).

Квартира с мебелью, но без посуды. Всё – заново (все было в Чехии!) – тазы, сковороды, кастрюли и т.д. Часть нашего бывшего имущества еще в корзине – той. Теперь о корзине.

Она у Новеллы Чириковой, на даче Божанка, где Вы бывали у Андреевой. Там же – не в корзине, нужно спросить у няни – примус, белый овальный эмалированный таз с ручками – и, может быть, еще что-нибудь. Няня знает.

Другая часть наших вещей на чердаке у наших прежних хозяев: солдатский ранец с Сережиными рукописями, шинель, башмаки, холщовый мешок вроде портпледы (самодельный). Хозяева знают и, думаю, отдадут. Нужно будет им заплатить за хранение. Корзина полна на две трети, многое еще войдет. Думаю, необходимо ее переложить, она не была рассчитана на дальнюю дорогу и тихую скорость. Есть бьющиеся вещи, их бы хорошо заткнуть по бокам. У Брэя [1126] еще книги Сергея Яковлевича, их, думаю, лучше отправить отдельным пакетом. К делу укладки притягиваем также жену Брэя, пишу одновременно ей. По получении этого письма, дорогая Анна Антоновна, напишите открыточку Наталии Владимировне Брэй (на лавку Вейса. Všenory, rap J.Vais для такой-то), чтобы сговориться, когда и как осуществить укладку и отправку. Не знаю, принимают ли малой скоростью на вшенорском вокзале если нет – багажом до Вильсонова вокзала, а там сдать – малой скоростью, если можно, с таможенным осмотром. Если же нет – не беда, вещи всё старые, осмотрят здесь.

Корзина мне нужна крайне: в ней все Муркины теплые вещи, пальто, вязанные штаны, чулки, всё, что ему именно сейчас нужно.

Если можно, пусть с Вильсонова отправят прямо на нашу станцию Bellevue (Seine et Oise) 31, Boulevard Verd если нет Paris, gare Montparnasse. Корзина должна быть хорошенько перевязана веревкой (Брэй!) и с билетиком: Madame Marina Efron, 31, Boulevard Verd Bellevue (Seine et Oise) près Paris.

Квитанцию, пожалуйста, заказным перешлите нам. Хорошо бы на Вильсоновом спросить о приблизительном сроке прибытия. Может быть багаж из Чехии в Париж принимают только на Paris, Gare de l'Est, тогда – пусть так. Лишь бы квитанция.

Расходы (перевозки, деньги за хранение Ванчуровым – (наши бывшие хозяева) – и т.д.) возместим тотчас же.

Спешу от править письмо, нежно целую Вас и очень прошу прощения за, надеюсь, последнее дело.

М.Ц.

Впервые – Письма к Анне Тесковой, 2008. С. 50–52. Печ. по тексту первой публикации.

112–26. Е.Л. Недзельскому
Октябрь 1926 г. [1127]

Милый Евгений Леопольдович. С моей статьей (о книге Шум времени – Мандельштама) было совершенно так же [1128]. В понедельник: возьмем в № II, а уже в среду – никогда и ни в какой. Причем ни нет, ни да я не добилась, ибо – хотела сказать – ПОЛЯК [1129], но вспомнила, к кому и кто (полька – бабушка [1130]) пишет.

Говорю Вам, билась три часа – ничего не добилась. БЕРЕТЕ ИЛИ НЕТ? – Да видите ли...

Я этого человека не понимаю и ничего не принимаю в нем, кроме необыкновенной головы.

До свидания! Сердечный привет.

МЦ.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Впервые – Письма Сергея Эфрона Евгению Недзельскому. С. 33. Печ. по тексту
первой публикации.

113–26. В.Ф. Ходасевичу
Октябрь 1926 г. [1131]

Мой ответ Владиславу Ходасевичу [1132]

«В соответствии с этим в художественном отделе Верст встречаем двух эмигрантских
авторов (М. Цветаеву и А. Ремизова) и пять советских» [1133].

Эмигрантским автором себя не считаю, ибо родилась раньше 1922 г. и большинство
вещей, появившихся здесь, написала в России, из которой, кстати, не эмигрировала
[1134]. [Так же мало считаю Пастернака например? нрзб. советским автором. Так же
не считаю себя советским автором, считая такое деление, особенно касательно
лирического поэта, смешным. Борис Пастернак, например, советский поэт, а я –
эмигрантский. Почему? Потому что я в 1922 г. уехала, а Борис Пастернак остался в
Москве.]

Так же не считала себя в 1919 г., например, советским автором, полагая
территориальное деление для лирического поэта / определения поэта по случайной
территории смешным. (Не любовь ко мне в советских и эмигрантских кругах явное
подтверждение) [1135]. Оттого, что я в 1922 г. уехала, а Борис Пастернак
остался, я не делаюсь поэтом эмигрантским, а Борис Пастернак советским.

«Я – вселенной гость.

Мне повсюду пир.

И мне дан в удел

Весь подлунный мир...» [1136]

Итак, от эмигрантщины с Буниным, Гиппиус и Ходасевичем – равно и от советчины с
открещиваюсь.

Я – русский поэт, и что еще точнее, еще чище, просто – поэт, родившийся в
России.

«Сувчинский ожидает, что тяга к национальному делу выльется у нее в славный
еврейский погром». Сноска: что не очень любезно в журнале, где один из
редакторов – С.Я. Эфрон, а в числе сотрудников – Пастернак, Бабель, Л.И. Шестов
и Артур Лурье [1137].

Ничуть не открещиваясь от моего любимого народа, сообщаю Ходасевичу, что мой муж
С.Я. Эфрон, кроме библейской фамилии, которой горжусь, – Эфрон, носит еще
русскую дворянскую фамилию, Дурново [1138], и, как это ни странно, является
более русским, чем сам Ходасевич в котором (еврейская кровь и польская) ни капли
русской крови. – [кто же из них еврей?]

Кто же из двоих – русский: С.Я. Эфрон (русская кровь и еврейская) или В.Ф.
Ходасевич (еврейская кровь и польская).

[Кроме того. Добровольчество с Октября 17-го по ноябрь 1920 г. (разгром Крыма)
С.Я. Эфрона и советская служба + спутничество с М. Горьким В.Ф. Ходасевича
[1139].]

Кроме того, один с 1917 г. – 1920 г. сражается в Добровольческой Армии, другой –
служит в «Тео» и – еще где? [1140]

Кто же русский – из двух?

И не странно ли, вообще, при обвинении Верст в большевизме, обвинение их тут же
в погромности? Большевизм, взывающий к еврейским погромам, – а?

«Недавно Святополк-Мирский объявил Марину Цветаеву поэтом и т.д.» [1141]

То, в чем / что так Ходасевич видит только легкомыслие, я вижу мужество
[признать] во всеуслышание объявить: я ошибся. Было бы чище, если бы сам В.Ф.
Ходасевич, вместо постепенного и неуклонного полного линяния (так линяли колонны
Александровского училища), или что тоже – белели [1142] – в один прекрасный день

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru сразу бы объявил: я ошибся. Этого признания мы не дождалась и не дождемся. Таковые признания – дело мужей.

«А из случайных гостей мы видим М. Цветаеву в 12 книжках...» [1143]

[Да, но не надо забывать, что большинство моих вещей появилось до моего приезда за границу].

В 12-ти книжках – может быть – из которых, думаю, добрая пропущено слово, – но всегда с оговоркой: либо стихи 13–16 гг., либо что-нибудь из советской жизни. Каждый раз, когда я посылала вещь недавнюю, т.е. современную – Современные Записки отказывали. Так, за два последних года я в Современных Записках появлялась раз [1144].

Может ли считаться такое сотрудничество не – случайным, вызванным, со стороны редакции – добрым отношением, с моей – не менее добрым и материальной нуждой.

Не случайно я сотрудничаю в Воле России, никогда не вернувшей моей ни единой строчки [1145].

Печ. впервые. Черновик письма Цветаевой записан в ее тетради (РГАЛИ. ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 14, л. 73–75).

114–26. В редакцию «Современных Записок»
Октябрь 1926 г. [1146]

Милостивый Государь, господин Редактор!

Не откажите в любезности поместить нижеследующее.

После статьи Ходасевича в Современных Записках № – о Верстах [1147], прошу меня, ближайшего сотрудника Верст, сотрудником Современных Записок далее не считать [1148].

Печ. впервые. Черновик приводимого ниже письма Цветаевой записан в ее тетради (РГАЛИ, ф. 1190. оп. 3, ед. хр. 14, л. 75).

115–26. Р.М. Рильке
Bellevue (S. et O.)

prus Paris

31, boulevard Verd

7-го ноября 1926 г.

Дорогой Райнер!

Здесь я живу [1149].

Ты меня еще любишь?

Марина

Впервые – Дружба народов. 1987. № 9. С. 234. СС-7. С. 74. Печ. по кн.: Небесная арка. С. 111.

116–26. К.Б. Родзевичу
Bellevue, (S. et O.)

31, boulevard Verd

9-го ноября 1926 г.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Дружочек!

Пишу по нашему обоюдному и несомненному желанию (это чувствуется сквозь стены и через спины).

На следующем семинаре, в перерыве, отзовите меня – с кем бы я ни стояла – «Марина Ивановна можно Вас на минутку?» – я с Вами отойду и мы условимся о дне (вечере) Вашего приезда.

Встретимся мы с Вами на моей станции Bellevue (с Gare Montparnasse, поездом), посидим или побродим – как захочется и выйдет. Буду ждать Вас – или Вы меня – в станционном зале.

Час прихода поезда установите уже к понедельнику, чтобы долго не уговариваться. День выберем сообща. «Заехать к Вам» или «буду у Вас» будет означать станцию Bellevue.

Итак – до понедельника.

МЦ.

Поезд хорошо бы выбрать какой-нибудь 7-ми, 8-ми часовой, чтобы подольше посидеть. Но можно и значительно позже, – как сможете.

– Очень радуюсь Вам.

Впервые – Письма к Константину Родзевичу. С. 173. Печ. по тексту первой публикации.

117–26. А.А. Ахматовой
Bellevue, 12-го ноября 1926 г.

Дорогая Анна Андреевна,

Пишу Вам по радостному поводу Вашего приезда [1150] – чтобы сказать Вам, что все, в беспредельности доброй воли – моей и многих – здесь, на месте, будет сделано.

Хочу знать, одна ли Вы едете или с семьей (мать, сын). Но как бы Вы ни ехали, езжайте смело. Не скажу сейчас в подробностях Вашего здешнего устройства, но обеспечиваю Вам наличность всех.

Еще одно: делать Вы всё будете как Вы хотите, никто ничего Вам навязывать не будет, а захотят – не смогут: не навязали же мне!

Переборите «аграфию» (слово из какой-то Вашей записочки) [1151] и напишите мне тотчас же: когда – одна или с семьей – решение или мечта.

Знайте, что буду встречать Вас на вокзале.

Целую и люблю – вот уже 10 лет (лето 1916 г., Александровская слобода, на войну уходил эшелон) [1152].

М.

Знаете ли Вы, что у меня сын 1 год 9 месяцев – Георгий? А маленькая Аля почти с меня? (13 лет).

Адрес: Bellevue (Seine et Oise)

Prus Paris, 31, Boulevard Verdun.

Отвечайте сразу. А адрес перепишите на стенку, чтобы не потерять.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Впервые – НП. С. 377–378. СС-6. С. 203–204. Печ. по СС-6.

118–26. В Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции
От Марины Цветаевой–Эфрон
Прошение
В виду трудного материального положения покорнейше прошу Комитет о выдаче мне пособия.

Bellevue, (S. et O.)

31, boulevard Verd

12-го ноября 1926 г.

Приписка снизу:

Очень прошу Комитет поддержать Марину Ивановну, положение которой в настоящее время очень трудное (недостаточность заработка литературного, двое детей и т.п.). Борис Зайцев [1153].

Впервые – Гладкова Т., Мнухин Л. Русские архивные материалы в Париже. – БЕРЕГА: Информационно-аналитический сборник о русском зарубежье. Вып. 2. СПб., 2003. С. 6 (в сокращении). Печ. полностью по копии с оригинала, хранящегося в архиве ВДИС.

119–26. В Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции
Триста (300) фрранков пособия с благодарностью получила.

Марина Цветаева

Bellevue, (S. et O.)

31, boulevard Verd

3-го декабря 1926 г.

Впервые – Russian Studies / Études Russes / Russische Forschungen –
Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб.: Пушкинский фонд, 1994. 1, 1.
– С. 300 (публ. В. Кельнера и В. Познер). Печ. по копии с оригинала, хранящегося в архиве ВДИС.

120–26. О.Е. Колбасиной–Черновой
11 декабря 1926 г. [1154]

Милая Ольга Елисеевна,

Оказалось, что в воскресенье Аля идет на Лелькин [1155] спектакль, поэтому у Маргариты Николаевны были в четверг и завтра не поедем. Думаю быть у Вас завтра (в воскресенье) с Муром около 3 часов, если только погода окончательно не разлезется. Пока до свиданья, привет всем.

МЦ.
Суббота.

Впервые – Wiener Slavistische Jahrbuch. Wien. 1976. Bd. 22. С. 118 (публ. Хорста Лампля). СС-6. С. 763. Печ. по СС-6.

121–26. С.Н. Андрониковой–Гальперн
Дорогая Саломея,

Большая просьба о декабрьском иждивении. (Получала дважды: сразу за сентябрь и октябрь и, отдельно, за ноябрь.) Приходят наложным платежом наши вещи из Чехии –

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru вагон с неведомым! – каждый день могут придти, а платить нечем.

Если можно, перешлите по почте или еще как-нибудь, ближайшие мои вечера заняты людьми, приехавшими из Чехии, и Мирским (приезжает завтра). Кроме того, горячка с Верстами, временами отзывающаяся и на мне.

До свидания! Не отождествляйте меня с моим иждивением, иначе Вам станет нудно. Целую Вас

МЦ.
Bellevue (S. et O.)

31, Boulevard Verd

18-го декабря 1926 г.

Приписка на полях:

Может быть как-нибудь встретимся совместно с Дмитрием Петровичем? [1156]

Тогда черкните, в понедельник я занята.

Впервые – СС-7. С. 102. Печ. по тексту первой публикации.

122–26. А.А. Тесковой
Bellevue (S. et O.)

31, Boulevard Verd

18-го декабря 1926 г.

Дорогая Анна Антоновна!

Я так давно Вам не писала, что начинаю сразу:

Извещение о корзине получила, но корзина еще не пришла, придет на днях (одна корзина, два ящика). Придет наложенным платежом. Совсем не знаю что сказать Вам в ответ на Ваше уведомление о высылке денег. Такие вещи, как всё незаслуженное, режут, я их боюсь, ибо, режа, пробивают кору моего ожесточенного сердца. Мне было бы легче, если бы такого в моей жизни не бывало. Поймете ли Вы меня?

Я безоружна перед добротой, – совершенно беспомощна. Как старый морской волк, например, в цветнике. Поймете ли Вы меня?

Долг буду возвращать постепенно, самое большое – раза в три. Мне скоро предстоит получка за часть Тезея, которого смогу Вам выслать еще до выхода Верст – отдельным оттиском [1157]. Бесконечно радуюсь моей немецкой книге на дне корзины [1158]. Впредь урок – не расставаться.

Мечту о Вашем приезде сюда не покинула. Весной у нас будет чудно, мы живем почти в парке (старый дворец маркизы de Pompadour [1159] разрушенный в 70 году моими Deutschland über alles {256}, – впрочем, тогда было: Preussen {257}). У нас свободная мансарда, где зимой нельзя жить (нет отопления), но весной чудесно. В нее и переселится Сергей Яковлевич, а Вы будете жить рядом с нами – Алей, Муром и мною. Кроме того, при доме садик. Вообще – всё в зелени. Съездим с Вами в Версаль – две остановки, ближе чем от Вшенор до Праги.

Давайте – серьезно. Дорога дорогá, но окупится жизнью здесь. Вам нужно взять какой-то душевный отпуск – у семьи. Не продышавшись, душа ссыхается, знаю это по себе. Семья ведь – сердце. Сердце разрастается в ущерб души, душе совсем нет места, отсюда естественное желание – умереть: не не быть, а смочь быть. – Так ли это у Вас?

Не соблазняя вас Эйфелевой башней (назойливой), ни даже выставками, всё это все-таки скорей – для глаз и из породы развлечений, то есть несколько презренно.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Соблазняю Вас другим воздухом, Вами на свободе, Вами самую же. Это – как основа.
Остальное – Версаль, Лувр, Люксембург – очаровательные частности. А вот весна –
не частности, а в Париже она чудесная.

Хотите – на Пасху? Давайте всерьез. Вырвите месяц, чудный месяц в воздухе!

Вёрсты и евразийство газеты рвут на куски. Пропитались нами до 2-го №,
выходящего на днях. Новая пища. Особенно позорно ведет себя Милюков [1160], но
оно и естественно: он бездушен, только голова.

Второй № лучше первого, получите. Есть огромная ценность: Апокалипсис Розанова
[1161].

Аля почти с меня, учится дома, очень способна к так называемым «гуманитарным»
наукам, т.е. не наукам вовсе. Живется ей нелегко, ибо весь день занята Муром. Я
как всегда разрываюсь между всеми и тетрадь. На тетрадь мало остается. Пишу II
часть Тезея, – две картины. Мур громадный, очень живой, очень любящий и до ужаса
любопытный, т.е. хватает все. Головка вьется. Красивый мальчик.

Говорит только отдельные слова, словом совсем не занят, с него достаточно –
понимать. Живость моя, вообще многое мое. 1-го февраля ему будет два года. Из
прошлого парижского пальто вырос так, что незаметно очутился в курточке. Радуюсь
чешским вещам в корзине.

Простите за бессвязное письмо: утро, тороплюсь. Жду обещанного длинного письма.
Опишите Рождество! О Праге думаю с нежностью, мой любимый город после Москвы. И
чехи этого никогда не узнают!

Скоро Новый Год, буду думать о Вас и желать для себя – в нем – Вашего приезда.

Целую нежно Вас и Ваших. Скоро напишу еще.

М.Ц.

Напишите – что думаете о Пасхе в Bellevue?

Впервые – Письма к Анне Тесковой, 1969. С. 46–47 (с купюрами). СС-6. С. 352–353.
Печ. полностью по кн.: Письма к Анне Тесковой, 2008. С. 52–54.

123–26. Д.Г. Резникову

В случае с В., на который не сразу ответила [1162].

Я не верю, что, зная меня, можно любить другую. Если любит, значит не знает,
значит не знала (не могла бы любить).

Короче: человек могущий любить меня, не может любить другую. И – еще более –
обратно. Исключительность ведь не только в исключении других, но и в
исключенности из других. Меня в других нет.

Можно любить до меня, и после меня, нельзя любить одновременно меня и, ни даже
дружить, еще менее – дружить. Этого никогда не было. Доказательство моей правоты
– меня МАЛО любили.

Тем, что X не перестает любить свою жену, он мне явно доказывает, что я бы не
могла его любить. Предвосхищение достоверности.

Трагическая любовь (я люблю, он нет) – либо незнание меня, либо незнание мое.
(Знал бы – любил бы, знала бы – не любила бы.) То есть недоразумение.
Недоразумение тоже может быть трагичным.

Другой ее вид (он любит, я нет) также не для меня. Ибо если он любит (не возле,
не около, меня в упор, именно меня, здесь обману нет) – я конечно его люблю –
кто бы он ни был, каков бы он ни был, то есть: и кто и каков уже определяются
этой любовью. Любовь ко мне есть любовь к целому ряду явлений и сама по себе –
явление.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Всех не любящих меня (ВСЕГО в одном) я сужу и миную. А если не миную (губы, руки) то все-таки сужу и, уверяю вас! – не себя (за слабость) какая слабость? Еще одна проба силы – сил.

Вас вчера не было, а я была. Жаль. Хотя бы потому не прекращайте, что почти единственная возможность видеться. Дома у меня по-настоящему нет, есть, но меня в нем нет.

– Как хорошо Вы тогда сказали про Слонима: кукушка. Где кукушка – там и сказка, там и песня, и я в своей долгой дружбе – права. С негодяем дружить нельзя, с кукушкой – можно. Любить даже.

А из сплетен о Вас – волшебное плетиво: не у проститутки, а у сороки-воровки (пух, мех, золото, гнездо), – на содержании у сороки-воровки...

Хотите, 30-го, в предпоследний день старого года? Приезжайте к 6 часам (можно и к 5½ часам), пораньше поужинаем, поедем в Ваш монпарнасский [1163] (Узнайте программу!) Деньги есть, не заботьтесь

30-е, по-моему, четверг. Во всяком случае – 30-го. Проводим, начерно, год. Не запаздывайте!

До свиданья. Тот ветер еще дует.

МЦ.
27-го декабря 1926 г., понедельник.

Впервые – ВРХД. 1983. № 138. С. 191–192 (публ. В. Лосской). СС-7. С. 97–98. Печ. по СС-7.

124–26. Б.Л. Пастернаку
Bellevue, 31 декабря 1926 г.

Борис!

Умер Райнер Мариа Рильке. Числа не знаю [1164] – дня три назад. Пришли звать на Новый год и, одновременно, сообщили [1165].

Последнее его письмо ко мне (6 сентября) кончалось воплем: «Im Frühling? Mir ist bang. Eher! eher!» {258} [1166] (Говорили о встрече.) На ответ не ответил, потом, уже из Bellevue, мое письмо к нему в одну строку: Rainer, was ist? Rainer, liebst Du mich noch? {259} [1167]

Передай Светлову (Молодая Гвардия), что его Гренада – мой любимый – чуть не сказала: мой лучший – стих за все эти годы [1168]! У Есенина ни одного такого не было. Этого, впрочем, не говори, – пусть Есенину мирно спится [1169].

Увидимся ли когда-нибудь?

– С новым его веком, Борис!

М.

Впервые – НП. С. 316. СС-6. С. 265–266. Печ. по: Души начинают видеть. С. 272.

125–26. Р.М. Рильке
Год кончается твоей смертью? конец? начало! Ты самому себе самый новый год. (Любимый, я знаю, ты меня читаешь раньше, чем я пишу) – Райнер, вот я плачу. Ты льешься у меня из глаз! [1170]

Милый, раз ты умер, – значит, нет никакой смерти (или никакой жизни!). Что еще? Маленький городок в Савоие [1171] – когда? где? Райнер, а как же гнездо для сна? Ты ведь теперь знаешь по-русски и знаешь, что Nest – гнездо и многое другое

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru [1172].

Не хочу перечитывать твоих писем, а то я захочу к тебе – захочу туда, – а я не смею хотеть, – ты ведь знаешь, что связано с этим «хотеть».

Райнер, я неизменно чувствую тебя за правым плечом [1173].

Думал ли ты когда-нибудь обо мне? – Да! да! да! –

Завтра Новый год. Райнер – 1927. 7 – Твое любимое число. Значит, ты родился в 1876 году? [1174] (газета)? – 51 год?

Какая я несчастная.

Но не смей грустить! Сегодня в полночь я чокнусь с Тобой. (Ты ведь знаешь мой удар: совсем тихий!) [1175]

Любимый, сделай так, чтобы я часто видела Тебя во сне – нет, неверно: живи в моем сне. Теперь ты вправе желать и делать.

В здешнюю встречу мы с тобой никогда не верили – как и в здешнюю жизнь, не так ли? Ты меня опередил – (и вышло лучше!), и, чтобы меня хорошо принять, заказала – не комнату, не дом – целый пейзаж. Я целую тебя в губы? В виски? В лоб? Милый, конечно, в губы, по-настоящему, как живого.

Любимый, люби меня сильнее и иначе, чем все. Не сердись на меня – тебе надо привыкнуть ко мне, к такой. Что еще?

Нет, ты еще не высоко и не далеко, ты совсем рядом, твой лоб на моем плече. Ты никогда не будешь далеко: никогда недосягаемо высоко.

Ты – мой милый взрослый мальчик.

Райнер, пиши мне! (Довольно-таки глупая просьба?)

С Новым годом и прекрасным небесным пейзажем!

Марина
Бельвю. 31-го декабря 1926. 10 часов вечера.

Райнер. Ты еще на земле, не прошло еще суток [1176].

Впервые – Дружба народов. 1987. № 9. С. 234–235, СС-7. С. 74. Печ. по: Небесная арка. С. 113–114.

Это «посмертное письмо» к Рильке, написанное, как и все предыдущие, по-немецки, Цветаева вложила в конверт письма Б. Пастернаку от 1 января 1927 г. Оригинал его не обнаружен. К.М. Азадовский в своей публикации приводит сохранившийся русский перевод, уточненный по записи в черновой тетради (коммент.: Небесная арка. С. 294). Перевод текста из черновой тетради см. ниже.

125а-26. Р.М. Рильке

Год уходит с твоей смертью? конец? Начало. (Любимый, я знаю, что ты меня теперь – Райнер, сейчас я плачу – что ты меня теперь можешь читать без почты, уже прочитал.) Любимый, если ты умер, жизни нет, и нет смерти. Что еще? Маленький городок в Савоие – когда? где? Райнер, а как же гнездо для сна? (сеть) {260}. Ты ведь знаешь теперь и русский и знаешь, что Nest – ГНЕЗДО, и еще многое. Я не хочу перечитывать твои письма, потому что иначе я не захочу «жить» («мочь»? «могу» все, это слово не подойдет), – захочу к тебе – не захочу быть здесь. Райнер, я знаю, что ты сейчас справа, почти чувствую твою светлую голову. Думал ли ты когда-нибудь обо мне? Завтра Новый год, Райнер. – 1927. – 7, твое любимое число. Значит, ты родился в 1875 году (газета)? 51? Молодой.

Бедная внучка, которая никогда тебя не видела [1177].

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Бедная я.

Но – не грустить! Сегодня ночью в двенадцать я чокнусь с тобой (о, совсем тихо, мы оба с тобой не переносим шума).

Любимый, сделай так, чтобы я иногда видела тебя во сне.

В здешнюю встречу мы с тобой никогда не верили, как и в здешнюю жизнь, да? Ты меня опередил и заказал – не комнату, не дом – пейзаж, чтобы меня хорошо принять.

Я целую тебя в губы? в висок? в лоб? Лучше в губы, [ты ведь не мертвый] как вправду живого.

Любимый, люби меня иначе и сильнее, чем все. Не сердись на меня, – привыкни ко мне, ведь такой я останусь.

Что еще?

Слишком высоко, быть может? (...чрезмерная близость этого волнующего зрелища) Над строкой: Не высоко, не далеко, еще нет, еще совсем близко, твой лоб на моем плече.

Мой милый взрослый мальчик – ты.

Райнер, пиши мне! (Довольно глупая просьба?)

С Новым годом и прекрасным небесным новогодним пейзажем.

Марина.
Bellevue, 31 декабря 1926 г., 10 часов вечера.

Райнер, ты еще на земле, не прошло еще суток!

Впервые – Души начинают видеть. С. 275–276.

В черновой тетради письмо (написано по-немецки) к Рильке записано перед письмом к Пастернаку от 1 января 1927 г.

1927
1–27. Б.Л. Пастернаку
1 января 1927 г.

Борис, он умер 30-го декабря [1178]. Не 31-го. Еще одна жизненная нелепость, неточность, промах. Последняя мелкая мстительность жизни – поэту. Новый свой век он начал 27 годом, любимой цифрой. «7 – meine Lieblingszahl!» {261}

Борис, мы никогда не поедem к Рильке [1179]. Не сбылось. Еще одно не сбылось. Отчего, Борис, ты и я так мало хотим, так и не пытаемcя хотеть? Те, что ездили к Рильке, любили его меньше, чем ты и я. (Не оттого ли (малость хотения), что неверие.) Ich will nicht wollen – ich darf nicht wollen {262}. Откуда это? Что-то чтy и чем-то брезгую, не стоиt объяснять.

...Борис, у вас паспорта сейчас дешевые. (Читала накануне.) И нынче ночью (под Новый Год) мне снились: океанский пароход (я на нем) и поезд. Это значит, что ты приедешь ко мне и мы вместе поедem в Лондон. Строй на Лондоне, у меня в него давняя вера (помнишь тех потолочных птиц и твою замоскворецкую мятель).

Я тебя никогда не звала, теперь я тебя зову, теперь время. Мы будем одни в огромном Лондоне. Твой город и мой. К зверям пойдem. К Тоуэру пойдem (ныне – казармы). Перед Тоуэром [1180] маленький крутой сквэр, пустынный, только одна кошка из-под скамейки. Там будем сидеть. На плацу будут учиться солдаты.

Вырвem этот клоч (бессмертия) у жизни. Раз. Час.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Видишь, Борис, втроем, в живых, все равно бы ничего не вышло. Я знаю себя: я бы не могла не поцеловать его руки, не могла бы поцеловать его руки даже при тебе, почти что при себе даже. Я бы рвалась и разрывалась, потому что ведь еще этот свет. (Борис! Борис! Как я знаю тот! По снам, по воздуху снов, по разгроможденности, по точности снов. Чистота линий. Как я не знаю этого, как я не люблю этого, как я обижена в этом!) Тот свет, ты только пойми, свет, освещение, вещи, иначе освещенные, светом твоим, моим.

На ТЕМ СВЕТУ – пока этот оборот будет, будет и народ. Но я сейчас не о народах.

– О нем. Слушай внимательно. Последняя его книга была французская Verger [1181]. Он устал от языка своего рождения.

(У меня, в 1916 г. –

И думаю: когда-нибудь и я.

Устав от вас, враги, от вас, друзья,

И от уступчивости речи русской... [1182])

Он устал от всемогущества, захотел ученичества, схватился за неблагодарнейший из языков для стихов («poésie» – Dichtung {263}) – французский, опять смог, еще раз смог, сразу устал. (Не от немецкого.) Дело оказалось не в немецком, а в человеческом. Жажда французского была вариант: оказалась жаждой ангельского, тусветного. Книжечкой Verger он проговорился вариант: обмолвился на ангельском языке.

Дай время. Все пришлю тебе: и фотографии, и каждую строку. Сейчас не хочу разворачивать, не хочу этого повода смерти, выйдет, что действительно умер. Вздор какой. Сейчас, пока пишу, еще не похоронили (12 часов Нового Года, 1-го января) или – может быть – только что. Душа совсем рядом, с тобой и мной. Видишь, он ангел, неуклонно чувствую его за правым плечом (не моя сторона, всегда прислушиваюсь влево).

Борис, два года, нет больше, абсолютное число. Этими годами я тебя заслужила. Три почти года – отсутствия. Малейший соблазн – мимо: не стоит. Доберегу.

Впервые – Души начинают видеть. С. 272–274. Печ. по тексту первой публикации.

1а-27. Б.Л. Пастернаку
Bellevue, 1 января 1927 г. –

ты первый, кому пишу эту дату. –

Борис, он умер 30-го декабря, не 31-го. Еще один жизненный промах. Последняя мелкая мстительность жизни – поэту.

Борис, мы никогда не поедем к Рильке. Того города уже нет.

Борис, у вас паспорта сейчас дешевле (читала накануне). И нынче ночью (под Новый Год) мне снились 1) океанский пароход (я на нем) и поезд. Это значит, что ты приедешь ко мне и мы вместе поедем в Лондон. Строй на Лондоне, строй Лондон, у меня в него давняя вера. Потолочные птицы, замоскворецкая метель, помнишь?

Я тебя никогда не звала, теперь время. Мы будем одни в огромном Лондоне. Твой город и мой. К зверям пойдем. К Тоуэру пойдем (ныне – казармы). Перед Тоуэром маленький крутой сквер, пустынный, только одна кошка из-под скамейки. Там будем сидеть. На плацу будут учиться солдаты.

Странно. Только что написала тебе эти строки о Лондоне, иду в кухню и соседка (живем двумя семьями): – Только что письмо получила от (называет неизвестного мне человека). Я: – Откуда? – Из Лондона.

А нынче, гуляя с Муром (первый день года, городок пуст), изумление: красные

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
верха дерев! – Что это? – Молодые прутья (бессмертья).

Видишь, Борис: втроем, в живых, все равно бы ничего не вышло. Я знаю себя: я бы не могла не целовать его рук, не могла бы целовать их – даже при тебе, почти что при себе даже. Я бы рвалась и разрывалась, распиналась, Борис, потому что все-таки еще этот свет. Борис! Борис! Как я знаю тот! По снам, по воздуху снов, по разгроможденности, по насущности снов. Как я не знаю этого, как я не люблю этого, как обижена в этом! Тот свет, ты только пойми: свет, освещение, вещи, иначе освещенные, – светом твоим, моим.

На тем свету – пока этот оборот будет, будет и народ. Но сейчас не о народах.

– О нем. Последняя его книга была французская, Verger. Он устал от языка своего рождения.

(Устав от вас, враги, от вас, друзья,
И от уступчивости речи русской..

1916 г.)

Он устал от всемогущества, захотел ученичества, схватился за неблагодарнейший для поэта из языков – французский («poésie») – опять смог, еще раз смог, сразу устал. Дело оказалось не в немецком, а в человеческом. Жажда французского оказалась жаждой ангельского, тусветного. Книжкой Verger он проговорился на ангельском языке.

Видишь, он ангел, неизменно чувствую его за правым плечом (не моя сторона).

Борис, я рада, что последнее, что он от меня слышал: Bellevue {264} [1183]. Это ведь его первое слово оттуда, глядя на землю! Но тебе необходимо ехать.

Впервые – нп. с. 317–320. сс-6. с. 266–267. Печ. по кн.: Души начинают видеть. с. 277–278.

2-27. Б.Л. Пастернаку
Bellevue, 12 января 1927 г. [1184]

Дорогой Борис! Пересылаю тебе письмо Мирского, которому не давала твоего адреса и которому умоляю его не давать [1185]. Причины внутренние (дурной глаз и пр.) – посему веские, верь мне. Если неловко писать на меня и давать мой (NB! самое лучшее бы: я – глушитель) – дай адрес Союза Писателей или Поэтов или еще что-нибудь общественное. Он твоего адреса (личного) домогается с такой страстью, что дать нельзя никак. Кроме того: Волхонка, д. № 14, кв. 9 – моя, не делюсь. При встрече расскажу и увидишь.

Пока тебе будет достаточно знать, что когда, на днях, зашел ко мне – тут же застлала от него рукавом портрет Рильке в газете [1186]. Твоя Волхонка и лицо Рильке – однородность. Не предавай меня.

Обнимаю и жду письма.

М.

На обороте конверта:

Нарочно пишу на его письме, чтобы запечатать волю (его к твоему адресу), твою – к даче его.

М.Ц.

Впервые – нп. с. 320–321. сс-6. с. 266–267. Печ. по кн.: Души начинают видеть. с. 280–281.

3-27. В Комитет помощи русским ученым и журналистам [1187]
От Марины Ивановны Цветаевой-Эфрон
Прошение

Покорнейше прошу Комитет о предоставлении мне пособия.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Марина Цветаева-Эфрон
Bellevue (S. et O.)

31, boulevard d'Veud

14-го января 1927 г.

Впервые – СС-6. С. 663. Печ. по копии с оригинала, хранящегося в архиве ВДИС.

4-27. А.А. Тесковой
15-го января 1927 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Итак – не приедете? Жаль. Почему-то поверила в чудо. Думали ли Вы о том (конечно думали!), что все, что для других – просто, для Вас – чудо (и наоборот). Бытовая поездка в Париж, силой Вашего желания, сразу теряет свои естественные очертания, рельсы загибают – в никуда.

Жаль, но не всё потеряно, и знаю, что силой своего желания когда-нибудь добьюсь.

«Мне так хочется, что заведомо безнадежно» – или: «Тем, что мне так хочется – заведомо безнадежно». Желание как обеспеченный неуспех (У Вас тоже так?) Желание как паралич жеста.

Не трусость. Не слабость. Не лень. Чувство судьбы. heilige Scheu {265} – иначе не скажу.

От всей души хочу Вас, к Вам, быть с Вами. У меня с Вами покой и подъем (покой без подъема – скука. Подъем без покоя – тоска). Если бы Вы знали как мне ску-у-учно с людьми!

В Праге мне было лучше (между нами), была обездоленная и благородная русская молодежь, добрая, веселая и любящая семья Чириковых, был Слоним (отпал? отстал? – «тот поезд, на который все – опаздывают» [1188], я – о поэте), – о Вас не говорю, было – при сравнительно нечастых – почему не чаще? – встречах – постоянно сознание Вашего сочувствия, сопутствия, присутствия. В Париже у меня друзей нет и не будет. Есть евразийский круг – Сувчинский, Карсавин [1189], другие – любящий меня «как поэта» и меня не знающий, – слишком отвлеченный и ученый для меня, есть сожительство с русской семьей [1190]: бабушка, взрослые сын и дочь, жена другого сына, внук – милые, но густо-бытовые – своя жизнь, свои заботы! – и больше нет ничего.

Так что – кажется главная моя, да нет – единственная моя радость с людьми – беседа – отпадает.

Окончательно переселилась в тетрадь.

Муру через 2 недели год [1191], сниму и пришлю. Кругломордый, синеглазый, в больших локонах. Аля – еще чуть-чуть и с меня, но переменилась мало, совсем не повзрослела. Сергей Яковлевич измотан и измаян, глотает мышьяк и еще что-то, но мало помогает.

О Рильке в другой раз. Германский Орфей [1192], то есть Орфей, на этот раз явившийся в Германии. He Dichter – (Рильке) – Geist der Dichtung {266}.

Да! Очень прошу Вас, дорогая Анна Антоновна, – если действительно состоится лекция обо мне Марка Львовича Слонима – запомните возможно точнее, ведь это нечто вроде эпилога, нет, – некролога: целой долгой дружбы [1193]. Мне хочется знать, хорошо ли он знает – что потерял?

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
А о нем над гробом – хорошо сказали. Ребенок над разбитой игрушкой, с той
разницей, что раньше сам ломал, а эта – сама сломалась [1194]. Что ломал-то –
старые, а сломалась-то – новая!

Он совершенно бездушный человек, бездушие беру не как порок, а как изъян {267}
(не данное). Только двоих таких и знала. Первого сочла за ангела, второго за
героя (да, да), оба оказались – просто – формой [1195].

Слонима я знаю лучше чем кто-либо.

Не забудьте, дорогая Анна Антоновна, возможно точнее, в его выражениях! –
запомните лекцию. Просто, тут же запишите – что понравится. Это для меня
проверка – очень любопытного, ибо совсем непонятного явления: полного подобия
души – при полном отсутствии ее. А может быть – словесная душа? Не знаю.

Мой тот свет постепенно заселяется: еще Рильке! А помните штейнеровское:

Auf Wiedersehen! {268} [1196]

Нежно целую Вас, хочу к Вам в Прагу. Самый сердечный привет Вашей матушке и
Августе Антоновне от всех нас.

Пишите.

М.Ц.

P.S. Корзина всё здесь: теперь из Парижа в Bellevue (15 минут! – едет две
недели!)

Впервые – Письма к Анне Тесковой, 1969. С. 47–48 (с купюрами). СС-6. С. 353–354.
Печ. полностью по кн.: Письма к Анне Тесковой, 2008. С. 54–56.

5-27. Е.А. Черносвитовой
Около 15 января 1927 г. [1197]

Дорогой друг; отвечаю Вам под непосредственным ударом Вашего письма [1198].

О смерти Рильке я узнала 31-го, под Новый год, от случайного знакомого [1199], и
как-то ушами услышала, как-то ушами, т.е. мимо ушей. Осознание пришло позже,
если можно назвать осознанием явления – действенное и вызывающее непризнание
его. Ваше письмо застает меня в полном (и трудном) разгаре моего письма – к нему
[1200], невозможного, потому что нужно сказать всё. Этим письмом с 31 декабря –
живу, для него бросила «Федру» (II часть «Тезея», задуманного как трилогия – но
из суеверия —). Это письмо, похоже, никогда не кончу, потому что когда
«новости» изнутри... Еще останавливает меня его открытость (письма). Открытое
письмо от меня – ему, (Вы знали его и, может быть, узнаете меня.) Письмо,
которое будут читать все, кроме него! Впрочем, может быть, отчасти сам его пишет
– подсказывает. Хотите одну правду о стихах? Всякая строчка – сотрудничество с
«высшими силами», и поэт – много, если секретарь! – Думали ли Вы, кстати, о
прекрасности этого слова: секретарь (secret {269})?

Роль Рильке изменилась только в том, что, пока жил, сам сотрудничал с – , а
теперь – «высшая сила».

– Не увидите во всем этом русской мистики! Речь-то ведь о земных делах. И самое
небесное из вдохновений – ничто, если не претворено в земное дело.

Очень важно для меня: откуда у Вас мой адрес? Из Bellevue ему писала всего раз –
открытку, адреса не было, на Mizot [1201]. На последнее мое письмо (из Вандей)
он не ответил, оно было на Ragaz, не знаете, дошло ли оно? Еще: упоминал ли он
когда-нибудь мое имя, и если да, то как, по какому поводу? Еще не так давно я
писала Борису Пастернаку в Москву: «Потеряла Рильке на каком-то повороте
альпийской дороги...» [1202]

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Теперь – важнейшее: Вы пробыли с ним два месяца, а умер он всего две недели
назад. Возьмите на себя огромное и героическое дело: восстановите эти два месяца
с первой секунды знакомства, с первого впечатления, внешности, голоса и т.д.
Возьмите тетрадь и заносите – сначала без системы, каждое слово, черту, пустяк.
Когда будете записывать последовательно, – все это встанет на свое место. Ведь
это еще почти дневник – с опозданием на два месяца. Начните тотчас же. Нет
времени днем – по ночам. Не поддавайтесь священному, божественному чувству
ревности, отрешенность (от я, мне, мое) – еще божественнее. Вспомните книгу
Эккермана, единственную из всех дающую нам живого Гёте [1203].

Боюсь, что, получив мифологию [1204], буду плакать. Пока – ни одной слезы:
времени нет, места нет (всегда на людях), а может быть, по чести, охоты нет:
неохота – есть. Плакать – признать. Пока не плачу – не умер.

Я никогда его не видела, и для меня эта потеря – в духе (есть ли такие?!). Для
Вас потеря бывшего, для меня – небывшего. Потеря Савойи с ним – куда никогда не
поеду, – провалившейся 31 декабря со всеми Альпами – сквозь землю... На некоторые
места карты не хочу смотреть – как вообще ни на что.

Ко всему этому присоедините, что не принадлежу ни к одной церкви...

Впервые – Новый мир. 1969. № 4. С. 199, опубликовано по тексту, восстановленному
А. Эфрон по черновой тетради М. Цветаевой. СС-7. С. 182–183. Печ. по: Небесная
арка. С. 117–118.

6–27. Б.Л. Пастернаку
Январь 1927 г.

Борис. Странно, что все это – вторично. То письмо помнишь из Чехии? [1205] и
свои слезы. И свой восторг: отец сказал, что жив.

Сейчас слезы. Жди восторга: Отец скажет, что жив! вариант: Отцовского слова

Еще одно: с содроганием поняла, что вещь о нас двоих «Попытка комнаты» – не о
нас, а о пропуск одного слова. Пиша ее, не понимала: почему так жутко (ожидание
явления). И горевала: почему – все-таки – нелюбовно. Перечти Элегию [1206]:
дважды поймешь.

О Борис, Борис! Вся поэма – пророчество! Конец страшен.

Нам не то с тобой на роду.

Начинаю вживаться в весть. Отовсюду – знаки и зовы.

Впервые – Души начинают видеть. С. 282. Печ. по тексту первой публикации.

7–27. С.Н. Андрониковой-Гальперн
Дорогая Саломея!

Мольба об иждивении. В этом месяце – туго, потому что не напечатала ни одной
строки. Если можно, вышлите: под угрозой газа и электричества.

Тщетно ждала Вашего письма и приезда – помните, хотели? Часто хотела писать сама
– причина неприезда та же: нежелание, чтобы Вас не было дома, нежелание, чтобы
Вы были дома – с другими. Давайте сговоримся. Что скажете о следующем вторнике
(15-го)? Хотите – Вы ко мне? Впрочем, как захочется, у Вас свободнее, но у меня
увидели бы Мура, которому 1-го исполнилось 2 года («ДЖА» «ГУОДА»).

Целую Вас и люблю.

МЦ.
Veillevue (s. et o.)

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
31, Boulevard Verd

8-го февраля 1927 г.

Впервые – СС 7. С. 102–103. Печ. по тексту первой публикации.

8–27. Б.Л. Пастернаку
Около 9 февраля 1927 г.

Дорогой Борис. Твое письмо похоже на отписку: причина – страх, что вообще не напишешь, такое, т.е. над строкой: а под страхом тайное нехотение письма, сопротивление письму. Впрочем – и не тайное: раз с первой строки: – потом опять замолчу.

Такое письмо не прерывает молчания, у меня даже нет чувства, что таковое (письмо) было. Поэтому все в порядке, в порядке и я, упорствующая на своем отношении к тебе, на своем отнесении себя к тебе, в котором окончательно утвердила меня смерть Рильке. Его смерть – в ее динамике над строкой: жизненной действительности – право к существованию мое с тобой.

Грубости удара я не почувствовала (твоего «как грубо мы осиротели») [1207]. что почувствовала, узнаешь из вчера законченного (31-го, в день вести – начатого) письма моего к нему, которое как частное письмо друзьям прошу не показывать. Сопоставление Рильке и Маяковского для меня, при всей (?) любви (?) моей к последнему – кощунственно. Кощунство (давно это установила) есть несоответствие.

Очень важная вещь, Борис, о которой давно хочу сказать. Стих о тебе и мне – начало лета – оказался стихом о нем и мне, КАЖДАЯ СТРОКА. Произошла любопытная подмена: стих писался во время моего крайнего сосредоточия на нем, а направлен был – сознанием и волей – к тебе. Оказался – мало о нем! – о нем сейчас (после 29-го декабря), т.е. пред восхищением, т.е. прозрением. Я просто рассказывала ему, живому, к которому же СОБИРАЛАСЬ! – о встрече с ним – ТАМ. Вещь называлась «Попытка комнаты» и, направленная на тебя, казалась странной – до такой страсти отрешенной и нелюбовной. Прочти внимательно, вчитываясь в каждую строчку, ПРОВЕРЬ. Этим летом, вообще, писала три вещи: 1) Вместо письма [1208] 2) Попытка Комнаты и 3) «Лестница» – последняя, чтобы освободиться от средоточия на нем – здесь, в днях, по причине ЕГО, МЕНЯ ЕЩЕ В ЖИЗНИ и (оказалось!) завтра – смерть – безнадежного. Лестницу наверное читал? Потому что читала Ася [1209]. Достань у нее, исправь опечатки.

Достань у Зелинского (если в Москве, а если в Париже – все-таки достань) 2 № Верст, там мой Тезей – трагедия – I часть. Писала с осени вторую, но прервалась письмом к Рильке, которое кончила только вчера (в тоске) [1210].

Спасибо за любование Муром [1211]. лестно (сердцу). Да! У тебя в письме: звуковой призрак, а у меня в Тезее: – Игры – призрак и радость – звук. Какую силу кстати обретает слово призрак в предшестве звукового, какой силой наделен такой звуковой призрак – подумай.

Когда едешь? Имя Святополка-Мирского – Димитрий Петрович.

Да! Самое главное. Нынче (8-го февраля) мой первый сон о нем. Не не-все в нем было сном, а ничто [1212]. Я долго не спала, читала книгу, потом почему-то решила спать со светом. И только закрыла глаза, как Аля (спим вместе): «Между нами серебряная голова» – не иносказательная седая, а серебряная, металл, так я поняла. И – зал. На полу светильники, подсвечники со свечами, пол утыкан. Платье длинное, нужно пробежать не задевши. Танец свечей. Бегу, овевая и не задевая – много людей в черном, узнаю Р. Штейнера (видела раз, в Праге) [1213] и догадываюсь, что собрание посвящения. Подхожу к господину, сидящему посреди зала, в кресле. Взглядываю. И он с улыбкой: Райнер Мария Рильке. – «Ich weiss!» {270} Отхожу, вновь подхожу, оглядываюсь: уже танцуют. Даю досказать ему что-то кому-то и, за руку, увожу. – Другая комната, бытовая. Знакомые, близкие. Общий разговор. Он раздваивается: один он в углу, далеко от меня, молодой, другой – рядом – нынешний. У меня в руках кипящий чугун, бросаю в него щепку: Поглядите. И люди смеют после этого пускаться в плавань! – «Я люблю море. Мое! – Женевское!» – «Почему Вы не понимали моих стихов, раз так чудесно говорите

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru по-русски?» – «Да – Женевское. А настоящее, особенно Океан, ненавижу. В St. Gill'e...» и он, mit Nachdrang {271}: – «В St. Gill'e – ВСЁ хорошо», явно отождествляя Сен-Жиль с Жизнью. Все, говоря с ним, в пол-оборота ко мне – «Ваш знакомый», не называя, не выдавая.

Словом, я побывала в гостях у него, потом он у меня.

Живу им и с ним. (Мне еще одна встреча варианты: событие, жизнь предстоит в жизни – ты. Это будет проверка.) Грустно озабочена разницей небес – его и моих. Мои – не выше третьих, его последние, т.е. мне, после этой – еще много-много раз, он жил – в последний, может быть в предпоследний. Вся моя забота (жизненная) – не пропустить в следующий раз (его последний).

Эта смерть, т.е. эта зияющая дыра здесь – как всё в моем порядке вещей. Это было лучшее, разве не естественно, что ушло. Первое совпадение лучшего для меня и лучшего на земле. Разве не естественно, что ушло. Ты очевидно еще чтить жизнь, или на что-то от нее надеешься. Для тебя эта смерть не в порядке вещей, для меня такая жизнь – не в порядке, в порядке ином, моем нежизненном.

О верстах. III № будет, дай для него стихи, если есть. № будет маленький. Я дам письмо, а ты стихи, больше стихов не будет [1214]. Не ленись, высылай сразу, лучше неизданное, пометим перепечаткой.

Да! главное. Как случилось, что ты центром письма взял [не наше с ним расставание], а твое со мной разминовение, потонувшее в огромности нашего с ним расставания. Для меня вторые ты и я начинаются со дня его смерти, здесь преємность так!. Борис, разве ты не видишь, что то разминовение, всякое когда живы – частность, о которой перед лицом сего и говорить не стоит. Там воля, решение, прочее, здесь: СТЯСЛОСЬ.

Многое могла бы еще сказать тебе.

Будет время – перепишу и пришлю тебе обе вещи, ту, летнюю, эту, зимнюю. А пока – до свидания.

Дошло ли описание его похорон? [1215] Немножко узнала о его смерти: умер утром, пишут – будто бы тихо, без слов, трижды вздохнув. Скоро увижусь с русской, которая была его секретарем два последних месяца и видела его за два-три дня до смерти [1216]. Да! две недели спустя ее получила от него подарок – немецкую Мифологию, издания 1875 г. – год его рождения [1217]. Последняя книга, которую он читал, была L'Amé et la Danse, Valéry [1218].

Живу в страшной тесноте, в комнате втроем с двумя детьми, никогда не бываю одна, страдаю.

Впервые – Души начинают видеть. С. 285–287. Печ. по тексту первой публикации.

В архиве Цветаевой сохранился ее автограф, представляющий собой в виде отдельного листка вариант последней части данного письма:

Вариант

По опыту знаешь, что есть места недающиеся, невозможные, к которым глоснешь. И вот – 24 таких места в один день [1219]. Со мной этого не бывало.

Живу им и с ним. Грустно-озабочена разницей небес – его и моих. Мои – не выше третьих, его, боюсь, последние, т.е. – мне еще много-много раз, ему – много! – один. Вся моя забота (жизненная) не пропустить в следующий раз (его последний).

Эта смерть, эта зияющая дыра здесь – как-то в порядке (моем) вещей. Первое совпадение лучшего для меня и лучшего на земле. Разве не ЕСТЕСТВЕННО, что ушло. За что ты – принимаешь жизнь? Для тебя эта смерть не в порядке вещей, для меня такая жизнь (о его говорю) – не в порядке, в порядке ином, здешний стирающем.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Да! главное. Как случилось, что ты центром письма взял не наше с ним расставание, а твое со мной разминовение, в огромности того расставания тонущее. Словом, начал с последней строки своего письма, а не с первой – моего (от 31-го). Борис, разве ты не видишь, что то разминовение, всякое, пока живы, – частность, о которой перед лицом СЕГО – и говорить совестно. Там: «решил», «захотел», «пожелал» – здесь: СТЯСЛОСЬ.

Или это сознательно? Тогда вспомни его – о страдании (Leid) и перенеси последнее и на меня, после такой потери ничем не уязвимой, кроме ЕЩЕ – ТАКОЙ. (Кажется, точно.)

– Дошло ли описание его погребения? Немножко (не из своих уст, потому – неточно) узнала о его смерти: умер утром, пишут – будто бы тихо, без слов, трижды вздохнув, будто бы не зная, что умирает (поверю!). Скоро увижусь с русской, бывшей два последних месяца его секретарем. Да! две недели спустя получила от него подарок – немецкую Мифологию 1875 г. – год его рождения. Последняя книга, которую он читал, была L'Аme et la Danse, Valéry. (Вспомни мой сон.)

Живу в страшной тесноте, втроем в комнате, никогда не бываю одна, страдаю.

Кто из русских поэтов пожалел о нем? Передал ли мой привет автору Гренады? (имя забыла)

...Да, новые песни
И новая жисть.
Не надо, ребята.
О песнях тужить!
Не надо, не надо, не надо, друзья!
Гренада, Гренада,
Гренада моя! [1220]
М.Ц.
На полях:

Передай, пожалуйста, вложенный листочек Асе. До нее мои письма не доходят.

Bellevue (S. et O.)

31, boulevard Verd

Впервые – Души начинают видеть. С. 288 289. Печ. по тексту первой публикации.

8а-27. Б.Л. Пастернаку
Bellevue, 9 февраля 1927 г.

Дорогой Борис,

Твое письмо – отписка, т.е. написано из высокого духовного приличия, поборовшего тайную неохоту письма, сопротивление письму. Впрочем – и не тайную, раз с первой строки: «потом опять замолчу».

Такое письмо не прерывает молчания, а только оглашает, называет его. У меня совсем нет чувства, что таковое (письмо) было. Поэтому всё в порядке, в порядке и я, упорствующая на своем отношении к тебе, в котором окончательно утвердила меня смерть Рильке. Его смерть – право на существование мое с тобой, мало – право, собственноручный его приказ такового.

Грубость удара я не почувствовала (твоего «как грубо мы осиротели», – кстати, первая строка моя в ответ на весть тут же:

Двадцать девятого, в среду, в мглистое?

Ясное? – нету сведений!

Осиротели не только мы с тобой

В это пред-предпоследнее

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Утро... –) [1221]

Что почувствовала, узнаешь из вчера (7-го, в его день) законченного (31-го, в день вести, начатого) письма к нему, которое, как личное, прошу не показывать. Сопоставление Рильке и Маяковского для меня при всей (?) любви (?) моей к последнему – кощунственно [1222]. Кощунство – давно это установила – иерархическое несоответствие.

Очень важная вещь. Борис, о которой давно хочу сказать. Стих о тебе и мне – начало лета – оказался стихом о нем и мне, каждая строка. Произошла любопытная подмена: стих писался в дни моего крайнего сосредоточия на нем, а направлен был – сознанием и волей – к тебе. Оказался же – мало о нем! – о нем – сейчас (после 29-го декабря), т.е. предвосхищением, т.е. прозрением. Я просто рассказывала ему, живому – к которому же собиралась! – как не встретились, как иначе встретились. Отсюда и странная, меня самое тогда огорчившая... нелюбовность, отрешенность, отказность каждой строки. Вещь называлась «Попытка комнаты» и от каждой – каждой строкой – отказывалась. Прочти внимательно, вчитываясь в каждую строку, проверь. Этим летом, вообще, писала три вещи

1. Вместо письма (тебе), 2. Попытка комнаты и 3. Лестница – последняя, чтобы высвободиться от средоточия на нем – здесь, в днях, по причине ЕГО, МЕНЯ, нашей еще: ЖИЗНИ и (оказалось!) ЗАВТРА – СМЕРТИ – безнадежного. Лестницу, наверное, читал? Потому что читала Ася. Достань у нее, исправь опечатки.

Достань у Зелинского, если еще в Москве, а если нет – закажи № 2 Верст, там мой «Тезей» – трагедия – I часть. Писала с осени вторую, но прервалась письмом к Рильке, которое кончила только вчера. (В тоске.)

Спасибо за любование Муром. Лестно (сердцу). Да! у тебя в письме: звуковой призрак, а у меня в «Тезее»: «Игры – призрак и радость – звук». Какую силу, кстати, обретает слово призрак в предшествии звукового, какой силой наделен такой звуковой призрак – думал?

Имя Святополка-Мирского – Димитрий Петрович. Он сделает тебе много добра, если не будешь слишком платить ему тем же. Когда-нибудь расскажу.

Последняя веха на пути твоём к нему: письмо для него, пожалуйста, пришли открытым, чтобы научить критика – иерархии и князя – вежливости. (Примечание к иерархии: у поэта с критиком не может быть тайны от поэта. Никогда не пользуюсь именами, но – в таком контексте – наши звучат.) Письма твоего к нему, открытого, естественно – не прочту.

Да! Самое главное. Нынче (8-го февраля) мой первый сон о нем, в котором не «не все в нем было сном», а ничто. Я долго не спала, читала книгу, потом почему-то решила спать со светом. И только закрыла глаза, как Аля (спим вместе, иногда еще и Мур третьим): «Между нами серебряная голова». Не серебряная – седая, а серебряная – металл, так поняла. И – зал. На полу светильники, подсвечники со свечами, весь пол утыкан. Платье длинное, надо пробежать, не задевши. Танец свеч. Бегу, овевая и не задевая – много людей в черном, узнаю Р. Штейнера (видела раз в Праге) и догадываюсь, что собрание посвященных. Подхожу к господину, сидящему в кресле, несколько поодаль. Взглядываю. И он с улыбкой: Rainer Maria Rilke. И я, не без задора и укора: «Ich weiss!». Отхожу, вновь подхожу, оглядываюсь: уже танцуют. Даю досказать ему что-то кому-то, вернее дослушать что-то от кого-то (помню, пожилая дама в коричневом платье, восторженная) и за руку увожу. Еще о зале: полный свет, никакой мрачности и все присутствующие – самые живые, хотя серьезные. Мужчины по-старинному в сюртуках, дамы – больше пожилые – в темном. Мужчин больше. Несколько неопределенных священников.

Другая комната, бытовая. Знакомые, близкие. Общий разговор. Один в углу, далеко от меня, молодой, другой – рядом – нынешний. У меня на коленях кипящий чугун, бросаю в него щепку (наглядные корабль и море). – «Поглядите, и люди смеют после этого пускаться в плавание!» – «Я люблю море: мое: женеvское». (Я, мысленно: как точно, как лично, как по-рильковски): – «Женеvское – да. А настоящее, особенно Океан, ненавижу. В St. Gill'e»... и он mit Nachdruck: «В St. Gill'e всё хорошо», – явно отождествляя St. Gilles – с жизнью. (Что впрочем и раньше сделал, в одном из писем: «St. Gilles-sur-Vie (survie!)» [1223]. – «Как Вы могли не понимать моих стихов, раз так чудесно говорите по-русски?» – «Теперь». (Точность этого ответа и наивность этого вопроса оценишь, когда прочтешь Письмо.) Все говоря с

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
ним – в пол-оборота ко мне: «Ваш знакомый...», не называя, не выдавая. Словом, я побывала у него в гостях, а он у меня.

Вывод: если есть возможность такого спокойного, бесстрашного, естественного, вне-телесного чувства к «мертвому» – значит, оно есть, значит, оно-то и будет – там. Ведь в чем страх? Испугаться. Я не испугалась, в первый раз за всю жизнь чисто обрадовалась мертвому. Да! еще одно: чувство тлена (когда есть), очевидно, связано с (приблизительной) длительностью тлена; Р. Штейнер, например, умерший два года назад, уже совсем не мертвый, ничем, никогда.

Этот сон воспринимаю как чистый подарок от Рильке, равно как весь вчерашний день (7-ое – его число) давший мне все (около 30-ти) невозможных, неосуществимых места Письма. Всё стало на свое место – сразу.

По опыту знаешь, что есть места недающиеся, неподдающиеся, невозможные, к которым глохнешь. И вот – 24 таких места в один день. Со мной этого не бывало.

Живу им и с ним. Не шутя озабочена разницей небес – его и моих. Мои – не выше третьих, его, боюсь, последние, т.е. – мне еще много-много раз, ему – много – один. Вся моя забота и работа отныне – не пропустить следующего раза (его последнего).

Грубость сиротства – на фоне чего? Нежности сыновства отцовства?

Первое совпадение лучшего для меня и лучшего на земле. Разве не ЕСТЕСТВЕННО, что ушло? За что ты – принимаешь жизнь??

Для тебя его смерть не в порядке вещей, для меня его жизнь – не в порядке, в порядке ином, иной порядок.

Да, главное, как случилось, что ты средоточием письма взял частность твоего со мной – на час, год, десятилетие – разминовения, а не наше с ним – на всю жизнь, на всю землю – расставание. Словом, начал с последней строки своего последнего письма, а не с первой – моего (от 31-го). Твое письмо – продолжение. Не странно? Разве что-нибудь еще длится? Борис, разве ты не видишь, что то разминовение, всякое, пока живы, ЧАСТНОСТЬ – уже уничтоженная. Там «решал», «захотел», «пожелал», здесь: СТЯСЛОСЬ.

Или это – сознательно? Бессознательный страх страдания? Тогда вспомни его Leïd {272}, звук этого слова, и перенеси его и на меня, после такой потери ничем не уязвимой, кроме еще – ТАКОЙ. Т.е. – не бойся молчать, не бойся писать, все это раз и пока жив, неважно.

Дошло ли описание его погребения. Немножко узнала о его смерти: умер утром, пишут – будто бы тихо, без слов, трижды вздохнув, будто бы не зная, что умирает (поверю!). Скоро увижусь с русской, бывшей два последних месяца его секретарем. Да! две недели спустя получила от него подарок немецкую мифологию 1875 г. – год его рождения. Последняя книга, которую он читал, была Paul Valéry (Вспомни мой сон).

Живу в страшной тесноте, две семьи в одной квартире, общая кухня, втроем в комнате, никогда не бываю одна, страдаю.

Кто из русских поэтов (у нас их нет) пожалел о нем? Передал ли мой привет автору «Гренады»? (имя забыла)

Да, новая песня
И новая жисть.
Не надо, ребята,
О песнях тужить.
Не надо, не надо,
Не надо, друзья!
Гренада, Гренада, Гренада моя.
Версты эмигрантская печать безумно травит [1224]. Многие не подают руки.
(Ходасевич первый). Если любопытно, напишу пространнее.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Передай Асе листочек, мои письма к ней не доходят.

Впервые – НП. С. 321–327. СС-6. 268–272. Печ. по: Души начинают видеть. С. 289–294.

9–26. Б.Л. Пастернаку
Середина февраля 1927 г.

Борис! а это он тебя первый поздравил с Новым Годом! Через женщину. Через русскую. Почти через меня [1225].

Впервые – Души начинают видеть. С. 313. Печ. по тексту первой публикации.

Написано на обороте автографа поэмы «Попытка комнаты».

10–27. А.А. Тесковой
Bellevue (S. et O.)

31, boulevard Verd

21-го февраля 1927 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Спасибо за полноту слуха и передачи, еще больше – за мужество отстаивать отсутствующего [1226], не о себе в Париже говорю, о себе в жизни говорю. Все мои друзья мне о жизни рассказывают, как моряки о далеких странах – мужикам. (Le beau rôle, как видите, в этом уподоблении – n'est pas pour moi, – mais...je me fiche des beaux rôles!) {273}. Из этого заключаю, что я в жизни не живу, что впрочем ясно и без предпосылки. И вот Вы, мужественное сердце, решили меня – силой любви – воскресить в жизнь, – нет, не воскресить, ибо никогда не жила – а явить в жизнь. И что же – час прожила. Брэю [1227] и Слониму тоже, хоть не та же – благодарность.

А я наверное 11-го вечером, пока читалось и говорилось, как обычно летала по лестнице или варила на следующий день обед, потому что к вечеру – как пишущий – не гоюсь: целый день хотелось – нельзя было, можно – расхотелось, размогло.

Кончила письмо к Рильке – поэму [1228]. Очень точный образец моих писем к нему, но полнее других, потому что последнее здесь и первое там. Пойдет в № 3 Вёрст. Сейчас пишу «прозу» [1229] (в кавычках из-за высокопарности слова) – т.е. просто предзвучие и позвучие – во мне – его смерти. Его смерть в моей жизни растроилась: непосредственно до него умерла Алина старая mademoiselle и непосредственно после (все на протяжении трех недель!) один русский знакомый мальчик Ваня. А в общем – одна смерть (одно воскресение). Лейтмотивом вещи не беру, а сами собой встали две строки Рильке:

Denn Dir liegt nichts an den Fragenden:
sanften Gesichtes
siehst Du den Tragenden zu. {274} [1230]
На многое (внутри) меня эта смерть еще подвигнет.

Внешне очень нуждаемся – как никогда. Пожираемы углем, газом, электричеством, молочницей, булочником. Питаемся, из мяса, вот уже месяцы – исключительно кониной, в дешевых ее частях: coeur de cheval, foie de cheval, rognons de cheval {275} и т.д., т.е. всем, что 3 франка 50 фунт – ибо есть конина и в 7–8 франков фунт. Сначала я скрывала (от Сережи, конечно), потом раскрылось, и теперь Сережа ест сознательно, утешаясь, впрочем евразийской стороной... конского сердца (Чингис-Хан и пр.). А Струве или кто-то из его последователей евразийцев в возродившейся (и возрожденской) Русской Мысли называет Чингис-Хамами [1231]. Впрочем, если немножко видите русские газеты – знаете. Я в стороне – не по несочувствию (большое!) – по сторонности своей от каждой идеи государства – по односторонности своей, может быть – но в боевые минуты на лицо, как спутник.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru Сережа в евразийство ушел с головой [1232]. Если бы я на свете жила (и, преступая целый ряд других «если бы») – я бы наверное была евразийцем. Но – но идея государства, но российское государство во мне не нуждается, нуждается ряд других вещей, которым и служу.

Сторонне же говоря – евразийские семинары (Карсавин, Вышеславцев и др.) – большое добро [1233]. Жаль, что их письменности, пока, ниже их устности их нужно слушать, а не читать (не о названных говорю, хотя Карсавин, например, в реплике – блестящ) –

№ III Вёрст обещает быть прекрасным. Не оповещаю только из суеверия. Попадался ли Вам на глаза № 1 Русской Мысли? Единственный (и какой!) свет – письмо Рильке о Митиной Любви [1234]. С Рильке – о Бунине – чувствуете все великодушие Рильке? Перед Рильке – Бунин (особенно последний) анекдотист, рассказчик, газетчик.

Вспоминаю Прагу, и где можно, когда можно, – страстно хвалю.

Да! а Слоним (подобие постоянной души – после лекции) тогда конечно был опьянен словом, т.е. путем слова раскрывающейся в нем души – неуловимой, ибо – тут же, с закрытием рта, улетающей. Пребывай она в нем – он был бы: ein grosser Mensch {276}.

Дорогая Анна Антоновна, Вы один из редких людей, которым мне постоянно хочется писать, а еще больше – говорить. Верю в – не сейчас, так потом – осуществимость Парижа, в поездку в Версаль, во все, что расцветет во мне парижского – только с Вами.

Скоро переезжаем, хозяйка набивала сразу 3 тысячи франков, из которых (живем двумя семьями) на нас приходится половина. Платить невозможно, – итак: прощай, сад! прощай, парк! Но в Bellevue с Вами все-таки съездим из какого-нибудь другого загорода, потому что в Париже, к счастью, жить невозможно.

Да, Вы наоборот знаете, что Неандер (монархист, председатель Орасо, участник Зарубежного съезда и прочая – и прочая – и прочая) перешел к большевикам [1235], а Ходасевич (друг и сотрапезник Горького, посетитель коммунистических кремлевских журфиксов, – затем сотрудник Дней затем «Последних Новостей») в «Возрождении» Struve (Струве) [1236].

Оба продались.

Закончу письмо Муром и Алей. Мур понемножку, но говорит, – много слов и несколько фраз, отлично понимает картинки. Каждую ночь перелезает из своей кровати в нашу с Алей – досыпаем ночь втроем. Аля образцовая сестра, но – бедная девочка – из-за смерти француженки не учится, так жаль. Француженка, по дружбе, брала 7 франков (!) за урок, дешевле 15 фрранков, не считая дороги, не найдешь. Иждивение мне пока из Чехии, слава Богу, идет. Напишите, дорогая Анна Антоновна, кого из чехов благодарить? Неловко – получать и молчать!

Целую Вас нежно, спасибо за любовь и память. Сердечные приветствия от Сергея Яковлевича и меня Вашей матушки и сестре.

Пишите!

М.Ц.

Скоро масленица как хотелось бы вас пригласить на блины!

Приписка на Алинам письме:

Ради Вахвова возгласа вслед Тезею: Бог! и была написана вся вещь [1237]. Ваше прозрение – гениально.

М.Ц.

Впервые – Письма к Анне Тесковой, 1969. С. 48–50 (с купюрами). СС-6. С. 354–355. Печ. полностью по кн.: Письма к Анне Тесковой, 2008. С. 57–60.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Приложение: письмо Али.

11–27. С.Н. Андрониковой–Гальперн
Дорогая Саломея,

Спасибо за извещение, которым очень огорчена – и за сестру (умершей) [1238] и лично. (Я сейчас в большой волне сочувствия – такому.)

Поедем, когда можно будет, надеюсь, не оповестивши Вас, не сдадут. Пока другие квартиры не смотрю [1239].

Да! О вечере. Как Вы думаете – сможет ли вечер у Н.И. Бутковской [1240] (студия) дать 2 тысячи? Если да – давайте устроим там. Большой наемный зал, помимо платы, сожрет ¼ дохода, т.е. в лучшем случае останутся те же 2 тысячи + все неудовольствия.

Не могли ли бы Вы, дорогая Саломея, позвонить Н.И. Бутковской? Вечер, думаю, хорошо бы в конце марта.

С Союзом молодых, по сведениям, выйти не может, – они в руках у враждебной (СТАРШЕЙ) группы [1241].

Если найдете нужным, – т.е. не заведомо–безнадежным – еще и от себя напишу Н.И. Бутковской лично, – но лучше после Вашего телефона.

Да! чтобы покончить с делами: милая Саломея, напомните Александру Яковлевичу [1242] чтобы непременно узнал фамилию и, по возможности, адрес той Поляковой [1243], что замужем за французом и живет, если не ошибаюсь, в Boulogne (может быть Champs Elysées? – во всяком случае не на Vilette!) [1244].

Две новости: одна о Мирском (смешная), другая – о другом, обе устные.

Черкните словечко. Целую Вас.

МЦ.
Bellevue, 25–го наверное февраля, пятница.

Впервые – СС–7. С. 103. Печ. по тексту первой публикации.

12–27. С.Н. Андрониковой–Гальперн
Bellevue (S. et O.)

31, boulevard Verd

Дорогая Саломея,

Вчера внезапно заболела Аля: горло до задохновения, сильный жар, кашель, всю ночь не спала, – сегодня лучше, но бронхит настоящий, до воскресенья продержу ее в постели. Присутствия, естественно, вдвое (ЦЕЛЫЙ Мур!)

Итак, хотите в воскресенье? Если заняты – в понедельник (тогда – отзовитесь). Приеду вечером, как всегда, – может быть пойдём на какой–нибудь хороший фильм?

Пожалуюсь на Святополк–Мирского.

Да! с Virofle (я?) может быть – к лучшему: 1) Теснота 2) Даль 3) Перспектива осеннего переезда и перетаска [1245].

Нам предлагают квартиру около Медонского электрического вокзала – 3 комнаты, ванна, крохотная кухня, свое центральное отопление – 330 франков в месяц. Без сада, но около парка. Если сумеем – возьмем.

Мебель какой–то магазин дает в рассрочку, если на 1 000 франков – 300 сразу – и по 60 франков в месяц. По–моему, более или менее, т.е. в случае вечера («хоть самого худенького») – доступно.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

В прошлом году вечер был затеей – и удался, в нынешнем – зарез – и – посмотрим. Жаль, что Бутковская не отвечает. (Может быть моя «евразийская» слава?) [1246]

Да, Саломея дорогая, спасибо за адрес Поляковой, но – увы – Раиса, Зинаида или Ксения? [1247] Нельзя ли это – каким-нибудь чудом?

Кончила свой ответ на смерть Рильке (проза) [1248].

Но все остальные новости – устно. Итак, молчание будет означать воскресенье. Понедельник будет ждать ответа.

МЦ.

2 марта 1927 г., среда.

Впервые – СС-7. С. 103–104. Печ. по тексту первой публикации.

13–27. З. Поляковой
Начало марта 1927 г. [1249]

Мадам,

Та, которая пишет Вам эти строчки – дочь Вашей подруги юности, Марии Мейн [1250], – Марина Цветаева, о которой Вы может быть смутно помните, когда она была еще МУСЯ [1251]. [С тех пор, как моя мама скончалась, я нашла среди ее бумаг] а Вы, дорогая мадам, как я помню, Вы та Зина Полякова, сердечная подруга – имя это, которое больше не существует, как и многое другое [1252].

Зина Полякова, лучшая мамина подруга, та Зина, о которой речь почти на каждой странице ее девического дневника – единственная подруга, так как у нее никогда не было другой. Ее не очень любили, Вашу подругу, она была выше всех, этого не прощают – особенно «дамы».

Зина Полякова, я говорю с ней, с той, которой тогда было 17 лет, с той, которой больше нет – как нет и многого другого! Я говорю со всей молодостью моей матери.

Вот, выслушайте маленькую историю:

Когда я вошла, она сидела за роялем и не слышала, как я вошла. Я тихо села. Она играла Шумана. Я никогда еще не слышала, чтобы она так играла, играла ее душа, – она играла всей своей душой. Когда она кончила, я подошла к ней и ее поцеловала. То, что она играла называлось «Wagum» {277} [1253].

Мне столько хочется рассказать Вам о ее жизни, смерти, это может Вас огорчить, но та, которая сумела в 17 лет сыграть wagum, не боится такого рода огорчения.

Это письмо идет издалека, из моих 13 лет [1254] и недавно, вероятно год назад, одна Ваша знакомая, имя которой я больше не помню (кажется итальянское) [1255] спросила меня от Вашего имени, не являюсь ли я дочерью «Мани», я сказала, да, действительно, она предложила мне возобновить знакомство, [хотя я была очень счастлива] моими (и вашими) и нашими воспоминаниями! Я забыла спросить ее адрес и ничего не получилось.

Если все то, о чем я Вам говорю, Вам дорого, позовите меня, дорогая Madame. И я приду.

Печ. впервые. Черновик записан в тетради Цветаевой (РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 16, л. 27–28).

14–27. С.Н. Андрониковой-Гальперн
Дорогая Саломея,

Будем у Вас с Сергеем Яковлевичем во вторник (вечером) – если разрешите. Договоримся о вечере. Может быть принесу с собой прозу о Рильке. Хотелось бы,

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru чтобы послушал и Борис Федорович [1256], у меня мечта зачеркнуто одно слово или перевестись на французский для какого-нибудь журнала – о мечте пока не сообщайте, посмотрю как понравится.

До свидания!

МЦ.
Bellevue, 6-го марта 1927 г., воскресенье.

P.S. Квартира снята [1257].

Впервые – СС-7. С. 104. Печ. по тексту первой публикации.

15–27. Б.Л. Пастернаку
Начало марта 1927 г.

Дорогой Борис. Позволь мне на этот раз не о Шмидте, о Шмидте (несравненно лучше 1-ой части!) напишу после чтения его вслух Сергею Яковлевичу и Сувчинскому, напишу всё, что сказала, следовательно почувствовала / узнала. По горячему следу непосредственного слухового и иного восприятия. Напишу под утысячеренным ударом слушателя. – Ты меня понимаешь? – [1258]

Пока же – не о тебе-Шмидте, о себе-Шмидте. – Я сейчас в огромной волне Германии и Смерти, вся на Тем Светэ – от Гёте до Рильке. И еще Бог послал мне живого ангела, 20-летнего немца с того света (на здешнем – с Рейна), с которым мысленно и письменно, когда и устно – беседую неустанно [1259]. Учти далекость от меня 1905 г. – всякого года – кроме 1875 г. и 1926 г.

Кончаю сейчас – Три смерти – или Трезвучие – о двух смертях, пред- и по-шествующей смерти Рильке [1260]. (Все три на протяжении 3-ех недель). Как мне бесконечно жаль, что ты ничего не читал из моей «прозы» (т.е. МЫСЛИ), которую Святополк-Мирский в своей английской истории русской литературы называет «худшей на протяжении русской литературы» [1261]. Он меня, между прочим, сейчас ненавидит – за всю меня – так же как я его и, должно быть, в ответ.

(Твое обещание длинного оборвано

Предполагаемая, обещаемая длина твоего будущего письма к нему равна всей твоей неохоте. Но, Борис, твоя *lune de miel* {278} еще предстоит, вторая жена, не верь – первой жене!)

Борюшка, ты явно, героически – не на своей дороге. Ты никогда не станешь великим писателем (поэтом) земли русской, как Толстой, Достоевский, пр. Ты – отдельный и начинаешь там где кончили они, переводя над строкой: обрываешь стрелку с уразумеваемого → вниз ↓ и там начиная всё сызнова оборвано

Ты ничего и никого не продолжаешь, ты не существуешь, ты подсуществуешь. Твой путь другой – будущего ОТДЕЛЬНЫХ. Тебе, Борис, даже через 100–200 лет не стать общим местом. (Говорю о всем, кроме Шмидта.)

1905 г. – ложный ход, работа не по тебе, вся на / во всем – и всего-себя – перебарывании. Ты хотел простого человека, ты дал пошляка (Письма). Ты не знаешь, какие простые люди бывают.

Теперь, внимание:

Ложный ход, если бы он был последним, как степень – Шмидт – при наличии последующего, т.е. Шмидт как ступень – если неправилен, то праведен.

В Шмидте (1905 г.) твоя дань людскому, человеческому, временному. Над строкой: Времени (понять его). Отдал – и дост (по-чешски: достаточно). Больше не связывайся.

Хочу от тебя прозы, большой, бесфабульной вариант: бестёмной, тёмной, твоей.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
О Попытке комнаты.

Разве ты не понял, что это не наша? Что так и не возникла она, [комната], потому что в будущем ее не было, просто – ни досок вариант: доски, ни балок. (Есть только то, что будет. Возникает только то, что уже есть.)

Оцени: обоюдная над строкой: в письмах Савойя, а под пером – ТА комната.

Бесперспективность сна? Об этом еще должна подумать. Кажется, ты прав. (Кстати, многие и многие здесь о тебе писавшие, называли тебя бесперспективным вариант: упорствовали на твоей бесперспективности.

[Бесперспективно –] Снотворчество?

Начинаются весенние дни, рассредоточенные и рассосредотачивающие. Какой-то сквозняк света, неприятно и неприятно. Ушла зимняя необходимость оборвано

«От тебя до вариант: ко меня ближе, чем от тебя до вариант: к Рильке...» Нет, Борис, Рильке мне уже потому ближе тебя, что старше. (Мы с тобой – всячески – сверстники!) Особенно сейчас. Между тобой и мной – ТВОЕ время, твое, насильственное. В Рильке я втекала, к тебе мне надо пробиваться, прорываться. (Учти, что я не о личном говорю, о Рильке, тебе, себе – в мире). Ты мне в какой-то час противопоставишь – да просто III Интернационал – не просто-третий, ТВОЙ, но все-таки Интернационал [1262], слово это, для тебя звучащее. Для того такие слова не звучали.

Вот тебе, дружочек, письмо, недавно оглашенное в *Revue Française* – [и еще другое, в *Русской Мысли* –] пробел в полстроки *vers de méchants ivrognes* {279} – узнаешь? Те, «способные» [1263].

Борис, ты столько раз меня охлаждал, в самое сердце, – кажется – переболевшее тобой – что простишь меня за правду линии: меня – Рильке, меня – тебя.

Ведь если бы ТОТ мне не был ближайшим, моя потеря бы не была так огромна и мое обретение – там – так несказанно.

Да! Важное. Борюшка, не бойся меня, – т.е. пусть не боится меня – дай мне адрес Зелинского или кого-нибудь кто ему для тебя передаст, хочу тебе послать *Drüneser Elegien* и Орфея [1264], Рильке не успел (не было свободных оттисков) сделаю я за него.

Пошлю (Зелинскому) [1265] безымянно, книга невинная, пожалуйста.

Простись со мной в *Bellevue* – 1-го переезжаем, куда неизвестно. Этот год нищенствуем, пожираемы углем, газом, электричеством. Да! Борис, если за перепечатку I части Шмидта что-то заплатят – можно пока взять себе? [1266] Прошу от крайности. Несомненно верну. (Дело о, для тебя, грошах.)

Bellevue мне было дано, как место моего прощания вариант: мое последнее место с Рильке, естественно, что оно кончается. Как-нибудь пришлю тебе открытку – на которой ему писала в последний раз.

Писем его не перечитываю, но перечла «*Malte Laurids Brigge*» [1267] – встречаюсь с ним пока на окольных, общих дорогах, в роли любого.

Через какой-то срок пришлю тебе Письмо, давно оконченное. – Не дашь ли новых стихов для *Вёрст*? (III сборник) Пометим как перепечатку.

Да, и еще пришлю случайно уцелевшее, не отправленное (из-за перечерка) письмо к нему, предпоследнее [1268].

P.S. Мой немец, кажется, меня не вынесет. После I-ой встречи он два дня болел. / Ты понимаешь ЧТО на него рухнуло?!

Борис, у меня огромная мечта: книгу о Рильке, твою и мою. Вижу ее в переводе на

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru немецкий (ПОДЛИННИК!) и ликую.

Хотя бы ради этого – приезжай.

P.S. Ты всегда мне отправляешь письма –

Впервые – Души начинают видеть. С. 317–320. Печ. по тексту первой публикации.

16–27. п.п. Сувчинскому и Л.П. Карсавину
Bellevue, 9-го марта 1927 г.

Многоуважаемые Петр Петрович и Лев Платонович,

Только что прочла Ответ Вишняку [1269], подписанный вами обоими, и тут же, под ударом, не дождавись Серезиноного возвращения, пишу вам.

«Среди ближайших сотрудников в редакции Верст есть евреи...» Тут кончается ваше письмо и начинается мое.

Когда редактора – счетом три и имена их: Сувчинский, Святополк-Мирский и Эфрон, ссылка на редакторов-евреев естественно относится к последнему. Итак:

Сергей Яковлевич Эфрон
– довожу до вашего сведения –
Сергей Яковлевич Эфрон родился в Москве [1270], в собственном доме Дурново, Гагаринский переулок (приход Власия).

Отец – Яков Константинович Эфрон, православный, в молодости народоволец [1271].

Мать – Елисавета Петровна Дурново [1272].

Дед – Петр Аполлонович Дурново, в молодости гвардейский офицер, изображенный с Государем Николаем I, Наследником Цесаревичем и еще двумя офицерами (один из них – Ланской) [1273] на именной гравюре, целой и поныне. В старости – церковный староста церкви Власия.

Мой муж – его единственный внук [1274].

Детство: русская няня, дворянский дом, обрядность [1275].

Отрочество: московская гимназия, русская среда.

Юность: женитьба на мне, университет, военная служба, Октябрь, Добровольчество.

Ныне – евразийство [1276].

Если сына русской матери и православных родителей, рожденного в православии, звать евреем – 1) то чего же стоят и русская мать и православие? – 2) то как же мы назовем сына еврейских родителей, рожденного в еврействе – тоже евреем?

Ходасевич, говорящий об одном из редакторов, носящем фамилию Эфрон, был... точнее.

Делая Сергея Яковлевича евреем, вы оба должны сделать Сувчинского [1277] – поляком, Ходасевича – поляком [1278], Блока – немцем (Магдебург) [1279], Бальмонта – шотландцем [1280], и т.д.

Вы последовали здесь букве, буквам, слагающим фамилию Эфрон – и последовали чисто-полюмически, т.е. НЕЧИСТО – ибо смеюсь при мысли, что вы всерьез – хотя бы на одну минуту – могли счесть Сергея Яковлевича за еврея.

Вы – полемические побуждения в сторону – оказались щепетильнее московской полиции, на обязанности которой лежала проверка русского происхождения всякого юноши, поступавшего в военное училище, – и таковое происхождение – иначе и быть не могло – за Сергеем Яковлевичем – признавшей.

Делая Сергея Яковлевича евреем вы 1) вычеркиваете мать 2) вычеркиваете

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
рожденность в православии 3) язык, культуру, среду 4) самосознание человека и 5)
ВСЕГО ЧЕЛОВЕКА.

Кровь, пролившаяся за Россию, в данном случае была русская кровь и пролита была за свое.

Делая Сергея Яковлевича евреем, вы делаете его ответственным за народ, к которому он внешне – частично, внутренне же – совсем непричастен, во всяком случае – куда меньше, чем я!

Наднациональное ни при чем, с какой-то точки зрения Heine и Пастернак не евреи, но не с какой-то, а с самой национальной точки зрения и чувствования – вы неправы

и не вправе.

Говорите в своих статьях о помехах, о прикровах, и т.д., ссылаться на еврейство «одного из редакторов» я воспрещаю [1281].

Марина Цветаева

P.S. Евреев я люблю больше русских и может быть очень счастлива была бы быть замужем за евреем, но – что делать – не пришлось.

Впервые – Revue des Études slaves. С. 211–212. СС-7. С. 184–185. Печ. по СС-7.

17–27. С.Н. Андрониковой-Гальперн
Bellevue (S. et O.)

31, boulevard Verd

22-го марта 1927 г.

Дорогая Саломея,

Забыла вчера две важных вещи:

1) Надо мной висит зуб, то есть необходимость вставить. Помните, Вы говорили о зубном враче, могущем начать без залога и ждать несколько времени. Если все это так – вот моя просьба: позвоните ему и попросите назначить возможно скорее, и, по назначении, сообщите мне вместе с адресом и какими-нибудь топографическими данными. Поеду, видно, одна, Сергей Яковлевич болен надолго.

Да! и предупредите его, пожалуйста, что уплачу после вечера, в середине апреля. Чтобы мне уже придти на готовое (NB! его огорчение).

Второе.

Помните, Вы говорили, что у Вас есть шкаф и, кажется, столик. Если это мне не помнилось, можно ли их будет взять, то есть когда, в какие часы кто-нибудь дома и бывает ли дом безлюден? Дело в том, что, кажется, из загорода ездят такие messagers {280}, за поручениями, сравнительно доступные. Нужно знать, когда можно ему назначить.

Милая Саломея, хотите разгадку – полу-трагедии, Вашей и моей? Вас всегда будут любить слабые, по естественному закону тяготения сильных – к слабым и слабым – к сильным. Последнее *notre cas* {281}, в нас ищут и будут искать опоры. Сила – к силе – редчайшее чудо, на него рассчитывать нельзя.

Слабость, то есть: ЧУТЬЕ, многообразие, созерцательность и – невозможность действия. Слабость как условность, конечно, слабость – как, может быть, сила в других мирах, но в этом, любимом Вами и нелюбимом мною, конечно – слабость: неумение (нехотение?) жить. В нас любят жизнь. Даже во мне.

А полу-трагедия – потому что любовь – мно-ого! – полжизни, о, гораздо, неизмеримо меньше.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Целую Вас и очень люблю.

МЦ.

Приписка па полях:

Поздравляю Вас с падением Шанхая. Сергей Яковлевич говорит, что это хорошо, потому что наши войска... [1282]

Впервые – ВРХД. 1983. № 138. С. 170–171 (публ. Г.П. Струве). СС-7. С. 104–105. Печ. по СС-7.

18–27. В Комитет помощи русским ученым и журналистам в Париже [1283]

От Марины Ивановны Цветаевой-Эфрон

Прошение

Покорнейше прошу Комитет не отказать выдаче мне пособия, в котором очень нуждаюсь.

М. Цветаева-Эфрон
25-го марта 1927 г.

Bellevue (S. et O.)

31, boulevard Verd

Впервые – СС-6. С. 663. Печ. по копии с оригинала, хранящегося в архиве ВДИС.

19–27. С.В. Познеру
Bellevue (S. et O.)

31, boulevard Verd

25-го марта 1927 г.

Милый Соломон Владимирович,

Вновь обращаюсь к Вам с большой просьбой поддержать мое ходатайство о выдаче мне пособия с вечера.

Если будут говорить, что я устраиваю вечер [1284] – знайте, что это вечер на ТЕРМ, в маленькой студии всего на 100 человек.

Так уж сладилось, что я всегда Вас – все о том же – прошу!

До свидания, сердечный привет Вам и Вашим.

МЦ.

Впервые – СС-7. С. 188. Печ. по тексту первой публикации.

20–27. С.Н. Андрониковой-Гальперн
Bellevue (S. et O.)

31, boulevard Verd

26-го марта 1927 г., суббота.

Милая Саломея.

Хотите и можете ли – в понедельник? (Совместное нашествие Святополк-Мирского, Сергея Яковлевича и меня.)

Во вторник Сергей Яковлевич занят, в среду занята я, четверг – канун переезда, пятница – переезд и первый день.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Остаются понедельник и суббота.

Если в понедельник, две просьбы: 1) известите Мирского, что это моя единственная возможность скоро повидаться с ним, ибо дома переезд и разгром, 2) известите Путермана [1285], чтобы был у меня определенно во вторник – звала его либо в понедельник, либо во вторник – почитать стихи.

Если же в субботу – не извещайте никого ни о чем, только меня, тогда Мирскому сама напишу.

Большое (содрогающееся!) спасибо за зубного врача и – радостное – за неодушевленные предметы. Дарю Вам в ответ Слонима, которого приведу или направлю к Вам – как и когда пожелаете – начиная с через-будущей недели.

Итак, жду ответа. Если в понедельник, НЕ ЗАБУДЬТЕ известить Путермана, а то – приедет – меня нет. С этого начинать нельзя.

Целую Вас.

МЦ

Расскажу про впечатление от Вас – Шестова, его точными словами.

Впервые – СС-7. С. 105–106. Печ. по тексту первой публикации.

21–27. Л.И. Шестову
Дорогой Лев Исаакович,

Вот две копии. Надеюсь – не опоздала [1286]. Второй день на новой квартире, переезд был трудный, целый день – целые дни! – возили вещи на детской коляске (сломанной).

Но у меня отдельная комната, где можно говорить, и отдельный стол, где можно писать, и отдельная плита, где можно готовить. Лес близко – 5 минут. Летом будем гулять, есть озера.

Целую Вас и люблю. Добрый путь!

МЦ.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

2-го апреля 1927 г.

Впервые – ВРХД, 1979, № 129, с. 126. СС-7, с. 48. Печ. по СС-7.

22–27. С.Н. Андрониковой-Гальперн
Медон, 2-го апреля 1927 г.

Дорогая Саломея,

Очарованное спасибо за софу, я как раз в ту минуту торговала у хозяйки одр, пролежанный четырьмя русскими шоферами – de meilleures familles {282} – жившими en meublé. («Ils sont très gentils les Russes, mais ils cassent tout».) {283} и вот – к восторгу моему и ужасу хозяйки (СТРАСТЬ ЖАДНОСТИ) – то серое, мягкое, непролежанное, непродавленное.

Но – un scrupule {284} – (по-русски непереводаемо) – Сергей Яковлевич опасается, что увез самовольно, почему, не знаю, есть какие-то поводы. (Может быть я лежу на краже? Тем слаще спать!)

От переезда еще не очнулась и долго не очнусь. Электричества пока нет, бродим с лампой. Кажется, все хорошо – или будет хорошо.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Плохо, что уехала с долгами, молочнице и слово залито чернилами. Поэтому очень буду просить Вас, дорогая Саломея, дать мне уже сейчас из апрельского иждивения, сколько сможете. Нужно, например, платить вперед за электричество, иначе не зажгут. И многое в таком же роде. Могу заехать в понедельник вечером, если нельзя – известите.

Мой новый адрес:

2, Avenue Jeanne d'Arc

Meudon

Целую Вас и еще благодарю.

МЦ

Шкаф пошел Муру, большой стол Сереже, на маленьком обедаем, на краденой софе лежу.

Да! чудный номер с исцеленовыми! [1287]

Впервые – СС-7. С. 106. Печ. по тексту первой публикации.

23–27. В.А. Сувчинской
Медон, 14-го апреля 1927 г.

Дорогая Вера Александровна,

Спасибо от всего сердца Вам и Петру Петровичу за помощь и участие, и еще – Петру Петровичу отдельно – за безупречное поведение во время дивертисмента.

Хозяйка Студии (Бутковская) [1288] неизвестно почему была в холодной ярости, кажется потому что шипели на шуршавших бумагой.

Я так рада, что вечер кончился!

Поцелуйте от меня вашу маму [1289], ее присутствие меня сердечно тронуло, очень хочу ее повидать, она мне чем-то напоминает мою мать, я не ошибаюсь.

Приходите как-нибудь завтракать с нами (в 12 часов), не взыщите, если попадете на что-нибудь скучное – потом пойдем с Муром в лес, полазим.

Целую Вас. Может быть условитесь с Сергеем Яковлевичем о дне? Тогда попадете на не скучное (относительно).

Да! я у Вас забыла своего КУРИЛУ (роговой, двуцветный) то есть мундштук, Сергею Яковлевичу лучше не передавайте – потеряет привезите сами.

Впервые – Revue des Études slaves. С. 217. СС-7. С. 181. печ. по СС-7.

24–27. Б.Л. Пастернаку
Середина апреля 1927 г.

Борюшка, как я могу без тебя жить? как ты – без меня?

Мой новый адрес (перепиши на стену):

Meudon (Seine et Oise)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Передай Асе.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Борюшка! Написала тебе два больших письма, – оба лежат. (Современность не есть ли – своевременность?) Третье, ненаписанное, пойдет. Сейчас переписываю II часть Шмидта для журнала, печатавшего первую [1290]. (Огромный успех у героев 1905 года!) Вторую простят из-за первой [1291].

Порадуйся на своего protégé {285} Ходасевича. Отзыв труса. Ведь Адамович-то (статьи не читала, достану, пришлю) писал о тебе, а этот, минуя тебя, о твоих ублюдках [1292]. Жди письма, спасибо за все, целую тебя.

М.

Впервые – Души начинают видеть. С. 321. Печ. по тексту первой публикации.

Написано на экземпляре газеты «Возрождение» от 11 апреля 1927 г., в которой была помещена статья В. Ходасевича «Бесы».

25–27. С.Н. Андрониковой-Гальперн
Медон, 2-й день Пасхи 1927 г. [1293]

Дорогая Саломея,

Буду просить Вас о II части (пишу как о книге!) иждивения. Вы удивитесь, куда ушли деньги с вечера? На квартирный залог – только сейчас довнесенный – зубного врача – и жизнь, к которой еще присоединилась Пасха: обязательность радостей.

Буду у Вас скоро, просила Путермана сговориться с Вами, когда мне придет. Занесу ему к Вам первую часть рукописи [1294]. Не сердитесь, что не запросив Вас, сговариваюсь с Путерманом о встрече у Вас, звала его к себе – занят – а дорог в Париже кроме как к Вам я не знаю. (Встреча с ним у Вас – идет от него, это я для пущей ясности.)

Итак, надеюсь видеть Вас еще на этой неделе. Четверг, о котором писала Путерману, что занят – освободила. Занято, пока, только следующее воскресенье. Если уже сговорились с Путерманом, не отвечайте, он известит.

Целую Вас и кончаю тем, с чего начать должно бы:

Христос Воскресе!

МЦ.

Впервые – СС-7. С. 107. Печ. по тексту первой публикации.

26–27. А.А. Тесковой
Медон, третий день Пасхи 1927 г. [1295]

(Meuden (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc).

Воистину Воскресе, дорогая Анна Антоновна!

Последнее мое письмо к Вам явно пропало, написала Вам тотчас же по переезде в соседний городок на новую квартиру, около месяца назад.

Квартира удобная и недорогая: три комнаты (две порядочные, одна – моя – маленькая), ванная, крохотная кухня (вроде клетки для гориллы, – я очень точна), собственное центральное отопление – все это 350 франков в месяц. (Отопление, конечно, наше.) Но – немеблированная, пришлось обрастать, вернее – спешно обрасти – вещами. Кое-что дали, часть купили в рассрочку. Контракт на три года. Для Вас – отдельная комната, когда бы ни приехали – моя. Сплю с детьми, а работать я бы спокойно могла в Вашем присутствии. Вовсе не оставляю мечты о Вашем приезде, очень верю в него, как во все естественное, изнутри полагающееся

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru {286}.

Читаю Ваше письмо и улыбаюсь: маленькая Прага – а сколько имен и событий. А у меня большой Париж – и rien {287}, может быть оттого что не могу: не ишу. Окружена евразийцами – очень интересно и ценно и правильно, но – есть вещи дороже следующего дня страны, даже России. И дня и страны.

В порядке действительности и действенности евразийцы – ценности первого порядка. Но есть порядок – над-первый au dessus de la mêlée {288}, – МОЙ. Я не могу принять всерьез завтрашнего лица карты, потому что есть послезавтрашнее и было – сегодняшнее и, в какой-то день, совсем его не будет (лица). Когда дерутся на улицах – я с теми или с другими, сразу и точно, когда борьба отвлеченная, я (честно) ничего не чувствую, кроме: было, есть, будет.

Меня в Париже, за редкими, личными исключениями, ненавидят, пишут всякие гадости, всячески обходят и т.д. Ненависть к ПРИСУТСТВИЮ В ОТСУТСТВИИ, ибо нигде в общественных местах не бываю, ни на что ничем не отзываюсь. Пресса (газеты) сделали свое. Участие в Вёрстах, муж – евразиец и, вот в итоге, у меня КОМСОМОЛЬСКИЕ стихи и я НА СОДЕРЖАНИИ у большевиков [1296].

Schwamm (und Schlamm!) drüber!.. {289}

Из Современных Записок ушла – вежливо и громогласно – за публичное обвинение Вишняком [1297] (одним из редакторов) – Вёрст – в погромности [1298]. О «Возрождении» и «Последних Новостях» нечего и говорить, «Дни» давно кончились. Не печатаюсь нигде. Из всей заграничной печати – Воля России, пребывавшая верной, и Вёрсты, между нами зависящие (говорю о существовании их) исключительно от доброй воли, вернее самоволия Святополк-Мирского, достающего на них – по фунту, по два – деньги у англичан. Очень капризен, временами ГРУБ (перепечатка во II № омерзительной Москвы Белого и Алданова – Тынянова, всеми читанного, дело его рук [1299]. Иначе – к черту Вёрсты! Между нами!)

Но – неожиданное везение. Нашелся издатель [1300] для моей последней (1922 г. – 1925 г.) книги стихов, большей частью возникшей в Чехии. (Чехия минус два первых берлинских месяца.) Издатель, очень любящий мои стихи и хотящий, чтобы они были. Книга (ТОЛЬКО ВАМ!) называется ПОСЛЕ РОССИИ – хорошо? Я в этом названии слышу многое. Во первых – тут и слышать нечего – простая достоверность: все – о стихах говорю – написанное после России. Во-вторых – не Россией одной жив человек. В-третьих – Россия во мне, не я в России (Сережины слова [1301], уходя на Дон. NB! Для нас Россия была Москва). В-четвертых: следующая ступень после России – куда? – да почти что в Царство Небесное!

А в общем название скромное и точное.

О книге никому ни слова (выйдет осенью!) – СГЛАЗЯТ. Здесь никому не говорю.

Живем вблизи большого мёдонского леса, наша Avenue Jeanne d'Arc в него входит. Но к сожалению, окраина леса заселена семьями и парочками, а дальше, с Муром, круто. Нужно идти по крайней мере полчаса, чтобы обрести лес. Полчаса моих – с Муром полтора часа. В Чехии было лучше.

Мур очень большой, говорит – все для него необходимое, кудрявый, красивый, толстый, ловкий, – изящный медведь. Одолевает живостью, весь день погоня за ним по всем комнатам. Всё трогает и присваивает. В общем – настоящий здоровый (тьфу, тьфу, не сглазить!) ребенок, была бы няня – все было бы просто. Але няня не была нужна – были. Муру необходима – не будет. Ласков, не терпит расставаний, отца любит больше всех. Первая его самостоятельная фраза была: «Налóду масса» с – через несколько дней – прибавлением – «дéни мало» (народу масса, денег мало). Этим встречает, занимает и провожает всех чужих.

Слишком много черной работы и людей. Вот мой вздох. Все утра пропадают: 4 раза в неделю рынок, нельзя пропускать. Остальные три – случайность насущных и насущность случайных дел. Кроме утренней еды всем и готовки обеда – ну, бельё сосчитать, ну – выстирать, ну – срочно зашить, много – ну. Аля очень помогает, но от природы медленна, это часто раздражает. В общем хорошая здоровая красивая

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru девочка – очень красивая, хорошеет день ото дня. Уже почти с меня ростом, будет больше.

Не учится. Когда есть время – читает.

– О распорядке дня. После завтрака – (около часу) – прогулка с Муром приблизительно до четырех, в 4 часа все опять хотят есть – кто хочет, кто должен – так, до 5 часов, а в 5 часов – только сядешь за тетрадку – какой-нибудь гость, всегда редкий (потому что знакомых – туча!) – даже сердиться нельзя. Нужно кормить, в 7 часов обед, а потом чай, а потом Мур идет спать, а потом я уже больше ничего не могу и не хочу. День раздроблен, сплошные «фрагменты».

За зиму написала – меньше половины Федры, письмо к Рильке (поэма), прозу о Рильке: ТВОЯ СМЕРТЬ (около двух листов), которую и предлагаю Вам для перевода. Содержание: о соседстве могил, – рассказ о смерти M-e'lle Jeanne Robert – рассказ о смерти русского мальчика Вани – попытка истолковать смерть Рильке. Лирическая проза. Вещь будет переведена на французский и на немецкий, была бы счастлива, если бы Вы перевели ее на чешский [1302]. Вещь вне-национальная, н-а-д-национальная. Пойдет в следующем № «Воли России», пришлю уже в корректуре. Кажется – хорошая вещь. Ведь Россия на смерть Рильке ничем не ответила, это был мой долг. (Россию он любил, как я Германию, всей непричастностью крови и свободной страстью духа.) В предпоследнем письме его вопрос: как слово «Nest – in Deiner Sprache, die so nah ist, alle zu sein»... {290} [1303]

Поэма к нему пойдет в № III Верст.

(Сейчас, кстати, жду его секретаршу, русскую, работавшую у него два последних месяца его жизни [1304]. Боюсь только – судя по ее письмам – простовата. У меня впечатление, что для нее Рильке просто большой поэт и хороший человек. – Напишу).

У нас, дорогая Анна Антоновна, очень похожие жизни: сплошной черновик. И очень похожие – другие жизни, те. Проще: и здесь и там живем одной жизнью, здесь начёрно, там набело. Прага или Париж – неважно. Впрочем, ЯВНО предпочитаю Прагу. В Париже нужно жить Парижем, иначе ты в нем и он для тебя бессмыслен. Кроме того, Париж – рассредоточен, с архипелагом сердец, у Праги же один центр – рыцарь. (Показательно для современной Праги, что он под мостом! Мы с Вами тоже под мостом!) Моя мечта (пока несбыточная) когда-нибудь приехать к Вам погостить: побыть собой. Мы бы с Вами бродили по Праге и непременно проехали бы в глубь страны, в дичь.

Да! у меня в книге будет только два посвящения: одно Пастернаку, другое (весь цикл) Вам. Оно уже переписано и на днях пойдет в набор. Какой – пока не скажу [1305]. – Мой самый любимый и совершенно связанный с Вами. –

Целую Вас от всей души, люблю, помню, жду.

М.Ц.

Сергей Яковлевич шлет Вам всем сердечный привет и память. Он говорит, что Вы его принимали, как родного. Здоровье Сергея Яковлевича плохо, очень кашляет, выглядит ужасно. Кроме того – печень.

У нас в лесу дикие гиацинты – синие. Большие, с сильным запахом. Аля приносит охапками!

Приписка на Алином письме:

Только что получен ваш подарок. Спасибо от всего сердца! Благодарить подробнее – смущаюсь, прочтите все ненаписанное. Сердечный привет Вашим.

Впервые – Письма к Анне Тесковой, 1969. С. 50–52 (с купюрами). СС-6. С. 356–358. Печ. полностью по кн.: Письма к Анне Тесковой, 2008. С. 60–65. С уточнениями по: Письма к Анне Тесковой, 2009. С. 86–88.

27–27. Б.Л. Пастернаку
7–8 мая 1927 г.

Дорогой Борис. Твое письмо я получила 7-го мая, в розовую грозу. Пришло на четвертый день. Звучит, как ответ на мое, но – по срокам – мое (то) ответ на твое. Ты пишешь «писать лирические стихи, когда их ждут и есть на них право», а я – в том – пишу: не жду от тебя лирики, нужен перерыв и т.д. Но в том письме я тебя звала, а в этом ты не едешь, это уже разминовение: точная жизненная последовательность, норма дней: в порядке дней.

Ну, что ж Борис, будем с тобой воскрешать германских романтиков, нет – рыцарей, нет – совершеннее – мифы вариант: песни. [Троянская война длилась – сколько? Это все-таки из всех – наличествующих и] Эпос. Кримгильда сколько лет ненавидела и готовила мечь! [1306] Столько же лет готова любить. Только, просьба, все-таки на этом свете, чтобы не вышло Орфея и Эвридики (достовернейший из мифов) [1307]. Под строкой: все равно кто – за кем. Не ссылай, не досылай меня на тот свет, раз мне нужно жить (дети). Да, Борис, не думал ли ты, что боги оборот Орфея предвидели и посему разрешили. А в этом повороте – что: любовь или простое мужское (в представлении? Орфея) нетерпение. Мало любил, что повернулся. Или много любил? Ты бы не обернулся, Борис, но ты бы не за мной пришел, ко мне. Эвридика ведь старше, как же тащить ее снова на поверхность – Handfläche {291} – любви (земли). Но всё это ты знаешь.

Твой неприезд. Не доверяю ни тебе, ни себе в доводах – всегда поводах – всегда послушных. Ты же поэт, т.е. в каком-то смысле (нахождение 2-ой строки четверостишия, например) все-таки акробат вариант: гимнаст – гений! мыслительной связи. Причины глубже – или проще: начну с проще: невозможно в жару – лето – семья (берешь или не берешь – сложно) – беготня, и всё с утра и всё бессрочно и т.д. А глубже – страх (всего).

Но твой довод (повод) правдив и, оборвано ибо давно считаю правдой (чудовищное [сопоставление] варианты: звучание, созвучие) тебя и общественность. В конце концов – простая, qu'en dire-t-on {292}, доброта и забота. О говорящая, почти что Pestalozzi [1308]. я без злобы и без иронии. Так – ответ.

Отстрани нянек, Борюшка, даже меня с моей мольбой о большой прозе – к чертям! Пусть тебя не охаживают (о писательских столкновениях говорю) [1309]. В столкновениях что-то коршунье. Твое дело. Шмидт еще не делает тебя общественником. Собственное достоинство. Разрешаю тебе совсем не писать, я за тебя спокойна. Поезжай на Кавказ (никогда не была, моя родина! вариант: страна), проведи лето в большой природе, – после людей.

– Как у тебя совершенно жизнь идет, какая просящаяся биография. До –

Скромная прихоть:

Камушек. Пемза.

Полый как критик.

Серый как цензор

Над откровеньем.

– Спят цензора! –

Нашей поэме

Цензор – заря. [1310]

– включительно. Твоя война – война Вагнера, Гёльдерлина, Гейне, всех над строкой: не перечислить. Твоя война старинная.

О Маяковском прав [1311]. Взгляд бычий и угнетенный. Такие вариант: Эти взгляды могут всё. Маяковский – один сплошной грех перед Богом, вина такая огромная, что [нечего начинать], надо молчать. Огромность вины. Падший Ангел. Архангел.

– Милый друг, ты пишешь о безвоздушности. Я верю только в простой воздух, которым дышишь легкими. Тот – где он? вещь (Ding) настолько совершеннее человека (любая – любого), что самый прямой как раз равняется самому кривому кусту. Мне с людьми, умными, глупыми, отвлеченными, бытовыми – ску-у-чно. Клянусь тебе, что как человек в дверь – так шью, чтобы не терять время. От Запада жди не людей, а вещей, и еще – свободы выбора их. У меня никого нет, ни даже Асеева, и первая мысль, когда зовут: а накормят? Если нет – не иду.

Ты связан с Россией, я нет, у тебя долговые (вольные) обязательства, что подумают, как истолкуют. Борис, я тебя не уговариваю, но подумай только то, что

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
есть: наконец, вырвался (дорвался!). А что тебе в том, что стихи будут
истолкованы территориально, раз наконец. Шмидта несомненно толкуют – классово (в
лучшем случае – интеллигентски!). Я, странно, и боевее и бесстрастнее тебя. Знаю
свою страстность, не иду, потому что всё это ничего не стоит. Но когда случайно
попадаю (затащут) – недавно было – всей настороженностью уха и тотчас же
раскрепощающегося языка – срываю собрание. Большому кораблю – большое плавание,
большие воды, а жизнь – сплошное царпанье дна: место, где даже утонуть нельзя.

Твою жизнь здесь – через год, но будет же – вижу не с людьми, не дам тебя
терзать, в глушине, в глубине, в горах, без забот, с тетрадь, с наставленным
ухом. Побывать человеком – перестать быть с людьми.

(А у Маяковского взгляд каторжника. После преступления. Убившего. Соприкоснулся
с тем миром, оттуда и метафизичность: через кровь. Сейчас он в Париже, хочу
передать ему для тебя что-нибудь) [1312].

Не удивляюсь и не огорчаюсь, что не рвешься ко мне, я ведь тоже к тебе не рвусь.
Пять лет рваться – не по мне. Вопрос времени и территории. Будь ты бы хотя в
Варшаве – рвалась бы, в Берлине – разрывалась бы и т.д. 5 лет об стену
пространства, – а? Я и к Рильке не рвусь, ни к кому, тиха как святая. Рвусь к
тетради, потому что здесь же, а нельзя (видит око, а зуб...). Рвалась тогда, с
(давно упраздненных) богемских гор, слушала тебя в звоне пустого ведра (вниз за
водою), а видела в большой луне в полнолуние (с водой наверх), была с тобой на
всех станциях, о, Борис, той любви ты никогда не будешь знать. Моя книга стихов,
сквозь всё и всех – ты [1313], в самый разгар меня к другим – вопль о высшем,
моем, тебе, Тезее... почти забавно будет (так врачу, разрезав, забавно, что именно
то и так) лейтмотив той боли сквозь все днешние.

О себе. Вчера, – за час до твоего письма – Сергей Яковлевич мне: Марина, я
удивляюсь, как на Вас не действует такое освещение. Я прямо не могу. (Не
отрываясь стоял у окна.) – Странно, что именно у Вас, на Вас... – Дома я ничего не
чувствую, ничего, давно, дома я только спешу. Чувствую я только на улице. И это
правда, такая странная жизнь, с мыслями (разовыми, готовыми) и без чувств.
Чувство требует времени, по крайней мере неограничения его в пределах – ну,
часа? Если я буду чувствовать, нечего будет есть. – Nur Zeit! {293} [1314]

Большая просьба: уезжай на лето, перебори. И не в среднюю Россию, а куда-нибудь
дальше, в новое, немножко в меня. Я, это твое уединение с собой, ничего больше.
Стихи, Борис, сами придут, не смогут не придти. Ведь разное – когда горы ждут –
и когда люди ждут. И потому что горы не торопятся, стихи приходят сразу.

А обо мне – не огорчайся. По такой линии готова ждать годы. (По линии опущенных
рук!) И кто знает – после встречи – не 2 слова нрзб. друг друга на всей карте
именно то место, которое обходят – и взглядом, и слухом, и нюхом над строкой:
мыслью. Может быть кто-то – только бережет, нрзб..

Знаю, Борис, что не в нас, не от нас пойдет.

(Ты, это в моей жизни может быть тоска по совершенном сне и совершенном сыне,
такое чуешь и за тысячи верст и лет. На твое отцовство была бы ненасытна. Говорю
так, потому что всё равно не бывает).

Возьми меня когда-нибудь в свою кровать, в самую летнюю, лиственную из кроватей.

А то, что я писала о заработанном 5 годом праве на себя (отъезд, прочее) – общее
место, вернувшееся в общую местность – ведь я-то никаких таких заработков не
знаю, ведь это мое удивленное, ироническое, но все-таки преклонение перед чужим
(твоим) заскоком.

Святополку-Мирскому напишу, что ты – слышала стороной – дал зарок годового
молчания в письмах, – срок достаточен? За год авось надумаешь. (Я и за пять –
нет.)

Пиши мне.

Дополнение:

Борис! Отчего у меня занавес всегда связан с розой, неужели от з. Но само з не
есть ли – служба связи? – смысл связи [1315].

Впервые – Души начинают видеть. С. 327–331. Печ. по тексту первой публикации.

28–27. Анне де Ноай
Май 1927 г.

Сударыня!

Я не читала Вашей книги *Честь Страдать*, и, не прочитав ее, вот что я о ней думаю. Это Ваша последняя книга и, будучи последней, она наиблизжайшая к следующей, значит – Ваша почти самая великая. Это Вы последнего полночного удара: Вы из уже-завтра.

Честь Страдать. Если бы Вы написали «*Счастье Страдать*», М. Мартен дю Гар был бы доволен (почему бы не «*Удовлетворение Страдать*»?), вот одно из прелестных противоречий, в отсутствии которых он Вас упрекает [1316]. Но Вы никогда не написали бы «*Счастье Страдать*». Анна де Ноай первых своих книг могла бы написать «*Страсть Страдать*» [1317]. Или чуть позже – *Гордость Страдать*. Но послевоенная Анна де Ноай могла сопоставить *Страдание* только с *Честью*.

(*Счастье* и *Страдание*. Как будто счастье соответствует страданию. Счастье соответствует только самому себе: удовлетворять *Счастье-удовлетворение*, вот что он хочет вместо *Честь Страдать*. Счастье удовлетворить... М. Мартен дю Гара!)

Честь Страдать. Холод. Каска Паллады [1318] на раненом лбу. Двойной холод лба и каски. (Ноай в каске, никогда не в маске. Вы-то знаете причину рифмы...) Сказав послевоенная Ноай, я не думала наперво о великой войне, а о величайшей из войн: о великой войне жизни, Бога в нас с человеком в нас, где Бог победитель. Но и великая война тут тоже при чем: металлический отсвет.

Вашу книгу, сударыня, никогда не полюбят. Пришел час Вам сказать: «Они не поймут тебя, Жан-Жак» [1319], так же, как они никогда тебя не поняли (любить – не значит понимать, любить – это молиться, а молиться – это не понимать), – потому что им никогда не быть тобой (мною) – (я говорю о великом я, разнообразном и едином я Жан-Жака, Ноай, о всяком величии – через это ты я сумею найти и Вы!) – поскольку один из лучших молодых людей, (это он и есть – «*Семья тибо*»? [1320] Печально) – этот Мартен дю Гар сумел найти в Ваших первых книгах одни советы (Вы – и советы!) если не прямо для жизни, то по крайней мере для удовольствий. Дурак (простите мне это слово), кто поверил, что Вы поэт – на слово, прочел поэта! – дословно, не переводя Вас на Ваш язык, где всякая вещь лишь имя, лишь страсть, в своей двойной красоте. «Возможно, и в этом моя ограниченность, я сужу о „*Честь Страдать*“ из того возраста (как стар их молодой детский взгляд), когда стихи госпожи де Ноай давали молодости...» Мартен – ты остался сосуном, а госпожа де Ноай выросла. (Вы-то были вскормлены на груди самой Этны! Этна: мать-кормилица. Этна – могила Эмпедокла [1321].) Мартен, ты мне напоминаешь маленькую детскую хрестоматию, в которой автор мило сетует на то, что Вы не склонились (склонились – почему бы не на все четыре лапы!) над детством, сожалеющим о том поэте, которого оно в Вас не имело.

Сударыня, Вы будете смеяться!

Мои книги я пишу для вас, молодых людей.
И оставлю в них... [1322]

Ну что же. *Честь Страдания* – это ускользящее яблоко, остаются только зубы. Боби хнычет над яблоком, которое он совсем по-глупому, совсем по-бебешески принял за съедобное яблоко, тогда как оно жизни и смерти.

Жизнь и смерть. Эти – для Вас имена, для него – слова – встречаются и в его статье (какая жалость, этот большой грязный журнал с его портретами людешек, бесконечный (журнал) с бесконечными (людishками)), какое надругательство над Вашей единственностью, над Вашим именем пустынным и вершинным, всегда одиноким, потому что единственным. Какая общая яма славы.

Жизнь и смерть. «Вот она уже не любит ни жизнь ни смерть, так как открыла небытие». Молодой человек, раз перед небытием стоит определение, то оно уже что-то. Раз она его открыла, то оно есть. И как ему не быть, раз она есть. (Ах,

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru какую прекрасную статью, нет – все сказать о Небытии и госпоже де Ноай.) Если бы я могла Вам сказать на Вашем языке: раз оно есть (небытие), значит это еще жизнь (и смерть). Любовь к небытию. Ощущать себя больше не чувствующей. Себя ощущать больше себя не чувствующей. Вот врожденное, изначальное противоречие, которое Вы (Мартен) с глупым сожалением больше не находите в строфах поэта. Если бы Вы сказали: «и вот, она больше ничего не любит...» Вы были бы правы по ходу фразы, но Ваша фраза солгала бы. Вы предпочли – и в этом некоторое благородство – сочинить плохую фразу и сказать правду. Ибо она открыла его, Небытие, подобно тому как Франсиско Писарро открыл Мексику! [1323]

Разум. – Небольшой перерыв. – Это первое слово, бросившееся мне в глаза, схватившее меня за глаза, после Вашего имени, и, не читая, с ухом (физически) на макушке: «Ах, вот в чем дело! Теперь ее упрекают в разуме, как раньше упрекали (восхищаясь) в страсти. А страсть к разуму, разве это не существует? (к разуму, формуле, к Абсолюту наконец!) [1324].»

Милостивая государыня, это история наших первых книг. Роман читателя с нашей первой книгой – о! это старая история. Это история – новейшая – величайшего из великих – Райнер Мария Рильке, который, перед уходом, оставил нам лучшую свою книгу – *Druineser Elegien* [1325], – тихо оплакиваемую всеми «благородными душами» (слова несчастного Мартена), как слишком отчужденную, слишком безобразную (а потому и невоображаемую), слишком, всегда это слишком, которое они не признают никогда и которому они (благо-родные-мертво-рожденные) всегда предпочтут «*Buch der Bilder*» [1326], поверив на слово-Билдер, что это просто книга в картинках – Билдербух, – как упоминаемый грустный молодой человек поверил, что яблоко-Жизнь – яблоко для десерта.

О! Они всегда хотят, чтобы их убаюкивали, развлекали, – пугали чуть и много утешали.

Роман читателя с нашей первой книгой. Знаете ли Вы, что мать Райнера Мария Рильке жива, в Вене, никогда не простила ему его следующих книг, начиная со второй – так как она была настолько лучше! Знаете ли Вы, что Райнер Мария Рильке, имея мать (70 лет), бабушку (90 лет), дочку (30 лет), внучку (5 лет) умер один, что никто из них не пришел его проводить [1327]. (Если Вы его любите, я могу Вам прислать его неизданное завещание, умоляя Вас – свято – никому его не давать.)

И тем не менее, со всей их любовью, им не удастся отворотить нас от нашей первой книги. Она имела свое основание (необходимость) быть. Это был точный слепок нашего дыхания (крика – рыдания – вздоха) того времени. Но наша первая книга никогда не была их (нашей) книгой. Для них она была обещанием делать, как сделано, для нас обещанием Бога нам, из-нас нам (сделать лучше?) нет, ах, у нас есть прекрасное русское слово ни лучше ни хуже – пуще, – оно не переводимо – *crescendo* – больше в смысле силы.

Сила, вот в чем он Вас упрекает, этот бесчисленный молодой человек, сила никогда не чары, никогда не маска, Сила – лик и каска.

Ваша книга, которую я прочту, сударыня, и которую я люблю, не потому что я верю в Вас, но потому что я Вас знаю, Вас не вчерашнюю и не сегодняшнюю, а Вас всегда грядущую, – не заставляет ни мечтать, ни плакать, ни любить, ни даже думать – поскольку она и есть, продумана, поскольку она есть дума (формула). Она ничего не заставляет делать. Формула силы.

Марина Цветаева

..Мы были готовы прочесть итог ее переживаний «богини»... Упрек того, кто, надеясь найти богиню, нашел только божественность.

Впервые – ВРХД. 1992. № 165. С. 182–185 (публ. и пер. с фр. Н.А. Струве). СС-7. С 190–192. Печ. по СС-7 с уточнениями В. Лосской (выделение слов курсивом).

29–27. Б.Л. Пастернаку
Около 11 мая 1927 г.

Борис, ты никогда не думал о том, что есть целая огромная чудная область, для

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru стихов запретная и в которой открываются такие огромные законы, открывались бы – через слово. Так нынче, идя по улице, установила: мужчина, дающий влагу, припадает к женщине, как к роднику. Мужчина припадает к женщине как к роднику – а сам родник. – Сам поит, а думает, что пьет. / Правда в припадении мужчины к женщине, как к роднику, когда сам родник. Поющий – а пьет! Правда этой недостоверности. / Или же: / Есть миры, Борис, да – дивись / То, что узнаешь вдвоем, – так бы я назвала, так это называется. Ничто Борис не познается вдвоем (забывается – всё!), ни честь, ни Бог, ни дерево – ни-ни... Только [тайна твоего] твое тело, к которому тебе ходу нет. Подумай, странность: целая область души, в которую я (ты) не могу одна, я – НЕ МОГУ ОДНА. И не бог нужен – а человек. Sesam, thue Dich auf! {294}

На эти мысли набрела после сегодняшнего раннего утра, когда я вдруг почувствовала тебя рядом – в моей досягаемости, только руку (и очень немножко) протянуть, отвести от тела, просто – пошевелить. Я лежала и думала: как ПРОСТО.

Думаю, что если я была бы с человеком, которого очень любила, – МАЛО! – того, Героя Поэм [1328], очень любила – нет с таким – ну, Колумбом [1329] внутрь (КАК Я) – [следовательно, не сердись, с тобой (ведь это лучше, чем начать с «тобой»)] я бы сказала, т.е. узнала, установила, утвердила целый ряд изумительных вещей, не открытых там: нескáзанных, может быть нескáзанных (высказала бы). [Не поэт в охоте за дичью] внезапное озарение, что я целой себя (второй себя, другой себя, земной себя, – а ради чего-нибудь жила же!) НЕ ЗНАЮ, да, вопреки Поэме конца. Там было ошеломление, столбняк ЛЮБИМОСТИ (так меня никогда никто не смел любить – как любую!), зачарованность чужой зачарованностью, задохновение чужим задохновением, – в горах отзыв (Поэма Горы!), [но я этот материк открывала] Зараженность и заряженность, сильнейший вид душевной отзывчивости, нашедшей земные слова.

Борис, это страшно сказать, но я ТЕЛОМ никогда не была, ни в любви, ни в материнстве, всё через: отсвечивало вариант: отсветом в переводе с (или на).

Смешно мне тебе, незнакомому, невиданному (разве только что во сне!) – за тридцать земель – писать такое. [Я никогда не думала о тебе в этой области – ну руку к губам, ну головой на грудь.] Я мало думала о тебе в этой области вариант: таком – ожогами – не для (длительность). А за последний год совсем нет – ты стал младшим братом Рильке. А сегодня! И такая жгучая жалость, что не бывать, не бывать! Ведь целый мир [пропадет потонет] – пойдет ко дну! (а мог бы взорваться вариант: открыться!). Я бы такие слова нашла, самые (о линии? говорю) чистые, самые точные. (Читатель бы думал, конечно, что я пишу о Царстве Небесном, как меня сейчас здесь все подчеркнуто дважды обвиняют (Бунин, Гиппиус, молодежь, критика) обвиняют в порнографии за стих – [1330])

[Точно душу можно дать иначе как через тело! Точно (о ненаписанном?) тело иначе как через душу.]

Ты, Борис, в этом мире уже был в Сестре моей Жизни – огненная чистота, огненная вариант: огневая чистка этой книги! Тогда, когда писала [1331], умолчала – ТАЙНУ. [Есть строки, от которых, правда, озноб по хребту] Но ты не замкнул его ночью, разлил его по кругу дня, втянул в него деревья, тучи, пр. Это (тайну) в твоей книге просмотрели все.

Я не говорю о Liebeslieder {295}, я говорю о пропуск одного слова. Есть строки тождественные, однозначные, равнодействующие. Ты их знаешь.

Какая чудная страна для открытий – твоих и моих. Целая сокровищница подобий, соответствий, целый свод (грот!) законов. И всё это нельзя {296}.

Пишу тебе по проставлении последней точки книги «После России», в первую секунду передышки. Завтра сдаю. Две начатые вещи: одну хочется, другую нужно (долг чести) [1332].

Тот свет, Борис, это ночь, утро, день, вечер и ночь с тобой. Это – КРУГЛЫЕ СУТКИ! А потом спать.

Борис, почему я ничего не мыслю долгим? Может быть потому что – вечная?

Борис, это письмо – порви, голубчик. Ты этого письма не читал, а я не писала. Над строкой: Я его никогда не писала, а ты не читал. Пусть оно останется как твоя собственная мысль (домысел).

Не пойми меня превратно: я живу не чтобы стихи писать, а стихи пишу чтобы жить (кто же конечной целью поставит – писать стихи?) Пишу не потому что знаю, а для того, чтобы знать. Пока о вещи не пишу (не гляжу на нее) – ее нет. Мой способ знания – высказывание: попутное знание, тут-же знание, из-под пера. Пока о вещи не пишу, не думаю о ней. (Ты – тоже ведь.) Перо – русло опыта: сущего, но спящего. Так Сивилла до слов – не знает. (Ахилл у Сивиллы. Она об Ахилле никогда не думала. Сивилла знает сразу.) [1333] Слово путь к вещи. Потому мне пропуск одного слова с тобой нужно не для того, чтобы написать стихи (не сбиться!!!), а [чтобы по написанию узнать, что (и что) она была] для того чтобы через стихи узнать, что такое ночь. Стихи – так ведь? – осознание прозрения (прозрение осознания).

Ты мне, Борис, нужен как тайное, как неизбывное, как пропасть, как прорва. Чтобы было куда бросать и не слышать дна. (Колодцы в старинных замках. Камень. Раз, два, три, четыре, семь, одиннадцать —. Есть!) Чтобы было куда любить. Я не могу (ТАК) любить не-поэта. [Мне мало отзыва] И ты не можешь. [Дело не в том, что другой поймет, и не в том, что отдаст, в том, что передаст и ты на его пере- еще передашь, и он на твое... Бери в глубину, в высоту, в какое хочешь измерение (говорю точно их тридцать семь!) – всё то же.] Ведь тайная мечта, твоя и моя, оказаться НИЩИМ (низшим). Это – с не-тобою – недостижимо. Как ты ни унижен, ни поработен, есть тебе, над тобой, за тобой – ТО подчеркнуто дважды. [А тут – равные силы, т.е. (notre cas {297}) Сверхчеловеческие над строкой: несоизмеримые. Куда это всё уместить в жизни (notre cas) не знаю.] Пойми высоту (с'высоту!) поражения, если будет. – Ты сильнее меня. – (Мечта сильного о равном – мечта о поражении от равного) Равенство – чтобы было что нарушать (Поссейдон колеблет землю). Не божественный, не любой: равный. (Собожеством, или же со-любим – в мире ином!)

Помнишь Элегию Рильке ко мне? [1334] (Никому, кроме тебя, не дам до гроба). Liebende können, dürfe nicht... {298} [1335] – не помню – столько знать. Он был прав. Я, конечно, не [любящая] Liebende, я хотела? сказать: wissende – нет, из другого его письма: Ahnende {299}. А тебе – не дороже любви?

Скобка. Любить тебя, я, конечно, буду больше, чем кто-либо кого-либо где-либо, но – не по своему масштабу. По своему – масштабу – мало. Потому что я, как ты, втягиваю в любовь такое от чего она силой напряжения разрывается рассосредотачивается – или – разрывается над строкой: не сбывается – нрзб.. И потом – лохмами возвращается ко мне отсюда, по кругу разрыва: с неба, с деревьев, справа и слева протянутые руки, из-под ног (земли, – травой). Борис, – всё может быть! – и это так естественно – ты может быть сейчас у письменного стола, такого же твердого ошупью осязания, как мой. В левой руке папироса, правая в бегах. (У меня над письменным столом во всю стену план Парижа – останок прежнего квартиросъемщика, русского шофера, который я не имею мужества, времени и чего-то еще – снять. И замечательная карта звезд. В Париже бываю редко и не люблю его, боюсь до смерти. Французов не люблю). А у меня сейчас за окном солдатский сигнальный рожок, – казармы спать идут. Казармы (здание) – живое, а солдаты в Версале (я ведь рядом с Версалем живу) – игрушечные / деревянные / оловянные. Потому что вариант: Ибо казарма – Ding {300}, а солдат – даже не человек (иначе же – плохой солдат).

Набросок карандашом, продолжающий тему середины письма:

Унижение знать через низшего, недостойно. [Я не хочу чувствовать от (через) неравного.] / Лучше не знать совсем. Сейчас – любя, а через 5 минут будут презирать (вспоминаю своих московских, времен 1919–1922 г. партнеров) [1336] [Только отойду, будут презирать. Или не презирать – расценивать – жалеть – снисходить. Я не снисхожу [1337] – восходите.] Ланн еще лучший! / ко мне шли учиться душе, а я к другим – учиться телу (собственному). [Честное слово. И ничему не научилась] Первый, осмелившийся захотевший научить меня телу был тот, герой поэм. И ему, по гроб жизни, благодарна за желание, за бесстрашие и слепость жеста. Моя книга тебе много объяснит – в постепенности.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Никто никогда во мне не видел души! – жалоба стольких. Никто никогда во мне не видел тела – не жалоба, но задумчивость – моя. Даже самые грубые. Так и шло врозь.

Тот, герой, увидел во мне тело, но... не моей души тело (вторую душу) а – желанное женское [За которое умираешь, но], самое дорогое из всех любимых. Пойми мое счастье и – очень скоро – мое: назад. В теле? я спасалась от пространства, этого пространства задушившего меня. – Кусок исповеди. Забудь.

Пропуск одного слова, а утром: у Пастернака нет ясности, нет гармонии, прочтите Пушкина,–. Как я могу 3 слова нрзб.

Впервые – Души начинают видеть. С. 332–336. Печ. по тексту первой публикации.

30–27. Б.Л. Пастернаку
11 мая 1927 г.

Борис! Ты никогда не думал, что есть целый огромный чудный мир, для стихов запретный и в котором открываются, – открывались такие огромные законы. Так, нынче, идя по улице, подумала: не странно ли, что мужчина поящийся припадает к женщине как к роднику. Поящийся пьет! – Правда этой превратности (перевернутости). Дальше: не есть ли поить – единственная возможность жить? То, что узнаешь вдвоем – так бы я назвала, так это называется. Ничто, Борис, не познается вдвоем (забывается – всё!), ни честь, ни Бог, ни дерево. Только твое тело, к которому тебе ходу нет (входа нет). Подумай: странность: целая область души, в которую я (ты) не могу одна, я НЕ МОГУ ОДНА. И не бог нужен, а человек. Становление через второго. Sesam, thue Dich auf!!

Думаю, что если я была бы с человеком, которого бы очень любила – мало! – того героя поэмы тоже очень любила, нет, с таким – ну Колумбом – внутрь как я – я бы сказала, т.е. узнала, установила, утвердила, новооткрыла целый ряд изумительнейших вещей – только потому несказанных, что несказанных. Внезапное озарение, что я целой себя (половины нет), второй себя, другой себя, земной себя, а ради чего-нибудь жила же – не знаю, да, вопреки Поэме Конца. То было ошеломление пропуск в копии любви (так меня никогда никто не смел любить, как люблю!), зачарованности чужой зачарованностью, задохновение чужим задохновением, – в горах отзыв – (Поэма Горы). Зараженность и заряженность – сильнейший вид душевной отзывчивости, нашедшей земные слова. Борис, это страшно сказать, но я телом никогда не была, ни в любви, ни в материнстве, все отсветом, через, в переводе с (или на!). Смешно мне, тебе незнакому (разве ты-то в счет) да еще за тридцать земель писать такое. Я редко думала о тебе таком – ожогами – не для (длитель). А за последний год пропуск в копии совсем, ты стал младшим братом Рильке, не кончаю из суеверия. А сегодня? И такая жгучая жалость, что не бывать, не бывать! Ведь целый мир (открытый бы!) пойдет ко дну! (А мог бы взорваться.) Ведь целый мир не взойдет со дна. Я бы такие слова нашла чистые: (читатель бы думал, конечно, что я говорю о Царстве Небесном, как теперь, благодаря Борису и Rilke, убеждена в правде хотя бы этого стиха пропуск в копии)

Точно гору несла в подоле –
Всего тела боль.
Я любовь узнаю по боли
Всего тела вдоль.
Точно поле во мне разъяли
Для любой грозы.
Я любовь узнаю по дали
Всех и вся вблизи.
Точно нору во мне прорыли
До основ, где смоль.
Я любовь узнаю по жиле,
Всего тела вдоль
Стонущей. Сквозняком, как гривой,
Овеваясь, гунн:
Я любовь узнаю по срыву
Самых верных струн
Горловых, горловых ущелий

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Ржавь, живая соль...

Я любовь узнаю по щели,

Нет по трели

Всего тела вдоль! [1338]

Ты, Борис, в этом мире (донном) уже был в «Сестре моей жизни» – огненная чистота, огненная чистка этой книги! Тогда, когда писала (впрочем, плохо писала), умыкала, как тайну. Но ты не замкнул его ночью, роздал его по кругу дня, втянул в него деревья, тучи. Раздарил, распял его. Это в твоей книге просмотрели все. Я не говорю о Liebeslieder, я говорю о строках. Есть строки тождественные, равнодействующие.

Ты же знаешь, какая чудная страна для открытий твоих и моих. Какая сокровищница подобий (соответствий).

Тот свет, Борис, это ночь, утро, день, вечер и ночь с тобой, это – круглые сутки! А потом...

Не пойми меня превратно: я живу, не чтобы стихи писать, а стихи пишу, чтобы жить. (Кто же конечной целью поставит писать стихи?) Пишу не потому, что знаю, а для того, чтобы знать. Пока о вещи не пишу (не гляжу на нее), ее нет. Мой способ знания – высказывание, тут же знание, из-под пера. Пока о вещи не пишу, не думаю о ней. (Ты тоже ведь.) Перо русло опыта сущего, но спящего. Так Сивилла до слов не знает. Сивилла знает сразу. Слово – фон вещи в нас. Слово – путь к вещи, не обратно. (Если было бы обратно, нужно было бы слово, а не вещь, а конечная цель – вещь.)

Ты мне, Борис, нужен как пропасть, как прорва, чтобы было куда бросить и не слышать дна. (Колодцы в старинных замках. Камень. Раз, два, три, четыре, семь, одиннадцать... Есть.) Чтобы было, куда любить. Я не могу (ТАК) любить не поэта. И ты не можешь. Ведь тайная мечта твоя и моя сделаться нищими. А какое же нищими, раз в тебе (хочешь не хочешь) высшее. Пойми высоту поражения твоего, моего, если будет. Не божеством, не любым: равным (собожеством или же со-любым в мире ином!). Мечта о равенстве – мечта о поражении от равного. Равенство – как ристалище...

Любить я тебя, конечно, буду больше, чем кто-либо когда-либо, но не по своему масштабу. По своему масштабу (всей себя, себя – в другом, во всем) – мало. Я как-то втягиваю в любовь такое, от чего она не сбывается, рассредотачивается, разрывается. У других развивается дважды: как развитие (постепенность) и как развитие (растление) и потом лохмами возвращается ко мне отовсюду по кругу разрыва: с неба, с деревьев, справа и слева протянутые руки, из-под ног (земли – травой). (Другой любит меня, я – всё. Другой любит меня, я – всех. Пусть в нем подчеркнуто дважды, но ВСЁ и ВСЕХ.) Но при чем тут ты? Там на границе того света, уже одной ногой на нем, мы не можем, не в том ли и чудо того света, что здесь не можем не! оповестить Бога, в какую сторону скашиваем каблуки. Я не могу представить себя иной и знаю, что по первому приезду – иной – стану. Я иная – это ты. Только предстать пропуск в копии

И возвращаюсь к первой половине письма. – А может быть – именно Бог???

Впервые – Рильке Р.М. Дыхание лирики: Переписка с Мариной Цветаевой и Борисом Пастернаком. Письма 1926 года. М.: АРТ-ФЛЕКС, 2000. С. 251–254. Печ. по: Души начинают видеть. С. 336–339.

31–27. С.Н. Андрониковой-Гальперн
Дорогая Саломея,

Совсем кончила книгу [1339]. Давайте повидаемся! Когда? Занята только во вторник (нынче четверг). В воскресенье или понедельник? Ответьте. Целую Вас.

МЦ.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

12-го мая 1927 г.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Впервые – СС–7. С. 107. Печ. по тексту первой публикации.

32–27. С.Н. Андрониковой–Гальперн
Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

28–го мая 1927 г.

Дорогая Саломея,

Будем у Вас, Сергей Яковлевич и просто – я, в среду. У Сергея Яковлевича к Вам евразийское дело. Если нельзя, известите.

Одного места, верней одной буквы в Вашем письме я не поняла: «Я же / не чувствую себя счастливой и даже спокойной»... же – или не? Меняет.

Получила письмо от – давайте, просто: – Полячихи (Zinà) [1340], нынче с тоской в сердце еду завтракать. Сергею Яковлевичу нужен старый фрак для камуфляжа, потому и еду. (Как Вы думаете, есть у Zinà старый фрак??)

– О чем узнаете в среду.

Целую Вас, нынче суббота.

МЦ.

P.S. Нельзя ли лечить Zinà внушением? Тó, что она ничего мне не дает – болезнь.

Впервые – Русская газета. С. 12. Печ. по тексту первой публикации, сверенной с копией с оригинала.

33–27. Б.Л. Пастернаку
Вторая половина мая 1927 г.

Запись перед письмом:

Письма Пастернаку отправлены: 8–го мая (воскресенье, ответ на Леф) и 12–го мая (четверг) о потонувшем мире [1341].

Дорогой Борис. Твое письмо не только переслано, но прочитано и переписано [1342]. Искушение давать читать его всем, морально: чтобы Мирскому меньше было, а фактически: чтобы до Мирского дошли одни ключья. Сейчас не знаю, что хуже: держать твоё письмо не мне, а Мирскому в руках (собственной рукой нанося себе удар, наносить ему радость) или в час, когда мне нет письма – за редкими исключениями каждый час моей жизни – думать, что вот сейчас, именно в эту минуту, оно (т.е. мое), минуя меня, в руках у Мирского. Словом, ревность – до ненависти. Полная растрата. Прочтя те места твоего письма, где ты оправдываешься – «Я не знаю, почему это так. Это знает Марина Ивановна» – я не удержалась и «Олух Царя Небесного!». И Аля, присутствовавшая, спокойно: «Вовсе нет. Он – СОВ». Во–первых, Борюшка, я тоже не знаю, почему это так, я вовсе не говорила об одном конверте, т.е. неизбежном моем вскрытии. Конверт в конверте (яйцо в яйце, Матрешка, конкурс и Кашеева смерть) – такому–то, или же на конверте: Такой–то для такого–то. Ты – перецветаевил. Во–вторых, зачем ему о Рильке (упоминание) [1343], лицо которого в очередном № «Звена» я от него загородила локтем [1344]. Зачем ему о Ясной поляне. Ему можно только о Святополке–Мирском (непредвиденной весне или как? [1345] злюсь). Нет, Борис, вот его адрес: Tower St., 17, London WC 1 (не забудь Prince! Издеваюсь), а Вам, милый Димитрий Петрович, вот адрес Б.Л. Пастернака – Волхонка, 14, кв. 9 (не забудьте Леонидович: сын художника). (Упиваюсь.) Кстати, в какой–то книжке о поэтах он–таки упомянул сыновность вариант: причастность [1346].

Полущу, полужлюсь, целостно вариант: полностью страдаю. Ничего, Борис! То ли будет.

Два последних письма к тебе (в этом, к Святополку–Мирскому, свято–полчьем,

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru (неполученных) отправлены 8-го и 12-го мая. Первое – в ответ на Леф [1347] («Нашей поэме – цензор заря» [1348], отрывок, это я тебе как вежу), второе – по-рассветное, о мире запретном, не имеющем взойти со дна.

Да, Борис, насчет гонорара. У нас здесь закон: в худшем случае ПОРОВНУ. Иные переводчики берут 1/3 – 2/3, автору переводимому, т.е. тебе. От праведных денег не отказывайся, купишь сыну башмаки вариант: сапоги.

Да! Родной мой, не смущайся, не считайся... Будь я в живых (т.е. значься я в твоей жизни) – оборвано Это ревность тех, у которых ничего нет, ни руки в руке, ни — только мысль. И эта мысль вдруг отводится – к другому кому-то.

Мирский тебе может быть очень полезен. Тебя он не разлюбит, потому что ты не женщина. Он многое для тебя сделает, издалека и вблизи.

Тебе ему так же (однородно) трудно писать, как мне. СПАСИБО. Но говорить с ним, предупреждаю, тру-удней, чем со мной.

Впервые – Души начинают видеть. С. 343–344. Печ. по тексту первой публикации.

34–27. Б.Л. Пастернаку
31 мая 1927 г.

Борис, я животное, я только вчера отправила твое письмо Святополку-Мирскому, вчера, 30-го, получив его 17-го. – А? – И вместе с просьбой Мирскому выслать мне очередное иждивение, обернув твою лирику в эту пропуск одного слова, облапив ее – ею. Он, конечно, кинется сперва на твое письмо, а на закуску мое – а? (Иждивение – малая сумма, раз в три месяца запрашиваемая им для меня у английских друзей.) [1349]

Борюшка, ты взволновался о славе. Дай, пойму. ...теряю свой час славы. Есть в этом горечь? Досада, пожалуй, и вот почему. [Если бы я была понята через 100 лет назад (я с ума сошла! вперед, конечно). Когда я пишу, я ни о чем не думаю, кроме вещи. Потом / когда написано – о тебе. Когда напечатано – о всех над строкой: и о каждом (единице всех).] И вот, мое глубокое убеждение, что печатайся я в России, меня бы все поняли – и тут же, – угадай, чье? – чтобы / да, да, все [из-за моей основной простоты], потому что каждый бы нашел свое, потому что я – много, множественное. И меня бы эта любовь – несла.

(Конечно, так лучше, всё лучше как есть.)

[Мне просто захотелось океанской волны, целого океана в одной волне, безличного заочного тысячегрудого – ох – при моем имени. И – своей поднятой головы в ответ. И – своего отсутствия в ответ]

(Борис! Слева стихи, справа письмо к тебе, пишу попеременно). Просто в России сейчас пустует трон, по праву – не по желанию – мой. Говорю с тобой, как со своей совестью. Тебя же никогда не будут любить так, как Блока (Есенин – междуцарствие, на безрыбьи и..., ПОПЫТКА создать) ты избраннее меня, нужно родиться тобой, а я – через стихи – таких рождаю. (Кажется, правильно.) Или, точнее: мой жест из: жил, сил, чего хочешь. Изымающий. Ты вводишь. Будучи введенным, нужно жить. Я вывожу и этим – предоставляю. Я – одна секунда в жизни читателя, толчок. Дальше – его дело, и больше ему не нужно. Писала ли? тебе: [ты видимое превращаешь в невидимое, я невидимое – в видимое.] ты явное делаешь тайным, я тайное – явным: вывожу на свежую воду.

Но, чтобы вернуться к славе – моих книг в России нет и поэтому поэта нет [1350]. Не Маяковского же им любить – служебного, не Асеева – бездушного, не тебя – подсушного, когда они и сущего-то не видят, конечно, Борис, меня – с моими переборами, перемежениями сокровения и откровений. Меня, Борис, – молнию, ту синюю вчерашнюю, бившуюся в мои окна в 2 часа ночи. Люблю ее! О – как больше луны!

Несоизмеримость I части и III. II – переход. Сейчас бы – Шмидта – с конца! III
Страница 276

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru часть – настоящий ты. Читая «первенец творенья» я улыбнулась – не я одна – все присутствовавшие, и один из них: Дорвался! [1351]

Продолжение 2 июня 1927 г.

Борис, всё это – знаки. Сегодня безумный день, лондонский туман. С утра сердце летело. (Ты не можешь себе представить до чего я редко что-нибудь чувствую, до чего я машина. Между мной даже – с богемской горы к тебе – и мной сейчас – несоизмеримость [1352]. Первое чувство в ответ на какое бы то ни было собственное – изумление: как! Значит – еще?..) И так – и вот – Лондон в Мёдоне, дымная желтизна, потемнение – с минуты на минуту, о, я не могла дорваться до улицы – никогда солнце так не повелительно. Выйдя, выбежав – окунулась. [Домой!] Не шла – несло. После двух ночей гроз – синих!! – утро тумана. (Писавший утро туманное думал совсем о другом [1353], туман – стихия). Словом после тебя еще ты (и я тебя обожаю, в скобках). О, Борис, Борис, как всё – вместе идет. Последовательность: 1) моя, наконец, отсылка письма Мирскому, 2) твое письмо, 3) в тот же день Шмидт! – гроза, 4) в тот же вечер чтение его – гроза, 5) вчера письмо из Чехии с описанием выступления Маяковского [1354] и впечатлений от твоей прозы, впервые читанной, 6) нынче – одновременно – яйцо тумана (а в яйце я) и письмо Мирского в ответ на твое, привожу [1355] Борис!

Мой обожаемый! (Можно так говорить?) III часть Шмидта такая сила силища, такая – ты, что у меня одно чувство – победителя. (Чего – поймешь.) О, Борис, так поют, вырываясь из тюрьмы. Ты в III части уже вне Шмидта, потому так восхитителен. Начинать так нельзя, так только кончают. (Не могу не отметить речь Шмидта, местами отвратительную – родственную письмам: тираны и прочая общитина) Когда я смотрю – в веках – на эту пару: тебя и Шмидта, я – смеюсь. В одну телегу впрячь не можно – Коня и трепетную – рвань (дрянь) [1356]. Если бы не боялась тебя обидеть, сказала бы слякотную. Нет, Борис, Шмидт – хороший человек и Бог с ним, а вот III часть – великолепие и боги с тобою. В твоей истории с Историей я тебя понимаю с трудом я ведь, в какой-то глубине, в наедине своем – безответственно историю сбрасываю. Но не обо мне. Рада книге Шмидта [1357] [какой матерьял для психоанализа], и сейчас не мыслю ее общности. Думаю, в брошюре – III часть отлетит на – за – не знаю: далёко! в ней пружина, бьющая. III часть вровень Потемкину. Наконец, с чистым сердцем могу писать тебе о тебе в текущих днях.

Усиление тебя в моих, присутствие в часах до таинственности (если бы что-нибудь было таинственным, если бы не всё и значит – ничто!) совпадает с усилением моей жизни в стихах. Я сейчас пишу вещь, совсем одинокую, отъединяющую, страшно увлечена [1358]. И вот рвусь между письмом к тебе и очередным четверостишием, говоря: справа ты, слева стих, оба [лучше больше] пуце. (Вдруг – неожиданно – ответ женщины XVIII столетия, XVIII столетие устами женщины: Что бы Вы сделали в лодочке над строкой: во время бури, где Вы, [Ваш муж и Ваш друг] и нужно было бы, чтобы было только? двое: – Je sauverais mon mari et je me noieraïs avec mon amant {301} – Noyade (почти naïade {302}), вот это – конец Молодца – в огонь синь! – это всё мое право на себя, но – КАКОЕ.) Я никогда не стану для тебя меньше чем есть, чем была. Конечно, нет. Знаю. Меньше может быть только, когда берут из целого (стылого), а когда из растущего – даже ты, Борис, не сможешь пожрать меня в росте, предвосхитить, подавиться, проглотить (envoûter {303}). Какое чудо – этот грот, втягивающий море – в глотку). Родной! – «Не надо говорить». Конечно не надо, я тебе говорю только о том, КАК я бы сказала. Мысль, а вовсе не слово. Мне нужен союзник – в мысли – кто как не ты? (А под рукой мех, твоя голова, сквозь который явственно прощупывается мысль. Мех и мысль. И не с затылка, нет, с лба, как себя держу за голову, отведя волосы, переплетя пальцы концами и под ладонями неуловимое место вариант: средоточие силы.

Как можно было у Гёте Вертера взять Гёте – Euphorion? {304} [1359]

– Мысль. Ты во мне не существуешь, под существуешь, как вообще в мире, твое пребывание во мне не есть выходение из. Ненарушенность. Почему всё кончается, потому что люди, живущие внутри или вне, – выходят в любви – наружу или внутрь, нарушают, не могут. Лучшие «опускаются», снисходят, другие возвышаются, – едино: не их воздух, не могут. Перерыв. И опять домой. Самое ужасающее явление дробности, частичности кусков, вырванных из жизни. – Говорю и о себе. – Усиление нрзб., по той же нрзб. – так быть должно. Или же – ПОЛНОЕ ИЗЪЯТИЕ себя из себя, мира из мира – те, прости за грубость – двое суток в постели Нинон де Ланкло [1360] над строкой: тех двух – [не о постели говорю] – ничего не зная, не ведая, пусть дом сгорит – не встала.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

[Говорю не о пропуск одного слова, а о напряжении ее.] (Пойми мой подход к подобию!)

Вдруг, среди ночи, внезапное осознание осознания тебя в их глазах над строкой: твоего положения среди – аристократом, да мол Шмидт и всё так далее, а все-таки... Полуусмешка, полубоязнь. Сторонение.

Entfremdung {305}.

Преклонение?.

Хотела тебе сказать о замечательном писателе Конраде – поляк-англичанин, по окончании очередной книги которого безутешна. Lord Jim, Victory [1361]. И еще – о полном равнодушии к Valéry и воинствующем презрении к А. Gid'у [1362]. И еще о плачевности прозы Hofmannsthal'a, нрзб. книгу (не даром!) переводили французы [1363]. О недосыгаемости (раз достигнуто!) Рильке.

Дополнение: Борис, я пишу вещь, от которой у тебя мороз пойдет по коже. Эта вещь – начало моего одиночества, ею я из чего-то – выхожу вариант: изымаюсь [1364].

Впервые – Души начинают видеть. С. 347–351. Печ. по тексту первой публикации.

35–27. л.и. Шестову
Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

6-го июня 1927 г.

Дорогой Лев Исаакович,

Спасибо за приглашение, буду непременно, а может быть и Сергей Яковлевич. Привезу мундштук, который в прошлый раз опять забыла (зажала!).

Пишу Вам на лекции Ильина «Евразийство как знак времени» [1365] и вспоминаю строку Рильке [1366]:

«Ueber der wunderlichen Stadt der Zeit» {306} –

(Правда, – Вавилон встает?)

и свои собственные:

Ибо мимо родилась
Времени! Вотще и все
Ратуешь. Калиф на час –
Время! – я тебя миную [1367].
И еще кузьминское:

«Что мне до них» [1368] –
(в моем применении – времен)

Простите за карандаш, но – лектор наверное думает, что я записываю – неудобно просить чернил.

До свидания!

МЦ.

Да! А Вы не можете меня звать просто – Марина?

Впервые – ВРХД. 1979. № 129. С. 126–127. СС-7. С. 48. Печ. по СС-7.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

36–27. С.Н. Андрониковой–Гальперн
Июнь 1927 [1369]

Дорогая Саломея,

Почему не были на евразийском обеде? Было чудно. Ждали Вас чуть ли не целый час. Очень хочу Вас повидать, напишите когда. Целую вас.

МЦ.
Четверг

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Кончила новую вещь – Поэму Воздуха [1370] – которая никому не нравится – et pour cause {307} (NB! воздуха!)

Впервые – СС–7. С. 107. Печ. по тексту первой публикации.

37–27. Л.И. Шестову
Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

28–го июня 1927 г., вторник.

Дорогой Лев Исаакович,

1) В субботу, 2–го мы с Вами обедаем у Путермана [1371], – хотите поедем вместе? Буду у Вас в 7 часов, не позже, вместе отправимся. Отвечайте только, если не можете.

2) Внезапно вспомнила, что Святополк–Мирский переводит мою Поэму Горы для какого–то французского журнала, – не для Commerce [1372] ли? Если да, Сувчинский, в Вашем разговоре с ним, неизбежно на это сошлется, – так имейте в виду: Поэма Горы всего–навсего 200 строк, при половине гонорара Мирскому мне останется в лучшем случае – франков 300, 350 франков. По сравнению с возможностями прозы это мало и скорее походит на испорченную возможность.

Должна Вас предупредить, дорогой Лев Исаакович, что Сувчинский моей прозы тоже не любит, хотя не так воинственно, как Святополк–Мирский. Когда Вы начнете о прозе, он сразу заговорит о стихах, прибежит к отводу.

Было бы хорошо, если бы Вы заговорили о реальной вещи, а именно о прозе памяти Рильке, которую знаете, о вещи читанной и одобренной Вами, уже принятой Nouvelle Revue Française [1373], но которую бы, в виду гонорара, желательно поместить в Commerce.

Нужно Сувчинского зарядить – либо именем Рильке, либо любовью его французами, либо самой вещью, либо вопросом гонорара, – не знаю что для такого эстета действительнее.

Мне кажется, успех будет не из легких. Да! еще одно: он вещи не знает, будет и этим отговариваться.

Главная линия в разговоре: стихи не кормят, кормит проза, а проза у меня есть, – и она все равно появится, весь вопрос где.

Простите за скучное и тщательное, совсем не мое, письмо, – совсем не письмо!

Итак: 1) в четверг вижу Сувчинского и сообщаю о Вашем желании повидаться с ним перед отъездом.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

2) в субботу в 7 часов, немножко раньше, заезжаю за Вами и вместе едем к Путерману, которого зовут Иосиф Ефимович, – на случай Вашего утвердительного ответа ему.

Мне же отвечайте только, если поедете не из дому.

Еще раз простите и спасибо за доброту и тяготу. Сердечный привет от Сергея Яковлевича и меня.

МЦ.

P.S. Сувчинский и Мирский до того не выносят моей прозы (особенно Мирский) [1374], что, даже не читав им, отдала прозу о Рильке в Волю России.

Впервые – ВРХД. 1979. № 129. С. 127–128. СС-7. С. 48–49. Печ. по СС-7.

38–27. Л.И. Шестову
Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc,

9-го июля 1927 г.

Дорогой и милый Лев Исаакович,

Разве Вы не знаете, что для меня дважды нет дождя 1) потому что есть, т.е. как всё в природе – люблю 2) даже если бы не любила, Вас – люблю и ни с каким ливнем бы не посчиталась.

Не приехала потому, что 5 часов сряду сторожила, т.е. содержала под домашним арестом ядовитую воровку и шантажистку, ошельмовавшую всю русскую колонию и пуще всех – меня. При встрече расскажу, но думаю, что до меня прочтете в газетах.

Рвалась к Вам каждую минуту, а шантажистка – ко мне, хватала за ноги и за руки, умоляя отпустить. Не отпустила и не жалею.

История ее двухдневного пребывания у меня – роман, за который дорого дали бы Последние Новости.

Ошельмованы: Земгор [1375] (Руднев!) доктора: Пасманик [1376], Зернов [1377], Вальтер [1378], церковь Дарю [1379], – кламарцы, шавильцы, медонцы [1380], – всех не упомяну и не перечислю. Гениальная актриса.

Спасибо за память о моих литературных делах, но Святополк-Мирский отваливает: он отлично переводит, – перевел очень большую и трудную вещь Пастернака [1381] для того же Commerce. Скоро напишу по-человечески, а пока – хорошего отдыха, хорошей погоды, бездумной головы и полного забвения всего парижского! (NB! я – Медон!)

Целую Вас, привет Вашим.

МЦ

Впервые – ВРХД. 1979. № 129. С. 129. СС-7. С. 49–50. Печ. по СС-7.

39–27. В.Б. Сосинскому
Медон, 12-го bis июля 1927 г., среда [1382]

Милый Володя,

Окончательно ли Вы решили снимать Мура? [1383] Если да, будем ждать Вас или Адю в воскресенье с утра (Мур ложится в 12 часов, хорошо бы снять его не позже одиннадцати). Имейте в виду, что Мур в тот день не пойдет гулять, ожидая Вашего или Адиноного приезда, кроме того будет ждать вокзала, вагона, «птички» и прочих радостей, так что – по возможности – не разочаруйте.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Обещаю Вам за Ваши заботы и хлопоты в течение двух недель переписать Вам от руки какую-нибудь свою вещь – не меньше 200 строк. Вы кажется рукописи любите и храните. Обещаю Вам еще, что обещание исполню [1384].

Как Вы думаете – если Мура снять голым, во весь рост? По-моему, хорошо. И еще – одно лицо. Хорошо бы еще и с Алей. (Видите, вхожу во вкус!)

Ответьте, пожалуйста, насчет воскресенья. Нужно ли считаться с погодой?

Итак, жду. Привет всему женскому населению усадьбы, какие вы счастливые: сад!
[1385]

МЦ.
Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Приписка на полях:

– Поездов утром много, но лучше быть у нас около 9–9 ½ часов, – долгие сборы!

Не забудьте упомянуть и час.

Впервые – НП. С. 235–236 (с ошибкой в дате написания). СС-7. С. 85. Печ. по СС-7.

40–27. Б.Л. Пастернаку
15 июля 1927 г., тотчас же

Борюшка, в последнем письме я писала тебе, что буду писать – и отчасти что́ буду писать о Шмидте [1386]. В этом основном что́ мы не сходимся с Мирским (как после 10 дней дружбы вообще ни в чем не сходимся), недавно приехавшим и слышавшим III часть. Сходимся – в восторге перед ней и от нее – не сходимся в оценке I части – писем. Знай, что Мирский их оправдывает [(так нужно) и ссылается на будущее, знай, что я их не оправдываю и ссылаюсь на то же будущее] как историк, знай, что я их не оправдываю как поэт. Их – нет, тебя – целиком – в вещи – да. Борис, ты настолько огромное явление, что рассматривать Шмидта самого по себе ни мне, ни другим твоим любящим не удастся. Шмидт как этап. Шмидт в контексте, скажем предположительно, Спекторского [1387] – и последующего не знаю чего. Шмидт – document humain {308} сосланного на землю духа – Бориса Пастернака (Фауст – как этап.) Сам Борис Пастернак – как этап в истории Духа. И т.д. – ибо далее всегда есть: оно и есть ВСЕГДА.

Обо все этом, несколько иначе, я тебе уже писала, теперь о другом, тревожащем, – письма не доходят? Какая безнадежность – писать! О Борис, Борис, как я вечно о тебе думаю, физически оборачиваюсь в твою сторону за помощью, оборвано. Ты не знаешь моего одиночества [на которое, заметь, ни разу в жизни не жаловалась]. Кончила Поэму Воздуха. Читаю одним, читаю другим – полное – ни слога! – молчание, по-моему – неприличное, и вовсе не от избытка чувств! от полного недохождения, от ничего-не-понятости, от ни-слога! А мне ясно, и я ничего не могу сделать. Недавно писала кому-то в Чехию: – Думаю о Борисе Пастернаке, как ему ни трудно, он счастливее меня, потому что у него есть двое-трое друзей-поэтов, знающих цену его труду, у меня же ни одного человека, который бы – на час – стихи предпочел бы всему [1388]. Это – так. У меня нет друзей. Есть дамы – знакомые, приятельницы, покровительницы, иные любящие (чаще меня, чем стихи, а если и берущие в придачу стихи, то, в тайне сердца, конечно стихи 1916 г.). Для чего же вся работа? Это исписывание столбцов, и столбцов, и столбцов – в поисках одного слова, часто не рифмы даже, слова посреди строки, почему не знаю, но свято долженствующего звучать как – , а означать – . Ты это знаешь. Борис, я обречена тебя любить, все меня на это толкает, прибывает к тебе, как доску к берегу, все бока обломаны о тебя. Еще одно: недавно среди дня неожиданно свалилась в сон. У меня в комнате маленький серый диван – мышинный – дареный, если вытяну ноги, свисают на аршин, так вот – свалилась, сплю. И такое глубочайшее привиделось, не безымянное, не кто-то – ты. Я о тебе не думала, ни о

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru чем, только знала: спать! Очнувшись, вспомнила ведьм: Так, а не иначе. Вообще, Борис, разъясни мне и одновременно знай – откуда это свободное уверенное движение в воздухе, которым в жизни не дышал! Ведь – ни одного спиритического сеанса за жизнь (брезгую!), ни одного антропософского заседания, ни шприца кокаина, ничего. Откуда – опыт, точное знание, не-удивление, свойственность, осведомленность. Вот для чего ты мне – главное – нужен, вот на что, говоря: на тебя! – надеюсь, – вхождение ногами в другой мир, рука об руку. Так: выйти из дому, по лестнице, мимо швейцара, всё честь-честью, и вдруг, не сговариваясь, совместно единовременно оттолкнуться – о, на пядь! – Борис, еще одно: моя пустота. Беспредметность моего полета. Странно, что здесь, якобы за порогом чувств, мои только и начинаются. В жизни я уже почти никогда не чувствую, и это растет. Не знаю, что со мной случилось. Может быть – били, били, забивали, задуряли – что-то и окаменело, перестало. Я просто притерпелась к боли (NB! моя единственная возможность вариант: мой провод чувства), боль стала состоянием и пребыванием, все болевое уже попадает в боль. – Можешь ли ты меня понять. – Нечувствование острий, в готовое. Даже физически: беру раскаленное – и не чувствую, все говорят: липы цветут – не слышу, точно кто-то – бережа и решив – довольно – залил меня, бескожную, в нечто непроницаемое. Помнишь Зигфрида и Ахиллеса? Помнишь липовый лист одного и пята другого? [1389] – Ты. –

Мой родной, ты наверное переоцениваешь мою книгу стихов [1390]. Только и цены в ней, что тоска. Даю ее как последнюю лирическую, знаю, что последнюю. Без грусти. То, что можешь – не должно делать. Вот и все. Там я все могу. Лирика (смеюсь, – точно поэмы не лирика! Но условимся, что лирика – отдельные стихи) служила мне верой и правдой, спасая меня, вывозя меня, топя меня и заводя каждый час по-своему, по-моему. Я устала разрываться, разбиваться на куски Озириса [1391]. Каждая книга стихов – книга расставаний и разрываний, с фоминским / перстом Фомы в рану между одним стихотворением и другим [1392]. Кто же из нас не проставлял тирэ без западания сердца: А дальше? От поэмы к поэме промежутки реже, от раза до разу рана зарастает. Большие вещи – вспомни Шмидта – stable fixe {309}, лирика – разовое, поденное, вроде нищенства или грабежа с нрзб. счастливого часа. (Если попадет в твою лирическую волну – посмейся!)

А недавно я на улице встретила человека похожего на тебя, он долго на меня смотрел, очевидно расовое притяжение.

Борис, ты когда-нибудь читал Тристана и Изольду [1393] – в подлиннике: в пересказе, совершенно соответствующем всем тем разрозненным песням и повестям. – Самая безнравственная и правдивая вещь без виноватых, со сплошь-невинными, с обманутым королем Марком, любящим Тристана и любимым Тристаном, с лжеклятвой Изольды, с постоянными нарушениями самых святых обетов, с – наконец! – женитьбой Тристана на другой Изольде (как будто бы есть другая!) – aux branches mains {310}, – из малодушия, из безнадежности, из, если хочешь, душевного расчета. И как из этого ничего не вышло, и как из всей любви ничего не вышло, потому что умерли врозь, она – в сознании измены Тристана. (Другая Изольда из ревности сказала той первой, что корабль, поехавший за Тристаном, возвращается с черным парусом, – т.е. без него (с незахотевшим Тристаном, т.е. без него).) И Изольда умерла. История, ничем не отличающаяся от истории Кая и Герды [1394], любящих, теряющихся, нрзб., сходящихся.

Сдаю в Версты «С моря» (прошлолетнее – тебе) и Новогоднее (Письмо к Рильке), переписываю для Воли России Поэму Воздуха, не знаю, возьмут ли, сейчас должна приняться за Федру, брошенную тогда (31-го декабря 1926 г.) на 2-ой картине [1395]. Долг чести. В промежутке между 3 и, скажем, 4 (всех 5) напишу о тебе и Шмидте (Б.П. и лейтенант Шмидт). Лето проходит, не осуществившись. По 3, часто не разрешающихся, грозы в день, по два хороших ливня (обожаю Сестру мою Жизнь [1396], но... подчеркнуто трижды), в летнем платье холодно, наспех вытаскиваю зимние шкуры. Вчера, 14-ое июля, глядела с нашего медонского железнодорожного моста на ракеты и дрогла [1397]. – И этого уже не люблю, не так люблю, больше по долгу службы.

Но Мур – заглядение. Чудная голова, львиная. Огромный лоб, лбище, вздымающийся целой белой бурей кудрей. Разговоры такие: Мама чesает морковку (чesает – чesет – чистит). – Мама, поцелуй Мурке пузу. – Идти к папе, захватывать вещи (вещи, вязаное одеяло, обожаемое, в которое с 6 месяцев по-котиному перед сном впивается когтями вариант: в которое влюблен, готов стоять часами, вкагчиваясь и

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru (обмахиваясь). Спать один не хочет, среди ночи явление головы над сеткой. «Мула хочет идти в дуглую каватку». Влезает. – «Дуга (друга) дать: аделяло!» Лезет вслед и «друг». Через минуту спим, слева Аля, посредине Мур, на Муре друг, с краю я. Кровать тесная, сон спартанский. Утром сидит у меня на голове, просыпаюсь от приблизительного чувства Атласа (думаю, держат мир и головой).

Борис, всегда отвечаю сразу, если не будет писем – знай: почта. Хочу оказии для нескольких книг и фуфайки тебе, ни разу не прохожу мимо витрин мужских вещей без ревности за тебя. Пусть хоть рукавами обниму тебя – за недостатком вариант: недостигаемостью рук.

Впервые – Новый мир, 1969, № 4, с. 196–197 (со значительными купюрами) (публ. А.С. Эфрон). СС-6. С. 272–274. Печ. полностью по: Души начинают видеть. С. 357–361.

41–27. В.Б. Сосинскому
Между 18 и 22 июля 1927 г. [1398]

Милый Володя,

Итак, ждем Вас – Мур, Аля и я, – в воскресенье, 24-го, к 2 часам, лучше не позже. Мур уже будет готов, сразу пойдем на вокзал, который от нас (говорю об электрическом) четыре минуты.

До свидания и спасибо!

МЦ.

Тогда же сговоримся о чтении Ольге Елисеевне, Вам, Аде – и Наташе и Оле [1399], если хотят, моей новой вещи – Поэмы Воздуха. Лучше даже, если заранее сговоримся на два подходящих вечера на следующей неделе, чтобы я сразу могла назначить.

P.S. Могу только после 8 часов.

Впервые – НП. С. 236 (с ошибкой в дате написания). СС-7. С. 85–86. Печ. по СС-7.

42–27. Б.Л. Пастернаку
Около 24 июля 1927 г.

Родной Борис. Птицелов жулик, знаю главного заправилу [1400], а конвенции нет – итак оборвано. Огорчена наверное не меньше вариант: больше тебя, потому что за тебя. Картина знакомая: плод твоих рук (локтей) не пожинает, а пожирает другой – кому и руки только на то даны. Так было – так будет.

Статьи Мирского не читала [1401]; не только не прислал, но не упомянул, из чего ничего не вывожу, потому что о нем вот уже год как не думаю – никогда, все, что я тебе скажу о нем, неубедительно, потому что познается общением. Кроме того, ты не только доброй меня, ты – сама доброта и не можешь ненавидеть человека за врожденное уродство. Мирский со своими писаниями незнаком, а я весь последний год знакома только незнакомым. Есть здесь еще один – куда более странный – человеческий случай, его приятель, тоже дефективный и тоже душевно-дефективный, но [с уклоном в сторону сердца] душевно-сердечно, тогда как Мирский душевно-душевно, просто (о Мирском) ничего: ни дерева, ни лица, ни – непосредственно, не через литературу не чувствует и от этого страдает. А тот (третий редактор верст) все чувствует, ничего не хочет чувствовать и от этого не страдает. Мирский – непосредственно – тупица, Сувчинский – гениальный интуит, иногда устрашающий. Зачем о них? [1402] Потому что когда-нибудь свидишься, если бы не суждено было – не писала бы. «Не живу – я томлюсь на земле». Кто это написал? Блок или Ахматова [1403], это обо мне написано вариант: я написала, но не по любви, любящей меня, и в любви, и без, всегда, как родилась. Я недавно говорила одной умирающей [1404], перелюбливающей, т.е. любящей меня так же, как недолюбил – когда-то – брат [1405] вариант: когда-то ее брата я–, – я недавно говорила одной умирающей: «Зачем я родилась? Это бессмысленно. Лучше бы другой

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru кто-нибудь» – и вовсе не от несчастья, именно от неразумности факта моего существования. Да в том-то и горе, Борис, что есть адрес и рука, иначе я бы давно была с тобою. Ты единственный человек, которого я хотела бы при себе в час смертного часа, только тебе бы поверила.

Борис, ты не знаешь «С моря». Письма к Рильке, Поэмы Воздуха, – сушайшего, что я когда-либо написала и напишу. Знаю, что нужно собраться с духом и переписать, но переписка – тебе – безвозвратнее подписания к печати, то же, что в детстве – неожиданное выбрасывание какого-нибудь предмета из окна курьерского поезда / – пустота детской руки, только что выбросившей в окно курьерского поезда – что? Ну, материнскую сумку, что-нибудь роковое.

Борис, я соскучилась [по русской природе], по лопухам, которых здесь нет, по не-плющовому лесу, по себе в той тоске. Если бы можно было родиться заново, я бы родилась 100 лет назад – в Воронежской глушайшей губернии – чтобы ты был мой сосед по имени. Чудачек было немало и тогда – как и чудаков. Сошла бы. Сошли бы.

Перенеся двухдневную разлуку,
К нам едет гость вдоль нивы золотой,
Целует бабушке в гостиную руку
И губы мне – на лестнице крутой. [1406]
У меня была бы собака (квартира, даже птиц, даже цветов на окнах нельзя!) над строкой: пункт контракта, своя лошадь, розовые платья, нянька, наперсницы... Помещичий дом 150 лет назад ведь точь-в-точь – дворец Царя Тезея. Только там и быть Кормилицам и Федрам. А Ипполит – стрелок! Борис, почему я не могу проснуться от зари сквозь малиновое или розовое платье, перекинутое через спинку кресла, с первым чувством: до твоего приезда еще 39 дней! – или столько же часов. А потом: се-но-кос, се-но-вал, ужи шуршат, сухо, теряю кольцо, лесенка, звезды. Понимаешь – и смейся, если хочешь – Тристан и Изольда, ничего другого, с необходимыми участниками трагедии, strict nécessaire {311}, без перегрузки советских, эмигрантских новоизобретений, всех читанных и усвоенных тобою, читанных и усвоенных мною книг, да, без Шмидта, Борис, и может быть без всех моих стихов – только в альбом! – ...во время оно, Борис...

С тобой, в первый раз в жизни, я хотела бы идиллии. Идиллия – предельная пустота сосуда. Наполненная до краев идиллия уже есть трагедия.

Впервые – Души начинают видеть. С. 362–364. Печ. по тексту первой публикации.

43–27. Л.И. Шестову
Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

31-го июля 1927 г.

Дорогой Лев Исаакович,

Спасибо за весточку. Дела с Мирским и Commerce не двинулись. Произошла путаница: в следующем № Верст идет не моя проза о Рильке (напечатана в «Воле России» и до сих пор – десятое письмо пишу! – не оплачена), а поэма к нему же [1407]. Прозы Мирский и не видел. Кроме того, он лицемер: Вам говорит, что не умеет переводить, а переводит труднейшую прозу Пастернака [1408]. Просто – он мою прозу, как я Вам уже говорила, ненавидит, и всячески будет отвливать. («Худшая проза, которую когда-либо читал», – определение в каком-то английском журнале.) [1409]

Сейчас он в городе, меня не окликает. – Бог с ним.

– Как у Вас погода? Надеюсь, что не медонская: ясные ночи, плаксивые дни, полная ненадежность и бестолочь, по три дождя в день. Было бы солнце, была бы втрое счастливее.

Ряд евразийских (тайных) отъездов в Россию, недавно провожали одного чудесного юношу, – и жаль и радостно.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

что еще? Меня недавно обокрали: чудный старинный браслет (курганский), другой браслет – недавний подарок Саломеи [1410] – белье и ряд вещей. Вор – очаровательное женское существо, ошельмовавшее всю русскую колонию. При встрече расскажу, – случай стоящий, для меня до сих пор неразгаданный.

Вчера были мои именины, получила: фартук (от Али), ряд письменных принадлежностей от Сережи, от одной дамы рубашку (все украдено!), от П.П. Сувчинского мунштук и от В.А. Сувчинской – роговые очки, в которых и пишу.

Простите за вздор, радость часто глупит (это я о подарках!), пишите, целую. Сердечный привет Вашим.

МЦ.

Впервые – ВРХД. 1979. № 129–130. С. 129. СС-7. С. 50. Печ. по СС-7.

44–27. В.Б. Сосинскому
Meudon (S. et O.), 2 Avenue Jeanne d'Arc

31-го июля 1927 г.

Милый Володя,

Спасибо за фотографии. Показываю их всем в постепенности удачи, от привидения, вернее астрального (стоячего) тела Мура до Мура с Алей. Давайте, пока, так: трех лучших по три (Мура с Алей, Мура со сложенными руками и расставленными ногами и Мура-головку), остальные – просто для меня – по две, астральное тело – чтобы не обижать! – одно. Увидев после ретуши, какая из трех лучших – лучшая, будем печатать для раздачи. NB! Я думаю, что если головку проработать: выяснять глаза, слегка очертить овал, получится прелестный снимок – «по поводу». Таким мне Мур будет помниться – через 20 лет. Сквозь память. – Да! Нельзя ли немножко украсить, т.е. восстановить, Алю, слишком похожую на Александра III (снимок с Муром). Немножко просветлить лицо, – впрочем, Вам видней. Эта Мурина карточка тоже очень мила, вообще все три удачные – очень милы, и Вы вполне «заслужили» – беру в кавычки, ибо заслужили бы, доброй волей, и в том случае, если бы от А до Z – сплошной астрал – итак, вполне «заслужили» «награду» [1411]. Получите ее неожиданно, предоставьте выбор мне, не прогадаете.

До свидания, сердечный привет всем благорасположенным и еще раз – еще много-много раз! – спасибо.

МЦ.

Ади и Али – тоже две!

Впервые – НП. С. 237. СС-7. С. 86. Печ. по СС-7.

45–27. Б.Л. Пастернаку
Начало августа 1927 г.

Дорогой Борис, мы точно пишем друг другу из двух провинций, ты мне в столицу, а я тебе – в столицу, а в конце концов две Чухломы [1412]: Москва и Париж. Борис, не везде ли на свете провинция. Из больших столиц я все видела, потому что Нью-Йорк не столица, – раз не местопребывание! (местопрохождение). (Стольный град, град, где держат стол.) Еще скажу: все так называемые пятичувственные ужасы столичного разврата мне мнятся чудовищными по провинциализму забавами, а посему все-таки ребячеством: глупостями (в народном смысле). Еще одно: в этом мире я ничему не дивлюсь, заранее раз навсегда удивившись его факту существования, [ни завоеваниям техники, по-моему – естественным, раз весь данный мир, столько голов над ними работает. Чем автомобиль, идущий без лошади, удивительнее паровоза, делающего то же, в котором я родилась (паровоз как страна и эмоциональный строй, твой также)]. Нет, еще проще: чем автомобиль, идущий без лошади, удивительнее меня, тоже идущей без лошади, и самой лошади, тоже идущей без. Возьми Мура: машина и лошадка для него одно и то же, помимо роднящего ш. Будет старше, будет знать: лошадку создал Бог, а машину – Черт. По мне, в

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
чистоте сердца, вся техника – превышение прав и нарушение пропуск одного слова.

«В 6 часов еду в город» – как (слухом!) знакомо. Я никогда не езжу в город в 6 утра, потому что мне там нечего делать, и очень жалею. Безумно люблю – между дуновенный, – деревней и городом – шестой огородный молочный рыночный ранний час. Еще вчера говорила кому-то: Парижа я не люблю, потому что (я его не знаю) ни разу не была на halles [1413] в 6 часов утра. – Вот. – Париж знал только один человек, Рильке. Париж может знать собственник особняка в Булонском лесу и подмостный рабочий, которым одинаково открыто всё, первому через золото, второму через взлом.

[1414]

Я – между, о в этом великое горе моей жизни (может быть прожила бы и с деньгами).

«Поэтическая зрелость, опережающая жизненную». Борис, но на чем мне, в жизни, учиться? На кастрюлях? Но – кастрюлям же. И выучилась. Как и шитью, и многому, всему, в чем проходит мой день. А одиночество уже стихи, дерево – уже стихи. Просто: я, для упрощения задачи, обречена на сплошной жизненный черновик, – чтобы и не заглядывалась! Все, что не отвратительно, – уже стихи. В стихи не входит только то, что меня от них отрывает: весь мой день, вся моя жизнь. Но, чтобы ответить тебе в упор: мне просто нет времени свои стихи осмысливать, я ведь никогда не думаю, потому что все время думаю о другом. Стихи думают за меня и сразу. Беспредметность полета, – об этом ведь? Я из них узнаю, что, о чем и как бы думала, если бы...

Прости, родной, за промедление с Письмом к Рильке [1415] и Поэмой Воздуха. Вечное либо – либо, с неисчислимостью подразделений. (Либо: желанное для себя: письмо к тебе, переписка поэм, переписка очередной рукописи, письма другим, стихи, либо должное – перечислять не стоит, и каждое либо опять вариант: в свою очередь на несколько либо. Я бы не машинке (презираю), не стенографии – выучилась, а леворукописанию. (Письмо все еще топчется оборвано

Борис, можно про амазонку –

Тетиву – в куда упруге
Тетивы: грудь женоланью
Отведя – в тоске? слиняня [1416]

Впервые – Души начинают видеть. С. 368–370. Печ. по тексту первой публикации.

46–27. Б.Л. Пастернаку
Начало августа 1927 г.

Борис, я прошла к тебе в комнату, в попытку ее, села с тобой рядом и вот рассказываю.

17-го были мои именины [1417]. Я получила: мундштук в футляре (Сувчинский), роговые очки, как у всех белокурых англичанок (его жена), розовое платье с цветами (приятель), розовую рубашку (приятельница), всё письменное (Сережа) и фартук (Аля). И еще розы. Борис, я в первый раз, взрослая, праздновала свои именины – и так эффективно. Теперь всегда буду. А нынче Мурино 2 ½ летие [1418], и ты скоро получишь его фотографию, с лицом, затуманенным не только расстоянием, но его же слезами: 40 минут рыдал и ревел в неистовом ужасе надвигающегося аппарата. В крупных случаях жизни (рождение Мура) я вдруг узнаю, что меня любят. Очевидно, чтобы отважиться меня любить – нужно видеть меня физически лежащей, т.е. физически ниже себя глядящей, или же под покровительством (как нынче, именно) святого, т.е. тоже физически стать ниже обыкновенного. А я бы всю жизнь лежала, чтобы меня любили, но так как до сих пор не нашлось такого умника, кто бы это прослышал, а я – не скажу... / который этого не знает, а я – не говорю...

Борис, Geschichten des Lieben Gotts (Истории доброго Бога, – хороший перевод?).

Борис, я сегодня стояла в кухне, что-то варила и думала тебе в ответ, и вдруг – ты же должен это знать! – вполоборота – радостно – ну как от внезапности вариант: от наконец – того слова! [крутым оборотом] – руки на плечи – воздуху. Я

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru так думала о тебе, что положила тебе руки на плечи, не я, думающая, я – недумаящая, которую больше всех люблю и которой вариант: факту существования которой думающая обязана всем. Борис, чистый вздор – дружба (или любовь / и такой же чистый вздор – любовь) между такими, как мы. Что меня заставляет не положить тебе рук на плечи? Не только положу, не сниму-у. Борис, я никогда, ни одной секунды жизни не чувствовала своей принадлежности кому бы то ни было – очевидно, из-за всех чему бы то и короче вариант: и их суммы: всему – поэтому в «измене» ни секунды угрызения совести, только твердое решение: [съесть с пеплом]. «Измена тебе – измена мне», этого я ведь ни разу в жизни, как и ты, не сказала, не имела счастья – или низости – сказать. Жалость, щажение, бережение. И еще – по-удивительному – страх безобразия, эпитета, штампа. Очень сильно – страх сглазу. Всего сильнее: ревность к тайне.

Думаю о тебе: то сбудется, с кем будешь, была бы только с тем. Домой – в –. Только – на земле ли?..

Продолжение

Еще думала об одном: мы, и без того преображающие, мы, обвинение в гиперболичности несущие как хвалу (а есть хвала – вне гиперболы? А гипербола сама – не есть ли хвала Создателю, создавшему такое) – с тем воспитанным наклоном недоумения в ответ на вещь заведомую – во что бы мы, ты и я, превратили любовь, стихию гиперболы, родное лоно ее. Ах, Бальмонт с его «грудью» и Пушкин с его «ножками» [1419], ведь в том-то и дело, что в любви и вода – не вода и земля – не земля, неузнаваемо – знакомое, знакомо – неузнаваемое (проверь 10 раз, – все правильно!) уж куда ближе к делу Соломон, несмотря на все свои груди, с его – неподобностью образов {312} [1420] (НВ! Песнь Песней не люблю). Грудь – как – вздор. Отставить грудь, одно как, или упразднить его – просто. Сравнение без перевода, иероглифы для любящих, для как мы – любящих, для однородцев, остальные пусть ходят просто – по лесу, не знаю, по какому, с родным неузнаванием вещи, потому что до нее, любви, этой вещи не было, не та вещь была, и с другим неузнаванием потом, после любви, потому что вещь, виденная некогда, уклонилась, провалилась в любовь и вместе с любовью. («Не тот человек» – совершенно верно, не тот человек, потому что тот был, пока любила, но был.) Понимаешь, Борис, при нашем знании каждого изгиба, поворота и провала, неужели мы, ты и я, не сумели бы – силой – волей – жилой – поэтически направлять любовь, противуборствуя и покорствуя ей, как – ход поэмы, смыслу противопоставляя звук и звуку – смысл. Есть жестокие мелочи, мне стыдно о них говорить, стыдно слово брать под перо, самое простое: нервы. В любви – и нигде больше – я нервна: как лошадь. Вот эти острые лошадиные уши, наставленные, эта мания гончей, выставяющей нос, лису унюхавший, а может быть не унюхавший – бредит лисом воображение! – но – пошло! И как неотвратимо. В этом ты должен быть старше меня, спокойнее, умным поводырем. Здесь – в лошадино-ушно-гончье-песье-лисьем – ты должен вести, выручать, спасать. Потому что я в этом брежу и всегда в злостную для себя сторону. Болезнь гордости. Остерегаю (и сама смеюсь, – точно ты завтра должен приехать!)

Еще одно мерещится – прости наперед за скачки. Любовь, в просторечии жизни, это бой, данный друг другу, т.е. полом – полу. Явно две стороны, наивно и очень коротко воображающие, что – одна, одни – против всех. Неизбежное фиаско вражеского «мы». Die feindlichen Brüder {313}, Ахилл и Гектор, возомнившие себя Ахиллом и Патроком [1421]. (Неслиянность от неверности упора, упор – друг в друге / Графически: упор – друг, в друге.) Раз упор друг в друге, то – уже друг против друга, т.е. бой. Ахилл и Патрокл – (дружба) одна сторона, упор / Ахилл и Патрокл, дружба / Ахилл же и Патрокл – дружба – совместный упор в третьем, отпор, т.е. общий бой. Грех любви, Борис, и ее конец в ее взаимо-, а не совместно-обожествлении – борении – горении. И вот, Борис, зная это, неужели мы, ты и я, братья, Борис, не сумели бы из этой жестокой частности взаимопожирания сделать – общее дело – cause commune, конец вариант: острие одной стрелы...

Довелось мне, на неведомо-каком повороте, встретить:

...забыв наезды

Для цветных шатров

И поет, считая звезды,

Про дела отцов... [1422]

Звездный счет, во время песен, петь и считать, вот твоя, моя, наша «обстановка», Борис, все наши черновики. Никогда я так ни одного человека не боялась, как

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru тебя, всего твоего богатства, до которого у меня есть жезл. Sesam, thue Dich auf {314}, – невозвратность этого слова! А не было еще сказки о Сезаме – поглотившем, не выпустившем. А не было сказки о человеке, не захотевшем назад, с частичностью сокровищ в полах. Нет – была – немножко другая – Эвридика, не захотевшая (ибо оборот Орфея дело ее – глаз). Сезам, Аид – одно, из внутренности вещей возврата нет. [Спящий Сезам, потому что ты конечно спишь с твоими неловкими и торопливыми гостями вариант: пришельцами] от страха перед тобой. Спящий Сезам, ибо ты, конечно, спишь, ибо – что знает Сезам о своих сокровищах? Он: они – одно. Он сам – понятие сокровища. Для других «сокровище», для себя «я». Чтобы Сезам себя сокровищем, т.е. свою силу, осознал, нужна жадность, равная сокровищу, зоркость, равная сокровищу, вместимость, равная сокровищу. Сезам тогда проснется, когда придет гость, захотевший взять всё подчеркнуто трижды, т. е – рукой не двинуть. Век, тобой воспеваемый, сумел взять у тебя – тщедушного скелета Лейтенанта Шмидта, сведя тебя, вечного, «ich der in Jahrtausende lebe» {315} – к частности не поколения даже, а десятилетия его – на одном отрезке земного шара, когда – вселенная! Борис, Борис, не знаю твоей Елены [1423] – но – хорошо нрзб.!

И хаос опять выползает на свет... [1424]

Тогда, в 1917 г., у тебя был достойный тебя враг, не о ней говорю, о ней – любви – боли, всей женщине, Елене, Борис! – и ты писал: бог неприкаянный, сейчас, в 1927 г., у тебя не достойные тебя друзья – и ты – Ты – пишешь Шмидта. Я хочу от тебя эпоса – я в нем не отчаялась – без единого человека – только с Dinge und Kräfte {316} – начала и конца – мирного. Один из твоей породы написал же Апокалипсис [1425], Борис. Помнишь, что я когда-то – очень молодо, невнимательно, поверхностно, но верно причислила тебя к 3-му дню создания [1426], а ты, родной, все бьешься о... восьмой, каино-авелев, в тот мир, в который тебе ходу нет. Ведь это, родной, и посторонние видят: чуть море, чуть дождь, чуть НЕ-людское (человеческое всё тот же дождь и свет и пр.), ты – ты, сила, веселье, твой род, твой дом. На этом схожусь и я и лондонский адвокат-буржуй [1427], значит – правда. И как же этого не знать твоим подлинным друзьям.

О себе. II часть Тезея – Федра – III картина федры. Заметила одно, от меня ничего не зависит. Всё – дело ритма, в который я попаду. Мои стихи несет ритм, как мои слова – голос – нрзб., в который попадаю. Как только не в тот ритм (а какой тот? Не знаю, только знаю, не этот!) – кончено, ползу, 3 строки в день, не только бескрылость, безлапость. Словом, то – несет, то – ползу. Сейчас я, явно, не в течении и очень устала от постоянных чувств, которые не мои. Будешь читать – не заметишь, как и я, перечитывая, не замечаю, потому что все-таки хорошо. Кроме того, сейчас у меня явное подчинение смысловому, не только из-за сюжетного действия, просто – отсутствие непосредственного притока, отсутствие человека в моей жизни, явный перевес себя, головы. В Поэме Воздуха я, думается, на волоске оборвано

Впервые – Души начинают видеть. С. 370–374. Печ. по тексту первой публикации.

47–27. А.М. Горькому
Начало августа 1927 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Обнимаю Вас и благодарю за Асю [1428]. Мы с ней мало видели добра в жизни, потому что нас всю жизнь считают сильными и – ... счастливыми. Очевидно, такие и есть.

Если Ася будет Вас раздражать – не сердитесь, стерпите ... Она – предельно добра.

Посылаю Вам книги [1429] – что есть, может быть, достану для Вас цельного «Крысолова» [1430]. Писать мне о них не нужно, так что примите это просто, как знак дружбы, просто – от сердца к сердцу.

...Кстати, одно из первых моих детских, младенческих воспоминаний – слово «Мальва» [1431] – то ли наша, осенняя, на клумбе в Тарусе, то ли Ваша, из уст матери, тогда совсем молодой. Еще одно: мать однажды, возвращаясь с концерта Гофмана [1432], привела домой собаку, увязавшуюся за ней, – желтую – и вопреки отцу и прислуге поселила ее у нас в доме. Назвала Челкаш [1433]. Через три дня собака

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru ушла. Мы плакали, я – пуще всех. Вот Горький моего младенчества – еще до букв, из которых слагались Вы – моего детства. О позднейшем, вплоть до пражского у Ходасевича [1434], – расскажу потом. При встрече? – Спасибо за пожелание ее.

И еще раз – спасибо за Асю.

Марина Цветаева.

Впервые – Новый мир. 1969. № 4. С. 200 (публ. А.С. Эфрон). СС-7. С. 194. Печ. по СС-7.

48–27. С.Н. Андрониковой–Гальперн
Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

8-го августа 1927 г.

Дорогая Саломея,

Помогите мне достать визу для моей сестры Аси (Анастасии Ивановны Трухачевой) едущей сюда на 7 дней, на обратном пути, в Россию – из Сорренто, куда ее, по доброте сердца, выписал Горький, с которым она знакома только по письмам [1435]. Ася – член московского Союза Писателей и помощник библиотекаря Музея Изыщных Искусств в Москве (нашего отца). Причастности к политике никакой.

№ паспорта 129412/26094

Мы не виделись с 1922 г. В Сорренто ехать я не могу.

Целую Вас.

МЦ

P.S. Если можно – не рассказывайте про Горького – не надо – просто: нужна виза.

Приписка па полях:

Ася отпущена на месяц, едет обратно в начале сентября.

Впервые – СС-7. С. 108. Печ. по тексту первой публикации.

49–27. С.Н. Андрониковой–Гальперн
Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Август 1927 г.

Дорогая Саломея,

Буду у Вас в среду, в 4 часа. Можно будет тогда же получить иждивение? Слоним – шестое письмо! – не отвечает и не платит [1436], прихода ниоткуда, я совсем обнищала. Расскажу Вам забавное о –

«Нам каждый гость дарован Богом»... [1437]

Спасибо за мысли о визе и шляпе.

Целую Вас.

МЦ

От Аси последнее письмо из Венеции, сейчас, очевидно, уже в Сорренто.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Впервые – СС-7. С. 108. Печ. по тексту первой публикации.

50–27. В.Б. Сосинскому
Meudon (S. et O.)

2 Avenue Jeanne d'Arc

14-го августа 1927 г.

Дорогой Володя,

Я все еще не поблагодарила Вас за Мурину фотографию, очень хорошую. Если остальные будут такие же – чудно. (Особенно интересно, как выйдет большая головка.)

О чтении: у нас в ближайшие дни нельзя, потому что негде: в моей комнате живет Сережин приятель, вот уже 10 дней тщетно ищущий работы, а у Сережи постоянно народ. Дети же спят. Будем ждать приятельского отъезда, тогда – милости просим.

Сердечный привет Вам и Вашим. О «мзде» [1438] не забыла.

МЦ.

Приписка на полях:

Напишите, сколько я Вам, пока, должна? На днях надеюсь получить немножко денег. Слоним не отвечает на 6-ое письмо [1439].

Впервые – НП. С. 238. СС-7. С. 86–87. Печ. по СС-7.

51–27. Б.Л. Пастернаку
Середина августа 1927 г.

У тебя, Борис, есть идеи и идеалы. В этом краю я не князь. / У меня есть мысли и уверенность вариант: утверждения. Короче говоря, у тебя – мирозерцание, у меня – мироощущение или – толкование, ряд молний, связанных только моей общей ночью?. Я беру слово природа и знаю, что оно – правда. – «А червь?» – Меня ничего не стоит разбить: не в словах (отыграюсь), не в сути (срашусь!), в чем-то другом, в чем любой сильнее меня и в чем я не живу. Начав с утверждения люблю всё, прихожу к признанию, что не люблю (дела нет!) ничего, кроме природы: дерево со всеми последствиями и разветвлениями. Ни истории, ни культуры, ни искусства, ничего не в голом виде, верней не могущего быть в голом виде. Во многом я тебе не собеседник, и тебе будет скучно и мне, ты найдешь вариант: назовешь меня глухой, а я тебя – ограниченным.

Продолжение

Там, где для тебя горы [1440] – история, для меня не существует и вопроса. Ряд вещей в моей жизни не значится. Например история. Какая история Жанны д'Арк? Но ведь это же – эпос. А, кажется есть! Для тебя – история, для меня – эпос. «Вскочить истории на плечи» (ты о Рильке) [1441], таким образом перебороть, превысить ее. Вскочить эпосу на плечи на скажешь: ВОЙТИ в эпос – как в поле ржи. Объясни же мне: когда есть эпос, – зачем и чем может быть в твоей жизни история. Почему такая забота о ней? Какое тебе вечному делу до века, в котором ты рожден (современности). «Историзм», – что это значит?

Впервые – Души начинают видеть. С. 379–380. Печ. по тексту первой публикации.

52–27. С.Н. Андрониковой-Гальперн
Вторая половина августа 1927 г. [1442]

Дорогая Саломея.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Большая просьба: не могли ли бы Вы мне дать вперед половину иждивения или, если нельзя, франков двести. Я рассчитывала на деньги за статью, а там задержка [1443].

Мне очень совестно беспокоить Вас, особенно в неурочный срок.

Видела Дмитрия Петровича Святополк-Мирского, который заверил, что Вы были в Лондоне и вернулись. – Когда увидимся? – Есть ряд забавных рассказов по линии Мирский – Бунин [1444].

Целую Вас.

МЦ.

Впервые – Русская газета. С. 12. Печ. по тексту первой публикации, сверенной с копией с оригинала.

53–27. М.л. Слониму
Август 1927 г. [1445]

Пишу после странного сна, во сне, потому что еще плохо проснулась. (Второй ночи).

Забыла на базаре два яйца (так было утром), иду за ними, на базаре нет, церковь (хотя в углу еще фрукты и часть лотков не разобрана). Русская. Ждут службы. Пока я хожу между оставшимися лотками, церковь быстро наполняется и, не успела я еще выйти, какой-то старичок громко, по-русски, читает молитву. Большой каменный двор, как в Министерстве. Автомобиль. Боюсь. Подхожу к какому-то чужому молодому человеку: «Боюсь. Переведите меня». Берет меня за руку – у кисти, крепко – ведет. Я говорю: «Такой страшный случай». – Какой? С кем? – Напряженно думаю – не могу вспомнить имени. Наконец, неуверенно: с молодым князем Шаховским. Рассказываю (о Вас) – все, каждый жест, точно видела и: «после этого ушел в монахи» [1446]. И, поправляя: нет, до этого. Очевидно – не он. (Ходим взад вперед по двору, он все держит за руку, ведет). Наконец: – «Господа! Совсем не Шаховской – Слоним. – Кто это? – Мой бывший друг, Вы не устали слушать?»

..Подходит какой-то военный, типа времен Керенского. – «Вас хочет видеть Александр Федорович». – Сейчас не могу. – Говорю дальше – начало – середину – конец – всю правду. О Вас мне, о Вас Вас. Чувствую, взволнован. Я: «Каждый раз, когда буду бывать здесь, вы меня будете переводить». (В нрзб. от рассказа о Вас, уже родные).

Подходит военный царского времени, молодой, наглый, румяное лицо с усиками, красивый, нрзб. – «Дальнейшее пребывание здесь Вам воспрещается». – Почему? – Вы мешаете другим молиться. – Да ведь это же церковный двор. – Все равно! – И сама церковь только что была базаром. – Повторяю, Вы уйдете. – Ваша фамилия? – Полковник Бунин [1447].

Здесь просыпаюсь.

Друг, ряд щемящих совпадений.

12-го (число помню) я, в первый раз за восемь месяцев, в первый раз после его женитьбы виделась с героем Поэмы Конца [1448]. Мы переходили какую-то буйную площадь, и я – впервой за годы! – без страха. И подумала: «Только с этим не боюсь. Вера в руку. Давно не люблю (остался – на тех мостах), но в руку (ведение) верю.» 12-го – в 6–7 часов вечера. (Милый, как мой страх перед автомобилями не остерег Вас – раз навсегда? Разве есть во мне – не вещь?!)

Другое: служба (церковная, во сне) двоилась: Введение и Вознесение. (Введение – вводить – водить). А Вознесение – пусть Вам от этого будет лучше – конечно ее вознесение, души, в которую Вы же верите? Я не от православия (окружена!) не от католицизма (окружена) от самой сущности души, вне церкви – как птицы возносятся.

Да, еще! Когда меня не окончено

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Печ. впервые. Черновик письма Цветаевой записан в ее тетради (РГАЛИ. Ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 20).

54–27. П.П. Сувчинскому
Дорогой Петр Петрович,

Пишу Вам по свежему следу. Если Вы серьезно можете добыть мне 500 франков под Федру – давайте и берите. С «Современными Записками» еще не поздно, ибо аванс еще не получен [1449]. Но уверены ли Вы – не очередная ли прихоть Мирского! – что № IV Верст – будет? [1450] Меня бы такой долгий срок даже устраивал – если, положим, от сего дня через 6 месяцев – не было бы беспокойства: а вдруг не кончу?

Деньги мне нужны к отъезду, т.е. не позднее 5-го {317}. Обдумайте хорошенько. И ответьте скорее.

МЦ.
26-го августа 1927 г., четверг.

Убеждена, что приедете на Океан [1451], – из чистого сочувствия ко мне. В конце сентября, а? Откроем прогулку с очередным ослом. В начале Октября, – а?

Впервые – Revue des Études slaves. С. 218. СС-6. С. 324–325. Печ. по СС-7.

55–27. Б.Л. Пастернаку
Конец августа 1927 г.

Борис! Каждая кассирша, каждая телефонистка счастливее меня, потому что у нее есть время на работу, и это время – священо вариант: неприкосновенно под покровительством закона. А у меня нет, на всё есть, кроме...

Моя работа, т.е. мой заработок – последнее, с чем я и окружающие считаются, просто не в счет.

Борис, у меня нет ни друзей, ни денег, ни свободы, ничего, только тетрадь. И ее у меня нет.

За что? –

Впервые – Души начинают видеть. С. 380. Печ. по тексту первой публикации.

56–27. Б.Л. Пастернаку
Конец августа 1927 г.

Дорогой Борис. Как это может быть, что после такого чудного чувства люди могут выносить друг друга не-чудных, вне этого чуда – без.

Как это может быть, чтобы такое чудное чувство не распространялось потом на всё, как оно может оставаться в пределах оборвано

Нужно только осмыслить его оборвано

Как такое чувство локализовать, не распространить его на всё.

[Как может, человек, бывший богом, неминуемо становящийся богом]

человек обрекается им на божественность.

Как после него не понимать стихов, смерти, всего, куда он девал это знание оборвано

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Впервые – Души начинают видеть. С. 380–381. Печ. по тексту первой публикации.

57–27. С.Н. Андрониковой-Гальперн
Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

30-го августа 1927 г.

Дорогая Саломея,

Я свинья, целое стадо, может быть и евангельское. Но – 1) корректура книги 2) судорожная переписка с Асей 3) приготовления к ее приезду 4) приготовления к нашему отъезду – и все очередное, т.е. стирка, варка, жарка, прогулки и – жара, новорожденная, правда, но богатырская.

Ася приезжает 2-го на несколько дней, с тем, чтобы обратно вернуться в Сорренто, и оттуда уже – в Москву, виза есть, получила телеграмму. Пишу благодарность Парэну [1452]. – Как жаль, что Вы Асю не увидите. И как жаль, что она Вас – не. Чуть было сама не попала в Сорренто, – Горький предлагал Асе – но тогда бы Ася не увидела ни Сережи, ни Али, ни Мура, которого не видела никогда. А в Сорренто мирты, Горький в Асином письме прислал листочек, упавший прямо в миртовое деревце Федры, – ЧЕСТНОЕ СЛОВО! в открытую тетрадь [1453]. Редкий случай, когда лист падает на дерево. Целую вас, сердечный привет Александру Яковлевичу. По приезде Аси напишу еще.

М

Приписка на полях:

Книга, кажется, выходит хорошая [1454]. Вам многое понравится.

Впервые – СС-7. С. 108–109. Печ. по тексту первой публикации.

58–27. В.Б. Сосинскому
Meudon (S. et O.), 2 Avenue Jeanne d'Arc

ВТОРНИК почтовый штампель: 6 сентября 1927 г.

Милый Володя,

Мур болен. Диагноз между корью и краснухой, – во всяком случае сильный жар и сыпь [1455]. Не выяснится раньше конца недели. Поэтому так сильно задержала «гонорар», о котором думаю и помню.

В воскресенье самое позднее у меня будет верная okazия в Москву, не могли бы Вы к тому времени приготовить двух Муров с Алей и 2 больших головки (у Али хорошо бы чуть-чуть – сбоку – сузить нос, – думаю, очертя ноздрю. NB! «Очертя голову»).

Буду ждать Вас в воскресенье вечером, можно к 7 часам, чтобы еще застали Мура, который, надеюсь, забыл Ваш балахон и ящик пыток. (Придется брить, хорошо, что сняли!)

Приходите лучше один, помногу к нему нельзя, особенно пока жар. Будет лучше – позову и Ольгу Елисеевну и Адю. Целую их и жму руку Вам.

М.

P.S. Весть о Савве сногшибательна и в порядке вещей [1456]. Он играет ненаписанного героя своего отца. (NB! Масштаб).

– Итак, жду Вас. В воскресенье же – «гонорар» [1457].

Впервые – НП. С. 238–239. СС-7. С. 87. Печ. по СС-7.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
59–27. В.Б. Сосинскому
Meudon, 11 сентября 1927 г.

С МОРЯ
Следует текст от руки всей поэмы

Дорогому Володе Сосинскому – попытка благодарности [1458] за действенность и
неутомимость в дружбе – и еще за Мура [1459].

Марина Цветаева.
Переписана одним махом.

Впервые – ВРХД. 1974. № 114. С. 211 (дополнительные страницы к тому «Неизданных
писем» Марины Цветаевой. Письмо 8а. Публ. В.Б. Сосинского). Печ. по тексту
первой публикации.

60–27. С.Н. Андрониковой-Гальперн
Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

15-го сентября 1927 г.

Дорогая Саломея, так коротко писала и пишу Вам оттого, что болен Мур. Краснуха,
первые дни был сильный жар, сейчас меньше, но держится, кроме того, сильный
кашель и частая рвота. Лечит русская докторша, очень хорошая, немецкой школы.
Поездка, кажется, провалилась. Позже 20-го ехать бессмысленно, а к 20-му Мур
вряд ли встанет.

Ася у меня уже две недели, на днях едет [1460]. Много рассказывает о России,
морально хуже, чем было в 1922 г. Сама не изменилась, – впрочем Вы ее не видели
и такие отзывы мало говорят.

Горю о новых местах – уклонившихся. Вера Сувчинская зовет изо всех сил, уехала
4-го. Там (Saint Palais) сейчас Прокофьев [1461], тоже зовет. Конверт,
предусмотрительно заклеенный, вскрыт, деньги тихо и верно текут. Текут и окна –
сверху вниз, в комнатах холодней, чем на улице, а на улице ноябрь. Деревья
серые.

Дружески завидую Вам от всей души. Немножко обойдусь – расскажу Вам забавную и
ПОСРАМИТЕЛЬНУЮ вещь о Святополк-Мирском. Достоверную. Позорную.

Кончаю письмо благодарной просьбой об иждивении – если можно. Сколачиваем на
терм (1-го).

Пишите, – когда вспомянусь!

МЦ.
Приписки на полях:

Сердечный привет Александру Яковлевичу – и Ирине [1462], если меня помнит. Але
5/18-го – 14 лет [1463]. Скоро я буду бабушкой!!!

Cassis {318} – это который пьют?

Впервые – СС-7. С. 109. Печ. по тексту первой публикации

61–27. А.И. Цветаевой
Сентябрь 1927 г. [1464]

Милая Ася, когда вы ушли, я долго стояла у окна. Все ждала, что еще увижу Тебя,
на повороте, – вы должны были там – мелькнуть. Но вы, верно, пошли другой

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru дорогой!.. Бродила по дому, проливая скудные старческие слезы...

Твоя М.Ц.

Впервые – Цветаева А.И. Из прошлого // Новый мир. 1966. № 2. С. 125–126. Печ. по: Цветаева А. С. 700.

62–27. А.С. Балагину
Медон, 25-го сентября 1927 г.

Здравствуй, дорогой Александр Самойлович.

Пишу Вам на scarlatinном одре, со свежесбритой головой, – остальные подробности болезни узнаете от Аси, хочу говорить о Вас: никогда не забуду тихого стука в дверь, – так стучат поколения воспитанности! – высокую фигуру в дверях, и особенно одной елочки, данной Вам где-то за что-то и поделенной Вами поровну: пол-елочки себе, пол – мне. Куда до этой елочки святому Мартину с его плащом! [1465]

Помню и Туркестан [1466] и Тунчи [1467], ее детские рисунки – не то планетную систему, не то небо в ангелах, и сваху, непременно хотевшую Вас женить на невесте, которая Вам не нравилась, и Ваши стихи и наши беседы.

Но обещания своего Вы не исполнили: не приехали! Ведь на том прощались? Зато совершенно неожиданно для меня со мной породнились: Мария Ивановна [1468] мне конечно сестра, очень ее люблю, поцелуйте ее за меня. Ася везет карточку Мура, в жизни он много лучше: добрее, здесь он очень напуган фотографом. Об Але не говорю: очень красивая девочка (с меня ростом и дважды с меня весом), а на карточке – один нос да и то не ее. Аля Вас помнит и к концу припишет. О себе скажу, что живется мне в общем хорошо, хотя не легко – времени на стихи все меньше и меньше. Кончаю. Сердечно обнимаю Вас и Марию Ивановну, будьте оба здоровы и молоды и не забывайте искренне любящую Вас

МЦ.

Впервые – НП. С. 379–380. СС-7. С. 197–198. Печ. по СС-7.

63–27. Б.Л. Пастернаку
2 октября 1927 г.

Борис, совсем удивительный вопрос, а навели меня на него две недели лежания: пустоты: скуки. И навела меня на него я в постели. Для чего ты живешь, ты, потому что не вообще человек живет / не вообще для чего человек над строкой: неизвестная постоянная величина, – боюсь из этой общности исключены и ты и я, нет, именно ты, как самое родственное. Ася говорит: чтобы делаться лучше, и она права, потому что за эти годы сделалась лучше и всё будет улучшаться, т.е. права в своем определении своей жизни, убедительна. Но о себе я так сказать не могу, потому что не делаюсь лучше, делаюсь не лучше, а хуже: тупее, равнодушнее вариант: малодушнее, злее. За две недели лежания: опоминания ясно убедилась в том, что живу не для чего, т.е. от часа к часу, очередной мелкой радостью: очередным 4-стишием, погодой, мечтой о поездке, ничем. Встречей с Рильке? (Туманно) Да, если бы был жив, от встречи к встрече, но его ведь нет, не здесь, о нем я могу только думать, даже писать ему не могу. Рильке как цель уклонился. С тобой? Но встреча с тобой так обречена, что заранее воля руки опускает. Человеку в колодцах на один миг в окно показали море. Из нее же ведь ничего не выйдет, разве ты не знаешь. Ростом Мура? Но Бог его знает, какой вырастет. И что я ему дам, при моей всяческой несостоятельности: [ни уверенности, ни денег, только безумный страх автомобилей и людей. Чему я могу научить? Любить людей? Ненавижу не чувствую религиозной, моральной, умственной оборвано. О, я не прибедаюсь. То, что я говорю, знает о себе каждый поэт.]

Впервые – Души начинают видеть. С. 391–392. Печ. по тексту первой публикации.

64–27. А.А. Тесковой
Meudon (S. et O.)

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
2, Avenue Jeanne d'Arc

4-го Октября 1927 г.

Дорогая Анна Антоновна, начнем по порядку. Вам по адресу Grégrova, číslo 1190 лежат по крайней мере четыре письма. Мы никогда не переставали писать Вам, никакого перерыва не было. Последнее письмо отослано дней 10 назад, и я все ждала на него ответа. Справьтесь в местном почтовом отделении, письма должны быть там, потому – что обратно не вернулись, хотя на обороте каждого был обратный адрес. Удивительная тупость почты! Вы столько лет живете на Грегровой, переехали через несколько домов, и писем не доставляют! Почтальон же должен Вас знать! Сейчас Вы уже поняли в чем дело: мы писали číslo 1190, а Вы переехали в číslo 12, причём письма с переменной адреса мы не получили, впервые вижу, что číslo 12, по Вашей вчерашней открытке. Я в большом огорчении: неужели Вы могли подумать, что я просто Вам не пишу? Нет, писала и я, и Аля, много раз. По-моему, первое пропавшее письмо было до рукописей о Рильке, – отослала письмо, потом рукопись, и на письмо уже не получила ответа. Это было много месяцев тому назад. Всё писала, а Вы всё не получали. Пошлите заявление на почту, все наши письма там.

Повторю вкратце последнее. 8-го сентября мы должны были ехать на Океан – на месяц – ; нам предоставляли целый дом. Взяла ряд авансов на билеты, все уже было готово... и 2-го, т.е. меньше чем за неделю, заболевает Мур. Болезнь началась рвотой и сильным жаром, на другой день заявила сыпь. Позвали доктора: краснуха. Мур пролежал 3 недели, а 18-го в день Алиного рождения (5/18 сентября) заболела я. Краснуха оказалась скарлатиной. 19-го слегла Аля, дом превратился в лазарет. Лежу уже 17 дней, нужно еще 10. Жар прошел, сыпь тоже, но нужно лежать, потому что после скарлатины часто бывают всякие гадости, если рано встать, например – порок сердца. Сильнее всех болела я, у Али даже не было сыпи, – только несколько дней поболело горло. Я же целую неделю не могла спать из-за безумной боли рук, ног и шеи, – отравление токсинами. Теперь всё хорошо, нужно надеяться, – хотя бывают всякие сюрпризы – что пройдет бесследно. В общем, во Франции скарлатина легкая, не то, что в России, где от нее сплошь да рядом умирали, особенно взрослые. Так например, умерла первая жена Вячеслава Иванова, писательница Зиновьева-Ганнибал, заразившаяся от детей [1469].

Но увы! Конверт с дорожными деньгами, тщательно заклеенный, чтобы не истратить «на жизнь» – пуст. Все ушло на врачей и на лечение. Но главного я Вам не сообщила: я побрилась. Брилась уже два раза, после третьего начну обрастать. После скарлатины сильно лезут волосы, не выношу этого ощущения: лучше ничего, чем мало! Пишу Вам лежа, в детском голубом колпаке. Великодушные знакомые сравнивают меня кто с римлянином, кто с египтянином.

Мур и Аля на ногах, оба похудели. Мур целый месяц просидел дома, без воздуха здоровья нет. Теперь уже выходит. Говорит решительно всё и обожает рассказы. Очень живой, но в общем послушный и совсем не капризный. Спит с Алиным чешским медведем, про которого говорит, что: «неведь не умеет сказки рассказывать Муру». Когда убеждусь, что письма на Grégrov'у 12 доходят, пришлю Вам его фотографию. Большая просьба: если среди Ваших знакомых есть мальчики старше него, т.е. лет 4-ех – 6-ти, хорошо было бы достать для Мура костюм, он из всего вырос, а покупать очень дорого. С 2-3-летнего на него не подойдет, он громадный и толстый. Можно только с ребенка намного старше. Хорошо бы и белье и чулки. Скоро будет оказия. В Праге сейчас сын Варшавского [1470], через две недели поедет обратно, можно было бы дать ему. Но не беспокойтесь зря, если трудно – совсем не начинайте.

А вот моя большая мечта. Нельзя ли было бы устроить в Праге мой вечер, так чтобы окупить мне проезд туда и обратно, – minimum 1 000 крон. Приехала бы в январе-феврале на две недели, остановилась бы, если бы Вы разрешили, у Вас. Мы провели бы чудных две недели. Для этого нужно было бы продать 200 билетов по 5 крон или 100 билетов по 10 крон. Неужели же это невозможно?? Хорошо бы притянуть чехов. В устройстве помогли бы Брэй [1471], Альтшулер [1472] и Еленев [1473]. Мое решение вполне серьезно, я очень соскучилась по Вас и иного выхода не вижу. Кроме того, мне очень хочется написать о Чехии, за две недели Вы бы мне многое рассказали, походили бы с Вами по музеям, может быть съездили бы в какие-нибудь

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru окрестности, я бы записывала, а приехав в Париж – написала бы. Это моя давняя мечта. Напишите, что Вы об этом думаете?

К февралю я бы порядочно обросла (не забудьте, что я бритая!) и в крайнем случае могла бы выдать свою стриженую голову за последнюю парижскую моду. Вы бы встретили меня на вокзале, – подумайте как чудно! Давайте осуществим. Никакому Океану я так не радовалась, как сейчас – мысли о Праге.

С нетерпением жду ответа. Все дело в тысяче крон.

Сергей Яковлевич всячески приветствует мою мысль [1474]. Он, бедный, сейчас совсем извелся с нашими болезнями и лечениями. А тут еще евразийские дела, корректуры Вёрст (скоро выходит 3 №). Много о евразийстве расскажу устно.

Пока кончаю, простите за почерк, пишу лежа, и бумага танцует. Самый сердечный привет от Сергея Яковлевича, Аля крепко целует и напишет в следующем. Не хочу задерживать этого.

Целую нежно Вас и Ваших. Справьтесь о письмах!

Всем сердцем Ваша

М.Ц.

Впервые – Письма к Анне Тесковой, 1969. С. 52–54 (с большими купюрами). СС-6. С. 358–359. Печ. полностью по кн.: Письма к Анне Тесковой, 2008. С. 65–68, с уточнениями по: Письма к Анне Тесковой, 2009. С. 91–93.

65–27. Б.Л. Пастернаку
5 октября 1927 г.

Дорогой Борис. Это письмо отойдет – когда! Мне еще 3 недели карантину. Но всё равно. Для нас сроки не в счет. Вчера получила Пятый год и первое письмо, нынче второе, колыбельное. Пятый год прочла вчера же вечером и дважды – читала по экземпляру Мирского, чтобы не – нарушать (?) своего, не предвосхищать радости его целостности. – Понял? – И вот под первым ударом: чудесная, сильная и цельная книга. Шмидт преобразился – когда я прочла строки о ревнивом пространстве [1475] у меня захолонуло сердце: в упор обо мне. И не ко мне оно ластится, это я – оно, льнущее в окна, выслеживающее одиночества, селящееся, сначала как нищенка, с лохмотьями и благодарностью, а через день уже со всеми звездами и безднами и, через день еще – вытесняющее жильца – в меня. О Борис, от меня всегда уходили – в меня, в посмертную, дорожденную, не рожденную меня, в ОНО, в то. Человеку со мной меня становилось мало, уходил искать меня за окном – где я. Это ведь как человек поставит в нишу куклу (предварительно убив ее), назвав ее Мадонной, и раз в 10 лет, проходя, молится на нее. Но – о Шмидте. Совсем замечательно, стройно, строго, много природы, мало людей, – ни курсисток с фуриями (как я тебе благодарна!) ни двусмысленных потерь казенных денег [1476], Шмидт почти бессловесный, – то, что я хотела. Теперь я посвящение принимаю [1477], дура, сбил на черновике. Совсем прекрасно 1) Отцы, совершенно – как оно и быть должно – заслоненные матерями [1478] и... приятельницами матерей (NB! Мать Сережи – Лиза Дурново, подруга Перовской, Желябова, любовь Валериана Осинского, дочь николаевского любимца, с которым снят на [лошади] Сенатской площади, – есть гравюра. Умерла в Париже, в эмиграции – грозила смертная казнь. В обществе с 16 по 56 лет – красавица.) [1479] – конечно: Гапон [1480]. Об одной замене жалею, и многие со мной, во 2 издании исправь: на мичмана в рабочей блузе [1481]. Куда лучше и как смысл и как звук. Братья всегда в выпачканных блузах, ничего не дает. И раз брат – то блуза домашняя: бумазейновая. Но – частность. Твой 5 год – оправдание 5-го, ведь я его ненавижу. Внезапное озарение: открыла сабашниковское издание Марка Аврелия: Отцу я обязан – учителю я обязан – такому-то и т.д. [1482] ведь это ты. Ты, упавший с неба, в благодарность очевидно что не расшибся обязан собой – всем. 5 году, даже 5 году. А что это за год, сказать? Год иллюзий, т.е. оборвано. Ты, достовернейшее, что есть, обязан собой – иллюзиям. 5 год – ни одной верной мысли, сплошь неверные жесты, глубочайший самообман, безъязычность. Что в нем было хорошего? Дети. Ты в 5-ом дал детей, ибо и твой Шмидт – большой ребенок, вспомни его гимназическую речь!

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Мое малодушие доходит до того, что я подчас мечтаю, чтобы наша встреча была уже позади, чтобы уже шло, длилось, чтобы хребет уже зарос. Твое письмо из Петербурга? Мало тебе, что мы вместо того чтобы с друг другом дружить – пишем, мы – вместо того, чтобы писать друг другу – о письмах – мечтаем вариант: мы и письма заменили мечтой о них. Как ты – я!

Впервые – Души начинают видеть. С. 396–397. Печ. по тексту первой публикации.

66–27. Б.Л. Пастернаку
7 октября 1927 г.

(Письмо в тетрадь)

Борюшка, благословляю болезнь, три дня подряд письма. Так, может быть, когда-нибудь благословлю смерть. Можешь ли ты мне обещать, что моя смерть – это ты, жизнь с тобой. Нельзя жить на свете без большего себя, таким был Рильке, таким хочу, чтобы был ты. Не женская жажда самоуничтожения (*artiste, et par cela traître à son sexe* {319}) – и осекаюсь: может быть индусская жажда самоуничтожения (индусские вдовы). Борис, сегодня держала корректуру своей книги, уже сверстана, со страницами (153, стихи в ряд), вся книга о тебе и к тебе, даже в самый разгар Горы – обороты на тебя.

Из наших обычных чудес. Вчера показываю Герою Горы [1483] Пятый Год. – «Кроме него сейчас ведь никого нет в России?» – (Ты тогда был его жесточайшей ревностью, что-то осталось.) Я, из скромности: – «Есть. Тихонов... [1484] вариант: „Никого“ и, устыдившись: Впрочем есть который, кстати, всё лучшее взял у Пастернака. $\frac{3}{4}$ Пастернака, а четвертая его, Тихоновым, Пастернака трактовка». – «Но он очень однообразен». – «Очень, только о крупных вещах вариант: предметах». Разговор происходил во время бритья, бреюсь третий раз и каждый раз у другого. Первый раз – Сережа, второй – один недавно вернувшийся с Н.З. [1485] (есть два «Н.З.», две, так не с той, которой думаешь, с неправдоподобной), третий – Герой Горы. Клянусь, не кокетство – случайность. Сережа сейчас играет в «Жанне д'Арк» [1486] и его никогда нет дома. 15-го октября отпускаю. Обрилась в жажде новизны, отчасти из любопытства и в сильной надежде на завив. (После кори (17 лет) вилась 10 лет – да как! Развилась в Берлине, только что переехав). Все говорят – череп хороший. Женщины в огорчении, мужчины в восторге из чего можешь заключить о [роде моего отношения с теми и другими об отрешенности моих отношений, всей моей жизни с людьми] о лояльности моей текущей жизни. Со мной случилось странное чудо, Борис, мне все перестали нравиться, начисто. Рада бы – да / Час жизни, когда ищешь равного, т.е. неустанно сбывающегося. Таков, в моей жизни, сейчас только Мур. Ася привезет карточку – увидишь. Не совсем он, он добрее и не так мелко вьется, – сдуру накануне выкупала, вот и забаранился.

Борис, выпила всю твою петербургскую ночь, вобрала и не захлебнулась. Всю Неву, всё небо над ней, все баржи с грузом, всего тебя – с грузом меньшим – хотя бы одной моей любви к тебе. – «Где вода? Быки выпили». А знаешь как быки пьют? С деревьями вариант: дубами, мстами, с берегами. Твой цветочек растравителен, потому что с сквера Христа Спасителя, где я постоянно, все весны, лета и осени Революции гуляла с Алей. Пойди, во имя мое, к плотине. Там всё одиночество тех моих годов. Але было 5 лет, она читала андерсеновскую Русалочку, плотина шумела, я спала. И еще на берегу спала, на узкой полоске, у самой воды, под какой-то большой стеной. От голода и от солнца. Где ты был те годá? –

Рада за тебя и Есенина. Помирились [1487]. Ты, конечно, знаешь о страшном конце Дункан [1488]. Моя первая мысль была: «Почувствовал ли что-нибудь Есенин?»
Оборот на Москву вариант: Просто – оглянулась на Москву, когда уже было поздно, – в которой его уже нет. Конец, страшный вдвойне: Автомобиль (дети) и шарф (Есенин). 2) Шарф, второе я ее танца, – танец семи покрывал. Веющее – удавило. Вздывавшееся утянуло под колесо. Ее смерть доказала, что она в жизни ничего не выбирала, ее совсем не делала. О ней знаю только ее одно слово, из уст ее камеристки, с которой мы вместе уезжали из Москвы. «O les enfants ne devoient pas s'amuser du tout. C'est après 18 ans qu'on s'amuse» {320}. Мы тогда везли ее багаж: сорок сундуков, которые раскрывались и из-за которых мы стояли на всех границах. И знаешь, что в них было? Советские печи: кирпичи, трубы. Камеристка везла ее граммофон и наш вагон всю ночь не спал – от музыки и от радости. Есенин и Дункан улетели накануне, в Берлине он бывал у нас с Эренбургамы. Ein

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru verschmitztes Gesicht {321}: – Домой пора. – Как? – Да нужно, а уж как не хочется! То же самое, что в 15–16 году с Клюевым [1489].

Борис, был спор о церкви, и я была беззащитна, потому что за мной никого не было, даже моей собственной тоски по ней. Была моя пустота, беспредметность: постыдная и явная. Вместо Бога – боги, да еще полубоги, и что ни день – разные, вместо явного святого Себастьяна – какие-то Ипполиты и Тезеи, вместо одного – множество, какой-то рой грустных бесов. О, я давно у себя на подозрении, и если меня что-нибудь утешает, то это – сила всего этого во мне. Точно меня заселили. Борис, я ведь знаю, что совесть больше, чем честь, и я от совести отворачиваюсь. Я ведь знаю, что Евангелие – больше всего, а на сон грядущий читаю про золотой дождь Зевеса [1490] и пр. Я читала Евангелие и могу писать Федру, где всё дело в любви женщины к юноше. Если бы я то оспаривала, нет я знаю, что больше и выше нет, а все-таки не живу им. Если бы я [соблазнялась чем-либо. И если бы я еще соблазнялась не-евангельским] и если бы я еще была Федрой – нет, пропуск одного слова. Видимо, не любя ни земли, ни неба, я настолько здесь, как настолько там, люблю среднее то треклятое третье царство, за которое даже не стою.

Впервые – Души начинают видеть. С. 397–400. Печ. по тексту первой публикации.

67–27. А.М. Горькому
Между 4 и 7 октября 1927 г.

Дорогой Алексей Максимович, пишу Вам на этот раз заказным [1491]. В том письме рассказывала Вам о Горьком моего младенчества: 1) первом моем воспоминании: слове мальва – то ли Вашей, то ли клумбовой, значения не понимала, 2) о собаке Челкаше, приведенной моей молодой матерью домой, после концерта Гофмана, и поселенной в доме и, естественно, сбежавшей. И еще благодарила Вас за миртовую веточку, упавшую из Асиного письма в мою открытую тетрадь на строки:

...в кустах

Миртовых – уст на устах! [1492]
Мирт, вернувшийся в мирт, лист, возвращенный дереву.

И еще благодарила за Асю, благодарность повторяю – за Вашу доброту, покрывшую всю людскую обиду.

Ася должна была передать Вам Царь-девицу [1493], других книг у меня не было, но скоро выходит моя книга стихов «После России», т.е. все лирические стихи, написанные здесь, – вышлю. Если бы Вы каким-нибудь образом могли устроить ее доступ в Россию, было бы чудно (политики в ней никакой) – вещь вернулась бы в свое лоно. Здесь она никому не нужна, а в России меня еще помнят.

Вы просили о Гёльдерлине? – Гений, просмотренный не только веком, но Гёте [1494]. Случай чудесного воскресения через с лишним век. Были бы деньги – сразу послала бы Вам изумительную книгу Stephan'a Zweig'a «Der Kampf mit dem Dämon» {322} [1495], с тремя биографиями, одна из них – Гёльдерлина – лучшее, что о нем написано. Выпишите и подумайте, что от меня. А вот, на память, один из моих любимейших стихов его:

O Begeisterung! so finden

Wir in Dir ein selig Grab... {323} [1496]

Родился в 1770 г., готовился, сколько помню, сначала в священники – не смог [1497], – после различных передраг поступил гувернером в дом банкира Гонтара, влюбился в мать Воспитанников [1498] (Diotima [1499], вечный образ его стихов – не вышло и выйти не могло, ибо здесь не выходит), – расстался – писал – плутал – и в итоге 30-ти с чем-то лет впал в помешательство, сначала буйное, потом тихое, длившееся до самой его смерти в 1843 году. Сорок своих последних безумных лет прожил один, в избушке лесника, под его присмотром. Целыми днями играл на немом клавесине. Писал чудесные стихи. Есть целый ряд стихов этого времени: по немецкому выражению «Aus der Zeit der Umnachtung» {324}. Umnachtung: окутанность ночью, оноченность. Так немцы, у больших, называют безумие. Вот строка из его последнего стихотворения:

Was hier wir sind – wird das ein Gott ergänzen... {325} [1500]

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Мой любимый поэт. Совершенно бесплотный, чистый дух и – сильный дух. Кроме тома стихов есть у него и проза, чудесная. [Hyperion \[1501\]](#) – героика. Письма юноши, апофеоз дружбы. Родом – с Неккара [1502], духовно же – эллин, брат тех богов и героев. Германский Орфей. Очень германский и очень эллин, по Гёльдерлину можно установить определенную связь между душами этих двух народов. Насколько Гёте – мрамор, видимый и осязаемый, настолько Гёльдерлин – тень Елисейских полей.

Не знаю, полюбите ли Вы мою любовь к чему бы то ни было, всегда включающую любовь к нему обратному и якобы его исключаящему. Больше скажу, кажется – обратного нет, просто очередной Лик – единого. Отсюда моя земность, моя полная нецерковность: внецерковность. Расскажу Вам как-нибудь смешной случай по этому поводу со мной и о. Сергием Булгаковым [1503].

Возвращаясь же к Гёльдерлину и Гёте! (все горы братья меж собой) – просто: у меня одна душа для Гёте, другая для Гёльдерлина.

Это мне напоминает – одного маленького мальчика – рассказ: «На берегу Черного моря сидит черная птица, на берегу Каспийского моря сидит каспийская птица, на берегу Белого моря сидит белая птица, на берегу ———, а всех птиц – одна».

До свидания. Любопытно, дойдет ли это письмо? – Странная страна.

Еще раз сердечное спасибо за Асю. В том письме, благодаря Вас за Ваше, я просила Вас не отвечать мне, не отрываться из-за письма от дела, ибо письмо – та же работа и в то же время, – но раз то письмо пропало, то и той просьбы моей, очевидно, не судьба, нельзя же дважды просить то же самое!

Словом, ничуть не обижусь, если не напишете, и очень обрадуюсь, если напишете. Третье письмо, очевидно, начну словами: «Дорогой Алексей Максимович, пишите скорее!» – (Шучу.)

Впервые – Новый мир. 1969. № 4. с. 200–201 (публ. А.С. Эфрон по тексту черновой тетради). Печ. по тексту первой публикации.

68–27. А.М. Горькому
Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

8-го октября 1927 г.

Дорогой Алексей Максимович,

Пишу Вам на этот раз заказным. (Руки вымойте, письмо сожгите) [1504]. В том, пропавшем, рассказывала Вам о Вас моего младенчества: слове Мальва и собаке Челкаш. И еще благодарила Вас за миртовую веточку, упавшую из Асиного письма ко мне в раскрытую тетрадь на строки:

...в кустах

Миртовых – уст на устах!

Лист, вернувшийся в дерево, мирт, вернувшийся в мирт. (Строки из пишущейся Федры. Как Вы помните, она повесилась на том самом миртовом деревце, под которым всегда сидела, думая об Ипполите.)

И еще благодарила за Асю за всю Вашу доброту, покрывшую всю людскую обиду.

Ася должна была передать Вам Царь-Деву, других книг у меня не было, но скоро выходит моя книга стихов «После России», т.е. все лирические стихи, написанные здесь. Вышлю.

Вы просите о Гёльдерлине? Гений, просмотренный не только веком, но Гёте. Гений дважды: в нашем и в древнем смысле, то есть: такие чаще над поэтами бдят, чем сами пишут. Величайший лирик Германии, больше Новалиса [1505]. Родился в 1770 г., готовился, сколько помню, сначала в священники – не смог – после различных передеряг поступил гувернером в дом банкира Гонтара, влюбился в мать воспитанников (Diotima, вечный образ его стихов) – не вышло и выйти не могло,

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru ибо здесь не выходит, – расстался – писал – плутал – и в итоге 30-ти с чем-то лет от роду впал в помешательство, сначала буйное, потом тихое, длившееся до самой его смерти в 1842 г. [1506] Сорок своих последних безумных лет прожил один, в избушке лесника, под его присмотром. Целыми днями играл на немом клавесине. Писал. Много пропало, кое-что уцелело. В общем собрании стихов эти стихи идут под названием «Aus der Zeit der Umnachtung». (Umnachtung: окруженность ночью: оноченность: помраченность). Так немцы, у больших, называют безумца. Вот строка из его последнего стихотворения:

Was hier wir sind wird dort ein Gott ergänzen –
лейтмотив всей его жизни. Забыла упомянуть Вам о роковом значении в его жизни Шиллера, не понявшего ни рода дарования, – чисто эллинского (толкал к своему типу баллады) – ни, главное, существа, бесконечно нежного и уязвимого [1507]. Письмо к Шиллеру, на которое последний не ответил, так и осталось вечной раной.

Как поэт, говорю о материале слова, совершенно бесплотный, даже бедный. Обычная рифма, редкие и бедные образы – и какой поток из ничего. Чистый дух и – мощный дух. Кроме стихов, за жизнь – проза, чудесная. Нурегюн, письма юноши, мечтающего о возрождении той Греции – и срывающегося. Апофеоз юноши, героики и дружбы.

О Гёте и Гёльдерлине. Гёте – мраморный бог, тот – тень с Елисейских полей.

Не знаю, полюбите ли. Не поэзия – душа поэзии. Повторяю, меньше поэт, чем гений.

«Открыт» лет двадцать назад. При жизни печатался кое-где по журналам, никто не знал и не читал.

Умер один, на руках своего сторожа.

До свидания. Любопытно, дойдет ли это письмо. Страшная страна. В том письме я просила Вас не отвечать: письмо то же дело, а дело – то же время, но письмо пропало, и просьба не судьба.

Словом, если не ответите, ничуть не огорчусь, а если ответите – обрадуюсь очень.

Еще раз спасибо за Асю.

Марина Цветаева.

Руки вымойте, письмо сожгите (против этого октября).

Впервые – СС-7. С. 194–195 (по копии, сверенной с хранящимся в архиве А.М. Горького в ИМЛИ оригиналом). Печ. по СС-7.

69–27. С.Н. Андрониковой-Гальперн
Meudon (S. et O.)

Avenue Jeanne d'Arc

10-го октября 1927 г.

Дорогая Саломея, Мур и Аля уже отболели, я, приблизительно, тоже, но дезинфекции еще не было, потому что раньше 6-ти недель бессмысленно, а срок им будет в конце месяца. Если не боитесь зараз, приезжайте, – у меня все бывают, я пока (тьфу, тьфу) ни с кем ничего. Не знаю степени Вашей подверженности таким явлениям. Давайте так: если у Вас, лично, была – приезжайте. Дома переоденетесь и вымоете руки (NB! одно платье будет прокаженным). Если нет – не являйтесь ни за что, придется обриться (брилась уже 4 раза, хочу еще два: новая страсть) или облезть.

Письмо Ваше пришло в день моего рождения, вчера 26-го сентяб-ря / 9-го октября [1508], приятное совпадение.

Саломея! У меня есть 6 книг одного современного французского поэта – и КАКИЕ! С картинками! [1509]

Словом, очень хочу Вас видеть и надеюсь одинаково на Ваше безумие и

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
благодарзумие. Но, если соберетесь, предупредите, – я уже выхожу (разношу).

Спасибо за иждивение и обещание досылки.

Приписки на полях:

ВЫДУМАЙТЕ МНЕ ГОЛОВНОЙ УБОР, ХОЖУ В ДЕТСКОЙ ФЕСКЕ.

Целую Вас (lе baiser du l'épreux {326}) и жду письма.

МЦ.

Есть 1905 год Пастернака–чудный! [1510]

Впервые – СС-7. С. 109–110. Печ. по тексту первой публикации.

70–27. Л.О. Пастернаку

11-го октября 1927 г.

Meudon (S. et. O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогой господин Пастернак.

С благодарностью уведомляю Вас, что сумму в 1300 франков получила, и сожалею, что невольно доставила Вам столько хлопот.

Позвольте прибавить, что Вы, несомненно, счастливейший из отцов, ибо сын Ваш делает Вам честь.

Недавно в сборнике произведений современных поэтов я прочла его автобиографическую заметку, начинающуюся словами:

«Многим, если не всем, обязан отцу, академику Леониду Осиповичу Пастернаку, и матери...» Если Вы помните (чего явно не помнил Ваш сын, когда писал эти строки) – так начал свою книгу «Наедине с собой» Марк Аврелий [1511].

В наше время (которое ненавижу), когда каждый птенчик, выпавший из гнезда, считает себя слетевшим с неба, подобная исповедь в полном смысле слова неслыханна и лишь подтверждает небесное происхождение ее автора. Истинная величина никогда не приписывает себя – самой себе, в чем она, без сомнения, права. Это всегда вопрос преемственности, сыновности.

Моя вторая просьба, дорогой господин Пастернак, когда будете писать своему сыну, передать ему следующее: 1) я получила его книгу «1905 год» [1512], которой восхищена всеми силами души, как и все его друзья, известные и неизвестные; 2) дети мои совсем поправились, я – почти (это вопрос терпения) [1513]; 3) как только у нас сделают дезинфекцию – это будет около 20-го – пошлю ему большое письмо, которое день за днем пишу в свою черновую тетрадь.

И моя просьба – третья и последняя – примите от меня, дорогой господин (Пастернак), в знак моего восхищения и дружбы последнюю мою книгу стихов «После России» (выйдет в этом месяце) и не бойтесь ее «новизны». Всеми своими корнями я принадлежу к прошлому. А только из прошлого рождается будущее.

Марина Цветаева–Эфрон

Впервые – Новый мир. 1969. № 4. С. 202 (публ. по тексту черновой тетради в переводе с фр. А.С. Эфрон). СС-6. С. 295 (в переводе с белого оригинала, выполненного В. Лосской с использованием перевода А. Эфрон). Печ. по СС-6.

71–27. Б.Л. Пастернаку

Конспект письма [1514]

Около 13 октября 1927 г.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
1) 1905 г. дошел, много раз перечитан, превзошел все ожидания. Если бы на него было убито 5 лет – и то бы стоило.

2) другая посылка тоже дошла. Благодарность. Речь впереди.

3) пишется длинное письмо в тетрадку, после дезинфекции переписется и пришлется.

4) из Сорренто получит книгу «После России», которая выходит на днях [1515].

5) обрелась {327}, здоровье детей и мое – хорошо. Карантину конец 20-го – 25-го.

6) все письма дошли.

Впервые – Души начинают видеть. С. 401–402. Печ. по тексту первой публикации.

72–27. Б.Л. Пастернаку

14 октября 1927 г

Думаю о тебе и гляжу на карту метро (подземки), единственное украшение моей комнаты, – наследство бывшего русского шоффера (NB! зачем ему метро?!).

Голубой крюк Сэны, и под низом слева: Limites d'arrondissements {328} (я: «Раз arrondissements, конечно limites!»)

Дальше: Stations de correspondance {329}. (я, радостно: А вот это мы с Борисом) и – третье: Nord – Sud {330}, т.е. «С Северо-Южным, Знаю – невозможным...» [1516].

Когда тебя сошлют в Сибирь, а меня – лечиться в Египет, мы окончательно сойдемся.

Милый Борис, я не хочу с тобой ни обедать, ни ужинать, ни гостей, ни дел, ничего, что есть день. А ты не думал, кстати, что жизнь и дни вовсе не сумма и сослагательность, что жизнь совсем не состоит из дней, что X-вое количество дней вовсе не дает жизни?

Я хочу с тобой вечного часа / одного часа, который бы длился вечно. Место действия: сон, время действия – те самые его три минуты, герои – моя любовь и твоя любовь.

Письмо к твоему отцу! [1517] Ты не знаешь меня по французски. Первое: безукоризненность. Почему по французски? Потому что он по французски, он Chère Madame, я Cher Monsieur {331}. Уचितное пропуск одного слова. Чую, что ты в каком-то смысле его большое место (большое большое место), я конечно не преминула порадоваться его honneur и bonheur {332} иметь такого сына. – Цитата из твоей автобиографии (указание на отца) [1518]. Параллель с Марком Аврелием. Такая фраза: «Père Céleste ou père terrestre, c'est toujours une question de filialité» {333}. И под конец, прося разрешения прислать ему книгу, одновременная просьба de n'en point appréhender la «nouveau». Je tiens au passé par tout mes racines. Et c'est le passé qui fait l'avenir! {334}

Послала заказным, привозят домой.

Впервые – Души начинают видеть. С. 403–404. Печ. по тексту первой публикации.

73–27. К.Б. Родзевичу

Октябрь 1927 г.

Дружочек,
(Руки вымойте, письмо сожгите) [1519].

Мне сегодня необходимо Вас видеть, лучше утром, а нельзя – после обеда. Я отниму у Вас около часа времени. У меня к Вам целых три дела: два тайных, одно явное:

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
обед у Владика [1520], который Вы ему снесете.

Вы мне нужны именно сегодня, чем раньше – тем лучше.

Итак, жду Вас. Если, паче чаяния, уехали на целый день, забежите тотчас же по приезде, чтобы сговориться на завтра: мое дело не темное, а светлое: – белодённое.

М.
Четверг

Впервые – Письма к Константину Родзевичу. С. 175. Печ. по тексту первой публикации.

74–27. А.А. Тесковой
Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

20-го октября 1927 г.

Дорогая Анна Антоновна, сердечное спасибо за письмо и подарок, оба дошли. Я уже неделю как встала, все хорошо, кроме боли в кистях рук, так и оставшейся, – оставлю ее на каком-нибудь летнем холме.

Страшно обрадована относительной возможностью поездки к Вам, март – очень хорошо, успеют отрасти волосы. Кстати нынче бреюсь в седьмой и последний раз, очень трудно остановиться, – понравилось – но Сергей Яковлевич возмущен и дальше жить отказывается.

Вчера сдала последнюю корректуру своей книги стихов «После России». Из 153 страниц текста – 133 страницы падают на Прагу. Пусть чехи убедятся, что недаром давали мне иждивение все те годы. За Чехию у меня написаны: «После России», «Молодец», «Тезей», «Крысолов», «Поэма Горы», «Поэма Конца», и ряд прозаических вещей. Очень помогла природа, которой здесь нет, ибо лес с хулиганами по будням и гуляющими по праздникам – не лес, а одна растрava.

Знаете, как странно? Помните мою дружбу с волероссийцами, особенно – с Марком Львовичем? Видела его за всё время – один раз, т.е. с самого его переезда во Францию. Самым преданным оказался Лебедев [1521], с которым я меньше всего водила дружбу. Он, действительно, искренно расположен, единственный из них откликнулся на все наши беды. А Марк Львович оказался совершенно бездушным, – помните мои слова о нем после смерти его невесты? Всё, на что его хватает: влюбленность в очередную и хроническое кокетство с дочерью [1522], кстати, очень на него похожей: «Je n'aime pas les roupées cassées», – «Mais puisque c'est toi qui l'a cassée»... «Pas une raison pour l'aimée. Tant pis pour elle!» {335}. Живут рядом с нами, в меня влюбляется каждый раз, как видит. Тоже вроде отца.

Читаете ли Вы травлю евразийцев в Возрождении, России [1523], днях? «Точные сведения», что евразийцы получали огромные суммы от большевиков. Доказательств, естественно, никаких (ибо быть не может!) – пишущие знают эмиграцию! На днях начнутся опровержения, – как ни гнусно связываться с заведомо-лжецами – необходимо. Я вдалеке от всего этого, но и мое политическое бесстрашие поколеблено. То же самое, что обвинить меня в большевицких суммах! Так же умно и правдоподобно.

Сергей Яковлевич, естественно, расстраивается, теряет на этом деле последнее здоровье. Зарботок с 5 ½ часов утра до 7–8 вечера игра в кинематографе фигурантом за 40 франков в день, из которых 5 франков уходят на дорогу и 7 франков на обед, – итого за 28 франков в день. И дней таких – много – если 2 в неделю. Вот они, большевицкие суммы!

Скоро выходит 3-тий сборник «Вёрст» – очень хороший. Много о евреях [1524].

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Большая просьба, дорогая Анна Антоновна, узнайте в бывшей «Воле России» (Uheľný trh, číslo 1) судьбу моего ящика с книгами (на нем мои буквы), брошенного Марком Львовичем, несмотря на мои горячие просьбы переслать. Может быть еще можно сыскать след. Ящик средний, русские и немецкие книги. Если найдется, приютите.

Кончаю, иду на рынок, дождь, неприятно. Как Ваш перевод? Как здоровье всех? Аля и я крепко целуем. На Ваш подарок Муру и Але будут куплены башмаки.

Сердечно Ваша

М.Ц.

P.S. Кому из чехов советуете послать книгу? Выйдет недели через две [1525].

Впервые – Письма к Анне Тесковой, 1969. С. 54–55 (с купюрами). СС-6. С. 359–360. Печ. полностью по кн.: Письма к Анне Тесковой, 2008. С. 68–70.

75–27. Б.Л. Пастернаку
20 (?) октября 1927 г.

Борис, твое письмо после приезда Аси. Мне стыдно, Бог весть чего насказала, мне совсем не плохо живется, моя беда в том, что я не могу растроиться – десятериться – и т.д., древняя беда. Моя беда, в ложном или нет, но чувстве незаменимости незаместимости. Не могу не сама, отсюда всё. Помнишь тысячерукую индусскую богиню и русскую (без нрзб.) Троеручицу [1526]. Двух – мало. И 24-х мало. Боюсь, моя беда во мне, в [зломном] германском, Бог весть отколе, не понятии, а чувстве долга, съевшем всё.

От тебя идет такая огромная волна добра, доброты, что... руки опускаются. NB! Сувчинский о 1905 годе. Это огромно. А первое! Задыхаешься, нельзя сразу больше 10-ти строк [1527].

Лампы – дети – осиянность голов, больших и маленьких. Неповинность голов.

5 минут одиночества. В голове точно зажигается лампочка – 150 свеч!

Не сон, не покой, – досуг (тот свет)

Хороший конь не будет отдыхать больше, чем ему надо, а надо ему мало, потому что он сильный вариант: хорош. Дайте отдохнуть коню. Только кляча не требует отдыха – всё равно умирать.

О мундштуке. Без подлежащего, без сказуемого, какими путями сказанное тобой – дошло. Вот минута, когда [слово перерастает слово, окончание слинянь с вещью, ОНА. Чудесам – прости меня, Господи! – поэты учатся не у священников] слову грозит опасность (еще секунда – его не будет), отказавшись от всех своих охранных грамот и прав на жительство оно становится чистым духом, самой вещью, тем, о чем, в данном случае – ртом, твоим на моем.

...Не так как мне видится? Мне никак не видится, да и тебе никак, видятся лампы и головы. Наши с тобой – dans un temps inexistant {336}. Думаю, впереди большая уступка: чтобы сохранить всё, отдать всё. Ты же им продашь меня за —. Есть выход, Борис, невозможный, изумительный, о нем в одной из своих Geschichten vom Lieben Gott {337} знал уже (!) и Рильке выход всего будущего (всего настоящего в будущее), ибо при моей страсти к бывшему, я в вопросе семьи и любви конечно человек будущего – идущего на нас с островов сестер. Знаешь, как в картах. Для себя – для дома – для сердца – как сбудется – чем кончится – на чем успокоится. Меньше с Бога, судьбы, тебя не возьму.

То, чего никак не мог понять герой горы: (кстати, получил письмо?) [1528] то, за что я его так любила: невозможность, незаконность, кощунственность, богопротивность совместной жизни, этого чудовищного размельчения. Я за наезды, Борис, за женскую пещеру и мужскую охоту. За логово и лес. За очаг (о, не иносказательный, красный, с дымом и треском!) и колчан. Волчье начало, Борис. И

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
еще одно: я бы не вынесла – ты бы не вынес – ни одного отхода, ни одного
вполоборота, для этого нужно два берега и посреди река, очень большая, чтобы ни
дома ни дыма, только общий ландшафт который и есть душа другого, взгляд с того
света.

Возвращение к другому вопреки, обреченность друг на друга. Расскажи Коллонтай
[1529], ей наверное понравится.

Книга (последняя корректура) сдана.

Всё ты один – во всех местах.
Во всех мастях, на всех мостах.
Моими клятвами – мостят!
Моими вздохами – снастят! [1530]

20 октября

Борис, ты опередил мой ответ, который читаешь впервые, т.е. ты услышал и
опроверг мое «в порядке вещей». – «Ты такую жизнь считаешь естественной, я –
нет». Не оборвано.

Борис, я вообще жизнь всю считаю неестественной, т.е. мне в ней – всей – не
живется, не только в моей. Моя – частность всей, ярая частность, т.е. ее, моей,
тесность – есть именно, точь в точь тесность всей. Вся именно такова как моя.
Если моя несколько черней соседской – Царя Соломона, скажем – то говорим-то мы,
он сверху, я изнизу – одно, и с совершенно одинаковым правом, – опыта, он:
избытка, я – недостатка. А – впрочем, и он недостатка: времени: Nur Zeit! {338}
(Гениальный стих кажется Dehmel'a [1531], рассказанный мне кем-то своими
словами. У нас есть всё: дом, хлеб, дети, пр. – Nur Zeit.)

Странная вещь, Борис, из Советской России у меня один опыт и один вывод: стыд
имущества, стыд счастья. Мне несвойственно в довольстве, мне неловко пропуск
одного слова мне лучше так. Это я о своей бессмертной душе.

О себе в днях же: да, тяжело, да, хочется писать, да, хочется, чтобы Аля
училась, а Мур летом уезжал, а Сережа не играл в кинематографе с 6 часов до 8
часов вечера за 40 франков, да, много чего. Ннно (кажется, опять бессмысленно
ввязалась!) зато, на Страшном суде мне будут отвечать, а я буду спрашивать,
зато, что бы ни делала – невинна, в тебе (заскок в будущее) невинна! Счастливая
жизнь и Борис Пастернак – жирно. Ты каждым моим днем, чем черней – тем чище! –
заслуживаешься. – Кстати, нынче полдня разыскивала и приводила в порядок твои
письма. Письма того лета – сэн-жильские, в одном пакете с письмами Рильке, так и
оставила. Последнее его слово ко мне: «Erkennst Du mich so, auch so?» {339} Не
горюй, Борис, что не успел ему ответить: нет ответов, есть оклики – отклики. Он
заранее прочел твое последнее, раньше, чем получил твое первое. Кстати,
уверенность на которой строю: буду умирать – придет за мной. Он ведь, конечно,
ангел. Сразу ангел. Когда приедешь, прочтешь его письма. Раз Рильке есть, не
нужно ни газет, ни событий

О 1905 г. и мне тебе нынче написал Сувчинский. Кстати, вчера Сережа, доказывая
кому-то что-то: «Крупнейшая вещь Бориса Пастернака, т.е. 1905 г.» и т.д.
(Говорил о социальной базе писателя.) Ты в нашей семье живешь как свой.

Впервые – Души начинают видеть. С. 410–413. Печ. по тексту первой публикации.

76–27. Б.Л. Пастернаку
22 октября 1927 г.

[Борис, вчера твое письмо о полете [1532]. Что ж, Борис, – эврика!]

Борис, понимаешь ли ты сам значение для тебя этого дня. Тобой открыт новый мир,
твой второй дождь, уже ставший – в определении тебя – общим местом и посему –
ощущала это с тоской – нуждавшийся в заместителе. Борис! Ведь еще ничего о
полете, а о воздухе – только моя поэма, еще не вышедшая [1533].

Борис, слов нет, чтобы высказать тебе всю радость, всю веру. Новая эра, вторая

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
песнь твоего эпоса, Борис. Это Бог тебя, Борис, вознаградил за Шмидта. (Женя [1534] твой конечно будет летчиком?) Помнишь, в одном письме я говорила тебе: пожалуйста без людей, эпос вселенной. И Асе говорила: Библию по возможности без народов. Тот вздох у тебя есть. Помнишь – 3 день творения, Борис, в неумелой статье о тебе [1535]. И вот – сбылось.

Давай по чести: что могло заткнуть в тебе зияющую вопиющую дыру, оставленную Годом. Соприкоснувшись с Годом – народом – эпосом – не мог же ты вернуться к – давай по чести – меньшему: – доказательство сирень и ландыши [1536], мастерские и этим обреченные. Ты не мастер, Борис, упаси Бог, ты вечный ученик сил. И вот – на вырчку – воздух: ПРОСТРА-А-АНСТВО.

Один страх, Борис, – твоей доверчивости и щедрости в радости. Пойдешь по разным Маяковским и Асеевым разносить заразу бездны, учуют, полетят, напишут, и хорошо, конечно, и ты не будешь фактически – первым, что в данную минуту – и через 100 лет – мне – истории – важно. Ах, если бы я могла отсюда заткнуть тебе глотку! Будь я с тобой, знаешь, что бы я сделала: защелкнула бы тебя на ключ: пиши, потом – толчок в спину – неси. – Точное мое хотение: брось всё остальное и принимайся тотчас же. Отстояться – отслоиться – вздор. Отстояться – часто подчеркнута дважды – рассосаться! Ведь это же болезнь, Борис, если моя – fièvre pourpre {340} (Св. Августин) [1537], то твоя – fièvre-azur? {341} нет – éther {342}, может быть, не важно, сам найдешь.

А теперь о маленькой частности. «Я взял с собой Женю» – первая мысль: счастливцев! с таким отцом – такое! И – укол. И весь сеанс кинематографа – душевная щемь – тоска, нежелание вернуться к письму. Только много потом озарило: да вовсе не с мальчиком! И – странно – полный покой, точно ты один летал над строкой: и летчик. Тут я ревновала конечно к предвосхищенным воспоминаниям его, отстоящим в будущем, в котором – если вспомнит 70 лет – меня конечно не будет. В этом полете его с тобой была моя смерть: моя нечислимость в твоей жизни – в его воспоминаниях. Мое двойное отсутствие. А так –

[А Женя – что ж, современница [1538]]

А вот моя встреча с авиацией. В Трианоне. Месяца три назад. Разгар лета и леса, деревья внуки тех деревьев, под которыми бегал дофин с сестрою. Ни души! Спленный дуб. – Считание кругов. – Считают из середины к окружности – Сережа, и обратно – жена Сувчинского [1539]. Так как направлений только два, [а я третья] уступаю, ничего не считаю, гляжу в небо и, кстати, на очередной авион, который вдруг начинает трещать (С: «Глядите! Глядите!») и падать с чем-то черным рядом. – Разбился. – Летим. Бог весть откуда – только что парк был пуст – со всех сторон люди. Сторож, потерявший ключ от ближайшей калитки. Упал рядом, но за оградой парка, т.е. за рвом, пробуем прыгнуть – глубина и вода, бежим рвом, ров не кончается, словом, когда подходим к фруктовому садику {343}, в который суждено было упасть летчику – от авиона ни следа: в щепы! Карета скорой помощи – на смерть. Протискиваемся: вроде Муркиных игрушек к вечеру водворения: жесть, фанера, куски шелка – легчайшее, ненадежнейшее, что есть. И эти лоскутья, ключья, осколки жадно разбирает толпа, особенно женщины, особенно мальчишки. Porte-bonheur {344} вроде дерева висельника? Киплю и – через минуту – в руке зазубренная щепка: на память – для Али. Домой – т.е. к версальскому вокзалу – бесконечным шоссе, мимо лавчонок и трактиров, серебром застав. – Так они вправду серебряные?

Разбившийся на самых днях должен был лететь в нрзб..

NB! Если бы ты видел морду (широкую, умную, бритую, барскую, – лицо Воскресения из Человека, который был Четвергом) [1540], с которой П.П. Сувчинский просил у меня твой адрес: – «А можно адрес Пастернака?» Как-то и опасно и умоляюще и развязно. Он верно думал, что я и с ним начну как с Мирским: Через год-де, да еще оборвано

Впервые – Души начинают видеть. С. 415–417. Печ. по тексту первой публикации.

77–27. С.Н. Андрониковой–Гальперн
Meudon (S. et O.)

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
2, Avenue Jeanne d'Arc

28-го октября 1927 г.

Дорогая Саломея,

Ни йоты, ни тени, и дезинфекция и чистка, все в порядке, жажду Вас видеть, спасибо за иждивение, целую, жду письма.

МЦ.

Впервые – СС-7. С. 110. Печ. по тексту первой публикации.

78-27. Б.Л. Пастернаку
Конец октября 1927 г.

Дорогой Борис, начнем с конца, все живы-здоровы, дезинфекция была, можем я – писать, ты – читать без примесей и примылов вариант: без помощи огня и воды. Приняла после болезни по крайней мере десять ванн. А о голове своей: «Не трогать! свежее-выбрито»... [1541] Брилась семь раз, тупя и копя бритвы, дольше Сергей Яковлевич отказался. Брили меня все кому не лень, были и такие, которые никогда не брили и на моей голове учились. Сейчас у меня – нее – множество сочувствующих, сообрастающих. Волосам моим нынче седьмой день.

Начнем с твоего последнего письма, только него. Первое: негодование на Асю. Как?! мне не нравится 1905 Год?!! [1542] Но Сережа быстро остудил: книгу я получила уже без нее, несколько дней спустя ее отъезда, и она ничего того – всей той меня вариант: меня за ней – над ней – с ней – не видела и не слышала. О лести – такте – доброте и речи быть не может. Я Годе не знала, т.е. 1905 г. для меня был Шмидт, а Шмидт – письма. Знала, конечно, и Потемкина и Гапона (прежние имена, о которых сожалею) [1543], но всё было залито Шмидтом, и именно 1-й частью и в ней именно письмами. Подробность: и Баумана [1544] знала, но читала его тогда, не переводя на законные четверостишия, по печатному, не по писанному. / Сейчас уловила. Его, как всю книгу, нужно либо слушать (тогда 4-стишия сами образуются) – а слушать не-четверостишия нельзя – либо читать, переставляя, трудно, но возможно.

О Годе речь впереди, т.е. позади, покамест же повторю тебе: это, совершенно спокойно, твоя лучшая вещь, первый эпос за русскую Революцию вариант: твой первый эпос, дело мужа под строкой: – и лучшая –, твой первый эпос – и первый эпос –.

Не я одна, Борис, – Сережа, Сувчинский, философ Карсавин, многие, которых знаешь, еще больше, которых не знаешь, определенно ставят Год первой и единственной вещью современности, это уже вне спора, свершившийся факт, как твой дождь. Сувчинский пять дней носил в сердечном кармане (сердечной сумке!) – как не то соблазн, не то раскаяние – письмо к тебе [1545], все не решаясь / которое отправил только после моего утверждения, что ты все равно поймешь другое.

Письмо прервалось приходом К. Родзевича, которого сама вызвала, чтобы передать твой привет. С места в карьер две просьбы, Борис. Вышли два Годе, один Сереже, другой Родзевичу. Когда я вчера сказала Сереже, что буду просить у тебя книгу для Родзевича, он оскорбленно сказал: А мне?? А мне (мне) почему-то в голову не пришло, конечно в первую голову Сереже, который – сделай это – всё равно вы судьбой связаны, и, знаешь – не только из-за меня – меня, из-за Веры Степановны [1546], из-за круга и людей и чувствований, словом – все горы братья меж собой. У него к тебе отношение – естественное, сверхъестественное, из глубока большой души. И в этом его: а мне? было робкое и трогательное негодование: почему мимо него – Родзевичу, когда он так...

Итак, две книги – можешь одним пакетом на мое имя – одну Сереже... другую К. Родзевичу, отчество которого Болеславович (каково?!).

Теперь о вчера. Пришел Родзевич, я прочла ему кое-что из твоего письма, чувствуя что озолачиваю, оалмазливаю. В первое твое ты бросилась как с мостов в море –

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru унося с собой и его (слуш оборвано). И знаешь, первое что он сказал: Марина! Вам надо бы в Россию. – Я похолодела. – Что?! – Да, да, не навсегда, съездить, вернуться, летом, Вам надо, Вас надо там, они тянутся к Есенину, потому что не доросли до Пастернака, и никогда не дорастут, а Маяковский и Асеев – бездушны [1547], им нужно души, собственной, Вашей. Отсюда Горький, оттуда Пастернак, в две силы, возможно. Нельзя жить своим запасом, Вы 5 лет, как уехали...

[И планы – планы

И в ответ моя внезапная твердая вера, что это будет.

– Знаете ли]

И – в ответ – покой, твердая вера, что это будет вариант: остолебенение простоты выхода, «а ларчик просто открывался», и с ним разверзшийся тупик. Первое: не ты ко мне в мою – европейскую и квартирную – неволю, а я к тебе в мою русскую тех лет свободу. Борис, на месяц или полтора, этим летом, ездить вместе, – У-у-ра-ал под строкой: (почти что у-р-ра-а!).

[Реально: ты бы там, а Горький здесь должны были бы поручиться в моей благонадежности.]

Мне это никогда, ни разу не приходило в голову, разве в самом сонном сне. И вдруг, Родзевич – простыми словами, совпадающими с некоторыми твоими окольными – «поэт издали заводит речь! Поэта – далеко заводит речь» – «мне иногда кажется, что наша встреча должна произойти здесь» и т.д.

Борис, ведь это то, что нужно, тебе и мне, единственное – и в этом ПОКОЙ – что возможно. Наезды, набег. И первый набег – мой. Сможешь ли ты, в полной честности и ответственности за свои слова, дать мне месяц своего лета, в полную собственность, в обоюдное совместное владение. Не Москва, Борис, – слишком много хвостов, от Ланнов [1548] до книг и тетрадей, разбросанных по бывшим друзьям, не жить, Борис, ездить. Нельзя ли было бы – несколько выступлений, совместных, по городам России, ты с Годом, я с русскими стихотворными Молодцом, Егорушкой, кое-чем из После России. Но – важная вещь, Борис, – мне в России нужно немножко заработать, чтобы мое отсутствие не легло фактическим бременем на плечи остающихся. Привезти – хоть чуть-чуть. Для этого надо бы устроить в России какую-нибудь мою книгу. Пишу и обмерла: а дорога?? а жизнь??

Für heute – alles {345}. Теперь будешь оборвано. Замечаешь, что начала действие с конца, т.е. с будущего лета: с начала бесконечности. Теперь будешь получать ту скарлатинную, шарлаховую хронику [1549] – отрывочками, всего – много, у меня вообще – с пуд неотправленных писем к тебе, начиная с Чехии.

Кончаю просьбой о высылке книг, Сереже и Родзевичу. В обоих у тебя, что бы ни было, друзья навек. Кстати, Родзевич моряк [1550], и как моряк (ведь лучше чем поэт!) влюблен в твое море (придается всё), а Сережа 12-ти лет сражался на московских баррикадах [1551]. Не могу не привести одного совпадения – [твоих лаборантш] стих этого лета:

Маляры-то в поднебесьице –
Это мы-то с жиру бесимся?
Баррикады в пятом строили
Мы, ребятами. История. [1552]
М

Впервые – Души начинают видеть. С. 422–425. Печ. по тексту первой публикации.

79–27. Б.л. Пастернаку
Конец октября 1927 г.

Борису. – Случай со Шмидтом наводит меня на мысль, что периодическая печать – разврат. Кто бы думал, следя шаг за шагом, что получится такое? Вещь не есть сумма, в периодической же печати даны именно сослагательные, которых нету. Готовая вещь – твоя Москва с аэроплана: настоящее, будущее, чем кончится. Клоки по журналам – булыжники мостовой, которые 1+1+1= не дают ожидаемого [1553].

Борис, вчера отсылала с чувством: «а теперь за Федру» и вчера же вечером – но этому предшествовало следующее. Зализывая конверт, заметила, что под Шарлаховой стоит продолжение, а собственно ей конец, но торопясь, не исправила, отправила как есть. Это было утром, а вечером оказалось, что хроника не кончена, и вот каким образом. В ней был пропуск, а именно моего письма к твоему отцу и моих чувств по поводу – и письма и отца.

Откатись со мной на две недели назад. Тогда пакет с казенной печатью пришел не один, с письмом, начинавшимся *Chère Madame* [1554]. Это *chère* к незнакомому человеку на фоне Горьковского уважаемая [1555], да и без всякого, на моем собственном, с которым слилось, так меня растрогало, взволновало, обнадежило (да, да, и это, хотя не из моего словаря, как душевного, так словесного), что я тут же, с места в карьер написала твоему отцу – уступаю место тетради:

«Письмо к твоему отцу! Два дня живу им, тобой в свете сыновности, тобой – ребенком. Началом его».

Бог с шарлаховой! – своими словами: о где-то прочтенной твоей автобиографии – «всё, что я есть, и почти всё...» – о совпадении с Марком Аврелием, свою начинающем: Тем-то в себе я обязан моему отцу, тем-то – учителю и т.д. – И, в самую секунду писания учуяв тебя как больное место его – их, отца, матери, – жизни (большое больное место!) – о радости и гордости иметь такого сына, о сыновности земной и небесной, о современности, которую ненавижу и о тебе, ее поэте, которого люблю, о корнях будущего в прошлом, о многом, о всем, Борис. Писала по французски, потому что *Chère Madame*, в ликующей тускло-светной свободе себя в чужом языке.

Отправкой заказным пригвоздила.

И – с распиской в руке, мрачное озарение: подпись явно Ф. [1556] Гм... И – воспоминание доисторическое: в Берлине, среди болтовни о том о сем, Л.М. Эренбург – «А сестра Пастернака вышла за своего дядю – или двоюродного брата, в Мюнхене»... [1557] Так. Значит *Chère Madame* писал кто-то не являвшийся твоим отцом. Значит, все чувства мои по поводу... Ничего не значит, всё в порядке, отец остается отцом, сын – сыном, а я – собой.

И – забыла.

И вчера, Борис, письмо от твоего отца: чудесное, молодое, доброе, без обращения *Chère*, но столь звучащее им, как –, [письмо, открывающее новые пространства во мне – к тебе] письмо – эра во мне к тебе. Ведь за отцом мать, Борис, та девочка, когда-то поднятая на руки со смычком в руках, сложившая смычок и скрипку [1558], та молодая женщина, когда-то поднимавшая вариант: явившая тебя впервые над всей землей: – жест посвящения небу всех матерей, помнишь *Vom lieben Gott* {346}, в Венеции... («*Das Meer auch*» {347}) [1559] Ведь свысока тех ее памятей я, как ты с твоего авиона увижу карту [твоего детства, тебя, с заставами] твоего детства, тебя бывшего и будущего, вплоть до застав бессмертия, которые серебряные.

Борис, я этой себя боюсь, прости мне Бог мое малодушие! кажется – боли боюсь, ведь мне сразу захочется к твоей маме и – навсегда. «Когда Боря был маленький»... Прости, Борис, но в этом она мне ближе, чем ты, так себя не любят, так любят другого, и этот другой и у нее и у меня – ты. Борис, если бы я жила в Берлине, она бы меня очень любила, и я была бы наполовину счастливее – есть ведь такая глупость, счастье.

Напишу ли я ей, не знаю [1560], что я могу ей сказать, я могу только спросить – спрашивать – слушать. Я не с чем иду, а зачем, мое первое зачем за всю жизнь. Отвлекись, что это ты, взгляни увидь из меня.

Любовь наперед – это ты знаешь? Любовь не как влечение, а как решение. Раз – то... Раз это его мать – я буду ее любить. Над строкой: Какова бы ни была – буду. Какова бы ни была. Ведь из двух, отца и матери, кто-нибудь да свой, да – руку на сердце положи – не дороже ли мне в данный час моей жизни ее изустный простой предпочтительно простейший рассказ, в котором и я как-то могу участвовать, т.е. с открытыми просторами моего толкования, твоего детски-люверсного подхода, вещи данной и сделанной. – Когда-нибудь ты напишешь для меня историю своего детства.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Впервые – Души начинают видеть. С. 425–427. Печ. по тексту первой публикации.

80–27. Б.Л. Пастернаку
1 ноября 1927 г.

Родной, целое утро просидела над одним четверостишием, очередным четверостишием вариант: «куплетом» проклятья Тезея – Ипполиту. 3 страницы тексту и 4 строки [1561]. Ты тоже так пишешь.

Вчера твое письмо об отце и сестре; параллель с моими некогдашними опасениями. Будем ясны: не хочу себя никогда другому из ничьих рук, особенно родственных, особенно – любящих. В этом, если хочешь, частичное отречение от родства. (На это ты скажешь: «а как же мать? первоисточник?» пр.) Выбор другого не есть мой выбор, пропуск одного слова меня, предположим помнят за книгой, а я, минуя все книжки, именно тот раз, когда я не читала, а играла, и что из этого вышло. О своем детстве тебе, кстати, когда-нибудь расскажу, есть что, и этого что не знает никто, не знала и мать на смертном одре, никогда не узнает Ася.

Тебя в свете семьи я чувствую двойственно: то осиянного светом ясной, бывшей одновременно и молодостью отца, почти что в том ламповом кругу его картины / записей, то семью покинувшим с утробы матери, в свете уличного вариант: предместного фонаря. То сыном, то блудным сыном. В предшествующем письме я обращалась к сыну. За отца не бойся, у меня для отцов свое сердце, возникающее только от биения ихнего, с твоим отцом я бы чудесно подружилась, потому что во многом больше согласна с ним чем с тобой – меньшим моего сердца. Сестру обещаю любить, [только моя любовь счастья не приносит] книгу же пошлю и папе и ей, благо два города и адреса. Папа мою книгу будет любить, обещаю. Папу, кстати, видела раз в Берлине, красивого, молодого, легкое явление. Я тогда сказала – *Un vieux beau* {348}, что иначе звучит чем *un beau vieux* {349}, и полярно *un bon vieux* {350}. Кроме тебя, о нем с большой нежностью неоднократно мне писал Рильке, и он мне о Рильке расскажет. Твоих сестер ты мне явил сам – в воротах Дворца Искусств, когда читал Блок [1562]. Мне они тогда показались надменными – может быть потому что я была очень плохо одета. Помню удлинённые лица и общий аристократизм.

А нынче письмо с Нюрой [1563]. Лучше бы мне таких вещей не знать, они с детства разрывают мое сердце. Вот образец: у моей бабушки (швейцарки, мачехи матери) в Тарусе был садовником черкес, убивший где-то кого-то и отбывавший в Тарусе поселение. Андрей. Мне было 6 лет. Я смотрела как он окапывает яблони, и мы беседовали. «Какая книжка?» «„Ясное солнышко“ Лукашевич [1564]. Про девочку, которая всем делала добро и потом умерла». Показала картинку. Потом позвали. Потом пропуск одного слова. Посреди песочного двора прощание: бабушка, ее две прислуги-латышки, обожающие меня, Андрей. – Гувернантка и я. – Целую бабушку, целую латышек и подаю руку Андрею. – Смех. – Да что вы, барышня, нешто с садовником за руку прощаются? (латышки). И я, покраснев до слез, вторично, молча, ожесточенно. И, бабушка: «*Mais tu es parfois raison, petite. Il est peut-être prince dans son pays*» {351}. – Так вот все эти Иваны-Царевичи, хлынувшие в Москву, «за книжками», и твое сжатое сердце от бездны между данным и Сестрой моей Жизнью, СТЫД ЗА НЕЕ, как мой – за столькое. И твоя радость отводу – Года. Знаю всё. Вывод? Это – народ, а то – нарост. Одно с другим не путаю. Хотя в Россию, к таким хочу.

Впервые – Души начинают видеть. С. 427–429. Печ. по тексту первой публикации.

81–27. Б.Л. Пастернаку
Начало ноября 1927 г.

Борис

Мир видишь каким-то расплавленным, точно всё твердое в нем – начиная с гор, кончая гордостью вариант: от первых до последних, растопилось, *aufgelöst* {352}, растеклось в объятии двух. Солнце тех утр я помню жидким, плещущим в горсти.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

И сердце течет, волоча свои камни.

Горячий поток.

Впервые – Души начинают видеть. С. 429. Печ. по тексту первой публикации.

82–27. Б.Л. Пастернаку
Около 6 ноября 1927 г.

Борис, не могу удержаться от соблазна написать тебе два слова о твоём письме в руках и жизни Сувчинского [1565]. – «Я никогда не смел думать, что он так откликнется». / Нарочно пришел пешком из своего Кламара ко мне в Мёдон (40 минут ходьбы, больная нога), чтобы известить меня о своей добыче. Да именно добыче, он всей своей природой добытчик, крупный и нежный хищник, – enjôleur, engrôleur, mangeur, dévideur {353} и – представь себе! – не женских сердец – мужских, и не сердец, а сущностей, – наподобие тех меценатов над строкой: русских и итальянских XVIII в., могших только в другом, над строкой: т.е. в мужчине. Мне его жалко, всегда и неустанно, не понимая, я убеждена, что он больше, да так и есть. 1) Огромный голос, который презирает, 2) музыкальный гений, которого отринул, [когда-то] первый откликнулся на 12 Блока, потом с Блоком первый зачинал Евразию... [1566] Читатель всегда в уровень поэту, даже тебе, даже Рильке, – изумительное явление, Сезам, с... над строкой: закройся не знаю чем отшвыривающий, должно быть последнее холодного сердца. Лукавец – льстец – и с такой грустью, с таким иногда огромным вырывающимся вздохом, вздохом физически выдающим всю глубину груди и души. И в итоге я ничего о нем не знаю.

Обратное Мирскому, может заработать миллиону поэтов на 10 миллионов поэм.

Еще: человек, что-то во имя чего-то в себе переломивший (убивший?), яростно на это что-то в другом накидывающийся – самоборчество – богоборчество (боги) – в чем-то мой явный враг, мой скрытый вариант: тайный друг. Ты от него не оторвешься (к Мирскому тебя придется прикалывать английской булавкой, да и то оставишь клочок), он от тебя не оторвется, вам, конечно, нужно встретиться, письменно и очно – обратная бездна после Мирского и Маяковского. Верь, попробуй, в кредит. Я бы очень хотела, чтобы вы переписывались [1567], так же как когда-то не хотела, чтобы переписывались ты и Мирский. Сувчинский явный приток.

Впервые – Души начинают видеть. С. 429–430. Печ. по тексту первой публикации.

83–27. Б.Л. Пастернаку
Около 12 ноября 1927 г.

Дорогой Борис моя [черновая] тетрадь меньше стихи, чем письма к тебе. Вот, справа – налево несколько страниц назад, большое письмо тебе о Сувчинском – неотосланное по недостатку времени, т.е. малодушию (время всегда есть, ты это знаешь). В нем я – не бойся – хвалила Сувчинского. А сегодня совсем о другом: об – удивительной все-таки вещи – что я во всем русском Париже совершенно никому не нужна. Ко мне никто не ходит, никогда. Ходят к Сереже и в дом, вообще посидеть. [Это, впрочем, было и в советской Москве] О стихах никто никогда, в последний раз читала стихи Асе, а до этого?? честное слово, не помню. Меня никто не любит и никто не знает, знают стихи (то или иное в том или ином журнале) и знают веселую и резкую хозяйку дома.

Вчера ночью я прочла то, что наверное раньше знала: «un organe s'atrophie» {354} и тотчас же сказала: сердце. Моему нет работы, в стихах же оно не при чем. У меня (него) нет поводов ни к [жалости, ни к] расширению, ни к сжатости, я все [дни и] вечера дома, всегда, – и даже книг нет, потому что в Мёдоне нет библиотеки, даже приходской, без романов, с путешествиями. Единственный вечерний выход раз в неделю в местный кинематограф, который уже начинает делаться событием. В Чехии были деревья – и концы концов и многое. Была новая, в первый раз полублужная, русская среда, растравительная и благородная, была переписка с Волконским (заглохла) [1568], была моя безнадежная попытка поездки к тебе. А

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
главное – горы! Дерево, к которому лезешь и которое можно обнять. В лице одной
такой березы прощалась со всей Чехией. В Чехии была растрата и тоска. Я Чехию
любила, и она меня. Чехия мне дала Мура.

Мёдон? квартира (там – лачуги), газ (там дым вариант: чад) и – дверь, [в которую
никто не стучит, а мне не к] с английским замком, в нем всё. В Мёдоне я
упорядочена, хожу на рынок, чищу, благополучие вариант: данные / просто
обязывают. Мой день: утром варка утреннего и снаряжение детей на прогулку –
варка обеда – кусочки феды – дети с прогулки, Мур спать, обед. После обеда:
прогулка с Муром – чай, кормежка детей и гостей – приезд Сережи после съемки –
мысли об ужине, кусочки феды, укладывание Мура, ужин. Вечер: Сережа в городе
(дела и уроки), Аля спит, я – нет, не пишу, – куражу нет (фуражу!). Письма?
некому, тебе – только смущать в работе. Книг нет, – в Мёдоне нет библиотеки,
хоть приходской – идти некуда, все либо в городе, либо – хуже – дома, у себя
дома, а я не хочу ни в какой, хочу из, а никто не хочет, потому что дождь и у
большинства башмаков нет. Итак с 9 часов до Сережиного поезда (1 час) – [без
дела] шью.

Впервые – Души начинают видеть. С. 431–432. Печ. по тексту первой публикации.

84–27. Б.Л. Пастернаку
19 ноября 1927 г.

Дорогой Борис. Ряд вещей, ряд вещей. Твое ответное застало меня в разгар
переписки Октября в вагоне [1569] – записей тех дней, которые у меня попросили
для десятилетия. Оставалось несколько строк, но рука уже не шла, прочтя / –
оттого тетрадь с Федрой, т.е. письмом к тебе. Я так давно тебе не писала и так
радовалась твоему молчанию. Каждый день без письма был мне залогом новой
страницы, пусть половины, твоей статьи (!?) о Рильке. Ты меня огорчил, не
себялюбиво, я жившая в те годы от письма к письму, т.е. от 1-го января 1923 до
1-го января 24-го, после той огромной волны доброты, разбившейся на мое
ежедневное счастье, могла бы жить без писем еще месяцы – нет, мне просто досадно
и больше за твое потерянное время поэта, время, потраченное на плохие чужие
стихи вариант: всё твое благодаря чужому написанному, не написано. Таких еще
двоих знаю: Рильке и Роллана [1570], загнанных, затравленных письмами и стихами,
нет – трое вариант: с половинкой: себя, ни одно письмо в жизни не оставившей
без отклика, но зато – сколько стихов! Я жестка, Борис, меня никто не учил, не
помогал, я ни у кого не спрашивала, и только в таких верю. Ни из чьих рук не
может выйти поэт как из Божьих и ни из чьих – поэма, как только из собственных.
Ты это знаешь. Больше скажу: чем больше меня хвалят, тем мне подозрительнее и
страшнее, и грустнее: первое за будущее (дурной глаз!) грустнее / второе: ведь
значит того места, слова, слога (нарыва, болячки!) он не заметил. Порадует меня
только тот, кто с места в карьер укажет на худшую строку. Только ты.

Только ты, Борис, это и в ответ на приезд Асеева [1571]. Ты, в каком-то смысле,
для меня и дело чести. Последней чести, ставки на последнюю свою возможность
любить человека. Борис, Борис, сказала растрата тех лет, всех лет! Ни морщин,
ни болезней, ничего от моих 33 лет, кроме равнодушия – даже не по возрасту, льда
в сердце – к людям. Так же как тогда (всегда!) любила всех, каждого – и как! –
так теперь никого, пустое место. Последнее, что уцелело – жалость.

Асеев?? Да у меня с тобой – жизнь прожита! Смешно, Борис, и прости за слишком
голые слова, но ни разу в жизни я не / ты первый раз заставил меня услышать / ты
мое первое наполнение слова пропуск одного слова, [т.е. того, несбыточного
всегда бывшего для меня] всегда мне чуждого / мало мне чуждого, но вытеснявшего
меня за свои пределы одним своим звуком. / Мы были враги. Оно меня не хотело, я
всегда была за бортом. И [вот, после стольких лет только и протекавших в том]
Как счастлив дом, где ты лишен?. А нынче я спокойно пишу его тебе, свою
новооткрытую Америку, о которой до этого письма сама не знала. Не дружба, не
любовь, не братственность, не спутничество, не современничество – сколько не
столько и – и в сумме не и и – брак, т.е. попросту соприсутствие всего, т.е. [мы
с тобой сращены, сплетены так густо и так кровно, так глубоко – всеми корнями и
верхами, что только какая-нибудь низость, исхитренность, уловка жизни может
развести.]

Асеев чужой. Чтó – еще раз поднимать эту глыбу чужести, еще эту гору волочь?

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Зачем? Хороший поэт? Есть книги! Душа? (предположим) – В Царствии небесном все встретимся.

Его приезд мне как весть от тебя, вторая живая. Радуюсь очень. Он не будет в Париже? Пусть Горький (УСТРОЙ, и Асе скажи, и Асееву!) позовет меня в Сорренто, приеду, во имя тебя. Он мне расскажет о тебе и о России, для меня равнозначущих. Дай эту мысль и ему и Горькому, визу мне получить будет нетрудно, есть связи. Поехала бы на 2 недели, вела бы себя чудно, т.е. свято дала бы себе слово не раскрывать рта. Асеев тебе бы рассказал обо мне и привез бы прозу, которую ты до сих пор не знаешь, и может быть уже и мою книжку.

Следующие три абзаца отмечены на полях двумя крестиками и дугой, как будто изымающими их из текста:

Спасибо за Сережу [1572]. [Передала. Во многом (всем общественном, например) вы с ним больше сойдетесь, чем мы с тобой. Может быть, не может не быть – еще будете друзьями.]

В отдельном письме напишу тебе на днях одну встречу, жаркую, жуткую, пропуск одного слова. Хочу твоего отзыва. А сколько писем угроблено, т.е. так и остались в тетради: одно из них о Сувчинском.

О России оборвано

Борис, моя тоска по России растет. Недавно напала на свою брошенную вещь «Егорушка» [1573], – два слова начерно зачеркнуты. Смесь своего «Егорушки», Багрова-внука [1574], Асиных рассказов, некоторых твоих писем, всё это зовет. Прочтя, что нельзя, я ничуть не удивилась, и, представь, не огорчилась. Мне важно знать, что ты этому радуешься вариант: что слово сказано, где-то мой приезд уже есть, мы с тобой уже ходим и ездим, это уже сущее. Как Мёдон будущего 1928 г. – уже бывшее. Такая медлительность судьбы меня как-то – устраивает. Здесь я, как ты в России: чего-то, нет: всего, что от жизни, страстно боюсь [в существе]. Из России меня в четыре руки – 2 отсутствующие, две любимые – выкорчевали, хотя – в другом смысле – не уезжала, ноги унесла –. Не могу висящего надо мной счастья. Пока нет сроков, нет и навеса, груза, страха. «Когда-нибудь»... Пойми меня правильно, напиши мне ты выезжать в следующее воскресенье – я бы поехала вариант: радовалась!. Выезжать к 1-му мая – я бы уже места себе не находила. Но, Борис, одно я знаю: что-то началось: мое желание и встречные желания хотя бы 5–6 человек, приезд Аси, и теперь приезд Асеева, и переключка с Горьким, слово Россия – только знак. Вещь начала делаться, это – пузыри ее подводного ворочанья. Остальное предоставим времени.

Я не о возвращении говорила, о гощении. Ведь это разное: «можно к вам в гости» и «можно к вам жить». Не хочу терять своей прекрасной, моей во всем исконной, позиции гостя, т.е. одного против (хотя бы полупротив!) всех, очеса и ушеса разверзающей – чужести!

На вчерашнее письмо и книгу Сереже отозвалась листочком, – с тобой не боюсь гипербол! – что-то похожее на один из пластов кожи. Сердечной. Борис! Борис! Скорей в Царствие небесное, где ни кож ни сердец.

Асеев будет писать? [1575] Любопытно. Рада. У меня холод по спине от его фамилии, стальной. Почему не Алексеев? Больше бы света. А это звук ножа по стеклу. Читаю Конармию Бабеля [1576], хочется сказать слова 3-летней – когда-то! – Али: «Кто тебе так глаза перевернул?» Какой романтизм ненависти! Если ксендз, так уж непременно лифчики прихожанок. Единственное милое место в книге, когда с ним говорят молодцы и красавцы начдивы: «Паршивенький какой». Умилительно. А, правда, так паршив как встает? Еще хорош один старый генерал, не желающий сдаться. Захлебывание зверствами и уродствами. Маяковского передернуло от твоих червей [1577], а что он сказал на сцену над мертвым поляком. Всё ли нужно писать, даже бывшее? И не лучше ли об ином помолчать.

Читаю сейчас одного за другим современных французских прозаиков. И знаешь вывод: des frais pour rien {355}. Между кровавостью Бернаноса [1578] оборвано

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Впервые – Души начинают видеть. С. 436–439. Печ. по тексту первой публикации.

85–27. Б.Л. Пастернаку
Вторая половина ноября 1927 г.

Борис! Я бы хотела еще раз родиться, чтобы все! подчеркнуто дважды сказать.

Псевдосвобода океана.

Листья я чувствую менее связанными, чем волны: поступившись передвижением они раз навсегда вольны во всем. Волны: тешатся на привязи. Или же: кто-то волнуется волнами, они следствие чьего-то волнения. Их, как таковых, нету. Так американка, стремимая Капиталом. Я же, Борис, лист.

Впервые – Души начинают видеть. С. 439. Печ. по тексту первой публикации.

86–27. А.А. Тесковой
Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne dArc

28-го ноября 1927 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Мимо нашего окна люди идут с поезда. И вот, вчера, явление Варшавского [1579], с чемоданом в одной руке, посылкой – в другой. Всё подошло нельзя лучше: ничего не малó, а велика только рубашка (белая), до которой Мур конечно скоро дорастет. Синее пальто как раз в пору, скаутская рубашка тоже, в пору и башмаки, и чулки, и все шапки. Теперь о вязаном костюмчике (гнома). Вы угадали мою мечту, вот уже почти два года (Муру 2 года 9 месяцев) как мечтала о таком для Мура, об именно всем – сразу: шапке, куртке, штанах, шарфе, и именно – голубом. Размеры идеальные, как на заказ. Нынче в первый раз после долгого сиденья дома (простужен, как всё окружающее) Мур вышел на улицу. День был мягкий, пражский: туман, дуновение, сон. Мы гуляли одни (Аля была в школе), прошли в наш чудесный парк, где (туман!) не было ни души.

Только голубой Мур и я. В 4 часа стало уже смеркаться, ночь напознала как пуховик. Не хотелось уходить: одиночество и туман, – мои две стихии! Мур из голубого превратился в синего – сизого, – цвета разостлавшегося вдали Парижа и неба над ним. Людей не было: был новый (всегда!) Мур в новом костюме и тысячелетняя я. «Сколько вам лет?» – «Час.» – «Старше камней». Человека, который бы не улыбнулся в ответ, полюбила бы с первого раза. Но – отвлекаюсь – моим годам, вообще, суждено смущать. Мне осенью исполнилось 33, выгляжу на 23, а Аля, которой 14, на 16 [1580]. Путаница. Впрочем никогда, с четырех лет, не имела своего возраста, ни с виду, ни внутри, раньше и была и выглядела старше, сейчас выгляжу моложе, живу – моложе, и неизмеримо старше – есмь.

Мур гулял в новых башмаках и чулках, башмаками неустанно любовался, вернувшись домой не захотел сменять на туфли и сейчас немилосердно ими гремит.

– Писала ли я Вам про Алину школу? [1581] Она делает огромные успехи, – pas de géant! {356} – никогда не учившись, великолепно и сразу овладела гипсом – сначала орнаментом, теперь – фигуры. Недавно принесла мне чудесную голову льва. Ездит через день, на 3–4 часа. Школа недорогая: 20 франков в месяц, один день барышни, другой день – молодые люди. Мудрое распределение в городе, где всё направлено на разницу полов. Не люблю Парижа. «Dunkle Zypressen! Die welt ist gar zu lustig! Es wird doch alles vergessen» {357} [1582]. (Мур, глядя на перечеркнутое: «Мама! ты грязь сделала».)

Разговор. Я: «Мур, что мне написать той тете, которая тебе подарила все эти чудные вещи: шапочку, шарфик, башмаки, штаны? Ну?... Милая тетя»... Мур: «Милая тетя! (пауза) подари мне ещё штаны! (пауза) на Рождество.» – «Как ее зовут, тетю?» – «Тетя Аня», – «Тетя Аня, Мула гулял сегодня в парке в новом костюме. Там были скамейки и туман. (Мама! Где тетя Аня? Где?) Был туман. Был еще один

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru туман. Было много. Потом они ушли домой. Живут они (туманы) в городе. Еще тете написать про Муру, что Мура человек, у Мура есть голова». Дальше шел откровенный и обильный вздор, который опускаю. Его живость – и радость и беда, затихает только за рисованием, если не рисует или не слушает, носится по всем комнатам, хватая и запропавшая всё. Ему бы, как мне (хотя по разным причинам), жить 100 лет назад, лучше 150, в ландшафте детства Багрова-внука [1583]. Дети должны расти (т.е. матери должны пасти их) в природе, одни с животными, другие с деревьями. Парк или скотный двор, огород или большая дорога, всё – только не город! [1584] В город изредка, как на елку. Книги, печи, собаки, просторы, словом Российская держава 100 лет, 50 лет, ах – даже 10 лет! – назад. То, что я хочу, в конце концов (кроме книг!) имел каждый мужик, а книги? на то у мужика есть песня, есть сказка. И – ассоциация обратная мужику, песне и сказке – перехожу к Марку Львовичу Слониму. Похоже. Мало – похоже – он, живой! Вспыхнувший профиль (ибо, на вопрос, отвернулся) – жест к карандашу – кружок, точка, еще точка, после секундной заминки правота во всем, кругом, по кругу (окружности Парижа!) Таков есть, таков был – и не был, в дни дружбы со мной! Ему со мною было дружить трудно, я не только хотела, а видела его большим. Отсутствие природы, недр, корней, жизнь верхами (не высотами!) {358} воображение, замещающее и душу и сердце, легкость, на смертном одре имеющая обрушиться на него целым Мон-Бланом. Я о нем редко думаю, но когда думаю – всегда с жалостью, как о недостойно-большом, или больном, недостойном боли. Короче и жесточе – самое бесплодное что есть: ИРРЕЛИГИОЗНЫЙ ЕВРЕЙ. Бог евреям был дан как противовес цифре или как цифра к нулю, еврей минус Бог – НОЛЬ, ZÉRO (0). Ни с кем из эсеров не вижусь, очевидно – не нужна и, значит, не нужны. А может быть остыли ко мне из-за Сережиного евразийства, всё более и более зажигающего сердца – не только зарубежных нас!

Прага! Прага! Никогда не рвалась из нее и всегда в нее рвусь. Мне хочется к Вам, ее единственному и лучшему для меня воплощению, к Вам и к Рыцарю. Нет ли его изображений покрупнее и пояснее, вроде гравюры? Повесила бы над столом. Если у меня есть ангел-хранитель, то с его лицом, его львом и его мечом. Мне скажут (не Вы, другие!) – «ВАША Прага», и я, схитрив и в полной чистоте сердца, отвечу: «Да, МОЯ».

Ничего не боюсь, ни знакомств, ни гостей, я умею по-всякому, со всеми. Написала и увидела: по-своему со всеми. Я от людей не меняюсь, они от меня – чаще – да. Скучны мне только политики.

Может быть ничего и не выйдет, что ж – была мечта! Очень удивлюсь, если выйдет: в Праге меня все более или менее видели, а это единственное, что интересно в «поэтессе». Может быть (шучу, конечно) сослужит моя новая прическа, в данную минуту равная русскому старорежимному гимназическому 1-классному бобрику. Волосы растут темнее, но не жестче, чем были. Хожу без всякой повязки. Женщины огорчаются, мужчинам нравится.

Недавно сдала в Волю России для ноябрьского № «Октябрь в вагоне», – мой Октябрь 1917 г. (дорога из Феодосии в Москву) [1585]. Думаю, Вам понравится. Там хорошая формула буржуазии. Дописываю последнюю картину Федры (трагедия). Мой Тезей задуман трилогией: Ариадна – Федра – Елена [1586], но из суеты (ли?) – верия не объявила, для этого нужно по крайней мере одолеть две части. Знаете ли Вы, что на долю Тезея выпали все женщины, все-навсегда? Ариадна (душа), Антиопа (амазонка), Федра (страсть), Елена (красота). Та троянская Елена. 70-летний Тезей похитил ее семилетней девочкой и из-за нее погиб.

Сколько любовей и все несчастные. Последняя хуже всех, потому что любил куклу. Недаром Марк Львович Слоним в честь Елены Спартанской назвал свою дочь! («Леночка») [1587].

Сергей Яковлевич через день играет в жанне д'Арк [1588], условия ужасающие: в холщевых костюмах на холоде, без завтрака (берет с собой), грубость, окрики, недружелюбие французов-фигурантов, рабочий день с 6 часов утра до 7–8 часов вечера и всё это за 40 франков в день (5 из них на проезд). – Die Welt ist gar zu lustig! {359} – кроме того дает уроки русского и бесплатно редактирует «Версты». На днях выходит № III, вышлем –

О Рильке: 29-го сего декабря его годовщина [1589], не сослужит ли это при помещении перевода? Очень хотелось бы увидеть эту вещь напечатанной именно в Чехии [1590]. Рильке – величайший поэт всей современности – ведь уроженец Праги!

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Пора кончать, поздний вечер. Еще раз, от всей души, спасибо за чудные подарки. Коробка мне напомнила рождение Мура и поступила в Алину полную собственность. Ее лучшее самочувствие – дарить и угощать.

Нежно целую Вас, сердечный привет маме и сестре.

М.Ц.

– Пишите! –

Не видаетесь ли с В.Ф. Булгаковым? Если да, передайте ему мою память и симпатию. Всё собираюсь ему написать [1591].

Это письмо слишком толсто, в следующем письме снимки (домашние) Али и Мура.

Впервые – Письма к Анне Тесковой, 1969. С. 55–56 (с большими купюрами). СС-6. С. 360–361. Печ. полностью по кн.: Письма к Анне Тесковой, 2008. С. 70–74. С уточнениями по: Письма к Анне Тесковой, 2009. С. 96–98.

87–27. Б.Л. Пастернаку
Около 30 ноября 1927 г.

Родной Борис, а вот история соблазна. Он идет издалека, родина его Москва моих 15 лет. Это была самая красивая из всех моих соучениц всех моих гимназий [1592], красивая до тоски. Она была младше меня на класс и я всегда любовалась ею в коридоре. За год ежедневных встреч естественно не сказала с ней ни слова. – 1917 г. Павлик Антокольский [1593]. Его друг: ее брат. 1917 г. – 1918 г. Хождения / Дарение – мне – друга и меня – другу. Сперва неудачное – год прошел – удачное слишком. В моем – когда-нибудь! – полном собрании сочинений прочтешь, лучше не скажу. Пока же: бездушные при всей видимости души. 1918–1919 г. Любовь. Обида. (Облака на экране). 1925 г. Париж. 3 дня как приехала. Письмо на «Последние Новости», пересланное мне. – «Марина! Вы меня наверное не помните. Я – [та Вера Завадская] когда-то училась с Вами в гимназии, Вы мне нравились, но я Вас боялась», etc. Отвечаю. Еще. Еще. Очень больна, [лечится]. Встреч за 2 года 9. Раз я у нее, в узенькой квартирке Порт де Пасси, на фоне мещанской мебели, в сжатости, с веселой красивой матерью. 2 раза этим летом у нее в S. Y. в санатории. Беседы о литературе, противоположные над бездной тех писем. О том, о сем. 1927 г. [Неожиданный стук] в дверь. Я только что встала с постели и неделя как отрастаю (брилась 7 раз!) / 1927 г. месяц назад. Сон о том, о котором не думала ни разу с отъезда из России. Уверенность: нынче от нее письмо. 1 час дня. Стук в дверь. Дама. Я: «Саломея! Вот радость! Пройдемте, пожалуйста, в мою комнату. – А где Ваша комната?» Глухой низкий голос. Письмо! Мех, жаркие щеки, еле дышит, ибо с вокзала к нам в гору и еще лестница, а у нее – видишь рисунок – от двух легких один тончайший внизу полусерп. Всё съедено. Шахматы, гости, завтрак, улыбка Муру. Решаем вместе погулять. Но – сама наша прямая улица чуть-чуть подымается. Перевоплощаюсь, задыхаемся совместно. Назад, с тоской представляя лестницу (один этаж!) И, еле войдя: «Теперь, можно, я лягу». Лежит на моем крохотном мышинном диване, красивая, молодая (32 лет не дашь ни за что, – 22, 23 года). Молчит. Смотрит. Хочу с работой на стул, останавливает головой, веками, собой. Сажусь. Волей всего, что в комнате, беру за руку. Волей руки в руке (одна в руке, другая на волосах) клонюсь, в мозгу: «Мириады». И в полном сознании [преступления] творимого – в его очаг. В полном сознании.

Борис! 2 года любви к брату над строкой: моей (Москва!), 2 года любви [ко мне] ее. О как по-иному, чем иные сопротивлялся этот рот. И с каким стыдом поддался. Мой первый настоящий поцелуй. И, может быть его желание. Борис, я целовала смерть. В одном будь внимателен: мысль о ней – о ее, сейчас, стыде и блаженстве – мысль о себе, о моем сейчас преступлении – я ничего не ощутила, это был самый отвлеченный поцелуй из всех, чистый знак – [чего? – сочувствия, жалости.] Желание от лица жизни вознаградить за всё. Просто жизнь целовала смерть. Я была жизнь.

В ванной, с зубной щеткой в руке (ведь сейчас позовет Мур!) остановилась: при чем зубы? Дело не в зубах: «Звезды до-олго горят там в тиши». Весь день до позднего вечера – 4 слова нрзб. – физически жгло весь пищевод.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Борис, каждый поцелуй должен бы быть таковым, не на жизнь, а на смерть, в полном сознании цены и платы.

Борис, можно так? Нужно так?

Если ты мне скажешь: «раз ты можешь спрашивать»... я тебе отвечу: «о все спрашивают, всегда, только скоты не...»

Умиравшая, хуже – прокаженная, а у меня – дети. Преступление в полном составе. Но – ведь ее никто, ни один – не считая любви прокаженного – не осмелился в рот. Вывод: ей быть целованной либо прокаженным, либо – ценой лжи. Никто в полном сознании, хотя бы не знаю как влюблен (я – совсем нет, всё ушло на брата, в брате вся порция исчерпалась). Никто – жизнь. Никто – правда. Либо смерть, либо ложь. Я это ощутила долгом, (правды, да) неминуемостью данного часа и места. О ней не знала ничего. Должно быть почти мучила.

Объясни мне дельно, в любви, с любовью и жизнью. Я чего-то не понимаю.

А вот семейное. Недавно была оказия в Берлин, впрочем хотела тебе писать их опасения. Кстати у тебя в Мюнхене – племянник или племянница? [1594] Важно.

Впервые – Души начинают видеть. С. 440–442. Печ. по тексту первой публикации.

88–27. К.Б. Родзевичу
Без даты [1595]

Милый Константин Болеславович!
(Уф!)

Сереза каким-то дьявольски нюхом пронюхал, что едут за пижамой и заявил, что ни под каким видом таковой носить не будет, что это для баб и т.д. Так как мое воображение ею ограничивалось, решила вручить ему непосредственно 50 франков, т.е. ровно треть, две трети оставив себе. Поэтому поездка отпадает, чего не скажу о моей благодарности к Вам. Но все-таки заходите, у Серези надежда, что Вы с ним отправитесь в город.

МЦ.

Впервые – Письма к Константину Родзевичу. С. 111. Печ. по тексту первой публикации.

89–27. К.Б. Родзевичу
Без даты [1596]

Дорогой Радзевич!

Сегодня чудный уютный дождливый день – для дома. Приходите – либо обедать (12 ½ – 1 час) либо, если обедаете в городе, по возвращении из оногo – ужинать (часам к 7–8-ми). Сегодня мы с Алей сиротствуем, ни Серези, ни Вашей общей тени, одни мы с Муром.

Итак, жду, ждем.

Ц

На обед макароны и corned-beef {360}, на ужин – они же.

Впервые – Письма к Константину Родзевичу. С. 179. Печ. по тексту первой публикации.

90–27. А.А. Тесковой
Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

12-го декабря 1927 г.

Дорогая Анна Антоновна, на днях (уезжает в среду) у Вас будет, с маленькой Рождественской посылочкой, П.П. Сувчинский, вождь евразийства. Постарайтесь побеседовать с ним на его тему, – он очень разносторонен, но ко всему другому сейчас либо равнодушен, либо пристрастен, а – чем стихи, скажем, под евразийским углом, лучше Евразийство в упор. Оба выиграете. О Сувчинском (а есть что!) напишу после Вашей встречи с ним, в ответ на Ваши впечатления. Предупреждаю: крупнейшая фигура эмиграции.

Скоро Рождество. Я, по правде сказать, так загнана жизнью, что ничего не чувствую. У меня – за годы и годы (1917 г. – 1927 г.) – отупел не ум, а душа. Удивительное наблюдение: именно на чувства нужно время, а не на мысль. Мысль – молния, чувство – луч самой дальней звезды. Чувству нужен досуг, оно не живет под страхом. Простой пример: обваливая 1 ½ кило мелких рыб в муке, я могу думать, но чувствовать – нет: запах мешает! Запах мешает, клейкие руки мешают, брызжащее масло мешает, рыба мешает: каждая в отдельности и всё 1 ½ кило вместе. Чувство, очевидно, более требовательно, чем мысль. либо всё, либо ничего. Я своему не могу дать ничего: ни времени, ни тишины, ни уединения: я всегда на людях: с 7 часов утра до 10 часов вечера, а к 10-ти часам так устаю, что – какое чувствовать! Чувство требует силы. Нет, просто сажусь за штопку вещей: Муриных, Сергея Яковлевича, Алиных, своих – 11 часов, 12 часов, 1 час – Сергей Яковлевич приезжает с последним поездом, короткая беседа – и спать, т.е. лежать с книгой до 2 часов, 2 ½ часа – хорошие книги, но я бы еще лучше писала, если бы –

Виновата (виновных нет) может быть и я сама: меня кроме природы, т.е. души, и души, т.е. природы – ничто не трогает, ни общественность, ни техника, ни-ни – Поэтому никуда не езжу: ску-учно! Профессор читает, а я считаю: минуты до конца. – К чему? – Так и сегодня: евразийская лекция о языковедении. Кажется – близко? Только кажется. Профессор (знаменитость) все языки ведет от четырех слов [1597]. Когда я это услышала, я сразу отвратилась: ничто четное добра не дает. А рифма? Рифма есть ТРЕТЬЕ!

Так и не пошла, и сижу между чулком и тикающим будильником.

Как я хочу в Прагу! – Сбудется?? Если даже нет, скажите: да! В жизни не хотела назад ни в один город, совсем не хочу в Москву (всюду в России, кроме!), а в Прагу хочу, очевидно пронзенная и замороженная. Я хочу той себя, несчастно-счастливой, – себя – Поэмы Конца и Горы, себя – души без тела всех тех мостов и мест. (NB! Вот и стихи:

Себя – души без тела
Всех тех мостов и мест.

Где я ждала и пела,
Одна как дух, как шест.

Себя – души без тела
Всех тех мостов и мест.

Так когда-то писались стихи, не писала (отдельных) с 1925 г., мая – месяца [1598]. Маяться – мой глагол!

Как я хотела бы с Вами – по Чехии! В-глубь! (Знаю, что совсем несбыточно!) После Праги – (Города – ПРИЗРАКА) – в природу. Неужели дело в деньгах, которые – были или не были – презирала. Да, будь деньги! Учителей и книг – Але, образцовую няню – Муру, квартиру с садиком, а себе? Каждый день писанье и раза два в год – отъезды, первый – к Вам. Недавно мне кто-то сказал, что мои прежние русских сто тысяч равнялись бы миллиону франков [1599]. – Звук. –

Кончила Федру. Писала ее около полугода, но ведь пишу в день ½ часа, много – час! Очень большая, больше Тезея. Тезей задуман трилогией: Ариадна – Федра – и написанной быть имеющая – Елена. Не знаю, куда сдать. Может быть в Современные Записки. Сейчас занята общей чисткой и выправкой, много недавших мест. – Справляюсь. – Держит меня на поверхности воды конечно тетрадь.

До свидания! Думайте обо мне на пражских мостах и улочках (неулицах!). Может быть все-таки когда-нибудь вместе?

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

М.Ц.

Мур каждый день гуляет в Вашем чудном голубом костюме, – голубой медведь.

На полях:

Не привлечь ли к устройству моего вечера в Праге В.Ф. Булгакова? Он очень деятельный. И хороший друг. Если захочет – сможет.

P.S. Прочтите, пожалуйста, прилагаемое письмо к нему [1600] и перепишите или передайте возможно скорее. Не знаю его адреса.

P.S. Очень важно, чтобы Валентин Федорович вовремя получил письмо и успел передать Вам вещи (маленький пакет) для Сувчинского.

Впервые – Письма к Анне Тесковой, 1969. С. 56–58 (с купюрами). СС-6. С. 362–363. Печ. полностью по кн.: Письма к Анне Тесковой, 2008. С. 74–77.

91–27. В.Ф. Булгакову
Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

12-го декабря 1927 г.

Дорогой Валентин Федорович,

Я Вас не забыла, Вы одно из самых милых мне воспоминаний в последних Вшенорах, из которых Вы – кажется – уехали? Адреса Вашего не знаю, потому пишу на Анну Антоновну [1601].

Что Вам рассказать о себе, о нас? Начнем с нас: Мур огромный, все говорит, рост и вес пятилетнего (покупаю на французские «six ans» {361}), разум по возрасту, а возраст 2 года 10 месяцев. Красивый, кудрявый, отчаянный. Белокур и бедокур. Настоящий мальчик. Игрушки: «машина» (автомобиль), поезд, палки, полное отсутствие женственного начала. Поэта не выйдет. Не горюю.

Але четырнадцать лет, выше меня, крупная, красивая, спокойная, очень гармоничная. Недавно поступила в школу рисования, за месяц большие успехи, даровита и любит.

Сергей Яковлевич весь в евразийстве. Житейские ресурсы – игра в кинематографе, но скромн, горд – зарабатывает мало: с 6 ½ до 6 часов – 40 франков, из которых 7 на обед и 5 на дорогу, итого 28 франков. А мог бы, по данным, 100. Выступления два два, три в неделю, но фильм («Жанна д'Арк») кончается, и что будет дальше – неизвестно. Хорошо бы: другой фильм [1602].

О себе. Написала во Франции поэмы: «С моря», «Попытка комнаты», «Лестница», «Письмо к Рильке» [1603] (будет в № III «Верст»), «Поэма воздуха» и ныне кончила II часть «Тезея» – «Федру». (Задумана трилогией: «Ариадна» – «Федра» – «Елена».)

Не помолодела – не постарела, живу хоть лучше, чем во Вшенорах, но и хуже: нет той природы и свободы. И друзей нет. Вся жизнь в детях, в домашнем и в тетради.

Надеюсь весной приехать в Прагу, все зависит от 1000 крон, которые – соберу или не соберу? – пражским выступлением (нужны на дорогу туда и обратно, жить буду у Анны Антоновны). Очень соскучилась по Праге.

Да! На самых днях будет оказия в Париж: в Прагу едет наш добрый знакомый П.П. Сувчинский (вождь евразийства) на несколько дней. Если не трудно, милый Валентин Федорович, передайте Анне Антоновне для него наши «драгоценности» [1604]. Он у нее будет. Очень хотела бы, чтобы Вы с ним повидались, но не знаю, где остановится.

Очень рада буду, если отзоветесь. Сердечный привет Вам и Вашим. Пишите обо всем.
Страница 320

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
МЦ.

Впервые – Встречи с прошлым. Вып. 2. М.: Сов. Россия, 1976. С. 194–195 (публ. М.А. Рашковской). СС.7. С. 16–17. Печ. по СС-7.

92–27. С.Н. Андрониковой–Гальперн
19 декабря 1927 г. [1605]

Дорогая Саломея, постараюсь быть у Вас во вторник (завтра). Постараюсь – потому что у детей неожиданно разыгрался грипп. Если не будет хуже, приеду. Очарована формулой огорчения, книгами. Но – заостряете: отдаст [1606]. (Когда?)

Кстати, привезу свои, то есть Ваши.

До свидания, целую.

МЦ

Сергей Яковлевич уже уехал, когда пришло Ваше письмо. Думаю, приедем вместе. 19 декабря, понедельник.

Впервые – Русская газета. С. 12. Печ. по тексту первой публикации, сверенной с копией с оригинала.

93–27. Л.О. и Р.И. Пастернак
27-го декабря 1927 г.

Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

Дорогие папа и мама Бориса,

Сердечное спасибо за чудесные подарки и память. Медведя-болонку хотела додержать до Рождества, но Мур (сын) услышал писк и примчался, – всё было поздно. Спит с ним, ест с ним, гуляет с ним, а на вопрос, откуда такое чудо: «А это от папы и мамы Болиса Пастенака». – «А кто Борис Пастернак?»

«Паёт: поёт всё время». – Если бы! –

Пишу Вам эти несколько строк только чтобы поблагодарить, очень хочу написать Вам большое письмо о Борисе, о его 1905 годе, – многом. Как зовут Борисину маму? [1607]

– 29-го годовщина Рильке.

«Dunkle Zypressen!
Die Welt ist gar zu lustig!
Es wird doch alles vergessen» {362}

Когда-нибудь – если встретимся – прочту Вам его стихи ко мне, последнюю из его Duineser Elegien {363}, написанную за 4 месяца до его смерти [1608]. Знает ее кроме меня только Борис. Но Вам покажу, и то письмо покажу, где он о Вас, дорогой Леонид Осипович, писал: Ваше имя русскими буквами [1609].

Все это – стихи, письма, карточки – когда умру завещаю в Рильковский – музей? (плохое слово) – в Rilke-haus {364}, лучше бы – Rilke-hain! {365} который наверное будет. Не хочу, чтобы до времени читали, и не хочу, чтобы пропало. В Россию, как в хранилище не верю, всё еще вижу ее пепелищем.

До свидания! Еще раз спасибо за память и внимание. Чулки чудные, поделилась с дочерью, а сын к весне как раз дорастет: он у меня великан.

МЦ.

P.S. Это не письмо. Письмо – впереди. Да! главное: внук или внучка? Как адрес Вашей дочери в Мюнхене и как ее имя? [1610].

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Как Вам понравилась госпожа Андреева? [1611] Ее мало любят, я ее люблю.

Впервые – НП. С. 253–254. СС-6. С. 300–301. Печ. по СС-6.

94–27. С.В. Познеру
Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

23-го декабря 1927 г.

Милый Соломон Владимирович,

Не была на писательском собрании [1612] потому, что хожу бритая (после
скарлатины) и по возможности не показываюсь. Та же бритая голова, не говоря уже
о моей нелюдимости, полная обеспеченность моей всяческой непригодности в делах
вечера.

Будьте другом, скажите кому, куда и когда подавать прошение, боюсь, что меня
забудут. (Говорю о деньгах с будущего вечера писателей.) [1613]

Заранее благодарная Вам.

МЦветаева.

P.S. Еще просьба! Помните, Вы в прошлом году говорили мне, что есть возможность
получать от русских американцев (Вы конечно знаете о чем говорю) ежемесячное
пособие [1614]. Я тогда сообщила госпоже Ельяшевич [1615] свой адрес, но этим
дело и кончилось.

Как его двинуть? Кого и как просить? Я очень нуждаюсь.

Впервые – Russian Studies / Etudes Russes / Russische Forschungen –
Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб.: Пушкинский фонд. 1994. Т. 1.
С. 300–301 (публ. В. Кельнера и В. Познер). СС-7. С. 189. Печ. по копии с
оригинала, хранящегося в архиве ВДИС.

95–27. А.А. Тесковой
Meudon (S. et O.),

Avenue Jeanne d'Arc

Сочельник 1927 г.

Дорогая Анна Антоновна!

Поздравляю Вас с праздником Рождества Христова и наступающим Новым Годом.

Как досадно вышло! Сувчинский был и не зашел, не повидал Вас, не рассказал Вам о
нас, и нам о Вас ничего рассказать не смог. Кроме того, все мои планы с нашими
мелочами расстроены, – у Вас ли вещи, т.е. занес ли их к Вам Булгаков? Если да,
храните до более верной окказии, – ездят же сюда из Праги в Париж! Я очень
жалею, там был камушек, который я хотела оправить для Али в кольцо к Рождеству.

Аля больна: ангина, лежит в постели и пишет Вам поздравление [1616]. Мур тоже
простужен. После сильных морозов – весенний сильный ветер с дождем, вот и
простудились. Пишите мне. Целую Вас нежно, сердечный привет и поздравления
Вашим.

М.Ц.

Вот лес, где мы гуляем летом [1617].

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Впервые – Письма к Анне Тесковой, 2008. С. 77. Печ. по тексту первой публикации.

96–27. С.Н. Андрониковой–Гальперн
Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

27-го декабря 1927 г., вторник.

Дорогая Саломея,

Заминка: чек ошибочно помечен 1925 г. Прилагаю с просьбой оставить у прислуги другой, на два года старше (1927 г.) За ним завтра (в среду) зайдут. Предупредите прислугу, что зайдет господин, который спросит «une lettre pour M. Efron» {366}. У меня огорчение: у Али и Мура не то ангина, не то грипп, во всяком случае жар и кашель (у Али и горло). Оба в постели. Никуда не выхожу. Чек, как тот, что возвращаю, пожалуйста, на имя Сергея Яковлевича.

До свидания. Очень рада буду повидаться, через неделю, надеюсь, дети обойдутся, тогда спишемся, захвачу федрю, которая Вам понравится больше Поэмы Воздуха.

Да! Если все-таки что-нибудь найдется Ирениного [1618] для Али, приму с радостью, что бы ни было. Все нужно.

Целую Вас и поздравляю с 1928-ым.

МЦ.

Впервые – СС-7. С. 110–111. Печ. по СС-7.

97–27. В.Ф. Булгакову
Meudon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

29-го декабря 1927 г.

С Новым Годом, дорогой Валентин Федорович! Желаю Вам в нем – но у Вас всё есть – а Россия – в 1928 г. – несбыточна.

Где Вы и что Вы? Я Вам недавно писала через Анну Антоновну. Если отзоветесь, напишу большое письмо.

Нынче выходит № III «Верст» и, скоро, моя книга стихов «После России» (1922 г. – 1925 г.) – получите обе [1619].

Всего лучшего Вам и Вашей семье от нас всех,

МЦ.

Впервые – Письма Валентину Булгакову. С. 64. СС-7. С. 17. Печ. по тексту первой публикации.

98–27. Б. Л. Пастернаку
30 декабря 1927 г.

С Новым Годом, дорогой Борис, пишу тебе почти в канун, завтра не смогу, потому что евразийская встреча Нового Года происходит у нас, следовательно –

Вчера – годовщина дня смерти Рильке, а сегодня мне с утра – впрочем успела еще на рынок – пришлось ехать в госпиталь – резать голову. Теперь буду жаловаться: подумай, Борис, моя чудная чистая голова, семижды бритая, две луны отраставшая – пушистая, приятная и т.д. – и вдруг – нарыв за нарывом, живого места нет. Терпела 2 с лишним недели, ходила в кротости Иова [1620], но в конце концов

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru стало невтерпёж, – 10 или 12 очагов сгустившейся боли. Лечебница на краю света, ехала, одним Парижем, час, ждала два, в итоге – не прививка, на которую не имею возможности, ибо 10 дней лежать чуть ли не в 40-градусном жару – а буйно и внезапно взрезанная голова. Ехала домой как раненый, совсем особое чувство бинта – рамы бинта, что-то и от летчика и от рекрута, во всяком случае лестно. Так, мужское во мне было удовлетворено. Причина 1) трупный яд, которым заражена вся Франция (2 миллиона трупов) [1621] 2) малокровие, еще гнуснее и точнее: худосочие. Посему тотчас же по возврате в Мёдон, только зайдя домой проведать, полетела в аптеку за рыбьим жиром детям. – Для чего рассказ? Переключка с Рильке (вспомни Мальте) – Новый Год и бинт, Новый Год и госпиталь, окраина [1622] и, проще – его собственная смерть: умер ведь пожранный белыми шариками [1623].

Что еще? Новый Год евразийский, дружественный, но не мой. Мой – твой.

Ездил с книгой Рильке, читала в вагоне, в метро, в приемной, после такого чтения хоть кожу сдирай – не крикнешь. Впрочем, я терпеливая, дубовая. Знаешь ли ты, как мне когда-то мать в пылу рвения (9 лет воспаления легких) пришила к коже вариант: прошла с кожей компресс и только на другой день, снимая, обнаружила. – Чего же ты молчала? – Я думала, что так надо. Чувство стыда боли. Отец этому чувству – Дьявол.

Но довольно о оборвано

Впервые – Души начинают видеть. С. 445–446. Печ. по тексту первой публикации.

Дополнение
Письма 1903–1923 гг
1903
С.Д. Мейн
Лозанна. Конец декабря 1903 г.

Моя дорогая тетя!

Поздравляю тебя с праздником Рождества и от всего сердца желаю тебе радостно провести его. Большое спасибо за подарки, мы еще их не открыли, храня их до самого Рождества, чтобы на праздник у нас что-то было.

А мне так любопытно, что же лежит в этих пакетах.

Как мила эта открытка, не правда ли? Мне это напоминает твой дом [1624].

Моя дорогая тетя, заканчиваю мое послание, крепко тебя обнимая и обещая часто писать тебе во время каникул. Привет всем, включая собак. До свидания, моя добрая тетя!

Твоя маленькая Муся (которая тебя очень любит!)

Впервые – Коркина Е.Б. С. 19 (в пер. с фр.). Публ. по тексту первой публикации.

Сусанна Давыдовна Мейн (домашнее прозвище Тьо (от слова «тетя»; 1843–1919), швейцарская воспитательница матери М. Цветаевой, вторая жена А.Д. Мейна, деда Марины. Способствовала устройству сестер Цветаевых, Марины и Анастасии, в пансион в Лозанне. См. Цветаева А. С. 127–131.

1904
М. Руеф

Дорогая Марта! Желаю Вам хорошего Рождества, шлю привет и обнимаю Вас. Поскорее возвращайтесь, я так буду рада. Напишите мне, милая Марта, я буду очень рада получить от Вас весточку. Не забыли ли Вы уже французский язык? Говорите ли Вы дома по-французски? Довольны ли Вы? Крепко целую Вас, моя дорогая! Муся

Впервые – Коркина Е.Б. С. 20–21 (в пер. с фр.). Печ. по тексту первой публикации.
Страница 324

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru публикации.

Письмо написано на рождественской открытке. Сведениями об адресате мы не располагаем.

1910
А.И. Цветаевой
Москва, 4 января 1910 г.

Милая Ася,

Ты, всегда во всем меня понимавшая не осудишь меня за то что я ухожу из жизни.
Умоляю Тебя, никогда меня не бойся {367}

Вспомни как мы ходили в синематограф, катались на коньках, читали друг у друга письма.

Вспомни Нерви, Лозанну, Мариенштрассе {368}, зачеркнуто Ялту, зимы после заграницы, детство.

Никогда я не «явлюсь» к Тебе, даже если оттуда можно «явиться».

Передай мой искренний привет Вале [1625], Варечке [1626], милой Нине [1627], Лидии Александровне [1628], Елене Адамовне [1629], Ане Калин [1630].

Пусть они не забывают меня. Поцелуй за меня Нинику особенно нежно {369}. Я любила ее до последней минуты.

Мую автобиографию [1631] (она у Е.А. Гедвилло) возьми себе, так же как нервийский и лозаннский альбомы, мой нервийский дневник и шкатулку с письмами.

Вале дай мой дневник, когда я была у Дервиз (Ты его узнаешь, красный, написано «Ранние всходы».)

Мой настоящий дневник и оба томика моих стихов передай зачеркнуто Нилендеру [1632]. Выбери из моих книг какую-нибудь получше для Эльфочки {370} и передай ей ее с моим нежным поцелуем. Дай бог ей счастья, моей Аните. Книжный шкаф со всеми книгами дарю Тебе. Книги из моей комнаты подели между Варечкой, Ниной, Валей и Нилендером. Нине дай пожалуйста Victor Hugo и нрзб. {371}. Нилендеру и Варечке исторические о Наполеоне. Вале – что ей понравится. Я любила мои книги, пусть и они их любят.

Милая Паршивка {372}.

Зачеркнуто я тебе сейчас пишу и не верю что смерть так близко. Но я не боюсь и не жалею. Нельзя вечно спать, лучше умереть.

Милая Паршивка, вспоминай обо мне весенними вечерами, на бульваре, у нас в зале, вспоминай меня чаще... И помни что всегда я бы Тебя поняла если была бы с Тобой.

Ты сейчас катаешься на катке, а завтра в это время я буду уже чем-то чужим, нежившим, страшной вещью. Но все-таки лучше смерть чем жизнь не такая какой я хочу {373}.

«Ah, mieux vaut répartir aussitôt qu'on arrive que de voir te faner, nouveauté de la rive» {374} [1633]

Это мой символ веры. Будет ли Нилендер беречь наш «Вечерний Альбом?» {375} [1634]

Ухожу без надежды увидеть маму, Герцога Рейхштадтского [1635], Марию Башкирцеву [1636]. Но если все-таки увижу их, расскажу им о Тебе.

Будь счастливой, Паршивка, никогда не медли, не считай, не жалея, не раздумывай.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Ну пусть потом расплата! А то и Тебя замучит роковое слово «поздно».

Ну, кончаю. Мы не целовались с Тобой должно быть лет 7 или около этого. Целую Тебя... мысленно, очень крепко.

Целую также милую Валечку, Варечку, нрзб. {376} Нину, Лидию Александровну, Аню Калин, всех кого я любила. Другое письмо пишу Нилендеру, умоляю Тебя, сделай чтобы он его получил.

Лучше всего передай его ему сама, из рук в руки.

Проведем еще вместе с Тобою. Дай бог чтобы не оборвалась веревка. А то недовеситься... Гадость, верно? {377}

Исполни пожалуйста все мои порученья и не поминай меня лихом.

МЦ.

(Мамонтиха, Проходимка.) {378}

Дай, пожалуйста от меня Нилендеру гравюру с сыном Наполеона где написано «Les destins et les flots sont changeants» {379} [1637]. Нине, если только она захочет взять – дай «Девочку цвета луны» {380} [1638]. Мою куклу передай летом Кланечке [1639], она ей так нравилась.

Гравюры раздели с Андреем [1640]. Мне бы хотелось, чтобы моя Сарра Бернар {381} [1641] в раме досталась Эллису [1642], но если Тебе ее хочется – оставь себе. Выучись играть зачеркнуто «Никакой огонь, никакой уголь» {382} [1643] и пой ее по вечерам в зале {383}. Милая Асенька, не сердись за все эти порученья. Я тебя очень люблю Паршивка! Но Ты долго не возвращаешься с катка.

Где-то меня похоронят? Хорошо бы рядом с мамой, но это, кажется, невозможно?

Запиши, если помнишь мои стихи «Памяти Нины Джаваха» [1644], а то их у меня нет в тетради.

Не скандаль особенно с папой, все-таки жалко его, хотя он нас совсем не понимает.

Привет Андрею, Валерии [1645]. Расскажи что найдешь нужным обо мне Дракконе {384}, Вале, Ане Калин, Нинике...

Окончательно до-свидания, вернее, прощай.

Не забывай-ай меня. Асенька, не бойся! Я ведь Тебя любила! Твоя сестра МЦ. {385}

Печ. как самостоятельный текст М.И. Цветаевой впервые. Публ., подгот. текста и коммент. Е.И. Лубянской.

Оригинал письма не сохранился. Текст реконструирован по рукописной копии А.И. Цветаевой (РГАЛИ. Ф. 1334, оп. 1, ед. хр. 832, л. 25–26 об.). Полный текст этой копии с подробной историей ее создания, находки и расшифровки см. в нашей публикации: Лубянская Е.И. О прощальном письме Марины Цветаевой 1910 года // «Дух – мой сподвижник и дух – мой вожатый». Материалы Шестых Международных Цветаевских чтений: к 120-летию со дня рождения М.И. Цветаевой. Елабуга: ЕГПУ, 1913 (в печати).

Это прощальное письмо-завещание, адресованное младшей сестре, было написано 17-летней М. Цветаевой, решившей покончить с собой из-за несчастной любви к В.О. Нилендеру, которому она незадолго перед тем отказала в замужестве.

А.И. Цветаева в воспоминаниях упоминала об этом письме в связи с неудавшейся попыткой самоубийства М. Цветаевой зимой 1910 г. на спектакле «Орленок» (по драме Э. Ростана) с участием С. Бернар: «Из отрывков ею [Мариной] сказанного тогда и позднее, слов брошенных, я узнала: она выстрелила в себя – револьвер дал осечку» (Цветаева А. Воспоминания: В 2 т. М.: Бослен, 2008. Т. 1. С. 525). Но мемуаристка явно ошибалась: на самом деле последние гастроли С. Бернар в Москве

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru состоялись в декабре 1908 г. Как показано нами в вышеупомянутом сообщении, А.И. Цветаева произвольно соединила в памяти два отдельных случая, две разные юношеские попытки сестры свести счеты с жизнью: первая имела место в 1908 г. действительно на спектакле С. Бернар, но причиной этого поступка была безмерная любовь–тоска М. Цветаевой к Орленку – Герцогу Рейхштадтскому, сыну Наполеона, попытка эта не удалась; вторая замышлялась в начале 1910 г. по причине разрыва с В. Нилендером, но, вполне вероятно, что она не была доведена до конца, а ограничилась лишь написанием прощального письма.

Письмо не было отправлено, и А.И. Цветаева долгие годы не подозревала о его существовании. О том, как она получила его уже после гибели сестры, находясь в дальневосточном лагере, она рассказала Б.Л. Пастернаку, посылая ему одну из копий этого письма. В сопроводительном письме (датируется по содержанию концом января – февралем 1945 г.) она писала: «Вот, Борис, копия письма ко мне Марины в 1910 г., когда ей было 17, мне – 15 лет. Чудом попало к Марии Ивановне [Кузнецовой] и она мне списала его. Я о нем не знала. Я получила его 35 лет спустя дня его написания, 35 лет и 24 дня спустя, 28.I этого года. Дрожали не руки, письмо державшие, а все то, что зовется мной и вся моя будущая жизнь до дня смерти, потому что я прочту Маринины прощальные мне слова (меня о них еще осенью предупредила Мария Ивановна, и шли к Марии Ивановне мои телеграммы молящие о 2х копиях мне, о сохранении подлинника.) Это было в общежитии. Письмо я получила днем (в памяти сейчас путается) но я смогла прочесть его только вечером, я не знала куда уйти с ним, – некуда. Я стала на койку, на колени, так что лицо было почти прямо к лицу молодого (большого) портрета Марины, увеличенного мной, ее глаза глядели прямо в мои, и я моля жила удерживать слезную дрожь, чтоб не видно было сзади, чтоб – не любопытствовала там комната! Хоть от этого меня спасти сейчас, стала читать, держа листок Марии Ивановниного почерка повелительно чувствуя что – Маринин. И сейчас же ничего не стало видно от слез. Я читала то что прочтете (на отдельном листке – потому что нет времени отдельно списать Вам, списываю с копией, Але [Эфрон] и Вам) – но я захотела продлить это страшное свиданье с 17 летней умиравшей Мариной – и чтобы никого сзади в комнате, ночь. И я дочла последней страницы а последнюю страницу оставила себе – на ночь. Сложила, и идя вниз по горе точно по лестнице Трехпрудного дома, пошла на работу. Ночью, одна, еще осилив и баню (день банный) к на этот раз как всегда позже всех – легла когда все уже спали. Тут я, может быть уже 29го I, потому что была глубокая ночь, дочла последние ко мне во всю мою остающуюся жизнь – слова Марины» (РГАЛИ. Ф. 1334, оп. 1, ед. хр. 832, л. 22) {386}.

Оригинал письма 1910 г. А.И. Цветаева получила несколько лет спустя, когда ненадолго обрела свободу, но и он, и копия М.И. Кузнецовой позже были утрачены: «Судьба в новом шквале событий эту копию письма и через четыре года полученный оригинал – у меня отняла» (Цветаева А. Воспоминания. Т. 2. С. 660). Вследствие этой утраты содержание прощального письма М. Цветаевой до сих пор было известно лишь в кратком пересказе ее сестры (см.: Там же. С. 660–661; Цветаева А. Неисчерпаемое. М: Отечество, 1992. С. 179).

Из двух копий письма, выполненных А.И. Цветаевой для А.С. Эфрон и Б.Л. Пастернака, первая до адресата не дошла, а вторая (сделанная под копирку на тонкой кальке с двух сторон) достигла цели и впоследствии была передана Пастернаком А.Е. Крученых, в архиве которого она и сохранилась.

В тексте копии имеются поясняющие пометы А.И. Цветаевой (на полях и в скобках) – все они приведены в подстрочных примечаниях. В публикации восстановлены французские цитаты, которые в условиях лагерной цензуры А.И. Цветаева вынуждена была заменить на русский перевод.

1920
ОБЩЕМУ СОБРАНИЮ ДВОРЦА ИСКУССТВ
Весна 1920 г.

Прошу зачислить меня в члены Дворца Искусств по литературному отделению [1646].

Москва, Поварская, Борисоглебский переулок, дом 6, квартира 3.

Марина Ивановна
Цветаева-Эфрон
Резолюция: Рекомендую. Л. Копылова [1647].

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Впервые – Саакянц А.–2. С. 194. Печ. по тексту первой публикации.

1923

Л.Е. Чириковой

Прага, 14 нового апреля 1923 г.

Моя дорогая Людмила Евгеньевна!

Посылаю Вам два «Ремесла» [1648] – С.М. Волконскому (Bd des Invalides, 2, Rue Duroc) и М.С. Цетлин [1649] (118, Rue de la Faisanderie, XVI-e). С.М. Волконскому непременно передайте сами, я упорно хочу Вас подружить. И «Царь-Девуцу» [1650] для Бальмонтов, адреса их не знаю. Будьте героиней, разыщите их.

Вам «Ремесла» пока не посылаю, потому что эти книжки последние. Но Геликон [1651] обещает еще, тогда пришлю.

Были ли у Сергея Михайловича? Если были – непременно и подробно опишите встречу.

– Когда увидимся? –

Эти письма с просьбами не в счет, т.е. в счет-то в счет, и весьма тяжкий, ибо Вы меня скоро возненавидите, – но, вопреки видимости, этому великому обманщику, верьте в мою бескорыстнейшую нежность.

МЦ.

Публикуется впервые по оригиналу, хранящемуся в архиве Дома-музея Марины Цветаевой в Москве.

Написано на цветной открытке с видом Вшенор.

Приложение

От составителя

В настоящем издании, являющемся продолжением публикации эпистолярного наследия М.И. Цветаевой, сохранены принципы подготовки текста, принятые в предыдущем томе (Цветаева М. Письма 1905–1923).

Как и в предыдущем издании, в настоящем томе письма расположены в хронологической последовательности. Письма печатаются по оригиналам или копиям с оригиналов, а при их недоступности – по первой полной публикации. Большинство писем, опубликованных ранее, сверены или исправлены по оригиналам или их копиям.

Все тексты писем печатаются по современной орфографии, но с максимальным сохранением индивидуальных авторских особенностей написания и произношения отдельных слов, а также пунктуации.

В авторской транскрипции приводятся также некоторые названия, имена и фамилии.

Пропуски в текстах обозначены угловыми скобками. В угловых скобках также раскрываются недописанные и сокращенные слова (кроме общепринятых). Слова и фразы, подчеркнутые в подлиннике, выделяются курсивом или разрядкой.

Тексты расшифрованных черновиков, содержащие большое количество недописанных Цветаевой слов, для удобства читателей печатаются без обозначения сокращений, т.е. без угловых скобок.

Для указания мест в рукописи, которое трудно поддаются чтению, применяется ремарка нрзб..

В квадратных скобках приведены слова и выражения, зачеркнутые в рукописи М. Цветаевой.

Авторские даты и указания мест написания помещены слева (вверху или внизу, в

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru зависимости от места их указания в оригинале). Даты, установленные по почтовым штемпелям или по содержанию, заключены в угловые скобки. Слова, введенные Цветаевой в датировку (обозначение дня, название праздника и т.д.), сохранены. Оставлено без изменения обозначение календарного стиля: после 1 февраля 1918 г. Цветаева долгое время придерживалась старого (русского) стиля или ставила две даты – по старому и новому стилю.

Варианты писем или черновики содержит дополнительное буквенное обозначение (например, 27а–27).

Переводы иноязычных слов даются подстрочно.

Письма, обнаруженные после сдачи в печать предыдущего тома, выделены в раздел «Дополнения».

Сведения об адресатах писем включены в отдельный указатель.

Составитель приносит благодарность за помощь в работе З.Н. Атрохиной, Л.О. Мистрюковой, Г.Л. Мозалевской (Мемориальный Дом-музей Марины Цветаевой, Болшево), Э.С. Красовской, М.Ю. Мелковой, О.А. Ростовской, О.Ю. Тесленко, М.М. Уразовой (Дом-музей Марины Цветаевой, Москва), Т.И. Дубровиной, Н.В. Рыжак (Российская государственная библиотека), В.Л. Телицыну (Москва), Е.И. Лубяниковой (Санкт-Петербург), Р. Дэвису (Лидс), Т. Гладковой (Париж), К. Беранже (Париж).

Условные сокращения, принятые в комментариях
Архив BDIC – Архив Библиотеки международной современной документации в Нантере (Франция) / Archive de Bibliothèque de documentation internationale contemporaine (BDIC), Nanterre (France).

Архив А.Л. Бема – Архив А.Л. Бема. Литературный архив Музея национальной письменности в Праге.

Архив П.П. Сувчинского – Архив П.П. Сувчинского. Национальная библиотека (Париж).

Биография юности – Шаховской Иоанн, архиепископ. Биография юности. Установление единства – Париж: YMCA-Press, 1977.

Вопросы литературы – Из переписки Рильке, Цветаевой и Пастернака в 1926 году / Публ., пер. и коммент. К.М. Азадовского, Е.В. и Е.Б. Пастернак. Вопросы литературы. М. 1978. № 4.

Воспоминания – Воспоминания о Марине Цветаевой / Сост. Л.А. Мнухина и Л.М. Турчинского. М.: Сов. писатель, 1992.

Вшеноры 2000 – Дни Марины Цветаевой. Вшеноры 2000: Новые результаты исследований. Прага, 2002.

Годы эмиграции – Марина Цветаева в воспоминаниях современников. Годы эмиграции / Сост., подгот. текста, вступ. статья и примеч. Л. Мнухина, Л. Турчинского. М.: Аграф, 2002.

Гронский Н. – Цветаева М., Гронский Н. Несколько ударов сердца. Письма 1928–1933 годов / Сост. Ю.А. Бродовская и Е.Б. Коркина. М.: Вагриус, 2003.

ДМЦ – Архив Дома-музея Марины Цветаевой (Москва).

Документы к истории – Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918–1939) / Сост. З. Сладек, Л. Белошевская и др. Прага: Изд-во Еурославика, 1998.

Души начинают видеть – Марина Цветаева. Борис Пастернак. Души начинают видеть. Письма 1922–1936 гг. Изд. подгот. Е.Б. Коркина и И.Д. Шевеленко. М.: Вагриус, 2004. Годы эмиграции – Души начинают видеть.

Дружба народов – Дыхание лирики: Из переписки Р.-М. Рильке, М. Цветаевой и Б.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru Пастернака в 1926 г. / Публ., пер. и коммент. К.М. Азадовского, Е.В. Пастернак, Е.Б. Пастернака. Дружба народов. М. 1987. № 7–9.

ИМЛИ – Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН РФ (Москва).

Коркина Е.Б – Коркина Е.Б. Летопись жизни и творчества М.И. Цветаевой. Ч. I. 1892–1922. М: Дом-музей Марины Цветаевой, 2012.

Литературное обозрение – Литературное обозрение. 1991. № 9.

Лосская В – Лосская В. Марина Цветаева в жизни. Воспоминания современников. М.: ПРОЗАИК, 2011.

Небесная арка – Небесная арка: Марина Цветаева и Райнер Мария Рильке / Вступ. статья, сост., подгот. текстов, пер. и примеч. К.М. Азадовского. СПб.: Акрополь, 1992.

НЗК-1, НЗК-2 – Цветаева М. Неизданное: Записные книжки: В 2 т. Т. 1 и 2 / Сост., подгот. текста, предисл. и примеч. Е.Б. Коркиной и М.Г. Крутиковой. М.: Эллис Лак, 2000, 2001.

НИСП – Цветаева М. Неизданное. Семья: История в письмах / Сост. и коммент. Е.Б. Коркиной. М.: Эллис Лак, 1999.

НП – Цветаева М. Неизданные письма / Под общей ред. Г.П. Струве и Н.А. Струве. Париж: Утса-Press, 1992.

НСТ – Цветаева М. Неизданное. Сводные тетради / Подгот. текста, предисл. и примеч. Е.Б. Коркиной и И.Д. Шевеленко. М.: Эллис Лак, 1997.

Письма Д.П. Мирского П.П. Сувчинскому – Smith G.S. The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinski, 1922–1931 (Письма Д.П. Мирского П.П. Сувчинскому. 1922–1931). Birmingham: University of Birmingham, 1995.

Письма к Анне Тесковой. 1969 – Цветаева М. Письма к Анне Тесковой / Вступ. статьи З. Матгаузера, В.В. Морковина. Подгот. текста и примеч. В.В. Морковина, науч. ред. З. Матгаузер. Прага: Academia, 1969.

Письма к Анне Тесковой, 2008 – Цветаева М. Письма к Анне Тесковой / Сост., подгот. текста и коммент. Л.А. Мнухина. Вступ. статья А. Главачека. М.: Мемориальный Дом-музей Марины Цветаевой в Болшеве, 2008.

Письма к Анне Тесковой, 2009 – Цветаева М. Спасибо за долгую память любви...: Письма Марины Цветаевой к Анне Тесковой. 1922–1939 / Предисл., публ. и примеч. Г.Б. Ванечковой. М.: Русский путь, 2009.

Письма к Валентину Булгакову – Цветаева М. Письма Валентину Булгакову. 1925–1927 / Вступ. статья Г. Ванечковой, коммент. В.Ф. Булгакова и Г. Ванечковой. Прага: Музей Чешской литературы, 1992.

Письма к В. Рудневу – Цветаева М., Руднев В.В. Надеюсь – сговоримся легко: Письма 1933–1937 годов / Изд. подг. Л.А. Мнухиным. Предисл. В.К. Лосской. М.: Вагриус, 2005.

Письма к Константину Родзевичу – Цветаева М. Письма к Константину Родзевичу / Изд. подгот. Е.Б. Коркина. Ульяновский Дом печати, 2001.

Письма к Л.Е. Чириковой-Шнитниковой – Письма М.И. Цветаевой к Л.Е. Чириковой-Шнитниковой / Сост., подгот. текстов и примеч. Е.И. Лубянниковой. М.: Дом-музей Марины Цветаевой; Изограф, 1997.

Письма Сергея Эфрона Евгению Недзельскому – Письма Сергея Эфрона Евгению Недзельскому / Публ. Л.В. Зубовой – Åbo/Turku, Finland. 1994.

Письма 1905–1923 – Цветаева М. Письма 1905–1923 / Сост. Л.А. Мнухина (при участии Л.Г. Трубицыной). Подгот. текста Л.А. Мнухина. М.: Эллис Лак, 2012.

Письма 1926 года – Рильке Р.-М., Пастернак Б., Цветаева М. / Подгот. текста,
Страница 330

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru сост., коммент К.М. Азадовского и Е.В. и Е.Б. Пастернак. М.: Книга, 1990.

Поэт и время – Марина Цветаева. Поэт и время: Выставка к 100-летию со дня рождения. М.: Галарт, 1992.

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.

РО ИМЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом, СПб.).

Родство и чуждость – Марина Цветаева в критике современников: В 2 ч. Ч. 1. 1918–1941 годы. Родство и чуждость / Сост. Л.А. Мнухина, подгот. текста и коммент. Л.А. Мнухина и Е.В. Толкачевой. М.: Аграф, 2003.

Русская газета – Русская газета: Еженедельник в Болгарии. София. 2005. № 14. 18–24 апр. С. 12 (публ. В. Лосской).

Саакянц А – Саакянц А. Марина Цветаева: Страницы жизни и творчества (1910–1922). М.: Сов. писатель, 1986.

Саакянц А.-2 – Саакянц А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. М.: Эллис-Лак, 1997.

СС 1–5 – Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А.А. Саакянц и Л.А. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994–1995.

СС 6–7 – Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. / Сост., подгот. текста, и коммент. Л.А. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1995.

Соч. 88 (1, 2) – Цветаева М. Сочинения: В 2 т. М.: Худож. литература, 1988.

Хроника – Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. Франция. 1920–1975. В 8 т. / Под общей ред. Л.А. Мнухина. Т. 1–4. 1920–1940. М.: ЭКСМО – Париж: ИМКА-Пресс, 1995–1997; Т. 1(5) – 4(8). 1940–1975. М: Русский путь – Париж, ИМКА-Пресс, 2000–2002.

Цветаева А – Цветаева А. Воспоминания. 3-е изд., испр. и доп. М.: Сов. писатель, 1983.

Швейцер В – Швейцер В. Страницы биографии Марины Цветаевой. Russian Literature Amsterdam. IX. 1981.

Швейцер В.-2 – Швейцер В. Быт и бытие Марины Цветаевой – Fontenay-aux-Roses, France: Синтаксис, 1988.

Эфрон А – О Марине Цветаевой: Воспоминания дочери / Сост. и автор вступ. статьи М.И. Белкина. Коммент. Л.М. Турчинского. М.: Сов. писатель, 1989.

Revue des Études slaves – Письма М.И. Цветаевой из архива П.П. Сувчинского. Revue des Études slaves. Paris. 1992. LXIV/2. С. 207–208 (публ. Ю. Клюкина, В. Козового и Л. Мнухина).

ВРХД – Вестник русского христианского движения. Париж; Нью-Йорк; Москва.

Адресаты писем М.И. Цветаевой

АЛЬТШУЛЛЕР Григорий Исаакович (1895–1983), доктор медицины, литератор. Сын известного ялтинского врача И.Н. Альтшуллера, лечившего А.П. Чехова и Л.Н. Толстого. Учился на медицинском факультете Московского университета. В 1920 г. выехал с родителями за рубеж. Жил в Турции, Болгарии, Чехословакии. В 1925 г. окончил медицинский факультет Карлова университета в Праге по специальности врача-терапевта. В период знакомства с Цветаевой жил в чешской деревне Мокропсы, близ Праги. 1 февраля 1925 г. Альтшуллер принимал роды у Цветаевой.

АНДРОНИКОВА-ГАЛЬПЕРН Саломея Николаевна (Ивановна) (урожд. Андроникова, в первом браке Андреева; 1888–1982) – «петербургская красавица», близкая знакомая многих известных русских поэтов и художников, благотворитель. В 1910-е гг. входила в литературно-художественный мир С.-Петербурга. Была дружна с А. Ахматовой, О. Мандельштамом, А. Лурье и др. В 1919 г. эмигрировала в Париж. Работала в модном журнале «Vu et Lu». Знакомство, а затем и переписка Цветаевой и

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru Андрониковой–Гальперн состоялось в 1926 г. и продолжалось вплоть до отъезда Цветаевой в СССР. В 1933–1934 гг. входила в Комитет помощи М. Цветаевой. В 1937 г. переехала в Лондон.

АХМАТОВА Анна Андреевна (урожд. Горенко; 1889–1966) – поэт. Ранняя Цветаева с пиететом относилась к Ахматовой. Посвятила ей поэму «На Красном Коне» (1921, впоследствии посвящение снято), к ней обращено стихотворение «Анна Ахматова» (1915) и стихотворный цикл «Ахматовой» (1916). Впоследствии изменила к ней отношение. Ахматовскую «Поэму без героя» Цветаева не приняла. Ахматова тоже критически отнеслась к «Поэме Воздуха», «Поэме Горы», «Поэме Конца» и другим произведениям Цветаевой. Известна переписка между поэтами, относящаяся к 1921 г. Встретились они только один раз в июне 1941 г. (два дня): первый день – у Ардовых, второй – у Н.Н. Харджиева. Ахматова посвятила Цветаевой стихотворения «Поздний ответ» («Невидимка, двойник, пересмешник...», 1940), «Ты любила меня и жалела...» (1959), упоминала о ней и в других своих стихах («Какая есть. Желаю вам другую...», 1942; «Нас четверо. Комаровские наброски», 1961), прозе и дневниковых записях.

БАЛАГИН Александр Самойлович (наст. фам. Гершанович; 1894–1937) – поэт, драматург. Второй муж М.И. Кузнецовой (см. Письма. 1905–1923).

БАХРАХ Александр Васильевич (1902–1985) – литературный критик, мемуарист. В 1920 г. эмигрировал, жил в Берлине, Париже. Писал критические статьи для газеты «Дни». Рецензия на сборник «Ремесло» (1923) послужила началом переписки между поэтом и критиком, пик которой пришелся на лето 1923 г. Первая личная встреча состоялась сразу по приезде Цветаевой в Париж, в 1925 г. «...За все ее парижские годы я побывал у нее считанное число раз ... Вероятно, это происходило потому, что разговор с ней у меня никогда не клеился, мне казалось, что приходится подниматься на крутую гору. Хотя и был он утонченно литературен, но вместе с тем в каждой брошенной ею фразе, в любом ее полуслове мне чудился какой-то второй смысл, намек на что-то, что перегорело или, строго говоря, что было измышлено» (Годы эмиграции. С. 199–200). К А. Бахраху обращены цикл «Час души» (1923), стихотворения 1923 г.: «Наклон», «Раковина», «Заочность», «Письмо», «Минута».

БОГЕНГАРДТ Антонина Константиновна (урожд. Никольская; 1867–1948) – педагог. Мать В.А. Богенгардта. Бывшая начальница Женской гимназии в Красноярске. В начале 1920-х гг. выехала к сыну. Жила в Чехословакии. Работала в Русской гимназии в Моравской Тршебове, преподавала французский и немецкий языки. В середине 1920-х гг. уехала во Францию.

БОГЕНГАРДТ Всеволод Александрович (1892–1961) – капитан Марковского полка, педагог. Учился в Московском университете. В Первую мировую войну служил в санитарном отряде. В Гражданскую войну воевал в составе Марковского полка Добровольческой армии, участник 1-го Кубанского похода. Однополчанин С.Я. Эфрона. Эмигрировал через Галлиполи в Константинополь, затем переехал в Чехословакию. Работал воспитателем в Русской гимназии в Моравской Тршебове, где училась Ариадна Эфрон. В середине 1920-х гг. уехал с семьей во Францию. Работал шофером.

БОГЕНГАРДТ Ольга Николаевна (урожд. Стембок–Фермор; 1893–1967) – педагог. Жена В.А. Богенгардта. Участница Гражданской войны. Эмигрировала в Константинополь, затем переехала в Чехословакию. Работала воспитателем в Русской гимназии в Моравской Тршебове. В середине 1920-х гг. уехала с мужем во Францию.

БУЛГАКОВ Валентин Федорович (1886–1966) – писатель, мемуарист, деятель культуры. Учился на историко-филологическом факультете Московского университета. Секретарь Л.Н. Толстого. В 1923 г. был выслан из СССР. Жил в Праге. Председатель Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии. Цветаева познакомилась с Булгаковым в ноябре 1924 г., когда создавалась редакционная коллегия нового литературного издания «Ковчег». Совместная работа Цветаевой и Булгакова над составлением первых сборников и редактированием рукописей явилась поводом для возникновения переписки, которая продолжалась некоторое время и после отъезда Цветаевой во Францию. Последний раз они виделись в 1937 г. в Ванве (под Парижем), куда Булгаков приезжал по делам Пражского русского культурно-исторического музея. Вернулся в СССР

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
ВАЙНФЕЛЬД Нина Львовна – См. ЛАПИНА Н.Л.

«ВЕРСТЫ» – (Париж, 1926. Июнь – 1928. № 1–3). – общественно-политический и литературный журнал под редакцией Д.П. Святополк-Мирского. П.П. Сувчинского и С.Я. Эфрона «при ближайшем участии А. Ремизова, М. Цветаевой и Л. Шестова».

ВИШНЯК Марк (Мордух) Вениаминович (1883–1976) – публицист, редактор, эсер. Окончил юридический факультет Московского университета. В 1919 г. эмигрировал в Париж. Соредактор и секретарь редакции журнала «Современные записки» (1920–1936). Один из основателей Франко-русского института. В 1937–1939 гг. секретарь редакции журнала «Русские записки». В 1940 г. уехал в США. Автор мемуаров «Современные записки: Воспоминания редактора» (1957).

ГИППИУС Зинаида Николаевна (в замуж. Мережковская; 1869–1945) – поэт, прозаик, литературный критик. Вместе с Д.С. Мережковским – основатели литературно-философского общества «Зеленая лампа». Сотрудничала со многими эмигрантскими журналами. В 1906–1914 гг. жила в Париже. С 1920 г. в эмиграции, обосновалась в Париже. Сотрудничала во множестве периодических изданий русской эмиграции. Писала также под псевдонимом Антон Крайний. К Цветаевой относилась резко отрицательно. Цветаева отвечала ей взаимностью (см., например, ее письмо в настоящей книге, публикующееся впервые).

ГОРЬКИЙ Максим (наст. имя и фам. Алексей Максимович Пешков; 1868–1936) – советский писатель, общественный деятель. С 1924 по 1933 г. жил в Италии. С Горьким Цветаева лично знакома не была. Ее поэзия была ему глубоко чужда. В письме к Б.Л. Пастернаку от 19 октября 1927 г. он резко отозвался о ее стихах: «С вашей высокой оценкой дарования Марины Цветаевой мне трудно согласиться. Талант ее мне кажется крикливым, даже – истерическим, словом она владеет плохо... Она слабо знает русский язык и обращается с ним бесчеловечно, всячески искажая его...» (в кн.: М. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 301–302).

ГУЛЬ Роман Борисович (1896–1986) – писатель, критик. Участник Белого движения. С 1918 г. в эмиграции. С 1920 г. жил в Берлине, в 1922 г. работал секретарем редакции журнала «Новая русская книга». В 1933 г. – узник фашистского концлагеря, после освобождения в сентябре переехал в Париж. С Гулем Цветаеву познакомил Э.Г. Эренбург в Берлине в 1932 г. После переезда Цветаевой в Чехию у нее с Гулем завязалась переписка, длившаяся почти два года. В мемуарной книге «Я унес Россию» Гуль оставил портрет Цветаевой.

ИОАНН, архиепископ – см. ШАХОВСКОЙ Д.А.

КАЛЛИНИКОВ Иосиф Федорович (1890–1934) – писатель, переводчик. С 1920 г. в эмиграции. В Праге работал корректором, сотрудничал с русскими и чешскими журналами. Был участником литературного сборника «Ковчег», Письма Цветаевой к Каллиникову посвящены изданию поэмы «Молодец» и составлению сборника «Ковчег».

КАРСАВИН Лев Платонович (1882–1952) – историк, философ, богослов. Окончил историко-филологический факультет С.-Петербургского университета. В 1922 г. был выслан из Советской России, поселился в Берлине. В 1926 г. переехал в Кламар (под Парижем). Стал одним из лидеров евразийского движения. Цветаева и Карсавин нередко встречались. Через Карсавина, а затем, после его отъезда в Литву (1928), через его семью, на несколько лет задержавшуюся во Франции, А.А.Тескова пересылала из Праги Цветаевой денежную помощь. Жена Л.П. Карсавина, Лидия Николаевна (1881–1961), была членом Комитета помощи Марине Цветаевой (1930–е гг.).

КОЛБАСИНА-ЧЕРНОВА Ольга Елисеевна (урожд. Колбасина, в первом замужестве Федорова; 1880 (1885, 1886) – 1964) – литератор, мемуарист. Жена (до 1923 г.) одного из основателей партии эсеров, председателя Учредительного собрания В.М. Чернова (1873–1952). Окончила историко-филологический факультет Высших женских курсов в С.-Петербурге. В эмиграции жила в Берлине, Праге. В 1924 г. обосновалась в Париже. С Цветаевой познакомилась и подружилась в Чехии, где в 1923–1924 гг. была ее соседкой по дому. Цветаева по приезду в Париж поселилась в ее парижской квартире (с ноября 1925 по апрель 1926 г.). Автор воспоминаний о

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru Цветаевой (Годы эмиграции. С. 72–80). Вернулась в СССР.

КОМИТЕТ ПОМОЩИ РУССКИМ ПИСАТЕЛЯМ И УЧЕНЫМ ВО ФРАНЦИИ образован в Париже в 1919 г. Комитет ставил своей задачей оказание материальной и моральной помощи русским писателям и ученым, «проживающим во Франции и ее владениях, а равно в странах, где нет местных обществ помощи русским писателям и ученым». Главным в работе Комитета была организация добывания средств (благотворительные вечера и издания, поиски меценатов, связи с аналогичным комитетом в Америке и т.д.) и последующее распределение этих средств среди нуждающихся писателей и ученых. С начала 1930-х гг. функции распределения и выдачи пособий отошли к Союзу русских писателей и журналистов в Париже.

КУБКА Франтишек (1894–1969) – чешский писатель, критик, переводчик. Автор книги «*Vásníci revolučního Ruska*» («Поэты революционной России», Прага, 1924), в которой даны творческие портреты Блока, Есенина, Маяковского, Пастернака, Цветаевой. О своих пражских встречах с Цветаевой написал воспоминания «Грустный романс о Марине Цветаевой» (Годы эмиграции. С. 152–161).

КУПРИНА Елизавета Морицевна (урожд. Гейнрих; 1882–1942) – вторая жена А.И. Куприна (1870–1938). Сестра милосердия в Русско-японскую войну. В эмиграции во Франции с 1919 г. Владела переплетным ремеслом, работала в библиотеках. В 1937 г. вернулась в СССР.

ЛАПИНА Нина Львовна (в замуж. Вайнфельд; 1907 – до 1990) – переводчица. Дочь инженера Льва Семеновича Лапина (1872–1942), работавшего в 1920-е гг. в советском торгпредстве в Париже. Жила с родителями в одном доме с О.Е. Колбасиной-Черновой, где и познакомилась с Цветаевой. Окончила Сорбонну. В юности писала стихи. Занималась литературным переводом детских книг, работала техническим переводчиком.

ЛЯЦКИЙ Евгений Александрович (1868–1942) – литературовед, профессор русского языка и литературы Карлова университета в Праге. Знакомство Цветаевой с Ляцким произошло, вероятно, в Берлине. В Праге их встречи продолжились. В 1923 г. организовал в Праге издательство «Пламя», в котором год спустя была выпущена отдельной книгой поэма-сказка Цветаевой «Молодец».

НЕДЗЕЛЬСКИЙ Евгений Леопольдович (1894–1961) – поэт, переводчик, литературовед. В эмиграции жил в Праге, Ужгороде (1927–1945), снова в Праге. Печатался в эмигрантских периодических изданиях. Вместе с С.Я. Эфроном в 1926 г. состоял членом редакционной коллегии пражского журнала «Своими путями».

НОАЙ Анна Элизабет, графиня Матьё де (1876–1933) – французская писательница и поэтесса, хозяйка литературного салона. Автор нескольких книг стихов, трех романов. В 1916 г. Цветаева перевела и опубликовала в журнале «Северные записки» (№ 9–12) один из первых ее романов «*La Nouvelle Espérance*» («Новое упование»). (См. СС–5).

ОБОЛЕНСКИЙ Андрей Владимирович, князь (1900–1975) – сын общественного и политического деятеля В.А. Оболенского (1869–1951). Воевал в Добровольческой армии, эмигрировал. В 1922–1924 гг. жил и учился в Праге. Был частым спутником в прогулках Цветаевой по горам и лесам Чехии. В 1924 г. переехал во Францию. Работал маляром, затем в Сорбонне специалистом по изготовлению препаратов для геологических исследований.

ПАСТЕРНАК Борис Леонидович (1890–1960) – поэт, прозаик, переводчик. С ним Цветаева познакомилась в Москве после октябрьских событий на поэтическом вечере. Горячая дружба завязалась летом 1922 г., когда Пастернак написал Цветаевой в Берлин восторженное письмо о ее книжке «Версты» (1921), а Цветаева с восторгом отозвалась о его сборнике «Сестра моя – жизнь». Эпистолярное общение достигло апогея в 1926 г., но к 1936 г. постепенно сошло на нет. Пастернак посвятил Цветаевой стихотворения «Не опорные поселяне...» (1926), «Марине Цветаевой» (1929), акростих «Мгновенный снег, когда булыжник узрен...» (1929), «Памяти Марины Цветаевой» (1943) и вспоминал о ней в автобиографическом очерке «Люди и положения» (1956, 1957). Она стала одним из прототипов главной героини поэмы

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru Пастернака «Спекторский» (1924–1930) и др. Цветаева написала на книгу Пастернака «Сестра моя – жизнь» рецензию «Световой ливень» (1922), о его стихах говорила в статьях «Эпос и лирика современной России» (1932), «Поэты с историей и поэты без истории» (1933). К «собрату по песенной беде» обращен цикл стихов «Провода» (1923) и стихотворения «Неподражаемо лжет жизнь...» (1922), «Сахара» (1923), «Строительница струн – приструню...» (1923), «Двое» (1924), «Рас-стояние: версты, мили...» (1925), «В седину – висок...» (1925), «Русской ржи от меня поклон...» (1925). Поэма с «С моря» (1926) написана как поэтическое послание к Пастернаку. К нему и Р.-М. Рильке обращена поэма «Попытка комнаты» (1926). История переписки Цветаевой и Пастернака и сама их переписка составили отдельный том (Души начинают видеть).

ПАСТЕРНАК Леонид Осипович (1862–1945) – живописец и график, отец Б.Л. Пастернака. С 1921 г. жил в Германии, затем в Англии. Личного знакомства Цветаевой с Л.О. Пастернаком, по-видимому, не произошло.

ПАСТЕРНАК Роза (Розалия) Исидоровна (урожд. Кауфман; 1868–1939) – пианистка, музыкальный педагог. Мать Б.Л. Пастернака.

ПОЗНЕР Соломон Владимирович (1876–1946) – журналист, юрист, общественный деятель. Окончил юридический и историко-филологический факультеты С.-Петербургского университета. С 1921 г. в эмиграции во Франции, жил в Париже. Постоянный сотрудник газет «Последние новости», «Народная мысль», редактор еженедельника «Еврейская трибуна». С 1920-х гг. в течение многих лет член правления, секретарь парижского Союза русских писателей и журналистов. В 1924–1934 гг. секретарь Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции.

ПОЛЯКОВА Зинаида Лазаревна (в замуж Габбе; 1862–1952) – дочь известного московского банкира Лазаря Соломоновича Полякова (1842–1914). В эмиграции во Франции. С семьей Поляковых была знакома М.А. Мейн, мать Цветаевой, и отец, И.В. Цветаев. Л.С. Поляков участвовал в строительстве Музея изящных искусств имени Александра III (ныне Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина), где один из залов носил имя Полякова. Пожертвовал значительные суммы на Румянцевский музей.

«ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ» – Ежедневная газета под ред. М.Л. Гольдштейна. Главный редактор с 1 марта 1921 г – П.Н. Милюков. Париж (1920–1940, 11 июня).

РЕЗНИКОВ Даниил Георгиевич (домашнее имя Дода; 1904–1970) – поэт, критик, издатель. Муж Н.В. Черновой (Резниковой). В эмиграции с 1919 г. Во Франции жил в Клараме (под Парижем). Занимался литературным трудом, издательской деятельностью. Вместе с женой издавал произведения А.М. Ремизова (издательство «Оплешник»). Сотрудник журналов «Версты», «Воля России», «Благонамеренный», печатался в газете «Дни».

РИЛЬКЕ Райнер Мария (1875–1926) – австрийский поэт. Цветаева называла Рильке в ряду своих любимых поэтов-современников. Цветаева никогда не встречалась с Рильке, заочно их познакомил Б. Пастернак. Памяти Рильке посвящена поэма «Новогоднее» (1927) и очерк «Твоя смерть» (1927). К нему (и к Б. Пастернаку) обращена поэма «Попытка комнаты» (1926).

РОДЗЕВИЧ Константин Болеславович (1895–1988) – мичман, общественно-политический деятель, художник. Во время Первой мировой войны доброволец, участвовал в Гражданской войне в составе Красной флотилии; попал в плен к белым, был помилован. Эмигрировал. С начала 1920-х гг. жил в Праге, где окончил Русский юридический факультет Карлова университета. С 1926 г. жил в Клараме (под Парижем). Продолжал образование на юридическом факультете Сорбонны. Участник евразийского движения. Соратник П.П. Сувчинского и С.Я. Эфрона. Участник Сопrotивления. Член Коммунистической партии Франции. Занимался живописью, деревянной скульптурой. Автор портретов Цветаевой. Ему посвящены цикл «Овраг» (1923), «Поэма Горы» (1924, 1939), «Поэма конца» (1924), ряд стихотворений 1923–1924 гг. Познакомился с Цветаевой в Праге 7 апреля 1923 г., с этого времени начались их отношения. Подробности его биографии (с его собственных слов) см. в кн.: Саакянц А. «Спасибо Вам!» (М.: Эллис Лак, 1998), Лосская В. «Марина Цветаева в жизни. Воспоминания современников» (М.: ПРОЗАИК, 2011).

РОЗЕНТАЛЬ Леонард (Лазарь) Михайлович (1875 (1874) – 1955) – ювелир, меценат,

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru литератор. Учился в С.-Петербургском коммерческом училище. Во Франции поселился в начале 1890-х гг., продолжил образование в коммерческой школе. Работал на ювелирной бирже. Сделал состояние на добыче и продаже жемчуга. Его фирма была одной из ведущих по торговле жемчугом во Франции. После Первой мировой войны за свой счет содержал 100 русских детей-сирот, построил для них приют, политехническую школу «Ecole Rachel». Являлся членом Попечительского совета Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции, оказывал материальную поддержку И.А. Бунину, Д.С. Мережковскому, А.И. Куприну, К.Д. Бальмонту, М.И. Цветаевой и др. К 1927 г. его благотворительной поддержкой было охвачено более 20 000 человек. Автор вышедших в Париже книг: «В царстве жемчуга» (1919). «В саду драгоценных камней» (1922), «Будем богаты» (1923). «Дух предпринимательства» (1925) и др. За благотворительную деятельность награжден орденом Почетного легиона (1925). В 1940 г. обосновался в Нью-Йорке.

СЕДЫХ Андрей (наст. Цвибак Яков Моисеевич; 1902–1994) – журналист, писатель, литературный критик. С 1919 г. в эмиграции, с 1921 г. жил в Париже. Работал в банке. С 1921 г. сотрудничал в газете «Последние новости», в 1922 г. стал ее парламентским и судебным корреспондентом. Корреспондент газеты «Сегодня» (Рига). В 1925 г. брал у Цветаевой интервью для газеты «Сегодня» (1925, 25 дек.). Состоял секретарем издательства Я.Е. Поволоцкого. В 1933 г. в качестве секретаря И.А. Бунина сопровождал его на церемонию вручения Нобелевской премии в Стокгольм (Швеция). С 1942 г. жил в Нью-Йорке. Выпустил серию книг о Париже: «Старый Париж» (1926), «Монмартр» (1927), «Париж ночью» с предисловием А.И. Куприна (Париж, 1928), книгу воспоминаний «Далекие, близкие» (Нью-Йорк, 1962) и др. Автор воспоминаний о Цветаевой (Годы эмиграции. С. 189–190).

СЛОНИМ Марк Львович (домашнее прозвище Дорогой; 1894–1976) – общественно-политический деятель, критик, публицист, переводчик, редактор. Окончил Институт высших наук во Флоренции (Италия), завершил обучение на романо-германском отделении филологического факультета Петроградского университета. Член партии социалистов-революционеров. Эмигрировал в 1919 г. жил во Флоренции, Берлине, с 1922 г. Праге. Был соредактором журнала «Воля России», заведовал в нем литературной частью. С 1927 г. подолгу жил в Париже, в 1932 г. поселился там окончательно. Возглавлял франко-славянское издательство. Основал в 1928 г. и возглавил объединение «Кочевье». Был редактором «Новой газеты» (1931). В 1941 г. переехал в США, в 1965 г. вернулся в Европу. С Цветаевой познакомился в Берлине в 1922 г., часто встречался в Праге и в Париже. Близкий друг Цветаевой. «Может быть одной из самых больших его не только редакторских, но и просто человеческих заслуг было его отношение к творчеству Цветаевой. Изгой зарубежной литературы, Марина никак не могла пожаловаться на охотно печатавшего ее стихи и прозу Марка Львовича. В их дружбе было прежде всего неконформистское притяжение двух высоких интеллектуальных уровней. Как люди они были мало сходны» (Рафаэльский С. «Доброй памяти М.Л. Слонима». – Русская мысль. Париж. 1976. 13 мая). Автор обстоятельных, одних из лучших воспоминаний «О Марине Цветаевой» (Годы эмиграции. С. 90–145).

«СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ» – общественно-политический и литературный журнал. Издание при участии Н.Д. Авксентьева, И.И. Бунакова, М.В. Вишняка, А.И. Гуковского, В.В. Руднева. Париж (1920–1940). кн. 1–70.

СОСИНСКИЙ Владимир Брониславович (наст. имя и фам. Бронислав Брониславович Сосинский-Семихат; 1900–1987) – писатель, критик, журналист. Участник Белого движения. Эвакуировался в 1920 г. в Константинополь. С 1924 г. жил в Париже, окончил Сорбонну. Занимался литературной деятельностью. Был директором франко-славянской типографии. Входил в литературное объединение «Кочевье». С 1928 г. секретарь редакции журнала «Воля России». Знакомство Цветаевой с Сосинским состоялось сразу же после ее приезда в Париж на квартире О.Е. Колбасиной-Черновой. Муж А.В. Черновой. Многолетний друг семьи Цветаевой. Автор воспоминаний о М. Цветаевой (Годы эмиграции. С. 178–188) и С. Эфроне (Вопросы литературы. 1991. № 6. С. 197–207). В 1960 г. возвратился в СССР.

СТРУВЕ Глеб Петрович (1898–1985) – литературовед, историк литературы, журналист, издатель. С 1918 г. в эмиграции. Окончил Оксфордский университет со степенью бакалавра новой истории. Знакомство Цветаевой с Г.П. Струве состоялось летом 1922 г. в Берлине, где он заведовал отделением редакции журнала «Русская мысль». Их встречи продолжились в Чехии, а затем некоторое время в Париже, главным образом на литературных вечерах. Посвятил Цветаевой стихотворение «Черный кэб»

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru (Руль. 1923. 27 окт.). В начале 1930-х гг. общение прекратилось. По свидетельству Г.П. Струве, причиной явилась просоветская позиция мужа Цветаевой. В 1932 г. переехал в Англию; с 1947 г. жил в США. Выпустил монографию «Русская литература в изгнании» (Нью-Йорк, 1956; Париж, 1984), где отвел Цветаевой отдельную главу.

СТРУВЕ Петр Бернгардович (1870–1944) – политик, экономист, публицист, издатель, отец Г.П. Струве. С 1920 г. в эмиграции, жил в Праге, Париже, Белграде. С 1925 по 1927 г. возглавлял газету «Возрождение», редактор журнала «Русская мысль» (1921–1924, 1927) и других периодических изданий. Встречался с Цветаевой, по-видимому, только в редакциях. В 1926 г. в своей газете «Возрождение» (от 6 мая) выступил с резкой критикой стихотворения Цветаевой и ее эссе «Поэт о критике», опубликованных в журнале «Благонамеренный» (Брюссель. 1926. № 2).

СУВЧИНСКАЯ Вера Александровна (урожд. Гучкова, во втором браке Трейл; 1906–1987) – дочь военного министра Временного правительства А.И. Гучкова, жена П.П. Сувчинского, журналистка, переводчик. После революции в эмиграции, жила во Франции. Участвовала в евразийском движении, входила в Союз возвращения на родину. С 1932 г. член Коммунистической партии Франции. Участвовала в нелегальной работе под контролем ГПУ (по показаниям С.Я. Эфрона, была завербована лично им). В 1930-е гг. была дружна с А.С. Эфрон. Цветаева познакомилась с ней в 1926 г.

СУВЧИНСКИЙ Петр Петрович (1892–1985) – музыковед, философ, критик, педагог, один из основателей евразийского движения. С 1920 г. в эмиграции. В 1922–1928 гг. возглавлял издательство «Евразия». Знакомство Цветаевой с Сувчинским, по-видимому, состоялось в Берлине, летом 1922 г., где они сотрудничали в издательстве «Геликон». Продолжилось и укрепилось после переезда Цветаевой в Париж. Вместе с Д.П. Святополк-Мирским, С.Я. Эфроном являлся организатором и соредактором журнала «Версты» (1926–1928).

ТЕСКОВА Анна Антоновна (1872–1954) – чешская писательница, переводчица произведений Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Д.С. Мережковского и др. Общественная деятельница, одна из основателей Чешско-русской Едноты. Цветаева познакомилась с ней в конце 1922 г., когда Тескова написала ей письмо с просьбой выступить на литературном вечере. Личное знакомство длилось до отъезда Цветаевой во Францию; дружеские, доверительные отношения и переписка сохранились до 1939 г. В течение всего времени их знакомства Тескова оказывала Цветаевой действенную материальную и моральную помощь. Цветаева посвятила Тесковой стихотворный цикл «Деревья» (1922–1923).

ХОДАСЕВИЧ Владислав Фелицианович (1886–1939) – поэт, прозаик, критик, историк литературы. Учился на историко-филологическом факультете Московского университета. В 1918–1920 гг. заведовал московским отделением издательства «Всемирная литература». С 1922 г. в эмиграции, жил в Берлине, с 1925 г. в Париже. Сотрудничал в многочисленных эмигрантских журналах и газетах. Возглавлял литературный отдел в газете «Возрождение». Ведущий критик русского зарубежья. Во взаимоотношениях Цветаевой и Ходасевича были разные периоды – от непонимания и личных выпадов до взаимного признания. Цветаева посвятила Ходасевичу свой очерк «Пленный дух» (1934).

ЦВЕТАЕВА Анастасия Ивановна (Ася; 1894–1993) – младшая сестра М.И. Цветаевой, писательница, мемуаристка. Ей посвящены многие стихотворения 1908–1913 гг. В 1927 г. ненадолго приехала к сестре в Париж после посещения М. Горького в Италии. В момент возвращения М.И. Цветаевой в Россию в 1939 г. А.И. Цветаева находилась в заключении. Автор обширных воспоминаний о детстве и юности сестры.

ЧАБРОВ Алексей Александрович (наст. фам. Подгаецкий; 1883–1935) – актер, музыкант, друг А.Н. Скрябина. В эмиграции с 1923 г. В 1927 г. принял католичество. Цветаева посвятила ему поэму «Переулочки» (1922). А.А. Чабров был единственным человеком, кто 11 мая 1922 г. провожал М.И. Цветаеву и Алю в эмиграцию.

ЧЕРНОВА Ариадна Викторовна (в замуж. Сосинская; 1908–1974) – переводчик,
Страница 337

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru литератор. Дочь В.М. Чернова и О.Е. Колбасиной-Черновой, жена В.Б. Сосинского. Эмигрировала с семьей через Германию в Чехословакию. С 1924 г. жила в Париже. Пробовала себя в литературе, писала прозу. Выступила как литературный критик, опубликовала две рецензии на произведения М.И. Цветаевой (Благонамеренный. Брюссель. 1926. № 1; «Стихотворение». Париж, 1928. № 1). Занималась переводами. В 1960 г. с семьей вернулась в Советский Союз. Автор воспоминаний о Цветаевой (Годы эмиграции. С. 81–83).

ЧЕРНОВА Наталья Викторовна (Митрофановна) (в замуж. Резникова; 1903–1992) – переводчик, литератор, мемуарист. Дочь О.Е. Колбасиной-Черновой от первого брака с М.С. Федоровым, носила фамилию и отчество В.М. Чернова. Жена Д.Г. Резникова. В 1921 г. эмигрировала, жила в Берлине, с 1922 г. – в Париже. Близкий друг и исследователь творчества А.М. Ремизова, наследник архива писателя, переводчик на французский язык его произведений. Автор воспоминаний о Цветаевой (Годы эмиграции. С. 191–198).

ЧЕРНОСВИТОВА Евгения Александровна (1903–1974) – переводчик, преподавательница иностранных языков. Ребенком, вместе с родителями, покинула Россию в 1913 г. Жила в Швейцарии. Окончила Лозаннский университет. В 1926 г. исполнила обязанности секретаря Р.М. Рильке. Автор воспоминаний о Рильке («Les Lettres». Paris, 1952). Перевела на французский язык повесть Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» (Женева, 1969). Единственное письмо Цветаевой к Черносвитовой содержит ее отклики на смерть Рильке и напоминание о присылке книги «Мифология». Эта книга была получена Цветаевой от Черносвитовой через две недели после смерти Рильке.

ЧИРИКОВА Людмила Евгеньевна (в замуж. Шнитникова; 1896–1995) – художник-график, ученица И.Л. Билибина, дочь писателя Е.Н. Чирикова. С 1920 г. в эмиграции. С Цветаевой познакомилась в Берлине, сделала обложку и заставки для книги Цветаевой «Царь-Девушка» (1922, изд-во «Эпоха»).

ШАХОВСКОЙ Дмитрий Алексеевич, князь (1902–1989) – духовный писатель, поэт, издатель, впоследствии священнослужитель – архиепископ Иоанн Сан-Францисский. Эмигрировал в 1920 г. В 1926 г. организовал издание в Брюсселе журнала русской литературной культуры «Благонамеренный». Переписка завязалась по его инициативе во время подготовки журнала к печати. Личная встреча состоялась в Париже в 1926 г. Переписка прекратилась после сообщения Шаховского о принятии иноческого пострига и его отъезда на Афон. Впоследствии посвятил ей несколько стихотворений (под псевдонимом «Странник»).

ШЕСТОВ Лев Исаакович (наст имя и фам. Шварцман Иегуда Лейб; 1866–1938) – философ, религиозный писатель. Окончил юридический факультет Киевского университета. С 1920 г. в эмиграции, жил в Париже. С 1922 г. – преподаватель историко-филологического факультета Русского отдела Института славяноведения при Парижском университете. Входил в редакционную коллегию журнала «Версты» (1926–1928). Цветаеву познакомил с Шестовым Е.К. Герцык в 1914 г. Их отношения поддерживались и в эмиграции, в период сотрудничества в журнале «Версты». Тогда же между ними завязалась переписка, которая длилась полтора года.

ШУМОВ Петр Иванович (1872–1936) – художник, фотограф. В 1907 г. эмигрировал, обосновался в Париже. Изучал механические и химические методы искусства фотографии. В 1911 г. открыл собственное фотографическое ателье (5, rue du Faubourg Saint-Jacques, 14-e). В 1912–1917 гг. работал с О. Роденом как портретист, выполнял фотографии работ скульптора. В 1920-е гг. сделал галерею фотопортретов известных русских писателей (К. Бальмонта, Б. Зайцева, А. Куприна, Н. Тэффи, М. Цветаевой, В. Ходасевича, С. Черного, И. Шмелева и др.), художников (Л. Бакста, М. Шагала, М. Ларионова и др.), танцовщиков и балерин Русского балета С.П. Дягилева и многих других. В 1934 г. уехал в Польшу.

ЭФРОН Ариадна Сергеевна (1912–1975) – переводчик, художница, старшая дочь Цветаевой и С.Я. Эфрона. Цветаева пережила разные периоды отношения с дочерью – от безумной любви (дочь-наперсница, дочь-помощница) до полного разрыва с ней, когда Аля ушла из дома. А.С. Эфрон сохранила архив матери, занималась публикацией произведений, автор воспоминаний о матери. Цветаева посвятила ей стихотворения «Аля» («Аля! – Маленькая тень...», 1913), «Але» (1914), «Четвертый год...» (1916), «Голубые, как небо, воды...» (1917), «Але» («А когда – когда-нибудь

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru – как в воду...», 1917), «Марина! Спасибо за мир!..» (1918), «Але» (1918). «Але» («Молодой колоколенкой...», (1918), «Але» («Есть у тебя еще отец и мать...», 1918), «Але» («В шитой серебром рубашке...», 1919), «Консуэла! – Утешенье...» (1919), «Але» («Ни кровинки в тебе здоровой...». 1919).

Указатель писем по адресатам {387}
Альтшуллер Г.И. 1925 – 59

Андрониковой-Гальперн С.Н. 1926 – 84, 94, 108, 121; 1927 – 7, 11, 12, 14, 17, 20, 22, 25, 31, 32, 48, 49, 52, 57, 60, 69, 77, 92, 96

Ахматовой А.А. 1926 – 117

Балагину А.С. 1927 – 62

Бахраху А.В. 1924 – 2; 1925 – 74

Богенгардт А.К. 1924 – 19

Богенгардт А.К., В.А. и О.Н. 1925 – 42; 1926 – 89

Булгакову В.Ф. 1925 – 6, 8, 12, 28, 54, 56; 1926 – 1, 2, 3, 17, 33, 47, 49, 64, 67, 75, 88; 1927 – 91, 97

«Версты» (редакция) 1926 – 80

Вишняку М.В. 1926 – 37

Гиппиус З.Н. 1926 – 58

Горькому А.М. 1927 – 47, 67, 68

Гулю Р.Б. 1924 – 8, 9, 12, 13, 21, 25

Каллиникову И.Ф. 1925 – 13, 29

Колбасиной-Черновой О.Е. 1924 – 29, 31–34, 37, 39, 40; 1925 – 1, 2, 4, 7, 9–11, 15, 16, 19, 21, 25, 27, 33, 34, 38, 40, 43, 46, 49, 51, 55, 60, 62, 63, 65, 70, 72; 1926 – 39, 69, 120

Комитету помощи русским писателям и ученым во Франции 1925 – 82; 1926 – 4, 14, 30, 118, 119; 1927 – 3, 18

Кубке Ф. 1925 – 30, 57, 58

Куприной Е.М. 1926 – 5

Лапиной Н.Д. 1926 – 23

Ляцкому Е.А. 1924 – 38; 1925 – 22

Мейн С.Д. 1903 – с. 701

Оболенскому А.В. 1924 – 1; 1925 – 3, 35

Общему собранию Дворца Искусств 1920 – с. 702

Недзельскому Е.Л. 1926 – 112

Ноай А. де 1927 – 28

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Пастернак Л.О. 1927 – 70

Пастернак Л.О. и Р.И. 1927 – 93

Пастернаку Б.Л. 1924 – 3, 3а, 15, 17, 17а, 18, 18а, 22, 28; 1925 – 18, 18а, 31, 44, 44а, 47, 52, 52а, 64; 1926 – 27, 32, 34, 38, 42, 43, 54, 54а, 55, 60, 63, 66, 77, 82, 82а, 86, 93, 102, 103, 124; 1927 – 1, 1а, 2, 6, 8, 8а, 9, 15, 24, 27, 29, 30, 33, 34, 40, 42, 45, 46, 51, 55, 56, 63, 65, 66, 71, 72, 75, 76, 78, 79, 80–85, 87, 98

Познеру С.В. 1927 – 19, 94

Поляковой З.Л. 1927 – 13

«Последние новости» (в редакцию). – См. Седых А.

Резникову Д.Г. 1926 – 123

Рильке Р.М. 1926 – 48, 51, 52, 62, 71, 81, 92, 95, 96, 115, 125, 125а

Родзевичу К.Б. 1924 – 4, 4а, 7, 10, 11, 14, 16, 23; 1926 – 35, 36, 45, 116; 1927 – 73, 88, 89

Розенталю Л.М. 1925 – 26

Руеф М. 1904 – с. 702

Седых А. 1925 – 75

Слониму М.Л. 1924 – 20, 26, 27; 1926 – 59; 1927 – 53

«Современные записки» (в редакцию) 1926 – 114

Сосинскому В.Б. 1926 – 50, 57, 83, 85, 101, 104, 107; 1927 – 39, 41, 44, 50, 58, 59

Струве Г.П. 1925 – 77

Струве П.Б. 1924 – 35

Сувчинской В.А. 1926 – 100, 109; 1927 – 23

Сувчинскому П.П. 1926 – 7, 12, 18, 20, 29, 61, 79, 90, 97, 98, 99; 1927 – 54

Сувчинскому П.П. и Карсавину Л.П. 1927 – 16

Тесковой А.А. 1924 – 36; 1925 – 5, 14, 17, 20, 24, 36, 39, 41, 48, 53, 61, 66, 68, 71, 73, 79, 83, 85; 1926 – 25, 46, 65, 87, 91, 105, 106, 111, 122; 1927 – 4, 10, 26, 64, 74, 86, 90, 95

Ходасевичу В.Ф. 1925 – 50; 1926 – 113

Чаброву А.А. 1924 – 6

Черновой А.В. 1924 – 24, 30, 41; 1925 – 23, 32, 37, 45; 1926 – 68, 76

Черносвитовой Е.А. 1927 – 5

Чириковой Л.Е. 1923 – с. 703; 1925 – 81

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Цветаевой А.И. 1910 – с. 702; 1927 – 61

Шаховскому Д.А. 1925 – 67, 69, 76, 78, 80, 84, 86; 1926 – 6, 11, 13, 15, 16, 21, 22, 24, 28, 31, 41, 44, 53, 78

Шестову Л.И. 1926 – 8, 10, 40, 110; 1927 – 21, 35, 37, 38, 43

Шумову П.И. 1926 – 9, 26

Эфрон А.С. 1926 – 19

Указатель имен

А

Аввакум Петрович 428, 429

Августин, св. 659, 661

Аверинцев С.С. 642

Аверченко А.Т. 117, 119

Авксентьев Н.Д. 725

Авивит Шохана 170

Аврелий М. 637, 638, 648, 651, 666

Адалис А.Е. 340, 342

Адамович Г.В. 76, 78, 233, 234, 238, 282, 291, 301, 302, 303, 304, 329, 333, 350, 351, 352, 354, 355, 360, 366, 404, 406, 413, 563, 564, 583

Азадовский К.М. 420, 512, 513, 531

Айзенштейн Е.О. 524

Айхенвальд Ю.И. (Каменецкий) 62, 63, 256, 282, 283, 355

Аксаков С.Т. 335, 349, 678

Алданов М.А. 321, 322, 328, 329, 501, 566, 569

Александр II 82, 83, 163, 169

Александр III 255, 386, 548, 611, 723

Александр Невский 600

Александра Федоровна, имп. 237, 399, 400

Алексеев В.В. 524

Алексеев Н.Н. 556

Алелея 704

Аленушка см. Валенштайн Е.Б

Алферова А.С. 335, 703, 707

Альтшуллер В.А. 130, 132, 238

Альтшуллер Г.И. 121, 130, 132, 139, 140, 141, 149, 153, 155, 182, 204, 219, 238, 241, 291, 328, 329, 634, 636, 718

Альтшуллер И.Н. 718

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Альтшуллер Катя 204
Альтшуллер Наташа 204
Альтшуллеры 328
Алянская А.С. 76
Андерсен Х.К. 606, 639
Андреев В.Н. 474
Андреев В.Л. (Вадим) 201, 207, 209, 211, 212, 221, 222, 224, 227, 236, 237, 242, 243, 245, 247, 254, 256, 491, 492, 510, 511
Андреев В.Л. (Володя) 237
Андреев В.Л. (Валентин) 474, 491
Андреев Л.Н. 184, 227, 322, 474, 491, 492, 628
Андреев С.Л. (Савва) 155, 158, 183, 227, 258, 259, 265, 267, 474, 491, 628
Андреева А.И. 71, 72, 124, 125, 140, 141–143, 155, 179, 180, 183, 185, 188, 190, 193, 202–203, 203, 204, 206, 207, 208, 210, 211, 220, 222, 224, 235, 237, 238, 242, 245, 246, 253–256, 258, 259, 265, 267(1), 267(2), 405, 454, 473, 474, 476, 495, 693
Андреева Вера Л. 190, 224, 248, 474, 491
Андреева И.П. 630, 696
Андреева Наташа (жена брата) 183, 474
Андреева Нина М. 183, 188, 190, 474
Андреевы 140
Андрей, черкес, садовник 669–670
Андроникова–Гальперн С.Н. 69, 351, 352, 441–443, 463–464, 469, 493, 506, 527, 544, 545, 547, 548–549, 557–558, 559, 561, 564, 569, 587, 587–588, 597, 610, 618, 620, 620–621, 623, 627, 629, 630, 643, 646, 662, 691, 696, 718
Андрусов Н.Н. 162, 164
Анненский И.Ф. 231, 232
Анненский Л.А. 524
Антипов Н.А. 87
Антокольский П.Г. 232, 285, 684
Антон Крайний см. Гиппиус З.Н.
Антоновский Ю.М. 93
Апулей 349
Аренский А. 226
Ардовы 718
Арцыбашев М.П. 322
Архангельский А.А. 145

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Асеев Н.А. 303, 384, 419, 458, 461, 462–463, 571, 591, 659, 663, 665, 675–678, 706
Атрохина З.Н. 714
Афанасьев А.Н. 214, 216, 374
Ахматова А.А. 64, 66, 99, 112, 173, 177, 238, 318, 331, 333, 347, 349, 393, 503–504, 607, 609, 718
Б
Бабель И.Э. 499, 677, 678
Байрон Дж. Н.Г. 178, 191, 217, 218, 531
Бакст Л.С. 729
Балагин А.С. 631, 632, 706, 719
Баллон (Балоун), лавочник 107, 109
Бальзак О. де 457
Бальмонт К.Д. 64, 65, 126–127, 127, 134, 137, 153, 168–170, 180, 181, 184, 225, 226, 238, 240, 290, 329, 396, 403, 418, 453, 554, 557, 614, 617, 710, 724, 729
Бальмонт М.К. 180, 181, 184, 188
Бальмонт Н.К. 238
Бальмонты 180, 410, 710
Барблер О. 145
Бауман Н.Э. 662, 665
Бахрах А.В. 8, 12, 78, 91, 131, 207, 263, 268, 400, 474, 719
Бахрах П.А. 91
Башкирцева М.К. 129, 167, 184, 198, 199, 256, 704, 708
Башкирцева М.С. 198, 199
Белобородова А.В. 93, 96, 101, 128(1), 128(2), 129, 130, 153, 210, 211
Белобородовы 108
Белошевская Л.Н. 127
Белый А. 62, 175, 252, 380, 385, 440, 501, 566, 569
Беляев Н.Н. 163, 164
Беляева Н.Т. 646
Бем А.Л. 209, 275, 403
Бенедиктов В.Г. 366
Беранже К. 394, 714
Беранже П.Ж. 173, 335, 708
Баранек 224
Берберова Н.Н. 500

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Берг А.Э. 450
Бергсон А. 326
Березовская А.Е. 296
Берия Л.П. 665
Бернанос Ж. 677, 678
Бернар С. 335, 704, 705, 709
Бернар Т. 464
Бернацкая М.Л. 262, 263, 497
Бетховен Л. ван 165, 189
Билибин И.Я. 97, 486, 488, 683, 728
Биск А. 466
Блок А.А. 26, 32, 35(1), 35(2), 64, 65, 160, 168, 177, 238, 290, 296, 303, 318, 330, 333(1), 333(2), 349, 360, 363, 366, 394, 398, 400, 423, 490, 492, 554, 557, 591, 607, 619, 669, 670, 671, 672, 722
Бобров С.П. 263
Богенгардт А.К. 58–60, 209, 450, 719
Богенгардт В.А. 7, 59, 209, 450, 451, 719
Богенгардт О.Н. 209, 450, 719
Богенгардты 8, 209
Бонгард-Левин Г.М. 269
Бодлер Ш. 88, 93
Боровикова В.Н. 163
Босенко В. 683
Боценгардт, комиссар 59
Брей А.А. 99, 106, 207, 219, 220, 495, 496, 539, 542, 634
Брей Н.В. 495
Бржезина О. 119, 173
Брик Л.Ю. 330, 333, 349
Брики 462
Бринк П. и Э. 365, 367, 390
Бронте Шарлотта, Эмилия и Энн (сестры) 492
Брусилов А.А. 192, 193
Брюсов В.Я. 169, 170, 231, 232, 233(1), 233(2), 234, 235, 236, 238, 239(1), 239(2), 240, 244, 248, 250, 256, 259, 325, 331, 340, 342
Брюхоненко М.Г. 335, 708

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Бубенникова М. 99

Бугаев Б.Н. см. Белый А.

Булгаков В.Ф. 78, 82, 87, 89, 93, 99, 116, 117, 119, 121, 125, 127, 134–136, 137, 141, 173, 209, 233, 234, 237, 238, 239, 272, 275, 280, 283, 286, 287, 288, 289, 290, 294, 296, 306, 323, 328, 353(1), 353(2), 354, 360, 400, 403, 405, 408, 408, 419, 421, 443, 445, 447, 448–450, 451, 471, 545, 584, 682, 683, 689, 690–691, 695, 696, 697, 719, 720

Булгаков С.Н. 19, 89, 93, 117, 118, 120, 126, 135, 136, 203, 208, 218, 220, 225, 454, 642, 644

Булгаков Ф.С. 19

Булгакова А.В. 287, 288, 405, 408

Булгакова М.С. (Муна) 17–20, 21, 57, 89, 90, 93, 118, 120, 123, 125, 128, 203, 207, 220, 235, 343, 352, 409, 410(1), 410(2), 422, 625

Булгакова Н.С. 19, 21

Булгакова Татьяна 287, 288

Бунаков И.И. 725

Бунин И.А. 290, 295, 296, 303, 322, 328, 329, 454, 498, 499, 501, 538, 540, 543, 545, 580, 583, 623, 625, 724, 725

Бунина В.Н. 296

Бурдейль П. де 463

Бутковская Н.И. 544, 545, 546, 559, 562

Бучковская Л. 524

В

Вагнер Р. 571

Вайнфельд Н.Л. см. Лапина Н.Л.

Валери П. 530, 531, 532, 537, 594, 598

Валленштейн А. 277

Вальтер В.Г. 599, 600

Ванечкова Г.Б. 101, 161

Ванчуровы 409, 496

Варшавский В.С. 634, 635

Варшавский В.С. (сын) 634, 635

Варшавский С.И. 489, 490, 635, 679

Вейдле В.В. 504

Вейс, лавочник 495

Вербицкая А.А. 316

Верлен П. 449, 450

Вернадский Г.В. 556

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Веселый А. 399, 400, 499

Вестхоф К. (Рильке) 385

Вжесинский П.М. 87

Виванти А. 12

Вильсон В. 266

Винберг Н.А. 7

Виноград Е. А. 616, 618

Виноградов А.К. 707

Виноградова Н.К. 702, 703, 704, 705, 707

Витте С.Ю. 76, 78

Вишняк А.Г. 336, 339, 394, 497, 553, 555, 566, 569, 710, 720, 725

Водов С. 499

Воеводин А.А. 87, 247, 303, 304

Волконский С.М. 9, 24, 26, 62, 63, 70, 76, 78, 133, 134, 154, 165, 171, 173, 175, 184, 199, 203, 262, 336, 373, 374, 376, 433, 451, 673, 674, 710

Волошин М.А. 335

Вольф М.О. (изд-во) 218

Вундерли-Фолькерт Н. 433, 526(1), 526(2)

Вышеславцев Б.П. 556

Вышеславцев Н.Н. 208, 540, 543, 584

Г

Гайный И. 289, 290

Гальперн А.Я. 352, 443, 544, 545, 618, 627, 630

Ганнибал А.П. 635

Гапон Г.А. 76, 78, 637, 662, 665

Гаррах И.Ф. 384, 386

Гастин М. де 683

Гауф 335

Гедвилло Е.А. 702, 703, 708

Гейне Г. 178, 191, 193, 335, 434, 437, 554, 571

Геликон см. Вишняк А.Г.

Гельдерин Ф. 27, 28, 65, 335, 421, 571, 641–644, 645–646

Генерозова В.К. 702, 703, 704, 705, 707

Генкин А. 501

Генрих II 417

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Геринг Г.А. 80, 83

Германова М.Н. 19

Герцык Е.К. 728

Гессен И.В. 87

Гёте И.В. 14, 64, 66, 74, 242, 243, 335, 347, 349, 356, 360, 373, 374, 375, 378, 382, 411, 420, 421, 429, 434, 437, 457, 458, 526, 549, 593, 641–643, 645, 646

Гёте И.Г. (отец) 243

Гёте Э. (мать) 243

Гингет А. де 395

Гинденбург П. фон 189, 192

Гиппиус З.Н. 233, 234, 282, 297, 329, 355, 391–395, 454, 498, 499, 509, 538, 580, 583, 678, 720

Гирса В. 449, 450, 485, 486, 487, 489

Гладкова Т.Л. 22, 176, 505, 714

Глинка М.И. 542

Глэз М. 683

Гнедич Н.Н. 68

Гоголь Н.В. 126, 127, 132, 134, 728

Голицын В.Е. 312

Голицына Е.Г. 312

Голицыны 311

Гольштейн М.Л. 724

Гомер 187, 267

Гонтар С. 642, 644, 645

Гончаров И.А. 130, 132, 383, 384

Горбов Д. 499

Горбунова Л. 698

Горуа Ф.-К. 198

Горький М. 120, 498, 500, 541, 618–619, 620, 627, 630, 641–644, 644–646, 652, 663, 664, 666, 668, 675, 676, 677, 720, 727

Готье Т. 22

Гофман И.(Ю.) 619, 641

Гофман Э.Т.А. 214

Гофмансталь Х. фон 594, 595

Гржебин З.И. 28, 175, 211, 440

Гречанинов А.Т. 226

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Гримм Я. и В., братья 476
Гринберг З.Г. 31, 34
Гриневич В.С. 663, 665
Гронский Н.П. 312, 595
Гуковский А.И. 237, 238, 281, 725
Гуль Р.Б. 23–29, 30, 31, 33, 35, 61, 70, 71(1), 71(2), 74, 98, 193, 198, 226, 247, 643, 668, 721
Гумилев Н.С. 10, 12, 76, 190, 193, 299, 300, 318, 347, 413
Гуревич В.Я. 211
Гуревичи 210
Гучков А.И. 726
Гучкова М.И. 563
Гюго В. 286, 335, 703
Д
Дамаскин И. 658
Делапорт М. 708
Данте 456, 457
Дантес Ж. 302, 303
Декобр М. 683
Демель Р. 657, 658
Денисевич А.Я. 206, 208
Дервиз В.П. фон 703, 707
Державин Г.Р. 335, 542
Джаваха Н. 705, 709
Дзержинский Ф.Э. 198
Дзен П.А. 82, 83, 91
Дивильковская 198, 199
Диккенс 156, 160, 182
Долгорукова Е. М. 163
Добужинский М.В. 486, 487, 683
Дорогой см. Слоним М.Л.
Достоевский Ф.М. 100, 106, 108(1), 108(2), 128, 132, 172, 174, 195, 230, 542, 549, 655, 727
Достоевский М.М. 108
Долинский С.Г. 117, 119, 137

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Дрейр К.-Т. 683

Дубровина Т.И. 714

Дункан А. 318, 319, 639, 641

Дурново Е.П. 498, 500, 553, 555, 637, 638

Дурново П.А. 553

Дэвис Р. 714

Дю Гар М. 574–576, 577–578

Дягилев С.П. 729

Е
Евлогий (Георгиевский), митр. 410

Екатерина II 156

Еленев Н.А. 181, 259, 634, 636

Еленева К.И. 141

Ельяшевич Ф.О. 694

Ерофеев А.С. 74

Есенин С.А. 231, 291, 303, 318, 319, 424, 426, 499, 511, 591, 639, 640, 641,
663, 722

Ефремов М. 623

Ж
Жанна (Иоанна) д'Арк 270, 622, 639, 682, 683, 690, 695

Жекулина А.В. 60

Железнов В.Я. 334, 337

Желябов А.И. 637

Животовский С.М. 694

Жид А. 594, 595

Жорес Ж. 75, 77

Жорж Санд 265, 266

Жук-Жуковский И. 555

З
Заблоцкий М.Л. 84, 87, 101(1), 101(2), 125, 265, 266, 448, 450, 489

Завадская В.А. 607, 609, 684, 686

Завадская К.И. 82

Завадский С.В. 76, 78, 79, 82, 85, 87, 89, 93, 94, 117, 121, 122, 125, 134–137,
154, 173, 445, 447, 448, 450, 453

Завадский Ю.А. 524, 607, 609, 684, 686

Завозал З. 449, 450

Загорский М. 114, 115

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Зайцев Б.К. 85, 157, 196, 208, 231, 329, 453, 501, 505, 545, 694, 729
Зайцев К.И. 654
Зайцева В.А. 155, 157, 204, 206, 505
Зайцевы 84
Замятин Е.И. 120
Звягинцева В.К. 74
Зелинский К.Л. 529, 531, 534, 551
Зелинский Ф.Ф. 443
Зензинов В.М. 88, 93, 94, 255, 256, 264, 266
Зёрнов М.С. 599, 600
Зёрнова Р. 552
Зёрновы 600
Зибер Карл 386
Зибер Кристина (Христина) 383, 384, 386, 514, 515, 578
Зибер–Рильке Р. 383, 384, 386, 578
Зилоти А.И. 563
Зиновьева–Аннибал Л.Д. 634, 635
Злобин В.А. 499, 538, 583
Зноско–Боровский Е. 263
Золя Э. 86
Зограф–Плаксина, школа 335
И
Ибсен Г. 19
Иванов В.Д. 652
Иванов Вяч. И. 174, 304, 634, 635
Иваск Ю.П. 72, 174, 432, 475, 594
Игумнова 140
Изачек В.В. 702, 703, 704, 707
Избаш А.П. 482
Измайлов А.Е. 263
Ильин В.Н. 556, 596
Ильин И.А. 542
Иоанн см. Шаховской Д.А.
Ипполитов–Иванов М.М. 226

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Исцеленнов Н.И. 97, 102, 106, 112, 132, 181, 225, 562

Исцеленнова М.А. 97

Исцеленновы 95, 97, 102, 104, 210, 224, 562

К

Казанова Дж. 169, 305, 336, 365, 395

Калин А.С. 702, 703, 704, 705, 708

Каллиников И.Ф. 96, 97, 116, 121, 122, 126, 127, 134, 136(1), 136(2), 137, 174, 280, 721

Каляев И.П. 423, 425

Каменева О.Д. 173

Каменецкий Б. см. Айхенвальд Ю.

Кант И. 326

Карбасников Володя 246

Карбасников Игорь 76, 78, 81

Карбасников Н.Н. 75, 77

Карбасникова А.С. 77, 81, 110, 127, 130, 153, 157, 171

Карбасникова Наталья 78, 81

Карбасникова Софья 78, 81

Карбасниковы 75, 77, 78, 81, 94, 108, 246

Карельский А. 367

Карницкая Н.К. 183, 188, 211, 212, 254, 256

Карсавин Л.П. 93, 500, 522, 523, 540, 542, 553–557, 569, 638, 655, 663, 721

Карсавина Л.Н. 721

Кельнер В. 506, 694

Керенский А.Ф. 25, 27, 28, 624, 643

Кессели 82, 131

Кессель Ж. 83, 105, 107, 207, 211, 236, 237, 264, 265

Кизеветтер А.А. 117, 119, 136, 137, 145

Кинский, принц 162, 163

Кипренский О.А. 542

Кирилл Владимирович, вел. кн. 404, 407

Кист А.А. 243

Клейст 643

Клюев Н.А. 640, 641

Кнут Д. 201

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Кобяков Д.Ю. 609

Коваленская Н.Г. 184, 192, 194, 195, 197, 219, 221

Коган Н.А. см. Нолле–Коган Н.А.

Коган П.С. 25, 26, 31, 32

Коган Саша 24, 26, 32

Коганы 24

Кожевников П.А. 117, 119, 137

Козовой В.М. 400, 658, 672

Колбасина–Чернова О.Е. 36, 69, 70, 71, 72, 75–81, 84–87, 87–93, 93–97, 100, 101(1), 101(2), 105, 109, 110, 111, 114, 115, 116, 120, 121, 122, 122–125, 127, 128, 132, 132–134, 137, 139–141, 141–143, 153–157, 159, 162, 165–169, 170–171, 171, 179, 180, 181, 189, 194, 196, 197, 199(1), 199(2), 203, 210, 212, 218, 222, 224, 225, 227, 228, 234(1), 234(2), 236, 241, 242, 243, 245, 247, 253–255, 256, 261, 264–265, 266(1), 266(2), 272, 275, 276, 277, 280, 281, 282, 283, 304, 309, 310, 315, 321, 342, 352, 389, 391, 396, 410, 422, 447, 452, 477, 478, 484, 506, 511, 524, 562, 606(1), 606(2), 607, 628, 644, 654, 721, 722, 726, 727, 728

Коллонтай А.М. 656, 658

Колумб Х. 64, 579, 583, 584

Коль Ф. 224

Кольцов А.В. 213, 214, 216

Кондаков Н.П. 113, 143, 145, 154, 156, 159, 161, 162–163, 164, 230

Конрад Дж. 594, 595

Копылова Л.Д. 709

Коркина Е.Б. 284, 470, 481, 564, 701, 702

Кортес Э. 578

Кочаровский (Качаровский) 190, 193

Коршилова А. 238

Краснов П.Н. 133, 134

Красовская Э.С. 714

Кратохвилова 279

Крачковский Д.Н. 62, 63, 117, 119, 121, 125, 126, 127, 134, 137, 196, 282

Крез 106, 108

Крупская Н.К. 198, 199

Крученых А.Е. 153(1), 153(2), 217, 564, 707

Крылов И.А. 223

Кубка Ф. 144, 175, 176, 224, 233, 239, 240(1), 240(2), 244, 274, 275, 352, 722

Кузмин М.А. 177, 596

Кузнецова М.И. 631, 632, 706, 707, 708, 719

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Кузнецова Т.В. 524
Куникунда 416, 417
Купер Ф. 209
Куприн А.И. 292, 454, 694, 722, 724, 725, 729
Куприна Е.М. 292, 722
Куприна К.А. 292
Курочкин В.С. 173
Курц А. 143, 145, 165
Курц З.Я. 164, 165
Кусиков А.Б. 297
Л
Лагорио М. 112, 562
Лазаревский Б.А. 454
Лаказ, сестры 360, 370
Лакло П.Ш. 365, 367
Ланкло Н. 593, 595
Ламартин А. де 167
Ламплъ Х. 112, 249, 344, 411, 506
Ланг Ф. 96
Лансере Е.Н. 97
Ланн Е.Л. 346, 348, 349, 582, 584, 664, 665
Ланской П.С. 553, 556
Лапин Л.С. 477, 478, 483, 722
Лапина Н.Л. 314, 315, 478, 720, 722
Лапина Нина 478
Лапина Р.А. 478
Лапшин И.И. 90, 93
Ларионов М.Ф. 729
Ларош-Жаклен Л. 324, 327
Ларошфуко Ф. 595
Лебедев В.И. 94, 100, 103, 105, 157, 168, 180, 181, 188, 219, 235, 446, 447, 449, 653
Лебедева И.В. (Ируся) 94, 102, 105(1), 105, 118, 131, 132, 154, 167, 179, 180, 188, 197
Лебедева М.Н. 94, 96, 100, 101, 102, 103, 105(1), 105, 118, 131, 154, 168, 179, 181, 188, 235, 506

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
лебедевы 104, 105, 179, 197
ледуховская М. 263
леже Фернан 479
лейкин Н.А. 108, 109
лейкинд О.Л. 225
лелевич Г. 499
ленин В.И. 198, 199, 282
леночка см. Слоним Е.
лерин Д. 121, 126, 135, 173, 234, 287, 289, 306, 328, 360
лермонтов М.Ю. 153, 178, 335, 342, 618
лесков Н.С. 335
леспинас Ж. де 431, 433
летучий В. 370
линдберг Ч. 661
лимбах И. (изд-во) 265
ломоносов М.В. 501, 542
лондон Дж. 275
лосская В.К. 12, 13, 125, 352, 387, 397, 409, 422, 464, 511, 524, 577, 649, 724
лот А. 647
лубянникова Е.И. 59, 114, 132, 137, 174, 277, 315, 443, 705, 714
лукашевич К.В. 669, 670
лурье А. 498, 500, 718
лурье В. 263
лутохин Д.А. 209
людовик (Людвиг) Баварский 449, 450
людовик XV 509
ляцкая А.В. 102
ляцкий Е.А. 84, 87, 93, 96, 100, 101, 101–102, 104, 108, 116, 121, 122(1),
122(2), 125, 130, 132, 145, 153, 161, 217, 218, 224, 266, 289, 450, 490, 722

М
Май-Грей, няня Байрона 218
Мейн М.А. см. Цветаева М.А.
Майринк Г. 241
Маканенко К. 704, 708, 709
Маклаков В.А. 297

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Маковский С.К. 116, 119, 255
Малмстад Дж. 12, 268
Малявин Ф.А. 271, 272, 273, 276
Мандельштам О.Э. 177, 311, 312, 313, 315, 317, 318, 321, 336, 339, 400, 493, 496, 678, 718
Мансветов Ф.С. 184, 188
Мансветовы 200
Мария Александровна, имп. 83
Мария Федоровна, имп. 24
Марр Н.Я. 688, 689
Мартин Турский (Милостивый) 631
Маслов Ф. см. Ходасевич В.Ф.
Массон Ф. 335
Массалитинов Н.О. 19
Махров К.В. 225
Мацнев Г. 464
Маяковский В.В. 318, 330, 333, 348, 413, 419, 420, 458, 461, 463, 528, 534, 537–538, 571, 572, 574, 591, 592, 594, 659, 661, 663, 665, 672, 677, 678, 722
Мейн А.Д. 701
Мейн С.Д. 669, 670, 701
Мелкова М.Ю. 714
Мельгунов С.Н. 116, 119, 125
Мельникова–Папоушек Н.Ф. 132, 134, 199, 407
Менделеев Д.И. 542
Мережковский Д.С. 154, 329, 454, 501, 720, 724, 727
Мещеряков Н.Л. 31, 35
Микушевич В. 369
Милиоти В.Д. 157, 584
Милюков П.Н. 256, 297, 440, 508, 509, 724
Минахорьян В.С. 69, 102, 104
Миркина З. 584
Миролюбов В.С. 289, 290
Мирон 201
Мирский Д.П. см. Святополк–Мирский Д.П.
Мистрюкова Л.О. 714

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Мнишек М. 260
Мнухин Л.А. 7, 22, 28, 153, 176, 193, 217, 295, 394, 403, 505, 677
Мозалевская Г.Л. 714
Мольер Ж.Б. 115, 595
Монах, неуст. лицо 69, 185, 224
Монтень М. 303
Морковин В.В. 79, 99, 120, 165, 175, 202, 224, 240, 241, 245, 689
Морковина С.С. 78, 79, 153, 157
Морозов Н. 555
Мочульский К.В. 282, 329
Мюссе А. де 132
Мякотин В.А. 145, 192, 196, 198, 217, 237
Мякотина А.Е. 236, 237
Мякотины 210
Н
Наполеон I Бонапарт 158, 198, 257, 259, 277, 286, 324, 327, 335, 369, 460, 531, 703, 704, 706
Наполеон II 9, 11, 368, 369, 704, 706, 708
Наумов А.А. 303
Неандер Б.Н. 541, 543
Невинный см. Сталинский Е.А.
Недзельский Е.Л. 116, 119, 137, 321, 429, 496–497, 543, 722
Некрасов К.Ф., книгоиздатель 698
Некрасов Н.А. 335
Немирович-Данченко Вас. И. 116, 117, 119, 121, 122, 125, 126, 136, 137
Немирович-Данченко Вл. И. 119
Нефагина Г. 394
Нечаев В.П. 127
Нечитайлов В.Н. 117, 119, 121, 126, 127
Нидерле Любор 143, 145, 156, 161, 162
Никитин В.П. 543
Николай I 282, 319, 553
Николай Николаевич, вел. кн. 404, 407
Николай II 237, 319, 407
Николаи Л.Г. 170

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Николюкин А.Н. 395

Нилендер В.О. 703, 704, 706, 708

Ницше Ф. 93, 643

Ноай А. де 573–578, 722

Новалис 645, 646

Нолле–Коган Н.А. 26, 32, 382, 385

Ностадамус М. 459, 462

Нюра, прислуга 669, 670

О

Обатнина Е.Р. 265

Оболенская А.В. (Ася) 109

Оболенский А.В. 7, 87, 105, 108, 113, 114, 124, 131, 193, 194, 199, 243, 722

Оболенский В.А. 722

Оболенский С.В. 7, 8

Оболенские 108, 111, 113, 115

Овидий П.Н. 443

Осинский В. 637

Осоргин М.А. 350, 351, 352, 354, 355, 360, 404, 418

Островский А.Н. 194, 199

П

Павлов И.П. 542

Павлова К.К. 500

Павлович Н. 226

Паганини Н. 400

Папоушек Я. 132, 134

Парен Б. 627

Парнок С.Я. 177, 443

Пасманик Д.С. 599, 600

Пастернак Б.Л. 7, 8, 13–15, 24, 26, 28, 29, 33, 36, 55, 57, 58, 61, 63, 65, 70, 73–75, 85, 87, 90, 105–108, 118, 137, 141, 144, 146–148, 149–153, 154, 156, 159, 161, 165–167, 169, 175, 176–177, 180, 181, 182, 188, 206, 207, 208, 212, 214, 215, 221, 222, 227, 228–230, 230–232, 235, 239, 249–252, 266, 312, 318, 319, 324–328, 329–333, 335, 336, 339–342, 345, 349, 357, 359, 360, 368, 370, 371, 374, 377–386, 397, 398–400, 401, 402(1), 402(2), 408, 411–413, 414, 416, 417, 417–419, 420–421, 423–426, 431, 433, 434–436, 436, 440, 444, 457, 458, 458–463, 465, 466, 468, 479–482, 482, 497–501, 511, 515, 516–520, 525, 526, 527, 528–533, 533–538, 538, 545, 549–553, 554, 563–564, 568, 569, 570–574, 579–584, 584–587, 588–590, 590–595, 599, 600, 601–605, 607–609, 610, 611–613, 613–618, 622, 625, 626(1), 626(2), 632, 636–638, 638–641, 647, 648–649, 649–650, 650–652, 655–658, 659–661, 662–665, 668–670, 671, 671–672, 673–674, 674–678, 679, 683, 684–686, 692(1), 692(2), 697, 706, 707, 709, 720, 722, 723, 724

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Пастернак Д.К. 652, 667, 668
Пастернак Е.Б. (сын) 325, 331, 332, 349, 438, 465, 466, 589, 659, 661
Пастернак Е.В. (жена) 90, 206, 251, 331, 349, 438, 444, 465, 466, 660, 661
Пастернак Ж.Л. 652, 668, 669, 693
Пастернак Л.О. (отец) 590, 648, 651, 652, 666, 668, 669, 686, 692, 723
Пастернак Р.И. (мать) 668, 669, 686, 692, 723
Перовская С.Л. 637
Перро Ш. 476
Пестолоцци И.Г. 571, 574
Петипа М.М.
Петр I 143, 145, 154, 299, 300, 320, 322, 542
Петров А.П. 60
Пешехонов А.В. 189, 198
Пешехонова А.Ф. 198
Пешехоновы 189, 191, 197, 210, 224
Писсаро Ф. 576, 578
Платен А. фон 430, 432, 433
Плотин 344
Поволоцкий Я.И. 725
Познер В.С. 296, 506, 694
Познер С.В. 470, 471, 505, 559, 693, 694, 723
Познер Э.С. 505
Познеры 296
Поляков Л.С. 547, 723
Полякова З.Л. 544, 545, 546, 546–548, 588, 723
Полякова Р.Л. 548
Поляковы 547, 723
Помпадур Ж.А.П. 508, 509
Потемкин Г.А. 327, 439, 592, 662, 665, 678
Потоцкая В.В. 708
Прилуков 8
Прокофьев С.С. 629, 630
Путерман 560, 564, 565, 566, 569, 597, 598
Пушкин А.С. 135, 136, 157, 218, 221, 226, 302, 303, 335, 363, 384, 386, 404,
Страница 358

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
407, 542, 548, 560, 580, 583, 595, 614, 617, 724

Пьерро см. Яковлев П.

Р

Ракович М. 97

Раковский Х.Р. 531

Расин Ж. 37, 595

Распутин Г.Е. 236, 237

Ратгауз Г.И. 366, 367

Ратгауз Д.М. 225, 226

Рафальский С.М. 116, 119, 121, 126, 137, 173, 725

Рахманинов С.В. 226, 542

Рашковская М.А. 287, 291, 354, 691

Рейснер Л.М. 342

Рейтлингер Е.Н. (Катя) 95, 96, 102, 104, 106, 109, 110–115, 118, 124, 127–128,
128, 129, 130, 131, 133, 140, 142, 160, 162, 166, 185, 220, 224, 243, 410

Рейтлингер Ю.Н. 114, 129, 132

Рейхштадтский, герцог см. Наполеон II

Резников Д.Г. (Дода) 249, 282, 296, 303, 361, 386–388, 409, 410, 422, 483, 492,
510, 724, 728

Ремизов А.М. 106, 108, 111, 112, 206, 219, 236, 264, 265, 269, 270, 272, 276,
281, 282, 290, 294, 296, 300, 308, 309, 311, 312, 321, 331, 333, 353, 361, 370,
399, 400, 440, 454, 497, 499, 501, 720, 724, 728

Ремизова (Довгелло) С.П. 264, 265, 281, 282

Ремизовы 84, 131, 155

Репин И.Е. 302, 303

Ретц Ж. де 387, 388

Рильке Кристоф 433

Рильке Р.М. 120, 250–251, 252, 272, 273, 335, 355–360, 362–367, 367–370, 373,
375, 378–385, 401–402, 412, 414–416, 417, 419, 420(1), 420(2), 421, 425,
429–433, 439, 452, 454–458, 459–463, 465–466, 466–469, 502, 511–515, 516–519,
522, 523, 524, 525–526, 527, 528–533, 533–538, 538, 539, 540, 542, 543, 546,
548, 549, 550–553, 567, 568, 569, 572, 576, 578, 582, 584, 585, 587, 589, 590,
594, 596, 598, 599, 601, 604, 606, 608, 609, 612, 622, 632, 633, 638, 656, 657,
668, 669, 672, 674, 677, 682, 683, 690, 692, 693, 697, 698, 723, 724, 728

Рильке С. 578

Ример Ф.В. 374

Римский–Корсаков Н.А. 226

Рихтер П. 96

Роговин С.М. 638

Роде Э. 81, 83, 107, 131

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Роден О. 369, 370, 729

Родзевич К.Б. (Радзевич К.Б.) 12, 14, 16–23, 29, 30, 35, 36, 56, 57, 66, 81, 83, 89, 90, 123, 125, 207, 337, 338, 343, 351, 352, 388, 397, 410, 419, 503, 583, 625, 631, 638, 640, 649, 650, 652, 663–665, 686, 687, 724

Родзевич Н.К. 57

Розанов В.В. 199, 309, 399, 400, 450, 494, 508, 509

Розенталь Л.М. 124, 125, 127, 162, 163, 168, 170, 171, 180, 181, 182, 200, 201, 206, 211, 724

Роллан Р. 335, 674, 677

Романов К.В. 404, 407

Романов Н.Н. 404, 407

Романова Е.В. 281, 282

Романовы, династия 319

Рони Ж.А. (или С.Ж.А., братья) 224

Россель Л.В. 189, 192

Ростан Э. 11, 335, 705, 708

Ростова О.А. 714

Рошжаклен А. де ля 405, 407

Руа П.Ш. 433

Рубинштейн А.Г. 334, 337

Руднев В.В. 28, 281, 282, 297, 487, 488, 509, 569, 599, 725

Рудин А.К. 68, 69, 87, 185, 189, 224

Руеф М. 702

Руссо Ж.Ж. 381, 575, 578

Рыбников П.Н. 215

Рыжак Н.В. 714

Рюккерт Ф. 704

С

Саакянц А.А. 87, 153, 159, 193, 217, 295, 322, 426, 670, 683, 709, 724

Сабашниковы, изд-во 443, 637, 639

Савинков Б.В. 188, 210, 211, 212

Савинков В.В. 188

Савинкова В.Н. 181, 185, 188

Савинков Н.В. (Коля) 181, 188, 210

Савинов С.Я. 117, 119, 173

Савицкий П.Н. 556

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Свентицкий А. 499
Светлов М.А. 511, 512, 533
Святополк–Мирская Е.А. 342, 345
Святополк–Мирский Д.П. 233, 234, 297, 300, 304, 305, 306, 308(1), 308(2), 311, 312, 313, 316, 321, 322, 323, 326, 328(1), 328(2), 329, 342, 344, 345, 353, 398–400, 412, 413, 427, 439, 440, 442, 458, 461, 463, 464, 470, 493, 498, 500, 501, 507, 520, 529, 535, 544(1), 544(2), 546, 549, 552, 553, 557, 559, 560, 566, 573, 588–590, 590, 592, 594, 597, 598, 600, 601, 607, 609(1), 609(2), 623, 625, 629, 636, 661, 672, 691–692, 720, 727
Святополк–Мирский П.Д. 590
Северянин И. 102, 104
Севрюхин Д.Я. 225
Сегюр С.Ф. де 86, 103
Седых А. 268, 269, 272, 725
Сеземан А.В. 556
Сельвинский И.Л. 419, 499
Сервантес, Мигель де 162
Сергей Александрович, вел. кн. 425
Сермус И.С. 81, 83, 153, 157
Сетон–Томпсон Э. 130, 132
Сильман Т. 366
Скворцов Ф.Б. 153, 157
Скюдери М. де 23
Скрябин А.Н. 90, 201, 727
Скрябина А.А. 200, 201, 206
Скрябина Т.Ф. 350
Слоним Д., сын 395–397
Слоним Е., дочь 395, 397, 653, 682
Слоним М.Л. (Дорогой) 60, 61, 68, 69, 71, 73, 76, 78, 79, 81, 85, 89, 96, 104, 107, 109, 120, 123, 131, 157, 164, 165, 167, 168, 169, 172, 179, 181, 182, 186, 188, 189, 191, 199, 206, 209, 210, 219, 224, 233, 235, 247, 249, 253, 255, 257, 258, 282, 287, 294, 322, 395–397, 422, 423, 446, 449, 481, 482, 510, 512, 522, 523, 524(1), 524(2), 539, 540, 542, 560, 620, 621, 623–624, 630, 653–654, 681, 682, 683, 725
Соколов Г. 304, 428, 448
Сократ 644
Солженицын А.И. 623
Соловьев Вл. 281, 282, 561
Соловьева Г.В. 631, 632

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Соловьева О.С. 306

Сомов Е.Н. 542

Сосинский В.Б. 27, 28, 218, 236, 237, 280, 295, 296, 321, 322, 342, 344, 354, 361, 388–391, 409, 410, 440, 444, 451, 477–479, 483, 490–492, 509, 600, 601, 606, 609, 610–611, 621, 623, 628, 628–629, 726, 727

Сосинский Е.Б. 478, 479

Софья Петровна, сестра Д.П. Святополк–Мирского 544

Софья, царица 300

Спиридонова М.А. 334, 337

Сталинский Е.А. (Невинный) 68, 69, 75, 77, 100, 102, 103, 104, 107, 123, 131, 154, 157, 168, 172, 189–191, 200, 201, 224, 235, 343, 422, 423, 446, 447

Стеклов Ю.М. 198

Стекловы 195, 198

Степун Ф.А. 30, 31, 116, 119, 141, 183, 201, 202, 205, 218, 269, 281, 329, 339, 407, 423, 425

Столыпин П.А. 542

Стравинский И.Ф. 226

Струве А.Г. (Андрей) 272

Струве Г.П. 69, 120, 221, 225, 226, 237, 263, 272, 313, 322, 443, 464, 543, 558, 726

Струве Л.П. 543, 552

Струве М.Г. (Мария) 272

Струве Михаил 531

Струве Н.А. 59, 97, 98, 577

Струве П.Б. 97, 98, 113, 115, 272, 338, 352, 355, 360, 371, 404, 418, 540, 542, 654, 726

Струве Ю.Ю. 272

Стюарт М. 430, 433, 463

Сувчинская В.А. 309, 399, 400, 428, 464, 470, 475–477, 493, 545, 559, 562, 610, 629, 660, 661, 692, 720, 726

Сувчинский П.П. 93, 188, 225, 259, 260, 275, 291, 292, 293–294, 295, 299, 300, 303, 306(1), 306(2), 308, 310, 312, 313, 315, 317, 320–322, 329(1), 329(2), 339, 344, 345, 353, 354, 390, 398–400, 403, 428, 429, 439, 443, 451–452, 464, 469, 469–470, 470–471, 471–475, 477, 479, 483, 484, 487, 492, 493, 494, 496, 497, 498, 500, 522, 523, 526, 542, 545, 549, 553–557, 562, 569, 597, 598, 607, 609, 610, 613, 625, 639, 655, 655–658, 660, 661, 663, 671, 672, 673, 676, 687, 689, 690, 695, 720, 724, 726, 727

Сувчинские 429, 463

Сухомлин В.В. 157

Сюзанна, жена М.Л. Слонима 397

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Т
Тагор Р. 251, 253
Тамбурер Л.А. 702, 704, 705, 707
Танеев С.И. 226
Тарасов Е.М. 334, 337
Тарновская М.Н. 8, 12
Твен М. 115
Телицын В.Л. 714
Терапиано Ю.К. 545
Терье А. 385
Тескова А.А. 79, 98, 99(1), 99(2), 99(3), 101, 105, 108, 120, 125, 138, 143–145, 156, 158(1), 158(2), 162, 164, 176, 188, 193, 194, 198, 201, 202, 208(1), 208(2), 221, 223–224, 232, 240, 244, 245, 257, 258, 259, 260, 261, 265, 266, 267–268, 273–275, 278, 279, 282, 283, 284, 300, 309, 315, 316, 317, 322, 352, 353, 366, 394, 397, 403–408, 408, 409, 410, 416, 419, 440, 443, 445–448, 448, 450, 451, 452–454, 463, 474, 479, 484–488, 488–490, 492, 494, 495–496, 502, 507–509, 512, 521–524, 539–542, 545, 552, 565–569, 594, 598, 605, 633–636, 640, 646, 653–654, 679–683, 687–689, 690–691, 694, 696, 721, 727
Тескова Авг. А. (сестра) 233, 244, 265, 268, 275, 454, 541, 682, 695
Тескова Анна А. (мать) 144, 146, 232–233, 244, 265, 268, 275, 454, 523, 541, 682, 695
Тесленко О.Ю. 714
Тио см. Мейн С.Д.
Тихонов А.Н. 120
Тихонов Н.С. 638, 640
Толстая С.А. 135, 136
Толстой Л.Л. 135
Толстой Л.Н. 135, 136, 174, 251, 288, 549, 590, 718, 719, 727
Триоле Э.Ю. 348, 349
Троцкий Л.Д. 252
Трубецкой Н.С. 556
Тунчи см. Соловьева Г.В.
Тургенев И.С. 189, 531, 594
Тургенева А.А. (Ася) 380, 385
Туржанская А.З. 80, 83, 89, 93, 107, 118, 130, 179, 181, 185, 219, 220, 237, 243, 473, 474, 477, 487, 495, 523
Туржанская З.К. 523
Туржанские 522, 523
Туржанский В.К. 83, 523

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Туржанский Виктор 523

Туржанский Олег (Лелик) 80, 83, 107, 117, 155, 179, 181, 185, 219, 220, 475, 477, 495, 506

Туринцев А.А. 116, 119, 121, 126, 127, 137, 209, 329

Тхоржевский И.И. 578

Тьер А. 335, 337

Тынянов Ю.Н. 566, 569

Тэффи Н.А. 153, 290, 333, 418, 453, 729

Тюрин А.Н. 12

У

Ульянова М.И. 199

Унбегаун Б.Г. 688, 689

Уразова М.М. 714

Усов Д.С. 333

Урлеван 492

Ф

Фальконетти Р. 683

Федоров А.И. 87

Федоров М.С. 280, 728

Федорова Н.Г. 115

Флоровский Г.В. 556

Франциск II 433

Х

Хайам (Кайам) О. 428

Харазова Л. 538

Харджиев Н.Н. 718

Ховин В.Р. 227, 228, 329

Ходасевич В.Ф. 225, 226, 233, 234, 253, 263, 276, 329, 340, 342, 419, 440, 461, 463, 497–501, 502, 537, 538, 541, 543, 545, 554, 555, 557, 563, 564, 569, 619, 655, 727, 729

Холлар В. 319

Ц

Цвейг С. 641, 643

Цветаев Андрей И. 381, 669, 670, 704, 705, 709

Цветаев И.В. 334, 384, 386, 547, 705, 723

Цветаева А.И. (Ася) 232, 251, 325, 330, 337, 360, 367, 372, 374, 381, 382, 487, 529, 531, 533, 534, 537, 547, 555, 618, 619, 620, 621, 627, 629, 630–631, 631, 632, 639, 641, 643(1), 643(2), 644–646, 655, 659, 662, 665, 669, 673, 675, 676, 689, 701, 702–709, 709, 727

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Цветаева В.И. 705, 709

Цветаева М.А. (Мейн) 334, 337, 377, 381, 384, 449, 487, 546, 547, 669, 689, 702, 704, 705, 723

Цветковская Е.К. 180, 181

Цебриков Г.В. 260(1), 260(2), 262

Цетлин М.О. 440

Цетлина М.С. 35, 137, 157, 271, 272, 394, 710

Цетлины 271, 272, 296

ч

Чабров А.А. 16, 18, 20, 22, 69, 82, 83, 727

Чайковский П.И. 226

Чапек К. 224

Чаплин Ч.С. 464

Чарская Л.А. 709

Черни А. 182, 188, 204

Черни К. 204, 208

Чернов В.М. 75, 77, 78, 79, 83, 115, 198(1), 198(2), 255, 256, 280, 721, 727, 728

Чернов Володя 237, 246, 254, 256

Чернова А.В. (Адя) 68, 77, 78, 81, 83, 85–87, 90, 91, 93, 96, 97, 100, 103, 104, 105, 108, 109, 112, 113, 114, 120, 124, 125, 128, 131, 139, 142, 156, 157, 160, 162, 168, 171, 177, 178, 181, 182, 184, 185, 188, 190, 191, 193, 194, 195, 198, 199, 201, 206, 208, 210, 211, 217, 218, 224, 227, 228, 236, 237, 242, 243, 245, 247, 254, 256, 276, 277, 280, 296, 297, 321, 342, 352, 388, 389, 390, 391, 409, 421–422, 447, 483, 506, 562, 600, 606, 607, 611, 628, 726, 727

Чернова Н.В. (Наташа; Резникова) 83, 105, 115, 157, 191, 237, 254, 277, 280, 342, 352, 390, 391, 606, 607, 724, 728

Чернова О.В. (Оля) 81, 83, 115, 157, 191, 198, 199, 222, 236, 237, 243, 246, 254, 256, 277, 280, 296, 389(1), 389(2), 606, 607

Черновы 70, 83, 104, 113, 114, 193, 198, 243, 302, 388, 411, 451, 483, 601

Черносвитова Е.А. 469, 525, 526, 531, 569, 728

Черный С. 112(1), 112(2), 729

Честертон Г.К. 313, 314, 661

Чехов А.П. 311, 423, 425, 718

Чингис-Хан 540, 542

Чириков Е.Н. 83, 87, 99, 116, 119, 123, 134, 136, 145, 154, 238, 246, 282, 306, 408, 728

Чирикова В.Е. 80, 83, 145, 306

Чирикова В.Г. 145, 164, 165, 185, 189, 306

Чирикова Л.Е. 88, 92, 94, 96, 103, 110, 115, 125, 145, 221, 267, 277, 306, 531,

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
710, 728

Чирикова О.В. 105

Чирикова Н.Е. 115, 220, 405, 408, 495

Чирикова–Шнитникова Л.Е. см. Чирикова Л.Е.

Чириковы 90, 104, 110, 117, 140, 143, 238, 306, 328, 408, 522

Чуковский К.И. 120

Чурилин Т.В. 177

Ш

Шабас П.Э. 708

Шагал М. 729

Шаляпин Ф.И. 247

Шаховская З.А. 556

Шаховской Д.А. 237, 259, 262, 263, 270, 271, 273, 276, 281, 283, 284, 285, 293,
297, 298, 301, 302, 304(1), 304(2), 309, 313(1), 313(2), 315, 316, 320, 323,
345, 350, 370, 371, 426, 427–428, 447, 448, 450, 460, 497, 624, 625, 721, 728

Шваб Г. 406, 474, 478

Швейцер В.А. 104, 137

Шебеко В.И. 162, 163, 165

Шевеленко И.Д. 443, 481, 564

Шевченко Е.С. 355

Шекспир У. 12, 37, 316

Шелига–Сувчинский П. 497, 556

Шелли П.Б. 191, 193

Шестов Л.И. 275, 290, 291, 292, 294, 295, 296, 321, 322, 331, 333, 344, 353,
370, 494, 498, 501, 501, 560, 560–561, 595, 597–598, 599, 609–610, 617, 720, 728

Шестопалов Н.И. 303

Шиллер И.Ф. 645, 646

Шимек А. 259

Шингарёв А.И. 25, 28, 440

Шингарёв В.А. 25, 28, 440, 444

Шнитникова Л.Е. см. Чирикова Л.Е.

Шлецер Б.Ф. 548

Шмелев И.С. 236, 237, 454, 729

Шмидт Й.Х. фон 87

Шмидт П.П. 334, 337, 341, 376, 382, 385, 417–419, 423, 424, 426, 439, 479–482,
482, 549–552, 563, 564, 571, 591, 592, 593, 594–595, 601–605, 608, 616, 636–638,
659, 662, 678

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Шмидт-Очаковский Е.П. 376

Шопен Ф. 244, 265, 619

Штейн А. 385

Штейгер А.С. 595

Штейнберг А.З. 655

Штейнер Р. 156, 220, 221, 524, 529, 531, 535, 536

Штоль Г.В. 468, 469, 474, 526

Шторм Т. 683

Шуман Р. 547, 548

Шумов П.И. 295, 368, 370, 601, 729

Шюзвиль Ж. 708

Щ

Щепкина-Куперник Т.Л. 708

Э

Эйтингтон М.С. 561

Эккерман И.П. 373, 374, 375, 526

Эллис (Л.Л. Кобылинский) 704, 709

Эльфочка см. Калин А.С.

Элюар П. 647

Эмпидокл 575, 578

Энтц К. 578

Эренбург И.Г. 27, 203, 325, 330, 340, 348, 376, 425, 439, 721

Эренбург Л.М. 24, 25, 27, 148, 151, 376, 667, 668

Эренбурги 640

Эрнст М. 647

Эррио Э. 189, 192

Эфрон А.Я. 556

Эфрон А.С. (Аля) 7, 10, 12, 35, 58–60, 68, 70, 77, 79, 80, 81, 85–87, 95, 96, 98, 100, 102, 103, 106, 109, 110, 114, 117, 118, 120, 122, 129, 131, 132, 140, 141–142, 143, 146, 149, 152, 154, 155, 162, 166–169, 171, 178–180, 182, 185, 188, 189, 190, 191, 193, 197, 202, 203, 205, 206, 207, 209, 211, 219–220, 221, 222, 223, 224, 228, 228–230, 232, 233, 235–237, 242–246, 248, 249, 254, 257, 265, 266, 267, 268, 273, 275, 277, 278, 279, 284, 295, 296, 309, 323, 324, 342, 353, 359, 361, 368, 370, 372, 377, 378, 381, 383, 388, 389, 390, 391, 405, 410, 411, 415, 422, 444, 446, 447, 454, 461, 473, 475, 476, 478, 483, 486, 492, 495, 504, 506, 508, 522, 526, 529, 535, 541, 543, 545, 555, 556, 567, 568, 588, 601, 604, 605, 606, 610, 611, 613, 619, 627, 628, 630, 631, 633–635, 639, 643, 644, 646, 649, 654, 657, 660, 670, 674, 677, 679, 680, 682, 683, 686, 687–688, 690, 695, 696, 706, 707, 709, 719, 726, 727, 729

Эфрон Г.Я. 556

Эфрон Г.С. (Мур, Барсик, сын) 64, 66, 73, 90, 98, 108, 111, 138, 139, 139–140,
Страница 367

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
141–142, 144, 146, 149, 150, 154–157, 158, 160, 162, 163, 164, 165–167, 172,
175, 179, 181–185, 188, 189, 191, 193, 197, 200, 203, 203–207, 209, 211, 212,
215, 218–221, 224, 228, 230, 232, 235–237, 239, 242–245, 247, 248, 251, 254,
255, 257, 261, 264, 267, 268, 273–275, 277, 279, 284, 310, 314, 323, 324, 328,
329, 332, 342, 348, 353, 354, 368, 372, 377, 378, 389, 390, 405, 408, 410, 414,
418, 422, 425, 446, 447, 451, 454, 460, 473, 475, 477, 485, 486, 489, 490, 493,
496, 504, 506, 508, 518, 522, 524, 528, 529, 531, 534, 535, 541, 545, 562, 567,
600, 601, 604, 606, 610, 611, 612, 613, 617, 621, 627, 628, 629(1), 629(2), 631,
632, 633–634, 639, 644, 646, 654, 657, 660, 673, 674, 679, 680, 682, 684, 685,
686, 687–688, 690, 692, 695, 696, 706

Эфрон Е.Я. (Лиля) 683

Эфрон И.С. (Ирина) 74(1), 74(2), 154, 157, 203

Эфрон К.Я. 556

Эфрон П.Я. 556

Эфрон С.Я. 7, 10, 24, 25, 59, 60, 68, 69, 70, 75, 79, 81, 86, 87, 88, 93(1),
93(2), 95, 97, 98, 100, 101–104, 105–107, 110, 114(1), 114(2), 116, 118, 119,
120, 124, 125, 126, 127, 128(1), 128(2), 131, 132–134, 134, 140, 141–142,
143–145, 146, 149, 152, 153, 155–157, 158, 159, 159–160, 161, 163, 166, 180,
181, 184, 185, 190, 192, 194, 196, 197, 202, 205, 207, 209, 211, 221, 224, 230,
232, 233, 235, 238, 239, 242, 244–246, 248, 251, 253–256, 257, 261, 265, 266,
270, 272, 273–275, 277, 279, 281, 284, 286, 288, 289–290, 291, 293, 294, 296,
297, 300, 303, 304, 311, 313, 316, 320, 321, 324, 328, 329, 340, 342, 346, 349,
352, 353, 354, 360, 369, 370, 371, 387, 388, 390, 399, 400, 404, 409, 410, 411,
418, 421, 423, 427, 429, 443, 447(1), 447(2), 448, 450, 451, 453, 454, 470, 471,
473, 476, 478, 483, 485, 486, 489, 491, 493, 494, 495, 497, 498, 500, 508, 522,
524, 540, 541, 543, 548, 549, 553–556, 557–558, 559, 561, 562, 566, 568, 569,
572, 587, 588, 595, 598, 604, 609, 610, 613, 621, 625, 627, 630, 635, 636, 637,
638, 639, 652, 653–655, 657, 660, 662–665, 673, 674, 676, 677, 681–683, 686,
687, 690, 691, 696, 706, 719, 720, 722, 724, 726, 727, 729

Эфрон Я.К. 553, 555

Эфрос А. 120

Ю

Юрьевская Е.М. 163

Юрчинова Э. 202–203, 223, 258, 265, 266, 274, 279, 352

Юсупов Ф.Ф. 236, 237, 271, 272

Я

Яблоновский А.А. 291, 404, 406, 407, 418, 499, 694

Яблоновский С.В. 328, 333, 352, 354, 355, 360, 361

Якобсон Р. 556

Яковлев И.И. 72, 78, 79

Яковлев П. (сын) 103, 105

Яковлева 78

Яковлевы 102, 105, 200, 210, 219

D

Davies R. 692

G

Gary

Gid A. см. Жид А.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Goehte см. Гёте

Gordon L. 112

Grosbois, генерал 324

F

Ferrand J. 8

H

Hölderlin см. Гёльдерин

Hugo V. см. Гюго В.

L

Louïon 333

S

Smith G.S. 692

V

Valéry см. Валери П.

Z

Zola см. Золя Э.

Комментарии

1

Я думаю об этом (фр.).

2

Со знанием дела (сердца!) (фр.).

3

РАССТАВАНИЯ (Примеч. М. Цветаевой.)

4

«Девушка, вы часто не туда заходите» (фр.).

5

Лицей (фр.).

6

Профессор французского языка (фр.).

7

«Вы любите Эдмона Ростана, мадам?» (фр.).

8

«Разве похоже, что я поклонница Ростана?» (фр.).

9

Голова (фр.).

10

«Какие странные эти русские девушки! Может быть, вы поэт в своей стране?» (фр.).

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
11

Здесь: предчувствующая (нем.).

12

Вечно-женственное (нем.).

13

«И говорите иногда мое имя при поцелуе...» Мадмуазель де Мопэн (фр.).

14

Страна Нежности (фр.). Аллегорическая страна любви, описанная в романе Мадлен де Скюдери (1607–1701) «Клелия».

15

Один из центральных районов Праги.

16

...и еще его (ее) дружба, которая была большей, чем его (ее) любовь (фр.).

17

С одним только пропуском: три хвалебные строки об Императрице Марии Федоровне.
(Примеч. М. Цветаевой.)

18

Кончено (нем.).

19

Группа духов, связанных с одним из четырех элементов природы землей, водой, воздухом, огнем (нем., сказ.).

20

В 1925 г. в Ницце открылась Русская школа «Александрино». Жекулина Аделаида Владимировна (урожд. Евреинова; 1866–1950), педагог, основатель двух русских гимназий в Константинополе, переведенных затем в Чехословакию (Моравская Тршебова) и Болгарию. Адриан Петрович Петров (ок. 1879–1933). директор Русской гимназии в Моравской Тршебове. Переезд его в Ниццу не состоялся.

21

Мания величия (лат.).

22

Что я умею! (фр.)

23

См. перевод на с. 56 (коммент. в письме 16–24.).

24

Оставим это; довольно (нем.).

25

Местное божество (фр.).

26

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
в НСТ. С. 308 приписка: «NB. Один пришел в ярость, нет оскорбления, которого бы
я от него не выслушала помню, даже внешне был страшен, а другой просто – исчез.
1933 г.».

27

Здесь: «отрава» (фр.).

28

Рынок угля (чешск.).

29

Легкомысленная пастушка,
я опасюсь твоих чар, –
Твоя душа загорается,
Но любви в тебе нет... (фр.)

30

«Теперь у меня было бы две!» (фр.).

31

Если это будет Борис (фр.).

32

«Мечта» Золя (фр.).

33

«Новые сказки фей» г-жи де Сегюр в серии «Розовая библиотека» (фр.).

34

Каноник Шмидт (фр.).

35

Здесь: я на глазах уступаю (фр.).

36

делает небольшой обход, чтобы доставить себе удовольствие (фр.).

37

Живот (чешск.).

38

Евгений Александрович, она Александра Владимировна. (Примеч. М. Цветаевой.)

39

Телеграмма; срочная депеша (фр.).

40

Пьеро (фр.).

41

Графиня де Сегюр. Новые сказки фей (фр.).

42

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Коротко и ясно (фр.).

43
Бесталанно (фр.).

44
Зачем? (фр.)

45
Здесь: не сбылась моя жизнь, замысел ее (фр.).

46
Крик души (фр.).

47
«Ты этого хотел, Жорж Данден!» (фр.).

48
Чем больше перемен, тем больше все остается по-старому (фр.).

49
То есть в противопожарную стену (нем.).

50
Почтовая открытка (фр.).

51
Вы сами теперь увидите (фр.).

52
Зачем в твоём небесном творении столько разнообразия – и так мало согласия?!
(фр.)

53
Небесный (фр.).

54
Земной (фр.).

55
Русская (чешск.).

56
Здесь: гора родила мышь (фр.).

57
Продукты культуры (нем.).

58
Не снисхожу (фр.).

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
59
Здесь: мальчик на побегушках (фр.).

60
Воскресное дитя (нем.).

61
Так в бумажной книге – прим. OCR.

62
Дом на колесах (фр.).

63
Чужая здесь (англ.).

64
Для галерки (фр.), для публики (нем.).

65
Одна – в Париже, другая – в Праге (фр.).

66
Армия спасения (чешск.).

67
Здесь: от этого дела не продвигаются (фр.).

68
Ибо где я согнут – я солган! (нем.).

69
Знаем мы этих родственников! Вроде моих гостей из «Молодца». (Приписка на полях.)

70
Теплице. Дом Бетховена (нем.).

71
«Я была создана для счастья, но
Зачем в твоём земном творении
Столько разнообразия – и так мало согласия?..» (фр.).

72
Небесном (фр.).

73
Кто раз соврал, ему не верят.
Даже когда он правду говорит (нем.).

74
Напечатано: в «Звене», в «Воле России», в «Современных Записках», в «Воле России». (Примеч. М. Цветаевой.)

75

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Ничего (нем.).

76
Ничего (фр.).

77
Единственное утешение (отрада) после содеянной глупости в том, что ты сделала ее сама (фр.).

78
Как каторжник при своей тачке (фр.).

79
Что скажут об этом (фр.).

80
Здесь: день работы Больших фонтанов (фр.).

81
Система кормления смесью муки, молока и масла (нем.).

82
От «дека» (десять) (греч.).

83
Все, что не печально, – глупо и все, что не глупо, – печально (фр.).

84
Скорбные песни, элегии (лат.).

85
Здесь: полная, по всем статьям (фр.).

86
Здесь: хороших данных (фр.).

87
Желании (фр.).

88
Здесь: неизвестность (нем.).

89
От фр. «gentille» – вежливый, обходительный.

90
«Розали и серая мышь» (фр.).

91
«Девочка во времена Террора» (фр.).

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
92
Секрет Полишинеля (фр.).

93
Пишите прозу, не думая, что пишете ее (фр.).

94
Человеческий документ (фр.).

95
Чешск. «zachod» – туалет.

96
Здесь: пережитое (фр.)

97
Стихотворение на случай (нем.).

98
Русский Стиль (фр.).

99
Чем хуже, тем лучше (фр.).

100
Записку (фр.).

101
Красавица Мирона (фр.).

102
Оттого – так редки болезни! (Сноска М. Цветаевой.)

103
Нет, только не это (фр.).

104
Кот Мурр (нем.).

105
Дом на колесах (фр.).

106
Рушащийся дом (фр.).

107
«Медвежонка», «Русоголовку» (фр.).

108
Молоко, источающее слезы раскаяния (фр.).

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
109
Негритенок (нем.).

110
«Счастлив, счастлив» (фр.).

111
Нечто неизвестное (лат.).

112
Ничего (фр.).

113
Счастливым (фр.).

114
Немецкая транскрипция фамилии Ляцкий.

115
До свидания (нем.).

116
Дом на колесах – ветхий дом (фр.). Игра слов.

117
Госпожа Цветаева (чешск.).

118
Духовные письма, письма духа (нем.).

119
NB! формула: «первый» это последняя ступень лестницы, первой ступенью которой является «последний». (Приписка М. Цветаевой.)

120
Ф. Кубка просил у Цветаевой ее фотографию для публикации вместе с переводами.

121
Зеленое лицо (нем.).

122
От ргиказ – удостоверение личности (чешск.).

123
Хорошая мина при плохой игре (фр.).

124
От фр.: dormeuse – дорожная карета.

125
Дневник (фр.) (дословно: личная тетрадь).

126

Здесь: личность (фр.).

127

Малой скоростью (фр.).

128

Чтобы эпатировать буржуа (фр.).

129

«Слепые короли» (фр.).

130

«Цыганский барон» (нем.).

131

Здесь: разодранный, пытаемый калеными щипцами (фр.).

132

Площадь Бастилии (фр.).

133

«Рождественское полено» (фр.).

134

В холодных отношениях (фр.).

135

Фатальность (фр.).

136

Гурман, любитель хороню поесть (нем.).

137

«Либо принимаете, либо нет» (фр.).

138

«Скорее нет, чем да» (фр.).

139

Ничтожность наша (фр.).

140

В случае переворота, не иначе, конечно! (Примеч. М. Цветаевой.)

141

Здесь: Откуда она у вас? (фр.)

142

И все, что с этим связано (фр.).

143

Здесь: осложнений не сулят (фр.).

144

Необратимый, бесконечный (фр.).

145

Склоны (фр.).

146

«Прикройте себя (наденьте головной убор), сударь» (фр.).

147

Проба силы (нем.).

148

Чрезмерное воображение и слишком мало логики (фр.).

149

Не снисхожу (фр.).

150

Письмо по пневматической почте (фр.).

151

В этом виноват парижский воздух (фр.).

152

Удостоверение личности (фр.).

153

И только-то?! (фр.).

154

Букв.: долгого дыхания, долгого действия (фр.).

155

Ученик (в мастерстве) (нем.).

156

(Не) мастер, (а) ученик (нем.).

157

Удостоверение личности (фр.).

158

Пусть говорят (фр.).

159

Колдунов (фр.).

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

160

Дурных людей, которые могут сглазить (фр.).

161

Удостоверение личности (фр.).

162

По-немецки: Worte – Werte.

163

По-немецки: grosartig – grose Art.

164

По-немецки: noch kommeende – nach-kommende.

165

Так в тексте (Сост.).

166

Художественная литература (фр.).

167

По-немецки – игра слов: wählen ist wuhlen und wüst sein.

168

По-немецки: Rassehunde – Gassenhunde.

169

«Опасные связи» (фр.).

170

По-немецки: Vorsicht – Verzieht!

171

Ведь это маленький Римский король (фр.).

172

Дом на колесах (фр.).

173

Величие (фр.).

174

Сокровище Нибелунгов (нем.).

175

Через все миры, через все края, по концам всех дорог / Вечная пара не встречающихся (нем.).

176

Не «воспользоваться» «случаем» письма Рильке, чтобы назвать тебя ещё раз.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
(Приписка М. Цветаевой.)

177

В детстве любила, как и любовь. (Приписка М. Цветаевой.)

178

Львина доля (фр.).

179

Тигриная доля (фр.).

180

См. перевод на с. 000. – Удостоверение личности (фр.).

181

«Два брата» (фр.).

182

От orphan – сирота (фр.).

183

См. перевод на с. 338. – Письмо по пневматической почте (фр.).

184

Бедного животного (фр.).

185

Маленькая славянка (фр.).

186

Это он о меня касающемся. (Примеч. М. Цветаевой.)

187

Великая (высшая) низость любви (фр.).

188

Все ветры назначают друг другу свидание (фр.).

189

Густав Шваб – Прекраснейшие легенды классической древности (нем.).

190

Шезлонг (фр.).

191

Я – многие, быть может – неисчислимо многие. Ненасытное множество, и ни один (из него) не хочет знать о другом, не должен знать. Они совершенно друг друга не знают, они иногда встречаются только во сне (нем.).

192

Т.е. заслоняешься ею насильно и все-таки не заслонен. Ты – это деревья, флаги, листовки, клятва. Шмидт – письма насильно и все-таки не заслонен. Ты – это

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
деревья, флаги, листовки, клятва. Шмидт – письма. (Приписки М.И. Цветаевой.)

193
Великий мастер отсутствий (фр.).

194
Гроссмейстер (великий мастер) (нем.).

195
Отплытие (между непомерностью твоего прибытия и твоего отплытия) (фр.).

196
Сколь сладостно вспоминать мне / Об этой прекрасной Франции (фр.).

197
Ибо худшее и лучшее во мне
Места, что всего пустынной (фр.).

198
Фруктовый сад (фр.).

199
Будем быстрее.
Чем поспешный отъезд (фр.).

200
Надо ли так опираться (фр.).

201
Скользите, смертные, не опирайтесь! (фр.)

202
Разве ангелы стали скромные! – Но лучшее место – не напротив, чуть дальше (фр.).

203
Однако какой возвышенный миг,
когда вдруг поднимается ветер
за эту страну: он заодно с Францией (фр.).

204
Заодно с Францией (фр.).

205
Порой она кажется растроганной
тем, что ее так внимательно слушают, –
тогда она показывает свою жизнь
и больше не говорит ничего (фр.).

206
Неизданного (фр.).

207
Мюзо на Сьерр (Валэ), Швейцария (фр.).

208
Мой случай (дело, причина) (фр.).

209

См. перевод на с. 435. [Мой случай (дело, причина) (фр.).]

210

«Это уже случилось со мной!» – часто случалось! (нем.)

211

Сен-жильского бескрайнего пляжа (фр.)

212

Неприкаянных душ (фр.).

213

Едем дальше (чешск.).

214

Так в бумажной книге. – OCR.

215

Избирательное родство (нем.).

216

Король! Единственный принц этого столетия, – Сир! (фр.)

217

Ибо где я согнут я солган (нем.). (Перевод М. Цветаевой.)

218

Так в бумажной книге. – OCR

219

В самой середине, внутри (нем.).

220

По-немецки: herrlich-herrisch.

221

Чрезмерная чистота вызывает ветер презрения (фр.).

222

По немецки: Leidenschaft – Leibeigenschaft.

223

По-немецки: fast im schlaf – fest im schlaf.

224

Места, что всего пустыней (фр.).

225

По-немецки: bin in die seele (kehle) hinein.

226

Я защищаю не себя, а самый совершенный из поцелуев (фр.).

227

Великий чехословацкий поэт (фр.).

228

...И вот он исчез вдали.
Кораблик без парусов,
В просторах, где звездный край,
Устав от морских штормов,
Однажды приплыл он в рай (фр.).

229

Пустынные места (фр.).

230

Всё отмщается (нем.).

231

Лучшее и худшее во мне суть две пустыни (фр.).

232

Молодой человек (фр.).

233

А я знаю, что вы хотите сказать, вместе с Шарло! (фр.)

234

И постель – обеспамятевший стол (фр.).

235

По-немецки: mit Haut – und Haut – und Haar.

236

По-немецки: Redensart – Liebesart.

237

Быть тем, чем живут. Вещь, которой живут (фр.).

238

По-немецки figen – Fegfeuer.

239

Еще все (нем.).

240

Со знанием дела (фр.).

241

Мифы (нем.).

242

Греческая мифология (нем.).

243

В собачью задницу (и т.д. – непере译имое ругательство) (фр.).

244

Вы уже наверняка там (фр.).

245

С меня хватит иностранцев в моем саду! (фр.)

246

«Жила-была пастушка» «Жила-была мадам (припев) – Жила-была мадам которая охраняла свой сад, как собака» (фр.).

247

Моральными сентенциями (фр.).

248

См. перевод на с. 473. Греческая мифология (нем.).

249

Мифы классической древности (нем.).

250

Заказным отпращиванием для книг (фр.).

251

См. перевод на с. 135. – Не снисхожу (фр.).

252

Мысленно (фр.).

253

Ну вот (фр.).

254

«Вы заплатите потом!» (фр.).

255

Hurlevent – завывающий ветер (фр.).

256

Германия превыше всего (нем.).

257

Пруссия (нем.).

258

Весной? Мне тревожно. Скорее! Скорее! (нем.)

259

Райнер, что такое? Райнер, ты еще любишь меня? (нем.)

260

По-немецки, игра слов: Nest (гнездо) и Netz (сеть).

261

7 мое любимое число (нем.).

262

Я не хочу хотеть – я не смею хотеть (нем.).

263

Поэзия (фр.; нем.).

264

Прекрасный вид (фр.).

265

Святая боязнь (нем.).

266

Не поэт... – дух поэзии (нем.).

267

Органический порок: как сердца – например. (Сноска М. Цветаевой.)

268

См. перевод на с. 220. [До свидания (нем.)]

269

Тайный (фр.).

270

«Я знаю!» (нем.).

271

С упором (нем.).

272

Страдание (нем.).

273

Прекрасная роль... не для меня, но... я плюю на прекрасные роли! (фр.)

274

Ибо вопрошающие тебе безразличны: с кротким лицом глядишь ты на обремененных (нем.).

275

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Конское сердце, конская печенка, конские почки (фр.).

276
Великий человек (нем.).

277
Почему (нем.).

278
Медовый месяц (фр.).

279
Стихи злостных пропойц (нем.; перевод М. Цветаевой).

280
Гонцы (фр.).

281
Наш случай (фр.).

282
Из лучших семей (фр.).

283
В меблированных квартирах («Они очень милы, эти русские, но они все ломают»)
(фр.).

284
Испытывая угрызения совести (фр.).

285
Протеже (фр.).

286
Вы приедете изнутри себя, а не извне событий. (Приписка М. Цветаевой).

287
Ничего (фр.).

288
Над схваткой (фр.).

289
Оставим это!.. (нем.)

290
«Гнездо – в Твоем языке, который так близок ко всеобщему...» (нем.).

291
Ладонь (нем.).

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
292
Как сказать (фр.).

293
Только время! (Только времени!) (нем.).

294
Сезам, откройся! (нем.)

295
Любовных песнях (нем.).

296
Я сейчас с тобой говорю, как с союзником, совершенно упуская оборвано я тебя
сейчас зову к сонегодованию, замечаешь? Как собокраденного / Исключительно как
собокраденного. «Да вспомните нрзб. поэта...»* – есть такой стих у Пушкина или я
его выдумала? (Приписка М. Цветаевой.)

* В комментариях к письму (Души начинают видеть. С. 639) высказано
предположение, что это неточная цитата из раннего стихотворения Пушкина «К Маше»
(в оригинале: «И уж не вспомните поэта...»).

297
См. перевод на с. 558. – Наш случай (фр.).

298
Любящие не могут, не смеют (нем.).

299
Любящая... знающая... предчувствующая (нем.).

300
Вещь (нем.).

301
Я бы спасла своего мужа, и я бы утонула со своим любовником (фр.).

302
Потопление – наяда (фр; игра слов).

303
Околдовать (фр.).

304
Эйфория (нем.).

305
Отчуждение (нем.).

306
«О странном городе времени» (нем.).

307

Тому есть причины (фр.).

308

Человеческий документ (фр.).

309

Прочная устойчивость (фр.).

310

С белыми руками (фр.).

311

С самым необходимым (фр.).

312

Твои – пропуск одного слова как маленькие голуби... Любимая – родной лес.
(Приписка М. Цветаевой.)

313

Враждебные (друг другу) братья (нем.).

314

См. перевод на с. 579 – Сезам, откройся (нем.).

315

«Я, живущий в тысячелетиях» (нем.).

316

С вещами и силами (нем.).

317

Чем раньше – тем лучше. Хотя бы часть. Только что заплатила 86 франков 40
сантимов за газ. Осталось 30 франков.

Кстати, мне остается еще дополучить 100 франков за поэму С моря – 200 строк, по
1 ½ франка – 300 франков, а я получила только 200 франков, ибо Сережа, которому
Вы давали, думал, что по франку строка. Эти 100 франков можете включить в 500,
тогда аванс за Федру будет 400. Расписки доставлю. (Примеч. М. Цветаевой.)

318

Черносмородинная наливка (фр.).

319

Художник (художница) и через это изменник (изменница) своему полу (фр.).

320

«О, дети совсем не должны развлекаться. Развлекаются после 18 лет!» (фр.).

321

Лукавое лицо (нем.).

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
322

Стефан Цвейг. «Борьба с безумием» (нем.).

323

О, вдохновение! Мы находим в тебе вечное блаженство (нем.).

324

«Когда помрачен рассудок» (нем.).

325

Что здесь не полно, там восполнят боги (пер. с нем. С.С. Аверинцева).

326

Поцелуй прокаженного (фр.).

327

Органический порок: как сердца – например. (Приписка М. Цветаевой.)

328

Границы округов (фр.).

329

Станции пересадок (фр.); correspondance – переписка (фр.).

330

Север – юг (фр.).

331

Дорогая сударыня, дорогой сударь (фр.).

332

Чести и счастьем (фр.).

333

Небесный Отец, земной ли, все равно дело в сыновности (фр.).

334

Не пугаться ее «новизны». Я держусь за прошлое всеми своими корнями. И именно прошлое делает будущее (фр.).

335

«Я не люблю сломанных кукол...» – «Ну; раз это ты ее сломала...» ...«Это не повод ее любить. Так ей и надо!» (фр.)

336

В несуществующем времени (фр.).

337

«Историй Доброго Бога» (нем.).

338

См. перевод на с. 572. – Только время! (нем.)

339

«Принимаешь ли ты меня таким, еще и таким?» (нем.).

340

Пурпурная лихорадка (фр.).

341

Лазурная лихорадка (фр.).

342

Эфирная (фр.).

343

Вариант: – Respectez les arbres fruites! сплошь заполненному падением, – одна карета помощи (на смерть), от авиона уже ни следа. Весь разобран на память. (Перевод: Не трогайте фруктовые деревья! (фр.). Приписка М. Цветаевой).

344

Амулет (букв.: приносящий счастье) (фр.).

345

На сегодня – всё (нем.).

346

Истории доброго Бога (нем.).

347

«И море тоже» (нем.).

348

Красивый старик (фр.).

349

Старый красавец (фр.)

350

Хороший старик (фр.).

351

«А может быть ты права, девочка. В своей стране он может быть князь» (фр.).

352

Растворилось (нем.).

353

Обольститель, вербовщик, едок, мот (фр.)

354

«Орган – атрофируется» (фр.).

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
355
Старанья впустую (фр.).

356
Гигантскими шагами (фр.).

357
«Темные кипарисы! / Мир слишком веселый! – / А ведь все будет забыто!» (нем.).

358
а может быть и ВЕРШКАМИ! (Примеч. М. Цветаевой.)

359
«Мир слишком веселый!» (нем.)

360
Тушенка (англ.).

361
Шесть лет (фр.).

362
См. перевод на стр 680. – «Темные кипарисы! / Мир слишком веселый! – / А ведь все будет забыто!» (нем.).

363
Дуинезские элегии (нем.).

364
Дом Рильке (нем.).

365
Роща Рильке (нем.).

366
Письмо для М. Эфрон (фр.).

367
Марина и я очень боялись мертвых, даже матери, умершей 37 лет за 3 ½ года до этого дня, когда Марина писала мне (примеч. А.И. Цветаевой).

368
где жила мама возле нашего интерната, и мы ходили к ней ночевать по очереди с субботы на воскресенье (примеч. А.И. Цветаевой).

369
сестра автора Осуждение Паганини (примеч. А.И. Цветаевой). См. примеч. 3.

370
моя 15 летняя подруга Аня Калин (примеч. А.И. Цветаевой).

371

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
неясное слово, плохо переписанное, не разберу, французская книга (примеч. А.И.
Цветаевой в скобках).

372

так Марина и брат шутливо звали меня, а мы Марину звали «Мамонтиха» и
«Проходимка» (примеч. А.И. Цветаевой).

373

писано в годы реакции, в годы школьных сумерок, в 1910 году (примеч. А.И.
Цветаевой в скобках). Ср. стихотворение М. Цветаевой «Жертвам школьных сумерок».

374

В копии письма французские строки заменены на русский перевод: «А лучше уйти
только что придя, чем видеть как Ты вянешь, новое бѣрега».

Марине было 17 лет; в 1910-х гг. среди учащихся состояние подавленности было
очень сильным (примеч. А.И. Цветаевой в скобках).

375

Аля, альбомчик с несколькими нежными записями ему нами 2-мя, девочками, ему
подаренный. От него потом пришло заглавие к 1-му сборнику Марининых юношеских
стихов изданному в 1911-12 (примеч. А.И. Цветаевой в скобках). См. примеч. 10.

376

неясно – женское имя, вроде Алелею (примеч. А.И. Цветаевой в скобках).

377

Нрзб. на мою АЦ, жизнь, книги? Рюккерта (примеч. А.И. Цветаевой в скобках).

378

шутливые прозвища Марины в детстве и отрочестве (примеч. А.И. Цветаевой в
скобках).

379

В копии письма французские строки заменены на русский перевод: «Судьбы и цветы –
изменчивы». См. примеч. 13.

380

картину которая давно была ей предназначена (примеч. А.И. Цветаевой в скобках).

381

актриса, АЦ, тогда знаменитая ее портрет (примеч. А.И. Цветаевой в скобках).

382

нашу любимую с детства песнь, АЦ. (примеч. А.И. Цветаевой в скобках).

383

песнь о любви, мы ее всегда пели вдвоем, и даже в то время когда любили того же
человека, 1-ой несчастной любовью. АЦ (примеч. А.И. Цветаевой в скобках).

384

Лидия Александровна Тамбурер. АЦ (примеч. А.И. Цветаевой в скобках).

385

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Сбоку и в правом верхнем углу второго листа имеются пометы А.И. Цветаевой:

«Письмо ко мне 35 лет назад, в 1910 году, 17 летней Марины» и «продолжение письма ко мне 17 летней Марины в 1910 году (копия)».

386

Ср. позднюю версию изложения тех же событий:

«...узнав о Мариной гибели и об оставленных ею письмах – сыну, мужу, дочери и Асееву (поручая ему сына), я спросила себя – и весь воздух, который только и могла спросить: как могла Марина уйти, не упомянув меня? Молчание в ответ было моим живым страданием. Но на этот вопрос я получила ответ и именно в эти дни. Вторая жена моего мужа Бориса, самый близкий мне человек после Марины, прислала мне письмо, где сообщила, что в бумагах своего погибшего в тюрьме второго мужа, Балагина, она нашла подобранное в Мариной квартире в Борисоглебском переулке (после ее отъезда из России) – письмо ко мне 1910 года, прощальное, написанное перед ее неудавшимся самоубийством и не уничтоженное ею с 1910 до 1922 года. „Я передам его при встрече, – писала Мария Ивановна, – а пока шлю его копию“. Это было как удар грома в мои тоскующие и вопрошающие дни. ... Разве не чудо было читать его впервые теперь, в 49 лет, не чудо ли, что Марина не порвала его – разве оно не попадалось ей в руки? И не чудо, что оно пришло теперь, после ее самоубийства, – узнать, что она не забыла меня, в ответ на мое горе оставленности?.. ... Увы, когда я пишу все это, у меня опять нет его со мной в мои 94 года» (Цветаева А. Неисчерпаемое. С. 178–179).

В начале 1945 г. А.И. Цветаевой было 50 лет. См. также: Цветаева А. Воспоминания. Т. 2. С. 658–660.

387

Для писем, включенных в раздел «Дополнения», указана страница.

Примечания

1

Цветаева с мужем приехала в Моравскую Тршебову навестить дочь на рождественские дни. С сентября прошлого года Аля училась здесь в Русской гимназии. См. письмо 38–23 к В.А. Богенгардту и коммент. к нему (Письма 1905–1923).

2

По свидетельству родственников и знакомых, А.В. Оболенский был человеком застенчивым и молчаливым. В 1973 г. в разговоре А.В. Оболенского со своей двоюродной сестрой Н.А. Винберг была затронута тема его дружбы с М. Цветаевой. Сестра советовала брату написать воспоминания о Цветаевой. Он отвечал, что у него не получится. Н.А. Винберг:

«Но ты же был дружен с Мариной Цветаевой?» – «Да». – «Вы же много говорили?» – «Я заходил за ней и мы много гуляли». – «Гуляли и говорили?» – «Гуляли и... молчали» (СС-6. С. 657).

3

Ср. запись Цветаевой от 18 августа 1923 г., где она упоминает Оболенского как «спутника» совместных прогулок:

«Мой спутник – молоденький мальчик, простой, тихий.пойду к нему на горку, под окно. Вызову, побредем...» (СС-6. С. 598).

4

Речь идет о «Поэме Горы».

5

Оболенский Сергей Владимирович (домашнее прозвище Гуля: 1901–1992) филолог–востоковед. В эмиграции с 1920 г. В начале 1920-х гг. Сергей Оболенский

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
учился в Карловом университете в Праге.

6

В статье «Световой ливень» Цветаева так охарактеризовала Пастернака:

«Внешнее осуществление Пастернака прекрасно: что-то в лице зараз и от араба и от его коня: настороженность, вслушивание... .. Громадная, тоже конская, дикая и робкая рускось глаз...» (СС-5. С. 232).

Судя по фотографии молодого Сергея Оболенского, внешнее сходство между ним и Пастернаком действительно улавливается (см.: Ferrand J. Les princes Obolensky: Recueil généalogique et photographique. Paris. 1992. С. 83).

7

См. письма к Богенгардтам и коммент. к ним (Письма 1905–1923).

8

Летом 1910 г. итальянские и русские газеты были наводнены репортажами об уголовном процессе Марии Николаевны Тарновской, обвинявшейся в подстрекательстве к убийству с корыстной целью. Цветаева, скорее всего, знала о Тарновской по книге итальянской писательницы Анни Виванти «Роман Марии Тарновской». появившейся в русском переводе в 1923 г. (Литературное обозрение, 1991, № 10, с. 111)

9

Комедия У. Шекспира (1598). Цветаева ошибается. Она не могла в возрасте четырех лет (в 1896–1897 гг.) видеть этот спектакль. Поставленный в 1890 г. в Малом театре, он вскоре, в 1891 г, был снят с репертуара и возобновлен лишь 22 октября 1902 г. В других театрах эта комедия не ставилась (Репертуарная сводка. – История русского драматического театра: Т. 6. М.: Искусство. 1982; Т. 7. 1987).

10

Разрыв между Цветаевой и Родзевичем, как полагает дочь Цветаевой, основываясь на записи матери, произошел 12 декабря 1923 г. (Эфрон А. С. 193).

11

В беседе в 1982 г. с Вероникой Лосской Родзевич сказал:

«Говорила ли она со мной о стихах, о своей поэзии? Нет. Очень мало. Она, например, один раз подарила мне стихи, но не свои, а Гумилева. Я тогда ее стихи не ценил и очень любил Гумилева, его мужественность, его силу. ... В Праге я был не подготовлен к ее поэзии, теперь же, наоборот, нахожу, что у Гумилёва много дешевого героизма и авантюризма в дурном смысле. Тогда это совпадало с моим отношением к жизни, это соответствовало моему возрасту, моей тяге к авантюризму и легкому успеху» (Лосская В. С. 100).

12

Приключение: пьеса в пяти картинах. Воля России. 1923. № 18–19.

13

«Молодец» вышел лишь весной 1925 г. (На титуле: 1924).

14

Датируется по содержанию.

15

Цветаева имеет в виду намеченную на май 1925 г. встречу с Пастернаком в Веймаре:

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru «В два места я бы хотела с Вами: в Weimar, к Goethe, и на Кавказ...». «А теперь о Веймаре. Пастернак, не шутите. Я буду ЖИТЬ этим все два года напролет» (Письма. 1905–1923. С. 508, 527).

Пастернак верил в возможность встречи:

«В мае 1925 года я увижу Вас в Веймаре...» (Души начинают видеть. С. 44).

16

Речь идет о романе с К.Б. Родзевичем.

17

А.А. Чабров – см. письма к нему: Письма. 1905–1923, С. 408–409 и письмо 6–24 в наст. томе. Нашелся Чабров. – В сентябре 1922 г. Чабров с группой артистов выехал в Берлин, выступал в кабаре «Кикимора». С 1923 г. жил в эмиграции.

18

Булгакова Мария Сергеевна (в первом браке Родзевич, во втором Сцепуржинская; 1898–1979) – дочь С.Н. Булгакова, близкая знакомая Цветаевой до ее отъезда в СССР (ей адресована одна из последних открыток, посланных Цветаевой в Гавре перед отправлением парохода 12 июня 1939 г.). В июне 1926 г. вышла замуж за Родзевича. От первого брака имела дочь Наталью, от второго – сына Федора. Позднее опубликовала статью «О творчестве Марины Цветаевой» (Молодая смена. Париж. 1961. № 5. С. 21–24; 1962. № 6. С. 35–38).

19

«Женщина с моря» – спектакль пражской группы бывших артистов Московского Художественного театра по пьесе Г. Ибсена. В главных ролях выступали М.Н. Германова и И.О. Массалитинов. Всего было два представления в Виноградском театре в Праге: 12 и 18 декабря 1923 г. Цветаева, вероятно, была на втором из них.

20

Слова главной героини романа Т. Готье «Мадмуазель де Мопэн» (1835–1836).

21

Об истории создания и деятельности Комитета см.: Gladkova T.L., Mnuhin L.A. Русские архивные материалы в Париже / Берега. Информационно-аналитический сб. СПб., 2003. № 2. С. 4–6.

22

Упомянутую Цветаевой встречу в берлинском кафе позже вспоминал и Роман Гуль:

«Марина Цветаева быстро шла по кайзераллее. Мы зашли в большое белое кафе с гремящим, негрским джазбандом. За кофе она читала новые стихи – с придыханием, неразборчиво» (Гуль Р. Жизнь на фукса. М.; Л.: ГИЗ, 1927. С. 216).

Описывая встречу в кафе, Гуль продолжал:

«Я проводил рукой по голове. Через год Цветаева вернула жест обратно (извинившись за масть): Вкрадчивость волос, / Вглядь и в лоск, / Оторопью продольной / Синь полуночную масть Воронову // Вглядь и всласть / Оторопи вдоль – ладонью» (Там же).

Речь о стихотворении Цветаевой «Вкрадчивостью волос...», вошедшем в сборник «После России» (1928). См. также письмо к Р.Б. Гулю от 11 апреля 1924 г.

23

Цветаева выехала из Москвы 11 мая (по новому стилю).

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

24

Ежедневная газета, выходившая в Берлине (1922–1924).

25

Ср. стихотворение «Четвертый год...» (1916): «...Льдины, льдины / И купола. ... / Синий / Взор – озабочен...» (СС-1. С. 264).

26

Коганы. – П.С. Коган и Н.А. Нолле-Коган (см. Письма. 1905–1923) ..блоковский мальчик. – Речь идет о сыне Коганов. Цветаева действительно верила в то, что это сын Блока, и впоследствии годы спустя негодовала, когда эту легенду пытались опровергнуть. Для ее легенды о Блоке сын был необходим. См. письмо к Н.А. Нолле-Коган (Письма 1905–1923. С. 430–434), а также письмо к Р.Б. Гулю от 11 апреля 1924 г.

27

См. письмо к Р.Б. Гулю от 29 июня 1924 г. и коммент. 2 к нему.

28

С. Волконский. «Быт и бытие. Из прошлого, настоящего, вечного» (Берлин: Медный всадник, 1924). Книга была посвящена Цветаевой. Объясняя причины своего посвящения, Волконский писал в предисловии:

«Однажды Вы мне писали, что нравится Вам, как я быстро от неприятных вопросов быта перехожу к сверхжизненным вопросам бытия. И тут же я подумал, какое было бы красивое заглавие – „Быт и Бытие“. Но как, подумал я, трудно написать такую книгу, которая бы такому заглавию соответствовала. Признаюсь, когда я начал, я совсем не думал, даже забыл об этом заглавии и только на восьмой главе, говоря о русском уездном городе, вдруг почувствовал, что я ведь именно об этом пишу. Такова история заглавия, – Вы видите, что оно принадлежит Вам.

Но не одно только слово, не один словесный звук Вам принадлежит. Принадлежит Вам и содержание этого звука, то есть раскрытие его содержания.

Это было в те ужасные, гнусные московские годы. Вы помните, как мы жили? В какой грязи, в каком беспорядке, в какой бездомности. Да это что! А помните нахальство в папаше, врывающееся в квартиру? Помните наглые требования, издевательские вопросы? Помните жуткие звонки, омерзительные обыски, оскорбительность „товарищеского“ обхождения? Помните, что такое был шум автомобиля мимо окон: остановится или не остановится? О, эти ночи!..» (С. 10).

29

См. коммент. 8 к письму Р.Б. Гулю от 27 июня 1923 г. (Письма 1905–1923. С.576)

30

Эренбург Любовь Михайловна (урожд. Козинцева; 1900–1970) – художница, вторая жена И.Г. Эренбурга.

31

Знакомство Цветаевой с А.Ф. Керенским состоялось во время его приезда в Прагу в середине февраля 1924 г. Во время одного из его публичных выступлений Цветаева преподнесла ему свой сборник «Психея» с дарственной надписью: «Романтику Революции – Александру Федоровичу Керенскому – от всей души. Марина Цветаева. Прага, февраль 1924 г.» На обороте авантюла рукой Цветаевой вписаны строки из Гельдерлина:

O Begeisterung! So finden
Wir in dir ein selig Grab,
Und in deine Wogen schwinden
Still frohlockend wir hinab.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Bis der ich Ruf wir hören,
Und, mit neuem Stolz erwacht,
Wie die Sterne wiederkehren
In des Lebens kurze Nacht.
(Hölderlin) *.

...Warum achtetet ihr mich mehr,
Da ich stolzer und wilder,
Wortereicher und leerer war?
Ach! Der Menge gefällt, was auf
den Marktplatz taugt,
Und es ehret der Knecht nur
den Gewaltsamen.
An das Göttliche glauben.
Die allein, die es selbersind.
(Hölderlin) **.

Знакомство с Керенским имело продолжение. В первые же дни приезда в Париж 1 ноября 1925 г. Цветаева изъявила желание встретиться с ним. Встречу устроил Владимир Сосинский (см.: Годы эмиграции. С. 372–375). В 1936 г. в Париже Цветаева посетила два (из трех) его доклада, объединенных общей темой «Трагедия Царской семьи» (См.: Письма к Вадиму Рудневу. С. 93.95, 180–181).

* О, вдохновенье! Мы в тебе обретаем блаженный покой и в твоих волнах исчезаем с тихим ликованием. Лишь услышим мы зов Горы, возвращаемся с новой гордостью, подобно звездам, обретающим жизнь в короткой ночи... (Гельдерин) (нем.).

** Почему так ныне почитаем я, которое было гордым и своенравным, болтливым и пустым? Ах! Толпе нравится то, что на базаре в цене, и только сильного господина чтит слуга; а в божество верят только те, кто божественны сами (Гельдерин) (нем.).

32

В 1917 г. Цветаева посвятила Керенскому стихотворение «И кто-то, упав на карту...» (Подробнее см. статью Л.А. Мнухина «Цветаева и Керенский». ВРХД. 1994. № 169. С. 147–163). Что касается стихотворения Пастернака, то, скорее всего, речь идет о его стихотворении «Весенний дождь», посвященном митингу в Москве на Театральной площади 26 мая 1917 г. по случаю приезда Керенского и его выступлению в Большом театре (Пастернак Б. «Сестра моя – жизнь. Лето 1917 г.». М.: Изд-во Гржебина, 1922. С 46).

33

Шингарёв Андрей Иванович (1869–1918) – земской деятель, публицист, один из лидеров кадетов. Его сын – В. А. Шингарёв – см. коммент. 2 к письму В.Б. Сосинскому от 14 июля 1926 г.

34

Возможно, речь идет о первых главах романа в стихах «Спекторский», опубликованных в альманахе «Круг» (1924. № 5).

35

Жиронда – партия политических идеалистов в период Великой французской революции, смотревшая на конституционное королевство как на необходимый переход к идеальной республике. Была разгромлена якобинцами. Свое название получила от департамента Жиронда, депутаты от которого в законодательном собрании и положили ей начало.

36

Цветаева «присылала мне в Берлин ее письма к Б. Пастернаку, с просьбой переправить их ему в Москву, посылая по адресу одного моего знакомого. Три-четыре письма я так отправил, пока М.И. не получила от Пастернака „верный московский адрес“» (примеч. Р. Гуля).

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

37

Русский Дом (Panská ul. 16). Там размещался пражский Земгор, где проходили культурные мероприятия, им организуемые.

38

В письме идет речь о выступлении Ф.А. Степуна с лекцией «Сущность трагедии и трагедия сущности» 7 апреля в культурно-благотворительном обществе в Праге «Чешско-русская Еднота». Выступления писателей, философов, ученых в обществе проходили регулярно. За 1919–1928 гг. их состоялось более 600.

39

Письмо написано на открытке с видом пражской набережной.

40

Берлинский председатель – представителем Госиздата РСФСР в Берлине в то время был Захарий Григорьевич Гринберг (1889–1949), председатель комиссии по заграничным закупкам Наркомпроса. «Умыслы» – первоначальное название сборника «После России» (Париж, 1928).

41

Н.Л. Мещеряков возглавлял Госиздат РСФСР с 1920 по 1924 г.

42

«Царь-Девушка» вышла еще одним изданием в Берлине в издательстве «Эпоха» в конце 1922 г.

43

Десять стихотворений, опубликованных к апрелю 1924 г. из будущей книги «После России»: «Но тесна вдвоем...» (Струги. Литературный альманах. Кн. 1, Берлин, 1923); «Рассвет на рельсах» (Окно, трехмесячник литературы. Париж, 1923, № 2); из цикла «Дерево» («Кто-то едет – к смертной победе...» и «Каким наитием...») (Там же, 1923. № 3); «О, его не привяжете...» (Современные записки. Париж, 1924, № 16); циклы «Гамлет» (3) и «Федра» (2) (Записки наблюдателя. Прага, 1924).

44

Книга «Версты. I» вышла в Госиздате в 1922 г. уже после отъезда Цветаевой из России. В нее вошли стихи 1916 г. (84 стихотворения). До этого в феврале того же года в частном издательстве «Костры» был издан другой сборник «Верст», куда входили 35 стихотворений, написанных как раз в 1917–1920 гг. В книге было допущено большое количество опечаток, в том числе смысловых. Возможно, это обстоятельство было для Цветаевой дополнительным поводом составить и издать новый, расширенный корпус стихотворений указанных в письме годов.

45

См. коммент. 3 к письму к Р.Б. Гулю от 30 марта 1924 г.

46

Пьеса А. Блока (1913).

47

Лирическая драма А. Блока (1906).

48

См. коммент. 4 и письма к М.С. Цетлиной (Письма. 1905–1923).

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
49
Современные записки. 1924. № 19.

50
«Студенческие годы» – ежемесячный журнал русских студентов в Праге (1922–1925).
В № 1 за 1924 г. было опубликовано три стихотворения из цикла «Песенки» из пьесы
«Ученик» («Хоровод, хоровод...», «И что тому костер остылый...», «Вчера еще в глаза
глядел...»).

51
Отрывки из книги «Земные приметы» (Воля России. 1924. № 1/2).

52
Имеются расхождения по сравнению с опубликованным в «После России» текстом: «В
гладь и в сласть» – «Вгладь и всласть», «противушёрстый» – «противушёрстный».

53
О.Е. Колбасина-Чернова была соседкой Цветаевой по дому в Смихове. См. письма к
ней в наст. томе.

54
Строка из стихотворения Б. Пастернака «Нас мало. Нас может быть трое...» (Сб.
«Темы и вариации»).

55
Возможно, Родзевич мечтал о будущей дочери. Дочь Родзевича и М.С. Булгаковой
Наталья родилась 27 марта 1932 г. в Париже.

56
После фразы приписка: (NB! Гадость! 1933 г.)

57
В Сводной тетради Цветаева здесь дала примечание: «Дочку свою, родившуюся в
пропуск даты назвал Натальей. – 1933 г.».

58
Ехать на юг... – В письме к В.А. Богенгардту от 6 мая 1924 г. С. Эфрон написал о
болезни Али:

«Недавно мы ее показывали врачу специалисту и он пришел в ужас от состояния ее
легких. Три четверти правого и верхушка левого поражены... С большим трудом
раздобыв деньги, отправляем ее на юг. Утешает то, что Аля очень скоро
поправляется» (Архив Дома-музея Марины Цветаевой в Москве).

Отправка Али на юг не состоялась.

59
Летние планы Цветаевой в отношении Швейцарии осуществлены не были.

60
В те дни русские газеты писали об аресте 16 мая 1924 г. служащего советского
торгового представительства в Берлине Боценгарда (почти Богенгардта!),
занимавшегося коммунистической деятельностью (см., например, Руль. 1924. 18
мая).

61

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Предположительно обращено к М.Л. Слониму.

62

Здесь поздняя приписка Цветаевой: «NB! Зачем так много? просто – удовлетворение самолюбия. 1933 г.».

63

Пьеса в стихах опубликована в журнале «Воля России». 1924. № 8/9.

64

Б. Каменецкий (Ю. Айхенвальд). Литературные заметки (Руль. 1924. 22 июня). В рецензии критик писал, что Цветаева:

«свою статью „Кедр“, посвященную книге князя С. Волконского „Родина“, сама называет апологией, хотя как раз в апологии прекрасная книга Волконского не нуждается и никто ее не обвинял, не осуждал. Не апологию, а панегирик в неудержимом восторге пишет госпожа Цветаева, и вот именно пишет так, что пробуждает в нас тоску по сдержанности и сосредоточенности. Впрочем, это – вопрос темперамента. По существу же, в основном, трудно с нашей писательницей не согласиться и не полюбоваться на меткость, и тонкость, и задорность многих ее замечаний».

65

Крачковский Дмитрий Николаевич (1882–1947) – прозаик, редактор. После революции эмигрировал, жил в Болгарии, Чехословакии, Франции. Был издателем и редактором журнала «Записки наблюдателя» (Прага, 1924. Вышел только один номер).

66

Цветаева говорит об ожидании сына. Ее сын, Георгий Эфрон, родился 1 февраля 1925 г.

67

Речь идет о романе Гёте «Избирательное сродство» (1807–1809).

68

Неточная цитата из стихотворения А. Ахматовой «Покорно мне воображение...» (1913). У Ахматовой: «А если я умру, то кто же / Мои стихи напишет Вам...».

69

Здесь в Сводной тетради поздняя приписка Цветаевой:

«А навек и навеки – разное: навеки – на все века, навек – на мой век, что, иногда – очень коротко 1938 г.».

70

Здесь еще одна поздняя приписка Цветаевой:

«Господи! как сквозь это не прослышать: ты был мне всем и опять будешь – когда захочешь – и этого хочу – и для этого пишу! 1938 г.».

71

Кто скрывался под этим дружеским прозвищем, достоверно не установлено. В коммент. к этому письму его первый публикатор Г.П. Струве называет два возможных имени: В.С. Минахорьян (по предположению М.Л. Слонима), см. коммент. 5 к письму к О.Е. Колбасиной-Черновой от 26/27 декабря 1924 г. и А.А. Чабров, «настоящий монах в жизни М. Цветаевой, ставший таковым, но его как будто не было в то время в Праге» (НП. С. 207). Ср. в письме начала 1930-х гг. к С.Н.

Андрониковой-Гальперн: «Дорогая Саломея, уговорились с Чабровым (монахом) придти

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru к Вам...» (Русская газета. С. 12).

72

Рудин Андрей Карлович (1897–1941) – литературный критик, соредактор С.Я. Эфрона по пражскому журналу «Своими путями». Учился в Праге в университете. Написал на книгу Цветаевой «Молодец» рецензию (Перезвоны. Рита. 1925. № 5). Уехал в Латвию. Был арестован советскими войсками, расстрелян.

73

Ложе, на которое великан-разбойник Прокруст насильно укладывал пленных путников: тем, кому ложе было коротко, обрубал ноги, тем же, кому оно было длинно, вытягивал их (греч. миф.).

74

Юноша Мамант (III в. н. э.) за верность Христу и отказ принести жертву идолам подвергался со стороны язычников жестоким пыткам. После того, как мучители рассекли ему живот вилами, Мамант смог идти, держа внутренности руками. Причислен к лику святых мучеников.

75

Сталинский Евсей Александрович (1880–1952) – публицист. До 1917 г. был парижским корреспондентом «Русского богатства». В эмиграции с 1919 г. Соредактор журнала «Воля России». Невинный – его дружеская кличка.

76

Приписка рукой Али в духе шуточной семейной игры. По правилам этой игры, каждый член семьи представлял собой два лица: первое воспитанный, благородный, добрый человек, второе – циничное, злое, эгоистичное существо. Второе «я» имело свое имя (у Али – «Теленок», у Цветаевой и С.Я. Эфрона – «Та Марина Ивановна», «Второй (тот) Сергей Яковлевич») и соответственно говорило на языке, отражающем характер воображаемого персонажа. В эту игру были посвящены и Черновы.

77

«Молодец» вышел только весной 1925 г.

78

Речь идет о драме «Тезей» (последующее название «Ариадна»), первой части задуманной трилогии «Гнев Афродиты». «Тезей» был окончен 7 октября 1924 г. Опубликован в «Верстах» (Париж. 1927. № 2).

79

О книге «Умыслы» («После России») см. письмо к Р.Б. Гулю от 11 апреля 1924 г. и коммент. к нему.

80

О подготовке к изданию и содержанию книги дневниковой прозы «Земные приметы» см. письма к Р.Б. Гулю от 17 февраля, 5 марта и 27 мая 1923 г. (письма 1905–1923). Издание осуществлено не было.

81

«Последний день». См. письмо к О.Е. Колбасиной-Черновой от 26 января 1925 г.

82

По-видимому, Анна Ильинична Андреева (урожд. Денисевич, в первом браке Карницкая; 1883–1948), вдова писателя Л.И. Андреева

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
83
Описка, и следует читать Ольга Елисеевна, т.е. О.Е. Колбасина-Чернова.

84
Точнее: 32 года. В письмах периода эмиграции Цветаева часто уменьшает свой возраст на два года. В письме к Ю.П. Иваску от 25 мая 1934 г. содержится частичное объяснение этому:

«...я родилась в 1892 г., в паспорте по ошибке написано 1894 г., т.е. я умоложена на два года...» (СС-7. С. 389).

85
Яковлев Иван Иванович – бывший кадровый офицер, эсер. Администратор журнала «Воля России» (НП. С. 213).

86
Возможно, Цветаева спрашивает Пастернака про письмо, которое она просила ему отправить Р.Б. Гуля (см. письма к нему от 29 июня и 11 августа 1924 г.).

87
Дочь Цветаевой Ирина умерла от голода в детском приюте в Кунцеве на окраине Москвы. См. письма к В.К. Звягинцевой и А.С. Ерофееву в 1922 г. (письма 1905–1923).

88
Сохранились наброски неосуществленной статьи Цветаевой о прозе Пастернака, сделанные после чтения «Детства Люверс» (см. НСТ. С. 305–308).

89
Речь идет о двух пьесах Цветаевой: «Ариадна» (при первой публикации «Тезей») и «Федра». Последняя была завершена лишь в конце 1927 г.

90
В этом номере был опубликован очерк Цветаевой «Вольный проезд».

91
См. коммент. 5 к письму к А.В. Черновой от 21 июля 1924 г.

92
Жорес Жан (1859–1914) – руководитель французской социалистической партии, основатель газеты «Humanité» («Юманите»). Стал жертвой политического убийства накануне Первой мировой войны.

93
Шерсть – в шутку произносимое в семье Цветаевой слово «шерсть». В письме к А.В. Черновой маленькая Аля Эфрона писала:

«Знаете, Ади, нашлась такая вещь, что излечила маму от боязни автомобилей: шерсть. Вот в чем дело: какой-то добрый мокропсинский ангел научил маму вязать, причем не удовлетворилась уже одной голубой ею связанной шалью, а сейчас без передышки принялась за другую, цвета какао на воде. ... Так вот, если мама стоит посредине Vaclavskeho namesti или Narodni tridy и видит шерсть, то она, не взирая ни на какие автомобили, мчится напролом и ищет, какая будет будущая шаль: будущая шаль будет цвета какао... на молоке» (НП. С. 208).

В дальнейших письмах Цветаева употребляет слово «шерсть» неизменно в такой форме.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

94

Вацлавское наместье – центральный проспект Праги.

95

В.М. Чернов. К этому времени О.Е. Колбасина–Чернова и В.М. Чернов уже разошлись.

96

Карбасниковы – Николай Николаевич (1885–1983), сын известного дореволюционного издателя, и его жена Анна Самойловна (урожд. Алянская: 1885–1986).

97

Речь идет о предстоящем отъезде Карбасниковых в Париж.

98

М.Л. Слоним. Дорогой – его дружеское прозвище.

99

С.В. Завадский. См. письмо к В.Ф. Булгакову от 11 января 1925 г. и коммент. 2 к нему.

100

Дети Карбасниковых: Игорь (8 лет), Наталья (11 лет), Софья (13 лет).

101

В разделе «Литературные заметки» журнала «Звено» (Париж. 1924. № 88. 6 окт.) была помещена отрицательная рецензия Г. Адамовича на статью Цветаевой «Кедр. Апология» о книге С.М. Волконского «Родина» (1923) и подборку ее стихов, опубликованных в пражском сборнике «Записки наблюдателя» в 1924 г. (См. Родство и чуждость. С. 182–183).

102

Роман «Последний день». См. также письмо к О.Е. Колбасиной–Черновой от 26 января 1925 г.

103

Витте Сергей Юльевич (1849–1915), граф – в 1892–1903 гг. – председатель комитета министров. Гапон Георгий Аполлонович (1870–1906) – священник, агент охраны. Повешен рабочими дружинниками.

104

Ср. стихотворение Цветаевой «Тебе – через сто лет» (1919).

105

Приписка Цветаевой к письму А.С. Эфрон. Датируется условно.

106

Здесь, вероятно, Софья Самойловна Морковина (1885–1962), подруга О.Е. Колбасиной–Черновой, мать В.В. Морковина. См. письма к нему (СС-7).

107

В.М. Чернов. См. коммент. к письмам к О.Е. Колбасиной–Черновой.

108

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
См. коммент. 1 к письму к А.А. Тесковой от 5 декабря 1924 г.

109

Яковлев – см. коммент. 5 к письму к М.Л. Слониму от 16 сентября 1924 г. О его жене сведений нет.

110

Издательство «Пламя».

111

См. коммент. 6 и 10 к предыдущему письму.

112

Название площади в старом городе Праги, на ней находилась редакция «Воли России».

113

Соредактор по сборнику «Ковчег» – см. письма к В.Ф. Булгакову. Жена Завадского – Завадская Калерия Ивановна (1876–1963).

114

Дневниковая проза «Мои службы» была напечатана в «Современных записках» спустя почти год (1925. № 26).

115

Заключительные строки стихотворения М. Цветаевой «Та ж молодость, и те же дыры...» (1920). «Что – сестры». – См. дарственную надпись Цветаевой на книге «Ремесло» Валентине Чириковой, «моей сестре в болевом...» (Письма. 1905–1923. С. 470). В.Е. Чирикова одно время была увлечена К.Б. Родзевичем. См.: Чириков Е.Е. (младший). Семья писателя Е.Н. Чирикова во Вшенорах // Вшеноры 2000. 2002. С. 35–36.

116

См. письмо к Л.Е. Чириковой от 4 августа 1922 г. и коммент. 1 к нему (Письма. 1905–1923). ...горного инженера... – О ком идет речь, установить не удалось. В.Е. Чирикова вышла замуж спустя три года в Алжире за гардемарина Георгия Алексеевича Геринга (1898–1928). Трагически погиб (разбился на мотоцикле).

117

Александра Захаровна Туржанская (урожд. Дмитриева; 1895–1974). актриса, деятельница церкви. Жена кинорежиссера В.К. Туржанского. После развода жила вместе с сыном.

118

Лелик – Олег Туржанский (1916–1980), сын А.З. Туржанской.

119

Аде 25 декабря должно было исполниться 16 лет, а Але в сентябре пошел 13-й год. Поздравляя подругу с днем рождения, Аля писала 29 декабря 1924 г.:

«Вы уже совсем большая, мне как-то странно, что Вам 16 лет. По церковным законам уже можно выходить замуж. Представляю себе Вас через год, когда Вам будет 17 лет тагда мина забудись, загардисься...» (Архив составителя).

См. также письмо к А.В. Черновой от 21 июля 1924 г.

120

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru Имеется в виду, вероятнее всего, Ида Самойловна Сермус (урожд. Педдер), приятельница О.Е. Колбасиной-Черновой, ставшая затем третьей женой В.М. Чернова. После революции поселилась у Черновых, где с первых дней вызвала неприязнь у Ольги и Натальи (Новый журнал. 1975. № 121. С. 145. 156).

121

Двухтомный труд немецкого ученого Эрвина Родэ (1845–1898) «Психея: культ души и вера в бессмертие у греков». См. также письмо к О.Е. Колбасиной-Черновой от 27 декабря 1924 г.

122

Название книги на греческом языке.

123

Дзен Петр Адамович (1893–1929) – эсер, друг О.Е. Колбасиной-Черновой. Болел туберкулезом; уехал сначала во Францию, а затем в Швейцарию, где умер в санатории (НП. С. 210).

124

Кессель Жозеф (1898–1979) – французский писатель, русско-еврейского происхождения, журналист. С 1962 г. член Французской академии. Ж. Кессель относил Цветаеву в ряд «наиболее заметных русских поэтов» (Звено. 1925. № 140. С. 2).

125

Августейшая («священное царское величество») – императрица Мария Александровна (1824–1880), супруга Александра II.

126

Поэма «Переулочки», напечатанная в сборнике «Ремесло», имела посвящение А.А. Чаброву-Подгаецкому.

127

Речь идет о пересылке О.Е. Колбасиной-Черновой в Париж ее чешского «иждивения».

128

О М.Л. Заблоцком см. коммент. 2 к письму Е.А. Ляцкому от 18 декабря 1924 г.

129

Цветаева предполагала назвать будущего сына Борисом в честь Бориса Пастернака.

130

См. коммент. 11 к письму А.В. Оболенскому от 5 января 1925 г.

131

Воспоминания С.В. Завадского «На великом изломе» были напечатаны в «Архиве Русской революции» (1922. № 8; 1923. № 11), издаваемом И.В. Гессеном в Берлине (1921–1937).

132

Имеется в виду рассказ О.Е. Колбасиной-Черновой, предназначавшийся для второго сборника «Ковчега», который так и не вышел (см. письма к В.Ф. Булгакову).

133

См. коммент. 6 к письму А.В. Черновой от 21 июля 1924 г.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

134

Племя североамериканских индейцев.

135

«Каноник Шмидт» – сборник сказок немецкого католического писателя Иохана Христовора фон Шмидта (1768–1854), переведенный на французский язык.

136

«Своими путями». Литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал. Под ред. А.К. Рудина, А.И. Федорова и С.Я. Эфрона, (с № 3 – вместо А.И. Федорова – Н.А. Антипов и А.А. Воеводин; с № 10 – П.М. Вжесинский, но без А.К. Рудина). Прага. 1924–1926 (вышло 13 номеров). Подробнее см.: Саакянц А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. М.: Эллис Лак, 1999. С. 421–423.

137

Министерство иностранных дел Чехословацкой республики, при котором в апреле 1922 г. был создан Комитет по улучшению быта русских писателей и журналистов, проживающих в Чехословакии.

138

Л.Г. Чирикова, по мужу Шнитникова.

139

Здесь, очевидно, имеется в виду стихотворение Ш. Бодлера «Альбатрос» (1858).

140

Зензинов Владимир Михайлович (1880–1953) один из лидеров эсеров. Соредатор газеты «Воля России» (1920–1921 гг.), активно сотрудничал в «Днях» и «Современных записках». Геллер мелкая монета, сотая часть кроны.

141

См. коммент. 10 к письму О.Е. Колбасиной-Черновой от 16 ноября 1924 г.

142

Союз русских писателей и журналистов создан в Праге в 1922 г. С.Я. Эфрон был принят в Союз на его годовичном собрании 21 ноября 1924 г. Дважды (в 1924 и 1925 гг.) избирался в правление Союза.

143

Ср. с заключительными строками письма к П.П. Сувчинскому и Л.П. Карсавину от 9 марта 1927 г. («Евреев я люблю больше русских...»).

144

В.Ф. Булгаков 21 ноября 1924 г. сменил С.В. Завадского на посту председателя Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии.

145

А.З. Туржанская.

146

Сергей Николаевич Булгаков (о. Сергей Булгаков: 1871–1944) – философ, богослов, публицист, литератор. Отец М.С. Булгаковой. В декабре 1922 г. выслан за границу. В 1923–1925 гг. читал лекции на Русском юридическом факультете в Праге. В 1925

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
г. переехал в Париж в связи с основанием там Богословского института.

147

Неточная цитата из «Песни опьянения» Ф. Ницше («Так говорил Заратустра», ч. 4).
У Ницше: «Мир – глубина, / Глубь эта дню едва видна» (пер. Ю.М. Антоновского).

148

Лапшин Иван Иванович (1870–1952) – философ, историк литературы и музыки. В 1922
г был выслан из России. Поселился в Праге.

149

См. коммент. 2 к письму к А.В. Черновой от 1924 г

150

Александра Владимировна Белобородова – секретарь Е.А. Ляцкого по издательству
«Пламя».

151

По-видимому, имеется в виду цена одной стихотворной строки.

152

М.Н. Лебедева. См. коммент. 4 к письму О.Е. Колбасиной–Черновой от 26/27 декабря
1924 г.

153

...студия... – См. письмо к О.Е. Колбасиной–Черновой от 27 декабря 1924 г. Пьеса
«Метель» поставлена не была.

154

«Нибелунги» – художественный фильм (1924) немецкого режиссера Фрица Ланга
(1890–1976). В роли Зигфрида снялся П. Рихтер (1896–1961).

155

Исцеленовы (Исцеленновы) – Н.И. Исцеленнов (см. коммент. 3 к письму к А.В.
Черновой от 1 апреля 1925 г.) и его жена Мария Александровна Исцеленова (урожд.
Лагорио; 1893–1979), художница, ученица И.И. Билибина и Е.Н. Лансере.

156

По-видимому, это марка папиросных гильз, которые Цветаева набивала табаком.

157

Правильно: Каллиников Иосиф Федорович – прозаик, поэт, переводчик. После
революции жил в Чехословакии с 1922 г Одно время работал корректором в Пражской
типографии. См. письма к нему в наст. томе.

158

Речь идет, по-видимому, о денежной помощи.

159

При жизни не была напечатана. См. коммент. 9 к письму к Р.Б. Гулю от 27 июня
1923 г. (Письма 1905–1923. С. 575, 576).

160

См., например, главу «Вечер поэтесс» в очерке «Герой труда» (СС-4).

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

161

Нина (Антонина) Александровна Струве (урожд. Герд; 1868–1943), жена П.Б. Струве, преподаватель

162

Чешско–русская Еднота (Чешско–русское объединение) была организована в 1919 г. с целью оказания помощи русским военнопленным, участвовавшим в Первой мировой войне, облегчения участи русских беженцев и т.п. Помимо благотворительности, Еднота широко занималась культурной деятельностью, устраивала литературные и музыкальные вечера. А.А. Тескова принимала в создании и работе Чешско–русской Едноты самое деятельное участие. Руководила культурно–просветительской комиссией, затем была многолетним председателем всей организации. Вечера проходили в Праге, в «Японском зале» отеля «Беранек». Подробнее историю Чешско–русской Едноты см., например: Бубеникова М. «Чешско–русская Еднота» в собраниях пражских архивов // *Rusko v české historiografii*. Praha, 2002. С. 375–394.

163

Совместный литературный вечер Чешко–русской Едноты и Союза русских писателей и журналистов должен был состояться в Едноте 25 января 1925 г. (первоначальная дата – 14 января). В нем согласились принять участие Е.Н. Чириков, М.И. Цветаева. В.Ф. Булгаков (Последние новости. 1925. 14 янв.). Однако вечер удалось провести лишь 1 февраля. Стихи Цветаевой (из циклов «Але», «Плащ», «Анне Ахматовой») читал артист А. Брей, «имевший большой и шумный» успех (Там же, 12 февр.) Что касается упомянутой в письме даты «21 мая», то, по–видимому, А.А. Тескова заблаговременно приглашала Цветаеву принять участие в будущем майском вечере Союза русских писателей и журналистов (такой вечер прошел 20 мая).

164

М.Н. Лебедева.

165

А.А. Тескова. См. письма к ней.

166

О.Е. Колбасина–Чернова.

167

Е.А. Ляцкий ходатайствовал о помощи для О.Е. Колбасиной–Черновой перед Михаилом Лазаревичем Заблоцким (1861–1944). Заблоцкий адвокат, член Объединения Российских земских и городских деятелей в Чехословацкой республике (пражский Земгор), член Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии. Заведовал материальной помощью русским эмигрантам в Чехословакии.

168

«Метель» была напечатана в газете «Звено» (1923. № 2. 12 февр.).

169

Из последней строфы стихотворения И. Северянина «Это все для ребенка...» (1911): «Вы всегда под охраной. Вы всегда под надзором. Вы всегда под опекой. Это все для ребенка... Это все для ребенка... Это все для ребенка...».

170

Квартира Черновых на улице Рувэ (rue Rouvet, 19–е) находилась неподалеку от городских скотобоен ла виллетт (La Villette).

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
171

Лебедевы. – Лебедев Владимир Иванович (1884–1956) журналист, политический и общественный деятель, эсер. В эмиграции с 1919 г., жил в Праге, Белграде, Париже. Соредактор журнала «Воля России». Уехал в США. Его жена. Маргарита Николаевна (урожд. баронесса Спенсер: 1880–1958) – врач, член партии эсеров. В эмиграции с 1908 г. Семья В.И. Лебедева была тесно связана с семьей М.И. Цветаевой, помогала ей в Праге и Париже. См. о них в кн.: Лебедев В., Цветаева М.: Пераст Perast. Сост. В.А. Швейцер. М.: Дом-музей Марины Цветаевой. 1997
Цветаевой принадлежит перевод эссе В.И. Лебедева «Пераст» на французский язык.

172

Минахорьян Вахан Семенович (?–1946), общественный деятель. В эмиграции в Чехословакии, Югославии. Одно время был бухгалтером журнала «Воля России». По словам М.Л. Слонима, «замечательный человек» и «наш общий друг» (НП. С. 217).

173

Лицо неустановленное.

174

Дочь В.И. и М.Н. Лебедевых.

175

Цветаева ждала сына. См. письмо к Б.Л. Пастернаку от осени 1924 г.

176

См. и ср. коммент. 2 к письму А.А. Тесковой от 2 мая 1937 г. (СС-7. С. 450–452)

177

Пьеро – сын Яковлевых (НП. С. 217).

178

А.В. Оболенский. См. письма к нему.

179

Ф.М. Достоевский писал брату Михаилу 14 сентября 1849 г. из Петропавловской крепости:

«Прежняя жизнь так и ломится в душу, и прошлое переживается снова. Вот уже пять месяцев как я живу своими средствами, то есть одной своей головой и больше ничем. Впрочем, вечное думанье и одно только думанье, без всяких внешних впечатлений, чтоб возродить и поддерживать душу, – тяжело!..» (Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 15. Письма. СПб: Наука. 1996. С. 22).

180

Богатство лидийского царя Креза вошло в поговорку.

181

См. коммент. 2 к письму А.А. Тесковой от 21 февраля 1927 г.

182

Возможно, имеется в виду еще одна пьеса А.М. Ремизова «Действо о Георгии Храбром».

183

...в ночь (Сильвестрову) – т.е. с 1-го на 2 января (день Святого Сильвестра), «...всё позволено» – из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы».

184

См. коммент. 10 к письму к О.Е. Колбасиной–Черновой от 26 ноября 1924 г.

185

«Как живется Вам...» – начальная строка стихотворения Цветаевой «Попытка ревности». «Гипсовая труха». – М.Л. Слоним писал по этому поводу, что Цветаева

«помнила, как я однажды ответил ей: „Одна голая душа! Даже страшно“. Она этого не могла мне простить, а еще пуще ее обижало, что я не испытывал к ней ни страсти, ни безумной любви и вместо них мог предложить лишь преданность и привязанность, как товарищ и родной ей человек. ... А я знал, что наши жизненные пути не совпадают, только порою скрещиваются и что у нас обоих совершенно неодинаковые судьбы. Отсюда ее ошибочное мнение, будто я ее оттолкнул, более того, променял на ничтожных женщин, предпочел „труху гипсовую каррарскому мрамору“...» (Годы эмиграции. С. 324).

186

Группа, созданная труппой актеров Московского Художественного театра, которые отказались вернуться в Советскую Россию после зарубежного турне.

187

Лавочник Балон (так правильно) держал лавку на площади в Горних Мокропсах (НП. С. 206).

188

Ася – Александра Владимировна Оболенская (1897–1974), приняла в 1937 г. монашество под именем Бландины.

189

Лейкин Николай Александрович (1841–1906) – писатель–сатирик, журналист. Его роман «Наши за границей: Юмористическое описание поездки супругов Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых в Париж и обратно» (1890) выдержало более 20 изданий.

190

Приписка Цветаевой к письму Али к Ариадне Черновой от 29 декабря 1924 г.

191

Статья–рецензия Саши Чёрного на книгу А. Ремизова «Кукха» (Берлин. 1923) была опубликована в «Русской газете» (Париж. 1924. 6 нояб.). В своем эссе «Поэт о критике» Цветаева назвала эту статью «непристойной» (СС-5. С. 292).

192

Речь идет о дневниковых записях, опубликованных под заголовком «Вольный проезд» в № 21 журнала «Современные записки» за 1924 г.

193

Стихи 1921–1922 гг.

194

Издание сборника пьес в издательстве «Пламя» осуществлено не было.

195

См. коммент. 6 к письму О.Е. Колбасиной–Черновой от 3 декабря 1924 г., а также коммент. 3 к письму к А.В. Черновой от 1 апреля 1925 г.

196

Рейтлингер Катерина (Екатерина) Николаевна (в замуж. кист; 1901–1989) – молодая приятельница Цветаевой, постоянно, с первых дней пребывания Цветаевой в Чехии, сопровождала ее в Праге; в то время студентка строительно-архитектурного отделения Пражского политехнического института. Познакомилась с Цветаевой через С.Я. Эфрона, учившегося на одном факультете с ее старшей сестрой – Юлией Николаевной.

С адресатом письма и его семьей К.Н. Рейтлингер связывали многолетние дружеские отношения по Петербургу и Крыму, продолжившиеся в годы эмиграции. По всей видимости, именно сестры Рейтлингер были посредниками в знакомстве Цветаевой с А.В. Оболенским.

После возвращения на родину в 1955 г. К.Н. Рейтлингер постоянно жила в Ташкенте (Звезда. С. 30).

197

Париж, 19-й аррондисман, 8, рю Руве – парижский адрес О.Е. Колбасиной-Черновой. См. также письма к ней и к А.В. Черновой.

198

К.Н. Рейтлингер вместе с сестрой принимала активное участие в организации и жизни православного студенческого движения, в конце 1924 г. она была делегирована на международную христианскую конференцию, проходившую в Манчестере. На обратном пути из Англии заехала в Париж, где была радушно принята Оболенскими (их большая семья жила в близком пригороде Бург-ля-Рейн) и где исполнила бытовые поручения Цветаевой (Там же).

Об этой поездке К.Н. Рейтлингер см. также письма к О.Е. Колбасиной-Черновой от 27 декабря 1924 г., 2, 4, 8, 22, 25 января 1925 г.

199

См. восторженный отклик Цветаевой на это сообщение в ее ответном письме от 27 декабря 1924 г. к О.Е. Колбасиной-Черновой. Бывший муж О.Е. Колбасиной-Черновой В.М. Чернов был министром Временного правительства.

200

Имеется в виду история с побелкой забора, рассказанная во второй главе книги американского писателя Марка Твена (наст. имя Сэмюэл Клеменс: 1835–1910) «Приключения Тома Сойера».

201

В журнале «Воля России» (1926, № 1) напечатано стихотворение Цветаевой «Полотёрская» («Колотёры-молотёры...»), вошло в сборник «После России». См. СС-2.

202

Чердачное (Из московских записей 1919–1920 гг.). дни. 1924. № 65,25 дек.

203

Имеется в виду заметка на чешском языке в «Пражском литературном Спроводае» (Прага. 1924. № 52) под названием «Vynikající èlenové ruská emigrace v Praze» («Выдающиеся представители русской эмиграции в Праге»), посвященная ряду ученых, писателей и политических деятелей с приложением их фотографий. О Цветаевой было написано:

«Поэтесса М.И. Цветаева. Печатается с 1912 г. и с тех пор издала десять сборников стихов. Несмотря на то, что коммунисты против М.И. Цветаевой враждебно не выступали, она не смогла вынести удушающего большевистского режима и уехала за границу».

204

П.Б. Струве.

205

Неточное выражение из комедии Мольера «Жорж Данден» (1668), герой которой – богатый крестьянин, женившийся на дочери дворянина, испытывает в неравном браке уколы самолюбия и обращается к самому себе со словами «Вы этого хотели, вы этого хотели, Жорж Данден». Dandin – простофиля, увалень (фр.).

206

По мнению Н.Г. Федоровой (дочери Н.Е. Чириковой), речь идет о Михаиле Загорском, великовозрастном студенте из Вшенор, с которым дружили ее родители; был пьяницей, по слухам – вернулся в Советский Союз в ранние годы эмиграции. Возможно, о нем («добром студенте 46 лет – в Москве у него внук в комсомоле») говорит Цветаева в письме к О.Е. Колбасиной-Черновой от 16/17 ноября 1924 г. (Там же. С. 31).

207

Имеется в виду одно из первых жилищ Цветаевой и ее семьи под Прагой (подробнее о нем см. письмо к Л.Е. Чириковой от 4 августа 1922 г. – письма 1905–1923).

208

Сестры-близнецы Ольга и Наталия. См. письма к О.Е. Колбасиной-Черновой.

209

Мельгунов Сергей Петрович (1873–1956) – общественный деятель и историк. С 1921 г. за границей. Соредактор журнала «На чужой стороне».

210

«Мои службы» были все-таки позднее напечатаны в журнале «Современные записки» (1925, № 23).

211

Ф.А. Степун одно время фактически был редактором литературного отдела «Современных записок», и рукописи обыкновенно посылались ему на отзыв в Германию, где он жил.

212

Маковский Сергей Константинович (1877–1962) – поэт, мемуарист, критик. В 1920 г. эмигрировал в Прагу. Публиковался во многих эмигрантских периодических изданиях.

Туринцев Александр Александрович (1896–1984) – поэт, критик, участник евразийских изданий. Позднее – протоиерей, настоятель Патриаршего Трехсвятительского подворья в Париже.

Е.Л. Недзельский. См. письмо к нему в наст. томе.

Рафальский Сергей Милюевич (1896–1981) – писатель, журналист. В 1922 г. эмигрировал в Прагу, где окончил юридический факультет. С 1929 г. жил в Париже.

Немирович-Данченко Василий Иванович (1844–1936) – писатель, журналист. Жил в Праге. Старший брат Вл. И. Немировича-Данченко.

Аверченко Аркадий Тимофеевич (1881–1925) – писатель-сатирик, театральный критик. В эмиграции с 1920 г. Жил в Праге (с 1922 г.).

Долинский Семен Григорьевич – прозаик. Публиковался в журналах «Воля России» и «Своими путями».

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Кожевников Петр Алексеевич (1871–1933) – беллетрист, литературный критик. За границей – с 1914 г., в Праге – с 1928 г. Автор книги «Пражские рассказы» (Прага, 1932).

Нечитайлов Василий Николаевич – очеркист, поэт, переводчик с болгарского.

Кизеветтер Александр Александрович (1866–1933) – историк, публицист, политический деятель. В 1922 г. выслан из России. Читал курс русской истории в Карловом университете.

Савинов Сергей Яковлевич (1897–?) – поэт-переводчик.

Бржезина Оттокар. – См. коммент. 1 к письму к В.Ф. Булгакову от 11 марта 1925 г.

Из перечисленных Цветаевой авторов в первом выпуске «Ковчега» были напечатаны: С. Маковский, М. Цветаева, Е. Чириков, С. Эфрон, Д. Крачковский, А. Аверченко, В. Булгаков и С. Савинов.

213

В начале января в Праге торжественно праздновалось 80-летие Вас. И. Немировича-Данченко.

214

Под таким названием Цветаева собиралась издать сборник своих пьес 1918–1919 гг. Издание не осуществилось. В письме к Г.П. Струве М.Л. Слоним отрицал, что он когда-либо давал такое обещание Цветаевой (НП. С. 219).

215

Из стихотворения Цветаевой «Сивилла – младенцу» (1923).

216

С.Н. Булгаков.

217

М.С. Булгакова.

218

Цитата из первой части «О монашеском житии» «Часослова» Р.М. Рильке.

219

Литературно-художественный журнал «Русский современник» (Ленинград – Москва) издавался при ближайшем участии М. Горького. Евг. Замятина, А.Н. Тихонова, К. Чуковского и Абр. Эфроса в 1924 г. Стихи Цветаевой «Занавес» и «Сахара» были опубликованы в 3-й книге журнала.

220

В конце письма Ариадны Эфрон, датированного тем же числом (8 января) и адресованного А.В. Черновой, рукой С.Я. Эфрона сделана приписка для О.Е. Колбасиной-Черновой, в которой он сообщает, что «удалось и на январь месяц получить Ваши деньги (400 крон)...» (Архив составителя).

221

Лечебница «Государственная охрана матерей и младенцев» располагалась в Праге на острове Штванице (река Влтава).

«Но это напоминало ей (Цветаевой. – Л.М.) о советских больницах, и она содрогалась при мысли о большой общей палате с тридцатью младенцами, чешских докторов и чешском языке, запрете курить, возможном затягивании пребывания там с

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru девяти положенных дней до двадцати девяти», писал в своих воспоминаниях Г.И. Альтшуллер (цит. по кн.: Годы эмиграции. С. 62).

См. также письмо к О.Е. Колбасиной–Черновой от 3 декабря 1924 г.

222

В январских письмах 1925 г. речь идет о подготовке к изданию первых сборников «Ковчег». О содержании и авторах первого выпуска см. письмо к О.Е. Колбасиной–Черновой от 8 января 1925 г. и коммент. 4 к нему.

223

Сергей Владимирович Завадский (1871–1935) – известный до революции судебный деятель. Профессор русского юридического факультета в Праге, преподавал русский язык и литературу. Цветаева с ним встречалась в Чехии, была знакома по журналу «Ковчег», в редакционную коллегию которого она входила.

224

Речь идет о гонорарах в издательстве «Пламя», которое возглавлял Е.А. Ляцкий.

225

Правильно – Каллиников. См. коммент. 8 к письму к О.Е. Колбасиной–Черновой от 3 декабря 1924 г.

226

Вас. И. Немирович–Данченко.

227

См. письмо к О.Е. Колбасиной–Черновой от 26/27 декабря 1924 г.

228

См. письмо к А.А. Тесковой от 11 января 1925 г. и коммент. к нему.

229

Родзевич позже говорил в частной беседе:

«Моя женитьба – это оппортунизм, мне нужно было устроиться в Париже. У меня не было любви к М. Булгаковой, но женитьба обеспечивала быт» (Лосская В.С. 104).

См. также письмо Цветаевой к А.В. Черновой от 1 июля 1926 г.

230

Беранек гостиница в Праге. В ней часто жили русские.

231

А.И. Андреева.

232

Речь идет о журнале «Своими путями», в № 3–4 которого (январь–февраль 1925) была опубликована статья С.Я. Эфрона «Церковные люди и современность».

233

См. письмо к Л.М. Розенталю в наст. томе.

234

К.Б. Родзевич уехал в Ригу, провел там более года. Состоял секретарем редакции

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru местной газеты «Слово». Затем обосновался в Париже. См. письмо к нему от 5 мая 1926 г.

235

См. «Поэму Горы» (СС-3).

236

«т.е. верю В.И. Немирович-Данченко, праздновавшему тогда свое 80-летие и 60-летие литературной работы, что его рукопись для сборника „Ковчег“ действительно не превышает 2/4 печатных листов» (примеч. В.Ф. Булгакова).

237

«Писатель Крачковский предложил для напечатания в сборник „Ковчег“ посвященную ему „Поэму любви“ К.Д. Бальмонта „Первая любовь“. Между тем Бальмонт, проживая в Париже, не состоял членом Союза русских писателей в Чехословакии» (примеч. В.Ф. Булгакова).

238

«Крачковский, уже написавший Бальмонту, что поэма будет принята, жаловался, что редакция „Ковчега“ поставит его в невозможное положение перед Бальмонтом в случае отказа напечатать поэму» (примеч. В.Ф. Булгакова).

239

«Каллиников настаивал на помещении в „Ковчеге“ другой его вещи, больше по размеру» (примеч. В.Ф. Булгакова).

Повесть Каллиникова «Земля» опубликована в журнале «Воля России» (1922, № 5). Одной из сказок, о которых упоминает Цветаева, возможно, являлась «Как царь вором был». Позже напечатана в журнале «Своими путями» (1925, № 3/4).

240

Стихотворение А.А. Туринцева «Музыка» было посвящено М. Цветаевой. Текст его, принятый во второй выпуск сборника, при жизни автора опубликован не был. Вошел в сб.: «Скит». Прага, 1922–1940. Антология. Биографии. Документы / Вступ. статья, общ. ред. Л.Н. Белошевской. Сост., биографии Л.Н. Белошевской, В.П. Нечаева. М.: Русский путь, 2006. С. 164.

241

«Так как издательство потребовало сокращения объема сборника, то от „Песен восточных славян“, записанных В. Нечитайловым, пришлось отказаться» (примеч. В.Ф. Булгакова).

242

Для первого выпуска «Ковчега» редакции удалось заполучить от Д. Крачковского очерк «Vita crusiata*. Сибирь».

* Жизнь на кресте (лат.).

243

«Я находил, что Крачковский наружностью несколько напоминает Гоголя». «Не помню, по какому поводу я выразился однажды о Крачковском: „Мой Гоголь падает“» (примеч. В.Ф. Булгакова).

244

Катерина Ивановна Мармеладова – персонаж романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Мармеладовы снимали угол у Амалии Федоровны Линневехзель.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

245

Цитата из стихотворения французского поэта-романтика Альфреда де Мюссе (1810–1857). Цветаева приписывала ее авторство разным лицам (см. также письмо к О.Е. Колбасиной-Черновой от 29 февраля 1925 г.).

246

Юлия – сестра К.И. Рейтлингер.

247

Речь идет о книге Е.А. Ляцкого «Роман и жизнь: Развитие творческой личности И.А. Гончарова. Жизнь и быт» (Прага: Пламя. [1925]).

248

Григорий Исаакович Альтшуллер (1895–1993) – доктор медицины, профессор Карлова университета. Его жена – Вера Александровна (урожд. Пелопидас: 1895–1943). (Сведения Е.И. Лубянской.)

249

Сетон-Томпсон Эрнест (1860–1946) канадский писатель, художник-анималист.

250

О какой «второй» книге «Психея» идет речь, не установлено.

251

Папоушка. – Мельникова-Папоушка Надежда Филаретовна (1891–1968) – критик, жена Ярослава Папоушка, чиновника чехословацкого министерства иностранных дел, которому было поручено заниматься вопросами издания «Воли России», сотрудничала в этом журнале. В 1920 г. составила двухтомную «Антологию русской поэзии».

252

Персонаж «Мертвых душ» Н.В. Гоголя, слуга Чичикова, имел «благородное побуждение к просвещению, то есть чтению книг, содержанием которых не затруднялся» (Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 7 т. Т. 5. М.: Худож. литература, 1978. С. 19).

253

Речь идет о главе книги С.М. Волконского, посвященной Советской России и ее сравнении с соответствующими главами из романа генерала Петра Николаевича Краснова (1869–1947), «От Двуглавого Орла к Красному знамени» (Берлин, 1921–1922).

254

«Сборник был уступлен книгоиздательству с правом перевода на все языки» (примеч. В.Ф. Булгакова).

255

См. перевод на стр 113 (коммент 47 к письму 3–25).

256

Речь идет о включенном во второй выпуск «Ковчега» отрывке из повести И. Каллиникова «Безумная».

257

Цветаева обыгрывает название повести И. Каллиникова «Баба-змея». Была напечатана в журнале «Беседа» (Берлин. 1925. № 6/7).

258

«О том, что рассказ Е.Н. Чирикова пойдет не в первом, а во втором выпуске сборника, ввиду необходимости пропустить в первом выпуске большой рассказ тогдашнего юбиляра Вас. И. Немировича-Данченко» (примеч. В.Ф. Булгакова).

259

В «Ответе на анкету» в 1926 г. Цветаева писала: «Был бы щит, начертала бы „Ne daigne“*» (см. перевод на с. 135).

*Не снисхожу (фр.).

260

Л.Н. Толстой, после периода аскетизма и увлечения православием, однажды будто потребовал себе вкусных котлеток, чем и окончилось навсегда означенное увлечение. (примеч. В.Ф. Булгакова).

261

С.А. Толстая, жена писателя.

262

Статьи С.В. Завадского «О русском языке», А.А. Кизеветтера «Заметки о Пушкине» и С. Булгакова «Что такое слово».

263

«Поэма Конца» М. Цветаевой и «Замолчанное о Толстом» В.Ф. Булгакова были включены в один сборник.

264

Речь идет о второй корректуре поэмы «Молодец» в пражском издательстве «Пламя», где поэма вышла отдельной книгой. Требование второй корректуры стало непременным условием Цветаевой после выхода ее поэмы-сказки «Царь-Девница» со множеством опечаток. См. ее письмо М.С. Цетлиной от 9 января 1923 г. (Письма 1905–1923).

265

Настойчива просьба Цветаевой прислать ей (в преддверии родов!) третью корректуру «Молодца» была продиктована не только присущим ей гипертрофированным чувством авторской ответственности. О своем особом отношении к этому произведению она говорила не однажды. («Ведь я сама – Маруся», – признавалась она в письме к Б.Л. Пастернаку от 22 мая 1926 г.) Повышенного внимания к типографскому набору требовала и сложность языка поэмы, о котором она писала Б.Л. Пастернаку 22 мая 1926 г.: «Есть, деления мельчайших слов. Ими, кажется, написан „Молодец“».

266

Указанная правка относится к последним главам поэмы – «Пированьеце» и «Херувимская».

267

Опечаточный лист к изданию «Молодца» не прилагался, возможно, в таковом не было необходимости; личный экземпляр Цветаевой не имеет авторской правки.

268

Речь идет о подготовке литературного сборника «Ковчег», издаваемого Союзом русских писателей и журналистов в Чехословакии под редакцией В.Ф. Булгакова, С.В. Завадского и М.И. Цветаевой. См. письма Цветаевой к О.Е.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru Колбасиной–Черновой от 8 января 1925 г. и к В.Ф. Булгакову от 17 и 27 января и 11 марта 1925 г.

Помещенный в первой книге «Ковчега» анонс гласил, что вторая книга выйдет из печати «в непродолжительном времени». В нее должны были войти поэма К. Бальмонта, стихи Евг. Недзельского, С. Рафальского и А. Туринцева, проза Вас. Немировича–Данченко, С. Долинского, Иос. Каллиникова, О. Колбасиной и П. Кожевникова, литературные очерки А. Кизеветтера и С. Завадского. Однако вторая книга «Ковчега» так и не увидела свет: как остроумно заметил В.Ф. Булгаков «„Пламя“ успело потухнуть» (Швейцер В. С. 333).

269

Во втором сборнике была заявлена проза Каллиникова «Безумная (отрывок из повести)». Вероятно, именно об этом отрывке говорит Цветаева как о вещи незаконченной. Однако, как позднее указывал В.Ф. Булгаков, «Каллиников настаивал на помещении в Ковчеге другой его вещи, большей по объему». В воспоминаниях Булгаков пишет о том, что Каллиников дал для сборника «абсолютно „нецензурный“ недопустимый в печати, хотя и сочно написанный рассказ из жизни глухой, дикой деревни под названием „Бесова чадь“. Мы с Эфроном прочитали его и постарались скрыть от Марины Ивановны. Она и Завадский доверились нашему вкусу и мнению» (Швейцер В. С. 334).

270

Имеется в виду соприсутствие в одном сборнике. Ср. Псалтирь, гл. 1, ст. 1:

«Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых, и не стоит на пути грешных, и не сидит на собрании развратителей».

271

Сын Георгий родился во Вшенорах. Роды принимал Г.И. Альтшуллер.

«...в один воскресный день, она пришла посоветоваться со мной и сказала: „Вы будете принимать моего ребенка“. Удивленный ее неожиданным заявлением, я попытался возразить ей, что этого делать не буду, что ничего об этом не знаю, но она, улыбаясь, тихо повторила: „Вы будете принимать моего ребенка“, – не слушая ответ...

К тому времени Цветаева с мужем и дочерью переехала в соседнюю деревню Вшеноры, которая была и больше и лучше Мокропсов. Эти деревни были разделены густым лесом, протяженностью около двух километров. В зимнюю пору... добраться до Вшенор через лес было целым путешествием, а обычная дорога удваивала путь.

Это случилось ночью в последний январский день 1925 года, около девяти часов, когда уже стемнело. Шел снег – страшная метель... Из деревни, где жила Цветаева, ко мне прибежал чешский мальчик. Ее муж в тот день отсутствовал, дочь тоже уехала с отцом. Марина была одна. Мальчик вбежал в комнату и сказал: „Пани Цветаева хочет, чтобы вы немедленно к ней пришли, у нее уже схватки! Вам следует поторопиться, это уже началось“. Что я мог сказать? Я быстро оделся и пошел через лес... – в яростную бурю.

Я открыл дверь и вошел... Марина лежала на постели, пуская кольца дыма, – ребенок уже выходил. Она весело меня поприветствовала: „Вы почти опоздали!“... „Я же сказала вам, что вы будете принимать моего ребенка. Вы пришли – и теперь это не мое, а ваше дело“... Я вернулся на следующий день, чтобы осмотреть ребенка, и в дальнейшем делал это каждое воскресенье в течение длительного времени» (Годы эмиграции. С. 62–64).

Г.И. Альтшуллер – см. письмо к нему в наст. томе.

272

Приписка Цветаевой на обороте письма С.Я. Эфрона:

«Дорогая Ольга Елисеевна,

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru Хорошо, что хорошо кончается. Начало же было престрашное. В 9 часов (воскресенье) я был разбужен Мариной, которая спокойно мне объявила, что „началось“. Я вскочил как ошпаренный. Марина же меня, не переставая, успокаивала, уверяя, что времени на всё хватит Из этого „всего“ – ничего, кроме пеленок, приготовлено не было. Марина сумела обмануть и врачей и всех окружающих своей уверенностью: что до события осталось не менее трех недель. И вот началось. Я ураганом понесся к Чириковым, Андреевым. Игумновой, взывая о помощи. От них к Альтшуллеру. К счастью, застал его дома. Вернувшись менее чем через час домой с Григорием Исааковичем, нашел Марину лежащей и ожидающей с минуты на минуту. Мылись полы, из комнаты Марины выбрасывались лишние вещи, кипятились баки с водой, хозяйничали отважно две женщины. Меня послали за доктором в Дольние Мокропсы, и когда я через сорок минут вернулся, меня встретили возгласы:

– Мальчик! Мальчик!

Альтшуллер, спасибо ему, действовал прекрасно. Марина, как и следовало ожидать, вела себя героически, не испустила ни одного крика, ни одной жалобы. К моменту появления мальчика пронесся ураган со снегом, градом и дождем. Когда все было кончено – небо стало ясным, без облачка» (цит. по копии из архива составителя)

В тот же день, 2 февраля, письмо О.Е. Колбасиной-Черновой о рождении брата написала и Аля Эфрон:

Вчера, 1 февраля, в воскресенье, в полдень родился мой брат Борис. 31 января мы с мамой возвращались пешком почти что из Карлова Тына, где мама лечила зубы. Когда мы вернулись, приехала Катя Рейтлингер, которая маму усиленно приглашала в Прагу, к себе, через неделю, но мама находила этот срок слишком ранним, и боялась стеснять Катю. Уговорились, что мама приедет 7-го.

На другое утро в нашей комнате оказалось дикое количество женщин, и меня вытурили. Когда я пришла, у меня уже был брат. Брат мой толстый (тьфу-тьфу, не сглазить), совсем не красный, с большими темными глазами. Я удивляюсь, как из такого маленького может вырасти большой! Он счастливый, так как родился в воскресенье, в полдень, и всю жизнь будет понимать язык зверей и птиц, и находить клады. Ему подарила А.И. Андреева моисеевскую корзинку. Все за мамой ухаживают.

Пока целую всех крепко.

Ваша Аля.

Я очень рада, что у меня брат, а не сестра, брат как-то надежнее... (цит. по копии из архива составителя).

273

А. Эфрона писала в тот же день О.Е. Колбасиной-Черновой:

«Мой брат растет не по дням, а по часам, у него белокурые волосы (белокуро-русые). Он спит днем, а ночью плачет. Сегодня ему исполнилась 1 неделя. (Как это для него много!) ... Мама уже может садиться и поворачиваться, и всё ест. Мало-помалу наш дом начинает освобождаться от всех женщин, они появляются всё реже и реже (кроме А.И. Андреевой, и еще одной)» (Архив составителя).

274

Правильно: Альтшуллер.

275

Когда фараон Египта приказал убить всех еврейских детей, спасся лишь маленький Моисей, которого мать положила в тростниковую корзину и пустила плыть по Нилу. Корзину нашла дочь фараона и сжалась над младенцем, отдав его кормилице (Исх. 2. 2–10). См. также стихотворение 1916 г. «И поплыл себе – Моисей в корзине!..» (СС–7. С. 318).

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
276

Пакет до сих пор не найден... – О посылке, которую Цветаева ждала от В.Г. Чириковой. см. письмо к А.А. Тесковой от 26 февраля 1925 г. и коммент. 1 к нему. Письмо доктору. – Вероятно, речь идет об Антонине Курце (1855–1943), переводчице, общественном деятеле, члене правления Чешско-русской Едноты. К нему ездила В.Г. Чирикова, чтобы получить опись вещей в посылке (Письма к Анне Тесковой, 2009. С. 25). См. также письмо к А.А. Тесковой от 26 февраля 1925 г.

277

Видели ли на Петре Чириковых... – 8 февраля 1925 г. в Праге прошли торжества, посвященные памяти Императора Петра I (по случаю 200-летия со дня кончины). Утром состоялось юбилейное заседание и концерт хора под управлением А.А. Архангельского. На вечере, организованном Русским народным университетом, с докладами выступили профессора А.А. Кизеветтер и В.А. Мякоти, произведения русских писателей о Петре и петровской эпохе читали артисты русских театров. Чириков Евгений Николаевич (1864–1932) – писатель, публицист в Праге с 1921 г. Член Союза русских писателей и журналистов. Его жена, Чирикова Валентина Георгиевна (урожд. Григорьева: 1875–1966) – актриса, играла в Праге в любительских спектаклях, выступала с чтением стихов русских поэтов. Чириковы были соседями Цветаевой по Вшенорам. (Подробнее о пребывании семьи Чириковых в Чехословакии и отношениях с Цветаевой см.: Письма М.И. Цветаевой к Л.Е. Чириковой–Шнитниковой и работу «Семья писателя Е.Н. Чирикова во Вшенорах» Евгения Е. Чирикова (младш.) в сб. Вшеноры. 2000. С. 29–39.)

278

Земгор. – Объединение Российских земских и городских деятелей в Чехословацкой республике (пражский Земгор).

279

Нидерле Любор (1865–1944) – чешский историк-славист, археолог, этнограф, в 1898–1929 гг. профессор Пражского университета. Кондаков Никодим Павлович (1844–1925) – выдающийся историк византийского и древнерусского искусства. В Праге с 1922 г. Читал лекции на философском факультете Карлова университета. С.Я. Эфрон занимался в его семинаре по истории византийского, средневекового и восточнославянского искусства и должен был сдавать экзамен 18 февраля. Но накануне, 17 февраля, профессор Кондаков скончался. По поводу сложившейся ситуации Цветаева обратилась к Е.А. Ляцкому (см. письмо к нему от 23 февраля 1925 г.).

280

Речь, по-видимому, идет о женском журнале «Ева», который выходил в г. Оломоуце. Дневниковая проза Цветаевой была опубликована в этом журнале еще в 1924 г. (Отрывки из книги «Земные приметы» в переводе Отто Барблера. № 3. С. 94–95.)

281

К моменту написания настоящего письма были опубликованы следующие дневниковые записи Цветаевой: отрывки из книги «Земные приметы» (Воля России. 1924. № 1/2), «Вольный проезд» (Современные записки. 1924. № 21), «Чердачное» (дни. 1924. 25 дек.).

282

Правильно: XXI книга.

283

Михаил Архистратиг – предводитель небесного воинства в решающей битве против зла; по Апокалипсису, сражался с драконом (Ветхий Завет).

284

Ваша мама. – Тескова Анна Вацлавна (урожд. Севера; 1852–1936) – пианистка, преподаватель музыки.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

285

Цветаева имеет в виду стихотворение Пастернака «Заместительница» из сборника «Сестра моя жизнь»; оно начинается строчкой «Я живу с твоей карточкой, с той, что хохочет...».

286

См. коммент. 3 к письму к Б.Л. Пастернаку от осени 1924 г.

287

Такой вариант названия для нового сборника фигурирует в тетрадях Цветаевой в начале 1924 т. (см. НСТ. С. 285).

288

Лилит – первая жена Адама (упоминается в ранних апокрифах христианства, не вошедших в библейский канон). Не желала покоряться мужу, так как считала себя таким же творением Бога, как и сам Адам.

289

«Вероятно, здесь Цветаевой был приложен засушенный цветок. А. Кр.» (примеч. А. Крученых).

290

Г.И. Альтшутлер.

291

Речь идет о персонажах поэмы М. Лермонтова «Демон».

292

В тетрадном наброске Цветаевой о прозе Пастернака есть следующий фрагмент:

«Есть два рода поэтов: парнасцы и – хочется сказать – везувцы (-ийцы? Нет, везувцы: рифма: безумцы). Везувий, десятилетия работая, сразу взрывается всем» (НСТ. С. 308).

293

А.С. Карбасникова и С.С. Морковина. Не исключено, что вторая «Самойловна», пражская И.С. Сермус, см. коммент. 9 к письму к О.Е. Колбасиной-Черновой от 2/6 ноября 1924 г.

294

Возможно. Ф.Б. Скворцов, сотрудничавший в журнале «Своими путями».

295

То есть четыре редактора «Воли России» (В.И. Лебедев, М.Л. Слоним, Е.А. Сталинский, В.В. Сухомлин).

296

Ирина младшая дочь Цветаевой.

297

См. письмо к М.С. Цетлиной от 31 мая 1923 г. и коммент. 3 к нему (письма 1905–1923).

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru 298

Неточная цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (1829). У Пушкина: «Мне время тлеть, тебе цвести».

299

См. «Четверостишья» Цветаевой (СС-1. С. 500). В свое время эти строки Цветаева посвятила В.Д. Милиоти (ЗК-1. С. 214).

300

Вера Алексеевна Зайцева (урожд. Орешникова, в первом браке Смирнова: 1878–1965) – жена писателя Б.К. Зайцева.

301

Всепоглощающие мечты о сыне отражены в дневниковых записях Цветаевой: «Я бы больше хотела для себя дочь, для Сережи сына» (ЗК-1. С. 58), «я помешалась на сыне» (ЗК-2. С. 251), и в стихотворениях – впервые в 1919 г. в цикле «Але» (1–2) появляются строки, обращенные к дочери: «Я люблю тебя как сына...» (СС-1. С. 486). В том же году в неоконченном стихотворении «В темных вагонах...» появляются слова: «Я все думаю о тебе, мой сын...» (СС-1. С. 496). В 1920 г. Цветаева пишет стихотворение «Сын», где мечта как бы предвосхищает появление желаемого мальчика: «Предстал мне в предрассветном сонме / Тот, кто еще придет – мой сын». См. также поэму «Егорушка» (1921–1928, не окончена).

302

С.Л. Андреев. См. коммент. 5 к письму к А.А. Тесковой от 16 мая 1934 г. (письма к Анне Тесковой, 2008. С. 427).

303

Остров, на который был сослан Наполеон.

304

А.А. Тескова.

305

Замок XIV века в центре Праги.

306

Соломон – израильский царь, сын и преемник царя Давида, отличался необыкновенной мудростью (библ.). Перстень Соломона – талисман мудрости и колдовства. И это пройдет – в Книге Премудрости Соломона (2, 4): «И жизнь наша пройдет».

307

См. письмо к А.А. Тесковой от 10 февраля 1925 г. и коммент. к нему.

308

Статья С.Я. Эфрона была опубликована в пражском журнале «Своими путями» (1925, № 3/4). Сергей Эфрон и Марина Цветаева были активными сотрудниками журнала, при этом С. Эфрон был одним из его редакторов. В статье «Церковные люди и современность» ее автор, по словам А.А. Саакянц, хотел найти истину посередине: между теми, кто отрекается от старого мира, и теми, кто отрекается от нового, пытался соединить «религиозное» и «земное устройство человечества» (Саакянц А.-2. С. 422).

309

Рассказ Цветаевой о смерти Н.Н. Кондакова см. в письме к О.Е. Колбасиной-Черновой от 19 февраля 1925 г.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

310

См. коммент. 4 к письму А.А. Тесковой от 10 февраля 1925 г.

311

Персонаж романа испанского писателя Мигеля де Сервантеса (1547–1616) «Дон-Кихот».

312

Правильно: Нидерле. См. коммент. 4 к письму к А.А. Тесковой от 10 февраля 1925 г.

313

Речь идет об одном из курсов по истории славянских литератур.

314

Л.М. Розенталь. См. письма к нему в наст. томе.

315

Цветаева впоследствии подарила Черновым книжку «Молодец» с надписью «Ольге Елисеевне и Аде Черновой равно, но разное, розно, но равно любимым. Вшеноры, близ Праги, 7-го мая 1925 г.» (Частное собрание).

316

«Мальчик Георгий» – сын царя Александра II и княгини Е.М. Юрьевской (урожд. Долгоруковой; 1847–1922), морганатической жены царя.

317

Замок принца Кинского, где находится этнографическое отделение пражского Национального музея.

318

Варвара Игнатъевна Шебеко (1840–1931) – статс-дама при дворе Александра II. Приставленная к маленькому Георгию, она ревниво относилась к горничной В.Н. Боровиковой, плела вокруг нее интриги. Цветаева, по-видимому, имеет в виду мемуары Веры Боровиковой «Из жизни моей на службе у княгини Долгоруковой, Екатерины Михайловны, а потом у светлейшей княгини Юрьевской» (На чужой стороне. 1924. № 4. С. 50–78). См. также письмо к О.Е. Колбасиной-Черновой от 29 февраля 1925 г.

319

См. коммент. 3 к письму к О.Е. Колбасиной-Черновой от 8 февраля 1925 г.

320

Андрусов Николай Иванович (1861–1924) – геолог, член Академической группы в Праге, преподавал в Русском университете. С 1918 г. в эмиграции.

321

Беляев Николай Михайлович (1900–1930) – историк византийского искусства, один из ближайших учеников Н.П. Кондакова, впоследствии доктор философии Карлова университета. Был сбит грузовым автомобилем.

322

Нашлась потерянная посылка, собранная В.Г. Чириковой для новорожденному сыну Цветаевой. З.Я. Курц – член правления Чешско-русской Едноты, руководила музыкальной комиссией, жена Антонина Курца. См. коммент. 1 к письму к А.А.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Тесковой от 10 февраля 1925 г.

323

См. письма к А.А. Тесковой от 10 и 15 февраля 1925 г. и коммент. к ним.

324

Cesta – чешский еженедельный журнал по вопросам литературы, общественности и искусства (Прага, 1919–1930). В нем был опубликован перевод стихотворения Цветаевой (см. коммент. 8 к письму к А.А. Тесковой от 10 февраля 1925 г.).

325

М.Л. Слоним.

326

Теплице – минеральный курорт на северо-западе Чехии. В 1810-е гг. там жил и проходил курс лечения расстроенного слуха Бетховен.

327

Описка Цветаевой, так как в феврале 1925 г. было 28 дней.

328

Ср. стихотворение Цветаевой «Прокрасться...» («А может лучшая победа...», 1923).

329

См. письмо к А.В. Черновой от 24 февраля 1925 г. и коммент. 3 к нему.

330

См. там же, коммент. 5.

331

1 марта 1881 г. в Санкт-Петербурге бомбой был убит народовольцами Александр II.

332

См. коммент. 4 к письму Б.Л. Пастернаку от 11/14 февраля 1923 г.

333

Дружеские прозвища своих знакомых Цветаева писала как с прописной, так и со строчной буквы.

334

См. коммент. 2 к письму О.Е. Колбасиной-Черновой от 25 января 1925 г.

335

Старший сын Иаков, отличавшийся невинностью и простосердечием (биб.).

336

Цитата из стихотворения «Лжец» немецкого поэта Людвиг Генриха Николаи (1737–1820).

337

По-видимому, речь идет об актрисе еврейского театра-студии «Габима», основанной в Москве в 1918 г., Шошане Авивит. Летом 1924 г. актриса выступала в Париже. Бальмонт посвятил ей стихотворение «Шошана Авивит».

338

См. письмо к нему от 14 февраля 1925 г.

339

Строка из стихотворения В. Брюсова «Женщине» (1899).

340

Тема обращения за денежной помощью к Розенталю затрагивается в нескольких письмах Цветаевой к О.Е. Колбасиной-Черновой, начиная с 19 января 1925 г. (до этого в письме от 16 ноября 1924 г. он упоминается как «таинственный ловец жемчужин»). Как явствует из письма от 7 марта 1925 г., Цветаева приложила к нему текст своего письма к Розенталю с просьбой прочитать и решить, подходит ли оно по стилю и тону. Судя по письму к О.Е. Колбасиной-Черновой от 25 мая 1925 г., Цветаева позже передала через нее и официальное прошение на имя Розенталя. Если учесть, что в письме, датированном 29 февраля 1925 г. (очевидно, следует читать «1 марта»), Цветаева ставила свой переезд в Париж в зависимость от получения денег от Розенталя, – то из фразы в письме от 9 июня 1925 г.: «А в Париже нам, конечно, не жить. Я так и знала», – можно сделать вывод, что Розенталь в деньгах отказал.

341

Строка из первой главы поэмы «Крысолов» (СС-3. С. 52).

342

Возможно, Цветаева вспоминает случай с С.М. Волконским, который произошел с ним во время его работы в ТЕО (Театральный отдел Наркомпроса). В знак протеста против действия властей в отношении интеллигенции Волконский написал письмо начальству, где отказывался от казенного жалования. В результате этого «дикого», по выражению заведующей ТЕО О.Д. Каменевой, письма Волконского он был лишен и академического пайка. Цветаевой был известен этот эпизод, так как Волконский описал его в своей книге «Мои воспоминания: Родина» (Берлин. 1923). «...эта книга прежде всего – летопись», писала о ней Цветаева (СС-5. С. 246).

343

Бржезина Оттокар (наст. имя Ебавый Вацлав; 1868–1929) – чешский поэт-символист. Его стихи в «Ковчеге» были опубликованы в переводе С.Я. Савинова.

344

Имеется в виду стихотворение А. Ахматовой «Уединение» («Так много камней брошено в меня...»), написанное в усадьбе Слепнево Бежецкого уезда Тверской губернии (1914).

345

Цитата из стихотворения французского поэта Пьера Жана Беранже (1780–1857) «Урок» (1858) в переводе В.С. Курочкина (1831–1875).

346

Цветаева ожидала появления «Молодца» из печати, начиная с середины февраля 1925 г. Первые авторские экземпляры она получила лишь в начале мая 1925 г.

347

Вероятно, Цветаева имеет в виду характерный для писателя фрейдистски мотивированный интерес к эротико-сексуальной тематике (Там же. С. 67).

348

В «Искусстве при свете совести» (1932) Цветаева дала формулу, определяющую

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru категорию вопросов, на которые «вправе буду ответить только с острова» (СС-5. С. 374). К таким важнейшим вопросам человеческого бытия она относилась и вопрос о подлинном назначении человека (выявлении его внутренней сути и внутренних потребностей). Очевидность для Цветаевой «свершения души» на собственном примере (как и на примере Каллиникова) позволила ей позднее уподобить такому острову само эмигрантское существование; ср. ее высказывание: «Толстого и Достоевского люблю, как больших людей, но ни с одним бы не хотела жить, и ни в курган ни на остров их книг не возьму – не взяла же» (письмо к Ю.П. Иваску от 12 мая 1934 г.). Мотив «острова» распространен и метафорически многообразен в поэтических текстах Цветаевой (Там же).

349

Ср. Евангелие от Иоанна, гл. 8, ст. 6: «Но Иисус, наклонившись низко, писал перстом на земле...» Эта фраза ранее была обыграна Цветаевой в поэтическом цикле «Вячеславу Иванову» (1920): «Ты пишешь перстом на песке...» (СС-7).

350

Ср. с высказыванием А. Белого из «Пленного духа» (1934) Цветаевой:

«Стихи должны быть единственной возможностью выражения и постоянной насущной потребностью, человек должен быть на стихи обречен, как волк на вой. Тогда – поэт». (СС-4. С. 245).

351

Речь идет о возможных переводах Ф. Кубки произведений Цветаевой на чешский язык. См. письмо к А.А. Тесковой от 10 февраля 1925 г.

352

В приведенном списке имеется ряд неточностей (например, «Вечерний альбом» вышел в 1910 г. и др.). Подробную полную библиографию книг и публикаций Цветовой см.: Марина Цветаева. Библиография / *Bibliographie des œuvres de Marina Tsvetaeva*. Сост. Т. Гладкова, Л. Мнухин. Paris, Москва: Institut d'Études slaves. Дом Марины Цветаевой. 1993. См. также библиографию в ответе на анкету 1926 г. (СС-4. С. 623–624).

353

См. письмо к А.А. Тесковой от 10 февраля 1925 г.

354

Ср. финальные строчки стихотворения Цветаевой «Русской ржи от меня поклон...» (май 1925), завершающего сборник «Посте России».

355

Михаилу Кузмину была посвящена повесть Б. Пастернака «Воздушные пути», опубликованная в № 2 журнала «Русский современник» за 1924 г.

356

Речь идет о цикле «Ахматовой» (СС-1).

357

К Цветаевой обращено три стихотворения О. Мандельштама: «На розвальнях, уложенных соломой...», «Не веря воскресенья чуду...», «В разноголосице девической хора...» (все – 1916).

358

Посвящение Цветаевой предпослано публикации прозаического фрагмента Т. Чурилина «Из детства далечайшего» в альманахе «Гюлистан» (1916, № 2). Стихи Чурилина, обращенные к Цветаевой, возможно, остались ненапечатанными.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

359

К Цветаевой непосредственно обращены два стихотворения С. Парнок: «Следила ты за играми мальчишек...» и «Смотрят снова глазами незрячими...» (оба – 1915); еще несколько ее стихотворений, вероятно, тоже связаны с Цветаевой.

360

См. письмо к Б. Пастернаку от 14 февраля 1925 г.

361

А.З. Туржанская. См. коммент. 4 к письму к П.П. Сувчинскому от 4 сентября 1921 г. Лелик – Олег Туржанский. См. коммент. 7 к письму к О.Е. Колбасиной-Черновой от 2 ноября 1924 г.

362

Обложку для «Молодца» выполнил художник Николай Иванович Исцеленнов (1891–1981). До революции он был художником-архитектором императорской Академии художеств в Петербурге. В 1920 г. бежал в Финляндию, затем – жил в Берлине, Праге, Париже. Активно работал в парижском обществе «Икона». Что касается его работ в области книжной графики, то они не оставили сколько-нибудь заметного следа. Н.А. Еленев, откликаясь на пражскую выставку Н.Н. Исцеленнова в 1925 г., писал: «Книжные графические работы Н. Исцеленнова (например, обложка для поэмы Марины Цветаевой „Молодец“...) неприятно нарочиты, надуманы. Та непосредственность штриха, которая мнится художнику, на самом деле манерная игра под примитивизм, отталкивающая вялой и неискренней выдумкой» (Русские в Праге. 1918–1928 гг. Прага, 1928. С. 292).

363

М.Л. Слоним.

364

М.Н. Лебедева.

365

В.И. Лебедев.

366

Дочь К. Д. Бальмонта.

367

Е.К. Цветковская, жена К.Д. Бальмонта.

368

Так Аля в шутку называла О.Е. Колбасину-Чернову.

369

См. коммент. 6 к письму к А.В. Черновой от 21 июля 1924 г.

370

Стихотворение «Аймэк-гуарузим долина роз...» написано 18 сентября 1917 г. (СС-1). Розенталь в переводе с немецкого – долина роз.

371

Савинков Николай Викторович (1910–1984) – сын художника В.В. Савинкова, брата Бориса Савинкова. В эмиграции с 1922 г., в 1939 г. окончил медицинский факультет

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Карлова университета.

372

...его ...мать... – Савинкова Вера Николаевна (урожд. Рукина, во втором браке Штомпфе; ?–1973) – юрист. Осенью 1923 г. и зимой 1923–1924 гг. она с сыном жила в Праге в одном с Цветаевой доме на улице Шведской.

373

Адальберт Черни немецкий педиатр.

374

См. коммент. 1 к письму к А.В. Черновой от конце конца мая – начала июня 1925 г.

375

Первая строфа стихотворения Цветаевой «Глаза» (СС-1. С. 426–427).

376

Н.М. Андреева. См. коммент. 3 к письму к П.П. Сувчинскому от 4 сентября 1926 г.

377

Нина – Карницкая Нина Константиновна (1906–1987) дочь А.И. Андреевой от первого брака.

378

М.К. Бальмонт.

379

Мансветов Федор Северьянович (1884–?) – член Земгора в Праге, занимался книжными делами. Коммерческий директор (с 1924 г.) издательства «Пламя». Одно время при «Воле России» издавал нечто вроде книжной летописи (НП. С. 222).

380

См. письмо к А.А. Тесковой от 20 апреля 1925 г и коммент. 1 к нему.

381

Нестлэ (Нестле) – швейцарская пищевая компания.

382

В.Г. Чирикова. См. коммент. 2 к письму к А.А. Тесковой от 10 февраля 1925 г.
Пьеса Е.Н. Чирикова – «Колдунья» (1909).

383

О ком идет речь, установить не удалось.

384

А.К. Рудин. Переехав в Ригу, публиковался в журнале «Перезвоны» и газете «Сегодня». С тургеневской фамилией – по названию романа И.С. Тургенева «Рудин» (1856).

385

Под общим заголовком «Из книги Юношеские стихи» в «Воле России». Были напечатаны в 1925 г. стихи «Аля» («Аля – Маленькая тень...») в № 2 и «Уж сколько их упало в эту бездну...» в № 3.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

386

В «После России» под этим стихотворением, заключительным в сборнике, стоит 7 мая 1925 г. Эта дата, скорее всего, может обозначать окончание работы над книгой. Письма датируются по оригиналу письма.

387

Россель Леонид Владимирович (1891–1942) – помощник администратора журнала «Воля России» в Праге. После 1932 г. работал в русской секции Всеобщей конфедерации труда во Франции. Участник Сопротивления, погиб в концентрационном лагере (НП. С. 223).

388

Гинденбург, Пауль фон (1847–1934) – президент Германии (1925–1933).

389

Эррио Эдуард (1872–1957) – лидер французской партии радикалов. Премьер-министр в 1924–1925, 1926, 1932 гг.

390

См. коммент. 8 к письму к А.В. Черновой от 25 апреля 1925 г.

391

Кочаровский (Качоровский) Карл-Август Романович (1870 – после 1940) публицист, экономист. Сотрудничал в «Воле России», возглавлял в Народном Университете в Праге Общество по изучению сельской России. В 1930-е гг. жил в Югославии.

392

Ср. письмо к А.А. Тесковой от 26 мая 1934 г. (Письма к Анне Тесковой, 2008, с. 193) и письмо к А.И. Андреевой от 8 июня 1941 г. (СС-7. С. 657–658).

393

Заключительная строфа стихотворения Н. Гумилева «Канцона первая» (1919) из сборника «Огненный столп» (1921).

394

Тридцатилетний П. Шелли утонул в заливе Специя (Италия).

395

Первая глава поэмы М Цветаевой «Крысолов» была напечатана в № 4 за 1925 г. Теме гаммельнского крысолова Г. Гейне посвятил стихотворение «Бродячие крысы». Об истории посвящения поэмы см. также: Саакянц А.-2. С. 407.

396

См. коммент. 8 к письму к Р.Б. Гулю от 27 июня 1923 г. (Письма 1905–1923. С. 576).

397

Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926) – генерал. В Первую мировую войну командовал армией, с 1916 г. Юго-Западным фронтом. В 1917 г. – Верховный главнокомандующий. С 1920 г. – в Красной Армии. В эмиграции бывшие офицеры относились к нему, как к изменнику. В журнале «Воля России» (1924, № 18/19) были опубликованы материалы «А.А. Брусилов о себе и своих судьях».

398

В письме к О.Е. Колбасиной-Черновой от 27 апреля 1925 г. Цветаева отмечала:

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
«Получаю прелестные письма от Оболенского».

399

В этом месте текст письма частично поврежден.

400

Писала Вам о нынешней... «Грозе»... – Письмо, о котором упоминает Цветаева, по-видимому, не сохранилось. Любительский спектакль по пьесе А.Н. Островского «Гроза» с участием известной артистки Н.Е. Коваленской состоялся в помещении Национального чешского объединения горожан «Мещанская беседа» (ныне здание чешского телевидения, Владиславова, 20). Цветаева присутствовала на спектакле. Об этом см. в ее письме А.В. Черновой от 25 апреля 1925 г. Тому же адресату о спектакле написал и его «герой», с Я. Эфрон:

«... эта Пасха для меня отравлена моим театральным выступлением а „Грозе“. Увы!.. Я десять лет не был на сцене и потому очень волновался...» Вопросы литературы. 1991. № 6. С. 202).

Коваленская Нина Григорьевна (по мужу Павлова; 1888–1993) – актриса Александрийского театра (1909–1919). Эмигрировала в Чехословакию, жила в Праге. На профессиональной сцене выступала редко. Ставила спектакли, участвовала в любительских постановках, выступала на вечерах как декламатор. В 1945 г. уехала в США.

401

О какой родственнице идет речь, выяснить не удалось.

402

Речь идет, по-видимому, о замысле Ариадны Черновой написать воспоминания о своих злоключениях в послереволюционной России. Замысел осуществлен не был.

403

Возможно, Цветаева имеет в виду исторический роман Франсуа-Ксавье Горуа «Во времена террора» (François-Xavier Gauroy. «Sous la terreur». Paris, 1792), повествующий о судьбе заключенной в тюрьму Консьержери во время Великой французской революции (период «террора») бывшей монахини Марии.

404

Polichinelle (Полишинель) – персонаж народного французского театра. Секрет Полишинеля – секрет, который известен всем.

405

После разгона в 1918 г. Учредительного собрания его бывшему председателю В.М. Чернову приходилось скрываться от ЧК. Его семья была арестована, а одиннадцатилетняя Ариадна Чернова помещена в детскую колонию в Серебряном Бору под Москвой. (Подробнее о жизни семьи Черновых в 1918–1920 гг. см. воспоминания О.В. Черновой «Холодная зима» – Новый журнал. 1975. № 121; 1976. № 122, 124).

406

Жена политического деятеля, члена Президиума ВЦИК Ю.М. Стеклова, Дивильковская, хлопотала перед Дзержинским об освобождении дочерей В.М. Чернова из тюрьмы. Ей это удалось, и какое-то время сестры Черновы жили у Стекловых под их поручительство

407

Мякотин Венедикт Александрович (1867–1937) – историк, политический деятель. С 1922 г. в эмиграции. Соредатор, затем редактор журнала «На чужой стороне», Прага (с 1926 г. – «Голос минувшего на чужой стороне», Париж).

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

408

См. коммент. 3 к письму к Р.Б. Гулю от 29 июня 1924 г.

409

Пешехоновы – Алексей Васильевич (1867–1933), статистик, известный публицист, видный сотрудник журнала «Русское богатство», и его жена, Антонина Федоровна (1875–1958). В 1923 г. выслан за границу.

410

См. коммент. 1 к письму к А.А. Тесковой от 20 апреля 1925 г.

411

Реплика Бориса (действие первое, явление четвертое) приведена в несколько измененном виде; у Островского: «Загнан, забит, а тут еще сдуру влюбляться вздумал».

412

См. также письмо к А.А. Тесковой от 20 апреля 1925 г. и коммент. 1 к нему.

413

То есть купленному на свою стипендию («иждивение»).

414

Имеется в виду «Дневник Марии Башкирцевой». См. письмо к В.В. Розанову от 7 марта 1914 г. и коммент. 1 к нему (Письма 1905–1923. С. 176), а также письмо к О.Е. Колбасиной-Черновой от 30 сентября / 1 октября 1925 г., где Цветаева дает этой книге прямо противоположную оценку.

415

Башкирцева Мария Степановна (урожд. Бабанина;?-1920).

416

Этот эпизод описан О.В. Черновой:

«Дивильковская как-то сказала нам, что однажды вечером жена и сестра Ленина, бывшие у них в гостях, захотели посмотреть на спящую Адю. Но Дивильковская возмутилась и решительно заявила, что девочка не „ученый медведь“ и надо ее оставить в покое. Адя очень жалела впоследствии, что из-за принципиальности Дивильковской ей не удалось увидеть Крупскую и Ульянову» (Новый журнал. 1976. № 124. С. 205).

417

См. письмо к В.В. Розанову от 8 апреля 1914 г. (Письма 1905–1923. 179–186).

418

Л.М. Розенталь.

419

Скрябина Ариадна Александровна (в первом замужестве Лазарюс, во втором Мажен, по принятии иудаизма – Сара; 1905–1944) – русская поэтесса, дочь композитора А.Н. Скрябина. Третьим браком была за поэтом Доводом Кнутом (1900–1955). Активная участница Еврейской боевой организации. Убита в 1944 г. в Тулузе в стычке с коллаборационистами.

420

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Вадим Андреев.

421

Красавица Мирона. – Вероятнее всего, Цветаева имеет в виду работ у древнегреческого скульптора Мирона (V в. до н. э.) «Афина и Марсий», где страшному, пугающему Марсию противопоставлена Афина, полная величавой красоты и достоинства.

422

Намечаемое на май выступление Цветаевой с лекцией (см. письмо к А.А. Тесковой от 5 декабря 1924 г. и коммент. 2 к нему) не состоялось ни в мае, ни в июне.

423

Степун Федор Августович (1884–1965) – философ, историк, писатель, публицист. С 1922 г. в эмиграции. Жил в Германии. Участник Религиозно-философской академии. Выезжал с лекциями во Францию, Чехословакию и др. В Праге Ф.А. Степун выступил с двумя докладами, организованными Русским демократическим студенческим союзом: «О старых грехах и новых задачах русской демократии» (8 мая) и «Советская и зарубежная Россия» (11 мая).

424

Незавершенная поэма-сказка «Егорушка», при жизни автора не печаталась. Герой поэмы, Егорий Храбрый – народный вариант Георгия Победоносца, воина, по преданию, победившего дракона и спасшего царскую дочь. Содержанием народных легенд Цветаева почти не пользовалась, сюжет поэмы выдуман ею полностью. Текст поэмы и историю ее написания см. в СС-3. Строки поэмы, приведенные в письме, взяты из главы «Пастушество» (СС-3. С. 699).

425

А.И. Андреева.

426

Юрчинова Эва (псевдоним Анны Веберовой; 1889–1969) – чешская писательница.

427

Сына М. Цветаевой крестил о. Сергей Булгаков.

428

См. коммент. 2 к письму к Б. Пастернаку от 26 мая 1925 г.

429

Жена Б.К. Зайцева.

430

Черни (Czerny) Карл (1791–1857) – австрийский композитор, пианист, педагог.

431

См. коммент. 2 к письму к А.А. Тесковой от 3 мая 1925 г.

432

...у твоего святого тоже был волк – любимый... – На Руси святой Георгий – «Егорий Храбрый» считался покровителем и защитником не только домашних животных, но и хищников, особенно волков.

433

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Стихотворение, написанное 17 мая 1920 г., из цикла, обращенного к Н.Н. Вышеславцеву. См. письма к нему (письма 1905–1923). Имеются разночтения в последней строфе.

434

Мать А.И. Андреевой – Анна Яковлевна Денисович (ок. 1866–1957), член партии эсеров, скульптор.

435

См. коммент. 2 к письму к А.В. Черновой от 24 февраля 1925 г.

436

В.Л. Андреев.

437

Датируется по содержанию.

438

Речь идет о «стене плача», подпорной стене вокруг Храмовой горы в Иерусалиме. Представляет собой символ связи еврейского народа с его исторической родиной, место, где евреи оплакивают разрушение Храма и молят Бога о восстановлении Израиля в его стране.

439

15-го мая, в пятницу. Союз русских писателей и журналистов организовал литературный вечер-диспут «Художественная словесность в СССР». С докладом выступил Д.А. Лутохин, литературный критик и прозаик, живший в те годы в Чехословакии (в 1927 г. вернулся в СССР). Председатель диспута В.Ф. Булгаков. В прениях выступили: М.Л. Слоним, А.Л. Бем, А.А. Туринцев и др. (Студенческие годы. Прага. 1925. № 3. С. 25).

440

Приписка к письму С.Я. Эфрона.

441

Богенгардты намеревались уехать из Чехословакии в Бразилию. Переезд не состоялся.

442

См. коммент. 4 к письму к А.В. Черновой от конца мая – июня 1925 г.

443

А.И. Андреева.

444

А.В. Белобородова.

445

Гуревич Виссарион Яковлевич (1876–1940) – юрист, публицист, печатался в журнале «Воля России». В Русском народном университете в Праге читал лекции по социологии. Заведовал Архивом русских эмигрантов при Земгоре.

446

Б.В. Савинков 7 мая 1925 г. якобы выбросился из окна тюрьмы, где содержался после тайного перехода границы и ареста советскими пограничниками.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

447

Н.К. Карницкая.

448

Вадим В.А. Андреев. Книга Цветаевой вышла под названием «После России» (1928).

449

Речь идет о драматической трилогии «Гнев Афродиты». 1-я часть – «Ариадна». (См. СС-3.)

450

То есть за рассказ, предназначавшийся для альманаха «Ковчег». См. письмо к О.Е. Колбасиной-Черновой от 8 января 1925 г.

451

Георгий Победоносец на коне, поражающий копьем чудовище в виде змеи, изображен на гербе Москвы.

452

От «Житейских воззрений Кота Мурра» Т.А. Гофмана.

453

«Муж горел нетерпением поскорее посвятить приятеля (ожидаемого из кругосветного плавания. – Ред.) в глубокий смысл еще не вовсе опостылевшего ему отцовства. Так бывает. Несложное происшествие едва ли не впервые столкнуло вас с прелестью самобытного смысла. Это столь ново для вас, что вот, случится человек, обогнувший весь свет, всего навидавшийся и имеющий, казалось бы, что порассказать, а вам кажется, что в предстоящей встрече слушателем будет он, а вы – поражающей его ум трещеткой» (Пастернак Б. Воздушные Пути / Рассказы. М.; Л.: Круг, 1925. С. 96).

454

На авантитуле сборника дарственная надпись: «Борису Пастернаку – Марина Цветаева. Прага, мая 1925 г.» На обороте фронтисписа рукой Цветаевой записано ее стихотворение «Русской ржи от меня поклон...», под которым подписано: «Веймар, 1-го мая 1925 г.» – место и дата планировавшегося, но не состоявшегося свидания с Пастернаком.

455

Поэме «Молодец» было предпослано посвящение: «Борису Пастернаку – „за игру за твою за великую, / за утехи твои за нежные“». Это неточная цитата из одного из наиболее популярных вариантов былины о Садко (Садко. № 134 по сб. «Песни, собранные Н.Н. Рыбниковым»). В оригинале: «За твои за утехи за великие, / за твою-то игру нежную» (слова Морского Царя, адресованные Садко).

456

Кольцов Алексей Васильевич (1809–1842) – русский поэт; многие его стихи стали народными песнями и популярными романсами.

457

Одно из имен Бога.

458

См. коммент. 3 к письму к Б.Л. Пастернаку от 9 марта 1923 г. (письма 1905–1923).

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

459

Цветаева иронизирует по поводу романа Ф.А. Степуна «Николай Переслегин», заполонившего в 1923–1925 гг. страницы «Современных записок» (печатался в восьми номерах).

460

См. письма к Е.А. Ляцкому в наст. томе.

461

Возможно, имеется в виду любовь маленького Байрона к своей няне, Май-Грей. См., например, сб. «Осень. Новые повести и рассказы С. Чистякова». М.: Изд-во М.О. Вольф, 1900.

462

Неясно, о каком издании идет речь. В 1925 г. в Европе не выходило издания с таким названием. Созвучным по названию был лишь литературный еженедельник «Наш огонек», издававшийся в Риге (1923–1928). С большой натяжкой можно бы предположить, что это был рижский журнал, а именно «Перезвоны», где в трех номерах за 1925 г. публиковались стихи Цветаевой (№ 4, 6, 7/8). К слову, в этом журнале сотрудничала О.Е. Колбасина-Чернова (см., например, ее рассказ «Майтена» в № 25 за 1926 г.). Возможно, намечалось издание нового журнала, но оно не осуществилось. См. также письмо к О.Е. Колбасиной-Черновой от 25 мая 1925 г.

463

День рождения А.С. Пушкина – 6 июня.

464

По поводу крестных Мура ср. письмо к А.А. Тесковой от 7 апреля 1929 г. Письма к Анне Тесковой, 2008. С. 109).

465

Ахиллесова пята. Мать Ахиллеса (Ахилла) фетида (греч. миф.), чтобы сделать его неуязвимым, окунала сына в воды священной реки Стикс, держа его за пятку. Это место и стало уязвимым местом Ахиллеса, в которое он был смертельно ранен стрелой Париса.

466

Возможно, об этом визите писала Н.Г. Коваленская в письме к Г.П. Струве от 21 октября 1971 г.:

«Хорошо помню первое впечатление. Марина Ивановна – небольшого роста, ладной фигуры, привлекательной внешности, с большими глазами на очень загоревшем лице, серебряные браслеты – на так же загоревших руках, облик слегка цыганский. Она сидела за столом, раскинув по сторонам руки, предупреждая падение маленького – месяцев 6 сына, очень живого, тоже обожженного солнцем. Марина Ивановна показалась мне тогда слегка застенчивой и очень самоуглубленной. Как всегда, при первой встрече, говорилось о разном, между прочим – об их намерении переехать из Праги в Париж. Помню точно его (С.Я. Эфрона. – Ред.) слова: „Надо уезжать отсюда. Здесь Марина может сделаться кухаркой“» (НП. С. 223).

467

Р. Штейнер дважды выступал в Праге с докладом, на одном из них, 30 апреля 1923 г. присутствовала Цветаева (см. письмо к Л.Е. Чириковой от 27/30 апреля 1923 г. – Письма 1905–1923). Возможно, между Цветаевой и Штейнером после лекции состоялся разговор или они обменялись репликами, после чего Штейнер и произнес запомнившиеся Цветаевой слова прощания. См. также письмо к А.А. Тесковой от 15 января 1927 г.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
468
А.И. Андреева.

469

Имеется в виду намерение Вадима Андреева жениться на Ольге – дочери О.Е. Колбасиной-Черновой.

470

Антей (греч. миф.) – сын Посейдона и Геи. Получал необычайную силу, прикоснувшись к земле, богиней которой была его мать. Победен Гераклом, которому удалось оторвать его высоко от земли.

471

Вероятно, речь идет о памятнике героям национального прошлого, которые временно воздвигались в Москве в первые годы после революции в рамках так называемого плана «монументальной пропаганды».

472

Имеется в виду стихотворение Цветаевой «Неподражаемо лжёт жизнь...» (1922; сб. «После России»; СС-2. С. 132–133).

473

Аллюзия на басню И.А. Крылова «Пустынник и медведь».

474

REN club (Пен-клуб) основан как объединение писателей в Лондоне в 1921 г. Пражский Пен-клуб был создан 15 февраля 1925 г. Цветаева присутствовала на заседании клуба 18 июня 1925 г., устроенном в честь французского писателя Рони (одного из двух братьев, писавших под одним и тем же псевдонимом: Rosny). На встрече, кроме Цветаевой и Рони с женой, были Карел Чапек, Р.А. Ляцкий, инженер Ф. Коль (основатель пражского Пен-клуба), Ф. Кубка и др. (Подробнее см.: Морковин В. Пражский Пен-клуб и его русские гости *Československá rusistika*. Прага. 1968. № 5. С. 293–296)

475

С.Н. и Е.С. Булгаковы.

476

В своих комментариях Г.П. Струве отметил, что Цветаева здесь ошиблась (НП. С. 225). На самом деле Цветаева была права. Правильно: Исцеленнов. (см. Заметку «Памяти Н.Н. Исцеленнова». – Русская мысль. 1983. 3 марта). В то же время в ряде справочников допускается оба написания фамилии художника, например, в биографическом словаре «Художники русского зарубежья» (сост. О.Л. Лейкинд, К.В. Махров, Д.Я. Северюхин. СПб.: Нотабене, 1999) имеем: Исцеленов (Исцеленнов) (С. 307).

477

См. коммент. 3 к письму к О.Е. Колбасиной-Черновой от 7 сентября 1925 г.

478

См. коммент. 3 к письму к П.П. Сувчинскому от 4 сентября 1926 г.

479

Датируется условно по содержанию. Поводом для написания письма Цветаевой явилась публикация В. Ходасевича «Заметки о стихах: М. Цветаева. „Молодец“» (Последние Новости. 1925. 11 июня), в которой критик остановился на анализе сочетания народного стиля (сказки) со стилем книжной поэзии у Пушкина и у Цветаевой, на

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru анализе «Молодца» с позиций обработки народной поэзии, подчеркивал богатство поэтического языка Цветаевой и т.д.

480

О «музыке» Цветаевой В. Ходасевич писал в своем предыдущем отклике на ее сборники «Ремесло» (1923) и «Психея» (1923): «Пожалуй, ни один из ныне живущих поэтов не обладает в такой степени, как она, подлинной музыкальностью. Стихи Марины Цветаевой бывают в общем то более, то менее удачны. Но музыкальны они всегда» (Родство и чуждость. С. 145). Возможно, здесь Цветаева имеет в виду и кого-то из других критиков. Присутствие «музыки» в ее поэзии в начале 1920-х гг. отмечали многие. Среди них Роман Гуль («Хороша Марина Цветаева в буйности, в неистовстве. Силен голос. Много в голосе звуков». Там же. С. 113), Надежда Павлович («...стихия, в которой лежат корни ее [Цветаевой. – Сост.] творчества – музыка». Там же. С. 75), Глеб Струве («С романтиками роднит Цветаеву и самая ее чрезмерность, стремление перелиться в другую заповедную стихию – проникнутость поэзии духом музыки». Там же. С. 153) и др.

481

«Музыка»... неудачный Бальмонт. – Возможно, Цветаева вспомнила ранее стихотворение К. Бальмонта «Музыка» («Мы слышим воздушное пенье чудесной игры...», 1897).

482

Отдельные стихи К.Д. Бальмонта и, в гораздо большей мере, Даниила Максимовича Ратгауза (1868–1937) стали известны широкой публике как романсы. На стихи К. Бальмонта музыку писали С. Рахманинов, С. Танеев, А. Аренский, И. Стравинский и др., на стихи Д. Ратгауза – Н. Римский-Корсаков, П. Чайковский, С. Рахманинов, М. Ипполитов-Иванов, А. Аренский. А. Гречанинов и др.

483

Критик подчеркнул в своей статье:

«Чисто словесные и звуковые задания играют в „Молодце“ столь же важную роль, как и смысловые...» (Там же. С. 190).

484

Вероятнее всего Цветаева ссылается на следующие слова В. Ходасевича:

«На некоторые затруднения натолкнется читатель и при усвоении фабульной стороны. Однако причиной этому – не авторская неопытность. Сказка Цветаевой построена на приемах лирической песни. Лирическая песня почти не имеет повествовательных навыков. Для этого она слишком отрывочна и слишком любит говорить в первом лице. Чтобы изобразить ряд последовательных моментов. Цветаевой, в сущности, придется превратить сказку в ряд отдельных лирических песен, последовательностью которых определяется ход событий. Это, конечно, ведет к некоторым как бы прорывам в повествовании, к спутанности и неясности» (Там же. С. 190).

485

См. письмо к Б.Л. Пастернаку от 14 июля 1925 г.

486

Виктор Романович Ховин (1891–1944) – поэт, критик, издатель. Выпустил в Париже в октябре 1925 г. один номер журнала «Зволяр». Возможно, что неосуществленное издание упоминаемого в письмах Цветаевой «Огонька» связано также с его именем.

487

Зеленый шарф. – См. письмо к О.Е. Колбасиной-Черновой от 2 ноября 1924 г.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
488

Речь идет о письме Пастернака от 2 июля 1925 г. (См. Души начинают видеть. С. 113–117). В черновой тетради перед письмом запись Цветаевой о получении этого письма: «10-го июля. Первое человеческое письмо (остальные – ангельские!)» (Там же. С. 590).

489

Речь идет о героине романа Достоевского «Преступление и наказание».

490

Цветаева, как и ряд других русских писателей и деятелей культуры, получала специальное пособие, учрежденное правительством Чешской Республики (оно прекратилось лишь в 1932 г.).

491

В Карловом университете в Праге С.Я. Эфрон занимался в семинаре Н.П. Кондакова; докторская диссертация Эфрона называлась «Иконография Рождества Христова на Востоке».

492

Цветаева отвечает Пастернаку на его реплику: «Первым был Брюсов. Анненский не был первым» (см. очерк «Герой труда» и коммент. к нему в СС-4).

493

Цветаева получила от Пастернака книгу «Рассказы» (М.; Л.: Круг, 1925) в июле 1925 г. с дарственной надписью: «Марине, удивительному, чудесному, Богом одаренному другу. Б.П.» (см. также ответ на анкету газеты «Возрождение» от 1 января 1926 г., СС-4). Под «поэмой», по-видимому, имеется в виду «Высокая болезнь» (1923, 1928).

494

П.Г. Антокольский – см. письмо к Б.Л. Пастернаку от 9 марта 1923 г. (Письма 1905–1923. С. 535).

495

Письмо написано на почтовой карточке. Цветаева нередко писала письма на подобных карточках, также на различных видовых и художественных открытках.

496

В лечебницу устроить С.Я. Эфрона помог М.Л. Слоним.

497

Воспоминания о Брюсове под названием «Герой труда» были опубликованы в журнале «Воля России» (1925. № 9/10, 11). (См. СС-4.)

498

Pragerpresse – правильно: Prager Presse чешская газета на немецком языке (1921–1939).

499

Ф. Кубка был сотрудником этой газеты, в 1927–1937 гг. ее редактором. См. письма к нему в наст. томе.

500

Сестра. – Тескова Августа Антоновна (1878–1960), писательница.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

501

В.Ф. Булгаков сообщил Цветаевой об отклике Г. Адамовича на ее «Молодца». См. об этом письмо к О. Е. Колбасиной-Черновой от 14 августа 1925 г. и коммент. 8 к нему.

502

Сборник «Тринадцать поэтов» вышел в 1917 г. В него, кстати, вошли и стихи М. Цветаевой («Над церковкой – голубые облака...», «Чуть светает...»).

503

Очерк «Герой труда» (СС-4).

504

Вероятнее всего, речь идет о следующих статьях: Ходасевич В. Брюсов // Современные записки. 1921. № 23. С. 212–236; Гиппиус З. Одержимый (О Брюсове) / В ее кн.: «Живые лица» (Прага: Пламя, 1925); Святополк-Мирский Д.П. Валерий Яковлевич Брюсов // Современные записки. 1924. № 22. С. 412–426.

505

«Нужно было получить рукопись для исправления обратно из издательства, куда она была уже сдана для напечатания. Это было устроено» (примеч. В.Ф. Булгакова).

506

Речь идет об А.И. Андреевой.

507

Имеется в виду роман Ж. Кесселя «Слепые короли» (1925). Юсупов Феликс Феликсович, князь (1887–1967), организовал убийство Распутина. Распутин Григорий Ефимович (наст. фам. Новых; 1872–1916) фаворит царя Николая II и Александры Федоровны.

508

В.Б. Сосинский. См. письма к нему в наст. томе.

509

Шмелев Иван Сергеевич (1873–1950) – один из виднейших писателей русского зарубежья. В эмиграции – с 1922 г. После переезда Цветаевой в Париж их отношения не сложились. Г.П. Струве объясняет это политической позицией Шмелева, «близостью его к „Возрождению“ и, без сомнения, резко отрицательным отношением к настроениям и деятельности С.Я. Эфрона в те года» (НП. С. 227).

510

То есть «Герой труда» (см. СС-4).

511

Анна Евгеньевна Мякотина (урожд. Федосеева) – жена В.А. Мякотина.

512

Название рецензии А.В. Черновой на «Молодца», опубликованной в журнале «Благонамеренный» (1926. № 1). См. также письмо к Д.А. Шаховскому от 7 декабря 1925 г.

513

Гуковский Александр Исаевич (псевдоним А. Серов; 1865–1925) – соредaktor и один из основателей журнала «Современный записки». Покончил с собой 17 января 1925 г.

514

Скорее всего, имеется в виду рецензия Г. Адамовича на поэму «Молодец», напечатанная в рубрике «Литературные беседы» в «Звене» (1925. № 129. 20 июля). Вопреки предположениям Цветаевой, Адамович на этот раз дал в целом высокую оценку поэме. Критик писал:

«Нельзя сомневаться в исключительной даровитости Марины Цветаевой. ... По редкому дару певучести, по щедрости этого дара ее можно сравнить с одним только Блоком. Конечно, широкий, размахом, диапазоном голос Цветаевой значительно превосходит Анну Ахматову. ... „Молодец“ в целом – очаровательная вещь, очень свежая, истинно-поэтическая».

515

Реплика Нюночки Бальмонт, дочери поэта; приводится в очерке Цветаевой «Бальмонту» (1925). См. СС-4.

516

Боженка. – Вилла «Боженка» во Вшенорах (Чехия) – богатый особняк (построен в 1884 г.), где в 1924 и 1925 гг. жили семьи писателя Е.Н. Чирикова и А.И. Андреевой. В 1926 г. у В.А. и Г.И. Альтшуллеров, имевших частную квартиру в вилле, собирались члены «Вшенорско-мокропсинского русского клуба», центра эмигрантской просветительской деятельности. Подробнее см.: Коршилова А. Вшенорско-мокропсинский клуб / Вшеноры 2000. С. 261–267.

В.Ф. Булгаков присутствовал на этом вечере. Цветаева еще раз выступила в Праге в 1925 г. с чтением своих воспоминаний о Брюсове: 22 октября на вечере современной русской поэзии, устроенном Союзом русских писателей и журналистов, Чешско-русской Еднотой и «Скитом поэтов».

517

См. письмо к Ф. Кубке от 29 августа 1925 г.

518

См. коммент. 4 к письму к А.А. Тесковой от 12 августа 1925 г.

519

«Рассказы» (М.; Л.: Круг, 1925). См. также ответ Цветаевой на анкету газеты «Возрождение» от 1 января 1926 г. в СС-4.

520

Рассказ «Воздушные пути» был напечатан в журнале «Своими путями» (№ 6/7, 1925 г.).

521

Возможно, речь идет о романе австрийского писателя Густава Майринка (1868–1932) «Зеленое лицо» (1916), в котором автор обращается к известному персонажу – Вечному Жиду.

522

...поцеловать Вам руку... – См. письмо к О.Е. Колбасиной-Черновой от 10 мая 1925 г.

523

Цветаева, по недоразумению, думала, что Адя Чернова выходит замуж за Вадима Андреева. Вадим «сватался» к сестре Ади Ольге, что позднее разъяснилось. См. письмо к О.Е. Колбасиной-Черновой от середины сентября 1925 г.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru 524

Мать И.В. Гёте Катерина Элизабет Гёте (урожд. Текстор; 1731–1808) – дочь городского судьи, стала женой Иоганна Гаспара Гёте (1710–1792), бывшего адвоката, императорского советника, в 17 лет. В возрасте 18 лет родила первого сына Иоганна Вольфганга Гёте (1749–1832).

525

14 июня 1925 г. К.Н. Рейтлингер вышла замуж за инженера Киста Александра Александровича (1901–1965).

526

См. письмо к А.А. Тесковой от 12 августа 1925 года.

527

Датируется по содержанию.

528

О журнале «Своим путями» см. коммент. 10 к письму к О.Е. Колбасиной-Черновой от 16/17 ноября 1924 г. Соредатор – Александр Александрович Воеводин (1888 – не позднее 1944), историк, писатель. С 1920 г. в эмиграции. Учился на Русском юридическом факультете в Праге. Участник собраний содружества «Скит поэтов». В Париже бывал наездами.

529

См. коммент. 8 к письму к Р.Б. Гулю от 27 июня 1923 г. (письма 1905–1923. С. 576).

530

Замысел «большой повести», о которой пишет Цветаева, по-видимому, не был осуществлен. Вскоре С.Я. Эфроном были опубликованы два рассказа: «Тиф» в альманахе «Ковчег» (Прага, 1926) и «Тыл» в журнале «Благонамеренный» (Брюссель. 1926. № 2).

531

По ходатайству О.Е. Колбасиной-Черновой, или ею самой, или еще кем-то Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции выделил Цветаевой запрашиваемые средства на переезд в Париж. См. расписку Цветаевой Комитету от 11 декабря 1925 г.

532

См. коммент. 6 к письму А.В. Черновой от 21 июля 1924 г.

533

См. коммент. 6 к письму А.В. Черновой от 21 июля 1924 г.

534

Французский консул, знакомый М.Л. Слонима.

535

Д.Г. Резников.

536

Ср. запись в НСТ (с. 300–301):

Три сна о Б.П.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru (вкратце)

1) Звонок по телефону в окно к жене. – «Нет и не будет». – Снежные московские переулки. Отбиваемся от других. Идти некуда и время на счету.

2) Ищу его по всем пустым классам какого-то учебного заведения.

3) 25-го августа, утром. Приезжие советские. Статья Троцкого с картинками. Ободряющая советских, с одним о стихах, засыпаю, один другому – шепотом: – «Цветаева, ну, знаешь – стихи Белого*». Я, просыпаясь: – Как тихо не говорите – я всё слышу.

* Очевидно, речь идет о стихотворении А. Белого «Марине Цветаевой», опубликованном в первоначальной редакции в журнале «Эпопея» (1922. № 2), а в новой редакции вошедшем в его сборник «После разлуки» (1922).

537

См. финал очерка Цветаевой «Герой труда» (1925; сс-4).

538

В своем первом письме к Рильке (9 мая 1926 г.) Цветаева утверждала, что, когда уезжала из России в эмиграцию, взяла его книги с собой; сказанное здесь прямо опровергает эти слова. В том же письме Цветаева упоминала, что впервые прочитала сборник «Ранние стихотворения» («Die frühen Gedichte») в Праге. Известно также, что в первый день после переезда из Берлина в Прагу Цветаева купила там сборник Рильке «Книга образов» («Das Buch der Bilder»); на экземпляре Цветаевой есть владельческая надпись: «Марина Цветаева. Прага, 1-го нового августа 1922 г. – первый день, – 2» (РГАЛИ. Ф. 1190, оп. 2, ед. хр. 142).

539

Речь идет об индийском писателе Рабиндранате Тагоре (1861–1941).

540

См. коммент. 4 к письму к Б.Л. Пастернаку от 10–14 июля 1925 г.

541

Издание не состоялось.

542

Цветаева ошибается. Председателем Союза русских писателей и журналистов в Париже был в то время П.Н. Милюков.

543

Вечер, на котором Цветаева читала свой очерк о В.Я. Брюсове «Герой труда», состоялся 22 октября 1925 г в Чешско-русской Едноте.

544

Карницкая Н.К. См. коммент. 7 к письму к О.Е. Колбасиной-Черновой от 4 апреля 1925 г.

545

Ольга Чернова.

546

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
В.М. Чернов.

547

В.М. Зензнов состоял членом Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции.

548

Главу «Октябрь» из книги С. Эфрона «Записки добровольца» (На чужой стороне. 1925. № 11) Ю. Айхенвальд назвал «яркой и живой» (Руль. 1925. 30 сент.).

549

М.Л. Слоним.

550

Летом 1909 г. Цветаева училась в Alliance Française (курсы французского языка и литературы для иностранцев) в Париже. В письме к В.Н. Буниной она позднее вспоминала:

«...мне даже было 16 лет, когда я впервые и одна была в Париже. Я не привезла ни одной шляпы, но привезла: настоящий автограф Наполеона (в Революцию – украли знакомые) и настоящий северский бюст Римского Короля. И пуд книг – вместо пуда платья. И страшную тоску внутри, что какая-то учительница в Alliance Française меня мало любила. Вот мой Париж – на полной свободе...» (СС-7. С. 280).

551

Пражский рыцарь. – Памятник легендарному герою чешского народа рыцарю Брунsvику, установленный в Праге, под Карловым мостом, над Влтавой. Н.А. Еленев. искусствовед и историк, в своих воспоминаниях рассказывает:

«Однажды я показал Марине пражский Карлов мост с его статуями, рассказал ей его историю и легенды, связанные с этим замечательным архитектурным созданием средневековья. На одном из мостовых устоев высится изваяние так называемого пражского Роланда, иначе – Брунцвика.. Пражский рыцарь, сооруженный в конце XV столетия, уничтоженный шведским обстрелом города в 1648 году и возобновленный... в 1884 году Людвигом Шимеком, понравился Марине больше всего. Стройная фигура юноши в доспехах, с поднятым мечом и щитом у ног отвечала ее вкусу.. Сказочный образ юного витязя, как всякая сказка, говорил Марине больше, чем история...» (Годы эмиграции. С. 38, 39). Цветаева считала, что «пражский рыцарь» похож на нее лицом, вспоминала о нем долгие годы. Статуе пражского рыцаря на Карловом мосту посвящено стихотворение Цветаевой «Пражский рыцарь» (СС-2, с. 228).

552

О переезде А.И. Андреевой в Париж см. письмо к А.А. Тесковой от 26 октября 1925 г. Старший. – Савва Леонидович Андреев. См. коммент. 3 к письму к П.П. Сувчинскому от 4 сентября 1926 г.

553

Стихотворение «Димитрий! Марина! В мире...» (1916), опубликованное ранее в сборнике «Версты 1» (1922). См, СС-1.

554

О первом парижском вечере Цветаевой см. коммент. 4 к письму к А.А. Тесковой от 7 декабря 1925 г., письмо к П.П. Сувчинскому от 25 января 1926 г. и коммент. 1 к нему и др.

555

Цебриков Георгий Владимирович (1940 – после 1966) – писатель. В 1925 г. посвящен в сан дьякона. Прямого отношения к редактированию журнала «Благонамеренный» не имел, но выполнял иногда поручения редактора. В первом номере журнала были

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru напечатаны три его рассказа.

556

В первую очередь, это О.Е. Колбасина-Чернова. Узнав о намерении Цветаевой переехать в Париж, Ольга Елисеевна приняла деятельное участие в связанных с этим приготовлениях. «Париж представляется мне источником всех чудодейственных бальзамов, которые должны залечить все Маринины ... обретенные в Чехии от верблюжьего быта и пр., пр., и пр.». – писал С.Я. Эфрон О.Е. Колбасиной-Черновой незадолго до отъезда Цветаевой из Чехии (цит. по: СС-6. С. 755).

557

Название журнала – «Благонамеренный» – восходит к одноименному журналу, издававшемуся в пушкинские времена А.Е. Измайловым. В редакционном «философическом обосновании благонамеренности» утверждалось, в частности, что «искусство есть уход от середины» и что главное обоснование «Благонамеренного» в том, что «печатающиеся в нем сотрудники имеют собственное основание благонамеренности».

558

...один... критик... – Речь идет о статье «Поэзия ритмов» А.В. Бахраха (Дни. 1923. 8 апр.). См. также письма к нему (Письма. 1905–1923). ...остальные приняли. – О «Ремесле» Цветаевой, кроме А.В. Бахраха, писали: В. Лурье, В. Ходасевич, Г. Струве, С. Бобров, Е. Зноско-Боровский (см. в кн.: Родство и чуждость).

559

Бабушка М.И. Цветаевой по материнской линии, М.Л. Бернацкая, титула не имела. Возможно, речь идет о прабабке Цветаевой по матери графине Марии Ледуховской.

560

См. коммент. 1 к письму к Д.А. Шаховскому от 6 октября 1925 г. Это стихотворение в «Благонамеренном» (№ 1) было опубликовано под названием «Марина». См. также письмо к Д.А. Шаховскому от 15 ноября 1925 г.

561

Ремизова Серафима Павловна (урожд. Довгелло: 1876–1943) – жена А.М. Ремизова, палеограф. С 1921 г. за границей. В школе восточных языков в Париже читала курс по славянско-русской палеографии.

562

Речь идет о так называемых Обезьяньих грамотах, которые А.М. Ремизов выдавал «членам» мистифицированного общества «Обезьянья Великая и Вольная Палата», созданного им же в начале XX в. и объединившего многих представителей русской литературы, науки и культуры первой половины этого столетия. Была ли выдана такая грамота Цветаевой, мы не знаем (скорее всего нет). Известна лишь грамота, выданная С.Я. Эфрону в мае 1926 г. (РГАЛИ. ф. 2505, оп. 1, ед. хр. 31). Подробнее см.: Обатнина Е.Р. Царь Асыка и его подданные. Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001.

563

См. письма О.Е. Колбасиной-Черновой от 2 ноября 1924 г. и 14 августа 1925 г. и коммент. 13 и 2 к ним соответственно. Замысел Цветаевой написать статью о Жозефе Кесселе осуществлен не был.

564

М.Л. Заблоцкий См. коммент. 2 к письму к Е.А. Ляцкому от 18 декабря 1924 г.

565

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
См. коммент. 3 к письму к Б.Л. Пастернаку от 10–14 июля 1925 г., а также письмо к О.Е. Колбасиной–Черновой от 27 декабря 1924 г.

566

Вильсонов вокзал – главный вокзал в Праге. Назван в честь американского президента Вудро Вильсона, памятник которому был установлен в парке перед вокзалом (снесен фашистами в 1941 г. после вступления США во Вторую мировую войну).

567

Со стороны матери Цветаева происходила из аристократического польского рода. См. письмо к А.А. Тесковой от 26 января 1934 г. и коммент. к нему. СС-6. С. 410. Жорж Санд (наст. имя и фам. Аврора Дюпен, в замуж. Дюдеван; 1804–1876) – французская писательница. Один из любимых авторов Цветаевой в юности, из числа, по ее словам, «наших родных писателей, не менее, чем им современных русских» (СС-4. С. 212).

568

Л.Е. Чирикова.

569

А.А.Тескова жила с матерью и сестрой.

570

Ср. позднюю запись Цветаевой в тетради:

«Не забыть – нет, не няню, доброго гения, фею здешних мест – Анну Антоновну Тескову. Приехавшую с огромной довоенной когда-то традиционной коробкой шоколадных конфет – в два ряда, без картона, без обмана» (НСТ. С. 335).

571

Письмо, адресованное редакции «Последних новостей», фактически предназначалось Андрею Седых, литературному редактору газеты.

572

Анонимное сообщение, о котором пишет Цветаева, поместил в газету А.М. Ремизов. Об этой мистификации Андрей Седых позже писал:

«Ремизов всю жизнь любил мистифицировать, вечно что-нибудь придумывал. Иногда присылал мне для „Календаря писателя“ материал о несуществующих поэтах и книгоиздательствах: а вдруг напечатаю? Иногда печатали. Пришла однажды невинная по-виду заметка. „Переехавшая на постоянное жительство в Париж поэтесса Марина Цветаева становится во главе ежемесячного журнала „Щипцы“. Журнал будет посвящен, главным образом, печатанью стихов, но в первом номере появится новая повесть Ф. Степуна „Утопленник“.“

На следующий день – яростное письмо от Марины Цветаевой, – письмо это до сих пор хранится у меня; никакого журнала „Щипцы“ она издавать не собирается. Степун повести „Утопленник“ не написал, – все это злобедная шутка, игра с ее именем.

Пришлось ехать к Цветаевой с извинениями» (Годы эмиграции. С. 378–379).

573

14 ноября 1925 г. в «Последних новостях» появилась «Поправка»:

«Нас просят сообщить, что заметка о М.И. Цветаевой и Ф.А. Степуне, помещенная в четверговом „Дневнике писателя“ не соответствует действительности. М.И. Цветаева приехала в Париж только на короткий срок и к редактированию журнала „Щипцы“ никакого отношения не имеет»

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

574

См. письмо к Д.А. Шаховскому от 10 октября 1925 г., в котором Цветаева предложила написать что-нибудь для очередного номера журнала на тему о княжеском титуле.

575

Ср. стихотворный цикл «Князь тьмы» (1917) в СС-1.

576

Об истории с журналом «Щипцы», мистифицированной А.М. Ремизовым, см. письмо к А. Седых от 12 ноября 1925 г. и коммент. 2 к нему.

577

См коммент. 10 к письму к О.Е. Колбасиной-Черновой от 16–17 ноября 1924 г.

578

Князь Ф.Ф. Юсупов имел зал, предназначенный для спектаклей любительской театральной студии (27, rue Gutenberg).

579

Малявин Филипп Андреевич (1869–1940) – русский живописец. С 1922 г. жил в эмиграции. В своем парижском ателье (73, rue de Vignes) устраивал приемы и вечера.

580

Правильно: Цетлины. См. письма к М.С. Цетлиной (письма 1905–1923).

581

«Ковчег», вышедший в Праге, в котором была напечатана «Поэма Конца». О «Ковчеге» см. подробнее в письмах Цветаевой к В.Ф. Булгакову и комментариях к ним. В рецензии на этот сборник Г.П. Струве выделил поэму Цветаевой как единственное значительное произведение во всей книге (Возрождение. Париж. 1926. 21 янв.).

582

П.Б. Струве, переселившись в Париж, чтобы редактировать газету «Возрождение», часто ездил в Прагу.

583

С.Я. Эфрон в это время заканчивал диссертацию в Пражском университете: через месяц он воссоединился с семьей в Париже.

584

Юлия – жена Г.П. Струве. (См. письмо к ней от 30 июня 1923 г. письма 1905–1923). Сонная девочка и бессонный мальчик – дети Г.П. и Ю.Ю. Струве, Марина и Андрей (р. 1924).

585

Данный отзыв Цветаевой относится, очевидно, к книгам Рильке «Duineser Elegien» («Дуинезские элегии») и «Die Sonette an Orpheus» («Сонеты к Орфею»), увидевшим свет в 1923 г. См. также письма к Р.М. Рильке от 12 и 13 мая 1926 г.

586

«Крысолов». Последние главы поэмы были помещены в журнале «Воля России» (№ 12, 1925; № 1, 1926).

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

587

Первого ноября семья Цветаевой прибыла в Париж. Письма Цветаевой и Али к Тесковой, в которых все это было описано, не сохранились. С.Я. Эфрон вскоре вернулся в Прагу по делам, связанным с изданием журнала «Своими путями». А.А. Тескова с горечью писала позже А.Л. Бему: «Жутко мне, когда уезжают те из русских, к которым успела привязаться искренней дружбой» (Письмо от 9 октября 1928 г. Архив А.Л. Бема).

588

«Крысолов» – поэма Цветаевой, была начата еще в Чехословакии, во Вшенорах. Последняя глава поэмы (шестая, «Детский рай») была завершена уже в Париже. По главам публиковалась в журнале «Воля России» (1925. № 4–8, 12; 1926. № 1).

589

Собор Парижской Богоматери в Париже.

590

Речь идет об организации первого творческого вечера Цветаевой в Париже. Вечер, сроки которого несколько раз переносились, состоялся 6 февраля 1926 г. в помещении Союза молодых поэтов и писателей (79, rue Dentert-Roehereau). (Хроника I. С. 234–235). Подробнее см. письма к В.Ф. Булгакову от 18 января 1926 г., письмо к П.П. Сувчинскому от 25 января 1926 г. и письмо к Л.И. Шестову от 8 февраля 1926 г. и коммент. к ним.

591

По приезду в Париж Цветаева первое время жила на rue Rouvet, 8 (на севере города). Хозяйка квартиры О.Е. Колбасина-Чернова помогла Эфронам с получением визы, прислала денег на дорогу. (См. письма к ней и коммент. к ним.) «Лондонские трущобы» («Люди бездны», 1903) – книга репортажей о жизни бедняков в трущобах английской столицы Джека Лондона (1876–1916).

592

Кубковский мальчик – по-видимому, речь идет о сыне Ф. Кубки.

593

Статья А.В. Черновой «В огонь-синь». (См. письмо к О.Е. Колбасиной-Черновой от 14 августа 1925 г.) Первоначально рецензия предназначалась для газеты «Дни», но была отвергнута редактором литературного отдела В.Ф. Ходасевичем как «убогая» (Биография юности. С. 186).

594

По приглашению Д.А. Шаховского А.М. Ремизов собирался ехать в Брюссель, где устраивалось его выступление. См. также письмо к Д.А. Шаховскому от 24 декабря 1925 г.

595

Т.е. дневниковые записи 1919 г. «О благодарности», опубликованные Д.А. Шаховским в № 1 «Благонамеренного».

596

Датируется по содержанию (установлено Е.И. Лубянской).

597

Алёнушка дочь Л.Е. Чириковой, Елена Борисовна Валенштайн (р. 1923 г.).

598

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Речь идет о сестрах Черновых, Наталье и Ольге. См. письма к О.Е. Колбасиной–Черновой и ее дочери Ариадне.

599

Правильное название организации: Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции.

600

Первое пособие, полученное Цветаевой после переезда в Париж.

601

У О.Е. Колбасиной–Черновой было три дочери. Сестры–близнецы Ольга Викторовна (в замуж. Андреева; 1903–1979) и Наталья Викторовна (в замуж. Резникова, 1903–1992), дочери Колбасиной–Черновой от первого брака с художником М.С. Федоровым, носили фамилию и отчество Виктора Михайловича Чернова. Речь в письме Цветаевой идет об одной из них (предположительно об Ольге). Наталья Чернова (Резникова) вспоминала о Цветаевой с большой теплотой (Годы эмиграции. С. 191–198). Третья дочь, Ариадна Викторовна, в это время находилась еще в Праге. См. письма к А.В. Черновой.

602

Цветаева, видимо, имеет в виду комнату для себя одной. Семье же Цветаевой была выделена отдельная комната. Н. Резникова вспоминала:

«Квартира наша в 19–м округе была новая (в новом доме), чистая и светлая... Из трех комнат одну, со светлыми обоями, мы дали Марине Ивановне с детьми...» (Годы эмиграции. С. 193–194);

об этом же см. у В.Б. Сосинского:

«Ольга Елисеевна Колбасина–Чернова.. отдала (Цветаевой. – л.м.) в своей трехкомнатной квартире лучшую, самую вместительную комнату, освободив гостей от квартплаты...» (Там же. С. 178).

603

Лицо неустановленное.

604

Лицо неустановленное.

605

25 декабря 1925 г., в один день, была опубликована проза Цветаевой: в газете «Последние новости» «Из дневника», в газете «Дни» – «О любви».

606

«Ковчег». О работе над сборником Цветаевой в качестве редактора см. ее письма к В.Ф. Булгакову. См. коммент. 5 к письму к И.Ф. Каллиникову от 27 января 1925 г. Отзыв в «Днях» о «Ковчеге». – Подписанный инициалами «С.К.», отзыв появился в воскресном номере «Дней», 20 декабря 1925 г. По словам критика, «написанная в Праге „Поэма Конца“ М. Цветаевой, где тема перешагнула географические границы, ибо вне времени и вне рубежа, – тем не менее будет причислена к одним из лучших русских произведений, написанных за последние годы».

Что касается неувязки даты написания письма (19 декабря) с датой выхода газеты (20 декабря), то либо Цветаева дописала письмо на следующий день (т.е. когда газета вышла) и она смогла прочесть отзыв, либо она имела возможность просмотреть воскресный номер газеты накануне, например, непосредственно в редакции. (В письме: «Только что сдала в „Дни“ и „Последние новости“ рождественскую прозу...»).

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

607

«Венеция» – стихотворение Д.А. Шаховского в «Современных записках» опубликовано не было; вошло в его сборник «Предметы» (Брюссель, 1926).

608

Руднев – один из редакторов «Современных записок». См. коммент. 6 к письму к А.А. Тесковой от 24 сентября 1926 г.

609

С.П. Ремизова-Довгелло.

610

О.Е. Колбасина-Чернова.

611

...невесту Владимира Соловьева... – Имеется в виду его двоюродная сестра, Екатерина Владимировна Романова (в замуж. Селевина; 1855–1928). В 1938 г. в «Современных записках» (№ 66) А.М. Ремизов напечатал очерк под названием «Философская натура. Владимир Соловьев – жених», в котором на основании выдержек из писем Соловьева к Е.В. Романовой рассказал о жениховстве Соловьева.

612

Стихотворение «Попытка ревности» (1924) было опубликовано 17 декабря 1925 г. М.Л. Слоним считал, что это стихотворение обращено к нему. (См. коммент. 8 к письму к О.Е. Колбасиной-Черновой от 27 декабря 1924 г.) Возможно, он и был автором стихотворного ответа на «Попытку ревности», о котором пишет Цветаева. Подтверждения этому не обнаружено. В «Последних новостях» ответное стихотворение не появлялось.

613

В «Последних новостях» (25 декабря) была опубликована проза «Из дневника» («Грабеж», «Расстрел царя», «Покушение на Ленина», «Чесотка», «Fräulein», «Ночевка в коммуне», «Воин Христов»); в «Днях» (25 декабря) напечатано – «О любви. (Из дневника 1917 г.)». (См. СС-4.)

614

На конкурс было послано стихотворение «Старинное благоговенье» (1920), однако жюри в составе З. Гиппиус, Г. Адамовича и К. Мочульского отдало предпочтение довольно слабому стихотворению «О любви», автором которого оказался Д. Резников.

По поводу конкурса и решения жюри Г. Адамович позже писал:

«Помню, что в полном тройственном согласии мы забраковали, как совсем негодное, стихотворение Марины Цветаевой, присланное по условиям конкурса, без подписи. ... Цветаева, однако, долго не могла прийти в себя от возмущения и даже писала письма в редакцию „Звена“, требуя огласки происшествия... Не оправдываю в данном случае ни себя, ни других членов жюри, но думаю, что при анонимном просмотре стихов повторения подобных историй неизбежны, и что ничего особенно позорного в нашей оплошности не было. К тому же и присланное Цветаевой стихотворение было действительно вяло и маловразумительно, при всей обычной напускной напористости, с восклицательными знаками чуть ли не в каждой строке» (Адамович Г. Одиночество и свобода. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955. С. 157).

615

Отзыв о сборнике «Ковчег» (Прага, 1926) был написан Д.А. Шаховским и помещен за подписью «Ш» в № 1 журнала «Благонамеренный». В этом отзыве автор, в частности, дал высокую оценку цветаевской «Поэме Конца»:

«Каким-то чудом (чудом рождения, вероятно!) похищено перо у сказочной Птицы

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru русской народной песни, и пишутся, пером этим, „цивилизованные“ – сюжетно и формально – стихотворения. Вместо того, чтобы поздравить „цивилизацию“ ... некоторые критики разводят руками» (С. 160–161).

О содержании и авторах «Ковчег» см. письмо к О.Е. Колбасиной–Черновой от 8 января 1925 г., а также письма к В.Ф. Булгакову.

616

В отзыве на «Ковчег» Ю. Айхенвальд писал:

«...отметим наиболее интересные страницы сборника. К сожалению, для этого надо пройти мимо „Поэмы конца“ Марины Цветаевой, – поэмы, которой, по крайней мере, пишущий эти строки просто не понял; думается, однако, это и всякий другой будет ее не столько читать, сколько разгадывать, и даже если он окажется счастливее и догадливей нас, то свое счастье он купит ценою больших умственных усилий» (Руль. 1925. 9 дек.).

617

С ноября 1918 г. до второй половины апреля 1919 г. Цветаева проработала в Информационном отделе Народного комиссариата по делам национальностей, (Наркомнаце). См. об этом ее дневниковую прозу «Мои службы» (СС-4), а также: Коркина Е.Б. Летопись жизни и творчества М.И. Цветаевой. Ч. I. 1892–1922. М.: Дом-музей Марины Цветаевой. 2012. С. 125, 126, 129.

618

Выдержки из дневника 1919 с «О Германии» были опубликованы в газете «дни» (1925, 13 дек.).

619

В письме к М.И. Цветаевой от 26 декабря 1925 г. Д.А. Шаховской высказал мысль о том, что контроль художника над своим творчеством «парадоксально дает ему новую широту и свободу более волшебную, чем рожденную из творческой безудержности», которая, по его мнению, была характерна для Цветаевой. Культивирование ею такой безудержности, «любование своим даром» он назвал «гутированием» (от фр. *gouter* – наслаждаться) (Биография юности. С. 405–406).

620

См. письма к Д.А. Шаховскому от 7 и 24 декабря 1925 г. и коммент. к ним (3 и 7 соответственно).

621

В отрывке из дневника «О любви» есть диалог между Цветаевой и Антокольским о любви (см. СС-4. С. 482–484). По этому поводу Шаховской писал в цитирувавшемся выше письме:

«Но „Разговор с Антокольским“ – романтизм, бессодержательность которого я не ощущаю, нет, я просто вдыхаю (полостью рта, легкими)» (Там же. С. 406).

622

Эту мысль Цветаева развивает в главе «Для кого я пишу» своего эссе «Поэт о критике», напечатанном в № 2 журнала «Благонамеренный» (см. СС-5. С. 286–287).

623

Несколько дней спустя, в феврале 1926 г., В.Ф. Булгаков обратился к Советскому правительству с просьбой разрешить ему вернуться в Россию. Он намеревался принять участие в подготовке празднования 100-летнего юбилея со дня рождения Л.Н. Толстого, в редактировании его полного собрания сочинений, в реорганизации толстовского музея и пр. При этом Булгаков обещал отказаться от любых политических или антиправительственных выступлений. В мае Булгаков получил из Москвы отказ ВЦИК (За Свободу Варшава. 1926. 9 мая. Лит. прилож.).

624

Шираз город в Иране (был столицей государства в XVIII в.).

625

«М.И. Цветаева получала ежемесячное пособие от чехословацкого правительства. Литераторы, получавшие такое пособие, должны были проживать в Чехословакии. Выезд разрешался лишь на срок 2–3, много 4 месяцев. М.И. желала, чтобы этот срок был продлен для нее. Это было сделано» (примеч. В.Ф. Булгакова).

В письме, также датированном 2 января, С. Эфрон пишет Булгакову, прося его похлопотать об этом «иждивении» и сохранить его до осени:

«У Марины есть возможность в Париже устраивать свои литературные дела гораздо шире, чем в Праге. Кроме того, здесь есть среда, вернее несколько человек, Марине по литературе близких. Если чехи пообещают, можно будет Марину отправить на месяц-два к морю. Она переутомлена до последнего предела. Живем здесь четвером в одной комнате... Марина, Вы знаете, человек напряженнейшего труда. Обстановка, ее окружавшая была очень тяжелой. Она надорвалась. Ей необходимо дать и душевный и физический роздых... Вы знаете жизнь Марины, четырехлетнее пребывание ее в Мокропсах и Вшенорах, совмещение кухни, детской и рабочего кабинета... Марина, может быть, единственный из поэтов, сумевшая семь лет (три в России, четыре в Чехии) прожить в кухне и не потерявшая ни своего дара, ни работоспособности. Сейчас отдых не только ее право, а необходимость» (Соч. 88. Т. 2. С. 619).

626

В упомянутом выше письме С.Я. Эфрон писал:

«Русский Париж, за маленьким исключением, мне очень не по душе. Был на встрече Нового Года, устроенной политическим Красным Крестом. Собралось больше тысячи „недорезанных буржуев“, пресыщенных и вяло-веселых (всё больше – евреи), они не ели, а жрали икру и купались в шампанском. На эту же встречу попала группа русских рабочих в засаленных пиджаках, с мозолистыми руками и со смущенными лицами. Они сконфуженно жались к стене, не зная, что делать меж смокингами и фраками. Я был не в смокинге и не во фраке, а в своем обычном синем костюме, но сгорел со стыда. Потом рабочие перепились, начали ругаться и чуть было не устроили погрома. Их с трудом вывели» (Там же. С. 619).

627

Булгакова Анна Владимировна (до замужества Цубербилер; 1896–1964), учительница; старшая дочь Татьяна (р. 1921).

628

Статью «Поэт о критике».

629

Письмо является припиской к письму С.Я. Эфрона к В.Ф. Булгакову.

630

Речь идет о Викторе Сергеевиче Миролюбоме (1860–1939) – журналисте, издателе и редакторе. В России издавал «Журнал для всех». М. Цветаева и С. Эфрон отвечают на письмо Булгакова, в котором последний описал свой конфликт с издательством «Пламя»:

«Я подробно, и отчасти в комической форме, описал свой конфликт с издательством Пламя. Это русско-чешское кн-во решило, в виду трудности сбыта, прекратить издание русских книг и при этом вернуть авторам даже те рукописи, которые были уже приняты. Я был одним из таких авторов: изд-вом, в лице прежнего его редактора проф. Е.А. Ляцкого. была принята и давно уже оплачена моя рукопись „Глагол неба“ (антология русской религиозной поэзии). Не требуя от меня, как и с других

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru авторов, возвращения гонорара, изд-во, в лице его нового временного редактора В.С. Миролюбова, мотивировало отказ от рукописи не своими расстроенными делами (как это было на самом деле), а недостатками самой рукописи. При личных объяснениях со мной г. Миролюбов вел себя, с моей точки зрения, в высшей степени двусмысленно и предосудительно. Возмущенный его поведением, я категорически потребовал от кн-ва Пламя или формального извинения передо мною за действия своего сотрудника Миролюбова (ввиду его отказа принести личное извинение) либо обратного приема моей рукописи. Глава издательства консул Иосиф Гайный исполнил второе из моих требований.

Впрочем, через несколько месяцев, после того как г. Миролюбов покинул свою службу в кн-ве Пламя и уехал из Праги, я добровольно взял свою рукопись обратно из издательства».

По этому поводу С. Эфрон пишет Булгакову:

«Дорогой Валентин Федорович,

с восторженным удовлетворением прочел Ваше письмо. Вы прекрасно выполнили то, что Вам надлежало выполнить. Миролюбов посрамлен, Гайный, очевидно, стал на Вашу сторону (что очень важно и приятно), а Вы получили удовлетворение в самой выгодной форме. В Париже узнал многое о М., должествующее укрепить Вас на Вашей позиции. Оказывается, он был бичом всех редакций, в к-ых принимал участие. Последними его выживали эсеры из своей газеты и с большим трудом и скандалом выжили. Единственная его заслуга (и очень весомая) в том, что в „Журнале для всех“ впервые начали печататься Ремизов, А. Блок, Бальмонт и др. Этим он страшно возгордился и отсюда его сумасшедшее высокомерие. Его поведение во время разговора с Вами недопустимо позорное...» (Письма Валентину Булгакову. С. 32).

631

В 1905 г. м. Цветаевой было 13 лет.

632

Цветаева благодарит Булгакова за его хлопоты по продлению ей чешской стипендии. См. предыдущее письмо.

633

О первом парижском вечере Цветаевой 6 февраля 1926 г. см. письма от 25 января 1926 г. к П.П. Сувчинскому и к Л. Шестову и коммент. к ним.

634

Речь идет о статье А. Яблоновского «Есенин», написанной в связи со смертью поэта (Возрождение. 1925. 31 дек.), и «Литературных беседах» Г. Адамовича (Звено. 1926. 10 янв.). «Пьяный, дикий, разнузданный и морально растерзанный, но талантливый, несомненно талантливый», – писал о Есенине А. Яблоновский. См. также «Поэт о критике» и «Цветник» (СС-5).

635

См. коммент. 1 к письму в Комитет помощи от 11 декабря 1925 г.

636

Начиная с 1924 г., ежегодно в канун Старого Нового года (13 января). Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции проводил писательские вечера (в 1930-е гг. их уже организовывал под названием «Балы прессы» Союз русских писателей и журналистов в Париже), в программе которых были выступления известных артистов и писателей, розыгрыши в лотерею картин, пожертвованных русскими художниками и др. Неизменным местом проведения балов был отель «Lutetia», один из самых респектабельных в Париже. Средства, вырученные Комитетом от этих вечеров, шли на пособия нуждающимся русским писателям, журналистам, ученым. О таком пособии и хлопотала Цветаева.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
637
Описка Цветаевой в отчестве адресата. Правильно: Морицевна.

638

О вечере Цветаевой, который состоялся 6 февраля 1926 г., см. письмо к Л. Шестову от 25 января 1926 г. и коммент. 1 к письму к П.П. Сувчинскому от того же дня.

639

Речь идет о выходе первого номера журнала.

640

Речь идет об организации творческого вечера Цветаевой в Париже, стоившего ей большого нервного напряжения и многих унижений: надо было выпросить помещение (которое никто не хотел давать бесплатно), найти распорядителя вечера, отпечатать и распространить билеты. Чтобы вечер оказался успешным в финансовом отношении, приходилось просить влиятельных друзей распространить специальные дорогие билеты среди меценатов-толстосумов (Цветаева называет их в письме буржуями). Об этом же писал С. Эфрон:

«...резкое недоброжелательство почти всех русских и еврейских барынь, от которых в первую очередь зависит удача распространения билетов. Все эти барыни, обиженные нежеланием Марины пресмыкаться, просить и пр., отказались в чем-либо помочь нам» (письмо С. Эфрона к В.Ф. Булгакову от 9 февраля 1926 г.; РГАЛИ. Ф. 2226, оп. 1, ед. хр. 1253, л. 5).

См. также письмо к Л. Шестову от 25 января 1926 г.

В архиве П.П. Сувчинского сохранился пригласительный билет на вечер с исправленной от руки датой (первоначально стояло – 23 января):

LA SOIARÉE

de

M-me MARINA TSVETAEVA

le 6 février 1926

à l'Union de Jeunes Écrivains et Poètes Russes

79, rue Denfert-Rochereau

641

Речь идет о М.Л. Слониме, который направлялся в США для чтения лекций и сбора средств в пользу политзаключенных в России.

642

Датируется по содержанию.

643

В знаменитое фотоателье П. Шумова Цветаеву с дочерью сразу после их приезда в Париж привел В. Сосинский, одно время в нем работавший. Было сделано несколько художественных фотопортретов: Цветаева – 3, Аля – 1, Цветаева с дочерью – 1. Все они хорошо известны, множество раз воспроизводились. См.: Цветаева М.И. Фотолетопись жизни поэта. Альбом / Сост. А.А. Саакянц, Л.А. Мнухин. М.: Эллис-Лак, 2000. С. 184–186.

644

См. коммент. 1 к письму к П.П. Сувчинскому от 25 января 1926 г.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
645

Л. Шестов и И.А. Бунин были связаны помимо дружеских отношений родством и дружбой их жен (Анны Елеазаровны Березовской и Веры Николаевны Буниной).

646

См. также письмо к В.Ф. Булгакову от 18 января 1926 г.

647

См. отзыв о вечере С.Я. Эфрона:

«...Это был не успех, а триумф. Марина прочла около сорока стихов. Стихи прекрасно доходили до слушателей и понимались гораздо лучше, чем Марина редакторами („Современные записки“, „Последние новости“, „Дни“ и пр.). После этого вечера число Марининых недоброжелателей здесь возросло чрезвычайно. Поэты и поэтики, прозаики из маститых и не-маститых негодуют» (Соч. 88. Т. 2. С. 620).

В.Б. Сосинский писал об этом вечере своей невесте – будущей жене – Ариадне Викторовне Черновой:

«1926, 7 февраля

Все до сегодняшнему утра живут вчерашним вечером. Как радостно на Rouvet! Огромная прекрасная победа Марины Ивановны. Привожу себя в порядок, чтобы суметь рассказать... К 9 часам весь зал был полон – публика же продолжала наплывать. Около кассы – столпотворение. Отчаявшийся, потерявший всякую надежду – кассир Дода Д.Г. Резников, растерянные, разбиваемые публикой контролеры – застрявшие между стульев – навеки! распорядители. Картина грандиозная! Марина Ивановна не может пройти к своей кафедре. Мертвый, недвижимый комок людей с дрожащими в руках стульями над головами затер ее и Алю. Марине Ивановне целуют руки, но пропустить не в силах. Вова Познер, балансируя стулом, рискуя своим талантом, жизнью, сгибается к руке М.И. Чей-то стул – из рук – пируэтом – падает вниз – на голову одной, застывшей в своем величии даме. Кто-то кому-то массирует мозоли, кто-то кому-то сел на колени. В результате – великая правда Божья: все, купившие пятифранковые билеты, сидят: все Цетлины. Познеры – толкуются в проходах. Марина Ивановна всходит на высокую кафедру. Наше черное платье с замечательной бабочкой сбоку, которую вышила Оля. Голова М.И., волосы, черное платье, строгое, острое лицо – говорят стихи заодно с готическими окнами – с капеллой. Читала М.И. прекрасно, как никогда. Каждый стих находил свой конец в громких ладонях публики (!). Публика оказалась со слухом, почти все знали стихи М.И. – сверх ожидания воспринимала почти правильно. Движение проявлялось в тех местах, где сочетания слов были ясны для всех, иногда даже в тех местах, где звучал интересный ритм, воспринимавшийся вне смысла. М.И. читала вначале стихи о Белой Армии. Во втором отделении – новые стихи. Все искали глазами Алю, она сидела на ступеньке – у рояля – весь вечер. Рядом с ней – почти на полу – Шестов; на стуле: Алексей Михайлович Ремизов шепотом Шестову: „Вон тот жук черный, кудлатый – на Оле Черновой недавно женился“. Весь вечер – апология М.И. Большой, крупный успех. Отчетливо проступило: после Блока – одна у нас здесь – Цветаева. Сотни людей ушли обратно, не пробившись в залу, – кассу закрыли в 9½ часов, а публика продолжала валом валить. Милюков с женой не могли достать места. Руднев, Маклаков – стояли в проходе. Кусиков с тремя дамами не добился билетов. (Упоминаю о Кусикове, ибо он специалист в этой области) Сергей Яковлевич, бросив все, бегал по дворику, куря папиросу за папиросой. Да, Адя, видел своими глазами – у многих литераторов вместо зависти – восторг. Как хорошо! Если бы навсегда можно было заменить зависть восторгом. На Rouvet радость... длится до сегодняшнего дня... Солнце в „звончатом огне“, нежданный гость – завершает вчерашний день. Я завершаю его – письмом к Тебе...» (Годы эмиграции. С. 376–377).

См. также отзывы в газете «Руль» (1926, 12 февр.). еженедельнике «Звено», (1926, 14 февр.). «Последних новостях» (1926, 21 марта).

648

Статья «Поэт о критике».

649

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Как видно из письма, Д.А. Шаховской приезжал в Париж и состоялось его личное знакомство с Цветаевой.

650

Цветаева предпослала стихотворению «Старинное благоговенье» посвящение «Кн. Д.А. Шаховскому» (которое при публикации в № 2 журнала «Благонамеренный» было редактором снято), а также сделала примечание: «Стихи, предоставленные на конкурс „Звена“ и не удостоенные помещения».

651

Приписка к письму С.Я. Эфрона, в котором речь идет о будущем названии для готовившегося журнала (впоследствии «Версты»). Датируется по содержанию.

652

Название «Орда» предложил А.М. Ремизов в письме Сувчинскому от 9 февраля. Затем, 12 февраля, он добавил к своему предложению новый вариант: «Ясак». А когда Сувчинский придумал название «Версты», возражал ему в письме от 23 февраля: «...лучше крепкое ВЕРСТА» (архив П.П. Сувчинского). Д.П. Святополк-Мирский, со своей стороны, предлагал Сувчинскому назвать журнал «Улус» или «Ясак» (письмо от 8 февраля; архив П.П. Сувчинского). О журнале и его названии см. коммент. 2 к письму к П.П. Сувчинскому от 29 марта 1926 г. и коммент. 1 к письму к А.А. Тесковой от 9 мая 1926 г.

653

Название сборника стихов Н. Гумилева, вышедшего двумя изданиями (Севастополь: Цех Поэтов [1921]; Ревель, Библиофил, 1922). Севастопольское издание последняя книга, увиденная автором при жизни.

654

Стихотворение М. Цветаевой. «Петру» (обращено к Петру I), включенное позднее в сборник «Лебединый стан». См. также письмо к П.П. Сувчинскому от 29 марта 1926 г. и коммент. 3 к нему.

655

К статье «Поэт о критике» был приложен «Цветник» – собрание противоречивых высказываний критика Г. Адамовича на литературные темы, в том числе о работах Цветаевой.

656

В письме к Цветаевой от 22 февраля 1926 г. Шаховской просил пристать статью к 24 февраля.

657

О причинах, по которым Цветаева настаивала на корректуре, см. письмо к Д.А. Шаховскому от 3 марта 1926 г.

658

См. коммент. 1 к письму в Комитет помощи от 11 декабря 1925 г.

659

Датируется по содержанию и по местоположению среди других документов в архиве ВДИС.

660

Цветаева по-прежнему жила в квартире Черновых.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
661
О поездке Цветаевой в Лондон см. письма к П.П. Сувчинскому от 11 и 15 марта 1926 г.

662
Редакции журнала «Благонамеренный» не удалось уточнить авторство картины, и в тексте опубликованной статьи упомянут И.Е. Репин, у которого такой картины нет. Его известная картина изображала Пушкина читающим стихи на лицейском вечере. В 1899 г. им написана картина «Дуэль Онегина с Ленским», а в 1913 г. – картина «Дуэль», не относящаяся к Пушкину (Государственная Третьяковская галерея). Судя по описанию, Цветаева могла иметь в виду картину Н.Н. Шестопалова (1875–1954) «Дуэль Пушкина с Дантесом» или картину А.А. Наумова (1840–1895) «Дуэль Пушкина», которая висела в спальне ее матери (СС-5. С. 57, 665).

663
В «Поэте о критике» упоминается статья И.А. Бунина («Инония и Китеж»), в которой, по мнению Цветаевой, содержится хула на Блока и Есенина.

664
Речь идет об отзыве Д.Е. Резникова на книгу Н.А. Асеева «Поэмы» (М.; Л., 1925), напечатанном в № 2 журнала «Благонамеренный».

665
А.А. Воеводин – См. коммент. 2 к письму к О.Е. Колбасиной–Черновой от середины сентября 1925 г. Заметка «Пражская группа артистов Московского Художественного Театра» А.А. Воеводина была напечатана им в № 10/11 журнала «Своими путями» за 1926 г. (Этот номер Цветаева послала Д.А. Шаховскому вместе с письмом.) Негодование Цветаевой вызвано было, скорее всего, неграмотным языком автора заметки.

666
Руководителем журнала «Благонамеренный» был Григорий Соколов (однокашник Д.А. Шаховского по Лувенскому университету), который осуществлял его частичное финансирование и занимался организацией работай.

667
Рукопись рассказа С.Я. Эфрона «Тыл» поступила в редакцию с опозданием; рассказ был опубликован в № 2 журнала «Благонамеренный».

668
Рассказ «Шинель» остался, по-видимому, незавершенным, так как не был напечатан.

669
Эпиграфы к статье «Поэт о критике».

670
Конец первой главы «Не может быть критиком...» статьи «Поэт о критике» (СС-5). Упоминаемые в письме исправления были внесены в текст статьи.

671
Третье действие пьесы «Феникс» (1919; см. СС-3) было выпущено под названием «Конец Казановы» частным московским издательством «Созвездие» в 1922 г. с посвящением дочери, о котором упоминает Цветаева. Автор «картинки» (на обложке) – художница О.С. Соловьева.

672
Адрес Школы славяноведения при Лондонском университете, где преподавал Д.П.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Святополк–Мирский.

673

О поездке Цветаевой в Лондон см. письма к П.П. Сувчинскому и коммент. к ним.

674

Дочери Е.Н. Чирикова.

675

Письмо написано на следующий день после приезда Цветаевой в Лондон, куда ее пригласил Д.П. Святополк–Мирский, который взялся организовать ее платный вечер. Вечер состоялся 12 марта. Выступление Цветаевой предварил краткий вступительный доклад Д.П. Святополк–Мирского. Спустя несколько дней Д.П. Святополк–Мирский писал П.П. Сувчинскому:

«Вечер Марины Цветаевой был удачен особенно в денежном отношении (больше чем я ожидал)» (Письма Д.П. Святополк–Мирского П.П. Сувчинскому. С. 53).

676

Собеседник – князь Дмитрий Петрович Святополк–Мирский (1890–1939), критик, историк литературы, участник евразийского движения и близкий друг Сувчинского. В 1932 г. вернулся в Россию. Арестован в 1937 г., погиб в лагере Атка, расположенном в 200 километрах от Магадана.

Цветаеву со Святополк–Мирским познакомили П.П. и В.А. Сувчинские. Личное знакомство с Цветаевой сделало Мирского горячим поклонником ее таланта. Он написал несколько развернутых рецензий на поэмы «Молодец» (Современные записки. 1926. № 27. С. 569–572) и «Крысолов» (Воля России. 1926. № 6/7. С. 99–102), отвел ей заметное место в своей «Истории русской литературы», вышедшей в Лондоне на английском языке. В 1926 г. Мирский читал лекции по русской литературе в школе славистики при Лондонском университете. Цель организованной им поездки Цветаевой – дать возможность ей заработать выступлением в ПЕН–клубе и отдохнуть от домашних забот.

В Париж Цветаева возвратилась две недели спустя, 26 марта.

677

Пересечение Ла–Манша.

678

См. также письмо к А.А. Тесковой от 24 марта 1926 г.

679

В тот же день (11 марта) Мирский сообщал Сувчинскому:

«Вчера приехала Марина Цветаева, завтра ее вечер денежно, кажется... обеспечен» (архив П.П. Сувчинского, Париж).

680

«Поэма Горы» была напечатана в № 1 «Верст», который вышел в конце июня – начале июля 1926 г.

681

В этом же номере «Верст» были напечатаны произведения А.М. Ремизова: «Воистину» (Памяти В.В. Розанова) из книги «Николай Чудотворец» и «Россия».

682

См. коммент. 3 к письму к Д.А. Шаховскому от 8 марта 1926 г.

683

Цветаева находилась в Лондоне с 10 по 25 марта 1926 г.

684

О.Е. Колбасина-Чернова. В ее парижской квартире семья Цветаевых жила с ноября 1925 г. по конец апреля 1926 г.

685

С книгой О. Мандельштама «Шум времени» (Л.: Время, 1925) Цветаеву познакомил, скорее всего, Д.П. Святополк-Мирский. См. также письмо к П.П. Сувчинскому от 29 марта 1926 г. и коммент. 1 к нему.

686

См. статью «Мои ответ Осипу Мандельштаму» (СС-3) и коммент. к ней.

687

Д.П. Святополк-Мирскому принадлежат два хвалебных отзыва на «Шум времени» Мандельштама. В рецензии опубликованной в журнале «Современные записки» (1925. № 25. С. 542–543) он отмечал, «что Шум времени одна из трех-четырех самых значительных книг последнего времени, а по соединению значительности содержания с художественной интенсивностью едва ли ей не принадлежит первенство...» Эту оценку, данную Мирским книге Мандельштама, как и другую в журнале «Благонамеренный» (Брюссель. 1926. № 1 С. 126), аналогичную первой, Цветаева, по всей вероятности, знала.

688

Речь идет о первом номере журнала «Версты». Статья была Сувчинским отклонена.

689

Своим кратким вступительным докладом Мирский предварил выступление Цветаевой.

690

Кроме своих стихов Цветаева прочла несколько стихотворений Б. Пастернака.

691

Желание незамедлительно издать сборник посвященных Белой Гвардии стихов «Лебединый Стан» (1917 – 19270) появилось у Цветаевой, по-видимому, после прочтения «Шума времени».

692

Друзья Сувчинского в Лондоне кн. Владимир Эммануилович (1884–1954), представитель русской колонии в Лондоне, и Екатерина Георгиевна (1891–1940) Голицыны, участвовавшие в евразийском движении.

693

См. коммент. 7 к письму к П.П. Сувчинскому от 11 марта 1926 г. В целом же Цветаева высоко ценила талант Ремизова. См., например, ее ответ на анкету «Русские писатели о современной литературе и о себе» в журнале «Своими путями» (СС-4. С. 619). а также письмо к Н.Н. Гронскому от 23 апреля 1928 г (СС-7. С. 199).

694

Статья о журналах «Современные записки» (I–XXVI, Париж. 1920–1925) и «Воля России» (1922, 1925 и 1926 гг. № 1–11) была опубликована в № 1 «Верст».

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

695

См. письмо к П.П. Сувчинскому от 15 марта 1926 г. и коммент. к нему и статью «Мой ответ Осипу Мандельштаму» (СС-5).

696

Описка Цветаевой. См. об этом подробнее: Струве Глеб. Об одной ошибке Марины Цветаевой. (Дневник читателя). Русская мысль. 1973. 6 дек.

697

Какая книга английского писателя Г. Честертона (1874–1936) имеется ввиду, неизвестно. Героя одного из его романов («Человек, который был Четвергом») Цветаева упомянет в статье «Эпос и лирика современной России».

698

Речь идет о корректуре статьи «Поэт о критике».

699

Нина Лапина, начинающая поэтесса, просила Цветаеву высказать свое мнение о ее стихах. Стихи Лапиной остались без аттестации Цветаевой.

700

Речь идет о подготовке к печати статьи «Мой ответ Осипу Мандельштаму». См. также письмо к П.П. Сувчинскому от 29 марта 1926 г. и коммент. 1 к нему.

701

О впечатлении, которое Лондон произвел на Цветаеву, см. также письмо к А.А. Тесковой от 24 марта 1926 г.

702

Письмо написано на открытке с видом Вестминстерского аббатства в Лондоне.

703

Нина Лапина жила с родителями в том же доме на rue Rouvet, где на первое время после приезда во Францию Цветаева поселилась на квартире О.Е. Колбасиной-Черновой.

704

Редактор сообщил о том, что нашлась затерявшаяся рукопись рассказа С Эфрона. См. письмо к Д.А. Шаховскому от 20 марта 1926 г.

705

Вербицкая Анастасия Алексеевна (1861–1928) – писательница, автор романов, рассчитанных на непритязательный вкус.

706

См. коммент. 1 к письму П.П. Сувчинскому от 11 марта 1926 г.

707

Речь идет о статье «Мой ответ Осипу Мандельштаму» (СС-5). См. письма, написанные Цветаевой в эти мартовские дни к П.П. Сувчинскому и коммент. к ним.

708

Ошибка Цветаевой в написании имени адресата. Правильно Петр Иванович.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

709

Письмо Цветаевой, весьма вероятно, порадовало мастера. Ранее, в 1922 г., на Лондонской всемирной выставке фотографии он получил за фотографию графини Х. Гран-при. Этот диплом П.И. Шумов бережно хранил в своем архиве (Души начинают видеть. С. 7–8).

710

Туманность намеков Цветаевой заставляет предположить, что среди ее слушателей были представители дома Романовых и люди, близкие ко двору последнего русского императора Николая II.

711

Айседора Дункан (1877–1927), американская танцовщица, одна из основоположников современного танца; в 1922–1923 гг. – жена С.А. Есенина.

712

По-видимому, речь идет о посылке гравюр Вацлава Холлара (1607–1677), чешского художника, известного своими гравюрами Праги, Лондона и других городов. Пастернак благодарит Цветаеву за гравюры Холлара в письме от 4 апреля 1926 г. (Души начинают видеть. С. 164).

713

См. письмо Б.Л. Пастернака от 19 марта 1926 г. (Души начинают видеть. С. 145–147).

714

Цветаева имеет в виду аббревиатуру СССР. Ср. также письмо к Б.Л. Пастернаку от 4 августа 1926 г.

715

См. коммент. 6 к письму к Д.А. Шаховскому от 3 марта 1926 г.

716

П.П. Сувчинский не принял для публикации в № 1 «Верст» статью Цветаевой «Мой ответ Осипу Мандельштаму». См. об этом в приписке Цветаевой к письму С.Я. Эфрона к Е.Л. Недзельскому от октября 1926 г.

Сувчинский был далеко не один, кто возражал против публикации статьи Цветаевой. На рю Руве, на квартире О.Е. Колбасиной-Черновой, Цветаева читала свою статью о «Шуме времени». В.Б. Сосинский, присутствовавший на чтении, описал этот вечер (апрель 1926) в письме к А.В. Черновой:

«Сегодняшний вечер Марина Ивановна читала свою статью о Мандельштаме. Статья прекрасная, ударная. Но я сказал Марине Ивановне, что слушал ее с болью.. Адя, я бы не хотел, чтобы эта статья была напечатана. Зачем поэту обвинять поэта в том, что он раболепствует перед властью?.. Статья сильная, бьющая, задевающая – кстати сказать, очень логичная – по существу своему глубоко несправедлива... Имя Мандельштама нечто большее для нас, чем просто человек...» (цит. по копии из архива составителя).

В ответном письме Ариадна Чернова писала:

«...вполне согласна с тем, что ты пишешь о статье Марины Ивановны о Мандельштаме. Хорошо, что Версты ее не приняли...» (Копия там же).

Что касается публикации в «Воле России», то здесь отказу журнала печатать статью способствовал, по собственному признанию, сам Сосинский, уговорив Слонима не делать этого.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
717

См. коммент. 1 к письму к А.А. Тесковой от 9 мая 1926 г. Подробно об истории создания и существования «Верст» (вышло всего три номера) см.: Саакянц А. Журнал «Версты» // Новый журнал. 1991. № 183. С. 211–217; Струве Г. Русская литература в изгнании. Париж: YMCA-Press, 1984. С. 73–77.

718

См. письмо к П.П. Сувчинскому от февраля 1926 г. Цветаева имеет в виду неприятие петровских преобразований в своем стихотворении «Петру», совпадающее, по ее мнению, с отношением к ним евразийцев (которое на самом деле было в эту пору гораздо сложнее).

719

Алданов Марк Александрович (наст. фам. Ландау; 1896–1957) был в то время редактором литературного отдела газеты «Дни».

720

Цветаева оказалась права. Во втором номере «Верст» была опубликована статья Д.П. Святополк-Мирского «Вейние смерти в предреволюционной литературе», в которой содержались резкие выпады против Бунина, Андреева, Арцыбашева, возбудившие против автора, по его собственным словам, «негодование всего эмигрантского синедриона» (Версты. 1927. № 2. С. 253).

721

Реакцию Цветаевой предугадать было нетрудно. Сувчинский не последовал совету Святополк-Мирского. который 9 марта 1926 г. писал ему:

«Мне кажется, что по отношению наших трех китов Шестова, М. Цветаевой и Ремизова мы не можем проявлять никакой цензуры» (Письма Д.П. Мирского к П.П. Сувчинскому. С. 51).

722

Датируется условно по расположению документов в архиве.

723

Цветаева ездила в Сен-Жиль-сюр-Ви снимать дом на лето.

724

Статья «О консерватизме. Диалог» (Благонамеренный. 1926. № 2. С. 87–93).

725

См. коммент. 1 и 2 к письму к В.Ф. Булгакову от 8 апреля 1926 г.

726

Цветаева с детьми уехала в Вандею 24 апреля и пробыла там до 2 октября.

727

См. письмо Б.Л. Пастернака от 25 марта 1926 г. (Души начинают видеть. С. 148).

728

Начало главы «Потемкин» («Морской мятеж») из поэмы Б. Пастернака «Девятьсот пятый год».

729

Ларош-Жакелен Луи (La Rochejaquelei, Lous du Vergier; 1777–1815) – руководитель восстания в Вандее во время «ста дней» Наполеона Бонапарта. Убит на мосту Матье

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru (pont des Mathes) 4 июня 1815 г. во время сражения с верными Наполеону силами.

730

Замечание связано с сообщением Пастернака в письме от 25 марта 1926 г., что «Поэма конца» первоначально попала к нему в машинописной копии без знаков препинания.

731

Эссе «Герой труда» (1925) и «Поэт о критике» (1926).

732

Из стихотворения Пастернака «Косых картин, летящих ливмя...» (сб. «Темы и вариации»).

733

Имеется в виду рецензия Д. Святополк-Мирского на поэму «Молодец», опубликованная в «Современных записках» (1926, кн. 27). См. ее текст: Родство и чуждость. С. 242–247.

734

Судя по пояснению в письме к Б.Л. Пастернаку, датированном «около 9 апреля 1926 г.», речь идет о чтении стихов из «Лебединого стана» (их Цветаева читала на своем вечере 6 февраля в Париже), за которыми, закрепилась репутация «контрреволюционных» и «белогвардейских».

735

Доклад-диспут «Культура смерти в русской предреволюционной литературе» был устроен редакцией журнала «Версты» в помещении Союза молодых поэтов и писателей (79, rue Denfert Rochereau) 5 апреля 1926 г. (Хроника I. С. 248). См. также статью Д. П. Святополк-Мирского «Веяние смерти в предреволюционной литературе» (Версты. 1927. № 2 С. 247–253) и письмо к П.П. Сувчинскому от 29 марта 1926 г. и коммент. 5 к нему.

736

Приглашения принять участие в диспуте были посланы: М.А. Алданову, Г.В. Адамовичу, К.Д. Бальмонту, И.А. Бунину, З.Н. Гиппиус, Б.К. Зайцеву, К. В. Мочульскому, Д.С. Мережковскому, Ф.А. Степуну, П.П. Сувчинскому, А.А. Туринцеву, В.Ф. Ходасевичу, М.И. Цветаевой, С.Я. Эфрону и В.Р. Ховину (Хроника I. Там же)

737

Врач Г.И. Альтшуллер наблюдал сына Цветаевой после его рождения.

738

Из стихотворения Цветаевой 1916 г. «Ты проходишь на Запад Солнца...» (цикл «Стихи к Блоку», 3) (СС-1).

739

Лиля Юрьевна Брик (1891–1978) – возлюбленная Маяковского; литератор.

740

А.М. Ремизов и Лев Шестов в это время являются, как и Цветаева, ближайшими сотрудниками журнала «Версты», чем и обусловлено упоминание в первую очередь их имен в этом письме. Ср. также фразу из несохранившегося письма к Б.Л. Пастернаку от 6 февраля 1926 г.:

«Ненавидима местной буржуазией и литературной нечистью вроде Адамовича, Яблоновского, Тэффи, Loulou и т.д. Дружу только с Ремизовым и Шестовым» (цит.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru по: Души начинают видеть. С. 602–603).

«Loulou» – вероятно, описка Цветаевой или ошибка в копии; речь, по-видимому, идет о Л.Г. Мунштейне, писавшем под псевдонимом «Lolo».

741

Ср. в письме Б.Л. Пастернака от 27 марта 1926 г.: «Если думаешь, как все, что лицемер, то порви со мной» (Души начинают видеть. С. 158).

742

См. письмо Б.Л. Пастернаку от июля 1924 г.

743

В письме 3 апреля Пастернак просил Цветаеву ответить на анкету: «Ответь, пожалуйста, на прилагаемую анкету. ... Писать о тебе будет Д.С. Усов, тебя очень любящий. Он и обо мне напишет, и о Блоке, и об Ахматовой. Сведения давай в какой угодно пропорции. ... Это будет сборник сухих справок, воздерживающийся от характеристик, философствования и оценок» (Там же. С. 160–161).

744

«Варяг» – русский крейсер, героически сражавшийся во время Русско-японской войны 1904–1905 гг.; был затоплен, чтобы не сдать врагу.

745

Спиридонова Мария Александровна (1884–1941) – русская политическая деятельница, эсерка; в 1906 г. за убийство усмирителя крестьянского восстания на Тамбовщине была приговорена к вечной каторге.

746

Шмидт Петр Петрович (1867–1906) – лейтенант, руководитель восстания на крейсере «Очаков» (1905 г.); был расстрелян.

747

Железнов Владимир Яковлевич (1869–1933) – экономист, сторонник социальных реформ.

748

Тарасов Евгений Михайлович (1882–1943) – революционный поэт, участник Декабрьского вооруженного восстания (1905).

749

Тьер Адольф (1797–1877) – французский историк и государственный деятель; автор «Истории французской революции».

750

Er̄lkönig – См. статью Цветаевой «Два „Лесных царя“».

751

4 апреля 1926 г. в Париже в hôtel majestic открылся Русский зарубежный съезд под председательством П.Б. Струве, призванный сформулировать задачи русской эмиграции. К.Б. Родзевич приехал на съезд из Риги с надеждой устроиться в Париже. Был делегатом съезда от русских организаций в Латвии.

752

Ф.А. Степун, член редколлегии журнала «Современные записки».

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

753

Речь идет, по-видимому, о рукописи, в полубеловом варианте носившей заглавие «Мой ответ Осипу Манделштаму».

754

Рукопись первоначально предназначалась для «Верст», издававшихся по новой орфографии (см. письма к П.П. Сувчинскому), в «Современных записках» была принята старая орфография. В итоге статья была отклонена редакцией «Современных записок» так же, как и журналом «Версты». См. письмо к П.П. Сувчинскому от 29 марта 1926 г. и коммент. 1 к нему.

755

На лето в Сен-Жиль-сюр-Ви.

756

Цветаева отвечает на письмо Пастернака от 11 апреля 1926 г., посвященное его взаимоотношениям с Ходасевичем и Брюсовым. См. письмо Пастернака и коммент. к нему (души начинают видеть. С. 172–175, 603).

757

Адалис – литературный псевдоним Аделины Ефимовны Ефрон (1900–1969), поэтессы и переводчицы.

758

Строка из наброска Пастернака памяти Л. Рейснер (см. письмо Б.Л. Пастернака от 11 апреля 1926 г. Там же. С. 177).

759

Неточная цитата из стихотворения М.Ю. Лермонтова (его начальные строки в оригинале: «Ребенка милого явленье / Приветствует мой запоздалый стих»).

760

Строка из наброска Пастернака памяти Л. Рейснер (см. письмо Б.Л. Пастернака от 11 апреля 1926 г.).

761

Стихотворение Пастернака, обращенное к Цветаевой. «Не оперные поселяне...». Пастернак присылает его в письме 11 апреля 1926 г.

762

Имеется в виду отъезд с детьми на летний отдых на океан в деревушку Сен-Жиль-сюр-Ви (департамент Вандея).

763

Д.П. Святополк-Мирский. См. коммент. 2 к письму к П.П. Сувчинскому от 11 марта 1926 г.

764

Название парижского квартала, где жила Цветаева.

765

В.Б. Сосинский. См. письма к нему.

766

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Курортный городок на средиземноморском побережье Франции.

767

См. коммент. 1 к предыдущему письму.

768

Речь идет о статье Л. Шестова «О добродетелях и звездах», посвященной греческому философу Плотину (ок. 204/205 – 269/270) и опубликованной в газете «Дни» (Париж, 1926, 7 марта). В том же номере помещено стихотворение Цветаевой «Час души».

769

Святополк-Мирская Екатерина Алексеевна, княгиня (урожд. графиня Бобринская; 1864–1926), умерла в Париже 22 апреля.

770

Второй номер журнала за март-апрель 1926 г., оказавшийся последним.

771

См. письма к П.П. Сувчинскому.

772

Письмо написано уже из деревушки Сен-Жиль-Сюр-ви (см. предыдущее письмо). В конце мая к семье присоединился С.Я. Эфрон.

773

Ответ на вопрос Пастернака из письма 20 апреля 1926 г.: «Ехать ли мне к тебе сейчас или через год?» (Души начинают видеть. С. 188).

774

См. слова Пастернака в письме к Цветаевой от 20 апреля 1926 г.:

«Отчего, когда два года назад я в той же волне пустился собирать тебя и стал наткаться на Ланов, я Ланам не придал никакого значенья ... что у Ланов есть вес в твоём сердце. Отчего для меня существует только С.Я. и моя жизнь» (Там же. С. 187)

775

Встреча Цветаевой с ее будущим мужем произошла в мае 1911 г. в Коктебеле. Ей шел тогда девятнадцатый год.

776

Имеется в виду новелла Апулея «Амур и Психея» (из романа «Золотой осёл»), французская народная сказка «Красавица и Чудовище» и сказка С.Т. Аксакова «Аленький цветочек».

777

По-видимому, отсылка к балладе Гете «Ученик чародея» («Zauberlehrling»); впоследствии Пастернак перевел ее.

778

Из стихотворения Ахматовой «Молитва» (1915).

779

В письме от 20 апреля Пастернак прислал Цветаевой свою фотокарточку:

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru «Посылаю тебе фотографию. Я ужасно безобразен Я именно таков, как на фотографии, – она удачна» (Там же. С. 189).

780

Эльза Юрьевна Триоле (урожд. Каган; 1896–1970), сестра Л.Ю. Брик; в это время начинающая писательница, впоследствии известная французская романистка. С 1919 г. в основном жила в Париже. В письме от 15 апреля 1926 г. Цветаева рассказывала Пастернаку о встрече и разговоре с Эльзой Триоле (Там же. С. 606).

781

Персонаж поэмы А. Блока «Двенадцать».

782

В архиве Цветаевой сохранился небольшой конверт с надписью: «Заказная бандероль (печатное)», посланный Пастернаком на парижский адрес Цветаевой: почтовый штемпель: Москва, 22.04.26 и 23.04.26; Paris XIX, 27.04.26. и 28.04.26. С большой степенью вероятности можно предположить, что Пастернак послал Цветаевой маленький сборничек «Избранные стихи» (М.: Узел, 1926). Разыскать этот экземпляр не удалось (Души начинают видеть. С. 607).

783

В названный выше сборник вошли следующие стихотворения Пастернака из сборника «Поверх барьеров»: «Метель» («В посаде, куда ни одна нога...»). «Петербург», «Импровизация», «На пароходе», «Марбург».

784

Рецензия М.А. Осоргина «Дядя и тетя» на второй номер журнала «Благонамеренный», напечатана в «Последних новостях» (1926, 29 апр.). «Со значительной долей мыслей Марины Цветаевой (статья ее „Поэт о критике“ написана очень талантливо) нельзя не согласиться», – пишет критик, однако, говоря о «Цветнике», он считает, что Цветаева «тратит время и чернила на мелкие и скучнейшие жалобы на Г. Адамовича».

785

Следующая публикация Цветаевой в «Последних новостях» состоялась лишь спустя два года, 28 июня 1928 г. (стихотворение «Сын»).

786

С.Н. Андроникова-Гальперн имела широкие знакомства в русских и французских влиятельных кругах, ее муж Александр Яковлевич Гальперн (1879–1956) был известным адвокатом. См. также письма к С.Н. Андрониковой-Гальперн.

787

Свадьба К.Б. Родзевича и М.С. Булгаковой состоялась в июне 1926 г. Впоследствии он сам характеризовал свою женитьбу как «оппортунизм» и признавал, что таким образом он решал проблему своего бытового устройства в Париже (см... например: Лосская В., 92). См. также письмо к О.Е. Колбасиной-Черновой и А.В. и Н.В. Черновым от 18 апреля 1926 г.

788

«Версты» – журнал под редакцией Д.П. Святополк-Мирского, П.П. Сувчинского и С.Я. Эфрона при ближайшем участии Л. Ремизова, М. Цветаевой и Л. Шестова (Париж. 1926 № 1–3). Целью журнала было «если не объединить все лучшее в современной русской литературе (это не под силу одному изданию)», то хотя бы «указывать на это лучшее». Подчеркивалось, что журнал не будет проводить различия между русской культурой, создаваемой на родине и за ее рубежами (Версты. 1926. № 1. С. 5). «„Версты“ возникли, параллельно „Евразийским изданиям“ из общения Мирского со мной, с А.М. Ремизовым, Цветаевой, Шестовым, С.Я. Эфроном и другими. (Название „Версты“ – взято из сборника стихов М. Цветаевой)», вспоминал в 1974 г. П.П. Сувчинский (Письма Д.П. Святополк-Мирского П.П. Сувчинскому. С. 2) О

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
создании журнала см. также письма Цветаевой к П.П. Сувчинскому и коммент. к ним.

789

Публикация статьи вызвала в печати целый ряд гневных выступлений, направленных против автора статьи. См. коммент. 4 к письму к В.Ф. Булгакову от 9 мая 1926 г. и коммент. 1 к письму к А.А. Тесковой от 8 июня 1926 г.

790

См. письмо к А.А. Тесковой от 1 октября 1925 г. и коммент. 3 к нему.

791

«Вероятно, имеются в виду бедняки-чехи в пригородах Праги, где жила М.И. Цветаева. ... местное население подчас ворчало на переполняющих их родные места „руссов“. Иначе говоря, идет речь об общем „горьком хлебе изгнания“, а не о каком-нибудь личном недовольстве населения русской писательницей» (примеч. В.Ф. Булгакова).

792

Вандея – департамент на западе Франции, являвшийся центром мятежей во время Великой французской революции. В переносном смысле контрреволюция. По Цветаевой, «надо всегда, повсюду, и в прошлом, и настоящем, и будущем, быть на стороне побежденных: в Вандее – за королевскую рать, надо быть не на стороне санкюлотов, которые не оставили в живых ни одного из офицеров Луи XVI» (Сосинский В. Она не была ни на кого похожа. – Годы эмиграции. С. 369).

793

«Верстами». См. письма к П.П. Сувчинскому и коммент. к ним.

794

Речь идет об откликах на статью Цветаевой «Поэт о критике», опубликованную в журнале «Благонамеренный» (Брюссель. 1926. № 2); А. Яблоновский. В халате (фельетон) – (Возрождение. 1926. 5 мая); М. Осоргин. Дядя и тетя (фельетон) (Последние новости. 1926. 29 апр.). С нападками на Цветаеву за ее толкование личности поэта и отношение к критике и критикам выступили также Антон Крайний (З. Гиппиус). Мертвый дух – «Голос минувшего. На чужой стороне» (Париж. 1926. № 4); Ю. Айхенвальд. Литературные заметки (Руль. Берлин. 1926. 5 мая); П. Струве. Заметки писателя. О пустоутроби и озорстве (Возрождение. 1926. 6 мая). (См. также в кн.: Родство и чуждость). Е.С. Шевченко «Разгадка благонамеренности» (За свободу. 1926. 9 мая. Лит. прилож.) и др. Г. Адамович, «герой» статьи Цветаевой, в печати на эту статью не откликнулся.

795

Цветаева отвечает на первое письмо Рильке от 3 мая, посланное из Швейцарии.

796

Все письма Цветаевой Рильке были написаны по-немецки.

797

Второе издание книги «Мне на праздник» (первое издание – 1899), переработанной в 1908–1909 гг.

798

Цветаева приехала в Париж из Чехословакии 1 ноября 1925 г., когда Рильке там уже не было – он уехал в августе.

799

Б.Л. Пастернак.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

800

Марина и Анастасия Цветаевы учились в частном пансионе сестер Лаказ в Лозанне с весны 1903 по лето 1904 г. (Подробнее см.: Цветаева А. С. 130–153.)

801

Стихотворный цикл из «Книги образов» (1902), связанный с путешествиями Рильке по России.

802

Свои книги «Стихи к Блоку» (1922) и «Психея» (1923) с дарственными надписями Цветаева послала позднее. См.: Небесная арка. С. 247–248.

803

Рильке писал в своем первом письме: «Две книги (последнее, что я опубликовал), которые отправятся вслед за этим письмом, предназначены для Вас. Ваша собственность», На «Дуинезских элегиях» (1923) Рильке сделал надпись: «Марине Ивановне Цветаевой. Касаемся друг друга. Чем? Крылами. / Издалека ведем свое родство. / Поэт один. И тот, кто нес его, / встречается с несущим временами. Райнер Мария Рильке. (Валь Мон, Глион, Кантон Во, Швейцария, в мае 1926)». На «Сонетах к Орфею» (1923) – «Поэтессе Марине Ивановне Цветаевой. Райнер Мария Рильке (3 мая 1926)» (Письма 1926 года. С. 83–85).

804

Ср. с названием сатирической поэмы Гете «Рейнеке-Лис» (1793).

805

Стихотворение Рильке «О тьма, что родиной мне стала» (книга «Часослов»), заканчивающееся словами «Я верю в ночи».

806

Рильке вложил в конверт также записку Б. Пастернаку.

807

См. предыдущее письмо к В.Ф. Булгакову и коммент. 4 к нему.

808

Шутливое прозвище Д.Г. Резникова. См. письма к нему.

809

«Двусмысленная дружественность» Ремизова заключалась в том, что он послал Цветаевой злой фельетон Яблоновского «В халате», самолюбие которого было задето ее статьей «Поэт о критике», целиком построенный на таких саркастических выражениях, как: «В литературу г-жа Цветаева пожаловала с таким видом, как будто она на собственную дачу во второе Парголово переехала», «это очень трудно читать без чувства неловкости», «она приходит в литературу в папильотках и в купальном халате, как будто бы в ванную комнату пришла», «непонимание меры вещей», «отсутствие чутья к дозволенному и недозволенному» и т.д. (Возрождение, 1926, № 337, 5 мая).

810

На эту тему см. также у Цветаевой в ее письме к А.А. Тесковой от 22 января 1929 г. (СС-6. С. 374–375).

811

Цветаева имеет в виду отзыв Г. Адамовича на ее «Цветник». Критик отмечал:

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

«Она дает наставления в хлебопечении, рассуждает о свойствах сельтерской воды, сообщает новость, что Бенедиктов был не прозаик, а поэт, заявляет, тело сих пор не может примириться со смертью Орфея, – не перечтешь всех ее чудачеств» (Звено. 1926. № 170. 2 мая).

812

Г. Адамович, в частности, писал о А. Блоке:

«четыре года, прошедшие со дня смерти Блока, – 7 августа 1921 года, – успели уже приучить нас к этой потере, почти примирить с ней. Но они не отодвинули Блока в историю...» (Звено. 1925. № 132. 10 авг.).

813

Цветаева неточно цитирует отрывок из своего «Цветника».

814

Начало первого сонета 1 части. Эта же строка (у Рильке: «Da steig ein Baum. O reine Übersteigung!..») в переводе Т. Сильман: «О дерево растет! О нарастанье!..» (Рильке Р.М. Лирика. М.; Л.: Худож. литература, 1965. С. 166) и Г.И. Ратгауза: «О, дерево! Восстань до поднебесья!..» (Рильке Р.М. Новые стихотворения. М.: Наука, 1977. С. 300). Ср. также отрывок из стихотворения Рильке «К музыке» (1918): «Ты – отчужденность, ты – выросшее за наши пределы пространство сердца. Заветное наше, / нас переросшее, из нас исторгшееся, святое прощанье...» (Рильке Р.М. Лирика. С. 224. Пер. Т. Сильман – «Gedichte». М.: Прогресс, 1981. С. 481).

815

В письме от 10 мая к Цветаевой Рильке назвал семь «своим благословенным числом» (письма 1926 года. С. 90).

816

Ср.: Семь пятниц на неделе. Не велик городок, да семь воевод. У семи нянек дитя бел глазу. Семь пядей во лбу. Семеро ворот, а все в огород. За семь верст киселя хлебать. Семь раз отмерь, один раз отрежь. Семь верст до небес и все лесом. И т.д. Ср. также стихотворения М. Цветаевой: «Семеро, семеро...». «Семь мечей пронзали сердце...», «Семь холмов – как семь колоколов!..» и др.

817

Слова из III сонета I части. Ср. перевод А. Карельского: «Петь – значит быть» (Рильке Р.М. Новые стихотворения. С. 301).

818

Эта и последующая цитата из IV сонета I части.

819

Из V сонета I части. Ср. перевод Г.П. Ратгауза: «...И не надо знать / иных имен. Восславим постоянство. / Певца зовут Орфеем...» (Там же. С. 302).

820

Начальные слова из VI сонета I части.

821

Слова из XI сонета I части.

822

См. цикл «Георгий» (СС-2).

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

823

В экземпляре «Сонетов к Орфею», посланном Цветаевой, около XVI сонета (I часть) рукою Рильке помечено: an einen Hund (к собаке) (письма 1926 года. С. 241).

824

Об учебе Цветаевой в 1904–1905 гг. в пансионе Бринк во Фрайбурге см.: Цветаева А. С. 175–196.

825

Лакло Пьер Шодерло де (1741–1803) – французский писатель.

826

Пьесы, написанные в 1919 г. в Москве (см. СС-3).

827

См. коммент. 9 к письму к Р.М. Рильке от 9 мая 1926 г.

828

Слова из девятой Дуинезской элегии. Ср. перевод В. Микушевича: «...Ты не можешь / Грандиозными чувствами хвастать пред ним...» (Рильке Р.М. Ворпсведе. Огюст Роден. Письма. Стихи. М.: Искусство. 1971. С. 351).

829

Ср. стихотворение Цветаевой «Прокрасться...» (1923; СС-2).

830

...маленький Римский король – сын Наполеона, герцог Рейхштадтский. См. также стихотворения Цветаевой «В Шенбрунне», «Герцог Рейхштадтский»

831

Дочери Цветаевой Ариадне шел в то время 14-й год.

832

Валгалла (Вальхалла) – небесное жилище для избранных, главным образом, павших в битве воинов (сканд. миф.).

833

П.И. Шумов снимал также скульптуры Огюста Родена (1840–1917), у которого Рильке в 1905–1906 гг. был секретарем и которому поэт посвятил вторую часть «Новых стихотворений» («Моему великому другу Огюсту Родену»). Один из фотопортретов Цветаевой работы Шумова (их было не менее четырех) был опубликован в журнале «Версты» (1926, № 1) вместе с шумовскими фотографиями Б. Пастернака, А. Ремизова, Л. Шестова.

834

Из стихотворения Рильке «Автопортрет 1906 года» («Новые стихотворения»). Ср. перевод В. Летучего: «В глазах испуг и синь, как у детей» (Рильке Р.М. Новые стихотворения. С. 472).

835

Адрес пансиона Лаказ. См. коммент. 6 к письму к Р.М. Рильке от 9 мая 1926 г... Уши – предместье Лозанны. См. стихотворение Цветаевой «В Ouchy» (СС-1).

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
836
Цветаевой должно было исполниться 34 года, мужу – 33.

837

Цикл «Провода» (1923) посвящен Б. Пастернаку. Цифра 12 в письме переправлена на 13 и к ней сделано следующее примечание Цветаевой: «При подсчете оказалось 13. Не даю, очевидно, из-за инстинктивного нежелания чертовой дюжины» (НП. С. 367). Цикл напечатан не был, так как журнал «Благонамеренный» прекратил свое существование.

838

Заметка П. Струве «О пустоутробии и озорстве» была напечатана в рубрике «Заметки писателя» газеты «Возрождение» (1926, 6 мая). Статья содержала резкий отзыв и о статьях Адамовича, цитированных в «Цветнике», и о стихотворении «Старинное благоговенье». П.Б. Струве отмечал, что «при известной личной одаренности самих пишущих» и то и другое «предметно безнужно. Ни к чему. Безнужно, ибо беспредметно. Безнужно, ибо невнятно».

839

Херувимская – духовная песнь православной церкви, получившая свое название от первых слов текста «Иже херувимы». Поется на Литургии и служит подготовкой верующих к великому входу. Херувимская песнь – одно из самых красочных священнодействий.

840

Речь идет о финале поэмы «Молодец» – совместном полете героев в мир иной.

841

См. письмо Б.Л. Пастернака от 16 августа 1925 г. (души начинают видеть. С. 122–124).

842

Эккерман Иоганн Петер (1792–1854) – немецкий поэт, литератор, секретарь и друг И.В. Гёте. Известен исследованием творчества поэта «Разговор с Гёте в последние годы его жизни» (1823–1832). Вместе с Ф.В. Римером – редактор полного собрания сочинений Гёте (1839–1840).

843

С.М. Волконский. См. письма к нему (письма 1905–1923).

844

Неточная цитата из «Высокой болезни» Пастернака. См также его письмо от 25 марта 1926 г. и коммент. к нему.

845

Шмидт-Очаковский Евгений Петрович, автор книги «Лейтенант Шмидт» (Прага, 1926). Вторая часть его фамилии образована от названия крейсера «Очаков», восстание на котором возглавил П.П. Шмидт.

846

Это место в копии представляется дефектным; восстановить его смысл не удалось (предпринятая в СС-6 реконструкция «и для него была трагедией добавка „Очаковский“» не представляется убедительной).

847

После возвращения из-за границы, где мать Цветаевой лечилась от туберкулеза, семья Цветаевых провела некоторое время в Ялте (осень 1905 – весна 1906 г.). К

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
этом времени могло относиться названное воспоминание.

848

Начало главы «Потёмкин» («Морской мятеж») из поэмы Пастернака «Девятьсот пятый год».

849

Начало стихотворения Пушкина «К морю».

850

«Вкусих мало мёду»... – Из Первой книги Царств (14:43).

851

См. начало письма Б. Пастернака от 19 мая 1926 г. (души начинают видеть. С 199–200).

852

Из стихотворения Цветаевой «Эвридика – Орфею» (1923).

853

Андрей Белый и его жена Анна Алексеевна (Ася) Тургенева (1890–1966) окончательно расстались в 1922 г. в Берлине.

854

Цветаева говорит здесь об акrostихе–посвящении, которое Пастернак прислал ей в письме от 19 мая 1926 г. и которое он намеревался предпослать поэме «Лейтенант Шмидт».

Мельканье рук и ног и вслед ему:

«Ату его сквозь тьму времен! Резвей
Ревя рога! Ату! А то возьму
и брошу гон и ринусь в сон ветвей».

Но рог крушит сырую красоту
Естественных, как листья леса, лет.
Царит покой, и что ни пень – Сатурн:
Вращающийся возраст, круглый след.
Ему б уплыть стихом во тьму времен.
Такие клады в дуплах и во рту.
А тут носи из лога в лог ату!

Естественный, как листья леса, стон.
Век, отчего травить охоты нет?

Ответь листвою, пнями, сном ветвей
И ветром и травю мне и ей.

Опубликованное при первой части поэмы в «Новом мире» (1926. № 8–9), это посвящение впоследствии было снято.

855

«Царевна в зелени» повесть французского писателя и поэта Андре Терье (1833–1907).

856

Marjens Tagebuch – книга Адама Штейна (наст. имя и фам. Роберт Густав Мориц Шпрингер; 1816–1885).

857

Судя по характеру упоминания, Цветаева уже писала Пастернаку о работе над будущей поэмой «С моря» (это могло быть в несохранившемся письме от 17 мая 1926 г.). При последующих упоминаниях «вещи о тебе и мне», «вещи о нас» речь может

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru идти как о поэме «С Моря», так и о поэме «Попытка комнаты», написанной вслед за первой поэмой (Души начинают видеть. С. 612).

858

Имеется в виду Н.А. Нолле-Коган. По-видимому, Цветаева просила Пастернака забрать какие-то из оставленных ею у Нолле-Коган книг.

859

Из стихотворения Цветаевой «В седину – висок...» (1925).

860

Речь идет о цикле из трех стихотворений «Двое» (1924).

861

Цветаева пересказывает сведения, которые сообщил ей Рильке в письме от 17 мая 1926 г. В 1901 г. Рильке женился на Кларе Вестхоф (Рильке); в конце того же года у них родилась дочь Рут. В августе 1902 г. Рильке навсегда расстался со своей семьей. Рут Рильке в 1922 г. вышла замуж за Карла Зибера, юриста по образованию, и в 1923 г. у них родилась дочь Кристина (Кристиана).

862

Tzarenkreis – цикл «Цари» («Di Zaren»), входящий в сборник Рильке «Книга образов» («Das Buch der Bilder»).

863

По-видимому, описка и следует читать «творительный падеж».

864

Имеется в виду мрамор, необходимый для постройки Музея Александра III (ныне Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина), инициатором и создателем которого был И.В. Цветаев (см. СС-4).

865

Позднее Цветаева описала свои детские впечатления о тарусской хлыстовской общине в очерке «Хлыстовки» (1934). См. СС-4.

866

Гаррах – торговая фирма по поставке и продаже хрусталя, названная по имени австрийского политического деятеля XIX в. Иоанна Ф. Гарраха. В Москве фирма располагалась в доме 5 по Кузнецкому мосту.

867

Поэмы «С моря» и «Попытка комнаты».

868

Намек на игру в семье Цветаевой с Черновыми, главным героем которой была дочь Цветаевой Аля, в шутку считавшаяся теленочком, говорившая и писавшая письма на языке «тэле». Сергей Яковлевич тоже «мычал по-телячьи» (см. также коммент. к письмам к А.В. Черновой)

869

К.Б. Родзевич. См. письма к нему, а также письмо к А.В. Черновой от 9 июня 1926 г.

870

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru Речь идет, по-видимому, о несостоявшемся отзыве Д.Г. Резникова на поэму. Он уже к тому времени опубликовал свою рецензию на «Поэму Конца» (дни. 1926. 24 янв.).

871

Жиль де Ретц маршал Франции в XV в., за жестокость и преступления прозванный «Синей бородой». Его образом в то время была увлечена Аля Эфрон.

872

С конца лета 1904 г. по лето 1905 г. сестры Цветаевы учились в католическом пансионе сестер Бринк во Фрейбурге (см: Цветаева А.С. 154–181).

873

Крокодилом прозвали уборщицу квартиры на улице Руве.

874

Рекламная брошюрка о фильме «Цирковой сирота». В. Сосинский регулярно посылал для Ариадны Эфрон новые журналы о кинофильмах. В письме от 18 июля 1926 г. она благодарит его за это:

«Спасибо Вам большое за еженедельные журналы, подумайте, за все время, как мы здесь, не было ни одного кинематографического представления!» (Архив составителя).

875

В Йере в то лето отдыхали О.Е. Колбасина–Чернова с дочерьми Ариадной и Натальей.

876

Цветаева решала вопрос о выборе места жительства во Франции. К тому же не исключалась возможность вынужденного возвращения в Чехословакию из-за опасности потерять писательскую стипендию. В уже упомянутом письме А. Эфрон с огорчением писала: «Мы скоро вероятно поедem в Чехию, из-за маминого иждивения. Мне жалко уезжать!»

877

Эта статья В.Б. Сосинским так и не была написана, несмотря на его намерения.

«Я слышал только раз „Поэму Горы“. Признаюсь, глупый – ухватил немного – ударили только те места, которые уже слишком ударяют. И вот только вчера – по корректуре – прочел сам. Прочел раз, два. ... Это лучшее, что у Марины Ивановны – нет больше, – после „Двенадцати“ – ни у кого подобного не было! Как я рад, что это, наконец, открылось мне. Я хочу написать об этой поэме ... С Алей я поделился начерно, с Тобой и Мариной Ивановной – начисто...» – писал Сосинский Ариадне Черновой в мае 1926 г. (Архив составителя).

878

Датируется по содержанию. Черновик письма Цветаевой записан в ее тетради (РГАЛИ. Ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 13). Письмо написано, вероятнее всего, в мае 1926 г., между набросками «Поэмы Лестницы» и представляет собой ответ на письмо Гиппиус. Хроника событий, связанных с возможным обменом письмами между ними, берет свое начало с момента выхода в конце апреля журнала «Благонамеренный» (№ 2) со статьей Цветаевой «Поэт о критике». Публикация вызвала целый ряд враждебных выпадов против поэта в эмигрантской печати. См. письма к А.А. Тесковой от 9 мая и 8 июня 1926 г. и коммент. 1 и 2 к последнему. Что же касается конкретно Зинаиды Гиппиус, то в контексте статьи она причислена Цветаевой к «именитым» критикам, от которых «не много радости» (СС-5. С. 291).

Ответ Гиппиус не заставил себя ждать. В ее статье с саркастическим названием «Мертвый дух» критик обличает ряд авторов «Благонамеренного», «державших определенный курс на СССР». Достается здесь и Цветаевой (см.: Крайний Антон (З.Н. Гиппиус). Мертвый дух. – Голос минувшего на чужой стороне. Париж. 1926. №

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru 4. с. 257–262. См. также в кн.: Родство и чуждость. С. 253–260). Вслед за своей статьей, а возможно и одновременно с ее написанием, Гиппиус пишет письмо Цветаевой. Письмо это не сохранилось, но его содержание просматривается из наброска ответного письма Цветаевой (которое также не сохранилось, или, что вероятнее всего, не было отправлено).

879

В упомянутой выше статье Гиппиус как бы сочувствует Цветаевой, которая «из обманутых», которая «создана, чтобы всегда быть обманутой, даже вдвойне: и теми, кому выгодно ее обманывать, и собственной, истерической стремительностью» (Родство и чуждость. С. 256). По-видимому, и в своем письме Гиппиус таким же образом жалеет «обманутую» Цветаеву.

880

О «своей первой и единственной настоящей исповеди» католическому священнику, одиннадцати лет, в Лозанне, Цветаева вспоминала в автобиографическом очерке «Черт» (см.: СС-5. С. 43).

881

Поэзия Цветаевой всегда была чужда Гиппиус, со временем ее неприязнь к Цветаевой только возрастала. «Стихи Цветаевой – конечно, дело вкуса редакции, но на одной странице с моими – этот узел – во всяком случае бесспорное безвкусие», – писала Гиппиус М. Вишняку (Вишняк М. «Современные записки»: Воспоминания редактора. Bloomington, 1957. С. 156).

882

В 1923 г. в письме к М.С. Цетлиной Цветаева, прочтя воспоминания З. Гиппиус об Александре Блоке, восклицает: «...не вижу ее в любви, – в ненависти она восхитительна», – и просит адресата: «Напишите мне про Гиппиус: сколько ей лет, как себя держит, приятный ли голос (не как у змеи?! Глаза наверное змеиные! – бывает ли иногда добра?» (Письма 1905–1923. С. 560, 561).

883

...тонкостью подкупленной Германией... – По-видимому, речь идет о якобы спонсировании большевиков правительством Германии, о чем Гиппиус упоминает, например, в своих дневниках (Гиппиус З. Дневники: В 2 кн. Кн. 2. Под ред. А.Н. Николюкина. М: НПК «Интелвак», 1999. С. 21, 557). См. также «Мир с большевиками». – Свобода. Варшава. 18 июля 1920.

884

Цветаева намекает на немецкое происхождение Гиппиус. Род Гиппиус произошел от немца Адольфуса фон Гингста, переименовавшего фамилию на «фон Гиппиус» и переселившегося из Германии в Россию, в Москву, в XVI в.

885

Датируется условно по расположению в черновой тетради. Черновик приводимого ниже письма Цветаевой записан в ее тетради между набросками поэмы «С моря», вероятнее всего, в мае 1926 г.

886

В письмах Цветаевой Марк Львович нередко фигурировал под кличкой «дорогой»: «то со строчной, то с прописной буквы» (Годы эмиграции. С. 179). См. также письма к О.Е. Колбасиной–Черновой.

887

О существовании сына у М.Л. Слонима (как и дочери – см. ниже) никаких достоверных сведений обнаружить не удалось. Рассказы же самого Слонима весьма противоречивы. То он говорит о сыне.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru «Дружба наша (с Цветаевой. – Сост.) началась в конце ее романа с Константином Болеславовичем Родзевичем. Ей было 32 года. Она видела во мне носителя какой-то нечеловеческой духовности. Я же был просто молод. Кроме того меня оставила моя первая жена, увела от меня сына» (Лосская В. С. 170);

в другой раз о дочери:

«...когда я дружил с Мариной Ивановной в 1922–1924 годах, я мог предложить ей только дружбу. Она в то время вышла из мучительной передрыги с Родзевичем, и я тоже был в тяжелом состоянии после того, как меня оставила Сюзанна и взяла к себе Леночку...». (Там же. С. 171).

А в письме к А.А. Тесковой от 20 октября 1927 г. Цветаева сообщает адресату, что Слоним вместе с дочерью живут «рядом с нами». Комментируя этот факт в письме в предыдущем издании, составитель предположил, что, скорее всего, это мистификация Цветаевой и речь идет о соседской девочке (Письма к Анне Тесковой. 2008. С. 387). Возможно, предположение было ошибочным.

888

Леночка. – См. письмо к А.А. Тесковой от 28 ноября 1927 г. (Там же. С. 73).

889

О чем идем речь, установить не удалось.

890

Речь идет о коляске, подаренной Цветаевой по инициативе М.Л. Слонима редакцией «Воли России». См. письмо к А.А. Тесковой от 26 февраля 1925 г.

891

Цветаеву и Слонима связывала многолетняя дружба, полная «взлетов и падений» Он писал позднее:

«...я не испытывал к ней ни страсти, ни безумной любви и вместо них мог предложить лишь преданность и привязанность...» (Годы эмиграции. С. 113).

892

Из стихотворения «Попытка ревности» (1924). По словам М.Л. Слонима, стихотворение относится к нему так же, как и к Родзевичу (Лосская В. С. 171).

893

Неустановленное лицо.

894

Рецензия на поэму Цветаевой «Молодец» (Современные записки. 1926. № 27), в которой Святополк-Мирский говорил о творческом росте М. Цветаевой и Б. Пастернака:

«Пастернак зрителей и веществен, его поэзия – овладение миром посредством слов. Слова его стремятся изображать, передавать, обнимать вещи. В этом объятии и овладении реальными вещами вся сила Пастернака. Он „наивный реалист“» (Revue des Études slaves. С. 570).

895

Проза О. Мандельштама. См. письмо к П.П. Сувчинскому от 15 марта 1926 г.

896

Несколько измененная цитата из письма Б. Пастернака М. Цветаевой от 23 мая 1926 г. (Души начинают видеть. С. 209).

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

897

См. письмо Б.Л. Пастернаку от 6 апреля 1926 г. и коммент. 8 к нему.

898

Об отношении Сувчинского к поэзии Пастернака в ту пору см. введение Вадима Козового к публикации «Из переписки Б. Пастернака и П. Сувчинского» (Revue des Études slaves. Paris. LVIII 1986. 4. С. 638–639). Короткая заметка о Пастернаке была написана Сувчинским лишь три десятилетия спустя (хранится в его архиве). Однажды Цветаева высказалась Музыка о поэзии. См. коммент. 8 к письму к А.В. Бахраху от 9 июня 1923 г. (письма 1905–1923).

899

Имеется в виду либо предисловие Сувчинского к поэме «Двенадцать», вышедшей в 1921 г. в «Российско-болгарском издательстве» (София), либо, скорее всего, его статья «Типы творчества (памяти Блока)». (На путях. М.; Берлин: Геликон. 1922. С. 147–176).

900

Неточно цитируемые строки из стихотворения Б. Пастернака «Скрипка Паганини» (сборник «Поверх барьеров». 1917). У Пастернака: «С загрубевшей от музыки коркой...»

901

Поэма «Попытка комнаты», завершенная 6 июня 1926 г., опубликована в журнале «Воля России» (1928. № 3). Несколько позже Цветаева переписала для Сувчинского свою поэму, сопроводив ее надписью:

«Дорогому Петру Петровичу Сувчинскому – на память о сен-жильском лежании – ежевике, осле, – i-a – многом, бывшем и не бывшем

МЦ

St. Gilles-sur-Vie, 25-го августа 1926 г.».

902

В письме к В.Ф. Булгакову от 8 июня 1926 г. С. Эфрон писал:

«я в St. Gilles! Впервые за восемь лет по-старорежимному отдыхаю. До сих пор удивляюсь, как удалось мне вырваться из Парижа. Мои Версты уподобились клейкой бумаге, а я мухе: одну ногу вытяну – другие увязнут...» (РГАЛИ. Ф. 2226, оп. 1, ед. хр. 1253, л. 9).

903

Произведения, опубликованные в № 1 «Верст». Веселый Артем (наст. имя и фам. Николай Иванович Кочуров; 1899–1939) – советский писатель.

904

Статья Ремизова «Воистину» была написана к 70-й годовщине со дня рождения В.В. Розанова в форме письма к нему.

905

«Письма императрицы Александры Федоровны»: В 2 т. Берлин: Слово. 1924.

906

В.А. Сувчинская. См. письма к ней в наст. томе.

907

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
См. письмо к Б. Пастернаку от 22 мая 1926 г.

908

Из письма Рильке от 17 мая 1926 г. фраза Рильке заканчивалась: «...когда тебе захочется „лететь“» (Небесная арка. С. 73–74).

909

Заключительная строка стихотворения Цветаевой «Та ж молодость и те же дыры...» (1920). См. СС-1.

910

А.Л. Бем предполагал отправить свою семью на лето во Францию. О знакомстве Цветаевой с Бемом см.: Письмо М.И. Цветаевой к А.Л. Бему // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века: Межвузовский сб. науч. трудов. Вып. 3. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1998. С. 191–193 (публ., вступ. и коммент. Л.А. Мнухина)

911

См. коммент. 9 к письму П.П. Сувчинскому от 2 июня 1926 г.

912

Письмо написано на открытке с изображением St. Gilles.

913

Цветаева упоминает фрагмент из фельетона А. Яблоновского «В халате», напечатанного в газете «Возрождение» (1926, 5 мая) как отклик на ее статью:

«...Вот неуютно ли несколько примеров этой домашней бесцеремонности: „Ждать от поэта одинаковых стихов в 1915 г. и в 1925 г. то же самое, что ждать от него же в 1915 г. и в 1925 г. одинаковых черт лица. Время, как известно, не красит... И никто мне, тридцатилетней, которую знал двадцатилетней, не скажет „Как вы похорошели“. Тридцати лет я стала очерченней, значительней, своеобразней, – прекрасней, может быть. Красивей – нет. То же, что с чертами – со стихами“ (из статьи „Поэт о критике“. – Л.М.).

Как видите, это очень трудно читать без чувства неловкости. Во-первых, о дамском возрасте говорить как-то не принято это считается нелюбезностью. И уж совсем не принято, чтобы писательница говорила читателям о своей наружности:

– Нельзя сказать, чтобы я похорошела, однако стала еще прекраснее и значительнее.

Это можно сказать мужу, жениху, тете Варе, наконец – но читателям (а в особенности, критику Адамовичу) этого положительно нельзя сказать.

– Почему?

Ну, хотя бы потому, что г. Адамович может не поверить».

914

Кроме фельетона А. Яблоновского, в ответ на эссе «Поэт о критике» появился ряд статей других авторов (см. коммент. 4 к письму В.Ф. Булгакову от 9 мая 1926 г.).

915

Имеются в виду двоюродный брат Николая II Кирилл Владимирович (1876–1938) и дядя Николая II Николай Николаевич (1856–1929). В русской эмигрантской прессе этого времени шли споры о том, кто именно из них должен считаться наследником русского престола.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru 916

Ни одного голоса в защиту. – Цветаева, возможно, не успела прочесть все отклики на свою статью. «Были голоса и в ее защиту». Ср., например, в других рецензиях на «Благонамеренный»:

Н. Мельникова-Папоушек, литературный критик:

«Думаю, что не я одна прочла с чувством глубокого удовлетворения только что вышедшую в свет вторую книжку „Благонамеренного“. ...»

Статья М. Цветаевой „Поэт о критике“ замечательная вещь, но это не статья, а исповедь о переживаниях поэта. Сейчас в зарубежной русской литературе ... нет настоящей серьезной критики. Вообще, почти вся зарубежная литература страдает провинциализмом, а критика, как явление более точное, вследствие недостатка знаний впала в дилетантизм. Иными словами, сейчас нет критики, но есть частное мнение, и нет критиков, а есть публика, читатель же или публика очень легко переходят в то, что называется чернь. Так возникает в новой форме известный спор между поэтом и чернью. Замечания М. Цветаевой хлестки и остры, 99 раз они попадают в самую цель ... Данный как бы в виде приложения к предыдущей статье „Цветник“ является яркой иллюстрацией. Это собрание цитат из критик Г. Адамовича, помещенных в „Звене“ за 1925 г. Цитаты подобраны едко, умело и уничтожающе для Адамовича» (Воля России. 1926. № 5. С. 194–195).

Ф.А. Степун, философ, литературовед, критик:

«В отделе статей интересна большая вещь М. Цветаевой „Поэт и критик“. О верности главных мыслей Цветаевой можно много спорить, но об остроте и даже блеске самого процесса мышления – спорить нельзя. У Цветаевой умны не только мысли, но и фразы; иногда не столько мысли, сколько фразы, самые жесты фраз: их темпы, перехваты, ракурсы. Читать Цветаеву всегда большое наслаждение; соглашаться же с нею часто опасно...» (Современные записки. 1926. № 28. С. 483).

917

Начальная строка стихотворения Пушкина «К морю».

918

Анри де ля Рошжаклен (1772–1794) – предводитель восстания в Вандее, направленного против французской республики. Дата смерти, приводимая Цветаевой, ошибочна. В 1815 г. был убит брат Анри – Луи де ля Рошжаклен (ВРХД. 1993. № 168. С. 177).

919

Чирикова Новелла Евгеньевна (в замуж. Рождественская, Бирюкова, Ретивова; 1894–1978) – старшая дочь писателя Е.Н. Чирикова, драматическая актриса. С 1922 г. в эмиграции, жила в Чехословакии. Работала в русской библиотеке Земгора в Праге, участвовала в любительских спектаклях.

920

В.Ф. Булгаков. – См. письма к нему. ...его жена – А.В. Булгакова.

921

Тезей. – Еще в Чехословакии Цветаевой была задумана драматическая трилогия под названием «Гнев Афродиты», позже переименованная в «Тезей». Главный персонаж трилогии – герой древнегреческой мифологии Тезей, удачливый в подвигах и несчастный в любви. Части трилогии должны были называться по именам женщин, которых любил Тезей: первая часть – «Ариадна», вторая – «Федра», третья – «Елена». Написаны были первые две части.

922

На первый выпуск «Верст» Тескова откликнулась положительной рецензией в пражском журнале «Slovanský Přehled». 1926. XI. № 9. С. 715–716.

923

К письму Цветаевой было приложено письмо С.Я. Эфрона с той же просьбой о сохранении корзины с вещами. Про свое военное снаряжение Эфрон писал, что оно ему «очень дорого, как память»; про дневники и письма «не хотелось бы, чтобы неверные руки там копались. Поэтому обращаемся именно к Вам и Тесковой», а в конце письма добавил: «Простите, милый, за постоянную гнусную эксплуатацию Вас. Вот видите – непротивление злу до добра Вас не довело» (РГАЛИ, ф. 2226, оп. 1, ед. хр. 1253, л. 11).

924

Подворье Свято-Сергиевское подворье, центр православной культуры в Париже. Основан в 1925 г. митрополитом Евлогием (Георгиевским). Речь идет о венчании К.Б. Родзевича и М.С. Булгаковой. После женитьбы они поселились под Парижем, одно время были соседями Цветаевой, которая поддерживала с ними отношения (см. письмо к А.А. Тесковой от 3 января 1928 г. – СС-6. С. 363).

925

В.Б. Сосинский. См. письма к нему в наст. томе.

926

Д.Г. Резников. См. письма к нему в наст. томе.

927

«С моря» и «Попытка комнаты». См. также письмо к А.В. Черновой от 1 июля 1926 г.

928

Черновы намеревались провести лето на юго-западе Франции.

929

В действительности набросок письма был сделан не ранее 13 июня, так как в нем Цветаева отвечает, в частности, на письмо Пастернака от 5 июня 1926 г., которое (см. почтовый штемпель) получила лишь 13 июня (Души начинают видеть. С. 615).

930

В письме от 25 марта 1926 г. Пастернак писал:

«Я люблю тебя так сильно, так вполне, что становлюсь вещью в этом чувстве, как купающийся в бурю, и мне надо, чтобы оно подмывало меня, клало на бок (курсив наш. – Л.М.), подвешивало за ноги вниз головой, я им спеленут, я становлюсь ребенком, первым и единственным, мира, явленного тобой и мною» (Там же. С. 148).

931

Вероятно, речь идет о «Письме в редакцию» Святополк-Мирского, опубликованном в еженедельнике «Звено» за 16 мая 1926 г. Это было ответом на статью Адамовича из цикла его «литературных бесед» (Звено. 1926. 25 апр. №. 169; перепечатка: Адамович Г. Литературные беседы. СПб.: Алетейя. 1998, кн. 1). Статья Адамовича была, в свою очередь, откликом на доклад Святополк-Мирского, прочитанный им 5 апреля на диспуте «Культура смерти в русской предреволюционной литературе», организованном редакцией журнала «Версты» (впоследствии напечатан в № 2 «Верст» под названием «Вегание смерти в предреволюционной литературе»). Цветаева сообщила Пастернаку об этом диспуте и докладе Святополк-Мирского в письме от 6 апреля 1926 г. В своем «Письме в редакцию» Святополк-Мирский, в частности, писал:

«Я не собираюсь возражать против суждений г. Адамовича обо мне и о моем докладе, наоборот, я их приветствую, так как именно таких суждений я и ожидал. Особенно же меня обрадовал открытый г. Адамовичем „явно марксистский“ оттенок моего тезиса. В какой мере г. Адамович „не преувеличивает“ в своем резюме схематичности и прямолинейности моего доклада, могут судить все бывшие на докладе. ... Отмечу только одно характерное искажение моих слов г. Адамовичем.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Говоря о новом духе в русской поэзии, я назвал четырех поэтов, в которых, по моему мнению, этот дух особенно явно выразился: Гумилева, Маяковского, Пастернака и Цветаеву, и из этих четырех больше всего говорил именно о Гумилеве. Г. Адамович называет только трех последних и имя Гумилева опускает вовсе. В связи с его указанием на мой „явный марксизм“ и со сравнением моего доклада с изобличением гнилой буржуазной культуры в „захолустнейшем пролеткульте“, – такое умолчание очевидно не случайно» (цит. по: Адамович Г. Указ. соч. С. 538). (Души начинают видеть. С. 615–616).

932

Цветаева говорит здесь о письме к ней Пастернака от 23 мая 1926 г. См.: Души начинают видеть. С. 208–211.

933

Строка из стихотворения Рильке «Я слишком одинок на свете» (книга «Часослов»). Цветаева часто цитировала ее в своем переводе.

934

Вместе с этим письмом Рильке прислал обращенное к Цветаевой стихотворение «Элегия». См. письмо к А.А. Тесковой от 14 ноября 1936 г. (СС-6. С. 444–447).

935

Здесь и далее цитируется «Элегия».

936

Кунигунда – дочь люксембургского графа Зигфрида, супруга императора Генриха II. Опороченная в глазах супруга, она доказала свою невиновность, судом Божиим. Была причислена к лику святых. Умерла в монастыре в 1040 г. Цветаева ошиблась в датировке событий (XI, а не XIII в.).

937

См. письма Б.Л. Пастернака от 16 августа 1925 г. (Души начинают видеть. С. 121–126) и Цветаевой от 22 мая 1926 г.

938

Рильке прислал Цветаевой несколько фотографий замка Мюзо и две свои фотографии вместе с письмом от 8 июня 1926 г.

939

Сборник Б. Пастернака «Поверх барьеров». См. коммент. к письму к Б.Л. Пастернаку от 1 мая 1926 г.

940

Цветаева получала чешскую стипендию в рамках так называемой «русской акции» чешского правительства, помогавшего нуждающимся русским беженцам, и в частности, ряду русских писателей. См. коммент. 1 к письму А.А. Тесковой от 20 июля 1926 г.

941

См. коммент. 2 к письму к К.Б. Родзевичу от 5 мая 1926 г.

942

См. коммент. 4 к письму В.Ф. Булгакову от 9 мая 1926 г.

943

Речь в действительности идет не о перепечатке, а о цитате из статьи Маяковского «Подождем обвинять поэтов» (Красная новь. М.; Л., 1926. № 4, апр.), приведенной

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru в обзоре Ф. Маслова (В. Ходасевича) «По советским журналам» (дни. 1926. 30 мая. № 1019. С. 4). Цветаева цитирует Маяковского с небольшими неточностями (см.: Маяковский В. Полное собр. соч. Т. 12. М.: Худож. литература. 1959. С. 79).

944

Строки из незавершенного стихотворения Цветаевой от 16 мая 1924 г. (НСТ. С. 294).

945

Возможно, дефект копии, и следует читать «о тебе и мне» (см. коммент. к письму к Б.Л. Пастернаку от 23 мая 1926 г.).

946

Элегия Рильке, посвященная Цветаевой, была приложена в его письме к ней от 8 июня 1926 г. (Небесная арка. С. 85–87). Обещанное Пастернаку стихотворение Рильке Цветаева, скорей всего, так и не отправила (см. коммент. К.М. Азадовского, там же. С. 272).

947

Неточное воспроизведение слов из письма Цветаевой к Рильке от 14 июня 1926 г. (Последнее предложение целиком отсутствует в письме).

948

Письмо датировано В.Ф. Булгаковым и является припиской Цветаевой к краткому письму С.Я. Эфрона. К письму было приложено прошение о продлении стипендии, а также два чистых бланка за подписью Цветаевой.

949

М.С. Булгакова. См. письмо к А.В. Черновой от 9 июня 1926 г.

950

После поэм «С моря» и «Попытка комнаты» Цветаева приступила к поэме «Лестница» (СС-3).

951

Невинный – Е.А. Сталинский. Дорогой – М.Л. Слоним.

952

Каляев Иван Платонович (1877–1905) член боевой организации партии эсеров. В феврале 1905 г. убил московского генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича. Казнен.

953

Ф.А. Степун в предисловии к сборнику «Проза» М. Цветаевой (Нью-Йорк: изд-во им. Чехова. 1953. С. 16) вспомнил о разговоре с Цветаевой (в 1921 г.). когда они «выясняли разницу между героями мечты и жертвами мечтательности».

Ср. также с заключительными строками описания Ф. Степуном высылки его летом 1922 г. из России:

«Под окном мелькает шлагбаум. Куда-то вдаль, под темную, лесную полосу отбегает вращаемое движением поезда, черное по белому снегу шоссе. И в сердце вдруг ... загорается непонятная мечта (курсив наш. – Сост.) не стоять у окна несущегося в Европу поезда, а труском плестись в розвальнях по этому неизвестно куда бегущему, грязному шоссе...» (Современные записки. 1923. № 14. С. 398).

«Нет, не о павшей монархии затосковало мое сердце ... и не от революции оно отрекалось, а просто вдруг поняло, что было в первые революционные дни в русских

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
душах слишком много легкочувствия ... а должно было быть прежде всего очень
ответственно и очень страшно» (Там же. № 15. С. 283).

954

Имеется в виду рассказ А.П. Чехова «В море» (1883).

955

Так назывались пятая и седьмая главки первой части поэмы в ранней редакции (в
окончательной редакции это четвертая и пятая главки).

956

Речь идет о главках «Первое письмо», «Письмо о дрязгах», «Письмо из Севастополя»
и «Мужское письмо» ранней редакции первой части поэмы «Лейтенант Шмидт» (см.
Новый мир. 1926. № 8/9). Впоследствии Пастернак полностью исключил из текста
поэмы второе и четвертое из этих писем.

957

Цитата из стихотворения Пастернака «Гроза моментальная навек» (сб. «Сестра моя
жизнь»).

958

Эпизод из «Письма о дрязгах».

959

Из «Письма о дрязгах».

960

Разбору «Крысолова» Пастернак посвятил большое письмо от 14 июня 1926 г. (см.
Души начинают видеть. С. 230–235).

961

...не смогла (пока) взять Есенина. – В январе текущего года у Цветаевой возник
замысел поэмы-реквиема Сергею Есенину, покончившему с собой в ночь с 27 на 28
декабря 1925 г. Она срочно написала письмо Пастернаку с просьбой сообщить
подробности этой трагедии:

«...час, день недели, число, название гостиницы, по возможности – номер. С вокзала
– прямо в гостиницу? Подтвердите. По каким улицам с вокзала – в гостиницу? (Вид
и название). Я Петербурга не знаю, мне нужно знать.

Еще: год рождения, по возможности – число и месяц. Были, наверное, подробные
некрологи... Словом, все, что знаете и не знаете.

Внутреннюю линию – всю знаю, каждый жест – до последнего. И все возгласы, вслух
и внутри. Все знаю, кроме, достоверности.

Поэма не должна быть в воздухе» (цит. по: Саакянц А.–2. С. 430–431).

Пастернак подобрал и послал Цветаевой 23 февраля 1926 г. запрашиваемые ею
материалы. «Получили ли Вы уже статьи о Есенине? Если нет, то на днях получите.
Они будут Вам доставлены на дом». В этом же письме он изложил все, что знал о
подробностях гибели поэта. (См.: Души начинают видеть. С. 135–137.)

Однако замысел Цветаевой осуществлен не был. В ее тетради сохранилась запись
1926 г.:

«Тайна смерти Есенина... У этой смерти нет тайны. Она пуста. Умер от чего? Ни от
чего: от ничего. Смерть Есенина равна жесту петли на шее. Есенин весь как на
ладонке, и жизнь, и смерть. И лицо, и стихи. ... Пустота иногда полна звуками. Вот
Есенин» (СС–4. С. 509) и отдельные строки, возможно, из «несбывшейся» поэмы:

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru «Брат по песенной беде – / Я завидую тебе. Пусть хоть так она исполнится / – Помереть в отдельной комнате! – / Скольких лет моих? лет ста? / Каждодневная мечта».

И еще:

«И не жалость: мало жил. И не горечь: мало дал. / Много жил – кто в наши жил / Дни: всё дал, – кто песню дал. // Жить (конечно не новой / Смерти!) жилам вопреки. / Для чего-нибудь да есть – / Потолочные крюки» (Начало января 1926 г., СС-2. С. 262).

962

После выхода второго номера (март–апрель 1926) журнал прекратил свое существование. Его главный редактор, Д.А. Шаховской вскоре принял монашеский постриг. См. также письма Цветаевой к нему.

963

Речь идет о поэме «Попытка комнаты».

964

Речь идет о поэме «Лестница».

965

Решив прекратить издание журнала «Благонамеренный», Д.А. Шаховской известил об этом сотрудников своего журнала в начале июля 1920 г. Некоторым из них, в том числе и Цветаевой, он послал книгу своих стихов «Предметы» (Брюссель. 1926), в продажу не поступавшую. (Цикл «Стихотворения Омара Кайяма» в сборнике имел посвящение Цветаевой.)

966

Подробно комментируя это письмо в книге воспоминаний «Биография юности», архиепископ Иоанн Сан-Францисский пишет, в частности:

«Мыслящая образами, Марина вспоминает наше с ней посещение Сергиевского Подворья в Париже... Признаюсь, я сам не могу вспомнить этого посещения. Не будь этих строк Цветаевой, я был бы убежден, что его не было. „Ветер оттуда“, – говорит Цветаева об этом последнем ветре моем. Это отчасти верно, конечно, но не на Сергиевском Подворье начался этот ветер...» (С. 414).

967

Текст последнего стихотворения книги «Предметы» «Надпись на могильном камне», о котором упоминает Цветаева, таков: «По камням, по счастью и по звездам / Направлял он путь к морям далеким. / Кораблей предчувствуя движенье, / Говорил он о великом ветре. / И никто не мог ему поверить, / Что хотел он в жизни только Славы – / Отлететь на каменные звезды, / Полюбить блаженства первый камень» (цит. по экземпляру сборника с авторской правкой Частное собрание.)

968

По-видимому, окончательный расчет с сотрудниками журнала должен был произвести руководитель журнала Григорий Соколов. – См. коммент. 6 к письму к Д.А. Шаховскому от 3 марта 1926 г.

969

К этому времени были закончены поэмы «С моря» (май 1926) и «Попытка комнаты» (6 июня 1926).

970

Приписка к письму С.Я. Эфрона, в котором он делится впечатлениями от только что вышедшего первого номера «Верст». Датируется по содержанию: после выхода «Верст»

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru и до приезда Сувчинских в Сен-Жиль.

971

Выпуск первого номера журнала задержался из-за забастовки в типографии (письмо С.Я. Эфрона П.П. Сувчинскому без даты; архив П.П. Сувчинского).

12 июля в письме Е.Л. Недзельскому С.Я. Эфрон писал: «Версты вышли! У меня пока один экземпляр ... думаю, появление такого журнала в эмиграции – событие немаловажное» (Письма Сергея Эфрона к Евгению Недзельскому. С. 25).

972

В первом номере «Верст» было опубликовано «Житие протопopa Аввакума, им самим написанное».

973

Поэма была напечатана в только что вышедшем первом номере «Верст».

974

Платен Август фон (1796–1835) – немецкий поэт и драматург, стремившийся придать своим произведениям «классическую» форму. Цветаева с юных лет хорошо знала и ценила творчество Платена. После одной из встреч с Цветаевой Юрий Иваск записал в парижский дневник ее воспоминание о своем «знакомстве» с Платеном в 1912 г.:

«Сицилия. Сплошное солнце, зной. Слепляет белый песок аллеи. Иду между лаврами. Лавры – черные в этом зное, в этом солнце. Навстречу девочка: делает мне знак. Она немая. Следую за девочкой. Между черными лаврами, по белому песку выходим на круглую площадку, тоже белую. Посредине белый мрамор, бюст с надписью. August Graf von Platen (1796–1835). А я-то понятия о нем не имела! После этой сицилийской встречи прочла его, от доски то доски!» (Годы эмиграции. С. 297).

975

Из стихотворения «Nui ne sait, combien se qu'il refuse...», включенного в изданный во Франции сборник Рильке «Сады» («Vergers»). Этот сборник Рильке послал Цветаевой 31 июля 1926 г. На форзаце книги – стихотворная надпись Марине Цветаевой по-французски. Текст надписи см. в письме к Н. Вундерли-Фолькарт от 11 августа 1931 г. (Небесная арка. С. 204). Иногда Цветаева в письмах ошибочно упоминает название сборника в единственном числе («Vergger»). См. также письмо к Б. Пастернаку от 1 января 1927 г.

976

Из стихотворения Рильке «Eau qui se presse, qui court...».

977

Первые две строчки из приписываемого королеве Марии Стюарт (1542–1587) романа «Прощай, милая Франция». Им навеяно стихотворение Цветаевой «Douce France» (1939). (СС-2).

978

Из стихотворения М. Стюарт, написанного ею на смерть мужа, французского короля Франциска II. В своем письме к Цветаевой от 28 июля 1926 г. Рильке, повторив эти строки, сделал приписку: «Твой подарок, я переписал это в свою записную книжку» (Там же. С. 100).

979

Произведение Рильке на немецком языке «Песнь о любви и смерти корнета Кристофа Рильке» (1906).

980

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Цикл из семи стихотворений Рильке в составе сборника «Сады». Правильно:
«Vergers».

981

Из стихотворения Рильке «Puisque tout passe, faisons» (сб. «Сады»).

982

Из стихотворения М. Цветаевой «Поэт – издали заводит речь...» цикла «Поэты» (1923). См. СС-2.

983

Измененная цитата из стихотворения Рильке «Vers quel soleil gravitent» («Сады»).

984

Леспинас – см. письмо к С.М. Волконскому от 28 марта 1921 г. и коммент. 1 к нему (письма 1905–1923. С. 89, 93). Цитируемые Цветаевой слова принадлежат, однако, не Жюли де Леспинас, а французскому поэту и драматургу Пьеру Шарлю Руа (1683–1764). (Небесная арка. С. 281).

985

Первая строка стихотворения Рильке без названия («Сады»).

986

Из стихотворения цикла Рильке «Printemps» («Сады»).

987

Из стихотворения Рильке «Le drapeau» («Сады»).

988

Из стихотворения Рильке «Au ciel, plein d'attention...» («Сады»).

989

На конверте Рильке не указал своего имени.

990

Ср. со стихотворением Цветаевой «Восхищенной и восхищённой...» (СС-1)

991

О ком пишет Цветаева, неизвестно.

992

См. письмо Б. Пастернака от 1 июля 1926 г. («Это самая громкая нота во вселенной» – Души начинают видеть. С. 242).

993

См. «Молодец», часть вторая, глава 2 «Мраморá» (СС-3).

994

Цветаева часто употребляла глагол «мочь» с прямым дополнением.

995

Глава «Потёмкин» («Морской мятеж») из поэмы «Девятьсот пятый год». В этом же номере «Верст» (1926, № 1) была напечатана и «Поэма Горы» Цветаевой.

996

О Д.П. Святополк-Мирском см. коммент. 2 к письму к П.П. Сувчинскому от 11 марта 1926 г. Что касается отзыва Святополк-Мирского о поэме «Лейтенант Шмидт», то оценка критика была восторженной:

«Лейтенантом Шмидтом Пастернак, великий революционер и преобразователь Русской поэзии, поворачивается ко всей старой традиции русской жертвенной революционности и дает ей то творческое завершение, которая она сама себе не в силах была дать ... Все узлы дореволюционной русской традиции сошлись теперь в поэте, который исходная точка всех будущих русских традиций»(Версты, 1928, № 3, с. 154).

997

Одну из таких статей написал М. Цетлин (О литературном консерватизме и князе Д. Святополк-Мирском. Последние новости. 1926. 8 июля).

998

См. коммент. 10 к письму к Б.Л. Пастернаку от 23 мая 1926 г.

999

Гржебин Зиновий Исаевич (1877–1929) – художник, издатель. В эмиграции возглавлял в Берлине «Издательство З.И. Гржебина», где вышли «Психея» Цветаевой, книги А. Белого, Пастернака, Ремизова, Ходасевича и др. В Париже с 1923 г. Одно время служил в советском торговом представительстве, где В.Б. Сосинский работал вместе с ним в издательском отделе.

1000

Шингарёв Владимир Андреевич (ок. 1895 – после 1935) сын А.И. Шингарева (1869–1918), члена Государственной Думы, министра финансов Временного правительства. Активно участвовал в студенческом движении в Праге. В Париже с 1925 г.

1001

П.П. Милюков – редактор газеты «Последние новости». См. коммент. 4 к письму к А.А. Тесковой от 18 декабря 1926 г.

1002

По-видимому, речь идет о предстоящем бракосочетании Андрониковой с А.Я. Гальперном, которое должно было вскоре состояться в Лондоне. (Для Андрониковой это был второй брак.) О А.Я. Гальперне см. коммент. 5 к письму к С.Н. Андрониковой-Гальперн от 25 февраля 1927 г.

1003

В Лондоне Цветаева была лишь один раз, с 10 по 25 марта 1926 г. (см. письма к П.П. Сувчинскому).

1004

Речь идет о стипендии, которую Цветаева получала из Чехословакии (см. письма к В.Ф. Булгакову).

1005

То есть редакторам журнала «Воля России» (см. письмо к А.А. Тесковой от 20 июля 1926 г.).

1006

Имеется в виду дневниковая проза Цветаевой «О Германии» (дни. 1925. 13 дек.).

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Позднее, в 1938–1939 гг. после оккупации Чехословакии фашистами, Цветаева посвятила этой стране цикл стихотворений «Стихи к Чехии» (СС-2), а также стихотворение «Прага» (1932; СС-2).

1007

Поэма «Лестница», завершенная 21 июля 1926 г.

1008

Первый номер «Верст» вышел в конце июня 1926 г. См. письмо к П.П. Сувчинскому от начала июля 1926 г.

1009

С большой степенью вероятности можно предположить, что приводимая цитата из Овидия в памяти Цветаевой восходит к сборнику С. Парнок «Стихотворения» (1916), где эта строка стоит эпиграфом к четвертому разделу сборника, а также завершает собой стихотворение «Если узнаешь, что ты другом упрямым отринут...» (Звезда. 1992. № 10. С. 34. Комментарий Е.И. Лубянской и И.Д. Шевеленко). Эта цитата из вступительного очерка Овидия к «Посланиям» (Овидий. Баллады-послания. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых. 1913. С. XIV. Пер. Ф.Ф. Зелинского).

1010

Речь идет о получении С.Я. Эфроном французской визы.

1011

Приписка к письму А.С. Эфрон, где она благодарит Сосинского за присылку еженедельных журналов.

1012

См. письмо к В.Б. Сосинскому от 14 июля 1926 г. и коммент. 2 к нему.

1013

Сохранилась выписка из оригинала этого письма:

«Человеческого сердца хватает только на дно отсутствие, оттого оно (отсутствие) в сердце и оно, сердце, им, отсутствием – так полно.

Ты меня не имел и меня не терял. Я – вечно отдаленное, хронически невоплощенное присутствие, никогда отсутствие пропуск в копии

я Вам не снюсь (больше)» (цит. по: Души начинают видеть. С. 621).

1014

Цветаева должна была вернуться в Прагу, чтобы не потерять ежемесячное чешское пособие. В эти же дни С.Я.Эфрон писал своим друзьям:

«Мы попали в гнуснейшее положение и об этом до поры не хотелось писать. Чехи, давшие Марине отпуск до осени с сохранением литературной стипендии неожиданно и без предупреждения прекратили ее. Мы попали в ловушку – ни вперед, ни назад. В последние недели мы бомбардируем чехию прошениями, письмами и пр. Сейчас появилась некоторая надежда на продолжение стипендии. По пока ничего твердого» (цит. по копии. Частный архив).

Необходимость для Цветаевой вернуться в Прагу вскоре отпала. Пособие удалось отстоять, хотя оно и было уменьшено. Среди тех немногих людей, кто помог Цветаевой в это время, С.Я. Эфрон называет «скромную учительницу чешку, узнавшую, что Марина лишена стипендии» (Там же).

1015

Завадский С.В. См. коммент. 2 к письму В.Ф. Булгакову от 11 января 1925 г.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

1016

См. коммент. 10 к письму к А.А. Тесковой от 10 февраля 1925 г.

1017

Вильсонов вокзал. – См. коммент. 3 к письму к А.А. Тесковой от 26 октября 1925 г.

1018

Е.А. Сталинский. О нем см. письмо А.В. Черновой от 21 июля 1924 г. и коммент. 5 к нему.

1019

Лебедев В.И. См. коммент. 4 к письму к О.Е. Колбасиной-Черновой от 26/27 декабря 1924 г.

1020

Д.А. Шаховскому в это время было 24 года, а не 22, как пишет Цветаева. См. письма Цветаевой к нему.

1021

«Чехословацкое Министерство иностранных дел согласилось продлить М.И. Цветаевой писательскую „заимообразную ссуду“ лишь до 15 сентября (она ходатайствовала о продлении ее до 15 октября), причем, начиная с 15-го июля, размер ссуды уменьшался вдвое, с 1000 на 500 чешских крон» (примеч. В.Ф. Булгакова).

См. также письмо к А.А. Тесковой от того же 20 июля и коммент. 1 к нему.

1022

См. коммент. 2 к письму к Е.А. Ляцкому от 18 декабря 1924 г. В.Ф. Булгаков считал М.Л. Заблоцкого «человеком, мало популярным в русской литературной среде».

1023

С.В. Завадскому как председателю Комитета по улучшению быта русских писателей.

1024

«Кто-то из „доброжелателей“ М.И. Цветаевой, или просто из легкомысленных русских людей, ложно информировал круги, от которых зависело ее дело, будто, помимо помощи из Праги, она стала с некоторых пор получать еще „стипендию“ из „английских источников“» (примеч. В.Ф. Булгакова).

1025

О «Благонамеренном» и его издателях см. письма к Д.А. Шаховскому и коммент. к ним в наст. томе.

1026

Завазал Зено (Зенон) Иосифович (ок. 1881–1934) – чиновник Министерства иностранных дел Чехословакии. Гирса Вацлав (1875–1954) – врач, политический и общественный деятель, уполномоченный министра иностранных дел Чехословакии, один из руководителей Русской акции помощи эмигрантам.

1027

«Упрек Марины Ивановны оказался неверным, ибо именно благодаря представительству „эсеров“ (особо влиятельной группы в Праге) ей была продлена впоследствии выдача пособия без обязательства возвращаться в Прагу» (примеч. В.Ф. Булгакова).

1028

В.Ф. Булгаков находился в то время в Баварии и в своем письме к Цветаевой коснулся истории баварского короля Людвига. См. письмо к В.В. Розанову от 8 апреля 1914 г. и коммент. З к нему (Письма 1905–1923), а также письмо к А. Берг от 20 июня 1936 г. (СС-7).

1029

Источник цитаты установить не удалось.

1030

Неточно цитируемая первая строка из сонета Поля Верлена «A Louis il de Baviere» (1886), посвященного Людвигу Баварскому. Правильно: «Roi, le seul vrai roide siècle, salut, Sire...»

1031

Приписка к письму С.Я. Эфрона к В.А. Богенгардту.

1032

См. письма к А.А. Тесковой и В.Ф. Булгакову от 20 июля 1926 г. и коммент. к ним.

1033

Муру детская коляска уже была не нужна, и Цветаева оставила ее на квартире Черновых. В тот же день С.Я. Эфрон писал Всеволоду Богенгардту:

«Вам нужна коляска. На rue Rouvet у нас таковая имеется. Правда – вид у нее неказистый и потребует некоторого ремонта. Но это все же дешевле, чем покупать новую. Поторопись, пока не уехал Сосинский (он бывает по вечерам) – зайти и забрать...» (по копии из архива составителя).

1034

Старинные большие дорожные кареты для длительных путешествий.

1035

Письмо датируется по содержанию. Написано оно после посещения П.П. Сувчинским Сен-Жиля.

1036

См. письмо к П.П. Сувчинскому от 11 марта 1926 г.

1037

См. письма к П.П. Сувчинскому от 3 и 4 сентября 1926 г.

1038

Цитата из первой части («О монашеском житии») книги «Часослов» Рильке. Эту цитату Цветаева приводила раньше в письме к О.Е. Колбасиной-Черновой от 8 января 1925 г.

1039

Датируется по содержанию.

1040

Пособие для русских писателей во Франции получали также, кроме Цветаевой и упомянутых ею лиц, С.Н. Булгаков, И.А. Бунин, З.Н. Гиппиус, А.И. Куприн, Б.А. Лазаревский, Д.С. Мережковский, А.М. Ремизов, И.С. Шмелев (Документы к истории.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru С. 91). См. коммент. 2 к письму к А.А. Тесковой от 12 марта 1931 г. (Письма к Анне Тесковой, 2008. С. 412–413).

1041

Письмо от 28 июля 1926 г.

1042

Аллюзия на противопоставление «Божественной комедии» Данте «Человеческой комедии» Бальзака.

1043

Измененная цитата из стихотворения Рильке «Combien le pape au fond de son taste» («Сады»).

1044

Из французской детской песенки «Кораблик».

1045

Рильке в своем письме, в частности, писал:

«Ты всегда права, Марина (не редкий ли случай для женщины?) – права в самом обычном, самом безмятежном смысле. Это правообладание бесцельно и, должно быть, безначально. Но ты права своей чистой непритязательностью и полнотой целого, откуда ты черпаешь, и в этом – твое непрерывное право на бесконечность» (Письма 1926 года. С. 189–190).

1046

В статье Гёте «Природа» (1782): «И самое неестественное – тоже природа».

1047

См. письмо к Р.М. Рильке от 6 июля 1926 г. и коммент. 5 к нему. ...в подарок от Бориса – 23 мая 1926 г. Пастернак прислал Цветаевой свою статью «Несколько положений» (альманах «Современник», М. 1922. № 1), где были процитированы эти строки.

1048

Нострадамус Мишель (1503–1566) французский астролог и предсказатель. Писал свои предсказания в форме центурий (лат. *centuria* – сотня; от *centum* – сто) – стихотворений, состоящих из ста четверостиший, каждое из которых предсказывало какое-то историческое событие.

1049

Цветаева реагирует на одно из последних писем Пастернака, где он, в частности, писал:

«На прошлой неделе я дал Асееву ... прочесть Поэму Конца и Крысолова в печатных оттисках. Я дал ему месяц на прочтение и для спокойного, ничем не связанного отзыва. Он позвонил мне рано утром по телефону, под сильнейшим впечатленьем этой ни с чем не сравнимой, гениальной вещи. Потом я ее слышал в его изумительном чтении на квартире Бриков. ... Асеев читал и Крысолова, тоже чудесно, на разные голоса. Мы проработали тебя до 4-х часов ночи. Они мечтают о перепечатке Поэмы в Лефе. Я не спрашиваю твоего согласия, потому что считаю мечту неосуществимой. Главлит не допустит твоего имени, а до главлита, верно, и Маяковский, относительно которого все уверены, что вещь ему понравится безумно» (Души начинают видеть. С. 261).

1050

Элегия Рильке, посвященная Цветаевой («Elegie für Marina», 1926). См. также

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru коммент. к письму Пастернака Цветаевой от 30 июля 1926 г. (Души начинают видеть. С. 622–623).

1051

См. коммент. 9 к письму к А.А. Тесковой от 8 июня 1926 г.

1052

Из письма Пастернака от 8 мая 1926 г. (Там же. С. 199).

1053

Цветаева имеет в виду аббревиатуру СССР. См. также ее письмо к Пастернаку, написанное около 27 марта этого же года.

1054

...тупое слово враг. Гошу – гостит во всех мирах. – Строки из ранней редакции поэмы Пастернака «Высокая болезнь»: «Еще бессмысленней, чем песнь. Тупое слово враг –/ Гошу. – Гостит во всех мирах / Высокая болезнь» (цит. по: Там же. С. 623).

1055

По-видимому, Цветаева ссылается на страницу из последнего письма Пастернака (от 31 июля), где было написано:

«Асеев сказал: „как она там может жить?“ и, странно, прибавил... „среди Ходасевичей“. И тогда я подхватил это сопоставление и, вспомнив одно свое письмо, сказал им про твою нелюбовь к нему и про то, как тебя покорило, когда я стал его защищать. Я знал, как они на меня за тебя набросятся (они Ходасевича ни в грош не ставят и ненавидят), и только затем и говорил, изображая все в ином свете, чем это было в действительности. Боже, что это было за наслаждение слышать от них, как ты хороша и как я глуп и снисходителен!» (Там же. С. 263).

1056

Набросок статьи Цветаевой о прозе Пастернака см. СС-4. С. 595–597. «Б.П. взрывается сокровищами» – заключительная фраза наброска.

1057

Строки Марии Стюарт, приведенные Пьером де Бурдейлем, сеньором Брантомом (ок. 1540–1614) в своих «Мемуарах».

1058

Jeune homme. – Возможно, речь идет о книге писателя-юмориста, прозаика и драматурга Тристана Бернара (Tristan Bernard: 1866–1947) – романе «Mémoires d'un jeune homme rangé» («Мемуары порядочного молодого человека», 1899) (коммент. В. Лосской и Г. Мацнева).

1059

Цикл из восьми стихотворений «Деревья» был напечатан в № 5 (1–3) и № 8/9 (4–8) журнала «Воля России» за 1926 г.

1060

Charlot. – Чарли (Чаплин) или бродяга наподобие его героев. Чаплин Чарлз Спенсер (1889–1977) – американский актер, кинорежиссер. Создал в кинематографе образ «маленького человека».

1061

Из стихотворения Рильке «Combien a-t-on fait aux fleurs» из сборника «Vergers» («Сады»).

1062

В письмах от 30 и 31 июля 1926 г. Пастернак просил Цветаеву, ввиду сложных психологических переживаний, касавшихся его жены и сына, приостановить их переписку.

1063

Евгения Владимировна Пастернак (урожд. Лурье: 1899–1965) с сыном Евгением (1923–2012) находилась в Германии в июле–августе 1926 г. Ее поездка в Париж, о которой Пастернак писал Цветаевой, не состоялась.

1064

Прошлое еще впереди... (Vergangenheit steht noch bevor...) цитата из стихотворения Рильке «Ich bin derselbe noch, der kniete...» («Часослов»). В переводе А. Биска: «Прошедшее еще придет...»

1065

См. коммент. 5 к письму к С.Н. Андрониковой–Гальперн от 15 июля 1926 г.

1066

См. письмо к Р.М. Рильке от 14 августа 1926 г. Атлас (Атлант) в наказание за борьбу против Юпитера должен был поддерживать небо на своих плечах (миф.).

1067

В последнем письме Рильке сетовал на то, что не смог вспомнить, как по-русски будет слово «гнездо».

1068

Рильке не успел прислать Цветаевой книгу Штолля «Мифы классической древности». Это сделала секретарь Рильке, Р.А. Черношвитова, уже после его смерти. См. также письмо к П.П. Сувчинскому от 4 сентября 1926 г.

1069

Местечко Рагац, откуда было послано письмо Рильке, находилось в швейцарском кантоне Санкт-Галлене.

1070

После письма приписка: («Не-письмо» относится к лету 1926 г. Сен-Жиль, когда в этой тетради окончательно правила Тезея.) (НСТ. С. 314).

1071

Письмо датируется по содержанию. Оно написано в продолжение письма С.Я. Эфрона к П.П. Сувчинскому.

1072

С.Я. Эфрон собирался в Париж и Прагу. Дело в том, что в июне Цветаева получила от В.Ф. Булгакова, в то время Председателя Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии, извещение о прекращении выплаты ей чешскими властями пособия, если она не вернется в Чехию (см. письма к В.Ф. Булгакову и коммент. к ним). По этому поводу С.Я. Эфрон писал В.Ф. Булгакову:

«Ваше письмо уподобилось грому среди ясного неба. Положение наше таково. Мы – понадеявшись на чешское ... полуобещание ухлопали все деньги, заработанные в Париже, на съемку помещения в Вандее, заплатив до середины октября. Собирались жить на Маринину литературную стипендию. Мое Верстовое жалование в счет не идет, ибо получаю с №, а не ежемесячно, и гроши (давно уже проедены). И вот теперь, без предупреждения, этот страшный (не преувеличиваю) для нас материальный, а

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru следовательно и всякий иной, удар» (Письмо С. Эфрона к В.Ф. Булгакову. – РГАЛИ, ф. 2226. оп. 1, ед. хр. 1253, л. 12–13).

В сентябре С.Я. Эфрон ездил на несколько дней в Прагу. Тогда же, не без помощи Булгакова, была решена проблема с выплатой Цветаевой стипендии.

1073

С.В. Познер, секретарь Союза русских писателей и журналистов в Париже. См. письма к нему.

1074

Драма «Тезей» (впоследствии «Ариадна»), написанная Цветаевой еще в Чехии и заново переписанная в Сен-Жиле, была напечатана во втором номере «Верст».

1075

Ср. в письме к А.В. Бахраху от 9 июня 1923 г.: «...пишу – по слуху, т.е. на веру...» (Письма 1905–1923. С. 567).

1076

Цитата, как и две последующие, из четвертой картины «Наксос» трагедии «Тезей».

1077

Знакомство Цветаевой с А.И. Андреевой, состоявшееся в 1924 г. во Вшенорах в Чехии, со временем переросло в настоящую дружбу и оставалось до самого отъезда Цветаевой из Франции. См. письмо Цветаевой к ней от 8 июня 1939 г. (СС-7. С. 657–658). Дети Андреевой: Савва Леонидович (1909–1970) художник, артист балета; Валентин Леонидович (1913–1978) – художник, переводчик; Вера Леонидовна (в замуж. Рыжкова; 1911–1986) – прозаик, мемуарист. В 1960 г. вернулась в СССР. Автор воспоминаний о Цветаевой (Годы эмиграции. С. 163–170). Родственница. – Речь идет о Наталье Матвеевне Андреевой (урожд. Стальниковой; 1883–1962), вдове брата писателя Л.Н. Андреева, Всеволода (1873–1916). Подробно о пребывании Андреевых в Сен-Жиле летом 1926 г. см.: Андреева В. Эхо прошедшего (М.: Сов. писатель, 1986. С. 300–307).

1078

Цветаева и А.З. Туржанская познакомились в Чехословакии и вскоре подружились. Александра Захаровна дежурила у постели Цветаевой при родах сына, выхаживала младенца, которого потом крестила. Из Праги Туржанская переехала во Францию, жила в предместьях Парижа. Многие годы была старостой православного прихода в Медоне. Все годы эмиграции, вплоть до отъезда Цветаевой из Парижа летом 1939 г., помогала ей по хозяйству, ухаживала за детьми. В дневниковых записях Цветаева не раз поминала Туржанскую благодарственным словом (НСТ-2).

1079

Сувчинский собирался в Вену на съезд руководителей евразийского движения (по материалам его архива).

1080

Цветаева имеет в виду «Мифы классической древности» немецкого писателя Г.В. Штолля (1818–1890). Впервые изданная в Германии в 1862 г., книга, затем неоднократно печаталась и в русском переводе. Однако для работы над продолжением «Тезея» Цветаева использовала книгу немецкого писателя-романтика Густава Шваба (1792–1850) «Прекраснейшие сказания классической древности» (1838–1840 гг., русский перевод в 1912–1914 гг.). См. письмо к А.А. Тесковой от 8 июня 1926 г. «Источники моей Федры – вообще всей моей мифики – немецкий пересказ мифов для юношества Густава Шваба», писала она Ю.П. Иваску в письме от 4 апреля 1933 г. (СС-7. С. 381).

1081

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru «Федра», вторая часть трилогии «Тезей». О работе Цветаевой над «Федрой» см. коммент. к пьесе (СС-3).

1082

Поэма «С моря» (май 1926 г.). Опубликовано в журнале «Версты». 1928. № 3.

1083

Вероятно, письмо к П.П. Сувчинскому от 2 июня 1926 г.

1084

Речь идет, по-видимому, о фотографиях Мура, сделанных В.А. Сувчинской во время ее пребывания в Сен-Жиле в июле.

1085

Олег Туржанский. – См. коммент. 7 к письму О.Е. Колбасиной-Черновой от 2 ноября 1924 г.

1086

См. письмо к П.П. Сувчинскому от 4 сентября 1926 г. и коммент. 3 к нему.

1087

Кюрасо (кюрасао) – ликер из винного спирта с добавлением сушеных апельсиновых корок и пряностей (мускатного ореха, гвоздики, корицы).

1088

См. коммент 3.

1089

А.З. Туржанская.

1090

См. письмо к П. П. Сувчинскому от 4 сентября 1926 г. и коммент. 6 к нему.

1091

Лев Семенович Лапин (1872–1942), живший с женой Розой Абрамовной и дочерью Ниной этажом ниже (квартира О.Е. Колбасиной-Черновой находилась на четвергом этаже). Лапин, инженер по профессии, также работал в советском торгпредстве. О поисках книги см. коммент. 1 к письму к В.Б. Сосинскому от 20 сентября 1926 г.

1092

Евгений Брониславович Сосинский (1895–1958). Писал стихи под псевдонимом «Евг. Комаров». Учился живописи у Фернана Леже (1881–1955). По основной профессии – водитель такси.

1093

См. письма к А.А. Тесковой от 8 июня 1926 г. и к П.П. Сувчинскому от 4 сентября 1926 г. и коммент. к ним.

1094

Переписка Цветаевой первой части поэмы «Лейтенант Шмидт» была связана с намерением редакции журнала «Воля России» опубликовать ее. Публикация состоялась в № 2 за 1927 г.

1095

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
См. «Письмо о дрязгах» из ранней редакции поэмы «Лейтенант Шмидт» (Пастернак Б.
Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. М: Худож. литература, 1989. С. 564–565).

1096

«Мужское письмо» исключено из окончательной редакции поэмы. Ниже в тексте письма Цветаевой – цитата из него.

1097

В окончательной редакции поэмы, соответственно, главка 4, 5, 6 и 7 первой части.

1098

Для понимания этого места в письме Цветаевой Е.Б. Коркина и И.Д. Шевеленко в своей публикации (Души начинают видеть. С. 624–625) приводят строфу из главки 6 (в ранней редакции – «Ноябрьский митинг»):

Одышливость тысяч в бушлатах по-флотски,
Толпою в волненьи глотающих клецки
Немыслимых слов с окончаньем на изм,
Нерусских на слух и неслыханных в жизни.
(А разве слова на казенном карнизе
Казармы, а разве морские бои,
А признанные отчизной слои –
Свои?!)

(Пастернак Б. Т. 1, с. 311).

1099

Обращение М.Л. Слонима к Пастернаку должно было быть связано с планируемой перепечаткой первой части «Лейтенанта Шмидта» в «Воле России».

1100

Эти строки не вошли в окончательную редакцию поэмы (главка 4 первой части).

1101

Б.Л. Пастернак в работе над поэмой пользовался изданием: «Лейтенант П.П. Шмидт. Письма, воспоминания, документы». М., 1922. Дополнительная 8-я глава («Письмо к сестре») была написана по письмам Шмидта к сестре (А.П. Избаш) в кн.: Лейтенант П.П. Шмидт. Воспоминания сестры. Л., 1925

1102

Сосинский сообщил в Сен-Жиль, что взятые у соседей ключи к сундуку не подходят. А накануне, 19 сентября, Сосинский писал по этому поводу Ариадне Черновой:

«Марина Ивановна просила меня выслать греческую мифологию, которая находится в сундуке. Ключи, говорила она, находятся у Лапина. И вот ужас: Лапин говорит, что никаких ключей Марина Ивановна не оставляла ему: хотела оставить, но забыла».

Спустя несколько дней тому же адресату:

«...принялся за поиски книги... Марина Ивановна все перепутала. С ключом! Теперь, когда ключ на руках – нет книги. Наверное, она у нее. Неужели затерялась? Так радовался помочь ей – и дважды ничего не получилось...» (Архив составителя.)

1103

О.Е. Колбасина-Чернова намеревалась переменить квартиру.

1104

Речь идет о причитавшихся Эфроном деньгах, которые Сувчинский должен был передать до своего отъезда из Парижа.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
1105

В один день, 24 сентября, Цветаева пишет два письма Тесковой: одно личное, искреннее, предназначенное только для адресата («для Вас одной»), и, второе, хотя формально и адресованное Тесковой, предполагало другого адресата, человека, способного помочь Цветаевой. Цветаева просила Тескову непременно показать второе письмо этому человеку (письмо от 24 сентября 1926 г.). Таким человеком являлся Вацлав Гирса. (Цветаева не называет его фамилию, пишет: господин Г.)

1106

По завещанию матери, Цветаева и ее сестра Анастасия по истечении определенного срока должны были получить свою долю наследства. Однако деньги, хранившиеся в Государственном банке, были экспроприированы советской властью.

1107

В пригороде Парижа Медон – Бельвю Цветаева сняла дом вместе с семьей А.З. Туржанской. См. коммент. 4 к письму к П.П. Сувчинскому от 4 сентября 1926 г.

1108

Мстислав Валерианович Добужинский (1875–1957) – график, живописец, сценограф. В эмиграции с 1923 г. В конце 1920-х гг. преподавал в Париже в Русском художественно-промышленном институте и Русской художественной академии, был ее членом. Иван Яковлевич Билибин (1876–1942) – художник, график, сценограф. В эмиграции с 1920 г. С 1925 г. в Париже. С 1926 г. преподавал в Русском художественно-промышленном институте и на Курсах прикладного искусства. В 1936 г. вернулся на родину.

1109

«С моря» – поэма опубликована в «Верстах» (1928, № 3); «Попытка комнаты» – в «Воле России» (1928, № 3); «Лестница» – там же (1926, № 11).

1110

Руднев Вадим Викторович (1879–1940) – врач, политический и государственный деятель, издатель, публицист, редактор. Избирался Московской городской головой. Член ЦК партии эсеров. В эмиграции с 1919 г., обосновался во Франции, жил в Париже. Один из основателей и соредaktor журналов «Современные записки» (с 1920 по 1940) и «Русские записки» (в 1937–1939). С 1921 г. Генеральный секретарь и член исполнительного комитета парижского Земгора.

История сложных отношений между поэтом и прозаиком Цветаевой и редактором и издателем Рудневым нашла свое отражение в их интенсивной переписке в 1933–1937 гг. См.: Письма к В. Рудневу.

1111

См. коммент. 1 к предыдущему письму к А.А. Тесковой от 24 сентября.

1112

1-ая часть трилогии. – «Ариадна». См. коммент. 9 к письму к А.А. Тесковой от 8 июня 1926 г.

1113

Сергей Иванович Варшавский (1879 – после 1945) – присяжный поверенный, журналист, публицист. В эмиграции жил в Чехословакии. Преподавал на Русском юридическом факультете. Председатель Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии (1934–1939). В 1945 г. арестован советскими специальными службами и увезен в СССР.

1114

См. коммент. 2 к письму к Е.А. Ляцкому от 18 декабря 1924 г.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

1115

При доме, который сняла Цветаева в парижском предместье, был небольшой сад. См. также письмо 105–26 к А.А. Тесковой от 24 сентября 1926 г.

1116

Из стихотворения А. Блока «Унижение» (1911).

1117

См. коммент. 3 к письму П.П. Сувчинскому от 4 сентября 1926 г.

1118

Вадим Леонидович Андреев (1902–1976). Прозаик, поэт. Сын писателя Л.И. Андреева от первого брака. См. письма Цветаевой к нему (СС-7).

1119

Название дома в Сен-Жиле, который снимала на лето семья Цветаевой.

1120

«Les Hauts de Hurlevent» – французский перевод названия единственного романа английской поэтессы Эмили Бронте (1818–1848) «Wuthering Heights» (1847, в русском переводе – «Грозовой перевал»). Роман «Джен Эйр» (1847) написала вторая сестра Бронте, Шарлотта (1816–1855); перу третьей сестры. Анны (1820–1849), принадлежат два романа «Агнес Грей» (1847) и «Арендатор Вайлдфелл-Голл» (1848).

1121

Цветаева обыгрывает название повести О. Мандельштама «Шум времени». ...вспомните Мандельштама и Мирского... – см. письмо к П.П. Сувчинскому от 15 марта 1926 г и коммент. к нему.

1122

Цветаева покинула Сен-Жиль 2 октября и поселилась в пригороде Парижа – Бельвю.

1123

См. также письмо 105–26 к А.А. Тесковой от 24 сентября 1926 г.

1124

Письмо Цветаевой является припиской к письму С.Я. Эфрона, в котором речь шла о содержании будущего номера «Верст» (№ 2):

«Дорогой Лев Исаакович,

Повторяем свою просьбу – написать несколько страниц о В. Розанове. Редакционное предисловие к „Апокалипсису“ напишет Сувчинский, Ваша же статья будет напечатана не при материалах, а сама по себе.

Просьба срочная, ибо № уже в наборе. Размер статьи – чем сжатее, тем для нас лучше. Мы вынуждены чрезвычайно экономить место. Точнее: три – четыре – пять страниц.

Привет. С. Эфрон

Если укажете час приезда – встретим».

1125

См. коммент. 3 к письму 105–26 к А.А. Тесковой от 24 сентября 1926 г.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
1126

Брэй. – См. коммент. 2 к письму А.А. Тесковой от 21 февраля 1927 г.

1127

Приписка к письму С.Я. Эфрона, в котором он пишет о нежелании П.П. Сувчинского печатать в «Верстах» статью Недзельского. Ни одна статья Недзельского так и не была напечатана в «Верстах», несмотря на обещания редакции.

1128

Об отклонении редакциями журналов «Версты» и «Современные записки» статьи Цветаевой см. письма к П.П. Сувчинскому от 15 и 29 марта 1926 г. и к М.В. Вишняку от 15 апреля 1926 г. и коммент. к ним.

1129

Соредактор журнала «Версты» П.П. Сувчинский, который был сыном потомственной польского дворянина, графа Петра Шелиги-Сувчинского.

1130

О бабушке Цветаевой по материнской линии см. коммент. 3 к письму к Д.А. Шаховскому от 10 октября 1925 г.

1131

Датируется по содержанию.

1132

Цветаева отвечает на отдельные, ее касающиеся положения, высказанные В.Ф. Ходасевичем в его рецензии на первый номер журнала «Версты». Она была опубликована в октябре текущего года в XXIX номере «Современных записок» («Верстах». С. 433–441).

1133

Говоря о журнале, критик подводит под его содержание политическую базу:

«Открываются „Версты“ стихами и прозой. В предисловии сказано, что задача их направлять читательское внимание на все лучшее и самое живое в современной русской литературе. В соответствии с этим в художественном отделе „Верст“ встречаем двух эмигрантских авторов (Марину Цветаеву и А. Ремизова) и пять советских ... Надо было показать, что „лучшее и самое живое“ идет из СССР, и это сделано» (Там же. С. 436).

Советские авторы это: Пастернак, Есенин, Сельвинский, Бабель и Артем Веселый.

1134

Цветаева подчеркивает, что она выехала из России исключительно с целью воссоединения семьи.

1135

Цветаева неоднократно в те годы подвергалась резкой критике как в эмигрантской печати, так и в Советской России. См., например, статьи и высказывания советских критиков С. Водова, А. Свентицкого, Г. Лелевича, Д. Горбова, в эмиграции – И. Бунина, З. Гиппиус, В. Злобина, А. Яблоновского и др. (см. в кн.: Родство и чуждость).

1136

Часто цитируемые Цветаевой перефразированные строки из стихотворения Каролины Павловой (1807–1893) «Поэт» (1839). У Павловой: «Он вселенной гость, ему всюду пир, / Всюду край чудес; / Ему дан в удел весь подлунный мир. / Весь объем небес...»

1137

Цветаева приводила заключительную фразу Ходасевича из его рассуждений о статье Сувчинского в «Верстах» «/Два ренессанса (90-ые 900-ые и 920-ые годы)»:

«Заявлять устами Сувчинского о „новом русском ренессансе 920-х годов“, наставшем потому, что „в каких-то новых большевицких людях тяга к социальному делу и жизненной подвижности проснулась с необычайной силой“. Мы знаем, кто эти „какие-то новые большевистские люди“. Это нэпманы всех мастей и профессий, начиная от бывших рабочих и кончая публицистами... это – смесь чека и охранки... черно-красная сотня, краса и гордость любой реакции. Кроме нее, сейчас, „там“ все придушено и задушено. Кремлевцы ошибочно считают ее надежным тормозом при их спуске от „мировой социалистической“. Сувчинский (кажется – правильнее) ожидает, что „тяга к национальному делу“ выльется у нее в славный еврейский погром».

Здесь Ходасевич дает ссылку:

«Что не очень любезно в журнале, где один из редакторов – С.Я. Эфрон, а в числе сотрудников – Пастернак, Бабель, Л.И. Шестов и Артур Лурье» (Там же. С. 435).

Более обстоятельно тему «редактора-еврея» (С.Я. Эфрона) Цветаева затронула в письме к П.П. Сувчинскому и Л.П. Карсавину от 9 марта 1927 г.

1138

Дурново. – См. письмо к П.П. Сувчинскому и Л.П. Карсавину от 9 марта 1927 г и коммент. к нему.

1139

Советская служба – Ходасевич вел занятия в литературной студии московского Пролеткульта (1918), по предложению Горького заведовал московским отделением издательства «Всемирная литература» (1918–1920) и др. Заступничество Горького спасло Ходасевича от мобилизации в Красную армию, в 1921 г. Горький выхлопотал для Ходасевича жилье в Петрограде и т.д. За границей их близкие отношения продолжились. Ходасевич с женой, Н.Н. Берберовой, поселился с Горьким в одном пансионате в г. Сааров (1923), провел вместе зиму 1923–1924 гг. в Мариенбаде. в 1924–1925 гг. жил на вилле Горького в Сорренто. В 1923–1925 гг. Ходасевич исполнял обязанности литературного редактора журнала «Беседа», который издавал Горький в Берлине.

1140

Тео. – Театральный отдел Наркомпроса. В 1918–1919 гг. Ходасевич служил здесь в репертуарной секции.

1141

Еще об одном редакторе «Верст» – кн. Д.П. Святополк-Мирском Ходасевич писал в своей статье:

«Его оценкам я не могу придавать значения, прежде всего потому, что они часто и по весьма очевидным поводам меняются. Недавно кн. Святополк-Мирский объявил Марину Цветаеву великою поэтессой и радовался чести быть ее современником» (Там же. С. 437).

Речь, по-видимому, идет о рецензии на поэму Цветаевой «Молодец», где Святополк-Мирский определил ей среди «попов после-революционных» «первое, или одно из двух первых мест» и радовался тому, что она его «современница» (Современные записки. 1926, XXII. С. 569, 572). Далее в качестве непоследовательности Святополк-Мирского Ходасевич указал на его презрительную реплику в адрес Цветаевой («она просто безнадежно распущенная москвичка») в предисловии к книге «Русская лирика. Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака» (Париж. 1924. С. XIII).

1142

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru Александровское военное училище в Москве (на Знаменке, основано в 1863 г.). В частящее время здание Министерства обороны. Возможно, речь идет о состоянии (старении) многочисленных колонн здания училища (внешних и внутренних). Или, что не исключено, Цветаева имеет в виду колонны учащихся училища, которые «белели» (от «Белое движение»). Например, бывший выпускник училища, поручик и поэт Александр Генкин (1901–1964) в своем стихотворении «Мысли молодых юнкеров александровцев» восклицал:

...Никто грядущего не знает.
Быть может близится пора, –
И легким строем прошагают
В погонах белых юнкера.
(Александровец. Журнал военно-общественный. Париж. 1952. № 1. С. 4.)

1143

Обозревая содержание журнала «Современные записки» за пять лет, Святополк-Мирский писал в «Верстах» (1926. № 1. С. 207):

«Надо различать, между основным ядром его и периферией. Периферия – случайные, не связанные с существом („душой“) журнала гости – Андрей Белый, Ремизов, Шестов, Марина Цветаева. Ядро это собственно „зарубежная“ литература Мережковские, Бунин, Алданов, Ходасевич, Зайцев...»

Ходасевич отвечает критику:

«Прием, конечно, резвый, но в какой мере добросовестный – читатель сейчас убедится. Статья кн. Святополк-Мирского посвящена двадцати шести книжкам „Современных Записок“... принадлежащий к „ядру“ Бунин был напечатан в десяти книжках, принадлежащий туда же Мережковский – даже только в семи. А из „случайных гостей“ мы видим М. Цветаеву в двенадцати книжках...» (Современные записки, 1926, ХХІХ. С. 438–439).

1144

Неточность. За два года, с октября 1924-го, Цветаева публиковалась в журнале три раза (1924. ХХІ, 1925. ХХІІІ, ХХVІ). Затем наступил перерыв до сентября 1928 г.

1145

За те же два года (см. выше) Цветаева напечаталась в «Воле России» в одиннадцати книжках (пятнадцати номерах, с учетом сдвоенных).

1146

Датируется по содержанию.

1147

См. предыдущее письмо и коммент. к нему.

1148

Письмо Цветаевой, похоже, отправлено не было. Тем не менее, действительно, сотрудничество с журналом прекратилось. В 1928 г. появилась трагедия «Тезей» (ХХХVІ), а публикация стихов Цветаевой в «Современных записках» возобновилось лишь спустя пять лет (в мае 1931 г., ХLVI).

1149

Цветаева указывает Рильке на свой новый адрес. См. письмо 105–26 к А.А. Тесковой от 24 сентября 1926 г. и коммент. 3 к нему.

1150

О возможном приезде Ахматовой в Париж сведения, вероятно, привез кто-нибудь из покинувших Россию. В. Вейдле вспоминает, как перед его отъездом из России, в 1924 г., Ахматова интересовалась возможностью устроить сына в русскую гимназию

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru (нп. с. 378).

1151

См. коммент. 7 к письму к А.А. Ахматовой от 26 апреля 1921 г. (письма 1905–1923. С. 402).

1152

В Александрове летом 1916 г. написаны двенадцать (из тринадцати) стихотворений, обращенных к А. Ахматовой. Под впечатлением проводов солдат на войну здесь же, 3 июля, Цветаева пишет стихотворение «Белое солнце и низкие, низкие тучи...» (СС-1).

1153

Борис Зайцев, помимо своей просьбы к Комитету в виде приписки к письму Цветаевой, сопроводил ее прошение отдельным письмом к генеральному секретарю Комитета С.В. Познеру:

17 ноября 1926 г.

Дорогой Соломон Владимирович, прилагаю прошение Марины, полученное в последнюю минуту – и при этом она думает, что я в Вашем Комитете. Пожалуйста, поддержите ее!

Всего лучшего!

Борис Зайцев.

Приписка на полях:

P.S. Дорогая Эсфирь Соломоновна, боюсь, что Соломона Владимировича нет, а заседание нынче в (5 часов?) может быть, Вы позвоните мужу? Я не знаю, где собираются, – обращаюсь к Вашей всегдашней отзывчивости. Ваш Борис Зайцев.

Зайцев Борис Константинович (1881–1972) один из крупнейших писателей русской эмиграции, член правления Союза русских писателей и журналистов в Париже (в состав Комитета помощи не входил). Вместе с женой В.А. Зайцевой много помогал семье Цветаевой в 1920–1930-е гг. Познер С.В. – см. письма к нему от 25 марта и 23 декабря 1927 г. Его жена Э.С. Познер (урожд. Сидерская; 1882–1942). Письмо Б.К. Зайцева С.В. Познеру печ. впервые по копии с оригинала, хранящегося в архиве ВДИС.

1154

Письмо датируется по почтовому штемпелю.

1155

Лелик – см. коммент. 2 к письму к А.В. Черновой от 1 апреля 1925 г. [Лелик – Олег Туржанский.] Маргарита Николаевна – Лебедева М.Н.

1156

Д.П. Святополк-Мирский.

1157

«Версты» (№ 2) с первой частью трилогии «Тезей» вышли в начале января 1927 г.

1158

О «книге на дне корзины» см. письмо к А.А. Тесковой от 8 июня 1926 г. и к В.Б. Сосинскому от 16 сентября 1926 г.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

1159

...de Pompadour. – Помпадур Жанна Антуанетта Пуассон, маркиза де (1721–1764) – фаворитка французского короля Людовика XV. Покровительствовала писателям и философам.

1160

Милюков Павел Николаевич (1859–1943) – политический деятель, лидер партии кадетов, историк, публицист. В эмиграции жил в Париже, с 1921 г. бессменный главный редактор газеты «Последние новости». Цветаева не раз высказывалась о своих сложных отношениях с газетой и ее редактором. См., например, ее письма к В.В. Рудневу, где она называет его «могущественным врагом»:

«Это гораздо глубже, чем вражда личная (да ее и нет!), это вражда – рас, двух особей, и моя, конечно, побита – везде, всегда» и т.д. (Письма к В. Рудневу. С. 51, 52).

Отклик «Последних новостей» на первый выпуск «Вёрст» был одним из самых резких: Антон Крайний «О Вёрстах и о прочем» (1926, 14 авг.). Автор рецензии обвинил редакцию «Вёрст» в просоветских настроениях, а поэзию Цветаевой определил как беспринципную. См. также письмо к З.Н. Гиппиус в наст. томе.

1161

«Версты» (№ 2, 1927) опубликовали «Апокалипсис нашего времени» В.В. Розанова (9 выпусков из 10).

1162

Какой случай с В. имеется в виду, неизвестно. Судя по последующему тексту и письмам к О.Е. Колбасиной–Черновой от 9 июня и 10 июля 1925 г., речь, возможно, идет о Вадиме Андрееве.

1163

Имеется в виду кинематограф.

1164

Рильке умер 29 декабря 1926 г.

1165

О смерти Рильке Цветаевой сообщил М.Л. Слоним. Позднее она описала эту встречу:

«Я помню день: утром 31-го пришел Слоним – приглашать на встречу Нового Года в ресторан – и: – „А Вы знаете? Рильке умер“. (Умер 30-го)…» (Письма к Анне Тесковой, 2008. С. 263).

В воспоминаниях о Цветаевой Слоним уточняет:

«Моя первая встреча с Мариной Ивановной после поездки в Америку была именно в Бельвю, 31 декабря 1926 года.. Но происходила она совсем не в тех легкомысленных тонах, в каких она ее изобразила в письме к Тесковой... Я действительно привез Марине Ивановне печальное известие о кончине Райнер Мария Рильке (он умер 29, а не 30 декабря, как она пишет). Отлично зная, как она его боготворила, я сообщил ей о его смерти с большой осторожностью – а не „между прочим“ (ее слова). Марина Ивановна была очень взволнована и сказала: „Я его никогда не видела и теперь никогда не у вижу“» (Годы эмиграции, С. 117).

1166

Последнее письмо Рильке к Цветаевой было написано 19 августа 1926 г. Таких слов в этом письме нет. Однако по смыслу близка к ним фраза «Nicht bis in den Winter!» («Не дожидаясь зимы!»). «Видимо, 6 сентября – придуманная, загаданная Цветаевой дата ожидаемого ею ответа от Рильке» (коммент. К.М. Азадовского. Небесная арка. С. 293).

1167

Rainer, was ist? Rainer, liebst Du mich noch? – Неточная цитата из письма Цветаевой к Рильке от 7 ноября 1926 г.

1168

Михаил Аркадьевич Светлов (1903–1964) был членом группы комсомольских поэтов «Молодая гвардия». Его стихотворение «Гренада» было впервые опубликовано 29 августа 1926 г. в газете «Комсомольская правда». Цветаева переписала текст стихотворения в свою тетрадь. После стихотворения приписка: (NB! Повторяется 3-тье четверостишие, но лучше так: у Светлова всегда пересказано. И в Гренаде – лучшей песне за 20 лет.) (НСТ. С. 553).

1169

См. коммент. 10 к письму к Б.Л. Пастернаку от 1 июля 1926 г.

1170

Цветаева вспоминала позднее в письме к Пастернаку от 31 декабря 1929 г.:

«Слезы о Рильке лились уже не вниз, а ввысь, совсем Темза во время отлива» (СС-6. С. 275).

1171

См. письма к Рильке от 14 и 22 августа 1926 г.

1172

См. письмо к Рильке от 22 августа 1926 г. и коммент. 3 к нему.

1173

По христианским верованиям, за правым плечом человека находится его ангел-хранитель.

1174

Рильке родился 4 декабря 1875 г. в Праге.

1175

Ср. строку из «Новогоднего»: «Буду чокаться с тобой тихим чоком...» (СС-3. С. 134).

1176

К 31 декабря, моменту, когда проходил вечер, со дня смерти Рильке прошло уже более двух суток. Похоронен Рильке 2 января 1927 г.

1177

Внучка Рильке – Кристина Зибер-Рильке (1923–1947). Рильке писал Цветаевой в письме от 17 мая 1926 г., что никогда не видел своей внучки (Небесная арка. С. 70, 260).

1178

См. коммент. 1 к письму к Б.Л. Пастернаку от 31 декабря 1926 г.

1179

О предполагаемой будущей совместной поездке Цветаевой с Пастернаком к Рильке см. ее письмо к Рильке от 3 июня 1926 г.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

1180

Тоуэр (Тауэр) – знаменитый лондонский замок. Служил королевской резиденцией, затем тюрьмой для государственных преступников. В настоящее время – музей.

1181

См. коммент. 2 к письму к Рильке от 6 июля 1926 г.

1182

Из стихотворения Цветаевой «Над синевой подмосковных рощ...» из цикла «Стихи о Москве» (СС-7).

1183

Bellevue. – Из этого предместья Парижа, где жила Цветаева, она послала свое последнее письмо Рильке (7 ноября 1926).

1184

Письмо написано на конверте письма Д.П. Святополк-Мирского к Пастернаку, датированного 8 января. В конце письма, посвященного публикациям Пастернака в Париже и переводам его произведения. Святополк-Мирский уведомляет адресата, что будет просить Цветаеву переслать это письмо (Души начинают видеть. С. 282).

1185

Святополк-Мирский убедительно просил Пастернака, чтобы тот сообщил ему свой адрес (Там же).

1186

Возможно, речь идет о журнале «Звено» (1927. № 206. 9 янв.). См. письмо к Пастернаку от второй половины мая 1927 г.

1187

См. коммент. 1 к письму в Комитет помощи от 11 декабря 1925 г.

1188

Цитата из стихотворения Цветаевой «Поэт – издалика заводит речь...» (цикл «Поэты», 1923). (СС-2).

1189

См. коммент. к письму к П.П. Сувчинскому и Л.П. Карсавину от 9 марта 1927 г.

1190

Речь идет о семье Туржанских. См. коммент. 4 к письму к П.П. Сувчинскому от 4 сентября 1926 г., а также письмо 105-26 к А.А. Тесковой от 24 сентября 1926 г. Взрослые сын и дочь... – Туржанский Владимир Константинович (1888–1948) – правовед, артист, гример, и Туржанская Зинаида Константиновна (1886–1970), брат и сестра кинорежиссера Виктора Туржанского. Жена другого сына. – А.З. Туржанская.

1191

Описка Цветаевой: Муру 1 февраля 1927 г. исполнялось 2 года.

1192

Германский Орфей. – в мае 1926 г. Рильке прислал Цветаевой свой сборник «Сонеты к Орфею». 12 мая 1926 г. Цветаева писала Рильке: «Вторую ночь вчитываюсь в твоего Орфея. (Твой Орфей – страна, поэтому: в)». (СС-7. С. 59). Орфей. – В греческой мифологии певец и музыкант. Своим пением очаровывал богов и людей.

1193

11 февраля 1927 г. М.Л. Слоним выступил в Чешско-русской Едноте с докладом о творчестве Цветаевой.

1194

Речь идет о похоронах невесты М.Л. Слонима, Лариссы Бучковской, погибшей в автокатастрофе. Автомобиль принадлежал председателю Совета Министров Чехословакии, и полиция попыталась скрыть обстоятельства ее гибели от печати и близких.

...сломалась-то – новая. – Слоним был глубоко задет словами Цветаевой.

«Это все, что она почувствовала, узнав о трагической гибели Лариссы Бучковской, раздавленной автомобилем... Она ни словом, ни письмом меня не попыталась поддержать в этот момент, одни из самых страшных в моей жизни. Это – странная какая-то ее жестокость, холод бесчувствия...»

– писал он спустя годы (Лосская В. С. 318).

1195

...сочла за ангела, второго за героя... – Ангелом здесь, скорее всего, Цветаева называет Юрия Александровича Завадского (1894–1977), актера и режиссера, в которого одно время была влюблена. Ему Цветаева посвятила цикл стихотворений «Комедьянт» (1918–1919). Ср. в эпиграфе к этому циклу «– Комедьянту, игравшему Ангела, – или Ангелу, игравшему Комедьянта...» (СС-1. С. 450). Что касается героя, то, по предположению Е.О. Айзенштейн, им мог быть актер Владимир (Володя) Васильевич Алексеев (1892–1919). Пропал без вести во время Гражданской войны на юге России. Его имя Цветаева произносит часто вместе с именем Завадского. (В «Повести о Сонечке», в «Записных книжках» и др.) В 1934 г. Цветаева увидела их обоих во сне. (См.: Айзенштейн Е. Сны Марины Цветаевой. СПб.: Академический проект, 2003. С. 333). Ср. также запись Цветаевой 1920 г.: «Недавно мне снился во сне Володечка Алексеев ... Володя это достойный преемник Сережи! – Только этих двоих я, пожалуй, в жизни и любила!» (НЗК-2. С. 79). Однако, на наш взгляд, под героем Цветаева могла подразумевать и своего мужа, Сергея Эфрона («да, да»). (См., например: Аннинский Л. Эфрон Марины Цветаевой; Цветаева М., Эфрон С. Нет на земле второго Вас... М.: Вагриус, 2007. С. 9–12).

1196

А.А.Тескова также могла быть на этой лекции, а возможно, Цветаева рассказывала ей о встрече и сейчас напоминает о ней. Этот эпизод нашел отражение и в письме к О.Е. Колбасиной-Черновой от 9 июня 1925 г. См. коммент. 5 к нему. Подробнее см.: Кузнецова Т.В. Цветаева и Штейнер. Поэт в свете антропософии. М.: Присцельс. 1996.

1197

Датировано А.С. Эфрон.

1198

Видимо, Черносвитова сообщила Цветаевой об отправке ей книги мифов (см. ниже) и послала ей фотографию Рильке (см. письмо к Н. Вундерли-Фолькарт от 5 июля 1930 г. СС-7. С. 357–358).

1199

См. письмо к Б.Л. Пастернаку от 31 декабря 1926 г. и коммент. 2 к нему.

1200

Имеется в виду поэма «Новогоднее».

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru 1201

Открытка Цветаевой от 7 ноября 1926 г. была отправлена по адресу: Chateau de Muzot s/Sierre (Valais) Suisse.

1202

Письмо Цветаевой, где были бы приведены эти слова, не обнаружено.

1203

См. коммент. к статье «Кедр. Апология» (СС-5).

1204

См. письма к Р.М. Рильке от 22 августа 1926 г., П.П. Сувчинскому от 4 сентября 1926 г., Б. Л. Пастернаку от 9 февраля 1927 г. В письме к Н. Вундерли-Фолькарт от 2 апреля 1930 г. Цветаева писала, что «Мифология» была получена ею от Черносвитовой в середине января 1927 г.: «Вероятно, Вам будет приятно знать, что через две недели после его ухода я получила от него подарок: греческую мифологию по-немецки...» (СС-7. С. 355). Вероятнее всего, это было издание: Stoll H.W. Die Gotten und Heroen des klassischen Altertums. Populäre Mythologie der Griechen und Römer. 2 Bände. Leipzig, 1875 (небесная арка. С. 301).

1205

Цветаева имеет в виду свое письмо с ложным известием о смерти Рильке. Это письмо лета 1925 г. не сохранилось. (Души начинают видеть. С. 628). Пастернак ответил большим письмом (там же. С. 121–125).

«Если что-нибудь знаете о его смерти поподробнее, непременно напишите. А я за этим известием вмиг осиротел...» (С. 123).

1206

Элегия Рильке, посвященная Цветаевой («Elegie für Marina», 1926). См. письмо к Пастернаку от 4 августа 1926 г., а также коммент. к письму Пастернака Цветаевой от 30 июля 1926 г. (Души начинают видеть. С. 622–623).

1207

См. коммент. 1 к письму Пастернаку от 9 февраля 1927 г.

1208

Первоначальное название поэмы «С моря» (1926). Ср. строки из нее: «Всех объегоря, / Скоропись сна! – / Вот тебе с моря – / Вместо письма!..» (СС-2. С. 109).

1209

А.И. Цветаева.

1210

Зелинский Корнелий Люцианович (1896–1970) советский литературовед, литературный критик. В 1926–1927 гг. в Париже был литературным помощником посла СССР Х.Г. Раковского, одновременно состоял парижским корреспондентом «Известий». Зелинский, действительно, давал «Версты» Пастернаку.

«Версты не могли дойти до меня: зарубежные русские книги посылать никогда не следует, они остаются в цензуре. Их мне дал Зелинский... Версты пробыли у меня только сутки. Но, конечно, я проглотил, все...» писал Пастернак Цветаевой (Души начинают видеть. С. 283).

1211

В письме от 3 февраля 1927 г. Пастернак, получив фотографии Мура, был восхищен: «...как он великолепен в своей младенческой надменности и насколько,

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru действительно, наполеонид» (Там же. С. 283). Ср. запись Цветаевой в тетради о трехлетнем Муре, где она отмечает, что «есть в нем что-то», что заставляет «называть его Наполеоном» (НСТ, С. 388).

1212

Не не-все в нем было сном, а ничто. – Парафраз слов из стихотворения Байрона «Темнота» в переводе И.С. Тургенева: «Я видел сон. Не все в нем было сном» (Души начинают видеть. С. 629).

1213

30 апреля 1923 г. в Праге Цветаева была на публичной лекции Рудольфа Штейнера «Что хотел Гетеанум и чем должна быть антропософия?». См. письмо к Л.В. Чириковой от 27/30 апреля 1923 г. (письма 1905–1923. С. 555), а также запись, которую Цветаева сделала в черновой тетради сразу после вечера (НСТ. С. 233–235).

1214

В «Верстах», № 3 (1928) стихов Пастернака не было. Я дам Письмо. – Речь идет о поэме «Новогоднее», напечатанной в этом номере. В отделе поэзии журнала, кроме Цветаевой («С моря» и «Новогоднее»), были напечатаны стихи молодого парижского поэта Михаила Струве.

1215

Несохранившееся письмо Цветаевой от 5 февраля 1927 г. содержало описание похорон Рильке по-французски (Души начинают видеть. С. 629).

1216

Речь идет о Е.А. Черносвитовой. См. письмо к ней.

1217

См. письмо к Е.А. Черносвитовой и коммент. 8 к нему.

1218

L'Âme et la Danse («Душа и танец»). – Сократический диалог французского поэта Поля Валери (1871–1945). Осенью 1926 г. Рильке перевел этот диалог на немецкий язык. Историю чтения Рильке этой книги см. коммент. К.М. Азадовского (Небесная арка. С. 304). А последней вещью Валери, которую Рильке читал незадолго до смерти, был очерк «De diction des vers» («О чтении стихов»). (Там же).

1219

Речь идет о работе над поэмой «Новогоднее» (Души начинают видеть. С. 630).

1220

Неточная цитата из стихотворения М. Светлова «Гренада». См. письмо к Пастернаку от 31 декабря 1926 г.

1221

В письме к Цветаевой от 3 февраля 1927 г. Пастернак писал: «По всей ли грубости представляешь ты себе, как мы с тобой осиротели?» (Души начинают видеть. С. 283). В ответ Цветаева приводит строки наброска своего незавершенного стихотворения, обращенного к Пастернаку и начатого одновременно с «Новогодним».

1222

Впоследствии Цветаева изменила свое мнение и вернулась к этому вопросу в своей статье «Поэт и время»:

«Подхожу к самому трудному для себя ответу: показателен ли для наших дней

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Рильке, этот из далеких – далекий, из высоких – высокий, из одиноких – одинокий.
Если – в чем никакого сомнения – показателен для наших дней – Маяковский.

Рильке не есть ни закат, ни показ нашего времени, – он его противовес.

Войны, боины, развороченное мясо розни – и Рильке.

За Рильке наше время будет земле – отпущено.

По обратности, то есть необходимости, то есть противуюдию нашего времени Рильке
мог родиться только в нем.

В этом его – современность.

Время его не заказало, а вызвало.

Заказ множества Маяковскому: скажи нас, заказ множества Рильке: скажи нам. Оба
заказа выполнили. Учителем жизни Маяковского никто не назовет, так же как Рильке
– глашатаем масс.

Рильке нашему времени так же необходим, как священник на поле битвы: чтобы за
тех и за других, за них и за нас: о просвещении еще живых и о прощении павших –
«молиться» (СС-5. С. 341–342).

1223

«St. Gilles-sur-Vie (survie!)» – игра слов: sur-Vie – на реке Ви; survie –
букв.: загробная жизнь. См. подробнее коммент. к письму Цветаевой.

1224

См., например, статьи о «Верстах» И. Бунина, Антона Крайнего (З. Гиппиус). В.
Злобина в кн.: Родство и чуждость. См. также черновик письма к В.Ф. Ходасевичу
от октября 1926 г.

1225

В одном из февральских писем к Цветаевой Пастернак вспоминал о своей встрече
Нового года, когда первым, кто его поздравил, была его знакомая Лили Харазова.
«Ты ни ее, ни, верно, о ней не знаешь... Я тебе м.б. когда-нибудь о ней расскажу и
о том, как и чем она связана с Rilke» (души начинают видеть. С. 312–313).
Харазова, выросшая в Швейцарии, писала стихи (о ней см. Там же. С. 631).
Цветаева имеет в виду, что это поздравление как бы поздравление от Рильке.

1226

Цветаева благодарит Тескову за рассказ о выступлении М.Л. Слонима 11 февраля
1927 г. (см. предыдущее письмо к А.А. Тесковой).

1227

Брэй. – Правильно: Брей Александр Александрович (1894–1931) – обрусевший
англичанин, литератор, актер. Был соседом Цветаевой во Вшенорах под Прагой.
Неоднократно выступал с чтением ее стихов (на литературном вечере в Праге 1
февраля 1925 г.; после выступления Цветаевой с воспоминаниями о Брюсове в
Чешско-русской Едноте 22 октября 1925 г.; после доклада М.Л. Слонима о
творчестве Цветаевой в Праге 11 февраля 1927 г. и др.).

1228

Поэма «Новогоднее», написанная Цветаевой 7 февраля 1927 г. и посвященная памяти
Р.М. Рильке, опубликована в «Верстах» (1928. № 3). (См. СС-3).

1229

«Твоя смерть», опубликована в журнале «Воля России» (1927. № 5/6). (См. СС-3).

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru 1230

Неточная цитата из стихотворения Рильке «Gerüchte gehn, die dich vermuten» (вторая книга «Часослова»). У Рильке: «Dir liegt an den Fragenden nichts...»

1231

Возродившаяся «Русская мысль». – Журнал литературы и политики, издавался в 1880–1918 гг. в Москве. В 1921 г. П.Б. Струве возобновил его издание. Журнал выходил до 1924 г. в Софии, затем в Праге. Еще один номер, последний, увидел свет в Париже в 1927 г. (№ 1). О нем идет речь в письме Цветаевой. ...называет Чингис-Хамами – из статьи Н.А. Ильина «Самобытность или оригинальничество?», посвященной евразийству.

«...За последние двести лет Россия, якобы, утратила свою самобытную культуру, потому, что она подражала западу и заимствовала у него; чтобы восстановить, свою самобытность, она должна порвать с германо-романским западом, повернуться на восток и уверовать, что настоящими создателями ее были Чингис-Хан и татары...

...вся государственность от Петра I до Столыпина; вся поэзия от Державина до Пушкина и Достоевского; вся музыка от Глинки до Рахманинова; вся живопись от Кипренского до Сомова; вся наука от Ломоносова до Менделеева и Павлова... Где во всем этом здоровая и самобытная стихия Чингис-Хана!..

Каждый раз, как я слышу эту „теорию“ и вхожу в ее атмосферу, я невольно вспоминаю некоторые жуткие моменты пребывания в советской Москве. Бывало так, что из-за грубых, невежественных и глупых распоряжений и рассуждений советской власти вдруг на момент выглядывало недвусмысленное и неприкрытое издевательство над нами... становилось совершенно ясно... что говорящий сам знает, что все это вздор и погибель, знает не хуже нас и даже не скрывает свое знание...

Мы, пока еще, Слава Богу, не подчинены „евразийцам“; комсомол еще не весь „уверовал“ в чингис-ханство, не передал еще власть над русским улусом изобретательным приват-доцентам и не развернул еще своего грядущего урало-алтайского чингис-х-а-м-с-т-в-а...» (С. 26–27).

1232

См. коммент. 8 к письму к П.П. Сувчинскому и Л.П. Карсавину от 9 марта 1927 г.

Ср. также в одном из его писем того времени:

«Сейчас стою во главе Парижского Евразийского клуба. Мало-помалу все молодое и способное к самостоятельному творчеству переходит к нам. ... Работать приходится на сотню фронтов и по сотням русл. Не хватает рук, головы и времени. Конечно – главное не здесь, а „там“. Но здесь – „точка“» (Письма Сергея Эфрона Евгению Недзельскому. С. 44).

1233

Евразийские семинары. – Евразийский семинар был открыт 1 ноября 1926 г. как «школа для выучки „нового поколения“ из людей разных возрастов и разных направлений». Председательствовал В.П. Никитин. Первую лекцию «Общая характеристика евразийства» прочел Л.П. Карсавин. Семинар проходил по понедельникам в помещении, которое арендовало в Париже Общество взаимопомощи русских женщин (11-bis, rue de Magdebourg, 16-e) (Хроника I. С. 239). Л.П. Карсавин – один из основных участников семинара, выступал с докладами, читал циклы лекций. Вышеславцев Борис Петрович (1877–1954) – юрист, философ, богослов. В 1922 г. выслан из России. В Париже с 1924 г. С докладами на семинаре не выступал, изредка участвовал в прениях.

1234

В первом номере за 1927 г. журнала «Русская мысль» был помещен перевод письма Рильке к одному из сыновей редактора, Льву Петровичу Струве (1902–1929) (без указания адресата), в котором был дан анализ повести И.А. Бунина «Митина любовь». Письмо было написано в ответ на просьбу объяснить, как Рильке толкует это произведение Бунина. Далее шла статья Г.П. Струве «Р.-М. Рильке о И.А. Бунине».

1235

Борис Николаевич Неандер (1893–1931, Москва) – юрист, студенческий деятель, журналист. В эмиграции в Чехословакии, жил в Праге. Участвовал в деятельности студенческих организаций. Член редколлегии журнала «Студенческие годы» (Прага) (1923–1925). В 1925 г. переехал во Францию. Участник Российского зарубежного съезда в Париже в 1926 г., представлял интересы национальной молодежи. Во второй половине 1920-х г. перешел на сторону большевиков, уехал в Советский Союз. Работал в газете «Вечерняя Москва». Орасо – правильно: ОРЭСО (Объединение русских эмигрантских студенческих организаций).

1236

См. письма Цветаевой к В. Ходасевичу в наст. томе.

1237

Заключительная сцена четвертой картины драмы «Тезей» («Ариадна»). В черновой тетради Цветаева записала:

«Чем-то (сейчас еще не знаю, чем) Вакх одолевает. Тезей уже хочет склониться к спящей. Голос: – „Не искушай естества! От рук, протянувшихся навстречу, ты не уйдешь. Простись с ней в мыслях (внутри)“. – Тезей без оглядки идет на свет. Можно (после некоторой тишины) звук весел. Ариадна продолжает спать. / Можно, как последнее слово в картине, голос Вакха – Бог!» (НСТ. С. 300).

1238

О ком идет речь, установить не удалось. Известно лишь, что в январе 1927 г. умерла дочь у сестры Д.П. Святополк-Мирского, Софьи Петровны.

1239

Цветаева намеревалась переехать на другую квартиру. По-видимому, С.Н. Андроникова-Гальперн подыскала один из вариантов – квартиру в Viroflay (предместье Парижа в 14 километрах от центра столицы). Однако вариант, найденный приятельницей, реализован не был (см. следующее письмо к ней). Переезд на новую квартиру в Медоне состоялся через месяц.

1240

Вечер Цветаевой в студии Н.И. Бутковской состоялся в апреле. См. письмо к В.А. Сувчинской от 14 апреля 1927 г. и коммент. к нему.

1241

Союз молодых поэтов и писателей, организованный в Париже в начале 1925 г., регулярно проводил с тех пор свои вечера в помещении на rue Denfert Rocheau. 79, Именно здесь год назад, 6 февраля 1926 г., с триумфом прошел первый парижский вечер Цветаевой. Однако к концу 1926 г. многие русские писатели и поэты отвернулись от Цветаевой после публикации ее статьи «Поэт о критике» (см., например, письма к В.Ф. Булгакову от 9 мая 1926 г. и к Б.Л. Пастернаку от 21 июня 1926 г. и коммент. к ним) и участия в «державном курсе на СССР» евразийском журнале «Версты» (см. письмо к А.А. Тесковой от 18 декабря 1926 г.).

(СТАРШАЯ) группа – т.е. писатели старшего поколения: И.А. Бунин, Б.К. Зайцев, В.Ф. Ходасевич и др. «С самого начала Союз встретил дружественное отношение и поддержку со стороны „старшего поколения“ литераторов», – писал позже поэт и критик Юрий Константинович Терапиано (1892–1980), в то время председатель Союза (Литературная жизнь русского Парижа за полвека. 1924–1974. Париж; Нью-Йорк. 1987. С. 169).

1242

Александр Яковлевич Гальперн (1879–1956) – известный адвокат, специалист по международному праву, работал для британского посольства в Петербурге, вел судебные дела многих английских и американских фирм, имевших свои отделения в

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru России. После революции эмигрировал, обосновался в Лондоне, занимался адвокатской практикой. В 1926 г. получил высшее в Великобритании звание адвоката – барристер.

1243

См. письмо к З.Л. Поляковой от начала марта 1927 г.

1244

Boülogne. – Предместье (ближайшее) Парижа. Champs Elysées. – Одна из фешенебельных улиц Парижа. Vilette. – Улица на северо-востоке столицы, где находились преимущественно бедные кварталы.

1245

Viroflay (прав.) – См. коммент.2 к предыдущему письму.

1246

См. предыдущее письмо и коммент. 3 к нему.

1247

См. письмо к З. Поляковой.

1248

Очерк «Твоя смерть» был закончен 27 февраля 1927 г. (СС-5).

1249

Датируется условно по расположению в черновой тетради и содержанию письма к С.Н. Андрониковой-Гальперн от 2 марта 1927 г.

1250

Мария Александровна Мейн (в замуж. Цветаева; 1868–1906), вторая жена И.В. Цветаева, мать Марины и Анастасии Цветаевых. См. письмо М. Цветаевой к матери (письма 1905–1923). М.А. Мейн была знакома с семьей Поляковых. Лазарь Соломонович Поляков (1842–1914) – известный московский банкир, меценат. Участвовал в строительстве Музея изящных искусств имени Александра III, ныне Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина (И.В. Цветаев был основателем музея). Имя Полякова носил один из залов музея. Пожертвовал значительные суммы на Румянцевский музей. Дочери Л.С. Полякова, Зинаида и Раиса, были подругами юности М.А. Мейн (Цветаева А. С. 223).

1251

Детское семейное прозвище Марины Цветаевой.

1252

Имя это... не существует. – Зинаида Полякова была замужем за французом и носила его фамилию (Gabbe).

1253

«Wagim». – Фортепьянная пьеса Р. Шумана (1810–1856). В очерке «Мать и музыка» Цветаева описывает эпизод, связанный с этим произведением Шумана:

«Мама (это было ее последнее лето, последний месяц последнего лета) – почему у тебя „Wagim“ выходит совсем по-другому? – wagim – „wagim“? – пошутила с подушек мать. И, смывая с лица улыбку: – Вот когда вырастешь и оглянешься и спросишь себя, wagim все так вышло – как вышло, wagim ничего не вышло, не только у тебя, но у всех, кого ты любила, кого ты играла, – ничего ни у кого – тогда и сумеешь играть „Wagim“. А пока – старайся» (СС-5. С. 30).

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

1254

В этом возрасте Цветаева осталась без матери.

1255

Лицо неустановленное.

1256

Борис Федорович Шлецер (1881–1969) – музыкальный и литературный критик, переводчик. С 1921 г. в Париже. Сотрудничая в «Современных записках», с 1924 г. стал работать хроникером во французской прессе, в том числе в журнале «Nouvelle revue française». Цветаева надеялась устроить через него в журнал переводы на французский своих прозаических произведений.

1257

См. письма к С.Н. Андрониковой-Гальперн от 25 февраля, 2 марта и 2 апреля 1927 г.

1258

Запись Цветаевой о поэме Пастернака «Лейтенант Шмидт» см. Души начинают видеть. С. 320–321.

1259

Лицо неустановленное.

1260

Речь идет о работе над очерком «Твоя смерть» (1927). Трезвучие. – Обращаясь к умершему поэту, Цветаева писала во вступлении к очерку:

«Твоя смерть, Райнер, в моей жизни растроилась, расслоилась на три. Одна твою во мне готовила, другая заключала. Одна предзвучие, другая позвучие. Несколько отступив во времени – трезвучие. Твоя смерть, Райнер, – говорю уже из будущего – дана была мне, как триединство» (СС-5. С. 187).

1261

Книга Святополк-Мирского «Contemporary Russian Literature. 1881–1925» («История русской литературы. 1881–1925») вышла в Лондоне в 1926 г. Одна из главок книги была посвящена Цветаевой. Высоко оценивая поэтическое творчество Цветаевой, автор нелестно отозвался о ее прозе:

«Поскольку Марина Цветаева жива (и даже хочется добавить: „живее некуда“), то правило „aut bene aut nihil“ („либо хорошее, либо ничего“ – лат.) к ней неприложимо и будет только справедливо сказать, что ее проза – самая претенциозная, неряшливая. Истерическая и вообще самая плохая проза, когда-либо напечатанная на русском языке» (цит. по: Святополк-Мирский Д.П. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года. Пер. с англ. Руфи Зерновой. London, 1992. С. 761).

1262

Ср. в очерке Цветаевой «О Германии»: «Как Интернационал – зло, так и Зло – интернационал» (СС-4. С. 554).

1263

Речь идет о двух публикациях писем Рильке. В «Nouvelle Revue Française» (1927, № 161) было опубликовано письмо Рильке «A une amie» («К подруге») – Цветаева под названием «Письмо к другу» включила его в публикацию переведенных ею писем Рильке, как приложение к статье «Несколько писем Райнера-Мариа Рильке» (Воля России. 1929. № 2). Приведенная цитата взята из этого письма:

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru «...и еще все эти молодые люди из рабочих – в большинстве революционеры – сбитые после тюрьмы со всякого толку и ныне сбившиеся на „литературу“, сочиняя стихи каких-то злостных пропойц: – что им сказать?» (СС-5. С 653).

...и еще другое – речь идет о переводе письма Рильке к Л.П. Струве. См. коммент. 9 к письму А.А. Тесковой от 21 февраля 1927 г.

1264

Правильно: «Duineser Elegien» («дуинезские элегии», 1923) и «Die Sonette an Orpheus» («Сонеты к Орфею», 1923) – названия прижизненных сборников стихов Рильке. В мае 1926 г. оба сборника Рильке подарил Цветаевой с дарственными надписями (Поэт и время. С. 129).

1265

См. коммент. 4 к письму к Б.Л. Пастернаку, написанному около 9 февраля 1927 г.

1266

См. письмо 102–26 к Б.Л. Пастернаку от сентября 1926 г. и коммент 1 к нему.

1267

Речь идет о романе Рильке «Die Aufzeichnungen des Malte Laurids Brigge» («Записки Мальте Лауридса Бригге», 1910).

1268

О каком письме к Рильке идет речь, неясно.

1269

М.В. Вишняк (см. письмо к нему). Ответ Сувчинского и Карсавина Вишняку нами не обнаружен. Тем не менее можно предположить, что он является попыткой продолжить полемику по поводу «яркой и язвительной» (по выражению Вишняка) рецензии В. Ходасевича на № 1 «Верст» (Современные записки. 1926. № 29. С. 433–441). Подробнее о содержании этой рецензии см. письмо Цветаевой «Мой ответ Владиславу Ходасевичу» (октябрь, 1926 г.) и коммент. к нему.

18 декабря 1926 г. редакция «Верст» направила в редакцию «Современных записок» письмо:

«Милостивые Государи! В № 29 „Современных Записок“ напечатана статья г. Ходасевича о „Верстах“. Из общего тона этой статьи, а равно из ряда отдельных фраз и выражений ... может создаться навязчивое подозрение, будто „Версты“ не являются органом в общественно-политическом отношении независимым. Самым решительным образом протестуем против подобного рода недопустимых подозрений. Позволяем себе выразить удивление по поводу того, что редакция „Современных Записок“ дает место подобным выступлениям Сюда же мы относим и ничем не обоснованное желание г. Ходасевича усмотреть в статье „Два Ренессанса“, помещенной в том же № 1 „Верст“, погромный антисемитизм...».

На что незамедлительно последовал ответ редакции «Современных записок», в котором утверждалось, что она «никаких обвинений специфического, указываемого в письме, характера не поддерживала и не поддерживает». Оба письма были опубликованы в очередном, 30-м, номере «Современных записок» (с. 599–600), вышедшем в начале 1927 г. По воспоминаниям Вишняка, на этом конфликт между «Современными записками» и «Верстами» кончился (Вишняк М.В. Современные Записки. Воспоминания редактора. Indiana University Publications, 1957. С. 145).

1270

С.Я. Эфрон родился 29 сентября 1893 г., крещен был 31 октября (по старому стилю) 1893 г. в Московской Воскресенской, что в Барашах, церкви.

1271

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Я.К. Эфрон (1854–1909). В выписке из копии метрической книги, свидетельствующей о рождении и крещении С.Я. Эфрона, в графе сведений о родителях значится: «Московской губернии, Подольской 2-й гильдии купец Яков Константинович Эфрон, реформаторского исповедания, и законная жена Елисавета Петровна, православного исповедания» (Частный архив, Москва). Я.К. Эфрон и Е.П. Дурново состояли членами народовольческой организации «Земля и Воля», в 1879 г. примкнули к группе «Черный передел». Об их революционной деятельности см., например: Эфрон А. С. 43–44, 46–47 (глава «Ее муж. Его семья»).

1272

Е.П. Дурново (1855–1910). Ее участие в народовольчестве нашло отражение в воспоминаниях Н. Морозова. Повести моей жизни. Т. 2. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1933 (С. 233–245: глава «Лиза Дурново»), а также в очерке И. Жук-Жуковского «Елисавета Петровна Дурново–Эфрон», опубликованном в журнале «Каторга и ссылка» (М. 1929. № 12 (61). С. 145–163).

1273

Возможно, Ланской Петр Сергеевич (ум. в 1853 г. в чине генерал-лейтенанта).

1274

Следует читать «его единственный ныне живущий внук». У Сергея Яковлевича было четыре брата: Петр (1881–1914), Глеб (1891–1898), Константин (1895–1910) и Алексей (умер в младенческом возрасте).

1275

Об атмосфере, царившей в эфроновском доме, женитьбе С Эфрона и др. см.: Эфрон А. С. 46–47, 50–51.

1276

Евразийское движение возникло с выходом в Софии в 1921 г. сборника «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждения евразийцев», содержавшего статьи теоретиков П.Н. Савицкого, П.П. Сувчинского, Н.С. Трубецкого и Г.В. Флоровского. Как писала З. Шаховская в статье «О „соблазне“ Евразийства» (Русская мысль. 1983. 24 марта. С. 12), «среди основоположников Движения найдем мы профессоров В.Н. Ильина, Г. Вернадского, Б. Вышеславцева, Сеземана, Л. Карсавина, Р. Якобсона, Н. Алексеева. Они, как и многие другие евразийцы, лингвисты, ориенталисты, философы, богословы, историки, этнографы, экономисты, геополитики, занимали лучшие кафедры в Берлине, Лондоне, Праге и других европейских городах». Научная и идеологическая система евразийства отличалась глубокой сложностью и рассматривала Россию как некий «Континент-Океан» со своими совершенно своеобразными географическим положением и культурным миром. В результате неоднородности и внутренней противоречивости движения, оно за короткий период вылилось в различные течения, довольно различавшиеся между собой, порой полярные прежде всего в оценках происходящего в России.

С.Я. Эфрон примкнул к евразийскому движению еще в Чехословакии. В 1926–1929 гг. он стал в Париже более заметной фигурой в движении (в 1928 г. вошел в редакционную коллегию газеты «Евразия»), что объяснялось не только его сближением с Сувчинским и Карсавиным или самоотверженной издательской работой. В эти годы социально-политическая проблематика и партийно-организационный активизм окончательно возобладали в евразийстве, отодвигая на задний план то, что, собственно, и составляло его исходную теоретическую базу. Свойственная движению изначально антиреставраторская позиция переходит теперь в попытки дифференциации «западного» коммунизма и большевизма «русской стихии», тогда как в левонастроенной парижской («кламарской») группе, где активен был С. Эфрон, она все более явно окрашивается в просоветские тона. Именно этой потерей самостоятельности и независимости (на фоне чекистских провокаций, слухов о прямой вербовке и фактов, ее подтверждающих) объясняется отход от движения в 1928 г. Н.С. Трубецкого и Н.Н. Савицкого, через год – П.П. Сувчинского и вскоре последовавшая самоликвидация журнала. Однако С.Я. Эфрон уже в 1926 г. был к такой потере вполне готов. В начале июля, после выхода первого номера «Верст», он излагал Сувчинскому свою программу новой издательской деятельности на

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
иностранных языках: «Не пресловутая наша пропаганда евразийства, а пропаганда евразийцами советского дела» (Revue des Études slaves. С. 215–216).

1277

П.П. Сувчинский был поляк по отцу (граф Шелига–Сувчинский).

1278

Дел Ходасевича по отцу был польским дворянином.

1279

Прадед Блока по отцу был уроженцем мекленбургских земель (северная Германия).

1280

Предание о шотландском происхождении бытовало в семье Бальмонта.

1281

Сувчинский, в сущности, должен был полностью согласиться с содержанием (если не с тоном) цветаевского письма. Об этом свидетельствует письмо к нему от 17 марта 1927 г. Д.П. Святополк–Мирского, который отозвался на «инцидент» с Цветаевой:

«Марина полна неожиданностей, но я считаю, что Вы поступили нетактично и защищать Вас перед ней не буду. Нашу батавскую слезку надо беречь, она разлетается от одного укола. Напомню Вам, что по поводу статьи Ходасевича Вы, в письме ко мне, в числе преступлений его сочли „указание на еврейское происхождение Эфрона“» (Письма Д.П. Мирского П.П. Сувчинскому. С. 81).

1282

21–22 марта 1927 г. шанхайские рабочие, в очередной раз восставши, против властей (два предыдущих восстания были подавлены), захватили город, чем оказали помощь Национально–революционной армии коммунистического Китая.

1283

См. коммент. 1 к письму в Комитет помощи от 11 декабря 1925 г.

1284

Речь идет о предполагаемом вечере М. Цветаевой в первой половине апреля 1927 г. в студии Н.Н. Бутковской. См. также письма к С.Н. Андрониковой–Гальперн от 25 февраля 1927 г. и к В.А. Сувчинской от 14 апреля 1927 г.

1285

Иосиф Ефимович Путерман (ок. 1885–1940) – издатель, редактор, переводчик. Выходец из России, в конце 1920–х – начале 1930–х гг. служащий советского торгпредства в Париже и пайщик издательства «Плеяда». Составитель и издатель по–французски сборника из произведений А.С. Пушкина (1937). Предполагаемый издатель сборника Цветаевой.

1286

Л. Шестов собирался ехать в Берлин навестить мать, а с целью вернуть расходы по поездке, заодно прочесть пару лекций о философии Владимира Соловьева. Встречался с эмигрантами, остановился у близкого знакомого, доктора М.Е. Эйтингона. ...две копии. – Возможно, Цветаева просила Шестова взять что–то из своих последних произведений для передачи кому–то в Берлине, может быть даже Эйтингону. (см. коммент. к письму к Л. Шестову от 6 июня 1927 г.).

1287

По–видимому, речь идет о каком–либо художественном журнале с участием художников: П. Исцеленова и его жены М. Лагорио. См. коммент. 6 к письму к О.Е.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru Колбасиной-Черновой от 3 декабря 1924 г. а также коммент. 3 к письму к А.В. Черновой от 1 апреля 1925 г.

1288

Наталья Ильинична Бутковская (1878–1948) – режиссер и актриса. В 20-х г. в Париже принимала участие в дивертисментах для детей и взрослых. Поставила в театре Colisée несколько спектаклей на французском языке. В 1924 г. основала Театральную школу-студию для подготовки драматических, балетных и оперных артистов. В 1927 г. ее студия занимала помещение по адресу: 6, rue Huygens, 14-е. Здесь 13 апреля Цветаева провела свой вечер поэзии.

1289

Мария Ильинична Гучкова (урожд. Зилоти; 1871–1938) – сестра пианиста и дирижера А.И. Зилоти (1863–1945).

1290

Т.е. для «Воли России», напечатавшей первую часть «Лейтенанта Шмидта» (из поэмы «1905 год») в 1927 г., № 2.

1291

Возможно, ошибка в копии и следует читать: «Вторую просят из-за первой» (души начинают видеть. С. 634).

1292

Авторы комментариев к переписке Цветаевой с Пастернаком, Е.Б. Коркина и И.Д. Шевеленко, добавляют к истории написания письма: «Оригинал газеты с записями Цветаевой не сохранился: копия записей Цветаевой была сделана А. Крученых. Согласно этой копии, Цветаева сделала приписку „трус!“ около фразы Ходасевича:

„Но прав Адамович: пастернаки (а не Пастернак) весьма возле дома сего хлопочут и трудятся“» (Там же. С. 634).

Статья Ходасевича «Бесы» была ответом на статью Г. Адамовича, посвященную первой части «Лейтенанта Шмидта» (Звено. Париж. 1927. № 218. С. 1–2). См. большой, раскрывающий суть полемики фрагмент статьи Ходасевича в упомянутых выше комментариях (С. 635–637).

В ответном письме Пастернака к Цветаевой он сообщал:

«Ходасевича получил и прочел. Странно, меня это не рассердило. Чепуха не без подлости в ответ на чью-то м.б. еще большую чепуху? Владислав Фелицианович меня знает. Странно» (Там же. С. 323).

1293

25 апреля 1927 г.

1294

Речь идет о рукописи сборника стихов «После России». И.Е. Путерман – предполагаемый издатель сборника Цветаевой (см. письмо 26–27 к А.А. Тесковой от 26 апреля 1927 г. Третий день Пасхи).

1295

26 апреля.

1296

Подобных обвинений (дословно) в адрес Цветаевой, как одного из авторов «Верст», в известных нам рецензиях на журнал обнаружить не удалось. В то же время о том, что «Версты» «повернуты лицом в сторону большевиков», писали многие критики. См. письмо к В.Ф. Ходасевичу от октября 1926 г., письмо к Б.Л. Пастернаку от 9

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru февраля 1927 г. и коммент. к ним и др.

1297

Стихи и проза Цветаевой были абсолютно чужды М.В. Вишняку. Позднее он признался: «...я всегда противился их напечатанию» [Вишняк М.В. «Современные записки»: Воспоминания редактора. Bloomington, 1957. С. 148]. В июле 1933 г. Цветаева писала Рудневу: «Мне очень жаль... что моя корректура („Живого о живом“ – Л.М.) идет к Вишняку, а не к Вам, мы с Вами хотя и ссоримся – но в конце концов миримся, а с Вишняком у меня никакой давности...» (СС-7. С 445). См. также письмо к М.В. Вишняку (от 15 апреля 1926 г.).

1298

См. письма Цветаевой к В.Ф. Ходасевичу (октябрь 1926 г.). к П.П. Сувчинскому и Л.П. Карсавину (9 марта 1927 г.) и коммент. к ним.

1299

Речь идет о напечатанных во втором номере «Верст» (1927) отрывках из уже опубликованных в Советской России романов А. Белого «Москва под ударом» (М., 1926) и Ю. Тынянова «Кюхля» (Л., 1925). Цветаева ставит рядом имена Юрия Тынянова и Марка Алданова как авторов исторических романов.

1300

Нашелся издатель... – И.Е. Путерман. См. письмо 25–27 к С.Н. Андрониковой-Гальперн от 1927 г. (второй день Пасхи).

1301

В 1921 г. Цветаева подарила заочно мужу книгу «Стихи духовные» (СПб., 1912) с надписью: «Моему дорогому Сереженьке – прежнюю Русь. Марина. – „Россия во мне, а не я в России!“ (Ваши слова перед отъездом). Москва, 30-го русского июля 1921 г.» (СС-6. С. 487)

1302

Переводы прозы Цветаевой «Твоя смерть» на французский и немецкий языки при жизни Цветаевой осуществлены не были. Перевод очерка на чешский А.А. Тескова выполнила и опубликовала в журнале «Lumír» (Прага. 1928. № 6/7).

1303

В письме Рильке сетовал на то, что не смог вспомнить, как по-русски будет слово «гнездо». В ответном письме Цветаева писала: «Nest – по-русски – г_н_е_з_д_о (в единственном числе – рифм не имеет). Множественное число: г_н_е_з_д_а (с мягким е, ё, почти о – в произношении), рифма – з_в_е_з_д_ы» (СС-7. С.3).

1304

..его секретаршу, русскую... – Е.А. Черношвинова. См. письмо к ней.

1305

В сборнике стихотворений «После России» А.А. Тесковой посвящен цикл из девяти стихотворений «Деревья» (СС-2. С 141–149).

1306

Кримгильда – героиня эпоса «Песнь о Нибелунгах». Спустя много лет отомстила бургундским воинам за смерть Зигфрида. «Песнь о Нибелунгах» – для Цветаевой «любимая книга в мире», «с которой сожгут» (СС-4. С. 622).

1307

Цветаева не раз обращалась в своем творчестве к мифу об Орфее и Эвридике. См., например, стихотворения «Как сонный. Как пьяный...» (СС-1. С. 298–299), «Так плыли

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru голова и лира...» (СС-2. С. 68), «Эвридика – Орфею...» (СС-2. С. 183), письмо к Б.Л. Пастернаку от 23 мая 1926 г. и др.

1308

Pestalozzi. – Песталоцци Иоганн Генрих (1746–1827) – швейцарский педагог. Был воспитателем сотни беспризорных детей. Справлялся с ними благодаря неизменной сердечности и душевной отзывчивости.

1309

Цветаева отвечает на письмо Пастернака от 3 мая 1927 г., в котором он рассказал ей о своих взаимоотношениях и разрыве с литературно-художественным объединением ЛЕФ (Левый фронт [искусств]). Объединение было создано в 1923 г., возглавлял его Маяковский. Издавался журнал «ЛЕФ». В своем письме Пастернак писал: «Однажды у тебя в Верстах очень хвалебно отозвались о „Лефе“. Я никогда не понимал его пустоты, возведенной в перл создателя, канонизованное бездушие и скудоумье его меня угнетали. Я как-то терпел соотнесенность с ним...» и т.д. (Подробнее см.: Души начинают видеть. С. 324–325). К 1927 г. Пастернак вышел из организации. ЛЕФ просуществовал до конца 1928 г.

1310

Из поэмы Цветаевой «С моря».

1311

В комментариях к данной публикации приводятся выписки из несохранившегося письма Цветаевой, близко совпадающие с черновиком:

«О Маяковском прав. Взгляд гнетущий и угнетенный. Этим взглядом могут все. Маяковский ведь бессловесное животное, в чистом виде слова СКОТ. Маяковский – сплошной грех перед богом, вина такая огромная, что надо молчать. Падший ангел.

Было – и отняли (боги). И теперь жует травку (любую). Бог – бык. Конечно, он из страны мифов, потому и тебе и мне близок, из той (дальней) родни. Мало таких спутников. Купюра в источнике

А у Маяковского взгляд каторжника. Убийцы. Соприкоснувшегося с тем миром через кровь. Оттуда и метафизичность» (Души начинают видеть. С. 638–639).

1312

Маяковский был в Париже с 29 апреля по 9 мая 1927 г. Союз советских организаций в Париже устроил 7 мая в кафе «Вольтер» его выступление перед русской колонией (Последние новости. 1927. 9 мая; Хроника I. С. 332).

1313

Речь идет о сборнике «После России» (стихи 1922–1925 гг.), который Цветаева готовила к печати.

1314

См. письмо к Б.Л. Пастернаку от 20 октября 1927 г. и коммент. к нему.

1315

Записано в тетради рядом с вариантами стихотворения «Занавес» (Души начинают видеть. С. 639).

1316

В 1927 г. Анна де Ноай выпустила свой новый сборник стихов «L'honneur de souffrir» («Честь страдать»). Письмо Цветаевой к Анне де Ноай было вызвано статьей французского журналиста и издателя Мориса Мартена дю Гара (1896–1970), откликнувшегося на книгу большой статьей в редактируемом им еженедельнике «Les Nouvelles Littéraires» (1927, 7 мая).

1317

Ср., например, название первого сборника стихов Анны де Ноай «Безграничное сердце» («Le coeur innombrable», 1901).

1318

Паллада (Афина Паллада) – богиня войны и победы, дочь Зевса, родившаяся в шлеме и панцире (греч. миф.).

1319

Руссо Жан-Жак (1712–1778) – французский писатель, философ. Ему принадлежат слова: «Я хочу показать своим собратьям человека в его истинной природе – и этим человеком буду я». Об этом Руссо писал также в своей автобиографической книге «Исповедь»: «Да, прав был этот человек, гордо и смело говоря: каков бы я ни был, но я был одним из лучших людей в мире!»

1320

Роман-хроника французского писателя Роже Мартена дю Гара (1881–1958), двоюродного брата Мориса Мартена дю Гара.

1321

По преданию, греческий философ Эмпедокл (490–435 до н. э.) добровольно совершил прыжок в кратер Этны. (В действительности умер в Пелопоннесе.)

1322

Цитата из стихотворения Анны де Ноай «Offrande» («дар», 1907 г.), из которого Цветаева заимствует образ яблока и зубов. («Les éblouissements». Paris. 1930. С. 117). Стихотворение печаталось также под названием «Voix dans l'ombre» («Голос во мраке»). Русский перевод стихотворения см. в кн.: Новые поэты Франции. В переводах Ив. Тхоржевского. Париж: Родник, 1930. С. 139–140 («Остался след в надломе песни звонком, / От больно врезавшихся снов: / Как в яблоке, надкушенном ребенком, / Следы зубов». И т.д.)

1323

Писарро Франсиско (1470–1541), испанский конкистадор, завоеватель Панамы и Перу. Мексика была открыта раньше (в 1519–1521 гг.), ее завоевал Эрнан Кортес.

1324

В предпоследнем абзаце статьи М. Мартен дю Гар писал:

«Если я теперь свидетельствую.. против злоупотребления разумом в „Честь Страдать“, то это не из-за разума, а потому что разуму нечего делать в стихах, особенно когда он стремится преобладать и не приносит ничего особенно, ни ясного ни питающего, для души. В стихах не объясняются».

1325

Описка Цветаевой. Правильно: Duineser Elegien (дуинезские элегии). См. коммент. к письмам к Рильке.

1326

«Das Buch der Bilder» («книга образов») – книга Рильке (1902).

1327

Мать – Рильке Софи (урожд. Энтц; 1851–1931); бабушка (по материнской линии) – Энтц Каролина (урожд. Кинцельбергер; 1828–1927); дочь – Рильке (Зибер-Рильке) Рут (1901–1972) (см. письмо к ней, СС-7. С. 423–426); внучка – Зибер-Рильке Кристина (Кристиана) (1923–1947). Возраст во всех случаях Цветаевой указан

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru неточно.

1328

Герой «Поэмы Конца» и «Поэмы Горы» – К.Б. Родзевич. См. письма к нему (письма 1905–1923 и наст. том).

1329

Христофор Колумб (1451–1506) – мореплаватель, открыватель новых земель.

1330

Имеются в виду острые критические оценки «Поэмы горы» (Версты, 1926, № 1). См. статьи о «Верстах» И.А. Бунина, Антона Крайнего (З.Н. Гиппиус) и, наиболее резкую, с обвинениями Цветаевой в непристойности, статью В. Злобина (написанную не без помощи З.Н. Гиппиус) в кн.: Родство и чуждость. Можно сюда добавить и высказывание Г.В. Адамовича о поэме: «Поэма горы» – «среднего качества Пастернак» (Звено. Париж. 1926. № 186. С 1–2).

1331

Летом 1922 г. Цветаева получила от Пастернака сборник его стихов «Сестра моя – жизнь», под впечатлением от которого ею в короткий срок была написана статья «Световой ливень» (СС-5. С. 231–245).

1332

Речь идет о «Поэме воздуха» и пьесе «Федра».

1333

Сивилла знает сразу. – Возможно, Цветаева здесь обыгрывает легенду о прорицательнице Сивилле фригийской, происходившей, согласно легенде, из рода древнегреческого прорицателя Калхаса, предсказавшего, что исход Троянской войны будет зависеть от того, будет ли биться на стороне греков знаменитый воин Ахилл. Сивилле Цветаева посвятила цикл из трех стихотворений («Сивилла», 1–3), Ахиллу – стихотворение «Ахилл на валу» (см. СС-2).

1334

См. письмо к Б.Л. Пастернаку от 4 августа 1926 г. и коммент. 3 к нему.

1335

Liebende können, dürfe nicht... – Неточная цитата из элегии Рильке, обращенной к Цветаевой: «Liebende dürften, Marina, dürfen soviel nicht / von dem Untergang wissen. Müssen wie neu sein» («Но любовь вечно нова и свежа и не должна ничего знать о темнеющих безднах. / Любящие – вне смерти». Пер. З. Миркиной. (цит. по: Небесная арка. С. 87)).

1336

...московских ... партнеров. – Цветаева, вероятнее всего, в первую очередь имеет в виду Н.Н. Вышеславцева, Е.Л. Ланна, В.Д. Милиоти. – См. письма к ним (письма 1905–1923).

1337

...не снисхожу. – См. коммент. 6 к письму к В.Ф. Булгакову от 27 января 1925 г.

1338

Стихотворение Цветаевой «Приметы» (1924), вошло в сборник «После России».

1339

См. письмо 25–27 к С.Н. Андрониковой-Гальперн от 25 апреля 1927 г. и коммент. 2

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru к нему.

1340

З.Л. Полякова См. письмо 25–27 к С.Н. Андрониковой-Гальперн от 25 февраля 1927 г. и письмо к З.Л. Поляковой от начала марта 1927 г.

1341

Письма от 7–8 и 11 мая 1927 г. соответственно.

1342

Речь идет о письме Пастернака Святополк-Мирскому от 10 мая 1927 г., которое он послал через Цветаеву. «Не сердитесь, что письмо пересылаю Вам через Марину Ивановну» (души начинают видеть. С. 342). Это письмо Цветаева переписала в черновую тетрадь, снабдив его припиской: «Письмо Бориса Пастернака к Святополку-Мирскому, по праву моей собственности на Бориса Пастернака прочитанное и переписанное» (Там же. С. 340).

1343

В этом же письме Пастернака Святополк-Мирскому упоминается поездка Рильке к Л.Н. Толстому в Ясную Поляну (1900 г.) (Там же. С. 341).

1344

Траурная фотография Рильке была воспроизведена на первой странице «Звена» (№ 206) от 9 января 1927 г. с подписью «Райнер-Мария Рильке (скончался 30 декабря 1926 г.)». См. также письмо к Пастернаку от 12 января 1927 г.

1345

...непредвиденной весне... – Возможно, Цветаева намекает на выражение «весна русской жизни», которым характеризовался в обществе период пребывания отца Святополк-Мирского, Петра Дмитриевича (1857–1914), на посту министра внутренних дел (Там же. С. 642).

1346

В известных нам книгах и публикациях того времени Святополк-Мирского о поэтах упоминаний в том или ином виде Леонида Осиповича Пастернака, художника и отца поэта, не обнаружено.

1347

См. коммент. 4 к письму Б.Л. Пастернаку от 7–8 мая 1927 г.

1348

Из поэмы Цветаевой «С моря».

1349

Святополк-Мирский помогал Цветаевой в течение нескольких лет. «Д.П. Святополк-Мирский, все эти годы помогавший на квартиру, платежи прекратил», – писала Цветаева Тесковой 31 августа 1931 г. (души начинают видеть. С. 151).

1350

Ср. в письме к Ю.П. Иваску от 4 апреля 1933 г.:

«В 1922 г. уезжаю за границу, а мой читатель остается в России – куда мои стихи (1922 г. – 1933 г.) НЕ доходят» (СС-7. С 383).

1351

...«первенец творенья»... – Из третьей части поэмы «Лейтенант Шмидт». Дорвался! –

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Может это был Святополк-Мирский? См. начальные строки письма Цветаевой к Пастернаку от 15 июля 1927 г.

1352

..богемской горы. – См., например, в письме Цветаевой чешского периода (от 9 марта 1923 г.) к Пастернаку, где говорится о несостоявшейся их встрече:

«Все равно, это чудовищно, – Ваш отъезд, с берлинского ли дебаркадера, с моей ли богемской горы, с которой 18-го целый день (ибо не знаю часа отъезда) буду провожать Вас, – пока души хватит» (Письма 1905–1923. С. 527).

1353

Писавший утро туманное... – Имеется в виду И.С. Тургенев, на стихотворение которого «В дороге» («Утро туманное, утро седое...»; 1843) был написан известный романс.

1354

Визит Маяковского в Прагу в 1927 г. состоялся в рамках его большого европейского турне и продлился в столице Чехии несколько дней (с 18 по 27 апреля). Он выступил в «Освобожденном театре» между номерами с чтением «Нашего» и «Левого» маршей, а на следующий день, 26 апреля, дал большой вечер в «Виноградском народном доме», где прочел доклад «10 лет 10-ти поэтов», поэму «150 000 000», отвечал на вопросы. На вечер собралось около 1500 человек. Описание вечера Маяковского Цветаева получила, скорее всего, от Анны Тесковой.

1355

По-видимому, это письмо не сохранилось (Души начинают видеть. С. 643).

1356

Перефразированные слова Мазепы из поэмы А.С. Пушкина «Полтава»: «В одну телегу впрячь не можно / Коня и трепетную лань».

1357

Рада книге Шмидта. – Имеется в виду готовящийся к изданию сборник «Девятьсот пятый год», в который должны были войти одноименная поэма и поэма «Лейтенант Шмидт» (1927). «Осенью, думаю, выйдет книга», – писал в те дни Пастернак Цветаевой (Там же. С. 345).

1358

Речь идет о «Поэме воздуха».

1359

Цветаева говорит о герое «Страданий юного Вертера» и о Эвфорионе, персонаже второй части «Фауста», дописанной им в старости (Там же. С. 643).

1360

Нинон де Ланкло (наст, имя Анна; 1616–1706) – красавица, образованная женщина, хозяйка знаменитого салона, который посещали Мольер, Расин, Ларошфуко и др. В 1928 г. Цветаева собиралась писать поэму о Ланкло, сохранившиеся фрагменты поэмы приведены в кн.: Гронский Н. С. 237–239.

1361

Конрад Джозеф (1857–1924) – английский писатель. Lord Jim («лорд Джим», 1900) и Victory («Победа», 1915) – его романы.

1362

Жид Андре (1869–1951) – французский писатель. «Презрение» к нему Цветаевой могло

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
быть вызвано его романами «Фальшивомонетки» («Faux-Monnayeurs», 1925) и
«Дневник фальшивомонетчиков» («Journal de Faux-Monnayeurs», 1926). В письме к
А.С. Штейгеру от 29 июля 1936 г., в ответ на его слова «Об этом пишет André Gide
(в том-то и том-то), но у меня это не вычитаете», Цветаева возражала:

«Мы не только не вычитываем, мы – впитываем, и нисколько не буду удивлена, если
прочтя вдоль и поперек Faux-Monnayeurs и даже Journal de Faux-Monnayeurs (не
читала ни того, ни другого), никогда и нигде не обнаружу Вашего „об этом пишет
André Gide“... (СС-7. С. 566).

1363

Гофмансталь (Hofmannsthal) Хуго, фон (1874–1929) – австрийский поэт, драматург,
оперный либреттист. Сборник его эссе «Ecrits en prose», который имеет в виду
Цветаева, вышел в Париже в 1927 г. во французском переводе Е. Нерманн.

1364

См. коммент. 10.

1365

Доклад В.Н. Ильина «Евразийство, как знамение времени» состоялся в Евразийском
клубе (36, Rue de Richelieu). (Хроника I. С. 343).

1366

Из первой книги «Часослова».

1367

Из стихотворения Цветаевой «Хвала Времени», опубликованного в газете «Дни»
(1926, 2 мая).

1368

Из стихотворения М.А. Кузмина «От тоски хожу я на базары: что мне до них!..»
(«Венок весен», 1908).

1369

Датируется по содержанию.

1370

Поэма была закончена 24 июня 1927 г.

1371

См. коммент. 1 к письму 26–27 к А. А. Тесковой от 26 апреля 1927 г. (Третий день
Пасхи).

1372

Ежеквартальное издание (Париж). Выходило в 1924–1932 гг. Редактор-поэт Поль
Валери.

1373

Проза «Твоя смерть», посвященная памяти Рильке, была напечатана в журнале «Воля
России» (1927, № 5/6); ее публикация в ежемесячном журнале «Nouvelle Revue
Française» не обнаружена.

1374

См. коммент. 4 к письму к Б.Л. Пастернаку от начала марта 1927 г.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
1375

Российское земско–городское объединение в Париже. В.В. Руднев был членом
Исполкома Земгора.

1376

Пасманик Даниил Самойлович (1869–1930) – врач, литератор. С 1919 г. жил в
Париже. Имел медицинскую практику. Сотрудничал в газете «Возрождение», в журнале
«На чужой стороне» и др.

1377

Зёрнов Михаил Степанович (1857–1938) – доктор медицины, физиотерапевт,
общественный деятель. С 1926 г. жил в Париже. Занимался частной практикой, имел
кабинет в 15-м районе.

1378

По-видимому, Вальтер Виктор Григорьевич (1865–1935) – скрипач, музыкальный
писатель, журналист. С 1925 г. жил в Шавиле, под Парижем («шавилец»). Преподавал
в Русской консерватории. Доктор наук. Сотрудничал в «Последних новостях», «Воле
России», «Иллюстрированной России».

1379

Алекса́ндро-Невский кафедральный собор в Париже на rue Daru, 12. Заложен 3 марта
1859 г., освящен 30 августа 1861 г. в день перенесения святых мощей Александра
Невского. Был главной церковью Парижа.

«Среди молящихся в нем можно было увидеть высокие силуэты великих князей, вождей
Белых Армий, героев великой и гражданской войны, бывших министров, дипломатов,
членов Думы. ... Писатели, художники и артисты, наряду с другими эмигрантами,
образовали живописную, оживленную толпу, заполнявшую не только обширный храм и
церковный двор, но даже и всю прилегающую улицу Дарю. Все, кто хотел встретить
знакомых, окунуться в русскую атмосферу, стремились попасть туда» (За рубежом.
Белград–Париж–Оксфорд. Хроника семьи Зерновых. Париж: УМСА-Press, 1973. С. 127).

1380

Так на русский лад называли друг друга эмигранты по названию пригородов Парижа,
в которых они проживали (Кламар, Шавиль, Медон).

1381

Д.П. Святополк–Мирский намеревался перевести «Детство Люверс» Б.Л. Пастернака.
Однако перевод не был закончен.

1382

Приставка bis может означать, что письмо писалось за полночь, то есть уже в
среду, 13 июля.

1383

Сосинский одно время работал в ателье П.И. Шумова. См. также коммент. 6 к письму
к Рильке от 13 мая 1926 г.

1384

См. письмо к В.Б. Сосинскому от 11 сентября 1927 г.

1385

В этот период Черновы снимали квартиру в другом парижском предместье, по
соседству с Медоном, Кламаре.

1386

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru ...писать о Шмидте. – В коммент. к этому письму приведены выписки из несохранившегося письма Цветаевой (от 24 июня):

«Я не твой критик, Борис, я твой биограф, – духописец. Такова будет моя статья о Шмидте, зорче и жестче, чем ждешь. Из будущего купюра в источнике

Есть порядок вещей, в котором, кстати, оказывается все, что не „в порядке вещей“, весь ты. И каждая твоя строка наперед – не как сама, а как ступень. Ты, целиком, всегда прав. И каждая твоя (моя) строка – ошибка, если бы не было последующей. Весь Шмидт, Борис, весь ты – вопрос контекста, соотношения слогов, слов, четверостиший, частей, перевода вовнутрь – где конец?! Каждая ступень лестницы права – вот! Формула. Купюра в источнике

Но я не хочу, чтоб Шмидт в твоей жизни был еще раз (Нарым)» (Души начинают видеть. С. 646–647).

Нарым, Нарымский край – в Томской губернии место ссылки политических заключенных.

По поводу возможной будущей статьи Цветаевой Пастернак отозвался позднее:

«Ты несколько раз думала писать о Шмидте, а теперь – даже и статью. Прости, что не успел вовремя тебя остановить, хотя еще есть время. Ни мне, никак, Марина! Прошу тебя! Мало у тебя своего, неотложного. Не возражай, что, мол, и это „свое“. Тогда ведь я еще скорее скажу тебе, что – твое, да не мое, против твоего такого, что и мое, – и мы заспоримся до бесконечности. Статью, разбор! Да ведь это Сизифов труд, и вдесятеро нарымистее исходного нарыма» (Там же. С. 367).

1387

Спекторский – «Спекторский», роман в стихах. Пастернак писал его с 1924 по 1930 г. и публиковал частями в альманахах и журналах. В письме от 21 июня 1926 г. Цветаева сообщает Пастернаку, что получила от него журналы. Возможно, среди них были и с публикациями глав из романа («Ковш», «Круг» и др.). Отдельной книгой «Спекторский» вышел в 1931 г.

1388

В опубликованных текстах, в том числе издании писем Цветаевой чешской подруге Анне Тесковой (без купюр) приведенного фрагмента нет.

1389

Зигфрид – герой германского эпоса. Чтобы стать неуязвимым для врагов, Зигфрид омылся в крови дракона, но на спину ему упал липовый листок и сделал беззащитным сердце. Пята Ахиллеса. – См. коммент. 3 к письму к О.Е. Колбасиной-Черновой от 9 июня 1925 г.

1390

Рукопись будущей книги «После России».

1391

Озирис – бог солнца в египетской мифологии; был убит братом и разорван на куски.

1392

Согласно Библии, апостол Фома не поверил в воскресение Иисуса, пока «не увидел на руках Его ран от гвоздей и не вложил перста свои в раны...».

1393

Герои средневековых памятников западноевропейской литературы, повествующих о трагической любви Изольды, жены короля Марка, к его племяннику Тристану.

1394

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Герои сказки Х.К. Андерсена «Снежная королева».

1395

Поэмы «С моря» и «Новогоднее» были напечатаны в «Верстах» (1928. № 3). «Поэма воздуха» – в «Воле России» (1930, № 1). Прерванную известием о смерти Рильке работу над трагедией «Федра» Цветаева окончила к концу года. В качестве второй части трилогии «Тезей» была опубликована в «Современных записках» (1928. № 36, 37).

1396

См. статью Цветаевой «Световой ливень» (СС-5).

1397

Цветаева наблюдала за салютом в честь национального праздника Франции, Дня взятия Бастилии (14 июля).

1398

Письмо датируется по содержанию.

1399

О.Е. Колбасина-Чернова и ее дочери: Ариадна, Наталья и Ольга.

1400

Птицелов. – Название парижского издательства, основателем (1925) и владельцем которого был поэт и редактор Дмитрий Юрьевич Кобяков (1900–1977). В Париже жил с 1924 г. В последнем письме к Цветаевой Пастернак запрашивал ее: «Что это за птицеловы? Не знаешь ли ты их адреса, и к кому обратиться?» Какой вопрос был к издательству у Пастернака неизвестно (Души начинают видеть. С. 648). Кобяков выпустил несколько номеров журнала «Ухват» (1926). Собираясь в первом номере (31 марта) напечатать стихи Цветаевой, просил В.Б. Сосинского их прислать. (Письмо Д. Кобякова В. Сосинскому от 12 января 1926 г., архив составителя). Публикация, по неизвестным нам причинам, не состоялась.

1401

Речь идет о статье Святополк-Мирского «The Present State of Russian Letters», которую он прислал Пастернаку (Там же. С. 648).

1402

Похоже, что Цветаева говорит о трех редакторах «Верст»: Д.П. Святополк-Мирском, П.П. Сувчинском («приятель») и С.Я. Эфроне («третий редактор»).

1403

«Не живу – я томлюсь на земле». – Источник цитаты не обнаружен.

1404

Речь идет о Вере Александровне Завадской (в первом браке Аренская, во втором Смышляева; 1895–1930), соученице Цветаевой по гимназии. В «Повести о Сонечке» Цветаева вспоминала о ней:

«...Верочка, с которой я потом встретилась в Париже и о которой – отдельная повесть, умерла в 1930 году, от туберкулеза, в Ялте, за день до смерти написав мне свою последнюю открытку карандашом: – Марина! Моя тоска по Вас такая огромная, как этот слон» (СС-4. С. 409).

См. также письмо к Б.Л. Пастернаку от 30 ноября 1927 г.

1405

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru ...недолюбил... брат... – Ю.А. Завадский. «...Они были брат и сестра, и у них было одно сердце на двоих, и все его получила сестра...» (Там же). Ему Цветаева посвятила цикл стихотворений «Комедьянт» (1918–1919). (СС-1).

1406

Из стихотворения А. Ахматовой «Течет река неспешно по долине...» (1917).

1407

Речь идет о «Новогоднем» (Версты, № 3).

1408

См. коммент. 7 к письму к Л. Шестову от 9 июля 1927 г.

1409

См. коммент. 4 к письму к Б.Л. Пастернаку от начала марта 1927 г.

1410

С.Н. Андроникова-Гальперн.

1411

См. письмо к В.Б. Сосинскому от 11 сентября 1927 г.

1412

Небольшой город в Костромской губернии, удаленный от оживленных путей сообщения.

1413

Le Halles – центральный продовольственный рынок в Париже, нынче квартал коммерческого центра.

1414

Из стихотворения Цветаевой «Пять или шесть утра. Сизый туман. Рассвет...» (цикл «Плащ», 1, 1918).

1415

«Новогоднее».

1416

Измененные строки из третьей картины трагедии «Федра» Цветаевой. В напечатанном тексте: «Тетиву в еще-упруже / Тетивы: грудь скудомясу / Отводя и так слиясь...» (СС-3. С. 664).

1417

Именины Марины приходятся 30 июля. Цветаева и отмечала их в этот день (см. письмо к Л.И. Шестову. Пастернаку она указывает «17-го» по старому стилю).

1418

Два с половиной года Муру исполнилось 1 августа.

1419

Бальмонт с его «грудью»... – Имеется в виду стихотворение Бальмонта «Хочу быть дерзким, хочу быть смелым...» (строка «Хочу я зноя атласной груди...»). Пушкин с его «ножками»... – Из «Евгения Онегина» (гл. 1, XXX–XXXIV).

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
1420

Соломон, несмотря на все свои груди... – Соломон в своих песнях дает такие образы: «грудь как два молодых оленя» или «грудь как башня» (Песнь Песней Соломона, песни VII и VIII соответственно). Твои... голуби... – Ср. «Глаза твои голуби! / Вот ты прекрасен, мой друг, / и приятен! / И наше ложе – / зеленеющее. / Кровли домов наших – / кедров, / Наша утварь – кипарисы» (Песнь Песней, II).

1421

Ахилл, Гектор, Патрокл – герои древнегреческой, мифологии. Ахилл – участник похода под предводительством Агамемнона против Трои. Гектор – вождь троянского войска. Ахилл и Гектор сошлись в смертельном поединке у крепостных ворот Трои. Однако при виде Ахилла сердце Гектора дрогнуло. Патрокл – родственник и соратник Ахилла в Троянской войне.

1422

Неточная цитата из стихотворения Лермонтова «Спор» (1841) («Бедуин забыл наезды / Для цветных шатров...»).

1423

Елена Александровна Виноград (в замуж. Дороднова; 1896–1987) – близкий друг Пастернака, адресат многих его стихов из сборников «Сестра моя жизнь» и «Темы и вариации». Подробнее см.: Пастернак Е.Б. Борис Пастернак, Биография. М: Цитадель, 1997. С. 273–302.

1424

Из стихотворения Пастернака «Любимая – жуть! Когда любит поэт...».

1425

Автором Апокалипсиса (последней книги Нового Завета) считается евангелист Иоанн («Откровение Иоанна Богослова»).

1426

...причислила тебя к 3-му дню... – В статье «Световой ливень» (глава «Пастернак и дождь») Цветаева писала:

«Господа, вы теперь знаете про Пастернака и дождь... попутное наблюдение: разительное отсутствие в кругу пастернаковской природы – животного царства: ни клыка, ни рога. Чешуя лишь проскальзывает. Даже птица редка. Мироздание точно ограничилось для него четвертым днем» (СС-5. С. 243).

1427

Речь идет о А.Л. Гальперне. См. коммент. 5 к письму к С.Н. Андрониковой-Гальперн от 25 февраля 1927 г.

1428

В мае 1927 г. Горький пригласил к себе в Сорренто (Италия) А.И. Цветаеву, помог ей получить паспорт и деньги. Музей, где она работала, предоставил ей двухмесячный отпуск и поручил привезти проспекты и каталоги музеев Италии. (Подробнее см.: Цветаева А. С. 644–700.)

1429

По-видимому, это были сборники Цветаевой «Стихи к Блоку» (1922) и «Разлука» (1922). (См.: Личная библиотека А.М. Горького в Москве. Описание. В 2 кн. Кн. 1. М.: Наука, 1981. С. 167.)

1430

Т.е. все номера журнала «Воля России», в котором печаталась поэма «Крысолов» (1925, № 4–7/8, 12; 1926. № 1).

1431

Мальва (Просвирник) – род трав, культивируется как декоративное растение.
«Мальва» – рассказ М. Горького (1897).

1432

Гофман Иосиф (Юзеф) (1876–1957) – польский пианист и композитор. Прославился как исполнитель произведений Ф. Шопена. В 1895–1905 гг. неоднократно выступал в России.

1433

Прозвище героя одноименного рассказа М. Горького (1895).

1434

В ноябре 1923 г. Ходасевич приехал из Берлина в Прагу.

«Спустя несколько времени туда приехал и Горький, поселившийся в отеле „Беранек“, где жил и я...» (Ходасевич В. Некрополь. Париж: YMCA-Press, 1976. С. 235).

«Марина рассказывала, что тогда, в Праге, Ходасевич не просто предлагал познакомиться ее с Горьким, которого очень любил, но – рвался сделать это, благо до Горького, остановившегося в той же гостинице, было буквально рукой подать. Марина, однако, отказалась...» (Эфрон А. С. 206).

1435

См. письмо к А.М. Горькому от начала августа 1927 г.

1436

По-видимому, речь идет о задержке выплаты гонорара Цветаевой за прозу «Твоя смерть», напечатанную М.Л. Слонимом в «Воле России» в № 5/6 за текущий год.

1437

Слова старинной застольной песни.

1438

См. коммент. 3 к письму к В.Б. Сосинскому от 12 июля 1927 г.

1439

См. коммент. 1 к предыдущему письму (С.Н. Андрониковой-Гальперн).

1440

Возможно, Цветаева намекает на поездку Пастернака на Урал в 1916 г. Поездке посвящено его стихотворение «Урал впервые» («Без родовспомогательницы, во мраке, без памяти...»).

1441

Получив от сестры книгу Рильке «Duineser Elegien», Пастернак писал Цветаевой: «Я не знал, что такие элегии и действительно написаны, и он сам, не нуждаясь в помощи чужих показательных потрясений, стал истории на плечи и так сверхчеловечески свободен» (Души начинают видеть. С. 378–379).

1442

Датируется условно по содержанию данного письма и писем к С.Н. Андрониковой-Гальперн от августа 1927 г. и к В.Б. Сосинскому от 14 августа 1927 г.

1443

См. коммент. 1 к письму к С.Н. Андрониковой-Гальперн от августа 1927 г.

1444

Что конкретно здесь имеет в виду Цветаева, нам неизвестно. Возможно, речь идет о каких-либо частных высказываниях одного в адрес другого. Подробнее об их отношениях см.: Ефремов М. И.А. Бунин и Д.П. Сятополк-Мирский: полемика, идеология, контекст // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2011. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2011. С. 74–97.

1445

Датируется по расположению в черновой тетради и содержанию.

1446

Д.А. Шаховской (см. письма к нему) принял монашеский постриг летом 1927 г. и в августе того же года отбыл на Афон.

1447

Мифический персонаж. Возможно, навеянный образом И.А. Бунина.

1448

Свадьба К.Б. Родзевича и М.С. Булгаковой состоялась в июне 1926 г. См. письмо к К.Б. Родзевичу от 5 мая 1926 г. и коммент. 2 к нему.

1449

Трагедия «Федра» была все же опубликована в журнале «Современные записки». См. коммент. 10 к письму к Пастернаку от 15 июля 1927 г.

1450

Издание «Верст» прекратилось после выхода третьего номера.

1451

Цветаева планировала поехать на океан, по-видимому, опять на вандейское побережье, в начале сентября 1927 г., но эти планы сорвались из-за болезни.

1452

Парэн Брис (1897–1971) – писатель и философ, член редколлегии журнала «Nouvelle Revue Française», секретарь издательства Gallimard. Вероятно, помог А.И. Цветаевой с визой.

1453

Т.е. в тетрадь с рукописью драмы «Федра». «Миртовый куст», «миртовый сук», «мирт» – слова, встречающиеся на протяжении всей пьесы.

1454

«После России».

1455

Оказалось, что Мур заболел скарлатиной. 18 сентября заболела, заразившись от него, и М.И. Цветаева, 19-го слегла Аля.

1456

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Весть касалась одного бурного романа Саввы Андреева.

1457

См. письмо к В.Б. Сосинскому от 11 сентября 1927 г.

1458

Цветаева выполнила свое обещание («гонорар»). См. также письма к В.Б. Сосинскому от 12 и 31 июля 1927 г. К письму приложено серебряное кольцо с изображением герба Вандеи и двух королевских лилий. См. также: Сосинский В. История одного кольца, или Несостоявшаяся дуэль. Русская мысль. Париж, 1990, 23 нояб.

1459

Т.е. за фотографии, выполненные Сосинским.

1460

См. письмо к А.И. Цветаевой.

1461

Сергей Сергеевич Прокофьев (1891–1953) – композитор и дирижер. Цветаева была знакома с Прокофьевым и даже совершила с ним поездку в Медон. Об этой поездке и об отношении Прокофьева к поэзии Цветаевой см. воспоминания Марка Слонима (Годы эмиграции. 2002. С. 90–145). Saint Palais – местечков в Атлантических Пиренеях.

1462

Дочь С.Н. Андрониковой–Гальперн от первого брака, Ирина Павловна Андреева.

1463

А. Эфрон 18 сентября исполнилось 15 лет.

1464

Датируется по содержанию. Пробыв две недели у сестры в Медоне, Анастасия Цветаева вернулась в Сорренто (см. письма М. Цветаевой к А.М. Горькому от начала августа и к С.Н. Андрониковой–Гальперн от 30 августа 1927 г.). О последних минутах перед отъездом А. Цветаева писала позднее:

«Запах железнодорожной гари, крик поездов. Дорожная лихорадка. Узкое лицо Сережи, его поднятая над головой шляпа, свет его огромных добрых глаз. Улыбка. Высокий его силуэт. Рядом, ниже, – Родзевич. Он в последнюю минуту поспел к поезду, привез мне от Марины – письмо! Пожелания, прощанья.

Поезд дрогнул. Идут рядом. Последние мои им слова:

– Приезжайте в Россию! – Гляжу во все глаза – запомнить.

Конверт...» (Цветаева А. С. 700).

1465

Святитель Мартин Турский, или Мартин Милостивый (316–397) – епископ Тура, один из самых почитаемых во Франции святых. ...святому Мартину с его плащом! Ср. с описанием в очерке «Герой труда» (глава «Вечер поэтесс»):

«...жеста Св. Мартина, царственно с высоты коня роняющего нищему половину (о ирония!) плаща. (Самый бездарный, самый мизерный, самый позорный из всех жестов даяния!)» (СС–4. С. 40).

1466

Туркестан. – Цветаева имеет в виду, по-видимому, место рождения А.С. Балагина. Он родился и вырос в Ташкенте. Здесь же выпустил свои книги: «Огни сердца. Проза

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru и стихи» (Ташкент, 1912, 1913) и «Лунные флейты. Стихи» (Ташкент, 1916).

1467

Тунчи – Татьяна Викторовна Соловьева, первая жена А.С. Балагина. Художница. Умерла в 1921 г.

1468

М.И. Кузнецова (в замуж. Балагина, псевдоним Гринева; 1890–1966) – актриса, писательница. (См.: Письма 1905–1923, с. 215, 388–389).

1469

Правильно: Лидия Дмитриевна Зиновьева–Аннибал (наст. фам. Зиновьева, во втором браке Иванова; 1865/66–1907) – прозаик, драматург, критик. Вторая (а не первая, как пишет Цветаева) жена Вяч. И. Иванова. По женской линии принадлежала к потомкам А.П. Ганнибала. Умерла от скарлатины, заразившись от крестьянских детей, за которыми ухаживала в деревне.

1470

Варшавский Владимир Сергеевич (1906–1978) – писатель, литературный критик. Сын С.И. Варшавский (см. коммент. 3 к письму к А.А. Тесковой от 24 сентября 1926 г.). В 1920 г. эмигрировал в Константинополь, затем перебрался в Чехословакию. Окончил Русскую гимназию в Моравской Тршебове, затем юридический факультет Пражского университета. В 1926 г. уехал в Париж, окончил философский факультет Сорбонны. Публиковался в журналах «Современные записки», «Новый град», «Числа».

1471

См. коммент. 2 к письму к А. Тесковой от 21 февраля 1927 г.

1472

Альтшулер – правильно: Альтшуллер. – См. письмо к нему от августа 1925 г.

1473

Еленев Николай Артемьевич (1894–1967) – прозаик, историк искусств. В 1920 г. эмигрировал в Константинополь, затем поселился в Праге. Окончил Русский юридический факультет, философский факультет Карлова университета. Занимался историей русского искусства. Работал библиотечкарем. Печатался в парижских и пражских периодических изданиях. Член Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии. В 1931–1935 гг. жил во Франции. Автор воспоминаний о Цветаевой (Годы эмиграции. с. 16–43).

1474

К письму Цветаевой приложил свое письмо С.Я. Эфрон, где он писал:

«Хочу от себя прибавить несколько слов о поездке Марины к Вам в Прагу. Если бы Вы сейчас видели Марину и поговорили бы с ней немного, – Вам стало бы ясно, до какой степени она нуждается в отдыхе – не только физическом (который не так трудно предоставить ей и здесь в Медоне), но и душевном – духовном. ... Поездка в Прагу – к Вам зарядит ее на месяцы и месяцы работы» (Письма к Анне Тесковой, 2009. с. 93).

1475

Имеются в виду строки из поэмы «Лейтенант Шмидт»:

«Известно ли, как влюбчиво / Бездомное пространство, / Какое море ревности / К тому, кто одинок!» (Пастернак Б. Стихотворения и поэмы. М.; Л.: Сов. писатель, 1965. с. 273).

1476

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
...ни курсисток с фуриями... – в журнальной редакции поэмы у Пастернака было:

«Глаза протереть! Оклиматься! / О, юношеская бурность / курсисток! О,
фурий-мишуриц / Старушечье – чур нас!..» и т.д. (Там же. С. 662).

...потерь казенных денег... – В опущенной позднее главе «Письмо о дрязгах» у героя
поэмы в поезде были украдены казенные деньги (Там же. С. 662).

1477

См. коммент. 7 к письму к Б. Пастернаку от 23 мая 1926 г.

1478

См. главу «Отцы» поэмы Пастернака «Девятьсот пятый год» (Там же. С. 248).

1479

Мать Сережи – Лиза Дурново... – См. коммент.: Души начинают видеть. С. 656–657, а
также коммент. 4 к письму к П.П. Сувчинскому и Л.П. Карсавину от 9 марта 1927 г.

1480

Речь идет о главе «Детство» поэмы «Девятьсот пятый год» (Пастернак Б. Указ. соч.
С. 251).

1481

Строка в 8-й главе поэмы «Лейтенант Шмидт» «На мичмана в рабочей блузе» позднее
была заменена строкой «На брата в выпачканной блузе» (Там же. С. 280).

1482

...сабашниковское издание Марка Аврелия. – Речь идет о книге римского императора,
философа Марка Аврелия (121–180): Наедине с собой. Размышления / Пер. С.М.
Роговина. (Серия «Памятники мировой литературы»). М.: Изд-во Сабашниковых, 1914.
Автор начинает книгу с благодарности всем своим воспитателям.

1483

К.Б. Родзевич.

1484

Николай Семенович Тихонов (1896–1979) – русский советский писатель. В письме к
Цветаевой от 3 октября 1927 г. Пастернак писал:

«Тихонов – имя, которое могу назвать по полуторачасовой паузе после тебя,
единственной...» (Души начинают видеть. С. 394).

1485

О ком идет речь, неизвестно.

1486

См. коммент. 9 к письму к А.А. Тесковой от 28 ноября 1927 г.

1487

Цветаева, видимо, намекает на известный факт ссоры Пастернака с Есениным (см.
там же. С. 593). Пастернак в письме к Цветаевой от 2 октября 1927 г. писал по
этому поводу: «Бесследно растворено и становится преданьем то, что однажды
довело меня до озверенья» (Там же. С. 395).

1488

14 сентября 1927 г. Айседора Дункан погибла в результате несчастного случая в

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Ницце, задушенная шелковым шарфом, намотавшимся на ось колеса автомобиля.

1489

По-видимому, речь идет о близких отношениях Есенина и Клюева, которые их связывали в 1915–1917 гг.

1490

Этот образ возник из греческого мифа о Зевсе, который, пленившись красотой Данаи, явился к ней в виде золотого дождя.

1491

Предыдущее письмо к М. Горькому от начала августа 1927 г. до адресата не дошло. См. текст и коммент. к нему в наст. изд.

1492

Слова из 2-й картины трагедии М. Цветаевой «Федра», над которой она работала в то время. См. также письмо к С.Н. Андрониковой-Гальперн от 30 августа 1927 г.

1493

В библиотеке М. Горького хранится экземпляр «Царь-Девицы» (Берлин, 1922) с дарственной надписью: «Дорогому Алексею Максимовичу с благодарностью за Асю. Марина Цветаева. Медон, сентябрь 1927 г.». Видимо, одновременно с «Царь-Девицей» Цветаева послала М. Горькому вырезку из журнала «Версты» (1927, № 2) с трагедией «Тезей»: «Дорогому Алексею Максимовичу – первую часть замысла. М.Ц. Медон, сентябрь 1927 г.» (Также хранится в библиотеке М. Горького в Москве).

1494

В ответе на анкету в 1926 г. Цветаева писала:

«Последовательность любимых книг... Позже и поныне: Гейне – Гёте – Гёльдерлин...» (СС– 4. С. 622).

1495

В книге «Der Kampf mit dem Dämon: Hölderlin, Kleist, Nietzsche» (1925) австрийского писателя Стефана Цвейга (1881–1942) представлены литературные портреты Гёльдерлина, Клейста и Ницше.

1496

Это «свое любимейшее» стихотворение Гёльдерлина Цветаева привела в дарственной надписи на сборнике «Психея», посланной А.Ф. Керенскому в феврале 1924 г. См. коммент. 10 к письму Р.Б. Гулю от 30 марта 1924 г.

1497

В 1792 г. Гёльдерлин решает отказаться от намеченной богословской карьеры с целью посвятить себя литературе.

1498

Гонтар Сюзетта (урожд. Боркенштейн; 1769–1802), мать четверых детей.

1499

Это имя восходит к святой и мудрой женщине, которой Сократ был обязан всеми своими знаниями о природе дружбы.

1500

Неточная цитата из позднего (но не последнего) четверостишия «Die Linien des Lebens sind verschieden...» («Различны линии бегущей жизни...»), написанного поэтом

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru в состоянии безумия. (Правильно: «was hier wir sind, kann dort ein Gott erganzen...»)

1501

«Hyperion» – роман Гёльдерлина, назван по имени юноши, главного героя. Цитату из романа Цветаева взяла в качестве эпиграфа к своей «Поэме Горы» (СС-3. С 24).

1502

Река на юго-западе Германии, приток Рейна.

1503

Булгаков Сергей, о. – См. коммент. 10 к письму к О.Е. Колбасиной-Черновой от 25 ноября 1924 г. ...смешной случай... – Возможно, Цветаева вспомнила сцену крещения Мура (крестил о. С. Булгаков):

«Увидав подлежащего крещению, о. Сергей, мне, с некоторым испугом: – А я с ним... справлюсь? – И я, с внутренней улыбкой, внешне же – задумчиво: – „А это уж я не знаю“.

На мое предложение в начале обряда уйти, о. Сергей: – Собственно, родителям присутствовать не полагается, но если бы Вы попросили, я бы разрешил. И мое испуганное: „Нет, нет, не надо, сохрани Бог! – раз заведено. Зачем?!“

...В одном месте, когда особенно выгоняют, навек запрещают („отрекись от ветхия прелести!“) у меня выкатились две огромных слезы – точно это мне вход заступали в Мура. Одно Алино слово перед крестинами: – „Мама! а вдруг, когда он скажет: „дунь и плюнь“ Вы... исчезнете?“ Робко, точно прося не исчезать. (Я потом, провоя с горы, рассказывала о. Сергию, слушал взволнованно, может быть того же боялся, на то же, втайне надеялся?)» (НСТ. С. 379–380).

1504

Цветаева боялась заразить Горького и его близких, так как ее семья переболела скарлатиной. См. письмо А.А. Тесковой от 4 октября 1927 г. и др.

1505

Новалис (наст. имя и фам. Фридрих фон Харденберг; 1772–1801) – немецкий писатель, поэт, философ.

1506

Описка Цветаевой. Гёльдерлин умер в 1843 г.

1507

«...для Гёльдерлина в серии личных поражений одним из тяжелейших было разочарование в Шиллере, который, как известно, не принял не только путей и методов Французской революции, но самую ее суть» (Беляева Н. Т. Сотворение «Гипериона». – В кн.: Гёльдерлин Ф. Гиперион. М.: Наука, 1988. С. 565).

1508

Правильно – 8 октября. Согласно правилам, к датам прошлого, XIX в., прибавляется 12 дней. Разница в 1 день у Цветаевой образовалась, скорее всего, из-за того, что к датам церковных праздников (она родилась в день Иоанна Богослова), отмечающихся в начале века по старому стилю, при переходе на новый стиль прибавлялось 13 дней.

1509

Речь идет, вероятнее всего, о Поле Элюаре (1895–1952). К 1927 г. у него вышли семь поэтических сборников. Некоторые из них были украшены иллюстрациями таких мастеров, как примыкавший в то время к кубистам французский художник Андре Лот (1885–1961) и немецкий художник-сюрреалист Макс Эрнст (1895–1952). Известно, что

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru еще в 1917 г. Элюар послал Цветаевой один из первых экземпляров своего сборника «Долг и тревога» (1917) с дарственной надписью (Элюар П. Стихи. М.: Наука, 1971. С. 372).

1510

Первое отдельное издание поэмы Б. Пастернака «1905 год» (М.; Л.: ГИЗ, 1927).

1511

См. письмо к Б.Л. Пастернаку от 5 октября и коммент. 8 к нему.

1512

«Девятьсот пятый год».

1513

Цветаева с детьми переболели скарлатиной.

1514

Поскольку карантин в квартире Цветаевой, вызванный скарлатиной, еще не окончился, Цветаева попросила К.Б. Родзевича написать Пастернаку от ее имени. Письмо Родзевичем было составлено по данному конспекту:

13 октября 1927 г.

Глубокоуважаемый Борис Леонидович!

Пишу Вам по поручению Марины Ивановны. Собственным письмом она не хочет нарушать запретную черту карантина, который продлится у нее вероятно числа до 20–25 октября.

Вот что Марина Ивановна просила Вам передать:

1. «1905 г.» дошел, много раз перечитан, превзошел все ожидания. Если бы на него было убито 5 лет – и то бы стоило.
2. Другая посылка тоже дошла. За нее – благодарность. Об этом речь впереди.
3. Вам пишется длинное письмо – пока в тетрадку, после дезинфекции переписется и пошлетя.
4. Из Сорренто получите книгу «После России», которая выходит на днях.
5. Все письма получены.
6. Здоровье детей и Марины Ивановны – хорошо.

Марина Ивановна – обрилась (подтверждаю это свидетельским показанием – вместо «русых кудрей» – голый череп с обострившимися очертаниями ушей. Что-то напоминающее одновременно и сатира и древнего египтянина).

Простите, что мое письмо похоже на протокол: это от желания по возможности точно передать слова Марины Ивановны.

Наш короткий разговор мы вели на расстоянии, с соблюдением карантинных предосторожностей. Моя бумага – медицински чиста!

Пользуюсь случаем, чтобы со своей стороны (как один из Ваших читателей) выразить Вам признательность за Ваши последние стихи. Я из тех, кто видел и помнит 1905 г. – Вы воссоздали его живым и правдивым. И люди, и речи, и чувства, и даже погода тех дней – настоящие!

К сожалению Ваш «1905 г.» (таким он будет жить!) знаком мне только по отрывкам, печатавшимся в журналах. Жду возможности перечесть все – полностью.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Искренне Ваш

Константин Родзевич (Души начинают видеть. С. 402–403)

1515

Сборник Цветаевой «После России» вышел лишь в мае 1928 г.

1516

Начальные строки поэмы Цветаевой «С моря», обращенной к Пастернаку.

1517

Имеется в виду письмо Цветаевой к Л.О. Пастернаку от 11 октября 1927 г. Письмо это было ответом на письмо мужа Жозефины Пастернак (сестры поэта) Ф.К. Пастернаку, которое Цветаева нечаянно приняла за письмо Л.О. Пастернака (Души начинают видеть. С. 658). См. также письмо 79–27 к Б.Л. Пастернаку от конца октября 1927 г.

1518

«Я родился в Москве, 29-го января ст. стиля 1890 года. Многим, если не всем, обязан отцу, академику Леониду Осиповичу Пастернаку, и матери, превосходной пианистке» (Писатели. Автобиографии и портреты современных русских прозаиков. М. 1926).

См. также письмо к Б.Л. Пастернаку от 5 октября 1927 г.

1519

См. коммент. 1 к письму к А.М. Горькому от 8 октября 1927 г.

1520

Владик. – Владислав Дмитриевич Иванов (ок. 1901 – не ранее августа 1973) – поэт. Был близок к евразийским кругам. Автор книги «Концы и начала. Попытка эпоса» (Париж, 1930). Сотрудничал в газете «Евразия», в журналах «Воля России», «Своими путями», «Евразийская хроника». Знакомый Цветаевой и С. Эфрона, бывал у них дома в Медоне, вместе провели лето 1928 г. в Понтайяке и т.д.

1521

См. коммент. 4 к письму к О.Е. Колбасиной-Черновой от 26/27 декабря 1924 г.

1522

См. письмо к М.Л. Слониму от мая 1926 г. и коммент. к нему.

1523

Россия – еженедельная газета под редакцией П.Б. Струве (1927–1928), с декабря 1928 (по 1934) – «Россия и славянство» (при участии П.Б. Струве и под редакцией К.И. Зайцева).

1524

В состав третьего выпуска «Верст» вошли публикации: «Россия и евреи» Л.П. Карсавина, «Социальная база русской литературы» С.Я. Эфрона, «Ответ Л.П. Карсавину» и «Достоевский и еврейство» правоведа и философа А.З. Штейнберга. О возникшем конфликте между «Современными записками» и «Верстами» по поводу сотрудников-евреев журнала «Версты» и его содержания см. письма Цветаевой к Л.П. Карсавину и П.П. Сувчинскому от 9 марта 1926 г. и к В.Ф. Ходасевичу от октября 1926 г. и коммент. к ним.

1525

Речь идет о книге Цветаевой «После России». Вышла в мае 1928 г.

1526

...тысячерукая индусская богиня... – Имеется в виду одна из самых популярных богинь в индуизме – Дарга. По одной из версий, выступает как супруга Шивы в одной из ее грозных форм. Согласно некоторым представлениям, являет собой объединенную божественную силу, чтобы установить равновесие и гармонию, покой и благополучие. В индуистской иконографии обычно изображается в виде десятирукой женщины (иногда число рук может быть и гораздо большим), восседающей на гималайском тигре или льве. Троеручица. – Чудотворная икона Богоматери, связанная с именем преподобного Иоанна Дамаскина. В VIII в. святой Иоанн жил в Дамаске и служил советником халифа. Обвинив по чужому навету Иоанна в измене, халиф приказал отрубить ему кисть правой руки. После долгих молитв перед иконой Божией Матери к преподобному пришло исцеление – отрубленная рука срослась. В благодарность об исцелении он приписал в нижней части иконы изображение третьей руки. Перед иконой Божьей Матери «Троеручица» молилась Царская семья в Ипатьевском доме накануне мученической кончины.

1527

В письме к Б.Л. Пастернаку в те же дни (23 октября) П.П. Сувчинский писал: «Целую неделю живу под знаком вашего „1905 года“. Не сердитесь за экспансивность... Ваш „1905“ ...то, что я бы назвал русским светопрествлением...» и т.д. и т.п. (Козовой В. Поэт в катастрофе. М.: Изд-во «Гнозис»; Париж, Institut d'études slaves, 1994. С. 194). Цветаева читала эти восторженные оценки Сувчинского, о чем она пишет далее в письме. В этом же письме Сувчинский выполнял поручение Цветаевой с просьбой написать от ее имени Пастернаку, что «все посланное – получила», что «После России» скоро выйдет и т.д., аналогично тому, что по ее же просьбе несколькими днями ранее Пастернаку писал «герой горы» Родзевич (см. конспект письма Цветаевой к Пастернаку от 13 (около) октября 1927 г. и коммент. к нему).

1528

См. предыдущий коммент.

1529

Александра Михайловна Коллонтай (1872–1952) – революционерка, государственный деятель, дипломат. Была активной сторонницей женской эмансипации.

1530

Из стихотворения Цветаевой «Брожу – не дом же плотничать...» (1923). Вошло в сборник «После России».

1531

Цветаева имеет в виду пересказ стихотворения немецкого поэта Рихарда Демеля (Dehmel Richard, 1863–1920) «Arbeitsmann» («Рабочий»). Первая строфа: «wir haben ein Bett, wir haben ein Kind, mein weib! / wir haben auch Arbeit, und gar zu zweit, / Und haben die Sonne und Regen und wind, / Und uns fehlt nur eine Kleinigkeit, / Um so frei zu sein, wie die vögel sind: / Nur Zeit» («У нас есть кров, у нас есть ребенок, жена! // У нас есть также работа, и даже вторая, / И есть и солнце, и дождь, и ветер, / И не хватает только малого, // Не хватает единственного, как поет птица: / Только времени». И т.д.)

1532

Письмо к Цветаевой от 16 октября 1927 г. Пастернак целиком посвятил подробному рассказу о своем первом воздушном полете (Души начинают видеть. С. 407–410).

1533

Речь идет о «Поэме Воздуха», которую Цветаева создала в мае–июне 1927 г. Поводом к ее написанию стал факт первого беспосадочного перелета через Атлантический океан американского летчика Чарльза Линдберга, совершенного 21–22 мая текущего года.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

1534

Женя. – Евгений Борисович Пастернак (1923–2012) – сын поэта, будущий инженер и литературовед.

1535

См. коммент. 9 к письму 46–27 к Б.Л. Пастернаку от начала августа 1927 г.

1536

Сирень и ландыши... – В письме к Цветаевой от 18 сентября 1927 г. Пастернак прислал несколько своих стихотворений, в том числе «Ландыши» и «Сирень» (Там же. С. 385–389).

1537

Св. Августин переболел в детстве скарлатиной (scarlet fever – «алая (пурпурная) лихорадка» – англ.).

1538

Т.е. первая жена Пастернака, Евгения Владимировна (урожд. Лурье; 1898–1965), мать Жени Пастернака. Художница.

1539

Вера Александровна Сувчинская. См. письма к ней в наст. томе.

1540

Воскресенье. – Герой романа английского писателя Гилберта Кита Честертона (1874–1936) «Человек, который был четвергом» (1908), олицетворяющий зло. На его чудовищно огромное лицо невозможно было смотреть вблизи. Ср. в эссе Цветаевой «Эпос и лирика современной России»:

«У Маяковского тоже есть детали, весь на деталях, но каждая деталь с рояль. (По временам физика стихов Маяковского мне напоминает лицо Воскресенья из „Человека, который был четвергом“ – слишком большое, чтобы его можно было мыслить.) Оптом – Маяковский. В розницу – Пастернак» (СС-5. С. 384).

1541

Измененная первая строка стихотворения Пастернака «Не трогать»: «Не трогать, свежавыкрашен» (из цикла «Книга степи», сборник «Сестра моя жизнь»).

1542

В письме Цветаевой от 21 октября 1927 г. Пастернак писал:

«Когда начнешь писать, не хвали мне „Девятьсот пятого“. Истина твоего отношения лежит где-то посредине между словами Аси, вскользь, без упора, сказавшей, что он не нравится тебе, и той похвалой, на которую ты сейчас напустишься, чтобы доставить мне радость. Улови также тон, которым полны эти последние слова. Естественность этого положенья ни для кого из нас не обидна...» (Души начинают видеть. С. 414).

1543

Имеются в виду названия глав поэмы «Девятьсот пятый год»: «Гапон» и «Бунт на Потемкине» (впоследствии названия были изменены: «Детство» и «Морской мятеж» (соответственно)).

1544

Речь идет о главе «Студенты» (первоначально под названием «Похороны Баумана»). Николай Эрнестович Бауман (1873–1905) – революционер, большевик. Был убит

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
черносотенцами в 1905 г.

1545

См. коммент. 2 к письму к Б.Л. Пастернаку от 20 октября 1927 г.

1546

Вера Степановна Гриневиц (урожд. Романовская) – библиограф, занималась вопросами педагогики. В эмиграции с 1921 г. Цветаева была знакома с ней с начала 1910-х гг.

1547

В письме от 21 октября 1927 г. Пастернак писал об этом Цветаевой:

«...мой опыт уже благотворно отразился на некоторой части последних работ Маяковского и Асеева. Они уже не так бездушны. Авторы со мною в пассивной ссоре. Они не знают меня, и все, что со мною делается без моих для этого усилий, воспринимают, как мою личную интригу против них, как желанье обскакать их и сесть им на голову» (Там же. С. 414–415).

1548

Ланнов... – Имеется в виду Е.Л. Ланн (см. Письма 1905–1923) и окружение Цветаевой в послереволюционной Москве.

1549

...шарлаховую хронику... – т.е. письма, написанные Цветаевой в период болезни скарлатиной (от нем. Scharlach – скарлатина).

1550

К.Б. Родзевич служил мичманом на флоте, во время Гражданской войны воевал в составе Красной флотилии.

1551

Факт участия юного С.Я. Эфрона на баррикадах в революцию 1905 г. нам неизвестен. В письме к Л.П. Берии в 1939 г. Цветаева, давая характеристику своему мужу, писала о том, что он рос в семье революционеров и что по поручению своей матери, члена организации «Народная воля», в 1905 г. выполнял ее революционные поручения (СС-7. С. 661).

1552

Из стихотворения «Кто – мы? Потонул в медведях...» Под названием «Вступление в Поэму Добровольчества» было опубликовано в однодневной газете «День Русской Культуры» (8 июня 1927 г.). Стихотворение является самостоятельным отрывком из незавершенной «Несбывшейся поэмы» (СС-3).

1553

Цветаева сетует, по-видимому, на то, что поэма «Лейтенант Шмидт», опубликованная частями в «периодической печати», потеряла восприятие цельности произведения. Поэма публиковалась в журналах «Новый мир» (1926. № 8/9; 1927. № 2–5) и «Молодая гвардия» (1926, № 7).

1554

См. коммент к письму Цветаевой к Б.Л. Пастернаку от 14 октября 1927 г. в кн. Души начинают видеть (С. 658).

1555

Письма Горького к Цветаевой не сохранились.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

1556

Ф. – Письмо было подписано Фридрихом (домашнее имя Федя) Карловичем Пастернаком (1880–1976).

1557

Л.М. Эренбург. См. коммент. 9 к письму к Р.Б. Гулю от 30 марта 1924 г. В разговоре с Цветаевой была неточна: Жозефина Пастернак была троюродной сестрой своего мужа, Ф.К. Пастернака.

1558

Цветаева ошибается: мать Бориса Пастернака была пианисткой.

1559

Речь идет о рассказе Рильке «Из жизни венецианского гетто» в книге «Истории доброго Бога».

1560

См. письмо к Л.О. и Р.И. Пастернак от 21 декабря 1927 г. Более ранних писем Цветаевой к Р.И. Пастернак не обнаружено.

1561

Цветаева продолжала работать над четвертой (последней) картиной трагедии «Федра», начатой 17 сентября 1927 г. Первый беловик картины был закончен 4 декабря.

1562

Речь идет о вечере А. Блока, который состоялся 14 мая 1920 г. во Дворце искусств. Аля, восьмилетняя дочь Цветаевой, оставила запись об этом вечере (см.: Саакянц А.–2. С. 206).

1563

Нюра – восемнадцатилетняя рязанская крестьянка, была у Пастернаков прислугой. О ней и ее знакомом юноше, который увлекался чтением, Пастернак писал Цветаевой в одном из своих писем:

«Он земляк ее предшественницы и подруги, от нас пошедшей замуж этим летом. Он с нашей теперешней одного уезда, разных деревень. Нюра входит ко мне пунцовая, пылающая, в это время меня зовут к телефону; когда я возвращаюсь, на столе беспорядок. Снова меня куда-то зовут, проходя коридором, где ее угол, вижу на коленях у ее гостя развернутую „Сестру мою жизнь“. Он вполголоса ей эту чепуху читает... Но на предложенье бросить эту ерунду и взять у меня Толстого он отвечает светлой, осмысленной улыбкой и просьбой дать им, в таком случае, „Девятьсот пятый“! Оказывается, посидев у ней минуту–другую, он в числе первых задал ей вопрос о том, у кого она служит. Речь шла о фамилии. И вот, едва Нюра меня назвала, как он сказал ей, кто я, и послал ее за книгами» (Души начинают видеть. С. 418).

1564

Клавдия Владимировна Лукашевич (1859–1937) – популярная детская писательница. Автор книги: «Ясное солнышко и другие рассказы и повести» (М., 1898, 1912).

1565

На письмо Сувчинского (см. коммент. 2 к письму к Б.Л. Пастернаку от 20 (?) октября 1927 г.) Пастернак ответил письмом 31 октября 1927 г. (см.: Козовой В. Поэт в катастрофе. М.: Изд-во «Гнозис»; Париж: Institut d'études slaves, 1994. С. 201–202).

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru 1566

...первый откликнулся на 12 Блока... – В предисловии, которым П.П. Сувчинский сопроводил софийское издание «Двенадцати» (Александр Блок. «Двенадцать». София, Российско-болгарское книгоиздательство, [1920]) он затронул вопросы творчества Блока с религиозной точки зрения, отношения Блока к русской революции и т.д. Поэзию Блока он определил как «чувственный реализм» (Указ. соч. С. 6). ...с Блоком первый зачинал Евразию... – Имеется в виду сборник «На путях» («Утверждение евразийцев». Книга 2. М.; Берлин, 1922) со статьей П.П. Сувчинского «Типы творчества: Памяти А. Блока» (С. 147–176).

1567

Начатая осенью 1927 г. переписка между Б. Пастернаком и П. Сувчинским оборвалась сразу же после первых писем. Возобновилась она лишь спустя 30 лет, осенью 1957 г. Инициатором ее был П. Сувчинский:

«Если Вы помните, что когда-то, очень давно, бедная Марина Ивановна Цветаева жила в Париже, что были „Версты“ и многое, многое другое. Вы может быть помните (или теперь вспомните) и меня...» (Козовой В. Указ. соч. С. 211).

1568

Сохранилось несколько писем Цветаевой к С.М. Волконскому 1921 г., записанных ею в свои тетради. См.: Письма 1905–1923. В целом же переписка между ними, по-видимому, не сохранилась.

1569

Дневниковая проза «Октябрь в вагоне», написанная Цветаевой в Москве в октябре–ноябре 1917 г., была опубликована в «Воле России» в 1927 г. в № 11–12 (ноябрь–декабрь). См. СС–4.

1570

Роллан Ромен (1866–1944) – французский писатель, общественный деятель. Цветаева высоко ценила его творчество. В 1926 г. Борис Пастернак прислал Цветаевой анкету. Отвечая на вопрос «любимые писатели (из современников)» анкеты 1926 г. для предполагавшегося издания библиографического Словаря писателей XX века Цветаева перечислила: Рильке, Роллан, Пастернак (СС–4. С. 623). Подробнее см.: Мнухин Л. Марина Цветаева и Ромен Роллан // Марина Цветаева: Время и место. XVII и XVIII Цветаевские чтения в Болшеве. – г. Королев: Музей М.И. Цветаевой в Болшеве, 2007. С. 63–71.

1571

Пастернак писал Цветаевой, что Асеев собирается в Сорренто к Горькому и, кроме всего прочего, прочесть тому две поэмы Цветаевой («Поэма конца» и «Крысолов»), полученные от Пастернака (Души начинают видеть. С. 433).

1572

Пастернак откликнулся на просьбу Цветаевой прислать книгу «Девятьсот пятый год» С.Я. Эфрону:

«Ты не можешь себе представить, как взволновал и обрадовал меня твой намек о книжке для Сергея Яковлевича. Ты точно угадала мое желание и мне эту возможность подарила. Это ведь движенье сродни мысли о России, т.е. это – то растягиванье души, при котором легче становится и тебе самой и тем, которые больше всего тебя любят» (Там же. С. 434).

1573

К поэме «Егорушка», начатой в 1921 г., Цветаева вернулась в 1928 г. Поэма осталась незавершенной.

1574

Книга С.Т. Аксакова (1791–1859) «детство Багрова-внука», одного из любимых

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Цветаевой русских писателей (СС-4. С. 623).

1575

Асеев собирался писать о Марине Цветаевой. – В письме от 12 ноября 1927 г. Пастернак сообщил Цветаевой, что Н.Н. Асеев собирается писать о Цветаевой в своем годовом отчете о поэзии.

1576

Сборник рассказов Н.Э. Бабеля (1894–1940) «Конармия» вышел отдельным изданием в 1926 г. (М., Госиздат).

1577

Маяковского передернуло от твоих червей... – В ранней редакции главы «Морской мятеж» (под названием «Потемкин») из поэмы «Девятьсот пятый год» были строки:

«А на деке роптали / Приблизившись к тухнувшей стерве / И увидя, / Как кучится слизь, / Извиваясь от корч, / Доктор бряк наобум: / Порчи нет никакой. / Это черви. / Смыть и только, – / И – кокам: / – Да перцу поболее в борщ» (Версты. Париж. 1926. № 1. С. 21).

Ср. в статье Цветаевой «Мой ответ Осипу Мандельштаму» о его книге «Шум времени»:

«В Ваших живописаниях Крыма 21 г. – те 90-е годы, тот пастернаковский червь (с Потемкина), от которых Вы так отмежевываетесь. Ваша книга – nature morte, и если знак времени, то не нашего» (СС-5. С. 310).

«Пастернаковских червей» отметила в своей резкой рецензии на «Версты» Зинаида Гиппиус:

«...его (Пастернака. – Сост.) „достижения“ известны: ... „Расторопный прибор сатанеет от прорвы работ“ – „и свинеет от тины“... Далее, конечно, о „тухнувшей стерве, где кучится слизь, извиваясь от корч – это черви“... Образы не молоденькие, но у новейших советских знаменитостей к ним особое пристрастие: должно быть, старым считается буржуазно-помещичий Соловей с розой, так лучше хватить подальше» (Антон Крайний. О «Верстах» и о прочем. Последние новости. 1926. 14 авг.).

Реакции Маяковского на эти строки Пастернака обнаружить не удалось. В целом же Маяковский высоко оценил поэму:

«Теперь он (Пастернак – Л.М.) написал революционную вещь „Шмидт“ – на этой вещи учиться надо» (Из выступления на диспуте «ЛЕФ или БЛЕФ» 23 марта 1927 г. (Маяковский В. Полн. собр. соч. Т. 12. М.: ГИХЛ, 1959. С. 343)).

Такую же оценку Маяковский дал в интервью с редактором журнала «Польска вольность» (№ 7. 22 мая 1927 г.):

«...произведения Пастернака „Лейтенант Шмидт“ или „Сестра моя жизнь“ – это вещи весьма значительные» (Там же. Т. 13. С. 237).

1578

Бернанос Жорж (1888–1948), французский католический писатель. К этому времени вышли его романы «Sous le soleil de Satan» («Под солнцем Сатаны», 1926) и «L'Imposture» («Обман», 1927). Говоря о «кровавости» Ж. Бернаноса, Цветаева имеет в виду, скорее всего, роман «Под солнцем Сатаны», где героиня убивает любовника, превращается в Сатану и кончает жизнь самоубийством (перерезает себе горло).

1579

См. коммент. 2 к письму к А.А. Тесковой от 4 октября 1927 г.

1580

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
В своей переписке Цветаева смещает даты рождения: 8 октября (26 сентября) 1927 г. ей исполнилось 35 лет, ее дочери Ариадне в сентябре – 15 лет.

1581

Ариадна Эфрон поступила в Рисовальную школу, где училась композиции и русскому орнаменту у И. Билибина, декоративному рисованию у М. Добужинского и др.

1582

Заключительные строки стихотворения «Frauen-Ritornelle» Теодора Шторма (1817–1888). Эти же строки Цветаева взяла эпиграфом к поэме «Перекоп». Трехстишие из этого стихотворения неоднократно цитируется в письмах Цветаевой.

1583

См. коммент. 6 к письму к Б.Л. Пастернаку от 19 ноября 1927 г.

1584

Дети должны расти ... в природе... – Эти соображения Цветаевой о воспитании детей на лоне природы нашли позднее отображение в ее стихотворении 1940 г., заканчивающемся строками: «Ребенок растет на асфальте / И будет жестоким – как он» (СС-2. С. 367).

1585

См. коммент. 1 к письму к Б.Л. Пастернаку от 19 ноября 1927 г.

1586

См. коммент. 9 к письму к А.А. Тесковой от 8 июня 1926 г.

1587

См. письмо к М.Л. Слониму от мая 1926 г. и коммент. 3 к нему а также письмо к А.А. Тесковой от 20 октября 1927 г.

1588

С.Я. Эфрон снимался в качестве статиста в фильме режиссера К.-Т.Дрейра «La Passion de Jeanne d'Arc» («Страсти Жанны д'Арк») с французской актрисой Рене Фальконетти в главной роли (1928). В письме к Елизавете Эфрон Сергей Яковлевич писал в эти дни:

«Только в последние дни наша жизнь стала приходить в порядок. Летом трудно было материально. Осенью дела пошли лучше. Раз десять крутился в большой фильме о Жанне д'Арк... Из моих заработков – самый униженный, но лучше других оплачиваемый, съемки» (Саакянц А.-2. С. 489).

Снимался в качестве статиста в 1927–1928 гг. и в других фильмах. Известна также его эпизодическая роль узника, которого выводят на расстрел, в фильме Марко де Гастина и Мориса Глэза «La Madone des sleepings» («Мадонна спальных вагонов») (1928), снятого по одноименному роману французского писателя Мориса Декобра (1888–1973). (См.: Босенко В. Сергей Эфрон – 12 экранных секунд. Литературная газета. М., 2001. 21–27 февр.)

1589

Рильке скончался 30 (а не 29) декабря 1926 г.

1590

См. письмо 26–27 к А.А. Тесковой от 26 апреля (Третий день Пасхи) 1927 г. и коммент. 9 к нему.

1591

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
12 декабря Цветаева написала письмо В.Ф. Булгакову и переслала его через А.А. Тескову.

1592

Речь идет о В.А. Завадской и Ю.А. Завадском. См. письмо к Б.Л. Пастернаку от 24 июля 1927 г.

1593

См. коммент. 3 к письму к Б.Л. Пастернаку от 14 июля 1925 г.

1594

См. письмо к Л.О. и Р.И. Пастернак от 21 декабря 1927 г. и коммент. 1 к нему.

1595

Помещено здесь условно.

1596

Помещено здесь условно.

1597

Автор теории, что все языки происходят от четырех элементов, советский ученый Николай Яковлевич Марр (1864/65 – 1934). Докладчиком, по предположению В.В. Морковина, был молодой филолог Борис Генрихович Унбегаун (1898–1973). О нем см.: Письма М.И. Цветаевой к Б.Г. Унбегауну // Марина Цветаева в XXI веке: Цветаевские чтения в Болшеве (2007, 2009 гг.). – Г. Королев: Дом-музей М.И. Цветаевой в Болшеве, 2011. С. 247–288.

1598

Исключением можно считать стихотворение «Тише, хвала!..», написанное 26 января 1926 г. (не учитывая незавершенные).

1599

По завещанию матери деньги в наследство детям, Марине и Анастасии (по 100 тысяч), были положены в банк с условием неприкосновенности до 40-летия наследниц. Во время революции, как писала позднее Цветаева:

«...пропали у меня 100 тысяч, которых я никогда не только в глаза не видала, но и не ощутила своими (сорок лет!), не считая еще 100 тысяч или больше – наследство бабушки, которая умерла в революцию» (СС-7. С. 320–321).

1600

Тескова переслала Булгакову письмо Цветаевой. См. ниже.

1601

А.А. Тескова.

1602

См. коммент. 9 к письму к А.А. Тесковой от 28 ноября 1927 г.

1603

«Новогоднее» (см. т. 3).

1604

«М.И. Цветаевой и ее мужем, при отъезде в Париж, оставлены были у меня на хранение различные „сувениры“, дорогие для них, но не представляющие никакой или

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru почти никакой материальной ценности» (примеч. В.Ф. Булгакова).

1605

Год написания датируется по содержанию.

1606

Вероятно, речь идет о Д.С. Святополк-Мирском. В своем декабрьском письме 1927 г. к Саломее Андрониковой-Гальперн он сообщал, что 19 декабря приезжает в Париж на два-три дня:

«Очень хочу Вас видеть и очень был бы Вам благодарен, если бы Вы могли позвать тоже Марину, которую важно видеть, а ехать в Медон времени не будет. Обещаю не скандалить. Может быть можно у Вас обедать 20-го декабря?» (Davies R., Smith G.S. «D.S. Mirsky: Twenty-Two Letters (1926–1934) to Salomeya Halpern; Seven Letters (1930) to Vera Suvchinskaya (Traill)». – Oxford Slavonic Papers, 1997. P. 102).

Андроникова-Гальперн позвала Цветаеву по просьбе Святополк-Мирского, но встреча, по-видимому, не состоялась. Что касается обещания Святополк-Мирского не скандалить, то здесь речь идет о публикации трагедии «Федра». Цветаева хотела напечатать ее в третьем номере «Верст», а Святополк-Мирский, один из редакторов журнала, возражал против этой публикации (Там же. С. 102). См. также коммент. 10 к письму к Б.Л. Пастернаку от 15 июля 1927 г.

1607

Розалия Исидоровна Пастернак.

1608

Стихотворение Рильке «Элегия», посвященное Цветаевой, к сборнику «Дуинезские элегии», вышедшему в 1923 г., отношения не имеет.

1609

Цветаева имеет в виду то место в письме Рильке к ней от 3 мая 1926 г., где он писал:

«...Вы знаете, что уже более 26 лет (с того времени, как я был в Москве) я причисляю отца Бориса, Леонида Осиповича Пастернака, к своим верным друзьям. Этой зимой (в самом ее начале) после долгого-долгого перерыва я получил от него письмо из Берлина и ответил ему, глубоко радуясь что мы снова нашли друг друга. Но уже до известия от Леонида Осиповича (выделено Рильке. – Сост.) я знал, что его сын стал значительным и сильным поэтом...» (Небесная арка. С. 50).

1610

Дочь Л.О. и Р. И. Пастернак, Жозефина. Ее новорожденной дочке Цветаева прислала кусок шелковой голубой материи.

1611

А.И. Андреева.

1612

Годичное общее собрание членов Комитета помощи русским писателям и ученым состоялось 24 ноября 1927 г. в помещении парижского Земгора (33, Rue de Prony, 17-е).

1613

Речь идет о готовящемся благотворительном новогоднем писательском вечере 13 января 1928 г., который ежегодно устраивался в пользу Комитета в отеле «Лютеция». Предполагалась постановка спектакля «Неожиданный конь, или Чудовищная Мамка» с участием А.И. Куприна, Б.К. Зайцева, А. Яблоновского.

1614

Организованный в Вашингтоне Фонд помощи литераторам и ученым (председатель – С. М. Животовский) помогал некоторым писателям, жившим во Франции (по ходатайству парижского Комитета).

1615

Фаина Осиповна Ельяшевич (1877–1941) – член бюро Комитета.

1616

К письму было приложено письмо Али, написано на открытке с видом на медонскую улицу, где жила Цветаева (авеню Жанны д'Арк):

Дорогая Анна Антоновна!

Поздравляю вас, Вашу маму и сестру с наступившим Рождеством и наступающим Новым Годом и желаю Вам больше того, что принято желать.

Простите, что пишу Вам карандашом, но я больна (ангина) и сижу в постели, очень недовольная, потому что болезни всегда приходят в самое неурочное время. Сейчас болезнь пришла на самые праздники.

Очень прошу Вас, милая Анна Антоновна, похранить наши вещи, за которыми не зашел Сувчинский, до поры до времени, так как, наверное, скоро будут новые оказии.

Целую Вас крепко и поздравляю еще раз.

Ваша Аля

P.S. Первый дом направо на открытке – наш.

(Письма к Анне Тесковой 2009. С. 103).:

1617

Письмо написано на открытке с видом медонского леса.

1618

См. коммент. 3 к письму к Андрониковой-Гальперн от 15 сентября 1927 г.

1619

По свидетельству В.Ф. Булгакова, обещанных книг он не получил (Письма Валентину Булгакову. С. 65).

1620

Иов – святой праведник, отличался терпеливостью, смирением. По библейскому преданию был заражен сатаной проказой. Болезнь лишила его права пребывания в городе, он должен был удалиться за его пределы и там, скоблил струпья на своем теле черепком. Все отвернулись от него. Но он не роптал, не жаловался на свои страдания. За свое терпение был вознагражден Богом исцелением.

1621

...2 миллиона трупов. – Возможно, Цветаева под этой цифрой имеет в виду потери мужского населения в Первую мировую войну (около 1 300 000 убитых солдат и 800 000 тяжелораненых).

1622

Перекличка с Рильке... и т.д. – Имеется в виду эпизод из романа Рильке «Заметки Мальте-Лауридс Бригге», когда герой попадает в старинную парижскую больницу в 13-м районе и дожидается своей очереди на прием:

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

«Были тут повязки что-то скрывавшие, были и такие, что ясно указывали на то, что находится под ними. Некоторые уже заранее разбинтовали свою перевязку и у них среди тряпья, словно в грязной кровати, покоилась то рука, уже не похожая на руку, а то вдруг выдвигалась громадная, словно целый человек, забинтованная нога...» и т.д. (Рильке Р.М. «Заметки Мальте-Лауридс Бригге» М.: Книгоиздательство К.Ф. Некрасова, 1913. С. 65. Пер. Л. Горбуновой).

1623

Рильке умер от рака крови (белокровия).

1624

Письмо написано на рождественской открытке с изображением домика в заснеженном лесу. ...твой дом. – С.Д. Мейн жила в собственном доме в Тарусе.

1625

Валентина Константиновна Генерозова (в замуж. Зарембо и Перегудова; 1892–1967), гимназическая подруга М. Цветаевой по пансиону В.П. фон Дервиз. См. о ней: Письма 1905–1923.

1626

Варвара Вениаминовна Изачик (1889–1972) – дочь тарусского судебного следователя, подруга М. Цветаевой по Тарусе и ее старшая соученица по гимназиям В.П. фон Дервиз и А.С. Алферовой.

1627

Нина Корнелиевна Виноградова (в замуж. Топольницкая; 1890–1979) – близкая подруга М. Цветаевой в 1907–1910 гг., адресат ее стихотворений «Как простор наших горестных нив...» (сообщено А.И. Цветаевой), «Нине» и «„Прости“ Нине»; в 1918–1920 гг. – сотрудник Румянцевского музея, позднее оперная певица; сестра писателя А.К. Виноградова (1888–1946).

1628

Лидия Александровна Тамбурер (урожд. Гаврино; правильно: 1870–1930) – см. о ней: Письма 1905–1923.

1629

Елена Адамовна Гедвилло – преподаватель французского языка в гимназии М.Г. Брюхоненко, где М. Цветаева обучалась в 1908–1911 гг. (с 6-го по 8-й, неоконченный, класс). Подробнее о ней см. наш коммент. к письму М. Цветаевой Ж. Шюzeвилю 1930 г.: Звезда. 1992. № 10. С. 37–38.

1630

Анна Самойловна Калин (1896–1984) – одноклассница и подруга А. Цветаевой по гимназии В.В. Потоцкой. Ей посвящены стихи М. Цветаевой «Эльфочка в зале» и «Акварель» (акrostих). Последний раз М. Цветаева виделась с ней в Лондоне в 1926 г.

1631

Автобиография упоминается также в недатированных письмах 15–08 и 16–08 (см.: Письма 1905–1923).

1632

Владимир Оттонович Нилендер – см.: Письма 1905–1923.

1633

Эти строки из пьесы Э. Ростана «Принцесса Грёза» М. Цветаева поставила эпитафией

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru к разделу «Детство» в «Вечернем альбоме». В поэтическом переводе Т.Л. Щепкиной-Куперник они звучат так:

Но счастлив тот, кто чуждый брег покинет,
Пока еще он полон новизны.
(Ростан Э. Пьесы. Пер. с фр. Т. Щепкиной-Куперник. М.: Правда, 1983. С. 192).

1634
Ср.:

«...мы купили темно-синий кожаный альбом (собственно, книжку) с золотым обрезом, назвали ее „Вечерний альбом“ и записали в нее все, что помнилось о том нашем вечере из сказанного – им [Нилендером] или нами. И из наших слов после него. Блаженное занятие! Альбом мы надписали ему. Туда же мы вписали новые Маринины стихи: „Сестры“ („Им ночью те же страны снились...“» (Цветаева А. Воспоминания. Т. 1. С. 507).

Книга стихов «Вечерний альбом» вышла в 1910 г.

1635
Наполеон II – см.: Письма 1905–1923.

1636
Мария Константиновна Башкирцева – см.: Письма 1905–1923.

1637
Речь идет о литографии французского художника и драматурга Мишеля Деларпорта (Delaporte; 1806–1872), на которой Наполеона II изображен юношей в полурост. Внизу имеется подпись: «...Les destins et les flots sont changeants» («Судьбы и волны изменчивы») – цитата из стихотворения Пьера Жана Беранже (Béranger; 1780–1857) «Le Dieu des bonnes gens» («Бог добрых людей»). В переводе цитаты у А.И. Цветаевой слово «волны» заменено на «цветы», но кем и когда была изменена эта цитата, сказать трудно (возможно, это ошибка прочтения или копирования М.И. Кузнецовой – «fleurs» вместо «flots»), вряд ли данная ошибка содержалась в оригинале письма М. Цветаевой.

1638
Имеется в виду репродукция картины французского художника Поля Эмиля Шабаса (Chabas; 1869–1937) «Au Crépuscule» («В сумерках»), находящейся в Люксембургском музее в Париже. М. Цветаева написала на эту картину стихотворение «В сумерках» («Вечерний альбом») с посвящением К. Макаренко.

1639
Клавдия Макаренко (1894–?) – тарусская подруга сестер М. и А. Цветаевых с лета 1909 г. См. предыд. примеч.

1640
Андрей Иванович Цветаев – старший брат М. и А. Цветаевых. См. о нем Письма 1905–1923.

1641
Бернар Сара – см. о ней: Письма 1905–1923. Очевидно, что примечание А.И. Цветаевой о знаменитой актрисе предназначалось не А.С. Эфрон и Б.Л. Пастернаку, которые в нем не нуждались, а тем, кто перлюстрировал лагерную переписку и мог усмотреть в этом имени нечто подозрительное.

1642
Эллис – см. о нем: Письма 1905–1923.

Марина Цветаева. Письма 1924–1927. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

1643

Вероятное всего, в письме М. Цветаевой название этой песни было написано по-немецки: «Kein Feuer, keine Kohle...». См.: Цветаева А. Воспоминания Т. 1. С. 510, 787; Т. 2. С. 660.

1644

Стихотворение вошло в книгу М. Цветаевой «Вечерний альбом», посвящено героине повести Лидии Алексеевны Чарской (1875–1937) «Княжна Джаваха»

1645

Валерия Ивановна Цветаева – старшая сестра М. и А. Цветаевых. См. о ней Письма 1905–1923.

1646

Цветаева вступала в члены Дворца искусств, чтобы получать дешевый паек. Дворец искусств был организован Наркомпросом и объединял деятелей литературы и искусства с целью улучшения их труда и быта.

1647

Копылова Любовь Федоровна (1885–1936) – поэтесса, прозаик, по профессии педагог. Член Дворца искусств.

1648

Сборник «Ремесло» только что вышел в берлинском издательстве «Геликон».

1649

С.М. Волконский и М.С. Цетлина – См. письма к ним (письма 1905–1923).

1650

Для «Царь-Девушки» (Пг; Берлин, изд-во «Эпоха», 1922) Чирикова выполнила обложку и графические украшения.

1651 Геликон – издатель А.Г. Вишняк. См. письма к нему (письма 1905–1923).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!